Вл. Горький

РУССКАЯ КОЧЕРГА

или
Трагикомедии смутного времени,
когда курс доллара сменил курс партии

(Мениппея-библия XXI века)

© 2017

Для детей старшего прижизненного возраста!

ГЛАВНЫЕ ГЕРОИ

Покер, или **Русская Кочерга**
Сука-судьба
Дворовые дети

ОСНОВНЫЕ ГЕРОИ

Кулемзин Владимир Альбионыч, писатель,
потомственный марсианин
Полтавцев Сергей Афанасьич, сторож-охранник
Батыршин Талгат Салихдзяныч, военный человек
Курманбаев Нуртай Мусаич, педагог

ГЕРОИ НА ПОДХВАТЕ

Муравлёв Валерий Николаич, художник
Калима, владелица магазина
Танкист и Одиссей, бомжи

АНТИГЕРОИ

Глав-Бух, сосед-пьяница
Галлюцинация, соседка-пьяница
омуртай, сосед Кулемзина

ОСТАЛЬНЫЕ ГЕРОИ

Остальные герои

Котати...

Невольные описки автора прошу считать
креативной читательской доработкой текста!

Часть I.
Утро

У глупости нет конца.
Ошо

Глава 1. ВСЁ НАЧИНАЕТСЯ УТРОМ

Коротка летняя ночь. Серые нити грядущего дня уже начали опутывать лиловый купол на востоке за крышами, однако это было ещё не утро, а только слабый намёк на него. Город Отцеябловск, до недавних пор столица Республики Саксаулия, теперь потерявший свой высокий статус, пока ещё дремал жадно и зыбко, как солдат в окопе. Люди спали тревожным и сладким сном, пластаясь по своим кроватям, судорожно, как любимых, тискали мокрые подушки и круче вворачивались в коконы простыней. В небе таяли последние звёзды, похожие на блевотные плевки – истекала ночь, неслышно густел свет, приносящий очередной патологоанатомический рассвет.

И всё же утром, как это уже бывало не раз, всё встало на свои места: забылись вчерашние обиды, не такими страшными виделись свои собственные проступки. Казалось, что ночью над городом прошёлся огромный незримый рубанок, состругав с человеческой совести очередной слой, и обнажив такие грехи, о которых люди сами и не вспоминали. И, наверное, не стоило бы им утешаться, что каждый из них пальцем за свою жизнь никого не тронул, ведь каждая нанесённая кому-то обида – это чьи-то мёртвые нервные клетки.

За окном расцветал сочный, как апельсин, день. Над битумными жирно-чёрными крышами небо постепенно окрашивалось розовым, однако домá всё ещё хранили серый ночной оттенок. На бесконечную летнюю вахту вновь заступал день – угрюмо-мрачноватый, как работяга, которому после вчерашнего бодуна приходится тащиться на работу.

Рассуждает теоретик
о безделье развитом:
«День сегодняшний отметим
мы ударным нетрудом!»

Приятную летнюю истому неожиданно нарушил грубый звук прозвучавшего будильника. «Не люблю просыпáться от грубых будильников», подумал Альбионыч, «а люблю – от нежных будильниц!». Он открыл глаза, после чего из запредельных пространств, населённых какими-то светоносными серафимами, вернулся на грешную землю, а, вернее, в свою безразмерную кроватку-аэродром. В квартире поутреннему было сумрачно и прохладно, как в подводной лодке, но на душе была такая необыкновенная лёгкость, что хоть вставай и пой псалмы. Прохладный утренний воздух с каждым вздохом, как живая вода, вливался в лёгкие, возвращая писателя к жизни. Жизнь властно стучала ему в виски́. Снаружи, радуясь лету, жизнерадостно чирикали воробьи, пьяные от тепла и солнечного света. А какая-то особо одарённая пичуга от счастья занимающегося утра даже исполнила один из симфонических этюдов 1834 года немецкого композитора Роберта Августовича Шумана.

Проснувшись под птичий хай, Кулемзин привычно поглядел в окно. «Ну что ж, пора узнать, что день грядущий мне готовит», подумал он чьими-то чужими строчками. Окружающий Бермудский Учпучмак пейзаж был серым и тусклым, совершенно не возбуждая мыслей о родине. И всё же было в этом утре какое-то варварское великолепие: небо за окном светилось ярко-голубым, как джинсы вьетнамского производства, а посередине этой голубизны надраенным пятаком весело сверкало солнце, посылая во все стороны свои приятные лучи, согревая немного замёрзшую за ночь жёсткую, словно бы пластмассовую траву. От чего же проснулся наш герой? Во-первых, от противных звуков будильника, и, во-вторых, оттого, что за окном заколосились солнечные лучики, которые вскоре стали косо пронизывать комнату, наполняя пространство лениво пляшущими пылинками.

Отключив ненавистный будильник,
и до кухни добравшись ничком,
открываю с трудом холодильник,
чтобы *трубы* затарить пивком…

Затем через полуприкрытые шторы в комнату ворвался особо наглый и толстый солнечный луч и, как это часто бывает, осветил не только стены, но и мысли нашего героя, которые начали виться в голове, словно полярная вьюга. И первой из них стала такая: «Яйчики-бабайчики, жизнь на Земле – дорогое удовольствие, зато в комплект включён ежедневный бесплатный круиз вокруг Солнца». Этот луч света пробудил воспоминание о его вчерашнем научном открытии, которое заключалось в том, что писатель, возомнив себя учёным, придумал, кроме четырёх уже известных человечеству стихий, пятую, которую назвал просто Свет.

Осознал, пиша стихи я,
что учёный я крутой:
Свет наш – пятая стихия
(кроме Тьмы – уже шестой!)…

Он всё ещё находился под впечатлением приснившегося ему под утро сна, и, хотя подробности сновидения уже улетучились из памяти, на душе́ остался какой-то неясный осадок. Вчерашний день казался листом бумаги, разорванным в клочья. Надо сказать, что никогда никакая идея не посещала Володю во сне. Из этого, конечно, не следовало, что ему было далеко до отечественного Менделеева, изоб-

ретшего во сне водку, а людям сказавшему, что какую-то таблицу, или импортного Томаса Самуэлевича Эдисона, который после своих вещих снов получил аж 1093 патента на изобретения! Великим людям живётся намного легче – они знают, что, проснувшись, будут знать решение своей проблемы, которая мучила их перед сном. А простым смертным приходится ломать себе голову, перебирая варианты, – с риском упустить удачную мысль или, наоборот, потратить время, обдумывая совершенно нелепую, как потом окажется, идею.

Ночью я летаю ниже,
как положено в раю,
и во сне судьбу увижу –
может, даже и свою!

«Что наша жизнь? Только пауза между вечностями», подумал Володя, откинув простыню, лёгкую и громадную, как десантный парашют, после чего попытался приподняться с кровати, как морской лев, но это простое действие у него получилось не сразу. Итогом его стал неожиданно открытый нашим героем новый физический закон. Немного помозговав (всё так же лёжа), он наконец сформулировал его, хотя и не был уверен, что таковой когда-нибудь войдёт в учебники физики:

На кровати (особенно по утрам)
гравитация значительно выше,
чем на остальной поверхности Земли!

Затем писатель сел на постель и для начала набрал полную грудь *праны*, смешанной с прохладным утренним воздухом. Полученной порции явно не хватило для того, чтобы омыть измученный вчерашним пивом и сражениями мозг. «Помыться, побриться, поесть», озвучил он для себя нехитрую программу действий, которую тут же и начал выполнять: сунул ноги в тапки, подумав при этом, что в его доме даже эта простая обувь – с активной гражданской позицией: один тапок был *правым*, а второй – *левым*. Кстати, тапочки были единственной вещью в гардеробе нашего героя, в которых он чувствовал себя не только великим писателем, но и настоящим мыслителем.

Как уже отмечалось автором в первом томе «Русской кочерги», Альбиоыч был сибаритом: он частенько мечтал, как в одном прочитанном ещё в детстве французском романе, завести себе слугу, который бы утром при пробуждении докладывал, который час, какая погода на дворе и какое правительство нынче у власти. В голове его сложился пароль для начинающегося дня:

«Над всей Саксаулией безоблачное небо!»

, при этом он неожиданно почувствовал себя словно садовник, который ежедневно выкапывает цветок из земли, чтобы узнать, прижился ли он своими слабыми корешками. Затем марсианин внимательно прослушал последние, бессильные корчи будильника, после чего решил, что так ему (будильнику, а не хозяину) и надо.

Отцеябловск – та столица,
где ишак поёт, как птица!

Глава 2. ВСЁ НАЧИНАЕТСЯ УТРОМ (продолжение)

Здесь надо заметить, что даже утром квартира нашего героя сияла чистотой, как казарма в конце парко-хозяйственного дня. Залогом этого состояния были два немаловажных обстоятельства: природная аккуратность самогó хозяина и усилия одной приходящей женщины по имени Марина (о ней в конце части II), которая один раз в неделю доводила писательское логово до космического блеска.

Пройдя в *главную* комнату, о которой автор подробно рассказал читателям в главах 65-66 первого тома «Русской кочерги», он первым делом уселся на унитаз, который был ему верным и добрым другом вот уже несколько лет. «Не тот ли это стабильный стул», подумал Альбионыч, «о котором так долго и нудно говорила медицинская общественность?»

Воспеть шершавым языком поэта
хочу я недостатки туалета.
Ну что это такое, в самом деле?
До потолка ведь брызги долетели!

Но буквально всё, что ни делал наш герой, было освещено лучезарным сиянием его таланта. Вот и сейчас, совершая своё скромное необходимое утреннее дело, он не отключал голову, как это обычно делают в туалете практически все земляне. Она тоже поднатужилась, как и другой его óрган, и, наконец, родила интересную мысль: «А не заказать ли моему другу Валере Муравлёву ещё одну табличку на свободное место?». Придуманная только что табличка должна была стать вот такой:

Пролетарии всех стран,
подтирайтесь!

Организм писателя без излишних рефлексий освободился от ночного накопившегося, а унитаз, напротив, смиренно принял его долг родине, выпустив из своего бачка маленькую *ниагару*. Правда, при этом Альбионыч придумал забавную мысль: «Пламенный привет тебе, родина, от моих óрганов внутренних дел!». Из туалета наш герой вернулся светлый и печальный, – как случайно попавший поляк из афганского плена.

Известно даже школяру
без неприличных опошлений:
блажен, кто рано поутру
имеет *стул* без принуждений!

Затем, приведя себя в относительный порядок, наш герой внимательно посмотрелся в зеркало. Сразу же пришла мысль, что сегодня он выглядит не так, как вчера, а именно – как-то получше.

Вижу, вижу гения –
славу поколения!

Вид ему понравился, но не до конца: он был несколько измученным, словно Кулемзин проснулся с коликами в животе, глаза были какими-то диковатыми и бле-

стящими, будто писатель накануне кушал коноплю расписными хохломскими ложками, да ещё и пересыпáл её героином, как сахаром. Автоматически отметилась и характерная для любителя пива некоторая помятость лица. «Неужели стойкая, с утра пораньше, *ремиссия*?», подумал он, всё же с удовольствием отметив, что, несмотря на вчерашнее пивное возлияние, сегодня с утра был по-прежнему красивым, как бильярдный стол. «Яйчики-бабайчики, пора бы к тому же становиться и свежим, как баранинка на базаре в Стамбуле», подумалось нашему герою.

«Я прощаю твой ум, душу, тело твоё,
я тебе apriori прощаю
все грехи, всё, что сбудется, всё до краёв!» –
перед зеркалом я обещаю…

Сочинив этот стишок, он для порядка немного посмущался, покраснев ушами. Затем зарево с ушей неожиданно перекинулось на лицо. «Пора бы освежиться холодным оксидом водорода[1]», решил Володя и тут же осуществил это нелёгкое решение, набрав свои ежеутренние два ведра, заметив, что при этом нехитром действии водопроводные трубы загудели низко и печально, как фагот. Здесь надо добавить, что Кулемзин не признавал никаких пробежек по утрам и, тем более, нелепых движений на тренажёрах. Он всегда говорил, что спортом имеет смысл заниматься, только если хочешь быть первым, а в остальном это ерунда и пустая трата времени.

[1] Формула этого замечательного химического соединения знакома каждому с детства: H_2O – прим. автора

Перед выходом взгляд его случайно упал на окно, возле которого он расслабился и принялся наслаждаться скудными красотами ландшафта Бермудского Учпучмака, располагающего, как ему казалось, к философским раздумьям и погружению в околомедитативное состояние. Вид, открывшийся из окна, неожиданно на-помнил ему родной Марс, и в голове сами собой возникли строчки ежеутреннего катрена:

Ьжджъ каадчжшъ уджжаьь!
Лдшчужъ дооь краьшчж фиьшш –
ррудчажаьр нууьдуьжж Аьаьпр!

Он окинул мысленным взором только что сочинённое произведение, и вдруг понял, что написал катрен на марсианском языке, после чего немедленно перевёл его на русский:

Все говорят: безжизнен!
Но я-то знаю: он прекрасен –
родной мой Марс!

После пары минут расслабления Володя, вздохнув, достал из холодильного агрегата пару запотевших от искусственного мороза бутылочек пива «Тянь-Шань». Зачем же они были нужны нашему герою, если он всего лишь собирался, как и каждое утро, облиться холодной водичкой – для поддержания своего организма в состоянии (прости, русский язык!) предикативной трансцендентальности?

Но не будет плоть худá,
коль нутро смеётся!
Пиво – это не вода:
легче в тело льётся!

Дело в том, что в окно писатель заметил две фигуры – это были уже знакомые тебе, читатель, местные друзья-бомжи Танкист и Одиссей, с утра дополняющие скромный ландшафт Бермудского Учпучмака для отдохновения от суеты жизни. Стояли они рядышком друг с другом, и было видно, что как бы наизготовку – для исполнения очередной тюремной баллады. Именно за этот художественный искус Володя и одаривал народных певцов микрорайона № 2 пивком с утра, а потом и ещё – в течение дня. Он относился к ним с некоторым уважением, так как друзья-клошары никогда не воровали, а, напротив, честно зарабатывали на нелёгкую жизнь посильным трудом: во-первых, исполняли *зоновские* песни, коих знали во множестве, и, во-вторых, подносили не боявшимся их женщинам близлежащих домов покупки из магазина Калимы, за что и получали небольшое вознаграждение в несколько назарбаксов. Были бомжи людьми, как называл их Володя, ограниченно образованными. Например, как-то в разговоре с ним они даже сознались, что слышали про периодическую таблицу Менделеева, правда, потом поделили все её элементы на русские и нерусские. В другой раз они на полном серьёзе рассуждали о другой группе элементов – съедобных и несъедобных, причём, к съедобным относили не только кислород, но почему-то и мышьяк.

Хоть и нету документа,
я, друзья, не пустозвон:
съем съедобный элемент я,
несъедобный – плюну вон!

Володя понимал, что эта погоня за едой, всегда нужная и натужная, была следствием их недолгого сидения на зоне, которая только и нужна для того, чтобы сделать человека немного несчастнее, чем он был до отсидки. Вот и сейчас в голове нашего героя что-то со звоном щёлкнуло, будто кто-то невидимый перекинул путевую трамвайную стрелку, и помчались-погнали гончие нейроны памяти туда – в прошлое многострадальной страны, навстречу первому хронотопу в этом томе, но второму в романе[2].

[2] Хронотоп № 1 опубликован в первом томе романа «Русская кочерга», в главе 11 – прим. гл. редактора

Глава 3. МЕЧТА О ХЛЕБОРЕЗКЕ (Хронотоп № 2)

В стране, где сидел каждый 243-й, всё оценивалось по тюремным и лагерным меркам – люди, политика, жизнеустройство вообще. Были *паханы*, державшие зону, были приближённые к паханам козырные *фраера*, были *шестёрки* и *петухи* с местом у параши, была безмозглая *отрицаловка*, и, конечно, были *мужики*, вкалывающие на промзонах.

Так было в лагере, так было и на воле. Причём, вся страна во все времена знала, что главный пахан сидел в Кремле – сначала генеральный секретарь, затем президент. Паханы помельче, вчерашние члены Политбюро, секретари ЦК и обкомов,

назывались теперь губернаторами. Козырные фраера шестерили для них в правительстве, армии, МВД, судах и прокуратурах.

Диссидентствующая отрицаловка сначала спивалась на кухнях, подписывала письма протеста, указывая свои фамилии и домашние адреса, чтобы не создавать лишних трудностей КГБ (б), а затем гордо, с чувством исполненного долга парилась в лагерях. Потом она вышла на площади, недолго поошивалась во власти, но ни к какой деятельности оказалась неспособна, и потому быстро вернулась на кухни, но пила уже не хорошую водку, а *палёнку*.А мужики как пахали, так и продолжали пахать. И во все времена только от самогó человека зависело, сумеет ли он прибиться к лагерной хлеборезке или навсегда, до гробовой доски, останется в мужиках…

Нынче, когда спущены знамёна,
знает каждый третий патриот:
вся страна по лагерным законам
до сих пор и дышит, и живёт!

Глава 4. ВСЁ НАЧИНАЕТСЯ УТРОМ (продолжение продолжения)

Выйдя из подъезда, писатель босыми ступнями ощутил приятную колкость песчаной дорожки, и следом за этим – неописуемую нежность летней травы. Сухой шелест павшей листвы напоминал пятницу в бухгалтерии крупного завода. Правда, несколько удручало то, что практически всё пространство Бермудского Учпучмака было усеяно обрывками рекламных газет, как будто ночью где-то недалеко взорвали типографию. Но Володя знал, что дело обстояло значительно проще: именно так развлекались недоразвитые саксаульские тинейджеры, которым даже полночь представлялась крайне ранним временем для спанья.

Буквально через минуту вода из вёдер маленьким водопадиком упала на его разгорячённый сном организм. Мелкие капельки при этом попали на чьё-то бельё, сушившееся уже с утра и похожее на капитулянтские флаги. Писатель был счастлив, и тихо радовался своему локальному счастью. Надо заметить, что Альбионыч вообще умел быть счастливым: он понимал, что несчастными умеют быть все – тут особого ума не надо, ведь большинство людей чувствуют себя более комфортно, когда в их жизни возникают всякие неприятности и сложности. Для одних это стимул, для других – оправдание, а вот счастливым быть неудобно, неприлично: подумают, что пьяный или просто идиот. И это правильно. Мало кто умеет быть счастливым не от глупости, не от пьяни, а от ума. Потому что надо быть не просто умным, а талантливым, чтобы понимать, какой это чудесный и, в общем-то, случайный подарок – жизнь. Любая жизнь…

Я сегодня очень кроткий,
как винтовка у стрелка́:
счастлив я, но не от водки,
а от светлого пивка!

Он аккуратно поставил пустые ведёрки на место, затем залез в ванну и немного поиграл кранами, чередуя холодную и горячую воду, как бы делая из себя моржа и рака одновременно. Но это была, конечно, не игра, а необходимое утреннее физическое упражнение – единственное за день!

Свеж, аккуратен,
на ощупь приятен!

Выйдя из-под ду́ша, Володя встряхнулся, как собака, и только после этого обтёрся полотенцем, надел штаны и вновь вышел во двор, прихватив из прихожей уже успевшие потечь нездешней слезой заветные бутылочки. Исполнители приветствовали его лёгким поклоном. При внимательном их разглядывании оказалось, что у наших знакомых *аликов* была не одна смена одежды, а, как минимум, две, потому что сегодня Танкист был одет совсем не так, как вчера: на ногах его красовались дырявые кеды, из которых торчали грязные большие пальцы, на кру́пе висели мешковатые, отвисшие на коленях хлопчатобумажные штаны цвета хаки, а вот выше были и вовсе чудеса – на бомже был фрак, манишка, заляпанная кетчупом (а, может, кровью?), и галстук-бабочка. «Неужели сегодня у нас праздник?», подумал Кулемзин. «Неужели я просмотрел в календаре Всемирный день исполнения оперных арий самодеятельными артистами саксаульских домов культуры?». Потом он со свойственной всем великим писателям внимательностью отметил, что Танкист сегодня со своей длинной и нечёсаной бородой был похож на обокраденного апостола.

– А ну, посторонись! – раздался голос слева. Это была неутомимая дворничиха Надежда, с утра занимающаяся тем, что обслуживала подручными средствами кусок планеты Земля, именуемый микрорайоном № 2 города Отцеябловска.

Проснулись дворников стада,
к рукам приделали лопаты
и, жаждой действия объяты,
на скользкий встали путь труда!

Между тем бомжи как-то очень дружно и ладно, но вполголоса (не все ещё жители микрорайона проснулись к началу первой части нашего романа) приступили к исполнению на актуальную тему, причём, перед этим Танкист приосанился, сделал руки замочком – как оперные певцы, и протяжно запел песню тревожной молодости:

– Сижу на нарах, как король на именинах,
и па́йку чёрного мечтаю получить,
гляжу, гляжу в окно, теперь мне всё равно –
решил я факел своей жизни потушить!

При этом он сотворил такую печальную физиономию, что услышанному тексту сразу захотелось верить. Тут же вторым голосом вступил и Одиссей:

– Когда фонарики качаются ночные,
и из ворот гулять выходит чёрный кот,
я из пивной иду, я никого не жду –
я никого уже не в силах полюбить!

Володя, хотя и хорошо знал этот вечный русский *сидельческий* шлягер, всегда немного недоумевал по поводу некоторой нестыковки смысла в первом и втором куплетах, ведь сначала действие песни явно разворачивалось в тюремной камере, а потом неожиданно – на улице, после посещения пивнушки. К тому же ему, как из-

вестному саксаульскому поэту, как-то не очень нравилась рифма *кот-полюбить* – была она какой-то натужной, как кашель первоклассника, не желающего утром идти в школу. Но такие мелочи не смогли испортить ему впечатления от исполнения, и артисты получили законное вознаграждение, которое не задержалось в холодных тарах и минуты. При этом радостном действии они неэстетично и радостно щерились, показывая миру щербатые пасти. На этом Альбионыч посчитал свою активную спонсорскую деятельность завершённой, и тут же поспешил домой, тем более что в приоткрытое по случаю знойного лета окно услышал знакомый звук работающего аппарата.

Это был страшно громкий в утренней тишине треск, как будто кто-то невидимый и беспощадный наступил на тонкий весенний лёд. Писатель тут же сообразил, что внезапно сработал факс, никогда им не отключаемый и, в общем-то, не сильно нужный сейчас – в эпоху Заката Предпринимательской Деятельности. Но, может быть, именно из-за таких вот случайностей он и держал аппарат в полной готовности? Поскрипывая, словно колёса медленно плетущейся арбы, из факса медленными толчками стала появляться сероватая бумага, пока не остановилась. Прочитав содержимое неведомого послания, Володя тут же сообразил, что кто-то про-сто ошибся номером. Поймёшь сейчас это и ты, мой принципиальный читатель – когда прочтёшь короткий творческий отчёт об этом утреннем незатейливом происшествии.

У любви ни правил нет, ни таксы –
страсть не оставляют *на потом*.
Вы признались в чувствах мне по факсу
пылким восемнадцатым шрифтом!
Я бы посчитал признанье спорным –
вряд ли этот способ кем-то люб,
если б не стоял под текстом чёрным
алый отпечаток ваших губ…

Глава 5. ВСЁ НАЧИНАЕТСЯ УТРОМ (ещё одно продолжение продолжения)

Традиционно, после обливания, пришло время горячего ду́ша, который окончательно сделал Володю радостным и чистым, хотя в результате водных процедур он стал косматым, как основоположник Карл Генрихович Маркс. Мокрая после ду́ша душа́ полетела на солнышко – обсыхать.

В голове тонко позванивало. Писатель прислушался, и ему начало казаться, что он узнаёт знакомую мелодию одного из Рихардов: то ли Рихарда Карловича Вагнера, то ли Рихарда Францевича Штрауса – композиторов, которых он не любил не меньше, чем противные заунывные звуки шотландской волынки. После этого он уже окончательно проснулся, включил *вертушку*[3] и поставил на неё виниловый диск из своей коллекции, в результате чего прослушал начало отличного концерта «Názareth» 1976 года «Close Enough For Rock’n’Roll»[4]

[3] Не вертолёт, а проигрыватель – прим. автора

[4] Название этого назаретовского альбома восходит к шутке, хорошо известной среди гитаристов: «It doesn’t matter if your guitar is fully in tune, as long as close enough for rock’n’roll», то есть «Не важно, насколько хорошо настроена твоя гитара, лишь бы она была настроена для рок-н-ролла» – прим. муз. редактора

Спорят полупьяные майоры,
от «Агдама»[5] лбом напряжены:
– «Názareth» – такой еврейский город?
– Вовсе нет, на сцене крикуны!

[5] Советское (б) креплёное вино, производимое из ввозимых ближневосточных виноградных отходов – в обмен на ракетные комплексы С-75 («Десна»). По сути является пакостным сплавом в 20° ненатурального компота и суррогатного спирта – прим. автора

После хорошей музыки у Кулемзина, как это бывало часто, возникли *отвлечённые* мысли. Особенно хорошо ему почему-то думалось на тему времени, а иногда даже и Времени. Вот и сейчас неспешной чередой под его лохматой с утра причёской прошло несколько таких мыслей:

«Время в разном возрасте идёт неодинаково. Именно это утаил мой друг Альберт Германович Эйнштейн в своей теории. Когда-то день был длиною в год, а теперь год проносится как один день! Вот люди и обманываются с са́мой юности. Когда им двадцать, они думают, что впереди ещё три-четыре жизни, похожие на сказки. Но когда человечек опомнится, глядь! – а солнышко уже скрылось за горизонтом, и лишь последние лучи окрашивают сиреневое небо жизни…»

Когда мне было 10 лет,
я думал: что же будет в 20?
Но куплен был велосипед,
и где ж тут было разбираться.
Когда мне было 20 лет,
я думал: что же будет в 30?
Был куплен первый мой жилет,
и я влюбился в проводницу.
Когда мне было 30 лет,
я думал: что же будет в 40?
Мне предложили партбилет,
но понял я, что это морок.
Когда мне было 40 лет,
я думал: как мне жить в полтинник?
Но тут стакан принёс сосед
и сообщил, что именинник.
Когда мне было 50,
я думал: как же так случилось,
что годы скоро улетят,
а жизнь так страшно истончилась?
И понял вдруг: причина в том,
что я и время несовместны.
А если так, то поделом
моей не получилось песни…

За стеной отчётливо слышалась ругань похмельных (или всё ещё пьяных с ночи) своих ужасных соседей – Глав-Буха и Галлюцинации. Среди произносимых ими слов процентов 90 было русского мата, ещё 5 процентов – междометий, но смысл тем не менее угадывался легко: пропитон вопрошал свою подружку, куда она заныкала последнюю бутылку вина «Яблочное», запах которого совершенно не соответствовал его названию. Слова были слышны так отчётливо, словно между писатель-

ской и пропадлючьей квартирами вообще не было стен. Кулемзин немного подумал и назвал это эффектом *мистического социализма*.

«А не послушать ли, что творится в мире?», подумалось нашему герою. «Не осознать ли измученным сном организмом те изменения, что произошли с нашей планетой за последние часы?». Он включил радио, несколько минут внимал приятному голосу дикторши, после чего лёгкий, словно утренний ветерок, бес поэзии овладел писателем – в его голове родился стишок, который Альбионыч немедленно назвал так:

Спокойный день

Какой сегодня день пустой –
всё так спокойно в мире:
в Гаити был убит больной,
а в Минске – гад в сортире,
над Миннесотой – ураган,
в Японии – цунами,
в Осетии пропал баран –
упущен чабанами,
в Техас попал метеорит,
сошла с ума Корея,
на «Формуле» разбит болид,
в Тунисе – гонорея,
Америка – вообще отстой:
там рушатся квартиры.
Какой сегодня день пустой –
всё так спокойно в мире!

Но здесь он заметил, что компьютерная мышка, о приключениях которой автор уже рассказал тебе, читатель, в главе 248 первого тома «Русской кочерги», стала немного заедать – курсор на экране монитора дёргался, как поплавок, а колёсико для быстрого пролистывания страничек, называемое красивым иностранным словом *скролл*, стопорилось на каждом листе. Разумеется, писатель не расстроился: как человек запасливый, он заранее купил несколько этих нехитрых девайсов, и сейчас вытащил из стола такую же запасную мышку.

Она оказалась китайского производства, и даже с инструкцией на английском языке: «Execute the installer by tray icon and insert windows binaries or another or with custom mouse driver support in current boot drive!». Володя прочёл эту надпись на бумажке с китайским логотипом, похожим на недостроенный домик, после чего непроизвольно улыбнулся, но не логотипу, а тому, как поймёт этот в общем-то немудрёный текст *чайник*, только что взявшийся учить английский язык. Скорее всего, он не будет разбирать его по словам, а просто впихнёт в гугловский переводчик, где и получит (дословно) вот такую инструкцию: «Казните монтажника изображением подноса и вставьте наборы из двух предметов окон госпожи или другой рот с таможенной поддержкой водителя мыши в текущем двигателе ботинка»! После чего, строго следуя интернетовскому переводу, Альбионыч быстро заменил мышку. Процесс пошёл!

Разобраться со стаканом
и заначку шифровать –

интернет поможет знать нам
то, что невозможно знать!

После замены такого нужного для работы девайса на ум писателю, а в данном случае поэту, тотчас пришли слова́ уже второго за сегодня ежеутреннего хокку, на этот раз на чистом русском языке:

Как печален мир!
Между двумя ночами
всего один день…

Володя записал хокку, а потом (для утренней разминки мозгов) решил немного поизучать буквы, расположенные на клавиатуре – он давно приглядывался к ним, так как заметил, что все они разные! Изучение принесло свои плоды: писатель обнаружил, что буквы были маленькие и большие, русские и латинские, красивые и не очень. Тогда, чтобы начавшийся день запомнился как *креативный*, он придумал, что

буква **b** – это буква **I** в положении;
буква **I** – это буква **O** на диете:
буква **W** – это сиамские близнецы **V** и **V**;
буква **N** – это буква **Z** мордой об землю;
буква **Ь –** это потерявшая голову буква **B;**
буква **B** – это **I** и **З** на свидании;
а буква **Q** – это муж буквы **O**.

Затем в его неутомимую голову пришла ещё одна мысль, и писатель, так же, как и вчера, начал свой творческий день с нехитрой литературной пародии:

«– Ёперный сэр, – наклонил голову Бэрримор, – к вам эксперт, который поможет нам избавиться от зловещей собаки Баскервилей!

Сэр Генри с удивлением и даже некоторой опаской посмотрел на заросшего бородой двухметрового верзилу.

– Мать честна́я, я несколько иначе представлял вас, мистер Холмс!

– Сэр, – снова наклонил голову дворецкий, – это не мистер Холмс, это мистер Герасим из России. По отзывам, очень опытный эксперт по собакам!»

По случаю летнего времени многие окна в доме писателя и других окрестных домах были распахнуты настежь, из некоторых окон постоянно доносились какие-то звуки. Поэтому писатель нисколько не удивился тому, что в его приоткрытое окно вдруг ворвался страшный звук – по диагонали от него и чуть правее и выше было окно неутомимой соседки писателя Ангелины Ивановны, большой любительницы различных радиопрограмм (о ней подробно автор уже рассказывал в первом томе «Русской кочерги» – в главах 103 и 104). Вот и сейчас она включила свой аппарат на всю катушку, несмотря на то, что не все ещё жильцы отправились на рабочие места.

Утро красит нежным цветом
стены древнего Кремля.
Просыпается с рассветом
вся Россия с криком: «Бля!..»

Глава 6. НОВОСТИ САКСАУЛЬСКИЕ И СОСЕДСКИЕ

«Яйчики-бабайчики», подумал писатель, «а не послушать ли мне новости – родной Саксаулии и её ближайших соседей? А то как, задаю я вопрос неугомонной Суке-судьбе, буду сегодня соответствовать наступающей на пятки действительности?!». Он приоткрыл уши и стал внимательно анализировать эфирные события, хотя и подумал при этом, что радио наверняка изобрели большевики: пока его слушаешь, невозможно думать ни о чём.

«В эфире «Радио Азия Минус» – новости нашей республики. В Отцеябловске прошёл съезд саксаульских изобретателей. На суд интересующихся были выставлены следующие изобретения: парашют, автоматически раскрывающийся от удара об землю; чай в непромокаемых пакетиках; фонарик на солнечных батарейках; инвалидное кресло с педальным управлением; зарядное устройство, работающее на батарейках; вентилятор, работающий от ветра, и пожаробезопасные спички»

«Отцеябловский акимат провёл общегородской конкурс «А ну-ка, девушки!». Первое место заняла продавец пивного отдела ресторана «Родимчик» Сауле Сак-саулова, которая на вопрос ведущего о своей любимой профессии ответила: «Пою мое отечество, республику мою!»

«В мире компьютерных игр. Наконец-то вышел долгожданный «Doom.saks» – наша родная саксаульская версия. Никаких тебе лабиринтов – голая степь!»

В страхе разбегаются бараны,
чтоб не обзывали их простым овно́м:
прыгают сайгаки по экрану,
а за ними – саксаулец с гарпуно́м!

«Новости банковского дела. Отцеябловский банк «Деньги ваши – будут наши» проводит праздничную акцию: «Открой вклад и прими участие в розыгрыше на право через год получить его обратно»!

«Новая тревожная новость поступила из правительства нашей страны. Говорят, что в связи с мировым кризисом скоро все банки Саксаулии соединят в один объединённый банк, или сокращённо «ОбъеБанк». Вторая версия этой новости такова: может возникнуть Национальный единый банк, или сокращённо «НаеБанк».

«А теперь новости отечественной науки. Новое средство от депрессии изобрели саксаульские фармакологи. Для поднятия общего тонуса теперь будет достаточно три раза в день перед едой принимать по одному зелёному горошку и запивать его 100 граммами коньяка»

«Согласно последним исследованиям саксаульских медиков, курение, неумеренное употребление алкоголя, переедание и неподвижный образ жизни резко сокращают продолжительность жизни нашего народа. Одновременно выяснено, что пробежки по утрам, употребление здоровой пищи и отказ от вредных привычек могут существенно продлить наше жалкое существование»

«Саксаульские ботаники обнаружили редкий вид конопли и по ошибке приняли его за… А, нет, извините, просто по ошибке приняли его!»

Конопля дана на радость
тем, кто без неё не рад,
тем, кому не нужен градус,
чтоб быстрей свалиться в ад!

«А сейчас – «Полевая почта «Радио Азия Минус». Вслед за американцами саксаульские военные стали дрессировать так называемых *боевых дельфинов*, которые, однако, оказались гораздо умнее заморских. Выяснилось, что наши млекопитающие первого года службы уже умеют не только находить подводные мины, но и чистить картошку, а также считать дни до приказа!»

Здесь неутомимая Ангелина Ивановна, устав слушать отечественное радио, стала крутить ручку настройки и тут же наткнулась на российскую станцию «Европа Плюс», в противовес которой, кстати, и была недавно создана саксаульская станция «Азия Минус». Надо сказать, что отличительной особенностью «Европы Плюс» были трансляции безумных шлягеров для недоразвитых дегенератов. Для начала из окна прозвучала песня уже начинающей выходить в тираж российской певицы Натальи Ветлицкой:

«К северу лицом –
сердцем на восток…»

Володя прислушался, потом покрутил пальцами, что-то вычисляя, немного покрутился в разные стороны света и, наконец, произнёс:

– Что же у неё, сердце справа? Яйчики-бабайчики, кажется, понял, наверное, у этой странной Наташи лицо сзади!

Затем прозвучало нечто от одного из главных пидоров России – противного Бори Моисеева с его не менее противным голосом. Удивительно было то, что в паре с ним пела уже окончательно вышедшая в тираж Людмила Гурченко, считающая себя не только великой актрисой, но также и гениальной певицей. Пели они какую-то запутанную географическую историю про Ленинград, постепенно переходящий в Петербург, и обратно.

Человек обычно слаб –
тратит доллары на баб.
А наш Боря не таков –
тратит их на мужиков!

Затем усилиями неугомонной Ангелины Ивановны эта радиостанция неожиданно сменилась на «Радио Ретро», которая, чтобы полностью соответствовать названию, занималась тем, что гоняла старые мелодии для окончательно свихнувшихся советских (б) пенсионеров. Вот и сейчас, не найдя ничего лучшего, радиостанция предложила вниманию Альбионыча изрядно подвявший «Миллион алых роз». В гениальной голове писателя тут же возник экспромт, которым он не преминул через окно поделиться со своими друзьями-клошарами:

– В зале публика кричала:
«Спой нам, Аллочка, на бис!»,
а певица отвечала:
«Ну-ка, зритель, отъе…ись!»

Здесь писатель заметил, что бомж Одиссей, тоже усердно слушавший старый шлягер, тут же начал отстукивать знакомую мелодию ногой, подняв при этом фонтанчик пыли. Прослушав экспромт, он с надеждой спросил поэта:

– Отцепись?

– Нет, старичок, – ответил Володя, – здесь рифма ещё оригинальнее:

…не приставай, пожалуйста!»

А Пугачёва, как и четверть века назад, пела о том, как некий парень, до смерти влюбившийся в заезжую красотку, взял да и в одночасье продал всё свое имущество – и дом, и кое-какие художественные ценности, а на вырученные деньги накупил цветов исключительно красного цвета, что должно было говорить о его страстной любви. Правда, цветов оказалось так много, что ими пришлось завалить всю площадь перед гостиницей, где остановилась песенная красотка. К сожалению, в песне не говорилось, как она отнеслась к такому объяснению, но известно только, что наутро она поспешила покинуть и этот город, и этого странного типа в задрипанных штанах! А всё почему? Да потому, что этот придурок подарил ей миллион алых роз – число, как известно, чётное, которое дарят только покойникам!

Поступлю, как лох отважный,
как пристало кустарю:
миллион цветов бумажных
нелюбимой подарю!

Затем писатель невнимательно послушал ещё пару песен: француженки Патрисии Каас, которая славилась тем, что занималась поп-музыкой для успокоения женских комплексов, и советско-еврейско-американского певца Вилли Токарева, который в своём шлягере ещё в XX веке прокричал, что он маленький такой, хотя, представляя его брюхо, в услышанное как-то не верилось.

А закончился этот концерт совершенно неожиданно: Ангелина Ивановна наконец-то выключила радио, но эстафету неугомонного аппарата подхватил Танкист, исполнив специально для Альбионыча старый тюремный хит, который начинался проникновенными строками:

– Вышел я на свободу
корешей повидать,
и уйду в непогоду
всех ментов убивать!

Глава 7. НЕОСПОРИМЫЕ ЦИТАТЫ

Здесь наш герой неожиданно вспомнил, что, как и вчера[6], во сне у него случился очередной спор с его вечным оппонентом – *дедушкой*[7], только на этот раз с самим Яхве, вооружённым толстой книгой, на обложке которой было крупно написано какое-то слово на неведомом языке: TALMUD

[6] См. «Русская кочерга», том I, гл. 47
[7] Так автор называет того, кого не совсем здоровые люди называют богом – прим. гл. редактора

Дедушка, видимо, помнил, что во вчерашнем сновиденческом споре проиграл Альбионычу, поэтому заранее вооружился первоисточниками. Он потряс толстой

книжкой и начал научную дискуссию, правда, каким-то не слишком неуверенным голосом:

– Сегодня человек здесь, а завтра в могиле.

Кулемзин догадался, что старичок процитировал именно захваченный в сон фолиант – размером чуть поменьше, чем первый том «Русской кочерги». Теперь писателю не оставалось ничего другого, как в ответ процитировать другую книгу, а именно евангелие от Владимира:

– Я прожил на земле пятьдесят лет, чтобы убедиться в том, что предыдущие сорок девять были ошибкой!

– Но в талмуде написано, – возразил Яхве, – что «Господь презирает того, кто говорит одно, а думает совсем другое».

– Нехилый трюизм, – оценил Володя. – Правда, в моей книге говорится несколько другое: «Мы спим, вытянув ноги, свободные от правды и свободные от неправды».

– «Тот, кто совершает преступление, – преступник», – выдал очередную талмудистику *дедушка*, – «даже если он в то же самое время и верующий».

– Яйчики-бабайчики, хорошо сказано, – похвалил марсианин. – А вот в евангелии от Владимира сказано ещё лучше: «Совершенный человек не оставляет за собой следов».

– М-м-да, – задумался Яхве, а потом подкинул еще одну цитатку:

– «Беспокойство убивает даже самых сильных».

Помни до плиты могильной:
«Будь спокоен – станешь сильным!»

– «Хорошая подготовка – это ещё не знание, а знание – это ещё не сила», – возразил Володя. – «Но соедините хорошую подготовку и знание, и получится сила».

– «Досужая болтовня ведёт к греху», – наставительно произнёс *дедушка* и, видимо, вспомнив, откуда цитата, вновь потряс талмудом.

– «Дважды подумай и помолчи», – процитировал свою книгу писатель.

Теперь подача перешла к старенькому творцу.

– «Даже вор молит бога, чтобы тот ниспослал ему удачу», – изрёк он.

– «Не пытайся уложить человека острым словом», – отозвался Альбионыч. – «Оно может стать оружием против тебя самого́».

– «Молчание хорошо для людей учёных», – не успокаивался Яхве. – «А для глупцов – ещё лучше…», ёкарный атеист!

– «Учись убивать взглядом», – посоветовал Кулемзин. – «Это оружие подчас надёжнее, чем ру́ки».

Дедушка не заставил себя ждать, хотя и было видно, что реакция его с каждой володиной цитатой становится медленнее:

– «Человек рождается со стиснутыми руками. Он надеется завладеть всем миром, но умирает с пустыми руками и ничего не берёт с собой…».

– Яйчики-бабайчики, чтобы прекратить этот бессмысленный спор, предлагаю остановиться на последней цитате из моей смешной книжки, а именно:

«Ничего не надо делать:
весна придёт сама,
и персик расцветёт сам …»

Правда, он не стал говорить и без того *всеведущему*, что хокку принадлежит не ему, а большому другу Володи, самому мудрому человеку на Земле – Ошо.

После чего знатный атеист окончательно проснулся, и тут, словно в продолжение своего сна, увидел валяющуюся у его кровати книжку, которую изредка почитывал перед сном – для зарядки своих атеистических аккумуляторов.

Глава 8. НЕЛЕПОСТИ ИЗ ВСЕМ ИЗВЕСТНОЙ КНИЖКИ

Читатель уже, конечно, догадался, что это была библия. Читал её Володя не с начала до конца, а открывая на случайной странице – как *дедушка* на душу положит. И всегда удивлялся, что именно на этой странице находил или какие-то нелепые забавности, или откровенные сцены из голливудских триллеров-ужастиков. Вот и сейчас он обнаружил отрывок, благодаря которому точно узнал, что библию всё-таки написали некие люди, а не была она продиктована так называемым всевышним. Иначе мог ли *дедушка* всеведущий и всемогущий так позорно ошибаться? Кстати, о всеведении и всемогуществе этого сказочного персонажа лучше всех сказал большой друг Альбионыча – бывший советский, а ныне великий израильский поэт и писатель Игорь Губерман в своём гениальном *гарике*:

Всеведущ, всемогущ и вездесущ,
окутан голубыми небесами,
глядит господь на нас из райских кущ
и думает: «Разъёбывайтесь сами!»

Но – вернёмся к библии. Речь в данном случае шла о Книге притчей Соломоновых. Кулемзин, прорабатывая её на подсознательном уровне, нашёл в ней главу шестую, а в ней так называемые *стихи* с 6:16 по 6:19, хотя эти строки, опрометчиво названные еврейскими авторами стихами, по уровню рифмовки не тянули даже на песни Кати Лель типа муси-пуси или джага-джага. Отысканные им псевдости-хи вкупе имели подзаголовок «Предостережение от семи грехов».

«Интересно, о каких грехах идёт речь?», подумал писатель, после чего приступил к изучению. Итак:

«Вот шесть, что ненавидит Господь («Слушайте, это ведь уже некоторое разночтение с подзаголовком!»), даже семь («Ага, всё-таки приводит неизвестный автор строчку к общему знаменателю!»), что мерзость душе Его:

Глаза гордые («Начинаем считать: раз!»), язык лживый («Два!»), и руки, проливающие кровь невинную («Три!»),

Сердце, кующее злые замыслы («Четыре!»), ноги, быстро бегущие к злодейству («Пять!»),

Лжесвидетель, наговаривающий ложь и сеющий раздор между братьями («А вот и шесть!»)

«Вот тебе раз!», расстроился внимательный изучатель. «Яйчики-бабайчики, ну точно же шесть! Что же делать, как неоднократно спрашивал у русского народа некий Николай Гаврилович[8]. Как помочь так называемой книге книг и её неразумным читателям?»

[8] Писатель Чернышевский и его роман «Что делать, если мировой кризис всё же наступил?» – прим. лит. редактора

Он подумал несколько секунд, после чего сразу пришло решение: «А давайте договоримся, что упомянутых лжесвидетелей всё же было два: один наговаривающий ложь, а другой – сеющий раздор между братьями. Или ещё лучше придумка: руки – это не один грех, а два, ведь и у человека, если он не инвалид Первой мировой войны, рук тоже две! Вот теперь, слава *дедушке*, действительно получается семь! А то просто как-то неудобно за необразованных батюшек, коим придётся сильно краснеть, если какая-нибудь особо настырная прихожанка будет допытываться об истинном числе особо ненавистных *дедушке* грехов…».

Моих грехов не сосчитать!
Но все они ведут в кровать…

Утренняя забава так увлекла нашего героя, что он наобум открыл книгу где-то в середине. На этот раз ему попался настоящий триллер – готовый сценарий к блокбастеру-ужастику. Внимательно изучив и эти страницы, писатель по давешней писательской привычке тут же озаглавил блокбастер «Преступление и наказание», хотя смутно помнил, что такое название уже где-то встречалось в мировой литературе[9].

[9] Что-то не припомню я такого произведения, хотя прочёл за свою жизнь не одну тысячу книг! – прим. лит. редактора

Он понимал, что не только отрывок-триллер, но и вся книга была написана для евреев, но вот почему она так полюбилась русским и другим славянским христианам, этого решительно не понимал. Хотя, может быть, потому что именно в этом отрывке говорилось о любви *дедушки* к человеку? Впрочем, судить тебе, мой читатель! Итак, Ветхий завет, а именно Четвёртая книга царств. Вот только короткая цитата из этого поучительного повествования:

«И пошёл он[10] оттуда в Вефиль. Когда он шёл доро́гою, малые дети вышли из города и насмехались над ним, и говорили ему: иди, плешивый! иди, плешивый!

Он оглянулся и увидел их, и проклял их именем Господним. И вышли две медведицы из леса и растерзали из них сорок два ребёнка».

[10] Елисей, пророк из Галгала – прим. автора

Если бы Кулемзин служил лектором в Саксаульском обществе «Знание» и выступал перед интересующимися подобной бредятиной слушателями, то он, наверное, начал бы свою лекцию так:

– О чём говорит этот отрывок, дорогие друзья? Яйчики-бабайчики, сами видите, он короток – всего четыре строки, но как много смысла вложил в него неизвестный библейский автор! Во-первых, он говорит о том, что пророк, несомненно, был не последний парень из когорты *дедушкиных* любимчиков, ведь кого попало пророком не назначат. Во-вторых, о том, что ему от *дедушки* были даны такие силы, какие не у каждой саксаульской Ванги найдутся (по́мните: увидел и проклял?). В-третьих, о том говорят эти волшебные строки, что именно здесь было явлено огромное человеколюбие так называемого господа: так как Елисей проклял детей именно его именем, а не чьим-то другим, то на растерзание пошли всего каких-то 42 ребёнка, а не, скажем, 56! И, в-четвёртых, как всё-таки поучительно рассказано (прямо-таки инструкция по применению), как именно нужно расправляться с ма-

лолетними негодяями, непочтительно относящимся к пророкам *дедушкиным*. Вот такая печальная история, товарищи верующие и неверующие!

А чтобы закончить этот забавный рассказ, автор воспроизведёт название главы, описывающей сие весёлое происшествие, потому что забыл это сделать его герой Альбионыч: «Чудеса (!) Елисея»[11].

[11] Четвёртая книга царств, глава 2, стихи 23-24 – прим. богослов. редактора

Книгу книг люблю до дрожи –
со страницы мысль жужжит:
добрый *дедушка* поможет
нас на части разложить!

Глава 9. ВСЁ НАЧИНАЕТСЯ УТРОМ (почти что окончание)

– Ну что ж, пора узнать,

Что день грядущий мне готовит?
Его мой взор напрасно ловит,
В глубокой мгле таится он.
Нет ну́жды; прав судьбы закон! –

промурлыкал Кулемзин строчку старого романса на онегинские стихи своего друга Сергеича, ещё раз подивившись при этом на пушкинское *ну́жды*, после чего приступил к невнимательному бритью, так как считал это занятие крайне необязательным для холостого красавца его лет. «Какая сила! Какая экспрессия!», занимательно подумал о себе Володя, глядя в телескопическое зеркало, делавшее его физиономию ещё привлекательнее, так как больше, чем обычно, отражало лёгкую джорджмайкловскую щетину. Бреясь, Альбионыч насвистывал мелодию из «Хорошо темперированного клавира» некоего Иоганна Иоганновича Баха, а если конкретнее, то именно первые прелюдию и фугу, написанные гениальным немцем в тональности *до мажор*.

Однажды Бах спросил свою подругу:
– Скажите мне, вы любите ли фугу?
Смутясь и покраснев как рак,
подруга отвечала Баху так:
– Не ожидала я увидеть в вас нахала!
Прошу вас, не теряйте головы!
Я – девушка, и в жизни не видала
того, о чём спросили вы!

Побрившись, он внимательно оглядел свои свежестриженые виски, и решил, что именно в таком виде выглядит торжественным, как месса Антонио Джованниевича Вивальди, потом поблагоухал себя любимым одеколон «Фаренгейт», после чего показался сам себе похожим на какого-то солидного и опытного *рокфеллера*.

Затем он прошёл на кухню и первым делом поглядел в окно. Здесь наш герой с удивлением отметил, что ни пейзаж за окном, ни погода за прошедшую ночь практически не изменились: по перилам балконов важно расхаживали голуби – жирные, как личинки колорадского жука, и наглые, как саксаульские гаишники; дворничиха

Надежда, невидимая в облаке поднимаемой ей самóй пыли, шуршала своей метёлкой, сметая первые жёлтые листья. Весёлую кухню нашего героя заливал сероватый свет из окна, и писателю на миг показалось, что где-то недалеко бродит Осень.

Мыслью мозг пропылесосим
мы, отбросивши печаль,
август – месяц номер 8:
бесконечность-вертикаль!

Обозрев окрестности, Володя подошёл к холодильнику, где с удовлетворением увидел «весну человечества, рождённую в трудах и бою»[12], после чего отметил, что его надёжный агрегат всегда пóлон, как морг в високосный год. Затем он с удовольствием принялся за завтрак, немного поразмыслив о том, что заботиться следует только о теле, ведь душа, согласно утверждениям богословов, всё равно бессмертна.

[12] Строка из поэмы В. В. Маяковского «Хорошо!» (1927) – прим. лит. редактора

Каждый день с утра овсянка,
и на ужин тоже.
Буду я, как персиянка,
с бархатною кожей!

Завтрак писателя сегодня был в азиатском стиле – как и задумывалось накануне. Он был весьма скромен: саксаульское жаркое из баранины с овощами, армянский лаваш с выложенными поверх него тушёными баклажанами, тайский рис жас-мин, дополняющий в качестве гарнира куриные крылышки по-китайски, и, наконец, персики по-восточному, где к собственно персику прилагались ещё мёд, молотая корица, лимон, миндаль, сметана, йогурт и немного индонезийского сахара.

Кто много ест – тот много спит,
кто много спит – тот не вредит,
кто не вредит – тот чист душой!
Отсюда вывод: я – святой?

Писатель почувствовал, что такой завтрак – почти что песня, и решил дополнить его хорошей музыкой, поставив композицию группы «The Grateful Dead»[13] из концерта 1973 года «Wake Of Flood»[14] под выразительным иностранным названием «Eyes Of The World»[15]. Несмотря на страшное название группы, вокалист её Джерри Робертович Гарсия обладал вполне приятным вокалом для ненапряжённого летнего саксаульского утра.

[13] Благодарные мертвецы – англ.
[14] Пробуждение потопа – англ.
[15] Глаза мира – англ.

Всю эту нехитрую пищу Володя не спеша употребил в голову. Полученные калории приятно растекались по телу. Завершил завтрак наш герой, как и вчера, большой кружкой кофе. Он всегда заваривал себе очень крепкий кофе, считая манеру

добавлять туда сахар и сливки (прости, русский язык!) *перверсивным* буржуаз-ным извращением и пустым переводом ценного продукта, но сегодня Альбионыч даже превзошёл самого себя, ведь полученная жидкость своим цветом напоминала сы-рую нефть, или, как говорят продвинутые американцы, *crude oil,* а вкус её мог бы поднять на ноги мумию фараона Рамсеса № 2.

Писатель много лет знал нехитрую истину, что человеку абсолютно вредны так называемые *чёрные* напитки, то есть не только кофе, но даже чай. Вредными были и напитки *белые*, среди которых главное смертельное место для взрослого человека занимало молоко. Но вот сочетание хорошего чёрного кофе с любым белым моло-ком на удивление давало поразительный эффект – напиток получался не только вкусным, но и тонизирующе выразительным, заряжая организм неведомой энер-гией не хуже марсианской *ршъччъыи*. Ради исторической справедливости автору только остаётся добавить, что лучше Кулемзина кофе готовили в знаменитой ко-фейне «Атари» на иерусалимской улице Бен-Иегуды.

Я кофе пью и представляю,
как сотни милых негритят
под солнцем зёрна собирают,
а я – их белый господин!

Здесь надо отметить, что кофе у Володи был не простым, а, пожалуй, самым экзотическим в мире, и назывался он *ловак*. Нет-нет, не левак, о котором постоянно мечтал ещё один герой «Русской кочерги», то есть старший прапорщик Батыршин, а именно ловак. Не слышал про такой, мой внимательный читатель?

Вот и я, автор нашего замечательного романа, не слышал, если бы сам мой ге-рой Кулемзин в одной из задушевных вечерних бесед мне этого не рассказал. Пред-ставляя, как кривятся лица жён, узнавших, что им суждено в браке пить этот напи-ток вместе с непутёвыми и неразборчивыми мужьями, он даже переделал извест-ный народный афоризм вот в такой:

Хороший ловак
разрушает брак!

Кофе этот ему доставляли прямо с индонезийского острова Ба́ли, где он, соб-ственно, и выращивался. В чём же был секрет именно этих зёрен, и почему они сто-или намного дороже остальных? Дело было в том, что все зёрна кофе, как извест-но из сочинения известного учёного Ивана Мичурина «О селекции разных расте-ний», делятся на мужские и женские, которые отличаются даже по внешнему ви-ду. Мужские зёрна, например, более выпуклые по сравнению с женскими, и это можно заметить со стороны кофейного зерна, где оно как бы делится на две поло-винки. На Бали местные жители считают, что мужские зёрна кофе дают более крепкий и ароматный напиток, да к тому же добавляют вкушающему мужчине не-которую дополнительную сексуальную энергию! Теперь понятно?

Чтоб утро не казалось хмурым,
чтоб в зеркале не видеть тень,
пей много кофе – только утром,
чтоб не качаться целый день!

А что же это за лювак, о котором упомянул автор, а потом вроде как бы и подзабыл? Конечно, нет, не забыл, мой дорогой читатель! Всё, что я тебе обещал, всё будет выполнено до конца, и объяснение насчёт лювака тоже. Дело в том, что неизвестный всему миру лювак был на Бали… зверьком! Да-да, так называют здесь малайскую пальмовую куницу, или, как остроумно величают её зоологи, Civettictis civetta, или просто циветта.

Давным-давно, ещё в позапрошлом веке, один владелец кофейной плантации как-то заметил, что этот зверёк совершает на неё ночные набеги, поедая, подлец, при этом не все зёрна подряд, а выбирая как раз таки самые спелые и ароматные. Но жадный плантатор не растерялся: чтобы избежать потерь в прибыли, он разыскал люваковы какашки и извлёк оттуда непереваренные зёрнышки. К его удивлению, они оказались практически такими же, как до *жора*, только уже без оболочки. Он промыл, просушил их и сварил кофе. И вот тут произошло открытие: оказалось, что зёрна кофе ферментируются в желудке лювака таким образом, что, во-первых, очищаются от шелухи, и, во-вторых, лишаются лишней горечи и кофеина, при этом сохраняя свой аромат и вкус. Вот такая удивительная история, коих ещё немало мой терпеливый читатель найдёт в нашем весьма поучительном повествовании!

Кофе пью я до мурашек –
просто так и на десерт.
«Лучший кофе – из какашек!»,
скажет вам любой эксперт…

Глава 10. ВСЁ НАЧИНАЕТСЯ УТРОМ (окончательное окончание)

Следя за кофе, чтобы он *не убежал* (друг Кулемзина Серёжа Полтавцев всегда недоумевал, как это возможно, если у *кофя*, как он говорил, совсем нет ножек!), писатель смотрел из окна на утренний мир. Снаружи слышалось пьяное от счастья жизни чириканье летних воробьёв. Володя вдруг подумал, что понятия не имеет, какова же всё-таки продолжительность средней воробьиной жизни. Ведь очень может быть, что, например, вот тот воробей, взъерошенный и лохматый, как сам Альбионыч в эту минуту, который сейчас качается на ветке прямо за форточкой, точно так же качался на ней и в прошлом году, и в позапрошлом, и пять лет назад. Возможно, ежедневно подглядывая в монитор форточки, он знал хозяина как облупленного, изучил все его привычки, и сейчас своим чириканьем просто рассказывал невидимым приятелям, чем занят этот странный тип из странной квартиры, который нечасто выходит на улицу, а если всё-таки выходит, то только для того, чтобы встретиться с такими же странными людьми за железным столиком, на котором никогда не найдёшь приличной крошки пшена.

Но напрасно нас ругают,
опрокинув за края:
воробей не голодает,
наши крышечки клюя!

Но – прочь лирику! Вернёмся к нашему герою, который вот уже несколько минут посвятил себя предстоящему обеду: достал из холодильника заранее отваренную черепаху – китайского трионикса, до этого виденного им ещё в детстве в

книге немецкого естествоиспытателя, знаменитого черепаховеда Эрнста Генриховича Геккеля «Kunstformen der Natur»[16], отобрал листик из своего персонального лаврового венка, подаренного ему Французской Академией искусств за первый том «Русской кочерги», и бросил его в супчик – на первое. «А второе придумаю потом», решил он мудро, «а также третье, четвёртое, пятое и шестое! И, пожалуй, этого хватит – нельзя же перегружать желудок в предвестии большой игры…»

[16] «Красота форм в природе» – нем.

«А как же холодни́к?», мелькнула новая мысль. «Ведь в третьей части этого тома мне ещё придётся приглашать моих друзей-сопокерников на угощение!». После чего приготовил означенное блюдо и поставил его на нижнюю, самую холодную полку агрегата. Затем он подошёл к кухо́нной мойке и решительно повернул кран для того, чтобы вымыть посуду. Кран прошипел что-то непонятное, причём, как показалось нашему герою, по-гватемальски, но не выдавил из себя ни капли. «А ведь автор ещё в первом томе «Русской кочерги» предупреждал меня», вспомнил Альбионыч, «что именно сегодня с 8.00 до 20.00 воды не будет!». Он с досадой привернул кран в прежнюю позицию и додумал мысль до конца: «Постойте-ка, а ведь это случилось в главе 229! И нет ли в этом простом числе[17] какого-то намёка Суки-судьбы на то, что именно сегодняшний день будет не таким, как вчера?»

[17] Простое число – натуральное (целое положительное) число, имеющее ровно два различных натуральных делителя – единицу и самого себя – прим. науч. редактора

Словно в стылой укоризне,
что не вычтешь из газет,
день за днём мелькают в жизни,
но сводя её на нет!

Но здесь его мысли неожиданно прервал первый за сегодняшний день телефонный звонок. Приглядевшись к номерному определителю аппарата, Володя с изумлением прочёл на нём муравлёвский номер. «Чего это он?», мелькнула и пропала в пучине времени нехитрая мысль. Писатель снял трубку и услышал голос, но не своего товарища Валеры, а его многокилограммовой супруги Наташи. Казалось, что она очень точно нашла психологический момент для звонка другу семьи, так как именно сейчас её муж был шумно занят натужным извлечением из себя последствий вчерашнего загула в Бермудском Учпучмаке.

– Володечка, я решилась!

«Неужели на развод?» порадовался за друга Альбионыч.

– Давно пора! А то живёте, как сибирская голубая с восточно-европейской!

Муравлёва не поняла, почему её ни с того ни с сего обозвали голубой, но решила не раздражаться раньше времени. И в этот момент случилось непридвиденное: писатель вдруг осознал, что страшно, почти что смертельно хочет выпить бокал томатного сока.

– Наташа, подожди минутку, – попросил он, потом живо сходил на кухню, налил свежего сока, выпил, после чего сочинил про это событие катрен:

Укрощу маньячный норов:
выпью, чтоб пролез кусок,

кровь убитых помидоров!
(А написано, что сок…)

– Слушаю тебя, – вновь вернулся он к важному разговору.

– Я поняла, что нужно делать, чтобы вернуть внимание моего мужа, ведь всё плохое в нашей семье происходит исключительно из-за моего лишнего веса!

Дело в том, что время от времени Наташа сидела на диете с концлагерным рационом, но, честно говоря, это помогало как-то мало. После недели-другой мучений она начинала находить утешение в пошлой фразе о том, что хорошего человека должно быть много.

«Вот это приступ мазохизма!», ещё раз порадовался Кулемзин, но вслух сказал совсем другое, дабы не огорчать толстуху:

– Ну что ты, Наташа! Яйчики-бабайчики, когда я вижу твой гибкий, как ветка ивы, стан, когда моему взору представляется твоя волшебная талия, когда моё воображение видит эту неземную красоту…

– Ну что ты смеёшься, я же серьёзно! – завопила Муравлёва. – Короче, я решила объявить решительную войну своему жиру!

Я смотрю: меня не мало –
вот такая вот фигня:
объявлю войну я салу,
что растёт поверх меня!

«Пора, давно пора! А то я смотрю, ты его уже немало в плен забрала…»

– Ой-ой-ой! Пока-пока! – прошипела страдалица.

– Святой Малевич, с кем это ты с утра трещишь? – услышал Володя знакомый голос, который тут же пропал, так как Наташа бросила трубку.

Глава 11. ТОВАРИЩ, НЕ ВЕРЬ ДЕВЧАТАМ ИЗ ЧАТА

Пора было начинать день, и Альбионычу стало казаться, что лучше всего это получится сделать с помощью не слишком долгой физической зарядки, но так как из всех видов спорта он предпочитал только один – фигурное лежание на диване, то зарядка получилась хотя и продолжительностью в 10 минут, но какая-то малоэффективная. Тогда наш герой решил немного размяться застоявшимися за ночь мозгами: включил компьютер, соединился с интернетом и вошёл в один из многочисленных чатов, коими в последнее время была наводнена всемирная паутина. Было забавно наблюдать, как разные люди – молодые и старые, мужчины и женщины, русские и саксаульцы обсуждают якобы очень важные для них вопросы, особенно на тему любви и семьи. Это уже несколько потом он понял, что многие из *чатлан* выдают себя не за того, кем они являлись на самом деле.

Товарищ, не верь девчатам из чата –
у них есть и дети, и даже внучата,
ещё борода и прокуренный свитер,
а рядом стоит как минимум литр!

Писатель с удовольствием почитал несколько сообщений, авторы которых на полном серьёзе считали, что без них планета уже не могла жить.

«Любовь дала мне многое, ведь раньше у меня не было ничего, а теперь ничего и ещё дёргающийся глаз, трясущиеся руки и неконтролируемое мочеиспускание по ночам!»

«А я совсем недавно открыла, что презерватив не гарантирует безопасности. Так, один мой знакомый парень надел его, побежал за пивом и попал под машину!»

Нашёл он и такой забавный диалог:

«Скажи мне, только честно, да или нет. Почему мужчины всегда смеются над блондинками?»

«Да!»

Делились в чате и страшными историями из жизни:

«Я её полтора года уламывал. А тут луна, речка, романтика. Мы полотенце расстелили, и как только я начал её ласкать, кто-то рядом как зашарохается! Мы испугались, а потом видим: это бобры! Не знаете, какого хрена им было от нас надо?»

«Наверное, они за брёвнами пришли. Глядь, а брёвна живые!»

Нашёл Володя в чате и готовую пьесу для театра абсурда, кои в XX веке ставил известный режиссёр-абсурдист Эжен Драгомирович Ионеско:

«У меня сегодня будет секс!»

«Волнуешься?»

«Да!»

«Что, в первый раз?»

«Нет, что ты, я уже волновалась раньше!»

Отыскалась в чате и страшная экономическая история про любовь:

«Я встречалась с ним полгода, и вот когда у нас дошло до главного, я предложила сказать ему три самых важных для меня слова»

«И что он сказал?»

«Девальвации не будет!»

«Много читала по поводу точки G, потом предложила своему парню поискать её у меня. Он безуспешно искал эту проклятую точку несколько часов, пока не проголодался, и тогда выяснилось, что точка G находится не у меня, а у него – в желудке, потому что от моей копчёной курицы он получил явный оргазм!»

Писатель с удовольствием вспомнил, что и он однажды задумывался о значении этой любопытной точки на жизнь граждан, а я, автор, дарю его забавный стишок тебе, мой любопытный читатель.

Про точку G[18]

Воскресный день чтоб был не долог
и не тягучим, словно ил,
пришёл к любовнице филолог –
и сразу к делу приступил.
Свиданье длилось, но без шика,
и тут от милой дым пошёл:
«Ты точку G во мне найди-ка,
чтоб стало очень хорошо!»
«Где я найду? В каком магните?
Вот так возьми – и ублажи!
Быть, может, Джи в каком ДЖИгите
иль в живописце КуинДЖИ?»
Любовник мокрый наш и бледный
искал её как интеграл –

всё перебрал филолог бедный,
но точку G не отыскал.
И тут он, пляшущий от печки,
вдруг распознал здесь смысл один:
что точка G – в конце словечка,
и это слово – shopinG[19], блин!
И он повёл её в бути́ки,
где точку G зараз нашёл,
и только радостные крики
сигналом стали: «Хорошо!»

[18] Точка G (читается как джи) была предположена ещё в 50-х годах прошлого века немецким гинекологом Эрнстом Авиноамовичем Грэфенбергом. Этот забавник утверждал, что такая точка – это небольшая часть передней стенки влагалища, расположенная на глубине 2,5-7,6 сантиметра за лобковой костью и уретрой, но позже её существование как отдельного органа было опровергнуто многими учёными, видимо, или импотентами, или имеющими страшных жён – прим. автора
[19] Закупки, шопинг – англ.

«Счастье в ваших руках, криворукие!», пожелал неизвестным *чатланам* Альбионыч, но, прежде чем отключить компьютер, решил записать сегодняшний лозунг дня. Подумав несколько секунд, он вывел на виртуальном листочке красивым шрифтом Agatha-Modern святые слова:

Считать жизнь делом всей жизни!

Глава 12. ПОПЫТКА ОБЩЕГО СБОРА

Как и другие жители описываемой автором страны, Кулемзин имел право на труд – по конституции Республики Саксаулия, но старался этим правом не злоупотреблять. Но в то же время он считал, что размеренная жизнь без сюрпризов вообще никуда не годится. Ежедневных сюрпризов для него было несколько: это и общее состояние его приятелей-сопокерников, и их неуёмное желание сражаться в *русскую кочергу*, и, главное, количество выпитого за день пива, которое регламентировалось только одним фактором – толщиной володиного кошелька.

Мы привыкли без символик
мусор времени мести:
кошелёк нам вновь позволит
день отлично провести!

Вспомнив об игре, писатель решил, что время действий уже наступило, хотя и не сомневался, что остальных игроков придётся будить долго и громко, возможно, с применением артиллерии, отчего среди мирного населения непременно появятся неизбежные жертвы, поэтому для начала постановил всех обзвонить. Сладко пьянящая, как хорошее шампанское, свобода выбора помогала ему в этом стремлении. Но первый *тематический* звонок раздался именно в его квартире. Он цара-пал барабанную перепонку, как ржавый гвоздь, – с опасностью заражения

крови. Самой ранней пташкой был охранник Полтавцев, и это стало понятно с первого сло́ва звонящего.

– Алё! Мать честна́я, ничего не слышно, – алёкал сторож. Слышимость и в самом мом деле была отвратительной. О телефоне Полтавцева читатели уже осведомлены из первого тома «Русской кочерги», и поэтому автор не будет утомлять их повторным описанием этого уникального аппарата.

– Алё, это я, Серёжа, – безуспешно пытался втолковать Володе абонент.

– А я – это я, – ответил ему писатель. – Ну, алло же!

– И тебе алло, добрый человек, – неожиданно отозвался голос Афанасьича.

Писатель вздрогнул и чуть не выронил трубку.

– ПРИВЕТ! – ещё громче прозвучало в его ухе. Альбионыч подумал, что то ли реле старенького «RAF'а» вдруг решили вести себя пристойно, то ли выпрямились сотворённые ещё при социализма (б) провода, то ли Серёжа до этого разговаривал через подушку.

– Чем занимаешься? – поинтересовался сторож.

– Радуюсь сознанию, – пояснил Володя. И уточнил: – По Ошо.

Лещ вещал свежеморожен,
проиграв последний гейм:
«Ошо в жизни не поможет,
если сам – дурак по ней!»

– А как настроение? – не отставал Афанасьич.

– Жизнеутверждающее!

– А вообще как дела? – продолжал домогаться Полтавцев.

– Физическое состояние отличное, – уже несколько раздражённо ответил писатель, – психика устойчивая, динамические функции организма в пределах допустимой (прости, русский язык!) трансцендентальной нормы!

– Какой нормы? С кем это ты говоришь? – подозрительно спросил охранник.

– Знаешь, старик, общение катализирует мыслительный процесс. Когда у меня что-то не в порядке, я всегда с кем-то разговариваю. Надо только уметь выбирать умных собеседников.

На другом конце телефонной трубке абонент приосанился.

– А так как их днём с театральными софитами не сыщешь, приходится говорить самому́ с собой.

– С какими Софьями? – печально промолвил Полтавцев, не поняв из спича ни одного слова, но на всякий случай подтвердил:

– Да, кругом одни жлобы!

Вокруг меня одни жлобы –
дубы, грубы и без резьбы!

– Кстати, Серёжа, ты сегодня ещё не видел наших друзей? А то ведь пора бы и делом заняться!

В этот момент на ум сторожу пришёл ещё один важнейший вопрос:

– Володя, а ты где?

– Где, где… – ответил писатель. – Сказал бы я тебе где, да, к счастью, рифм таких не знаю! Кстати, Серёжа, пойдём играть! Хватит маяться нерукотворным бездельем!

– Да я им не маюсь, – объяснил сторож. – Я им отдыхаю.

– Короче, давай собирайся!

– Есть! – по-прапорщицки ответил Полтавцев, и именно этот краткий военный ответ, выражающий несомненное согласие с приказом начальника, заставил вспомнить Кулемзина ещё об одном персонаже нашего повествования – Талгате Батыршине. Писатель набрал номер его домашнего телефона, немного послушал длинные гудки, после чего трубку наконец сняли. Из неё на Кулемзина отчётливо дохнуло знакомым сивушным перегаром, в котором в равных пропорциях смешалось всё вчерашнее, что принимал военный на свою широкую грудь.

– Привет, Талгат, – поздоровался он с товарищем по партии[20].

[20] Разумеется, по партии в русскую кочергу, хотя ещё один персонаж романа, а именно Курманбаев, настаивает именно на КПСС (б) – прим. автора

Брось скорее пирожок
с жизни суматохою –
приходи скорей, дружок,
посидим, поохаем…

– Кто это? Что это? Когда? – захрипел голос.

– И тебе доброе время суток, – ответил Володя. – Пора вставать!

В трубке воцарилось молчание, затем раздался вздох – протяжный и длинный, словно паровоз собирался тронуться с места, но так и не тронулся. После чего диалог всё же возобновился:

– Что делаешь, Володя?

– Если сейчас, то тебе звоню, – объяснил писатель. – А если вообще, то пузо грею, ветер пинаю…

– Ёкарный *иблис*, и как оно? – конкретно поинтересовался Салихдзяныч.

– Душа в нирване, мысли гуляют в Шамбале, а в подсознании дрожат образы предыдущих реинкарнаций, – также конкретно ответил Володя. – А ты как?

– Да плющит как-то не по-детски, – пожаловался прапорщик.

– Неужто по-взрослому? – поразился Альбионыч. – А, впрочем, я вижу этому довольно простое объяснение.

– Какое? – простонал трубач.

Глава 13. ПОПЫТКА ОБЩЕГО СБОРА (окончание)

– Если бы я писал брошюру на эту тему для чтения её во всесоюзном обществе «Знание» (б), то озаглавил бы такую занятную книжку «Ад как совершенство земной жизни». Внимательно читая и даже изучая «Божественную комедию» некоего Алигьери Алигьериевича Данте, я как-то сразу заметил, что его «Ад» – совершенно гениален, «Чистилище» – значительно хуже, а вот «Рай» и вовсе невыносимо скучен. Как ты, старичок, думаешь, почему? Тем более, я и раньше замечал, что ты иногда задумаешься. Не над этим ли?

На данный момент времени прапорщику думать было нечем, и он просто пожал плечами, так что его завуалированный телефонный ответ остался нерасшифрованным.

– Скорее всего, этот неплохой итальянский писатель, равно как и всякий другой творческий человек, был склонен обманывать себя и других – я это по себе

знаю! Он пытался доказать, что мечтает попасть в рай, а на са́мом деле стремился достичь ада, потому что *по большому счёту* каждый человек стремится попасть именно в ад.

Как же всё извращено –
выбирай не выбирай! –
все мы в ад стремимся, но
нам подсовывают рай!

– Как это? – удивился голосом военный.

– Не удивляйся – это просто. Надеюсь, ты не будешь спорить, что всё сущее стремится к своему предельному выражению, то есть к совершенству.

Спорить сил у Батыршина тоже не было, и он повторно пожал плечами.

– Но поскольку наша земная жизнь – это примитивный ад (а тебе, как никому, это хорошо известно по счастливой семейной жизни), и поскольку душа человека – это ад в миниатюре, то вполне естественно стремление всего сущего на земле и, прежде всего, самого́ человека к подлинному, совершенному аду.

«О чём это он?», с тоской подумал музыкант.

– Да о том, – ответил его мысли Кулемзин, – что человек жаждет настоящего ада изо всех сил, поэтому и воображает его так ярко, живо и сочно, как это делал Данте! Ты всё понял?

– Сейчас… выйду…– с натугой ответил старший прапорщик и положил трубку. Кулемзин поразился: эта простая фраза далась Батыршину с огромным трудом, слова её так проглатывались, словно с ним только что поговорил *поздний* Брежнев.

Последний звонок Кулемзин адресовал педагогу. Курманбаев не подходил к телефону тоже долго, а потом снял трубку и нервно в неё задышал.

– Алло, – обозначил своё присутствие писатель.

– А? А? – каким-то похмельным эхом осведомился Нуртай.

– Бұл мен[21], – по-саксаульски информировал его Володя.

[21] Это я – сакс.

– Володя, чем занимаешься? – Голос Курманбаева был наполнен теплотой и заботой.

«И чего им до моих занятий?», подумал Альбионыч, но вслух сказал другое:

– Да вот вопрос один мучает!

– Мать моя партия, какой вопрос? – обалдело поинтересовался Мусаич.

– Да всё тот же: что делать? И ведь мучает, подлец, ничуть не меньше, чем всю страну в последние полтора столетия!

– Какую страну? Если ты в философском плане, то я не могу с тобой согласиться!

– Ты что, окончательно с так называемого ума съехал? – возмутился Володя.

Нуртай немного поднапрягся в поисках нужной цитаты, но тут же радостно продекламировал:

– В миллионах тысяч спален
спят все люди на Земле,
лишь один товарищ Сталин
никогда не спит в Кремле!

Володя набрал побольше воздуха, чтобы ответить, но вместо этого зевнул, в то время как педагог частил без возможности сделать вставку:

– Ты не думай, я сейчас всех остальных подниму.

Здесь автор должен заметить, что Курманбаев так-таки сдержал своё сомнительное слово и поступил именно так, как обещал, то есть поднял всех.

– А вообще у тебя как дела? – задал свой ежедневный глупый вопрос педагог.

– Да всё зашибись, удивись и подавись! – бодро ответил Альбионыч, после чего положил трубку, так как посчитал задачу по сбору электората полностью выполненной.

Всё-таки интересное это состояние – полной свободы: можно что хочешь читать, писать, слушать иностранное радио, рассказывать политические анекдоты, ругать президента, ездить за границу, носить длинные волосы, серьги в ухе, кольцо в носу, вообще протыкать себе что угодно. Конечно, очень многих людей, которые десятилетиями привыкали к другому, и это раздражало, тем более что зарплаты бюджетникам по-прежнему задерживали, а пенсии пенсионерам старались выдать так, чтобы они не сильно стремились дожить до следующей. К чему всё это сейчас сказал автор романа? Да к тому, что Володя считал себя полностью свобод-ным человеком – именно в этом смысле. «Вот захочу сейчас посмотреть телевизор», думал он, «и посмотрю! А потом захочу – и немного попишу свой гениальный роман…»

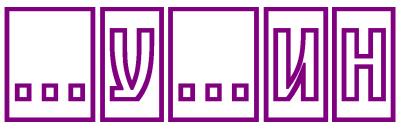
План показался ему интересным, и Кулемзин включил телевизор, чтобы начать наполнять организм интересными новостями начавшегося дня. Правда, насколько они оказались интересными, судить тебе, мой терпеливый читатель, который просто-таки вынужден следовать за извивами неуёмной авторской фантазии Вл. Горького.

День сегодняшний не важен –
не начавшись, он угас:
телевизор нам покажет,
сколь ужасна жизнь у нас!

Глава 14. УТРЕННЕЕ ТЕЛЕВИДЕНИЕ

Читатель первого тома «Русской кочерги» наверняка помнит о том, каким ленивым человеком был наш герой, поэтому, думаю, не слишком удивится, когда узнает, что телевизор Кулемзин смотрел лёжа, повернувшись набок, как Даная на известной картине некоего Вачеллио Тициана Грегориовича, которая нашла вечное упокоение в мадридском музее Прадо.

Вначале писатель погулял по российским каналам, которых в Саксаулии с приходом нового демократического времени развелось во множестве. На Первом канале показывали повтор пятничного «Поля чудес» с неизменным развесёлым ведущим. Он что-то радостно орал в усы до невозможности смущённым участникам, которые никак не могли угадать фамилию русского писателя из пяти букв, хотя три из них уже были отгаданы:



Бедные гости студии, до этого мнящие себя счастливыми, что попали на такую знатную передачу, шевелили лбами, грозно нахмуривались, но таинственная фамилия была сильнее их и никак не давалась разуму.

– Бунин, – тихо, словно на ушко, подсказал Володя.

Бравый пожилой участник доковылял до сектора «Приз» и теперь жаждал получить причитающееся ему вознаграждение. Ведущий препирался и заигрывал, предлагая несметные сокровища в обмен неизвестно на что, участник терялся и в глубокой тоске водил взором по рядам зрителей, надеясь, что кто-нибудь подскажет ему, как бы не продешевить. Володя с отвращением переключил канал, но и здесь его ждало глубокое разочарование.

– Я ночьями плёхо сплью,
потому што я тебья люблью, –

коверкал и без того неродной язык главный павлин России Филипп Киркоров. Эти странные слова он, видимо, адресовал своей возлюбленной – закатившейся советской звезде Алле Пугачёвой, неродной прапраправнучке казнённого Екатериной № 2 смутьяна Емельки Пугачёва.

– Любви все возрасты киркорны, – пробормотал Альбионыч и стал путешествовать дальше.

На канале НТВ, отличающемся особенным садизмом, передавали привычные зрителю нашего времени новости, и все они были ужасны. На юге стреляли, на севере мёрзли, на западе сидели без горючего, а на востоке ещё и без электричества. Об этом невнятно причитала когда-то популярная косенькая, но с яркой губной помадой дикторша Татьяна Миткова, похожая на взволнованную хохлатку в курятнике, до которой так и не добрался петух. У неё был вид дамы, долго выбирающей между двумя призваниями – телевидением и панелью. Читая страшные новости, ведущая пыталась улыбаться в камеру когда-то бриллиантовой улыбкой.

На другом канале в жаркой словесной баталии сцепились два российских политолога, оба из которых просили называть себя в интервью *ведущими* экономистами. Один утверждал, что увеличение денежной массы губительно для страны, второй с не меньшим жаром убеждал, что это самое что ни на есть благо. Володя, слушая их, вспоминал старую истину, что в период революционных преобразований богатые всегда становились ещё богаче, а бедные вставали в стройные колонны и под звуки барабана маршировали на кладбище.

– Анафема, – покачал он головой. – Яйчики-бабайчики, да это просто какой-то *промоушн* мозгов!

Мне известно, как поэту,
где последний взять банкнот,
у народа ж денег нету –
Центробанк их не даёт!

Следующим на экране возник энергичный либеральный демократ Жириновский, который тут же стал негодующе восклицать:

– Президент нас ни в чём не поддерживает! И такой президент нам не нужен! Однозначно! Вот на днях я поздравил его с Днём танкистов! И ничего! Он молчит!

Кулемзин с отвращением нажал кнопку переключения. Но оказалось, что на местных саксаульских каналах дело обстояло также плохо, как и на российских. В

мажилисах (прости, русский язык!) препирались, в столичных дворцах меняли фаворитов, в правительстве ждали очередной отставки, и, что самое печальное, это не имело ровным счётом никакого отношения к жизни. Писатель подумал, что ни в этих мажилисах, ни в акиматах (ещё раз прости, русский язык!), ни в правительстве никто не подозревал, что где-то там далеко-далеко копошится какое-то месиво, называемое народом. Все они привычно манипулировали этим словом, но что оно означает, похоже, так никто и не знал, да им это и не было нужно. Зачем? Вот грянут какие-нибудь выборы, тогда они все дружно начнут заливаться горячими слезами умиления и любви к этому самому народу, и народ послушно посадит их на свой тощий костистый хребет и повезёт дальше. А они оттуда время от времени будут трясти у него под носом толстой кормовой морковкой и нахлёстывать по заднице кожаной *камчой*, сплетённой из худосочных пенсий, цен на бензин и налогов на убогие зарплаты…

Встречи, съезд, отъезд, приезд,
президент, премьер, посланник:
сразу всё в один присест –
ложь и правда, кнут и пряник!

На другом саксаульском канале он наткнулся на прогноз погоды и засмотрелся на ведущую: симпатичная такая блондинка, зубки ровненькие, грудь *троечка*, талия на месте, животик плоский, ножки стройненькие. И через минуту понял, что про осадки и температуру в тени надо посмотреть где-нибудь ещё, где про них рассказывают не такие *симпатяшки*.

Единственный канал, который порадовал Альбионыча сегодня, как, впрочем, и в другие дни, был канал «Культура». С утра здесь был просто настоящий праздник – повторяли блестящее выступление Леонида Филатова с его «Федотом»[22]. Володя ещё раз порадовался искромётным строкам и наметил на вечер суровое испытание для своих мозгов: перевести пару строф сказки на английский язык. А вот сделал ли наш герой обещанное, ты, читатель, узнаешь, если только дочитаешь эту толстую книжку до страницы 550.

[22] Телеспектакль «Про Федота-стрельца, удалого молодца», снятого по одноимённой сказке в стихах Леонида Филатова (1988) в жанре театра одного актёра – прим. лит. редактора

Ну и, конечно же, не обошлось без вездесущей рекламы. Пожилая благообразная дама, румяная и сытая, пламенея лицом и пылая восторгом, рассказывала, как ей стало хорошо и легко, когда после трёхдневного запора она приняла новое слабительное «Дристулин», после чего наконец-то облегчилась. Затем экран во всю ширь заняла женская попка, обтянутая эластичной лентой массажёра. Лента вибрировала, задница впечатляюще тряслась, а голос диктора, сочась нектаром, объяснял, какое преимущество получат дамы, которые не пожалеют денег на такой массажёр для своей любимой *кормы*. Далее шёл вообще какой-то дурдом, который, как считал гуманист Альбионыч, не надо было показывать народу с похмелья.

– Я «Миф»! – честно признавался с экрана говорящий стиральный порошок, к тому же гнусно улыбающийся. А ниже бегущей строкой плыли буковки: «Для съёмок рекламы шампуня рекламное агентство «Big Money» приобретёт у населения в неограниченном количестве перхоть!»

Зуд я чувствую на коже,
как от чёса лишая́:
перхоть мне убрать поможет
только лысина моя!

Заинтересовало его и рекламное объявление, которое дал магазин «Спортивная семья»: «По причине финансового краха наш магазин реализует в *неограниченном* количестве спортивные костюмы», после чего подумал о том, что наш человек, если покупает *спортивный* костюм, то только исключительно для того, чтобы или бухáть где-нибудь на природе, или ложиться в больницу – со сложным случаем дизентерии.

После просмотра телеужасов Кулемзину очень захотелось солнца, шумной толпы, духового оркестра, мелькания женских чепчиков и платочков, а также щедрой пены ледяного шампанского.

– Ну, пора к живым людям!

После этого он стал собираться на битву.

«Я готов сражаться с вами!»
Ниже подпись: «Вова Свами[23]»

[23] Свами – почётный титул в индуизме, означающий «владеющий собой» или «свободный от чувств». Этот титул присваивается ученикам, посвятившим себя учителю – гуру. Так как Кулемзин считал своим гуру великого мудреца Ошо, то этот титул ему подходил вполне – прим. автора

Но, как и многое в нашем правдивом повествовании, неожиданное случилось вдруг. Битва, о которой грезил наш герой, постепенно отступила в сторону, потому что мысли Альбионыча совершили гиперпространственный скачок, но не простой, а хронотопный, и вспомнилось ему никогда не виденное.

Глава 15. САМЫЕ ПОПУЛЯРНЫЕ БУКВЫ (Хронотоп № 3)

Все коммунистические вожди не любили людей. Все без исключения! Для всех люди были человеческим материалом, которого хватит если не навсегда, то на время их правления точно. Они даже не врали, как, например, француз Жозеф Жан-Шарлевич Фуше, о «всеобщем счастье потомства».

Хороших большевиков тоже не было – были фанатики, лицемеры, кровопийцы, палачи-палачи и палачи-жертвы, была какая-то фатальная, всеобщая заменяемость палачей и жертв. Пóмните, Якир, под смертным приговором которого стояла подпись Блюхера, Якир, именем которого называли улицы, в 1919 году распорядился уничтожить *определённый процент* населения южных районов страны, и этот «процент уничтожения» затем стал классикой для всех марксистских режимов – от Албании на западе до Монголии и Кампучии на востоке.

Луначарский, Покровский и мать 8 марта Клара Готфридовна Цеткин поддерживали обвинение на процессе эсеров, а Пятаков, спасая шкуру, которую спасти так и не удалось, просто неистовствовал, лез из этой самой шкуры, шельмуя «троцкистскую нечисть».

«Военный гений» Тухачевский подавлял бунты безоружных крестьян, огнём и мечом пройдясь по всей Центральной России. Правда, на его счету есть и подлинно военный подвиг – разгром моряков Кронштадта. Однако не все знают, что это было не сражение, а резня, ибо повстанцы отказались стрелять в «своих братьев».

Троцкий и Зиновьев, не говоря уже о железном Феликсе, пачками расстреливали военнослужащих и военачальников. «Устрашение является могущественным средством политики, и надо быть ханжой, чтобы этого не понимать», теоретизировал *наркомверх*, а Зиновьев ликовал, не предвидя своего конца: «Буквы ГПУ, как и буквы ВЧК, самые популярные в мировом масштабе!».

Глава 16. НЕМНОГО ТВОРЧЕСТВА ПОУТРУ

Опомнившись от хронотопа, Альбионыч вдруг вспомнил, что после утреннего телепросмотра обещал сам себе немного пописа́ть свой гениальный роман. Да и то: попадёшь в Бермудский Учпучмак, и так засосёт он тебя с карточной игрой – куда там его бермудскому тёзке! А строчки уже просто-таки прыгали из его головы, просясь на волю. Он торопливо подсел к компьютеру, вошёл в ставший родным Word и быстро пробежался по клавишам: «Человек ведь и так балансирует близ грани. Гвоздь в ботинке, оскорбительное слово, несправедливость – и эмоции его ждут разрядки, психика требует ощущений сильных и острых, и вот тогда встречных прохожих он начинает прикидывать со стороны хука в глаз».

Написанное ему понравилось, и Володя стал размышлять, куда бы, то есть в какую главу будущего романа вставить такой удачный кусочек. А мысли бились всё интенсивнее, и вот уже вторая из них стала обретать свои контуры в виртуальном пространстве вордовской страницы. Кулемзин понял, что без написанного утреннего катрена он просто не сможет выйти на улицу, а если и выйдет, то весь световой день будет горько сожалеть об упущенной творческой возможности. Но простой катрен типа

Каждый день на огороде
над говном грачи галдят,
а Ульянова Володю
даже черви не едят!

был бы слишком примитивен для его обширной творческой натуры, и тогда марсианин решил переписать начало пушкинского «Евгения Онегина», но не ямбом, как это было у Сергеича, а гекзаметром, которым когда-то упражнялся его собрат по литературе слепой Гомер. Он застучал по клавиатуре, рождая очередную нетленку:

Дядюшка мой, муж весьма благородных понятий,
лютой болезнью сражённый, долго не мешкал! Отнюдь:
способ нашёл он простой, дабы разом снискать уваженье.
Лучшего способа нет, – сами проверьте, друзья!

Здесь он внезапно вспомнил, что сам себе давал клятву начинать литературный день не какими-то катренами, а именно хокку, которые любил за их краткость, поучительность и мудрость. И хотя сегодняшним утром он уже наваял аж два хокку, третий всё-таки просился на волю из его головы. Писатель открыл файл под названием «Моё бессмертное» и мгновенно вбил туда три строки:

Грустную горькую прозу
серой жизни паскудной
раскрашу красным креплёным…
А поверх хокку красиво надписал :

Посвящается моему другу Валерию Муравлёву, человеку с кисточкой вместо экзистенциума!

Прочитав написанное, он остался доволен, но не совсем, вспомнив, что хокку всё-таки должен быть хоть немного похожим на нечто японское. Тут же в голову пришла вторая гениальная мысль – уже с японским прононсом:

Жили у старой японки две рыбы фугу.
Одна белая, другая серая –
две весёлых рыбы…

«Ну вот, совсем другое дело!», порадовался писатель. И только после этого Альбионыч начал писать свой бессмертный роман, причём не на компьютере, а на какой-то случайной салфетке, которой вчера вечером вытирал пролитый кофе. И не писать, а какими-то только ему одному понятными каракулями просто-таки пришпиливать к бумажке выпорхнувшую из тьмы памяти на огонёк лучезарного вдохновения живую, трепещущую, как пойманная бабочка, первую фразу романа:

«В один из весенних дней 1999 года, а именно 30 апреля, в славном городе Отцеябловске, что являлся столицей Республики Саксаулии, на пространстве, зажатом с одной стороны улицей имени знатного саксаульца Жубанова, и с другой – Бермудским Учпучмаком, появился незнакомец, имеющий дородность римского сенатора и выражение лица человека, пресыщенного жизненными благами. Обозначил своё появление он с того, что внимательно разглядел жилой дом, который как раз и размещался между означенными географическими объектами»[24].

[24] Роман «Русская кочерга», том I «Бермудский Учпучмак», глава 1 – прим. гл. редактора

Мысли приходят. Одна – филигранна,
словно сковал её старый кузнец:
первая фраза – начало романа,
фраза последняя – славный конец!

Здесь мысль творца сделала ещё один скачок, и писатель, чтобы не забыть, быстро внёс в очередной файл тему будущей диссертации, которую намеревался защитить когда-нибудь в Оксфорде: «Сука-судьба как формообразующий фактор творчества», хотя и понимал, что чопорные и глуповатые великобританцы будут просто не в состоянии понять само определение Суки-судьбы, как русского понятия.

«*Дедушка*», в который раз обратился Володя к несуществующему, «ну зачем же мне столько горя от ума?! Ведь за пределами искусства все художники – циники. Глина под ногами у каждого, лепить из неё – вопрос таланта! А то дают *нобелевку*

кому попало, – прямо уменьшается желание написать что-нибудь гениальное! Кстати, о нобелевке. А ведь это неплохая мысль – чтобы писать сразу как классик, а то ведь будут пото́м спорить неблагодарные потомки – просто талант был этот Кулемзин или всё же гений…»

Вот счастливая планида
для того, кто всех мудрей:
Нобель премию мне выдал –
стал значительно бедней!

Аналогии, параллели, вечные образы и сомнительные заимствования можно обнаружить в любом произведении. Не исключением стала и «Русская кочерга». Тугая пружина володиного сюжета была закручена до предела. Ещё миг – и она начнёт стремительно раскручиваться, набрасывая свои кольца на всё новых и новых героев, выхватывая их из тёмного покоя небытия и помещая в эпицентр действия. Володя ещё в юности дал клятву писать не менее десяти страниц в день, и если ему, допустим, приходилось отрываться от стола, например, для получения Гонкуровской премии, то, воротясь из Франции, он увеличивал суточную норму и навёрстывал упущенное. Вот и один из его героев, некто Курманбаев, время от времени подбрасывал свежие идеи.

– Мать моя партия, Володя, ты напиши правдивую книгу, – увещевал его педагог. – Вот как примерно Даниил Гранин написал роман «Иду на грозу» – социалистично, реалистично, книгу с эдаким человеческим лицом!

– И назову её «Иду на мизе́р». Вот только с восклицательным или вопросительным знаком? И, кстати, прислушаюсь к твоему совету: ты даже себе не представляешь, насколько реалистичная она будет. Особенно в отношении тебя…

Здесь нашему писателю на ум пришла ещё одна поразившая его мысль: хре́на ли тратить время и капитал своего звучания на какие-то второразрядные российские и саксаульские издательства, где перворазрядных нет и поныне. Большому кораблю – большое плавание по головам всякой мелочи! А потому и сто́ит издать «Русскую кочергу» тиражом с десяток (не тысяч, а просто десяток) экземпляров и раздать, как говорили в советских (б) соболезнованиях, родным и близким. И тут неожиданно выяснилось, что именно на этой мысли время утреннего творчества нашего героя незаметно подошло к концу.

По словам я иноходцем
вдаль скачу своим путём,
и творю когда придётся –
утром, вечером и днём!

Правда, прежде чем выйти из своей квартиры, Альбионыч быстро изготовил ещё одну творческую штуку – небольшой плакатик, который решил повесить между двумя карагачами, создающими естественный шатёр над покерным столиком – для стабилизации творческого процесса во время игры. И этот плакатик ты, мой внимательный и любознательный читатель, ещё увидишь – в этой же части нашего второго тома!

С туманным поднявшись рассветом,
скупой дожевав бутерброд,
за хлебом насущным поэты

уходят из дома в народ.
Причина простая: забота
на булку положить не сыр –
чтоб к хлебу тому заработать
ещё и кусок колбасы!

Но закончилась эта глава совсем не вывешиванием этого плакатика, как может подуматься моему читателю, а трудной мыслью нашего главного героя: «Что-то меня наступившая действительность с утра не сильно радует…»

Глава 17. ПОЧЕМУ ЖЕ ПО УТРАМ КАЖДЫЙ РАЗ ХРЕНОВО НАМ? (Батыршин)

И подумал сейчас автор: почему же он забыл рассказать, как прошла ночь у наших героев, каково было их пробуждение, каковы были их мысли и чаяния, а, может, даже какие-то туманные перспективы мелькали в их затуманенных алкоголем похмельных тыквах? Тем более что и в первом томе «Русской кочерги» эти волнующие строчки нашли своё отражение в широких народных массах читателей.

Особым марсианским зрением Альбионыч вначале заглянул к своему соседу по дому – прапорщику Батыршину. Увиденная картина, мягко говоря, не радовала. Талгат всё ещё спал, правда, несколько нетрадиционно – как бы в положении *для стрельбы лёжа*. Ему снился утренний кошмар: музыкант проделывал в своей квартире все действия, предписанные по «Уставу вооружённых сил Республики Саксаулия», ретиво выполняя пункт 2, то есть «Обязанности командиров и основных должностных лиц воинской части», а именно: проверял боевую готовность и боеспособность, мобилизационную подготовку, воинское воспитание, дисциплину, морально-психологическое состояние личного состава, а также исправное состояние, эксплуатацию и сохранность вооружения и военной техники, ракет, боеприпасов, горючего, смазочных материалов и других материальных средств в виде своей рабочей *мундштучной* трубы, что, согласитесь, было довольно утомительно даже для похмельного сна. И самым кошмарным здесь было не то, что ему надо было идти для этого на работу, а предстояло проверить какие-то ракеты, в которых он не понимал решительно ничего!

Но вскоре ночные кошмары подёрнулись болотной патиной вечности. В этот момент властная рука августовского солнца в виде точного лучика выдернула его из страшного существования. Салихдзяныч вздохнул, как филин в дупле, с трудом встал на четвереньки, обнаружив, кстати, что спал на полу, а потом попытался вытянуться в полный рост. Со стороны это сложное действие наверняка напомнило бы покойному Чарлзу Робертовичу Дарвину ускоренный эволюционный процесс превращения земноводного в человека.

Но мозолистая рука похмелья властно потащила его обратно – на прохладную поверхность щелястого пола. Трубач напрягся и попытался открыть глаза, правда, попытка, мягко говоря, не удалась. «Йодистый хрусталик, ослеп!», мелькнула отчаянная мысль. Ему вдруг ясно вспомнился фильм из далёких 60-х годов прошлого века «Слепой музыкант» с молодым Василием Ливановым в главной роли, и военный трубач живо представил себя странствующим бандуристом с корявой палкой вместо навигатора и бандурой в руках вместо привычной оркестровой *вентильной* дудки.

Одного процесса звенья,

как одних витков бинта,
мы слепые от рожденья –
как котята от кота!

– А… крр.. ммммнн… хррр…

Здесь старший прапорщик с радостью обнаружил, что с трудом, но всё же может разлепить губы – слова будто приклеивались к языку и висели на них детскими килограммовыми гантельками. К тому же во рту пересохло, и не только во рту, но и, наверное, во всём мире, потому что все цвета́ были сухими. Пересохло, кажется, даже в глазах – смотреть стало больно, будто лучи света падали не на какие-нибудь там колбочки и палочки, которые запали в память ещё со школьной поры, а прямо на обнажённые нервы. Выглядел музыкант настолько плохо, что ес-ли бы кому-то пришло в голову провести экспертизу его нынешних останков, то останки, например, Ивана Сусанина тихо сопели бы в тряпочку.

Где жить на свете хорошо?
Вопрос со временем ушёл.
Теперь вопрос стои́т поуже:
как не попасть туда, где хуже?

Голова его была пуста, как школьный класс в июле, а обрывки мыслей – вялыми, словно капустные листы, запаренные для голубцов. Сидя на полу совершенно беспомощный, он напоминал сам себе плюшевого медведя из детского стишка Агнии Львовны Барто (бывшей Гетель Лейбовны Во́ловой), посаженного заботливыми родителями под ёлку с подарком в лапах. Он снова попытался встать, и снова не смог. В боксе это называется *нокаут*, после чего боксёру запрещают месяц работать на ринге, а человеку обычному – даже вставать с постели. В голове раздавался непрерывный и какой-то неприятный звон, как будто неизвестный проказник начал стучать в Царь-колокол в тот самый момент, когда прапорщик, случайно оказавшийся в Кремле, случайно зашёл внутрь колокола. К тому же сразу после пробуждения желудок дал знать о себе острым желанием выплеснуть куда-нибудь своё убогое содержимое, и он понял, что если сейчас не сделает этого, то убирать через пару минут придётся ему самому́.

«Ёперная катушка, а, кстати, где все?», мелькнула спасительная мысль. «Почему не слышно привычного еврейского брюзжания тестя? Почему не орёт жена Аида? Почему надо мной весело не издеваются дети? Кстати, они мальчики или девочки? И как их зовут? И сколько им лет? И сколько их всего?». Ответная мыслям тишина прозвучала самой лучшей музыкой – прапорщик понял, что с са́мого утра находится в квартире один. Это открытие придало ему невиданные силы, и уже через минуту он оказался в совмещённом санузле, где с удовольствием и сделал то, о чём мечталось ему с момента пробуждения.

Здесь всё родное, всё знакомо,
посмотришь – радуется глаз!
В блаженстве опускаюсь снова
на вожделенный унитаз…

После освобождения военный присел на край ванны, и если бы ему сейчас потребовалось изложить на бумаге ощущения приговорённого к смертной казни, он

сделал бы это с полным знанием предмета. Повернув голову в сторону зеркала, Батыршин вздрогнул. Картина не радовала: он увидел красную от долгого лежания щеку и свои мутные, как больничное зеркало, глаза, ещё не совсем отошедшие от сна. «А ведь Аида мне не раз говорила, что именно так я буду выглядеть, если буду много пить», посетила его мемористическая мысль.

То ли опыт, то ли гены:
жёны пьяниц – все рентгены!

Поразила его и собственная кожа: она была как у ощипанного гуся из морозилки – в пупырышках и с лиловыми оттенками. С похмелья он выглядел бледным, но с какой-то импрессионистской синевой – как однопроцентное молоко. Похмельный озноб теперь уже́ больше походил на паркинсонизм. Если говорить короче, он был похож на взъерошенного после вязки добермана, после чего начал погружаться в мрачные мысли, как в смолу. Скользя мыслями по внутренней сущности бытия, он глазами одновременно проходил по скудному убранству ванной ком-наты, пока не натолкнулся взором на старенькую электробритву «Харків-2» производства одной из союзных республик СССР (б). «Побриться, что ли?», мелькнула в его воспалённом мозгу неясная мысль, но была тут же отвергнута остатками разума, потому что в таком состоянии, в каком сейчас находился бравый оловянный пропорщик, даже электробритвой можно было зарезаться насмерть.

Что жизнь? Проигранная битва,
круговорот пустых сует:
всё утро резал вены бритвой –
она жужжит, а толку нет!

Глава 18. ПОЧЕМУ ЖЕ ПО УТРАМ КАЖДЫЙ РАЗ ХРЕНОВО НАМ? (Батыршин, продолжение)

Поплескав на физиономию холодной водой, прапорщик несколько пришёл в себя и даже нашёл спасительную идею – пробраться на кухню, к холодильнику, где всегда стоял наготове национальный саксаульский напиток *айран* – аналог российского кефира. Медленными перемещениями, словно затаившийся от врага ниндзя, музыкант наконец достиг холодильного агрегата, и желудок его – после принятия спасительного холодного напитка – наконец, успокоился, после чего с благодарностью улёгся отдохнуть на диафрагму. Внимание спасённого привлёк листок бумаги, белеющий на краю стола. Глаза уже вроде обрели способность воспринимать не только отдельные буквы, но даже целые фразы, и Салихдзяныч медленно, как второгодник, прочёл послание:

Уехала с детьми к тёте Симе в Кустанай! Поняла, что они больше не должны видеть своего отца, падающего в бездонную пропасть алкоголизма! Передай своему другу Кулемзину, чтобы он, когда начал проваливаться в тартарары, обязательно взял тебя с собой! Твоя бывшая любовь, а ныне пожизненная в печали, Аида

Обнаружил музыкант и приписку – другой рукой:

Ёкарный зятёк! Чтобы не мешать тебе осознавать всю пагубность твоих поступков, шая[25], ухожу в синагогу со своим другом Мойшей Ароновичем, после чего мы пойдём к нему домой – изучать Моисеево Пятикнижие, а именно главу 2 книги Бымидбар[26]. Поверь, это интереснее, чем Уставы вооружённых сил Саксаулии, которые ты так любишь перечитывать в пьяном состоянии! Возможно, не приду несколько дней, потому что мы с Мойшей Ароновичем ещё будем сидеть шиву[27] по покойному Абраше Цукерману, скончавшемуся накануне от непрерывной трёхдневной Шмоне Эсре[28]!

Всем бы такую лёгкую смерть! Твой тесть Яков Моисеевич Либерзон

[25] Недотёпа – ивр.
[26] Четвёртая книга торы, переводится как «В пустыне» – прим. евр. редактора
[27] Шива – семидневный траур у евреев, в течение которого родственники покойного не покидают дом, а мужчины не бреются – прим. евр. редактора
[28] Главная молитва в иудаизме – прим. евр. редактора

Возникают озорные
мысли, словно белый мел:
«Оставляют нас родные –
нам на радость и похмел!»

Прочитав послание тестя, он как вживую представил его знаменитый висячий шнобель, лицо – пресное, как маца, а потом и весь организм. В воспоминаниях прапорщика главный родственник был похож на столетнего советского (б) писателя Соломона Наумовича Шолом-Алейхема. Музыкант попытался вспомнить подробности лица тестя, но на память почему-то пришла только фраза его друга Кулемзина, сказанного им по случаю: «Советские евреи вообще парадоксальный народ: рождаются в СССР (б), а уезжают на родину!». От обилия еврейских имён и фамилий в своих воспоминаниях его немного затошнило.

Вместе с тошнотой пришли и другие мрачные мысли, которые неслись по траншеям оставшихся извилин одна за одной, сливаясь в какой-то омерзительный грязный поток. Потом Салихдзяныч заметил на обратной стороне листка какие-то таинственные значки и, поразмышляв, понял, что это надпись на еврейском языке. Ещё одним воспоминанием было то, что еврейского языка вообще не существует в природе, а есть иврит и идиш, но чем они отличаются друг от друга, он не знал, да, честно говоря, и узнавать не стремился.

Меня спросили на иврите:
אתה לדבר עברית?
(«Вы на иврите говорите?»)
А я в ответ на чистом идиш:
ען איר, וונאַטורע, האט ניט איר זעקוואָס זענ?
(«Ты что, в натуре, сам не видишь?»)

«Йодистые пи́сьма, как хорошо!», не только прочтя послания родственников, но и осознав написанное, обрадовался военный, после чего даже немного почувствовал себя лучше. Потом он оглянулся и действительно заметил на полу открытый на странице 179 Устав внутренней службы вооружённых сил Республики Саксаулия. Правда, прапорщик решительно не помнил, чтобы он читал на ночь столь замечательные строки, и потому решил немного освежить их в памяти. «Началь-

ник культурно-досугового центра (клуба) бригады обязан: организовывать культурно-просветительную работу культурно-досугового центра (клуба) и библиотеки в соответствии с задачами боевой подготовки бригады; участвовать в проведении культурно-досуговой работы в подразделениях, обеспечивать эффективное использование и эксплуатацию технических средств воспитания и культурно-просветительного имущества; разрабатывать планы и планы-сценарии проведения культурно-досуговых мероприятий; обеспечивать необходимые условия для самодеятельного творчества военнослужащих и членов их семей, формирования у них высоких эстетических вкусов».

«Почему же этот начальник клуба никак не может организовать культурно-досуговое мероприятие под названием *русская кочерга*?», подумал трубач. «А вот мой друг Кулемзин, который, по его словам, может всё, может даже и это!»

Я досу́г организую –
карт колоду потасую!

Затем к похмельному военному, как это часто бывает с *нашими* людьми, пришли муки совести. Он мучился несколько секунд и, наконец, понял, что надо сделать, чтобы эти муки отпустили его на просторы Бермудского Учпучмака – к друзьям, к пиву, к жизни. Он прошёл на кухню, перевернул листок с посланием жены и тестя, подобрал валяющуюся на полу китайскую авторучку с иероглифом, похожим на него самого́ в момент пьяного сна, и написал объяснительную – без упоминания того, на чьё имя он хотел исповедоваться:

«Вчера, сего года, я употребил алкогольный напиток, после чего уронил в грязь своё воинское достоинство! Впредь обещаю. Старший шнапс-капитан Батыршин». Затем после долгого раздумья добавил: «Прошу не отказать!»

Повинюсь сейчас с кряхтеньем:
«Ох, какой дурак я был!
Приношу я извиненье
пред собою – не допил!»

Глава 19. ПОЧЕМУ ЖЕ ПО УТРАМ КАЖДЫЙ РАЗ ХРЕНОВО НАМ? (Батыршин, окончание)

Затем он сделал непростительную ошибку: посмотрел в окно. Одного взгляда в голубое летнее небо оказалось достаточно, чтобы вызвать в себе очередные мучительные рвотные позывы. Правда, он тут же почувствовал себя лучше, обнаружив на тумбочке под трюмо флакончик с духами, который, видимо, в спешке забыла супруга при расставании. Это оказались французские духи «Kenzo», изготовленные на подпольной фабрике в польском Кракове. Правда, хорошо было то, что этот флакончик соседствовал с другим, наполненным (тоже польской) туалетной водой «Hugo Boss». И вот здесь Салихдзяныч вспомнил науку, которой овладел ещё на *срочной* службе: вначале он взболтнул флакон, в результате чего жидкость в нём вскипела, как затаренная радость, затем решительно открыл ёмкость и налил из неё в стакан ровно на четверть парфюмерно-косметической гадости, долив его почти до края водой, после чего проглотил полученное залпом. Пульс его тела отозвался маленьким динамитным взрывом, но мир, как ни странно, стал обретать более колоритные пейзажные оттенки.

Не надо женского мне лона –
хлебну-ка я одеколона!

Так что надежда Аиды на то, что с её уходом в музыкальном супруге проснётся совесть, не сработала. В своё время она сделала последнюю и решительную ставку дамы бальзаковского возраста, и теперь не желала упускать своё маленькое счастье. Правда, в этом семейном демарше военный музыкант был ей явно не подмога.

После принятой парфюмерной пайки во рту стало настолько гадостно, что трубач решил закурить, для чего сунул руку в карман, чтобы достать сигаретку, но неожиданно вытащил оттуда смятую брошюрку со странным названием «Инструкция по применению и использованию воинского снаряжения, находящегося на вооруже-нии Саксаульских вооружённых сил». Поразило его и то, что на брошюрке стоял фиолетовый штамп «Совершенно секретно». Минуты три он сосредоточенно сооб-ражал, в чём разница между *применением* и *использованием,* но ни до чего не додумался, а потом вспомнил, что вчера этой брошюрки у него в кармане точно не было. «Может, Яков Моисеевич ночью подкинул?», мелькнула неприятная мысль. «Ёкарный тесть, а зачем?!». Но не было ответа ни у похмельного военного, ни даже у автора этих правдивых, хотя и страшных строк!

Голова покрыта тенью,
но настроен боево:
применяю снаряженье
и использую его!

Кстати, вспомнил он и о том, что в штанах у него должна была находиться зарплата, которую он получил ещё позавчера. Но при одевании этого предмета одежды открылось некое загадочное недоразумение: не считая табачных крошек, в карманах штанов не обнаружилось ничего. Зарплата таинственным образом растаяла, как инверсионный след от французского истребителя «Дассо Авиасьон Рафаль». Прапорщик потряс лампасы, потом бережно прощупал швы, словно надеясь обнаружить в них ампулу с ядом, и со смиренной обречённостью промолвил сам себе:

– Ну, *иблис* дал, *иблис* и взял…

Знал бы Батыршин, как он был недалёк от истины! Зато после принятого парфюма появились вчерашние зелёные существа – то ли чертенята, то ли просто маленькие пришельцы из параллельной Лилипутии.

Встану рано утром,
посмотрю на рожу.
Больше пить не буду,
но и меньше тоже!

Настораживало то, что вели себя эти пришельцы просто неприлично, во всю глóтку распевая дешёвые шлягеры Димы Билана. «Ёперный бодун, хорошо, что у меня лёгкая форма алкоголизма», подумал Талгат. «Была бы тяжёлая, они бы обязательно вступили со мной в контакт». Чтобы навязчивое виде́ние отвязалось от уставшей головы, прапорщик решил немного поизучать таинственную инструкцию, из которой вскоре узнал, как в Саксаульских вооружённых силах нужно правильно пользоваться винтовками и автоматами, средствами связи и почему-то све-

товыми гранатами, а также загадочным лазерным оружием, о котором он, прослужив уже немало лет, не слышал вообще никогда! После этого музыкант решительно прекратил изучение и стал раздумывать, не сто́ит ли использовать данный документ в качестве украшения мусорного ведра. «А вдруг я за него расписывался?», мелькнула ещё одна мысль. «Покажу-ка я эту инструкцию Кулемзину – он умный, может, разберётся». Но тут же отогнал эту мысль: «А гриф «Совершенно секретно»?! Как же быть с этим?!». Вспомнив Альбионыча, он неожиданно вспомнил ещё одну его фразу: «Военные – это те же дети, только у них яйца большие!», после чего закручинился.

Музыкант ещё с минуту пялился на брошюрку, а потом наугад открыл её и прочёл строки как раз о таинственном лазерном оружии: «Возьмите лазерное ружьё левой рукой за цевьё (см. рис. 1), а кисть правой зафиксируйте на основании приклада (см. рис. 2). В таком положении ружьё приложите торцом приклада (см. рис. 3) к правому плечу (см. рис. 4). Если же вы левша, то положите ружьё и повторите всё в обратном порядке». Ёкарная армия! Это как? Сначала ружьё к плечу приложить, а потом уже за него руками хвататься?!

В наши планы не входило
бегать в поле правовом:
лазер – это наша сила
для победы над врагом!

После этого военный надел какие-то неуставные (то есть ярко-красного цвета с противными жёлтыми цветочками) плохо пахнущие носки и стал готовиться к предстоящей встрече с друзьями-противниками. Но привычный запах вдруг спровоцировал его на ещё одно забавное воспоминание. Когда трубач заснул, Аида вспомнила, что для стройности ног их соседка по дому Жанна Пантелеевна (или Ж. П., как называл её враг Кулемзин) рекомендовала ей делать нехитрое упражнение под названием *велосипед*. Она энергично вскинула ноги вверх и закрутила воображаемые педали. И в этот самый момент военный трубач на мгновение проснулся, спросил: «И куда это ты на ночь глядя поехала?», после чего тут же заснул снова.

Как она возбуждена,
как на волю рвётся –
уезжает вдаль жена!
Может, не вернётся?

Затем его мысль совершила невероятный гиперпространственный скачок, отобразив в бачке унитаза прохладную бутылочку «Маршала». Он несмело подошёл к сантехническому изделию и также робко приоткрыл крышку. О-о-о-о-о-о-о! Вот он, миг торжества! Там действительно плавала целая бутылочка пивка с отклеенной от воды этикеткой.

– Володя, бутылку нашёл! – сняв трубку, взволнованно доложил он гражданскому начальнику.

– Надеюсь, не «Реми Мартен» 1973 года? – осведомился Альбионыч.

– Нет, «Жигулёвское», судя по маркировке на этикетке, 2003 года!

– Сколько?

– Одну, – растерянно ответил военный.

– Одну? – поморщился Кулемзин так явственно, что эти морщины даже пропечатались на мокрой телефонной трубке. – Ну, ты реаниматор! Одной только во рту напакостишь, вот и вся реанимация!

Но Талгат уже не слушал товарища, лихорадочно сдирая пробочку. И вот тут случилось то, чего не должно было случиться: бутылочка оказалась не такой холодной, и после открывания с шипением и обильной пеной стала заливать пространство совмещённого санузла, не забывая *мочить в сортире* самого страдальца. После извержения напитка осталось всего несколько капель, которые старший прапорщик и вытряс на свой сухой, как кизяк в пустыне Гоби, язык.

Радость видится на лицах,
как при сладенькой халве:
чтобы точно похмелиться,
нужно выпить бочки две!

Он на всякий случай посмотрел бутылочку на просвет, осознал, что она пустая, усмехнулся своим кривым мыслям и понял, что пора идти на просторы Бермудского Учпучмака, где нальют наверняка!

Глава 20. ПОЧЕМУ ЖЕ ПО УТРАМ КАЖДЫЙ РАЗ ХРЕНОВО НАМ? (Курманбаев)

Проснулся после беспокойной ночи и другой персонаж нашего занимательного повествования – педагог Курманбаев. Ночь, судя по его внешнему облику, выдалась варфоломеевской, к тому же он страшно храпел во сне. Храп этот местами напоминал фонограмму известного фильма «Парк юрского периода», и был по-свое-му трогателен. А если не обращать внимания на терпкий запах носков, ночью неизвестно как попавших ему прямо под нос, то хоть товарища Стивена Арнольдовича Спилберга вызывай – снимать психологический триллер «Герой вне нашего времени». Уже под утро Нуртаю приснилось, что стои́т он на коленях перед каким-то чёр-ным провалом, из которого выглядывает край кованого сундука, и тщательно сгребает в этот провал рыхлую землю. Появись в этом сне фрейдист Кулемзин, он бы живо объяснил, что земля – это накопленные курманбаевские грехи, а сундук – сим-вол ЦК КПСС (б), куда он так и не попал, хотя и стремился всю жизнь.

Больше всего Мусаич сейчас был похож на воробья, попавшего по ошибке в миксер. Всю ночь ему снился Ленин. Вождь почему-то был не в привычной пролетариату кепке, а в еврейской ермолке, к тому же к знакомой бородке прибавились какие-то еврейские пейсы, так что Ильич был страшно похож на директора колледжа, в котором работал педагог. Но педагог точно знал, что это всё-таки Ленин, и с восторгом ждал, что́ тот скажет ему во сне. И вождь не обманул ожиданий. «Большое значение, товарищ Курманбаев», махнул рукой Ленин, «надо придать вопросу кооперации, ведь только кооперация позволяет достигнуть степень соединения частного интереса с государственным, проверки и контроля его государством, степени подчинения его общим интересам, которая раньше составляла камень претк-новения для многих и многих социалистов![29]»

[29] В. И. Ленин «О кооперации», газета «Путь правды», 1923 – прим. полит. редактора

«Камень преткновения! Мать моя партия, как это верно!», во сне оценил педагог. «И как жаль, что этого вообще не понимает Кулемзин!». Хотя именно здесь можно не согласиться с нашим персонажем: а кто же, как не Володя, создал поистине кооперативное объединение ПОЛК, или Партию Откровенных Любителей Карт, которая и прижилась на славном пространстве Бермудского Учпучмака?!

Всем врагам на удивленье –
и штабник, и призывник –
ПОЛК выходит на сраженье:
вместо сабель – дама пик!

Услышав во сне заветные ленинские слова, педагог разволновался, да так, что сердце его забилось, точно воробей, зажатый в кулаке. И здесь он проснулся. Это было неожиданно и печально, ведь Ильич I растаял прямо на глазах, а вместо него в сознании возникло виде́ние давно не беленого потолка. Чтобы окончательно проснуться, ему пришлось несколько секунд глядеть в потолок взглядом человека, ожидающего увидеть на белой поверхности стены текст, разъясняющий смысл жизни.

Тут же под ухом зазвенел будильник «Слава», подаренный Нуртаю его папой в день окончания школы. Звон проклятого механизма каменным блоком обрушился на спину, ломая позвоночник. Надо признать, что этот будильник даже после пятишести капитальных ремонтов работал отлично, то есть гремел так, как будто возвещал начало III мировой войны, которую проспать было никак нельзя. Курманбаев слишком вёртко повернулся к источнику звука и застучал по столу, пытаясь на ощупь найти такую нужную кнопку отключения. И это, в общем-то, невинное движение как бы заставило разорваться противопехотную мину, оставленную кем-то ночью в его голове: осколки брызнули во все стороны, полоснули по глазам и затылку, а затем вылетели из ушей.

Всё кружи́тся каруселью,
как закрученный сюжет:
просыпаюсь я с похмелья,
ну, а *тыквы* – вовсе нет!

Голова его, безнадёжно испорченная параноидальным советским (б) воспитанием, была пустой и одновременно тяжёлой, как немытый котёл из-под тюремной перловки. Успокоив часовой механизм, Мусаич прислушался к своим ощущениям. Они были на редкость неприятные: вначале голова загудела, словно печка-буржуйка, затем как залетевшая в плафон муха, а потом и вовсе точно церковный колокол во время ночной пасхальной службы, не давая уснуть уставшим за рабочее время гражданам. В желудке было ощущение, словно он сожрал живьём несколько маленьких котят, и они до сих пор ползают внутри. Голова педагога словно поменялась местами с задницей и теперь мучалась, точно от многодневного запора. В ней как бы возникло чувство русской печки, из которой вот уже много лет никто не выгребает золу. И всё же вспомнив, сколько пива на халяву досталось ему вчера, Нуртай довольно улыбнулся жестяной улыбкой.

Затем Курманбаев опустил ноги с постели. Плитки пола показались ему ледяными, будто вода в арктическом море, хотя это, конечно, было не так – утреннее солнышко уже успело нагреть половицы прокравшимися лучиками, и педагог по-

нял, что холодным был не вовсе пол, а его ноги. «Неужели умираю?», пришла спасительная мысль. «Нет-нет, мать моя партия, я ещё поборюсь с извергами всех мастей, с врагами не только мировой пролетарской революции, но и моими лично – в лице псевдописателя Кулемзина!»

Затем зажгло где-то ниже сердца, и ему показалось, что в желудке поселился небольшой Змей Горыныч. Спасительных ленинских мыслей не было в помине, и он оппортунистически решил отдаться на волю житейских волн. Первая волна вынесла его ноги в туалет, где он решительно присел на унитаз, после чего застонал, будто в роддоме. Делая столь важное для любимого организма дело, коммунист покраснел, словно объяснялся в любви с закрытыми глазами, а, закончив, зажмурился, как старый кот, пригревшийся у печки. После этого он тщательно смыл следы своей нечистой жизнедеятельности и с удовлетворением пропел:

– Гремя огнём, сильней, чем были прежде,
пойдут машины в яростный поход,
когда нам даст приказ товарищ Брежнев,
и маршал Гречко в бой нас поведёт!

Повторив куплет ещё раз, он быстро сделал ровный, как у дореволюционного приказчика, пробор, и посмотрел внутрь себя – с помощью зеркала. Со вчерашнего дня ничего не изменилось, правда, его одухотворённое лицо, бледное, как картошка, и несколько отёкшее после халявного володиного пивка, немного не умещалось в зеркале, хотя и было серым, словно сельская дорога. Далее послышался голос жены, предложивший ему остатки вчерашних мант, о которых автор уже рассказывал в главе 243 первого тома нашего романа. Манты были холодными, противными и скользкими, но он ел их, давясь, изо всех сил стараясь жевать размеренно и задумчиво, словно старая корова в стойле. Во время этого важного процесса педагог читал самодельный плакат, недавно появившийся на кухне, вздыхая при этом, словно вдовствующая королева:

Питание является одним из основных условий существования человека, одной из основных проблем человеческой культуры. Сталин

Святые слова, хотя и написанные отвратительным курманбаевским почерком, отлично помогали пищеварению. После мант он съёл ещё две порции овсяной каши – на всякий случай, так как было решительно неизвестно, как сложится сегодняшний день, и удастся ли в течение его перекусить хотя бы разок. Правда, без утренней па́йки пивка горло было по-прежнему сухим, как прореха в войлочной обивке, поэтому во время завтрака Мусаич чувствовал себя лягушкой, к которой постепенно подползает голодная змея. Успокаивало лишь то, что только он один из всего коллектива покеристов жил правильно – чувствуя пульс эпохи.

Я утром собой заполняю штаны,
рубаху и старые боты,
чтоб выйти на улицу членом страны,

в её погрузиться заботы!

Но, прежде чем выйти на очередную покерную битву, педагог решил побриться, ведь он был обязан стать примером для остальных! Плохо было то, что руки тряслись по-прежнему, а электробритва не работала, так что пришлось поскоблить рожу *опасной* бритвой, и этот острый *девайс* полностью оправдал своё название.

Опять порезал бритвою
себе лицо, едрит твою!

Глава 21. ПОЧЕМУ ЖЕ ПО УТРАМ КАЖДЫЙ РАЗ ХРЕНОВО НАМ? (Полтавцев)

А что же наш Серёжа, наш Сергей Афанасьич Полтавцев, любимый герой автора романа? Неужто не расскажет автор об утре этого удивительного персонажа? Конечно, расскажет, ведь автор, не смотря на присущий любому пишущему человеку садизм и мизантропию, всё же ценит своего героя, ибо он и только он дал название этому, второму то́му великого романа «Русская кочерга»!

Ночь сторожа, как и остальных сопокерников, прошла страшно. Во сне он храпел, как медведь, горло которого охотник прижал к земле рогатиной, хотя соседям иногда казалось, что в квартире охранника начинает работать газонокосилка на холостом ходу. От мощного храпа покрывались трещинами старые стёкла в окнах его соседа Нуртая, лопалась колбасная шкурка в магазине Калимы, и вставала шерсть дыбом у знакомых читателю животных – кошки Несси и кота Пушка́, которые этой ночью наконец-то решили соединить себя узами быстрого легкомысленного брака.

На кулак соплю мотая,
проживаю скудный век,
и завидую котам я,
как моральный человек!

Заснув тяжёлым, как бетонная плита, сном, во сне Афанасьич увидел ангела с крылышками, который прошептал ему на ухо забавную, но, тем не менее, благую весть: «А знаешь ли ты, Серёнька, что жизнь, мать честна́я, есть форма существования белковых организмов?». Он ничего не понял, но успокоился и проспал с этой вестью почти что до утра. Правда, под самое утро сторожу приснился ещё один сон – на этот раз страшный: он увидел, как, пылая любовью, к нему мчалась его подруга Зуля, но неожиданно, споткнувшись о пустую бутылку, упала! Здесь охранник вспомнил старую русскую примету и во сне понял, что сейчас к нему в гости придёт Вилка!

Наконец Полтавцев проснулся, после чего обнаружил, что спал одетым, причём, за время сна одежды этой на нём каким-то чудом прибавилось. «Царица лесная, наверное, это из-за того, что сегодня у меня гемоглобин низкий», спросонья подумал сторож. Если бы его сейчас видел писатель Кулемзин, то непременно придумал бы какое-нибудь весёлое писательское определение типа *как таджик на вокзале.*

Низким стал гемоглобин,
потому что я один!

Осторожно, как из засады, охранник стал поднимать пудовые веки, под которые кто-то ночью тайком насыпал ему кремнистый песок, и даже вспомнил никогда не читанную его формулу SiO_2. Вначале Полтавцев попытался открыть третий глаз, как учил его друг Володя, но с трудом открылись только два привычных, да и то не глаза, а какие-то красные похмельные зенки, похожие на страшные очи ведьмака из одноимённой сказки Алексея Толстого. Казалось, что в голове катается, не останавливаясь, трамвай, заблудившийся на новом маршруте. Кроме того, охранника преследовал какой-то знакомый неприятный запах, и будь здесь его друг Кулемзин, он был отозвался на это воспоминание каким-нибудь маленьким талантливым стишком типа этого:

Сменив носки, я убедился лично –
вторичен дух, материя первична!

Кроме того, где-то совсем рядом неизвестные рабочие производили странные работы – судя по звукам, садистом-начальником им был выписан наряд по заколачиванию свай. Чтобы разглядеть источник шума, он с трудом ещё раз разлепил рако-вины покрасневших за ночь зенок, и перед его мерклым взором предстал непрезентабельный скукоженный мирок, где полностью отсутствовал смысл бытия.

Пожар похмелья бушевал в груди у горемыки, и он понял, что такое негасимое пламя можно было погасить только определённым горюче-смазочным материалом, правда, каким именно, пока не вспомнилось. Открыв глаза, Афанасьич рабочих не увидел, но зато разглядел сам источник страшного шума – на столе тикал древний, как Троя, будильник, тяжёлый и массивный, как советская (б) армейская мина к 82-миллиметровому миномёту БМ-37, подаренный ему год назад Кулемзиным (будильник, а не миномёт!) с пронзительной по смыслу надписью на чистой картонной коробке:

Не таблетку, не рубильник
и не глянцевый журнал –
я дарю тебе будильник,
чтоб ты лишнего не спал!

Руки и ноги были деревянными, как у Буратино Карловича, глаза выпадали, словно голубиные яйца из гнезда, а выражение рожи было как у партизана, свято хранящего военную тайну в плену у врага. Именно эта рожа здорово портила общую картину страдальца – можно было подумать, что охранник специально напялил на себя маску то ли вампира, то ли серийного убийцы, без билета пробравшегося на светлый и радостный детский праздник *хэллоуин*. Володя, который как-то раз увидел *такое* с утра, посоветовал Серёже сходить в салон красоты «Чародей», ибо считал, что такое «лицо» можно было исправить только лишь с помощью чар!

Затем охранник вспомнил ещё один совет Альбионыча – насчёт утренней медитации. Правда, что́ конкретно рекомендовал великий гуру, как-то не запомнилось, и Афанасьич решил помедитировать как *дедушка* на душу положит: он, кряхтя, но не вставая с диванчика, сел в позу лотоса, которая больше напоминала позу намокшего после дождя мешка картофеля, сложил корявые руки ковшиком и начал говорить про себя, поминая то мать честну́ю, то царицу лесную. Вскоре «медитация» немного помогла, хотя в голове по-прежнему периодически позванивало, словно там за ночь вырос небольшой валдайский колокольчик. Ощущения были не то чтобы неприятными, но явно никогда прежде не испытанными – так, вероятно, воспринима-

ют мир шизофреники: как через размытое дождём стекло, к тому же немного подзагаженное мухами.

Чтоб не видеть негатива,
что в сознание пришло,
медитирую на пиво,
чтоб оно мне помогло!

Затхлый воздух квартирки пропах окурками, перегаром и чем-то оставшимся от времён застоя, но вставать было надо – охранник помнил, как ещё вчера, перед сном, он дал себе клятву, что сегодня утром постарается обязательно разгромить банду врагов-сопокерников. Но для того, чтобы приступить к выполнению намеченного, надо было просто встать, а вот это как раз давалось с трудом. Он осторожно опустил одну ногу на пол и сразу же вляпался во что-то мокрое. Отдёрнув её, сторож подумал, что это ему померещилось, и тут же опустил вторую ногу. На этот раз нога попала во что-то липкое. Он схватил простынку и стал лихорадочно вытирать пятки, которые, надо признаться, от этого демарша чище не стали. Потом некоторое время он разгядывал простынку, чтобы идентифицировать, во что вляпался, но не определил даже после того, как тщательно обнюхал тряпочку.

Здесь он вспомнил, как Кулемзин, у которого охранник начал учиться жизни, советовал ему, что надо обязательно фиксировать своё внимание на том, с какой ноги ты сегодня встал, объясняя этот научный интерес тем, что нóги – это всё-таки часть единой системы его персонального мироощущения. Серёжа, разумеется, ничего не понял, но слова гуру запомнил, а, вспомнив, занервничал, потому что тут же забыл, какая его нога во что-то вляпалась сегодня первой – правая или левая? Он оглядел их обе, но они были словно близнецы из индийского фильма: с нестриженными ногтями и грязными, словно до этого месили кизяк для постройки домика для дядюшки Тыквы. «Как встретишь III тысячелетие, так его и проживёшь», вспомнил он слова своего друга Альбионыча, и ему стало совсем плохо.

Больно стонет моя печень,
ведь с похмелья я реву:
«Как миллениум я встречу,
так его и проживу!»

Глава 22. ПОЧЕМУ ЖЕ ПО УТРАМ КАЖДЫЙ РАЗ ХРЕНОВО НАМ? (Полтавцев, окончание)

«Надо бы Володе позвонить», решил охранник, после чего наконец поднялся и, почему-то хромая, словно мальчик с занозой – герой скульптуры Микеланджело Лодовиковича Буонаротти, отправился в свой скорбный вторничный путь к телефону. Ноги его выписывали параболы, а изредка даже и гиперболы. Правда, он тут же подумал, что и на этот раз не запомнил, с какой ноги встал, и расстроился.

Я с утра в ужасном страхе,
что завёлся в голове:
сильно путаюсь в ногах я,
не смотря, что их здесь две!

Дрожащей рукой охранник набрал володин номер, услышал алёканье писателя, и спросил не то, что хотел:

– Альбионыч, вот ты всё знаешь, скажи, как отличить правую ногу от левой?

– Серёжа, это совсем просто, – ответил Володя, и тут же полюбопытствовал:

– А зачем тебе это?

– Надо, – твёрдо ответил страдалец.

– Хорошо, запоминай: на левой ноге большой палец справа, а на правой большой палец слева.

Сторож ещё раз тупо поглядел на свои ноги, после чего понял, что не сможет сейчас ответить сразу на три вопроса:

1. Что такое большой палец?

2. Где находятся мифические лево и право?

3. Не послышалась ли вся эта хрень ему с похмелья?

Он осторожно положил трубку на телефонный аппарат, после чего продолжил по возможности внимательное изучение увиденного мира. Первой точкой его сегодняшнего посещения стал совмещённый санузел, впрочем, как, наверное, и у миллионов его современников. Сторож скосил глаза вниз, и в ответ на него глянуло желтоватое бельмо унитаза – без вéка-крышки. Серёжа присел на предложенное Сукой-судьбой со стоном, словно доживал свой *мафусаилов*[30] век. Он сидел и негромко икал, чувствуя, как всё свободное пространство горла занимает какой-то шерстяной клубок. Где-то из-под ванны слышался торопливый шорох, как будто под ней прогорал бикфордов шнур – это резвились тараканы, давно уже обжившие вполне обозримые просторы полтавцевской квартиры.

[30] Мафусаил в библии – один из праотцов человечества (Быт. 5:21-27), прославившийся своим долголетием: этот старичок, по утверждению книги, якобы прожил 969 лет – прим. автора

Во сне опять со мной беда,
хотя мой сон и куртуазен:
журчит небесная вода,
но почему-то – в унитазе!

Сделав печальное дело и выпустив из туалетного бачка маленькую *ниагару*, охранник решил посмотреться в зеркало, чтобы убедиться наверняка, тот ли человек ночевал сегодня в его квартире – согласно прописке. Глянув в правдивое стекло, он с ужасом обнаружил, что его физиономию покрывают какие-то пигментные пятна желтовато-коричневого цвета («Вот и старость пришла!», мелькнула в голове шалая мысль), которые делали его похожим на своего двоюродного брата по имени Фредди Крюгер с печально знаменитой улицы Вязов. К тому же выяснилась ещё одна неприятная подробность: лицо в зеркале оказалось каким-то кривым, как Великая Китайская стена.

И тут он вспомнил, что зеркало уже давно *засидели* мухи, и такое зрелище открывается ему практически каждое утро, когда он не забывает в него поглядеться. «Значит, за ночь ничего не поменялось», подумал сторож. «И это ли не торжество той экзистенциальности, о которой всё время говорит мой друг Володя?». Правда, стекло всё же оказалось довольно честным: казалось, что хирург-извращенец, обманом получивший диплом и лицензию на частную практику, специально слепил

для него такую физиономию. «Мать честна́я!», тепло подумал Афанасьич. «Так вот ты какой, человек XXI века!»

Для приличия он решил немного освежить свою помятую физиономию и повернул кран холодной воды, который протекал точно так же, как и вчера. Кстати, здесь надо заметить, что только за один час ежедневной весенней капели в умывальнике Афанасьича на просторы родины утекал не один баррель дорого́й по нынешним меркам воды. Полтавцев уже успел помыть одну сторону лица, когда зазвенел телефон, поэтому, спеша к аппарату, стал сразу же похож на арлекина. Правда, к вызову он не успел, так как споткнулся обо что-то, чего в его квартире вчера явно не было. «Ладно, потом выясню», принял он мудрое решение.

Я, с похмелья угорая,
мысль подумать ухитрюсь:
«Кто звонит мне, я не знаю,
а узнать и не стремлюсь!»

Затем охранник решительно прошёл на кухню, где сразу же остолбенел: холодильник был почему-то приоткрыт, и в щелку между дверцей и подоконником стала видна сосиска, покрытая малахитовой патиной, как купол Исаакия в Питере. Хозяин квартиры очень удивился, потому что сосисок не покупал уже года три, да и к тому же делал инспекцию холодильного агрегата ежедневно, но ничего нового в нём так и не обнаруживал. «Царица лесная, не захочешь – поверишь в НЛО!», подумал сторож. «Хотя это ведь тоже не научно доказанный факт, что пришельцы подкидывают нам, землянам, именно сосиски…». От увиденной сосиски мысль расширилась да еды вообще. «Надо бы перекусить перед игрой», решил ответственный квартиросъёмщик и раскрыл знакомое чрево холодильника. Он был пуст, как и вчера, и Полтавцев также решительно дёрнул верхнюю дверцу аппарата, скрывающую морозильник.

Итогом этого движения стало понимание того, что в морозильнике лежало литров двадцать чистого холода, не повреждённого запахом пищи. Вид пустого стола также способствовал развитию стойкого отвращения к еде. Да и паскуда-желудок, видимо, проявляя корпоративную солидарность с головой сторожа, в которой, судя по всему, была только вчерашняя подгоревшая перловая каша, тоже дёргался, словно пытаясь сказать что-то нехорошее про заблудшего в истине хозяина. К тому же каша была похожа на заспиртованный мозг обезьяны Чики из музея.

Открываю я духовку,
не поверивши глазам:
кто с утра сожрал *готовку*,
если спал я сам на сам?!

Потом он вспомнил, что давно не заглядывал в кухо́нную тумбочку, где когда-то хранил наличные. В принципе, он не заглядывал в неё вообще, а просто, приоткрыв дверцу, нашаривал несколько бумажек и спускался в магазин, чтобы купить себе чего-нибудь пожрать, – чаще всего пельмени, и не потому, что слишком их любил, а лишь потому, что их было приготовить легче, чем, например, индийское кушанье *чана масала*, для приготовления которого требовались нут и корень имбиря, молотые кориандр и тмин, кайенский перец и чеснок, о чём ему однажды поведал его друг обжора Кулемзин. Пельмени же нужно было просто высыпать в кипящую воду и не упустить момента, когда они разварятся до лохматого бульона.

Пришлось довольствоваться холодным чаем, вкусом напоминавшим пожухлую траву, потому что рискнуть съесть нечто, лежащее на сковороде и запахом напоминающее немного пережаренного скунса, он так и не решился. «Володя покормит – он добрый», мудро решил Афанасьич и второй раз за эту неделю отправился навстречу покерным подвигам.

При похмельном диком шторме
каждый трезвый – идиот!
Только друг тебя накормит
и, быть может, *сто* нальёт!

Глава 23. ПОЧЕМУ ЖЕ ПО УТРАМ КАЖДЫЙ РАЗ ХРЕНОВО НАМ? (Муравлёв)

Ну и, конечно, одну из наших замечательных глав надо бы посвятить старому другу Володи Кулемзина, непризнанному Союзом художников Республики Саксаулия, но всё же называющему себя учеником Малевича, Валерию Муравлёву. В первом томе «Русской кочерги» читатель расстался с ним, когда он мирно почивал в супружеской постельке, во сне ещё раз с приятностью вспоминая прошедший день с писателем и его друзьями по покеру.

Хоть и мозг совсем раскрошен
без системы бытия,
день вчерашний был хорошим,
ведь опять нажрался я!

Утро, как водится в таких случаях, началось с головной боли. Она пришла без приглашения и постучала в черепушку живописца, словно спрашивала разрешения войти. А поскольку Муравлёв с похмелья не соображал никак, то тут же ответил на стук: «Да-да, войдите!», хотя уже мог бы и привыкнуть к тому, что ранним утром после попойки дверь открывать никому не нужно – даже самому́ министру внутренних дел. Впрочем, именно ему не даже, а тем более. Голова была залита не свинцом, как вчера, а, скорее, ртутью, – металлом, как известно, тяжёлым и жидким, который при малейшем шевелении как бы переливался в тыкве.

Вот так живописец и трепыхался в цепких лапах Морфея, пока другой божок, а именно Бахус, не победил первого. Проснувшись и ощутив во рту наждачный язык, Валера попытался раздраить глаза, но одно лишь мимолётное движение век вызвало такую боль, что он решил повременить со своим желанием узреть этот мерзкий мир. Пока было достаточно и того, что свет солнца грел правую щёку. Правда, несколько мешало то, что уши сразу же после пробуждения вернулись в рабочее состояние, позволяя слышать громкий визгливый голос любимой супруги:

– Проснулся, аспид! Вчера так нажрался со своим Кулемзиным, чтоб его *иблисы* на том свете с маслом «Золотая семечка» поджаривали, что опять пришёл на автопилоте! Ты хоть помнишь, что предлагал мне прямо ночью пойти и развестись?!

«Святой Малевич, какая хорошая мысль!», восхитился художник своей сообразительности, но серыми, как стог позапрошлогоднего сена, губами вслух выдавил другое:

– Что ты, Наташа, какой развод? Сейчас я приведу себя в порядок…

«Лучше всё-таки убийство!», мелькнуло в голове. Повторив ещё раз пришедшую шутливую мысль, он понял, что озвучивать её не сто́ит, так как жена шутку вряд ли поймёт и оценит.

Шутить дано во все эпохи,
но не с женой – с ней шутки плохи!

Надо заметить, что раздражена супруга живописца сегодня была больше, чем обычно, так как вчера после того, как Валера усвистал к своему другу Кулемзину, она отправилась к доктору и пожаловалась ему, что ей мучительно больно. «Понимаю», посочувствовал доктор, «наверное, это у вас в организме бесцельно прожитые годы накопились». Наташа писателя Николая Островского не читала даже в школе, потому сарказма врача не поняла. После обследования, во время которого человек в белом халате приятно помял ей некоторые выступающие части организма, она попросила его прописать какое-нибудь эффективное средство для похудения. «Нет проблем», сказал доктор, «я пропишу вам уголь!». «В порошках или таблетках?», полюбопытствовала Наташа. «В мешках! Вагоны будете разгружать…», крайн раздражённо ответил доктор, у которого самого́ дома была такая же необъятная *половина*.

Мне здоровье драгоценно:
чтобы не был я отпет,
я худею постепенно –
200 граммов раз в 5 лет!

Вспомнила она и то, что во время одной из ссор с Валерой он язвительно спросил её, не хочет ли она стать его солнышком, и на ответ, что да, конечно, тут же предложил Наташе отдалиться от тела художника на 150 миллионов километров!

Но – вернёмся к нашему похмельному герою. Ему было утомительно и дрожко, под ложечкой образовалась огромная пустота, словно он целиком проглотил надутый детский воздушный шарик. Тело болело так, будто всю ночь крутилось в барабане стиральной машины производства Отцеябловского механического завода имени Розы Элиашевны Люксембург, Клары Готфридовны Цеткин и Их Несгибаемых Подруг. Слова застревали во рту, словно Николаич сейчас жевал картонную коробку из-под телевизора «Рекорд». «Судорожное онемение голосовых связок», диагностировал бы Альбионыч, если бы в эту трудную минуту был рядом. Но не было его, не было… «Надо бы как-то вспомнить вчерашний день», думалось художнику, «вспомнить всё – мазок за мазком…»

– И опять пойдёшь жрать с Кулемзиным!

«Смотри, какая ещё одна хорошая мысль», восхитился он сообразительности жены, но вслух выдавил другое:

– Что ты, что ты, я вот только за хлебушком схожу – и всё!

Такое большое количество слов, проговорённых разом, заметно лишили его и без этого небольших сил, после чего художник стал белым, словно фарфоровый чайник. С похмелья ощущения у него были, как у черепахи Тортилы на берегу залива: и пить хочется, и до воды хрен знает когда доберёшься! Мысли в голове прятались, точно детские кубики с буквами. К тому же, с нашим героем произошёл небольшой казус: в окно, открытое по случаю летней жары, влетела большая муха и тут же уселась на валерино плечо. Он вздрогнул и стал буквально оседать под

животным, сидевшем на нём, как оленья тушка после удачного выстрела. Со стороны могло показаться, что в эту минуту Муравлёв выглядел словно человек, которого долго били бейсбольной битой по разным о́рганам. «Так вот что значит выражение *быть под мухой*!», пришло позднее понимание жизни.

Понял вдруг в суровом всхлипе,
что в пороке я завяз:
быть под мухой – значит выпить,
но не воду! И не квас!

История Валеры была не стара и не нова. К сожалению, часто случается, что проходит время, и человек словно пробуждается. Мужчина смотрит на когда-то свою женщину и понимает, что чувство, которое он питал ней, вдруг умерло. Месяцы и годы, прожитые вместе, превратились в горку серого пепла, а взаимная любовь, этот слишком редкий и драгоценный дар, вдруг исчезла. Так перегорает лампочка: ровный приятный свет, но через секунду – тьма. Плохо было только то, что без жены у Муравлёва сразу бы начался голодный коллапс – за время их совместной жизни супруга приучила его к домашней еде, а до того, как связать себя суровыми узами брака, Николаич только и мог, что сварить себе пару яиц на завтрак.

О чём мечтаешь ты, товарищ,
когда в рассветный тихий час
себе яйцо на кухне варишь,
включив для этой цели газ?

Такие вялотекущие мысли путались в голове, пихаясь локтями, а затем начали скакать, как энцефалограмма эпилептика. Засасывала серая яма депрессии. Сердце бу́хало гулко, точно шаги Командора. Живописец, не слушая вопли любимой, напрягся и даже смог сесть, по-детски потерев кулаком зудящиеся веки, затем, словно Садко в подводном царстве, провёл перед собой рукой. Душа выбрасывала робкие зелёные побеги. «Умыться – и свалить!», пришла ещё одна спасительная мысль. Он поднялся с супружеского ложа и сделал первые неверные шаги. Во всём теле диагностировалась ужасная слабость, кроме того, выяснилось, что ноги его дрожали и разъезжались, как у только что родившегося жеребёнка. «Святой Малевич, где я?», попыталось спросить сознание. «В большой жопе, детка», ласково отозвалось подсознание. Короче говоря, как верно писал в своё время Франсуа Гийомович Вийон, по отзывам его современников, и сам не чуравшийся черноплодных напитков,

не могу я ни стоять,
ни лежать, ни сидеть,
надо будет посмотреть,
не смогу ли я висеть…

Глава 24. ПОЧЕМУ ЖЕ ПО УТРАМ КАЖДЫЙ РАЗ ХРЕНОВО НАМ? (Муравлёв, окончание)

Плохо функционирующие ноги, повинуясь похмельному сознанию, занесли его в совмещённый санузел. Чем он там занимался ближайшие пять минут, чита-

тель уже знает из главы 10, так что исторический разговор его супруги с Кулемзиным прошёл мимо сознания художника. После того, как Валера добрался до ванной комнаты, его шатнуло к зеркалу. Предметы, если увиденную им собственную голову считать предметом, виделись расплывчато, как сквозь плохо вымытую призму. Если бы здесь внезапно оказался марсианин Кулемзин, он бы обязательно посоветовал художнику создать свой автопортрет с названием под рамой: «Лицо неузнаваемого. Зеркало, пена, помазок».

К тому же, амальгамированное стекло вместо прекрасного, как ему всегда казалось, лица живописца отразило нечто серое, похожее на раствор цемента. Приглядевшись внимательнее, Муравлёв вдруг понял, что не всё так плохо: выражение у него было псевдоодухотворённое, словно у человека, который после долгой голодухи попал на продуктовый склад. «Пиво!», просто подумал он. «Ведь именно оно – моё предвестье счастья!»

Увидев выходящего из санузла мужа, Наташа вспомнила ещё об одной домашней беде.

– Ты когда унитаз отремонтируешь, скотина? – с полоборота завелась она.

Валера, услышав такие слова в свой адрес, призадумался: а на той ли женщине он вообще женился? Может быть, ему была нужна другая – та, которая была способна понять его сложную душу художника?

– Не кричи, дорогая. Вот я на днях читал, что по фэншую до́ма обязательно должен быть источник текущей воды – фонтан или водопад…

– А уж когда мы *этим делом* занимались, так я вообще не припомню! – визжала за дверью любимая. «Каким таким делом?», мучительно напрягаясь, начал вспоминать страдалец.

Всё в этой жизни взвешенно и мудро,
картина многолика и пестра:
кому с утра важнее *камасутра,*
кому – опохмелиться бы с утра!

Поплескав на рожу холодной водичкой, он прополоскал испоганенный похмельем рот, после чего решил было побриться, но сразу же передумал, с отвращением разглядывая в зеркало чьё-то чужое старческое лицо. Казалось, что глаза́ его, как у подтухшего карпа, смотрели куда-то внутрь организма, но, кроме проспиртованных кишок, не видели ничего другого. И только после этого живописец напряжённо пополз в сторону кухни, движимый вполне здоровой мыслью снять затянувшуюся алкогольную интоксикацию литром чего-нибудь молочного – он хорошо помнил, что перед сном открывал холодильник в поисках какого-нибудь бухла, но увидел только два больших полуторалитровых пакета молока. Сейчас этих пакетов не было.

– Молочко где? – просипел он не своим голосом.

– А ты что думаешь, ты со своим другом Кулемзиным бухáешь, а я должна всю ночь голодом сидеть? – опять взвизгнула супруга, правда, забыв отметить, что вместе с тремя литрами молока умяла в ночной трапезе и пару кило печенья «Саксаульское сдобное».

Бодун крепчал.
«Пора принять таблетку!» –
в ушах пищал

секретный позывной…

Окончательно поняв, что спасительное молоко за ночь чудесным образом испарилось, Валера взъярился, но, вспомнив всё то, чему его учил друг Володя, быстро произнёс:

– А не пошла бы ты в мягкие ткани задней и латеральной поверхности таза, представленной в виде ягодичных мышц, подкожно-жировой клетчатки и кожи?!

Супруга потеряла дар речи, но быстро оправилась:

– Ах, вот как вы заговорили! Сами идите на самое короткое ругательное выражение, которым называют мужское достоинство в русском и других славянских языках!

Муравлёв понял, что пора сматываться: уж если жена начинает называть его на *вы*, то дело здесь может запáхнуть мордобитием с применением спецсредств типа тапочек. За окном булькали голуби, окружающие дом тополя так и норовили загадить своим пухом каждый подходящий для этой цели балкон, утренние облака стремительно двигались по небосводу, как бы играя друг с другом в догонялки. Словом, всюду продолжалась жизнь. И только в организме художника она стала медленно останавливаться. «В родной Учпучмак!», молнией мелькнула спасительная мысль. «Быстрее в Учпучмак!». Здесь он заметил лежащий на кухóнном столе штопор с деревянной ручкой – полезный предмет, который верой и правдой служил ему ещё с советских (б) времён. Валера торопливо, но аккуратно завернул его в носовой платок, чтобы не пораниться, и засунул поглубже в карман штанов. Зачем он это сделал, Николаич, конечно, не ведал, но вот автор романа «Русская кочерга» в ту секунду знал наверняка, что штопор этот появится уже в этом томе, а именно в главе 232.

Художник демонстративно погремел саксаульской мелочью, пробормотал что-то насчёт хлебушка, напялил на ноги кроссовки без признаков шнурков, словно до этого не мирно почивал в своей постельке, а тяжело и надсадно кашлял в общей камере внутренней тюрьмы, где такие шнурки как раз и отбирают – для невозможности быстрее, чем это задумал *дедушка*, обессмертить свою непутёвую душу, и вылетел из квартиры. «Хорошо, хоть по морде не получил», обрадовано подумал он и обрадовался ещё больше, так как понял, что сегодняшним утром смог вообще обрадоваться хоть чему-то.

Отбросив тяжкий груз традиций,
колотят бабы мужиков –
нигде не спрятаться, не скрыться
от их железных кулаков!

Он вышел из подъезда, придерживая рукой разваливавшуюся на части голову. Она всё ещё кружилась, под ложечкой неприятно посасывало, а перед глазами при каждом неосторожном движении плыли светящиеся пятна, как на цветной тестовой таблице для проверки зрения у железнодорожников. Пересохшая гортань требовала не хлорированной водопроводной воды и не той пары жалких глотков, которыми он тщетно пытался обмануть похмелье. «Полцарства за алкозельцер!». После этой страшной мысли пришло суровое решение: вот сегодня немного похмелиться пивком, а потом всё – полное воздержание!

В голове был классический чёрный вакуум[31] без единого дуновения ветерка, робкой искорки прозрения или хотя бы намёка на то, что раньше здесь проживали

мысли. Одно только было хорошо в этой ситуации – это то, что в Саксаулии в приходом демократии отменили и расформировали все вытрезвители: сегодня можно было бухáть сколько влезет, но при этом не хулиганить, потому что статью за хулиганство так и не отменили. Валера вспомнил, как он неоднократно посещал советские (б) вытрезвители, но почему-то эти воспоминания оказались не тягостными, а где-то даже приятными. «Молодой был, горячий!», тепло вспоминал он былое.

[31] И это знает каждый второй, если не первый, русский мужик! – прим. автора

Воздух в вытрезвителе пленительно свеж,
как блёстки серебряной пыли.
Главное всё ж – не исполнение надежд,
главное – чтобы они всё же были!

В это время его качнуло, но как же удачно! Что-то сверкнуло в траве справа, и Николаич, хотя его и шкивало влево, кое-как нагнулся и поднял подарок Суки-судьбы – в его руках поблёскивала новая сияющая монетка в 100 назарбаксов. Именно столько в описываемый нами суровый 2003 год и стоил проезд на такси к дому Кулемзина. Можно было, конечно, сэкономить и добираться до второго микрорайона, как говорят в народе, *на своих двоих*, но где же было взять этих могущих помочь двоих, когда ноги так и норовили принять горизонтальное положение, а ползком к Альбионычу он бы самодоставился только к вечеру.

– Такси! – осипшим петушиным фальцетом выкрикнул живописец. Рядом немедленно притормозили штук пять разномастных машинок – выбирай не хочу. Он плюхнулся в жёлтый автомобиль со стойким запахом бензина и сумел-таки выдавить длинную фразу:

– Во второй микрорайон, святой Малевич!

А чудес всё больше, больше:
выхожу я на большак –
все таксуют: форд и порше,
и телега, и ишак!

А что же супруга живописца? Она не сильно расстроилась бегством своего ненепутёвого мужа, потому что тут же занялась самым любимым делом – утренним макияжем. Правда, подойдя к зеркалу, Наташа с ужасом обнаружила, что, увидев вчера вечером пьяного Валеру, забыла стереть макияж понедельничный. Спасла её какая-то (прости, русский язык!) мицеллярная вода, которая не только стирала вчерашнюю косметику и очищала пóры лица, но и – чудо! – успокаивала, как утверждала этикетка. Но неприятности вскоре закончились: после снятия прошлого макияжа она тут же нанесла новый, полюбовалась на себя в зеркало и занялась вторым своим любимым делом – чтением гороскопов.

Я семейную шараду
раскушу, как свёклу крот:
гороскоп мне скажет правду,
коли муж сейчас соврёт!

Гороскоп был единственным местом, где у Наташи всегда были деньги, приятные путешествия и идеальные отношения с партнёрами. Вот и сегодня он посо-

ветовал ей прямо с утра заняться бизнесом! Сибирцева (б), нынешняя Муравлёва, достала листок бумаги и вывела красивым женским почерком крупный заголовок:

Бизнес-план

После тщательного получасового обдумывания у новоявленной бизнесменши наконец родился первый пункт этого таинственного плана:

1. Попросить денег у мужа.

Глава 25. ВЫХОД В СВЕТ

Уже из первого тома «Русской кочерги» читатель узнал, что всё началось с пустяков, если оценивать события с точки зрения исторической перспективы. Покер, которым Альбионыч заразил созданный им коллектив, ворвался в тухло-скучный мир Бермудского Учпучмака. Так среди гнилой болотной зелени, из-под почерневшей кочки неожиданно вскипает холодный, кристально чистый ключ, и медленно, но неустанно прокладывает себе дорогу через застойную коварную трясину к широкой полноводной реке.

Тёзка автора этого романа некто М. Горький когда-то высказал странную мысль о том, что, мол, человек рождён для счастья, как птица для полёта. У Володи же была другая, более точная формулировка: «Человек – это постоянно действующая фабрика для переработки продуктов природы в говно». И взялся этот афоризм не на пустом месте, а как раз в процессе осмысления как само́й игры, так и характеров игроков-сопокерников, да и, честно говоря, своего нелёгкого характера тоже. Изучая глубинные процессы *русской кочерги*, Кулемзин неожиданно для себя понял ещё одну непростую истину: провинциализм – это не ограничение по месту жительства, провинциализм – это ограничение по мозгам в сочетании с высоким самоуважением и взглядом на знакомых марсиан как на естественно высших астральных существ.

Но – хватит философии, пора бы уже выпустить нашего героя, да и остальных тоже, в свет, как и было заявлено в названии этой главы, ведь им предстояла борьба – сложная, тонкая, увлекательная, расчётливая. Впереди была жизнь, уже расписанная перебинтованной рукой Суки-судьбы. За ночь Кулемзин соскучился по своему бестолковому городу и сейчас предвкушал встречу с ним. Телефон молчал как покойник, зато по мозгам ударил стук в дверь.

Кто стучится в дверь ко мне
с толстой сумкой на ремне?
Это он, это он –
толстосумый дверостук!

Володя подумал, что так, наверное, стучали в тридцатых, когда приходили за гражданами по ночам – для быстрой смены прописки. Он смело раскрыл дверь, не интересуясь, кто там. Перед дверью стоял старик с песочными часами в руках.

Часы песочные программней,
чем те, в которых виден диск:
песок в часах – секунды камня,

а стрелка – струйка сверху вниз!

– Не желаете? – предложил старик. – Отдам недорого.

– Яйчики-бабайчики, желаю, – быстро ответил писатель, так как давно мечтал о таком приборе измерения того, чего не существует во Вселенной. Он сунул руку в карман джинсов и вытащил оттуда серо-зелёную бумажку с портретом какого-то мордатого старика с локонами до плеч и неприятной жабьей физиономией. Рядом со стариком была напечатана заветная цифра 100. Франклин[32] на тусклой шершавой бумаге выглядел очень недовольным: видимо, он предпочёл бы остаться у себя на родине, а не в смятом состоянии в кармане какого-то марсианского саксаульца. Недоволен он был и тем, что его последнее время страшно волновал поднимающийся с каждым днём курс евро. Альбиоыч сунул купюру старику, но тот неожиданно пожелал дать сдачу, после чего вытащил из кармана точно такую же, но с цифрой 99 и портретом кулемзинского друга Альберта Германовича Эйнштейна, отдал песочные часы новому владельцу и с достоинством удалился.

[32] Бенджамин Джосайевич Франклин. Многие думают, что он был президентом США. Отнюдь! – прим. автора

«Время – большая сволочь», подумал Володя, разглядывая часы, «оно лечит наши раны, не спрашивая, нужно ли это нам…». От этой горькой мысли писатель поморщился, словно от приторной нитроглицериновой горечи.

– У *кундалини* свои часы, – произнёс он загадочную фразу, и было видно, что Кулемзин хорошо знает предмет цитаты. Проговорив таинственную фразу, Володя открыл один из двух своих сейфов, положил туда песочные часы, а взамен вытащил некий предмет, который тут же прикрепил к рубашке, после чего уже в зеркало полюбовался на медаль Всемирного Конгресса Поэзии «За особые заслуги в области лингвистики и национального фольклора», которой был награждён как лучший лингвист и национальный фольклорист Саксаулии.

Он уже было собрался выйти за порог, но на минуту вернулся, чтобы надиктовать на автоответчик послание всем без него позвонившим. Будучи глубоким интеллигентом, Альбиоыч просто не мог остаться глухим к запросам его неведомых абонентов. Применив секретную марсианскую технологию, он сделал голос женским, который теперь при звонке приятным тембром извещал следующее: «Вы набрали несуществующий номер, но если после этого вы всё же хотите что-либо сказать, лучше повесьте трубку. Спасибо!». Перед выходом в свет он ещё раз оглядел себя в зеркало и остался доволен увиденным: тело туго облегала рубашка цвета венерианского мха *пръмъллеь*, рукава которой были закачены по локоть, отчего писатель сразу же стал похож на курортника или мясника. Да и в остальном он, массивный и несокрушимый, как бульдозер на солярке, выглядел крайне солидно, – как купюра в 500 евро.

Знает всяк мой оппонент:
я красив, как евроцент!

«Кстати, о евро», подумал здесь автор книги. «А не вложить ли потихоньку в штаны моего героя маленькую золотистую монетку – в 1 евро? Вдруг в процессе дня пригодится!».

«Откуда бы она у меня?», подумал Альбионыч, но потом вспомнил, что монетку подарил ему старый рижский друг Володя Решетов – через несколько дней после того, как эту валюту ввели в маленькой прибалтийской стране. Вспомнил он и стишок, наваянный им в тот же день:

Та кругла и та кругла –
кто монеткой платит?
С латов Латвия сошла,
как с ума в палате.
Вместе с Латвией скорбит
мир по новой эре.
Изучай, сынок, *еврит*,
привыкая к евро!

Уходя на игру, Володя оставил в сейфе своё журналистское удостоверение, паспорт СССР (б), а также все ордена, медали и значки ГТО, как это делают разведчики, уходящие в тыл врага. С особой грустью он оставил и недавно надетую на рубашку медаль, решив, что если её увидит педагог, то может из зависти сойти с ума, а это будет нечестно по отношению к покерному сопернику.

Полюбовавшись на себя, гуру всех игроков вышел из своего жилища, после чего тут же поморщился: соседская квартира, где проживала Галлюцинация, воняла по-прежнему, из-за двери доносился невнятный шум – видимо, сожители алкашки тараканы с утра устраивали праздничный забег в ширину. «Да, соседям не позавидуешь», подумал наш герой. «Просто тараканья ферма какая-то! А таракан, как известно, имеет склонность к экспансии…». Затем он понял, что соседом в данном случае является сам, и ужаснулся. Стены в доме № 17, где имел честь проживать и наш герой, и, к сожалению, его соседка Галлюцинация, когда-то были построены в два кирпича, как в казематах Петропавловской крепости – ори хоть благим матом, всё равно никто не услышит.

За минуту до этого Галина Смирнова (б), позавтракав полупомоечной килькой и подванивающими солёными огурцами из магазина Калимы, стала думать, как прожить сегодняшний день. С дикого бодуна думалось плохо, и она, собравшись с силами, вышла во дворик, задрала голову в сторону балкона любимого и истошно заорала:

– Руслан, б…, выходи, б…, б…!

Как частенько пишут в плохих романах, ответом ей была тишина. Если бы Володя не слышал крика Галлюцинации своими ушами, он ни за что бы не поверил, что женщина может исторгнуть из себя столько децибелов. «Может, вызвать милицию?», лениво подумал он. Но Глав-Бух всё же появился на балконе – без рубашки и в каких-то больничных кальсонах, после чего стал блевать в пространство. Перед ужратым вусмерть алкашом, исполненный боли шекспировский вопрос *выть или не выть*, похоже, не стоял. Проблевавшись, он стал орать в ответ, причём, делал это так громко, словно ему без наркоза удаляли аппендикс. Несмотря

на препятствие в виде подъездной двери, писатель всё же услышал эти вопли – ему показалось, что на улице кого-то методично разрезают электропилой. «Вот сволочь!», адресно подумал Володя. «Хуже Нуртая!»

Родиться, драться, материться, спиться –
вот вкратце нашей нации традиция…

После этого Альбионыч споро сбежал по ступенькам, ведущим от лестничной площадки первого этажа на площадку, в планах дома не обозначенную никак, чувствуя при этом непривычную лёгкость, как будто двигался во сне или каким-то непостижимым образом сбросил лет тридцать. Летящая походка его объяснялась просто: Кулемзин был по уши накачан адреналином от предчувствия участия в *русской кочерге*, и едва сдерживался, чтобы не припуститься бегóм. А, может, всё было ещё проще, и лёгкость нашего героя объяснялась лишь тем, что преодолеть ему пришлось всего пять ступенек?

Хотя от алкашиного вонизма хотелось освободить свой замечательный нос побыстрее, Альбионыч не преминул пошарить рукой в почтовом ящике. К сожалению, почтальон Оля ещё не приходила – по причине слишком раннего утра, но в ящике уже что-то белело. К разочарованию Кулемзина, это оказался уже не первый раз засунутый в железное нутро журнал «Сторожевая Башня», который писатель называл по-компьютерному кратко: библоспам.

Почитатели той ахинеи,
что находят восторги в крестах
и разносят гнилые идеи,
заблудившиеся в небесах…

Глава 26. БИБЛОСПАМ

Думаю, что каждому, кто живёт в Саксаулии, да и в России тоже, хотя бы один раз доводилось встречать на жизненном пути свидетелей Иеговы – именно они, присвоившие себе имя *дедушки* на древнееврейском языке, и издают этот макулатурный журнал. Чем же отличается эта, с позволения сказать, организация от других мозгозасерательных коллективов? Прежде всего, их невероятно активной пропагандистской деятельностью: эти свидетели, ещё ни разу не выступающие ни в одном суде мира, чаще, чем члены других сект, ходят по домам, пристают к людям на улицах, раздают свои листовки и журналы, навязчиво предлагают изучать библию вместе с собой, и даже приглашают наиболее сговорчивых на свои сомнительные собрания.

Эта секта для слепых –
зрячим здесь запрет:
все *свидетели* у них –
подсудимых нет!

Кто же эти люди, и откуда они взялись на славных просторах народов-побратимов? Да из США, конечно же, из этой раковой опухоли нашего маленького земного шарика! Некий Чарлз Джозефович Рассел ещё в конце XIX века в Пенсильвании основал это гнусное религиозное объединение, которое сегодня разрослось

практически на всех континентах, включая Антарктиду, где это общество возглавляет Главный Белый Медведь. Центр же его находится сейчас в штате Нью-Йорк. Жёсткая и развитая многоуровневая иерархическая управленческая и финансовая структура – вот главное отличие свидетелей Иеговы от примитивных, хотя и многочисленных организаций типа РПЦ[33] или Халдейской католической церкви.

[33] *Русская православная церковь – прим. богосл. редактора*

Бюрократия здесь была поставлена покруче, чем в СССР (б), ведь буквально во всех звеньях – больших и маленьких – регулярно составлялись отчёты о деятельности и передавались наверх по инстанции. Кстати, из всех тоталитарных сект, действующих, например, на территории России, эта секта более всего (и даже внешне) напоминала компартию. Может быть, поэтому ей удалост добиться таких заметных успехов на всём постсоветском пространстве.

Автор берётся утверждать, что структура секты свидетелей Иеговы удивительно похожа на структуру КПСС (б) с её «демократическим централизмом»: например, вместо богослужений адепты проводят «партсобрания», уроки «партучёбы» и «партсъезды» (ежегодные «Конгрессы свидетелей Иеговы»), а в эсхатологической (прости, русский язык!) перспективе они ожидают вполне конкретного земного рая (читай коммунизма), где будет много еды и мало работы, где от каждого будет браться по способностям, а даваться по потребностям. Правда, забавно в этом сомнительном учении то, что ни богу (Иегове), ни Христу места в этом земном раю не предусмотрено.

Идя ещё дальше, свидетели Иеговы отрицают любое земное правительство и всё, что с ним связано: службу в армии, присягу на государственные должности, государственные праздники, отдание почестей флагу, голосование и избрание на выборные должности и т.п. Все члены секты считают себя гражданами единого теократического государства – Общества Сторожевой Башни со столицей в Бруклине, где близ знаменитого Бруклинского моста находится их центр «Вефиль[34]». Любая другая религия, кроме веры свидетелей, по мнению анонимных авторов Сторожевой Башни, «похожа на чистый кокаин». Но ещё забавнее то, что христиане именуются предателями бога и лжецами, а элементы христианского учения и традиции – произошедшими из «древних лжерелигий». В журналах ОСБ частенько сообщается, что «христианский мир и другие ложные религии вскоре будут полностью уничтожены»

Любим собственный гарем:
кроме нас, нет места всем!

Короче, мой любопытный читатель, докладываю тебе, что экуменизма[35] на нашем сморщенном шарике, похоже, нам с тобой не дождаться – так же, как обещанных конца света или второго пришествия первого социалиста. Так что, увидишь странствующих раздавателей этого мерзкого макулатурного спама, рви от них когти, иначе эти когти вцепятся в тебя, и не отпустят уже никогда!

[34] *Дословно с ивр. дом бога – прим. автора*
[35] *Движение за сближение и объединение различных церквей и конфессий – гр.*

Глава 27. ВЫХОД В СВЕТ (продолжение)

А где же наш герой-богатырь Альбионыч? Оставил его автор наедине с проклятым журналом, да и бросил на произвол Суки-судьбы, не зная, что именно в этот момент марсианин думал горькую думу, в которой сообщал сам себе, что «одинокий герой уходит навстречу полчищам врагов». Хорошо, что он был настолько закалён в боях за чистый разум, что можно было не опасаться за его психическое здоровье. К сожалению, быстро выйти из подъезда ему не удалось, так как к табличке на своей двери, о которой автор уже сообщал в главе 71 первого то-ма «Русской кочерги», Кулемзин сегодня решил добавить ещё одну – собственноручно исполненную на днях. Он прикрепил табличку на четыре аккуратных золотистых шурупа и, немного отступив, с удовольствием прочёл:

Настройка лир – 1 звонок
Подковка Пегасов –2 звонка

После чего, поспешив выйти из дома, писатель, проскакав через ступеньки, толкнул дверь подъезда. Вращающаяся специально для него Земля понесла его навстречу солнцу – к покерному столику. Первое, что отметил Альбионыч своим острым взором романиста, это то, что сегодняшний пейзаж Бермудского Учпучмака маврикийской весёлостью как-то не манил. Вторым им отмеченным фактом был тот несколько сыроватый после ночного дождя воздух, до отказа наполненный таким непривычным ингредиентом, как обыкновенный кислород, не загаженный выхлопными газами. Его было столько много, что этот химический элемент хотелось где-то припрятать про запас. Третьим же была крашеная непонятным цветом фанерка, присобаченная возле подъездной двери, которую литератор называл *тоска объявлений*. Такие фанерки с недавних пор появились на стенках буквально перед всеми подъездами микрорайона. Вот и сегодня здесь с утра появилось важное сообщение, где именем (прости, русский язык!) *кондоминиума* или, проще говоря, КСК[36], возвещалось о скором ремонте системы водоснабжения. Если заглянет мой читатель в главу 233 первого тома «Русской кочерги», то наверняка вспомнит, что председателю КСК вчера не удалось *развести* жильцов на ремонт крыши, и потому он решил наверстать свои финансовые потери ремонтом ба-тарей и примыкающих к ним водопроводных труб.

[36] Кондоминиум собственников квартир. Об этой таинственной организации автор уже рассказал в первом томе «Русской кочерги», в главах 67-68 – прим. гл. редактора

Будьте с нами осторожны
час за часом, день за днём:
мы починим всё, что можно,
правда, денежки сдерём!

Стараниями старшей по дому Жанны Пантелеевны, или просто Ж. П., как называл её наш герой, на фанерке появилось ещё одно объявление. Активистка не ле-нилась вставать раньше всех и ходить с утра в КСК, чтобы первой узнавать все ком-мунальные новости. Вот и сегодня прикнопленный к двери листок стал плодом её утренних усилий по налаживанию быта вверенного ей жилого фонда:

Уважаемые жильцы!
Имейте совесть, выбрасывайте мусор

в соседний двор, ближе к дому № 16!
Старшая по дому (подпись неразборчива)

Испытывая уважение практически к любому печатному слову, писатель прочитал также ещё несколько объявлений, бóльшую часть которых составляли призывы похудеть без голодания и физических нагрузок. Эти соблазнительные призывы сопровождались плохо отпечатанными фотографиями, на которых были изображены якобы одни и те же люди – до приёма чудодейственных препаратов и после, хотя даже малым детям было ясно, что все сомнительные снимки были обработаны в Photoshop'е.

Мы идём к ним, как бараны,
раскрывая свой карман:
нас разводят шарлатаны –
на какой-то сброс ума!

Оригинальнее всех на фанерке висело объявление, которое сегодня рано утром, даже опередив Жанну Пантелеевну, вывесила баба Лида из квартиры № 7:

Сдам угол порядочным людям.
Проверять на порядочность
буду, как в КГБ!

Оригинальность его заключалась в том, что оно было не распечатано на принтере, как остальные, а было написано от руки – на тетрадном листочке в арифметическую клетку. Володя подивился суровости проверки и подумал о том, что большинство квартировладельцев сдают свои помещения именно с такими требованиями: чтобы квартиранты были русскими, богатыми, стерильными, бездетными, нелюдимыми, глухонемыми и импотентами. Затем всё произошло, как в плохой сказке, где, если Красная Шапочка только подумает о Волке, как он тут же экстрасенсорно и повстречается.

– Володя, этому надо положить решительный конец! – писатель был ошарашен визгливым голосом, который, как уже, наверное, догадался читатель, принадлежал активистке дома № 16 Жанне Пантелеевне, или просто Ж. П. «Яйчики-бабайчики! Нехило денёк начинается!», подумал Альбионыч, даже не сделав тщетной попытки ретироваться.

– Жанна Пантелеевна, здравствуйте. Какая приятная встреча с утра! – вынужденно поприветствовал он старшую по дому. – Позвольте уточнить, а что вы вкладываете в понятие решительный конец?

– Тебе вот всё шутить, – помрачнела лицом активистка, – а, между тем, дело-то серьёзное!

– Даже не сомневаюсь. И всё же?

– Удивляюсь я: вроде все мы в одном доме живём, а никто ничего не видит! Вот вчера прошёл дождь…

«Эх, если бы и сегодня тоже!», с тоской подумал Володя.

–…а никому нет дела! – завершила мысль Ж.П.

– А решительный конец – это, надеюсь, конец вашей фразы? – поинтересовался Кулемзин.

– Решительный конец, – наконец-то соизволила объяснить соседка, – это тот конец, который надо решительно положить на нашего председателя КСК!

План суров и неотложен
для тепла родных сердец:
«Мы решительно положим
безобразиям конец!»

Глава 28. ВЫХОД В СВЕТ (окончание)

Здесь впечатлительный писатель представил совсем уж какую-то порнографическую картинку, хотя у него так и не получилось увязать её со вчерашним дождём. Правда, минут через десять путаного объяснения выяснилось, что вчерашняя стихия немного подтопила ареал проживания наших героев, а вот если бы *поВдоль* него была прокопана небольшая канавка системы *арычок*, то небесная вода стремилась бы не к дому, а как раз мимо него – к главному арыку на улице Жубанова.

– А от меня-то что надо? – тоскливо вопросил Альбионыч.

– Так вот же! – торжественно выкрикнула Ж. П., выхватила листок с очередным письмом неизвестно куда и ткнула его в грудь Володи:

– Подпиши!

– Что это? – удивился писатель.

– Неважно! – более подробно проинформировала общественница.

Кулемзин подписал, после чего недовольная тем, что дело решилось так быстро, активистка вошла в подъезд, видимо, для того, чтобы собрать под письмом подписи абсолютно всех жильцов дома.

«Было грязно – стало чисто!
Были нитки – стала нить!»
Хорошо, что активисты
точно знают, как нам жить!

Итак, наш герой вышел из дома с небрежным видом провинциального артиста, всё первое действие просидевшего за кулисами, но теперь вышедшего на сцену играть неожиданно приехавшего издалека дядюшку. С тех пор, как ранним утром он встретил на просторах Бермудского Учпучмака своих старых знакомых – бомжей Танкиста и Одиссея, персонажей несколько прибавилось. Теперь здесь на околоподъездной скамеечке обнаружилось любопытное лицо подательницы утреннего объявления из квартиры № 7 – бабы Лиды, которая принадлежала к классическому типу из племени *дедушкины*х одуванчиков. Именно такие старушки являются источниками всех новостей и дома, и даже микрорайона, источником, заслуживающим абсолютного и безусловного доверия, потому что именно они и есть носители подлинной информации, а вовсе не статистики или газетчики, как сейчас вообразил себе мой читатель. Володя подошёл к старушке и, приподняв воображаемую шляпу, произнёс:

– Bonjour, madame! И, с вашего разрешения, тут же aurevoir! – после чего проследовал к покерному столику.

В настроенье, не горюя,

и гордясь своим умом,
по-французски говорю я –
млеют дамы все кругом!

Альбионыч шёл, как Следопыт, герой Фенимора Уильямовича Купера, – то есть не хрустнув веточкой, не сломав сучка́, тем самым как бы подтверждая отличную работу дворника с утра. Оглядевшись в поисках таинственного, Володя заметил, что сегодня вокруг Бермудского Учпучмака так же, как и вчера, там и сям торчали саксаульские деревья и прочая растительность с листьями разных размеров. И хотя писатель не был экспертом в области прикладной флоры, у него создалось впечатление, что уход за газонами пространства был явно недостаточен. Настораживало и то, что уже с утра по двору кем-то были развешаны эвересты белья, предварительно очищенные от грязи с помощью горячей воды и поверхностно-активных веществ.

В это время его внимание привлёк какой-то шум, идущий откуда-то сверху. Он поднял голову и в тумане утра разглядел странную картинку в квадрате одного из окон третьего этажа дома № 16. В окне, расположенном как раз над окном Ангелины Ивановны[37], любительницы покрутить ручку настройки радиоприёмника, словно в проявителе, ритмично колыхалась что-то белое. Он тут же вспомнил, что там живёт *разведёнка* Тамара, которая уже не раз подкатывалась к нему с нескромными предложениями о более близком знакомстве. Увиденное так поразило нашего героя, что он тут же поспешил назад, в свою квартиру, где срочно отобразил изумившее его на новом поэтическом полотне:

Свисая утром из окна,
когда рассвет туманом весел,
кричала женщина одна,
причём, отнюдь не в плане песен.
Барьер штурмуя звуковой,
поправ тяжёлым бюстом раму,
она качала головой
и поминала чью-то маму…

[37] О ней было рассказано в главе 103 первого тома «Русской кочерги» – прим. автора

Затем, ещё раз пережив увиденное, он сделал вторую попытку выхода в свет. Но вновь был остановлен – на этот раз творческим припадком, да таким сильным, что пришлось снова вернуться и лихорадочно набить на клавиатуре горькие строки о родном городе и людях, его населяющих, а затем, по писательской привычке, оформить всё это в отдельную главу второго тома.

Глава 29. ПОД ПЕРСОНАЛЬНЫМ КРЕСТОМ

В призрачном мареве ёжится
тусклая жуть фонарей,
и нескончаемо множатся
зевы открытых дверей.
Сумрачно хлопают двери,
и начинается день
дрожью чугунных артерий,

трепетом каменных вен.
В поры асфальтовой кожицы,
тысячеглазо слепа,
каплями липкой сукровицы
вдруг выступает толпа,
и, растекаясь, бередит
ссадины каменных ниш.
Город горячечно бредит
чушью реклам и афиш.
Люди асфальтовый студень
месят в угаре забот,
вечная бестолочь буден
их за собою ведёт.
Сонмы надежд и печалей,
болей, предательств и вер
кружат над городом стаей
призрачных серых химер.
Серые стены нависли,
серая пыль на губах,
серые пыльные мысли
люди несут в головах.
Смятые каменной толщей
в серый бесформенный ком,
люди привычно не ропщут
под персональным крестом.
Мутный, безжизненный морок
глушит и вопли, и стих.
Люди построили город.
Он изуродовал их…

Горькие слова, не правда ли, мой читатель? Ещё какие горькие! А теперь закрой книгу и посмотри на самой первой – чёрной и твёрдой – обложке фамилию автора, и ты всё поймёшь сам.

Глава 30. КОМАНДА ЛОХ

Утро демонстративно, как на старинном первомайском плакате, пронизывалось солнцем. Стояла та дивная пора закатного лета, когда трава уже начинает подсыхать, на деревьях появляются первые жёлтые листочки, но воздух пронзительно тёпел и насыщен ароматами цветов, жужжанием пчёл и пением птиц. В такое время страстно хочется окунуться в прохладу какого-нибудь шишкинского соснового бора, либо (что ещё лучше) в обжигающую бодростью сельскую речку. В городе расцветал новый трудовой день, и это было лучше всего видно по дворовым детям, которые уже как полчаса дополнительно к пыли освежали периметр Бермудского Учпучмака вдохновенными воплями с красивым чередованием октав и разнообразием полутонов. Правда, единственный, кто мог бы оценить эти музыкальные потуги, был военный трубач, но он пока оставался глух, слеп и нем, так как его чувства начинали работать только после первой бутылочки реанимационного напитка.

Пора было начинать новый день и нашим героям, тем более, что именно такая мысль посетила в этот момент и Кулемзина, а именно: «Не пора ли начать весёлую программу «Ребятам о зверятах»?». Писатель, всегда стремившийся быть первым,

во время быстрого шага к покерному столику, отбивая ритм сразу двумя передвигающимися ногами, декламировал *про себя* во всех смыслах, то есть молча и про свою персону:

«А вот и я! Спешите видеть!
Ах, что за щёки, что за нос!
Вновь на манеж в столь странном виде
с копной нестриженных волос!»

Подойдя к покерному столику, являющемуся аналогом ленинской комнаты на свежем воздухе, Альбионыч чуть не тронулся умом от неожиданного зрелища: в отличие от вчерашнего дня, когда ему пришлось буквально силком вытаскивать сопокерников из их квартир, оказалось, что сегодня он пришёл к месту ристалища последним. Кроме основных персонажей, которых читатель уже привык видеть на этих страницах, по всему периметру Бермудского Учпучмака, как частицы в ядерном ускорителе, бегали дворовые дети, поднимая с земли атомарный прах в виде пыли.

Здесь его ждало и ещё одно разочарование: со вчерашнего вечера он надеялся, что к утру игроки приобретут облик, хотя бы отдалённо напоминающий человеческий, но понял, что просчитался. Володя оглядел коллектив орлиным взором полководца и печально произнёс:

– Как говорил товарищ Ной Ламехович из рода Сифов, яйчики-бабайчики, что в переводе с еврейского означает *кругом одни звери*. Ну, здравствуйте, полтергейсты!

Но кое-какую мысль он всё-таки утаил от коллектива, а именно: «Гордый Отцеябловск, встречай своих героев!». Утреннее сборище игроков представляло собой печальное зрелище – оно было похоже на последнее построение сданных в металлом боевых кораблей. Все трое его будущих противников стояли в одну шеренгу, как бойцы отделения, ожидающего приказа командира идти в баню – на субботнюю помывку. Рожи всех без исключения будущих героев покерных сражений были похмельными, но с явным стремлением к исправлению этой исторической несправедливости, ведь где-то на другом конце планеты какой-то безработный негр сейчас с удовольствием прихлёбывал пивко из холодной запотевшей баночки. «О!», обрадовался Альбионыч. «Вот где я сейчас размещу давно, ещё в СССР (б), мною придуманный плакат»:

Советские больные

живыми не сдаются!

«Ох, темна вода в облацех![38]», библейски подумал он. «Ох, велик зверинец *дедушкин*!». При этой мысли из глаз нашего героя заструился приятный кладбищенский холодок. Но ему нравилось, что все сопокерники ежедневно сходились к покерному столику по утрам, как новгородцы на вече. Их влекло в это место, как железо к магниту, как лосося к нерестилищу, как телят прямо с рождения тянет к мамкиному вымени.

Дни игры всегда для нас рубежны,
потому что любим мы игру:
роковые встречи неизбежны,

как восход балдохи[39] поутру!

[38] Выражение из библии, а если конкретнее, то из Псалтиря, 12:17. Даже странно, что его применяет такой несгибаемый атеист, как Альбионыч! – прим. богосл. редактора

[39] Так русские заключённые называют солнышко – прим. автора

Сейчас сцена встречи писателя с электоратом напоминала сюжет гравюры Иеронима Антониевича Босха «Апофеоз Бескорыстия». Мои читатели, конечно же, по-мнят, как это всё выглядело, но для некоторых тех, кто так и не доучился в средней школе, автор напоминает: гравюра изображала человека средних лет в окружении восторженной толпы голодранцев и калек, которых, по всей видимости, одаривал персонаж на первом плане. Одна рука его была воздета к небу, а другая протянулась открытой ладонью к страждущим оборванцам. Именно с этим движением при-шла давно выстраданная мысль: «У нашей страны две беды: с вечера – жажда, с утра – похмелье!».

Товарищ, верь, пройдёт она –
башка с большого бодуна!

Руки у игроков были по швам, и только у Серёжи правая ковшовая ладонь была протянута навстречу портмоне писателя. Вид у сторожа был мечтательный, словно у юноши, обдумывающего житьё. В газетах время от времени сообщают, что на свете есть люди, на которых самый заурядный костюм смотрится словно кавалергардский мундир. Охранник к таким газетным персонажам явно не относился – издалека он был похож на якутскую лошадь: такой же низкорослый и мохнатый. Оттопыренные уши бывшего текстильщика слегка шевелились, как тарелки армейских локаторов. Но, приглядевшись, учёный-фаунист Кулемзин увидел, что Афанасьич был практически неотличим от пожилого бабуина, много лет не мывшегося по причине отсутствия бани в джунглях.

Нашёл я объяснение клоаке,
сумевшей охватить сознанье масс:
по Дарвину гориллы и макаки
когда-то деградировали в нас!

– Мать честна́я, здоро́во, Володя, – Полтавцев протянул писателю корявую ладонь с траурной, навеки въевшейся каймой под ногтями.

Единственное, что роднило его сейчас с крутыми мира сего, – это небритая физиономия. Правда, без соответствующего небритости лоска, будь то *штатский* костюм от Хьюго Фердинандовича Босса или хотя бы камуфляж от отечественной фирмы «Саксаулминоборона», такой вид был способен навести лишь на размышления о безвременных денежных трудностях, равно как и о моральных метаниях поросшего щетиной субъекта. Добавляло эскапизма[40] в образ охранника и то, что на ширинке его камуфляжных штанов полностью отсутствовали пуговицы. К тому же, при любом шевелении эти широкие штаны гулко хлопали, как знамёна на ветру.

[40] Индивидуалистическо-примиренческое стремление личности уйти от действительности в мир иллюзий – англ.

– Ты что, Серёжа, в «Зарницу» играть собрался? – поинтересовался марсианин, заглядевшись на его внешний облик.

Короче, сторож выглядел в этот момент словно сельский механизатор, приехавший в большой город покупать телевизор *на майские*. «Да, с такой примечательной внешностью», подумал Володя, «его контракт с модельным агентством «Red Stars[41]» был бы весьма проблематичным…»

[41] «Красные звёзды» – англ.

Почти Версаче,
но чуть иначе!

В то же время круглое полтавцевское лицо сияло от неподдельного счастья: во-первых, он увидел своего большого (во всех смыслах) друга Володю, во-вторых… а, впрочем, достаточно было и во-первых. Но это сияние счастливой улыбкой имени товарища Джеймса Джоновича Паркинсона, как говорили люди, которые знали сторожа не первый год, было первым признаком грядущих катастроф.

«Ну что ж», подумал гуру, «если отвинтить ему голову, помыть её, побрить, причесать и привинтить на место, то, пожалуй, наш друг будет выглядеть очень даже мило – как киевский городовой Трындыбайло после перенесённой ангины». И в то же время было в стороже что-то настораживающее воображение, ведь если вчера его рожа ещё просила кирпича, то сегодня она его просто требовала!

– All you o'key? – задал он Афанасьичу наводящий вопрос.

– Честно говоря, мучаюся с утра, – признался охранник.

– Диарея? Чесотка? Гонконгский сифилис? – предположил знатный диагност.

– Хужéе, царица лесная, – честно признался Серёжа. – По телевизору услышал, вот выписал. А что – понять никак не могу!

– Ну, давай посмотрим, – заинтересовался знайка.

Полтавцев выудил из засаленного кармана штанов мятую бумажку и с выражением прочитал:

– «Накопление потенциала позитивных перемен»!

– Хотя это и не лечится, ты, старик, не расстраивайся! Судя по тексту, это какой-то политик произнёс?

– Ага, Назарбаксов, – подтвердил страдалец.

– Тогда могу успокоить тебя повторно – вряд ли он и сам знает, что это означает, ведь, как и раньше для Брежнева, для него все непонятные слова пишут другие.

Брежнев плохо изъяснялся,
хоть и самым главным был –
он всегда с небес спускался,
потому что был бескрыл!

Приглядевшись к сторожу, Володя заметил, что на серёжином челе проглядываются какие-то пятна, которые вызвали у него неясные ассоциации.

– Да не смотри ты так, – обиделся охранник. – Я эти пятна сам сегодня в зеркале видел. Ты как думаешь – это пожизненно?

– Скорее, посмертно, – ответил марсианин. – Пятна-то явно трупные, правда, находящиеся в первой стадии разложения. Так что, думаю, через пару недель сой-

дут сами. Ну, а пока придётся потерпеть, ибо столь пятнистая личина никак не располагает к страстным девичьим поцелуям!

Здесь сторож звучно хлопнул себя по лбу, что делал всегда, вспомнив что-то очень важное.

– Ой, чуть не забыл! – тут же подтвердил он мысль автора нашего правдивого повествования. Афанасьич покопался в штанах, достал оттуда какую-то тряпочку неясного цвета и с поклоном в пояс протянул её Володе.

– Вот, Альбионыч, носи на здоровье и не говори, что я к тебе плохо отношуся!

Кулемзин взял сомнительную тряпочку, после чего с трудом опознал в ней галстук, который ещё вчера был на груди сторожа, когда тот принимал в своём *пентхаусе* покерный коллектив. А если мой читатель уже забыл об этом важном событии, то автор напоминает ему, что сей предмет роскоши промелькнул в главе 195 первого тома «Русской кочерги»! Писатель незаметно отбросил тряпочку в заблёванные кусты и стал весело разглядывать коллектив – с интересом естествоиспытателя, обнаружившего себе на радость целую колонию неведомых зверушек-побирушек. При этом он занимался своим любимым делом, то есть думал: «Мужчина, как гласит народная мудрость, должен посадить дерево, построить дом и вырастить наследника. Да, вот только наследников у меня оказалось сразу трое, и это ещё не считая почему-то не появившегося вовремя Муравлёва! Но будем считать, что первые два пункта – с известной натяжкой – я выполнил. А вот третий – увы! Думаю, *дедушка* мне не простит, если я из-за мягкосердечия не исполню свой гражданский долг».

Но *дедушка*, как называл вселенского «творца» Альбионыч, в это время был занят совершенно другим делом – он внимательно изучал в интернете прогноз погоды для города Отцеябловска, решая при этом, забабахать предсказанный синоптиками кратковременный дождь сейчас или немного погодить.

Вот нелепые загадки
и на небе могут быть:
посылает нам осадки
тот, кто может осадить!

Глава 31. КОМАНДА ЛОХ (продолжение)

«Здравствуйте, мои навязчивые друзья!», хотел было поздороваться Альбионыч, но сделал это почему-то не вслух: «Как вас много, и один интереснее другого! Как приятно видеть ваши невыспавшиеся рожи!». Вслух же сказал следующее:

– Серёжа, а ты чего такой грустный?

– Да я не грустный, я трезвый. Пока…

Правда, «трезвый» Афанасьич выглядел сейчас как яркий представитель ужасного киношного семейства Аддамсов – безумного порождения американского режиссёра Барри Келлиевича Зонненфельда. Так же, как и Аддамсов, сторожа выдавала кислая слюна под языком и лёгкая холодно-подрагивающая тошнота *под ложечкой*. Володя посмотрел на бывшего текстильщика, и ему показалось, что череп страдальца стал прозрачным, через который как будто бы виделось, с каким усилием внутри вращаются заржавевшие шестерёнки.

– Яйчики-бабайчики, а вообще? – уточнил Кулемзин.

– Дык, в общем… конечно…царица лесная… ежели что… – Полтавцев безуспешно попытался выпутаться из задуманной фразы, после чего растерянно умолк.

– Короче… вон то самое… которое? – помог ему писатель.

Кстати, справедливости ради надо заметить, что не только у охранника, но и у остальных членов покерного клуба «Ни дня без *жопы*»[42] рожи были одинаковыми: прослеживались и отёчность мягких тканей, и тусклые глаза, и нездорово-серый цвет кожных покровов.

[42] Об этом спецтермине – в главе 93 первого тома «Русской кочерги» – прим. автора

Красив в строю́ –
хорош в бою!

Нуртай, в отличие от соседа, выглядел сегодня, словно ангел, который по ночам откусывает голубям головы, хотя, если приглядеться получше, складывалось впечатление, как будто глядящий на него внезапно увидел выскочивший шанкр на здоровом солдатском *дрыне*. На лице Мусаича застыло привычное покорно-омерзительное выражение, словно он сегодня из-под палки надел зубные протезы, доставшиеся ему по наследству от покойной бабушки Алий́. Особенно противно выделялся подбородок, который был какой-то комковатый, словно неудавшаяся манная каша. Надо заметить, что глаза у него от рождения были узкие, с похмелья же стали ещё у́же – как у вьетнамского белогвардейца, а лицо блестело, как вымытая «Ко́метом» раковина. Он пытался держаться с должным достоинством, но угадывался в нём некий внутренний зуд, словно он сидел на канцелярских кнопках. В целом же педагог сейчас был похож на юного пионера, застуканного сторожем Антонычем в колхозном саду.

При виде пожизненного гуру педагог немедленно слепил на своей благообразной физиономии некое подобие улыбки, которая была удивительно похожа на гримасу брачующегося носорога в самый пи́ковый момент случки.

– Расслабься, старик, – посоветовал ему Альбионыч, – и сотри с лица эту озабоченность за су́дьбы целых континентов!

Век мой жутко скоротечный –
всё же нет его родней:
размышляю я о вечном!
Ну, а Вечность – обо мне?..

Одежда Мусаича подчёркивала вечный ленинизм подрастающего поколения: шортики по колено и рукавчики по локоть. Внимательному взору марсианина так и виделись недостающие здесь летящий красный галстук и призывный горн. Резиночка на спортивных штанах свисала под основательным брюшком, как окорок на складе. На футболке педагога явственно проступала застиранная сатанинская пентаграмма, хотя педагог и утверждал оппонентам, что это всего лишь символ футбольной команды ЦСКА. Во вранье педагога можешь сейчас убедиться и ты, читатель, потому что на этой странице я покажу тебе истинный символ этой команды:

А вот на том месте, где на маечке был изображён легкомысленный футбольный мячик, красовался эмалевый ромбик тёмно-синего цвета, свидетельствующий о высшем образовании Курманбаева, который в просторечии люди со средним образованием называли *поплавком.*

Строго, словно бы военный,
что всегда во всём силён,
знак отличья я надену,
чтобы видели: умён!

Взгляд у Нуртая был томный, будто он ежедневно праздновал день псевдосвятого Валентина, при этом казалось, что карманы его были набиты игрушечными красными сердцами со смешными надписями вроде

Тебя люблю я до могилы,
так приходи ко мне, мой милый!

На лице Мусаича сияла глумливая воровская улыбка, в глазах вспыхивали жёлтые вурдалачьи огоньки. Впрочем, с пакостями педагога все постепенно научились мириться, как, например, собака привыкает к инсинуациям (прости, русский язык!) наглых блох. Сейчас лицо педагога выражало то приторно-гнилостное чувство, какое обычно возникает у родственников богатой старушки, наконец соизволившей пригласить нотариуса для написания завещания. Увидев Альбионыча, Курманбаев немедленно изобразил весь комплекс человека, который поддерживает свой тонус нехитрыми забавами, а именно: поднял руки, повертел запястьями на манер египетской танцовщицы, вильнул бёдрами в стиле Элвиса Верноновича Пресли и, что-то радостно причитая, протянул писателю руку, которая походила на кусок теста. Володя, когда первый раз ощутил это энергичное рукопожатие, решил, что единственное упражнение, которое практиковал педагог, была работа ложкой и вилкой. Стоящий рядом с Нуртаем прапорщик, услышав неискренние слова, ломанулся в кусты, где и метнул уже второй за начавшийся день харч.

Глава 32. КОМАНДА ЛОХ (продолжение продолжения)

«Это ещё что за явление хлюста́ народу?», мысленно поздоровался с Курманбаевым гуру, вслух же произнёс:

– Как жизнь протекает, несгибаемый борец за счастье трудового народа?

– Хорошо протекает, мать моя партия, – ответил несгибаемый борец, – хотя я бы на твоём месте не стал смеяться над этим.

– Если жизнь протекает хорошо, – засмеялся афоризматик, – значит, где-то она дала трещину!

Много что обещано
было мне из благ:
провалился в трещину,
что судьба дала!

– Зачем же ты так? – расстроился Мусаич.

– Понимаешь, Нуртай, я тебя вижу, и чувствую, что становлюсь туроператором.

– Как это? – насторожился *иблисо*зависимый, постоянно ожидающий подвоха от ироничного Альбионыча.

И подвох не замедлил случиться – Володя улыбнулся и проговорил:

– Да сразу хочется послать тебя куда подальше!

– Что-то я с утра расчихался, – привычно соврал Курманбаев. – Всё тело ломит, и сопли текут.

– Здесь в графе *диагноз* надо проставить инициалы красного комдива Чапаева, – тут же предложил писатель, который сейчас выступил сразу в двух непривычных для него ролях – историка и медицинского эксперта-диагноста.

– Как это? – заинтересовался любопытный Афанасьич.

– Да просто, яйчики-бабайчики. Инициалы его, как хорошо известно из анекдотов, были В.И., то есть Василий Иваныч, правильно? Ну, а в нашем случае в.и. – это вирусная инфекция!

– Мать честна́я, ловко-то как! – похвалил диагноста Серёжа и тут же записал поразившее его открытие в блокнотик «Для му.мы.»: «Проведя научный разговор со мной, Володя сегодня выяснил, что инициалы моего больного соседа Курманбаева были Василий Иваныч!»

И, чтобы окончательно закрыть тему утреннего появления педагога на пространстве Бермудского Учпучмака, автор даст тебе, читатель, последнюю в этой главе мысль, облачённую в форму законченной фразы: «За его плечами, подслеповато щурясь, стояла глухонемая старушка-совесть».

Подаст пальто ей гардеробщик,
но несказанно роково
старушка-совесть тихо ропщет:
«Опять вселилась не в того…»

Правда, Мусаич в этот момент понял, что играть с Кулемзиным ему ещё предстоит весь световой день, после чего решил немного *прогнуться*, причём, сделал это не мысленно, а вполне физиологично, так что присутствующим показалось, что он вот прямо сейчас махнёт какой-то былинный поясной поклон с отчётливым позвоночным хрустом.

Кулемзин невольно сравнил себя с каждым из членов покерного коллектива, и с удовлетворением отметил, что его здоровый цвет лица наводил наблюдателей на мысль о преимуществах домашнего питания. Затем он обратил внимание на вернувшегося в строй военного и подумал о том, что если бы где-нибудь проводились конкурсы на мощь *выхлопа после вчерашнего*, Батыршин наверняка бы занял одно из первых призовых мест. «Шесть (прости, русский язык!) промилле, не меньше», на глаз определил он содержание этанола в военной крови. Салихдзяныч выглядел сейчас как некий аппарат, точно налитый серо-зелёным соком, словно он питался одной корневой системой с долларовым станком. Костюм висел на нём, как на блохе сбруя.

Стоял он молча, глядя на спонсора, как загипнотизированный фокусником Эмилем Теодоровичем Гиршфельдом, всю жизнь притворявшимся неким Кио, кролик, затем, вывихивая челюсть, страшно зевнул, словно случайный американский турист в Семижопинском музее противопожарной безопасности. Было видно, что стоять прямо ему было очень тяжело, всё время хотелось поплотнее сдвинуть колени и присесть, баюкая в ладонях непослушную голову. Лицо музыканта было искажено от нечеловеческих усилий, которые он прилагал, чтобы преодолеть земное притяжение, которое так безответственно придумал Исаак Исаакович Ньютон. Внезапно вспомнив имя-отчество учёного, трубач понял, что никакой он не великобританец, а… да-да, мой проницательный читатель, именно!

Я очень часто спрашивал людей:
«Быть может, кто-то объяснить сумеет,
ведь праотец Адам у нас еврей,
но мы-то почему же не евреи?»

Кое-как держась на ногах, трубач с ужасом вспоминал свой ночной кошмар, в котором его выгоняли из военного оркестра, после чего с позорной записью в трудовой книжке в принудительном порядке отправляли работать учеником слесаря на завод имени Кирова в бригаду художника Петровича из первого тома «Русской кочерги»[43]! От него шёл тяжёлый дух перегара, мокрой шинели, гуталина и чеснока, слегка облагороженный польской туалетной водой «Hugo Boss».

[43] Этот персонаж появляется там в главе 123 под названием «Печальные знакомства» – прим. гл. реактора

– О-о-о! – радостно уловил знакомый запах Альбионыч. – «Хьюго Босс» – не дай себе засохнуть! Что-то вид у тебя… суицидопредрасположенный, – без труда выговорил трудное слово писатель, похвалив себя за ежедневные тренировки.

– Ёкарный суицид, это как? – автоматически поинтересовался Батыршин, впрочем, тут же забывший трудное слово.

– Kommen zu mir, bitte[44], – позвал его Володя.

Прапорщик недоумённо замотал головой.

– Sie, sie, unter offizier Held![45]

[44] Подойдите ко мне, пожалуйста – нем.
[45] Вы, вы, старший прапорщик Батыршин – нем.

Он хорошо помнил, что до того, как вовлёк Батыршина в свои сомнительные игрища, кожа на лице у того была гладкой, как на хорошей заднице, на твёрдых скулах играл здоровый румянец, и ни единая серебряная прядь не пятнала его азиатскую шевелюру. Даже зубы военного музыканта в те времена блестели, будто были фарфоровыми. Сейчас же бравый прапорщик выглядел, как говорится, из гроба краше достают – при эксгумации. «Как говорят наивные православные», подумал Альбионыч, глядя на трубача, «пресвятая богородица, огради покровом своим от *лицезрения*!»

Но не будем портить настроение читателю, настроенному на позитивное восприятие нашего великого романа.

Ты читай, роман, читатель, –
то, что написал писатель!

– Что-то ты странно выглядишь, Талгат, – поприветствовал он товарища по игре. Музыкант закрыл глаза, увидел какие-то неясные контуры и произнёс:

– Плохо мне, Вовка. Вижу какие-то неясные контуры…

– Ничего страшного, – утешил его гуру. – Просто это виде́ние эфемерных тел предметов, или, проще говоря, начальная стадия раскрытия третьего глаза. Обязательно надо над этим поработать – способности надо укреплять!

Салихдзяныч молча кивнул головой, как бы соглашаясь, но только лишь с тем, что раскрытие этого таинственного лишнего глаза надо было начать с бутылочки крепкого пивка «Маршал».

– Что-то у тебя, сынок, глаза плывут, – озаботился Володя.

– Да пятнышки всё время какие-то! – простонал военный трубач.

– Это не пятнышки, – повторно выступил медицинским экспертом писатель. – Это так называемые *плывуны*, или, выражаясь по-научному, почти микроскопические сгущения стекловидного вещества в глазных яблоках.

– Йодистые яблоки, точно, – согласился военный, – как стекло! Только мутное…

– А ты хоть помнишь, сколько вчера выпил?

– П-п-помню, – неуверенно ответил Талгат. – Грамм 50…

– Яйчики-бабайчики, верю, – улыбнулся писатель. – Но, судя по твоей роже, эти 50 граммов были исключительно в тротиловом эквиваленте.

Самогоном (не токаем!)
тешим мы любой гастрит:
пьём мы столько, что взрываем
всё, что есть у нас внутри!

Глава 33. КОМАНДА ЛОХ (ещё одно продолжение продолжения)

Писатель вгляделся в мутные глаза музыканта и вздохнул:

– Знаешь, Талгат, сейчас как-то особенно заметно, что ты, как и предсказывал Чарлз Робертович Дарвин, произошёл именно от обезьяны.

– Что, небритый? – с надеждой поинтересовался небритый.

– Да нет, глаза какие-то туповатые…

Батыршин виновато потупил туповатые глаза, после чего неожиданно стал выглядеть свежее, чем спровоцировал гуру ещё на один вопрос:

– Ты, я вижу, уже выходишь из роли трупа? Никак, Юрий Лонго постарался?

Старший прапорщик не знал, кто такой Лонго, но на всякий случай кивнул. И то, сделаешь что-нибудь не так, – и пива не получишь!

– По-моему, – продолжил глубокие психологические изыскания Кулемзин, – ты, старик, приехал из древнего русского города Большого Бодуна.

– Но, кажется, я всё-таки выжил, – со слабой улыбкой вымучил трубач.

– То, что ты выжил, несомненно, радует, – заметил писатель, – а вот то, что из ума, огорчает!

Знает каждый, кто бухáет,
что становится дурней:
водка ум мой забирает!
Правда, он не нужен мне…

Кулемзин посмотрел на военного долгим взглядом, в котором знающий психиатр сразу бы прочитал мысль о том, что индивидууму определенно нужен отпуск, и лучше бы – в палате с мягкими стенами. Здесь прапорщика отвлёк какой-то звук сзади. Он обернулся и увидел своих соседок по дому. С похмелья Талгату показалось, что пенсионерки, гревшие на летнем солнышке свои старые кости, выглядели сегодня как-то особо мрачно и зловеще, словно сидели у подъезда не просто так, а явно с какой-то нехорошей целью. Альбионычу, заглянувшему в его внутреннюю сущность суровым и проницательным марсианским взглядом, тут же стало ясно, что музыкант только что впал в состояние *камидари*[46].

[46] В культуре о. Окинава (Япония) – период, во время которого дух человека страдает, время испытаний, когда человек не может действовать рационально – прим. автора

– А знаешь, что по этому поводу сказал покойный Александр Васильич?

– Какой покойный? – суеверно заозирался камер-юнкер.

– Суворов, – объяснил писатель. – И тебе, как человеку военному, было бы неплохо хотя бы изредка вспоминать эти святые слова.

– Царица лесная, а он, что, скончался? – начал креститься Полтавцев.

– Да, ещё в XIX веке. Так вот он однажды сказал: «Раз счастье, два счастье, – да помилуй *дедушка*, надобно и ум иметь!».

«При чём здесь ум?», хором подумали будущие Володины соперники.

– Ну, здравствуй, команда ЛОХ! – тем временем весело поздоровался с коллективом главный. – Молились ли вы на ночь, гегемоны?

– Мать честнáя, чего это лох? – тут же обиделся охранник.

– ЛОХ, – объяснил Володя, – это Легендарный Отряд Храбрецов.

Ну, не мог же он сказать своим товарищам по борьбе, что на самом деле ЛОХ по его придумке означал Лица, Обделённые Харизмой. Сторож тут же скроил такую радостную рожу, что тотчас стал похож на спецназовский шлем с поликарбонатными окошками вместо глаз – он представил себя командиром летучего отряда храбрецов и понял, что именно сегодня – его день. И ведь не ошибся! Поймёт это и мой читатель, если ещё раз кинет взгляд на обложку этого толстого тома и прочтёт его название.

Героя мы на пьедестал
воткнём-ка в наш роман:
«Полтаву» Пушкин написал,

«Полтавцева» – Вован!

Володя и раньше обращал внимание на уши сторожа, и давно заметил, что особенно оттопыриваются они именно с похмелья. Вот и сейчас уши Афанасьича, как и у большинства лохов, были такими большими, что напоминали открытые дверцы такси. Тем временем из кустов вернулся музыкант, неожиданно обнаружив для присутствующих на своём лице глубокие моцартовские морщины

– Привет, – наконец поздоровался он. Голос военного трубача был какой-то сухой и надтреснутый, как у курящих *приму* пенсионерок. Он попытался приветливо улыбнуться, но на его лице появилась лишь гримаса – нечто среднее между дружелюбным оскалом и улыбкой по требованию фотографа-обманщика, который обещает показать нервному клиенту вылет злополучной птички тогда, когда заставляет запечатляющегося вымолвить на американский манер слово cheese[47].

[47] Сыр – англ.

«В Индии люди приветствуют друг друга, похлопывая ладонью о стол», подумал знаток народных обычаев, «а у нас – ладонью о ладонь», после чего выразительно поглядел на Нуртая и додумал мысль до конца: «А надо бы – ладонью по морде!»

Шеренга, в которую выстроились противники писателя по игре, видимо, навеяла какую-то армейскую команду, и Альбионыч не преминул её отдать.

– Кроком руш![48] – скомандовал он. Все тут же построились и разновеликими шагами побрели к покерному столику, под сень карагачей, составлявших крышу того места, где предстояло сражение. Деревья были тёмными и какими-то корявыми, как хрущёвский путь к светлому будущему человечества – коммунизму (б).

[48] Шагом марш – укр.

Было видно, что среди накануне напившихся возникло лёгкое отчуждение, как это бывает всегда, когда *угар* пьянства уже прошёл, и в общем арыке просыпаются два человека, один из которых находится в прямой зависимости от другого по причине отсутствия денег на опохмелку. (Здесь автор с удовольствием перечёл эту фразу ещё раз и подумал о том, что прочти он её сейчас какому-нибудь американцу, тот не понял бы не только про неизвестный арык, но и вообще ничего!).

Володя ещё раз удовлетворённо оглядел похмельный коллектив. Рядом с этими живыми трупами было как-то особенно приятно ощущать весь комфорт жизни. Перед игрой он оглядел соперников, словно генерал, оглядывающий поле битвы и наблюдающий за флангами своих войск.

«Да, собрáлась публика, –
не стóит и рублика!»,

поэтически подумал саксаульский писатель. «Прямо-таки картина Франсиско Хосевича Гойи «Вампиры принимают жертву в свой круг». После таких мыслей Кулемзин, решив, что надо как-то исправлять невольно нанесённую обиду, решил поздороваться ещё раз. «От меня не убудет», подумал он и внимательно взглянул на коллектив, после чего в его голову пришла ещё одна забавная мысль. «Группа дебилов в увольнении», тепло подумал гуру.

Глава 34. КОМАНДА ЛОХ (почти окончание)

– Здравствуйте, *комбатанты*[49]! – вновь поприветствовал коллектив писатель.

– Ёперный баррель, будешь оскорблять – уйду, – тут же пообещал обидчивый прапорщик. Володя молча пожал плечами и присел на скамеечку. Правда, за него неожиданно вступился Полтавцев

[49] От фр. combatant – лица, входящие в состав вооружённых сил воюющих государств и принимающие непосредственное участие в боевых действиях – прим. воен. редактора

– Неужели ты, Талгат, не знаешь, кто такие комбатцы? – удивлённо поинтересовался он. – Вот Володя, он у нас главный, значит, комбат-батяня, батяня-комбат, ё-комбат! А мы тогда кто? А мы – комбатцы, его младшие друзья по разуму.

«Скорее, по *маразуму*», уточнил про себя писатель.

Хоть не дружим мы домами,
но у каждого мотив:
по маразуму друзья мы,
коллективно мозг пропив!

Здесь прапорщик заметил, что гуру выглядит значительно лучше его самогó – так, как будто вчера вообще не *употреблял*.

– Чем занимался, Володя? – вымученно поинтересовался он в надежде узнать секрет такого вида.

– Яйчики-бабайчики, да вот начал писать диссертацию, – весело ответил писатель. – Хочу назвать её «Везение в покере как наименьший фактор победы».

Курманбаев поморщился, но встревать в разговор пока не стал. «Мать моя партия, начнём играть – посмотрим, кому повезёт больше», решил он, надеясь на помощь своего сáмого большого друга – *иблиса*. Большие начальники, к коим причислял себя Володя, любили подавлять собеседников своей энергетикой и мессианским поведением, отчего людям, не знакомым с подобными типами, он казался небожителем, взирающим на них с Покерного Олимпа.

– Ну, если младшие друзья, – поддержал он мысль сторожа, – тогда товарищ старший батарейный, отдать рапорт! – бодро приказал писатель. – Je vous en prie, m'infant![50].

[50] Прошу, дитя моё! – фр.

– Есть! Товарищ главный верховный комбат, ё-комбат! – вскочил со скамеечки Афанасьич. – Отдаю тебе этот рапорт, потому что лично мне он на хрен не нужен!

После последних слов Афанасьича день очередной битвы можно было считать официально вступившим в свои нелёгкие права. Но не таков был педагог, чтобы отдать стратегическую инициативу другому. Нуртай, чтобы сразу же расставить свои собственные поганые точки над любимой кулемзинской буквой *ё*, увидев писателя, тотчас заорал на весь Бермудский Учпучмак:

– Но сурово брови мы насупим,
если враг захочет нас сломать!

Как невесту, родину мы любим,
бережём, как ласковую мать!
Над страной весенний ветер веет,
с каждым днём всё радостнее жить…

Военный музыкант, услышав из уст Мусаича популярную некогда песню Исаака Дунаевского на слова Василия Лебедева-Кумача, тут же метнулся в ближайшие к покерному столику кусты. Наивный, он думал, что все вчерашние миазмы уже оставил в собственном унитазе, но оказалось, что запасы их были неисчерпаемы.

– Зря ты так, сосед! – попенял педагогу Афанасьич. – Мать честна́я, слова какие-то старорежимные поёшь, а ведь к Володе нужно относиться по-другому.

– Можно подумать, ты другие слова знаешь, – презрительно фыркнул педагог.

– Другие не знаю, – честно признался сторож, – а вот свои, идущие от сердца, сочиню сей секунд!

– Ну-ну, – ещё презрительнее фыркнул работник семитского колледжа.

Володя с лёгким удивлением следил за их словесной перепалкой. Между тем Серёжа поднапряг остатки своих пропитых извилин и неожиданно выдал в звенящую тишину:

– Педагогу я толкую снова:
«Ты не поступайся дорогим –
нас, придурков, сильно любит Вова,
бережёт, как отчим Никодим!»

Глава 35. КОМАНДА ЛОХ (окончание)

Писатель завистливо прищурился: до таких высот поэтической мысли его персональный муз Вася Курочкин ещё не поднимался никогда! «Начнём партию – припишу-ка я моему другу Полтавцеву очков 100!», подумал он крамольной мыслью. После чего все присутствующие чинно опустились на свои законные места в партере: на западной скамеечке расположились Володя с Афанасьичем, на восточной – братья-мусульмане, причём, Курманбаев расположился на лавочке так, как садятся милиционеры, агитаторы и ночные гости, то есть сбоку к столику. Это конечно, можно было выдать за проявление скромности, если бы всем присутствующим не было известно, что именно из такой позы было удобнее подглядывать в карты сторожа. Несмотря на утро, покерные скамеечки уже были нагретыми, как крыльцо в усадьбе крымской Ливадии.

Наверное, приблизительно так выглядели запорожские казаки, получившие ответное письмо турецкого султана с обещанием надрать им задницы. Но – к *иблису* все художественные реминесценции, ведь наших героев ждала великая Игра, ждала-ожидала, как некие астронавты из фантастического романа Сидора Золупаева в течение двенадцати лет ждали старта в созвездие Гончих Котов после утверждения их кандидатур Высшим Советом Земли.

– Яйчики-бабайчики, предлагаю нашу сегодняшнюю битву провести под лозунгом…

«Лозунг – это хорошо!», мелькнула мысль у педагога. «Вот только хорошим ли он будет – этот лозунг, когда его выдвинет в наши народные массы такой оппортунист, как Кулемзин?»

И педагог не ошибся: лозунг, прозвучавший из уст Володи, был как никогда именно оппортунистическим, если не сказать хуже:

В результате нашей покерной реформы обретём интеллектуальные мы формы!

Именно поэтому Курманбаев не мог начать день, не испортив кому-нибудь настроения. Тем более такой предлог нашёлся сам собой – посмотрев на писателя, он заметил его лёгкую небритость.

– Что ж ты, Володя, сегодня небритый такой? – попенял Курманбаев.

– Если ты помнишь, у меня до сих пор нет женщины, – кротко ответил Кулемзин, – для которой я бы брился каждый день.

– Мать моя партия, а для себя?!

– А для себя я покупаю пиво!

Отвечать – такая скука,
как пахать на борозде:
я не бреюсь, потому как
пиво пью! И в бороде…

После этого Альбионыч решил ответно попенять педагогу:

– Что-то ты, старик, выглядишь сегодня как уролог после бесперебойной смены работы во время городской эпидемии дизентерии.

– Да что-то чихал всю ночь, – привычно и ненужно соврал педагог. – Грипп, наверное, развивается.

– Это дело поправимое, – пожалел вруна писатель. – Лучшее антигриппозное средство – опустить одну таблетку колдрекса в стакан водки.

После этого все собравшиеся потянулись к покерному столику, как волхвы к Христу-младенцу. И, действительно, маленький покерный столик был светилом не хуже *балдохи*[51], вокруг которого по замысловатым орбитам вращались игроки.

[51] См. прим. к стр. 70

Мы мудры, хитры, храбры
и в приоритете:
греет место для игры,
как *балдоха* светит!

А завершилась эта длинная глава коротким диалогом, состоявшимся между охранником и трубачом.

– Царица лесная, ты чего это такой грустный? – глядя на музыканта, поинтересовался Афанасьич, на что Батыршин только поморщился:

– Слушай, ёперный сосед, только не надо мне лезть в душу, ладно?

– Да и я не лезу, – удивился Полтавцев. – Что я тебе, проктолог, что ли?

– Ну вот, вся махалля[52] в сборе! – удовлетворённо ввернул Альбионыч, но услышали его не все, и вовсе не из-за того, что с похмелья у подотчётного коллектива плоховато работали уши, а только потому, что дворовые дети, оккупировавшие Бермудский Учпучмак ещё раньше сопокерников, выли так отчаянно, что им наверняка бы позавидовал вожак самой голодной волчьей стаи.

[52] Сообщество – узб.

Глава 36. ПЯТЬ ЗАПОВЕДЕЙ ДЗЕН-БОДУНИЗМА

Писатель посмотрел на этих персонажей, явно выпавших из реальности, хотя кое-кто из них всё-таки подавал вялые признаки жизни, как связка альпинистов, удачно навернувшихся с пика Коммунизма. Всех троих сейчас объединяло то, что пробуждение их было столь печальным и тяжким, словно для них, как некогда для мятежных московских стрельцов, наступило последнее утро жизни. Альбионыч обозрел всех троих и отметил в каждом что-то своё, индивидуальное.

Рассуждаю как бы разумом,
словно в тыкве героин:
вроде пили мы по-разному,
а похожи, как один!

Вот, к примеру, Полтавцев. Был он хмур до неузнаваемости, физиономия Афанасьича напоминала солёный раскисший помидор, вынутый из банки перед почётной смертью в пасти закусывающего алкоголика Василия. Голова его напоминала очищенный картофель, где вместо причёски болталась переваренная кожура, на лице явно прослеживались признаки распада личности. «Прав был Зощенко», внезапно подумал Володя, поглядев на страдальца, «от нервов больше пролетариат лечится – очень распущенный класс…». Было заметно, что не только эта, но и предыдущие ночи имели ярко выраженную кавалерийскую конфигурацию – так сторож был всклокочен и, казалось бы, даже немного пришпорен.

Вот, к примеру, Батыршин. Первой мыслью глядящего на него Кулемзина была та, что прапорщик минуту назад попал под трактор, и только чудом остался жив. На лице его синела двухдневная поросячья щетина. Военные туфли когда-то коричневого цвета были надеты как-то кривовато, словно ноги музыканта страдали от хро-нической водянки. Испытывая приступ морального мазохизма, Талгат смотрелся чрезвычайно тоскливо – словно японская песня, в голове его было пусто, точно в оружейном стволе, на давно пропитой душе́ было грустно и муторно, будто у талантливого живописца (напоминаем, что речь идёт не о Муравлёве), удачная картина которого только что уплыла из мастерской в руки довольного заказчика. Если же говорить более общо, то с похмелья музыкант был похож на условную единицу человечества.

Вот, к примеру, Курманбаев. Согнувшись старой русской буквой *глаголь*, похожей на виселицу (вот такой!),

Г

он неспешно топтался на месте, словно коротко стреноженый конь, переставляя ноги так неуверенно, как будто шёл по минному полю. Был он бледно-зелёным – с таким, знаете ли, нехорошим салатовым отливом, и выглядел сейчас или как заключённый-смертник, которого вот-вот должны повести на эшафот, или как дояр, переболевший коровьей диареей. Голова у педагога трещала, точно перезрелый арбуз,

и, как арбуз же, готова была вот-вот развалиться пополам. Он выглядел сейчас словно сельский пономарь, который обязательно запричитал бы с похмелья, да *дедушки* боялся. Если говорить совсем коротко, Мусаич сейчас пребывал в состоянии тоскливого *грогги*: мир вокруг существует, но мутен, вязок и нереален.

Без серьёзных содержаний,
мыслью снова обнищав,
я с похмелья очень странен,
тусклым взором трепеща…

Володя смотрел на коллектив печальными глазами спаниеля и думал о том, что вроде бы на дворе стоит не ядерная зима, но всё-таки чувствуется, как всем хреново: у его сопокерников рожи были практически одинаковые – в них прослеживались и отёчность мягких тканей лица, и тусклые глаза, и нездорово-серый цвет кожных покровов. После получаса обсуждения вчерашнего дня выяснилось, что Талгат ничего не помнит. Видимо, хмель, проделав такое длительное путешествие от его желудка до высокомузыкальной головы, просто озверел и отключил все рецепторы памяти, Нуртай по привычке пожаловался на обострение сразу нескольких детских болезней, и только Серёжа не думал ни о чём, так как перед его взором проснувшийся наконец *дедушка* поставил цветную весёлую картинку – истекающую холодным по́том бутылочку «Жигулёвского» почему-то Ашхабадского *пивосухолёдного* завода – вот с такой радостной жёлтой этикеткой:

Прыгающими руками сторож достал из кармана пачку «Примы», с отвращением закурил, но тут же выплюнул окурок, потому что проникший в его «сознание» дым тут же начал застилать счастливое пивное виде́ние.

«Как же играть с этими чертями?», просто подумал Альбионыч. «Яйчики-бабайчики, ведь это же явный неадекват! Хорошо, что в игре я всегда честен, потому что никогда не использую свои марсианские технологии…»

И мысль мою с утра носило,
как будто был у ней мотор:
«Найдётся ли такая сила,

чтоб марсианам дать отпор?»

«Да, диагноз прежний: восстановлению не подлежат!», по-дзенски подумал Кулемзин. Ему было значительно легче остальных, и даже не потому, что он, в отличие от алкогольного коллектива, не употреблял крепких напитков, а в основном потому, что относился к своему любимому напитку, то есть пиву «Тянь-Шань», философски, а, значит, и дзенски, ведь философией *дзен* было пронизано всё его марсианское естество поэта, уверенно ступающего по дороге *дао*. Но, чтобы эта мысль не потерялась, писатель тут же набросал черновик, который назвал (см. название главы), но, поняв, что изменять в нём нечего, тут же окрестил его чистовиком. Итак, 5 заповедей Дзен-Бодунизма:

1. Принимай Бодун свой, как высочайший дар.
2. Пей вдоволь, но помни, что всё сведётся к Бодуну!
3. Понимай чужой Бодун, словно свой собственный.
4. Не смей игнорировать Бодун. Он есть Сущность.
5. Нет после пьянки состояния, кроме Бодуна, и Алкоголь – предтеча его.

Ещё раз осознав только что начертанное на скрижалях Вечности, Альбионыч порадовался, что день, ещё не успевший начаться, уже отмечен такой вековой мудростью.

Разум мой похмелью внемлет,
тих, печален и понур:
я Бодун как *дзен* приемлю,
дао взяв себе за курс!

Глава 37. ПЕРВЫЕ БУТЫЛОЧКИ

Преимущества выпивки с утра давно и надёжно исследованы – как в России, так и в близкой ей по духу Саксаулии. И там, и там знают, что утро и так вéчера мудренее, а расширяющий сосуды и взбадривающий нервы алкоголь накладывает на перспективу только начинающегося дня оптимизм приятных возможностей. Короче, все только на работу, а нам уже хорошо!

У каждого социального среза населения есть свои, только ему одному присущие (прости, русский язык!) ментальные признаки. Независимо от положения и отличия характеров они всё равно настроены на одну волну, имеют одинаковое мировосприятие и делают практически идентичные выводы из сложившихся жизненных ситуаций. Менталитет таксистов всегда будет отличаться от менталитета водителей троллейбусов, а милиционеров – от воров. И только покер, великая *русская кочерга*, внедрённая в сознание наших героев гуру Кулемзиным, объединила менталитеты их всех, заставив если не мыслить одинаково, но зато в одном ключе, в одном разрезе, в одной возникшей на пространстве Бермудского Учпучмака плоскости.

К красоте душа стремится.
Дай, товарищ, мне совет:
то ль пойти опохмелиться,
то ль сходить мне в туалет?

О, пиво! В разные времена и у разных народов этот напиток назывался по-разному: сомой, нектаром, мёдом жизни и даже живой водой. Его тайна была известна только немногим посвящённым. Уж они-то знали, что только благодаря пиву человек был способен долго поддерживать свои физические и особенно духовные силы. Кулемзин, как потомственный марсианин, хорошо знал, что именно в нём кроется секрет бессмертия, не раскрытый пока землянами, ведь рецепт пива бессмертия – великая тайна Вселенной, до которой человечество просто не доросло!

Редкая партия проходила иначе, чем без этого прекрасного напитка. Вот и сейчас, довольно оглядев *свою* ПОЛК[53], состоящую из него и ещё трёх саксаульских индивидуумов, Володя привычно сунул руку в карман, чтобы достать купюру в 500 назарбаксов, но вместо неё вытащил маленький чёрный мобильный телефончик, похожий на миниатюрную модель гоночной автомашинки.

[53] Не ошибка! В первом томе «Русской кочерги» дана расшифровка этого понятия – Партия Откровенных Любителей Карт – прим. автора

А утром, *дедушка*, те рожи (лица?)
не описать нерусским языком.
Друзья мои, пора опохмелиться,
кто как не знаю, лично я – пивком!

Полтавцев с ужасом смотрел на телефончик, ведь он мысленно уже брал из рук спонсора купюру, после чего стремглав бежал в лавку.

– Пиво пить будем, Володя? – задал сторож, пожалуй, самый нелепый в этой книге вопрос. И, подумав, решительно добавил: – Мать честна́я!

– Деньги есть, не переживай, – похлопал себя по карману Альбионыч, причём, звук получился такой смачный, словно это была неприлично голая женская задница. Звяк *золотого* кармана вызвал у соплеменников необычайное оживление, ведь за ним обычно следовало позвякивание бутылочек с пивом и бульканье более крепких напитков, которые для завсегдатаев Бермудского Учпучмака были более притягательными, чем морфий для наркомана или деньги для корыстолюбца.

– Ой ли? – скривил губы сторож. – Много ли?

– Увлекаешься вопросительными частицами русского языка? – поинтересовался писатель, который и сам любил это короткое корейское слово, с успехом вошедшее в *великий и могучий*.

Серёжа оглянулся, но никаких корейцев не заметил. «Вот оно, горе от ума», тепло подумал он.

Вам вопрос мы зададим,
лёжа в медсанчасти:
«Умным горе, а тупым –
вроде бы как счастье?!»

Услышав, что речь зашла о пиве, засверкали глаза и у прапорщика, причём, каким-то нездоровым блеском, губы же судорожно надломились, будто едва сдерживали непристойное ругательство.

– Володя, пивка бы взять, – словно не слыша только что прозвучавшего разговора между писателем и охранником, нерешительно начал он, но, видя, что завладел общим вниманием, продолжил:

– Я слышал, в пиве содержатся очень полезные для карт иммунностимуляторы.

Немало красивых серёжиных фраз записал Володя с завистью в свой актив. Вот и сегодня, не сделав ни глотка, знатный охранник вдруг выдал очередной перл:

– Жить всегда страшно, а с похмелья тем более!

Писатель стремительно выхватил из его котомки книжечку «Для му.мы.», выдернул оттуда чистый листок и торопливо накаракулировал своим ленинским почерком: «Жизнь с похмелья – страшная штука! Так, по крайней мере, утверждает мой друг Полтавцев», после чего тщательно разгладил листок и спрятал в карман, подумав при этом, что вот и этот день прожит им не напрасно.

– Эх, похмелиться бы, – тоскливо заявил сторож. Примитивная мысль выпорхнула из его головы легко и свободно, словно ласточка из одноимённого гнезда.

– Какая плодотворная дебютная идея, – отозвался Володя, доставая из кармана денежку. – Кстати, о деньгах, мои маленькие друзья. Яйчики-бабайчики, они вовсе не самоцель, как думает пока отсутствующий в нашем коллективе художник Муравлёв, а всего лишь средство, дающее возможность не унижаться перед жизнью, которая и так день ото дня становится всё более дорогой и изощрённо жестокой!

При этих великих словах Афанасьич лихорадочно раскрыл котомку, достал уже полюбившийся читателям блокнотик «Для му.мы» и торопливо записал поразившую его мысль: «Как же денежки унижают по жизни:на прошлой неделе у Калимы пиво «Тянь-Шань» стоило 32 назарбакса за бутылочку, а сегодня уже 35!»

Каждый утром – пациент
крайне несчастливый:
деньги – наш эквивалент
нежной тары с пивом!

– Володя, завязывай со стишками, лучше деньги давай, – сурово попросил охранник. – Задаром-то у нас пока ещё не поят.

Кулемзин автоматически полез в кармашек рубашки, а Афанасьич тем временем закончил свою горькую мысль:

– Нет ещё у нас такого закона, чтобы *трудящих* задаром поить!

– Ты не устал? – озаботился писатель.

– После чего? – искренне удивился Серёжа..

– Да после такой длинной фразы!

– Ты деньги-то давай, – ещё более сурово повторил Полтавцев.

Альбионыч вложил в его руку купюру, но не просто так, а со смыслом, коий и озвучил немедленно – для всего покерного коллектива:

– Не пьянства ради, а профилактики простудно-лёгочных заболеваний для!

Глава 38. ПЕРВЫЕ БУТЫЛОЧКИ (продолжение)

– Ёперные дети, ну, ты, Серёжа, шалун, – игриво погрозил ему пальчиком прапорщик, при этом чуть не выбив себе глаз.

– О! – вдруг воскликнул писатель. Все насторожились, а Полтавцев так даже на всякий случай приготовил заветную книжечку «Для му.мы.»

– Кажется, я только что придумал рекламу! – известил собравшихся писатель.

– Ну-ну, – скептически заметил Курманбаев. – Небось, снова о пиве?

– Яйчики-бабайчики, а вот и не угадал – о «Сникерсе» и похмелье!

– И как же это можно соединить? – ещё более скептически спросил педагог.

– Ты, Нуртай, не мешай, если чего-то в жизни не понимаешь, – оборвал его поползновения сторож. – Володя, он кто? Гений, понимаешь ли! А нам, гениям, всё подвластно. Давай! – разрешил Полтавцев и навострил двуцветный карандаш.

Если у вас с утра болит голова, трясутся руки, пересохло во рту, – попробуйте «Сникерс»! И тогда вы поймёте, насколько он хуже одной-единственной бутылочки холодного пива!

Мысль я выну из архива
для усадки в голове:
лучше нет бутылки пива!
Впрочем, есть, – когда их две…

Коллектив тут же замолчал, видимо, поражённый очевидной талантливостью сказанного. Володя же в это время вспомнил, как в далёкие 90-е годы, когда эти подозрительные американские батончики появились в саксаульских магазинах, наваял вот такой нехитрый стишок:

Как увидишь сникерс, так не жри его, –
он с Анджéлой Дэвис[54] цвета одного!

[54] Анджела Гербертовна Дэвис – самая известная негритянка в СССР (б), американская правозащитница, член компартии США. Политическая карьера её рухнула в тот день, когда американская компартия поддержала… ГКЧП! – прим. автора

– Ничто так не согревает душу, как холодное пиво в жаркий день! – рассудительно промолвил Володя и жестом Ильича I с броневика указал на лавку Калимы. Удивительно, но и с этой его сомнительной истиной согласились все, включая антипода Курманбаева, который, в ожидании привычной халявы, сидел и кулаками по-детски тёр зудящиеся веки.

– Царица лесная, может, кто другой сходит? – скорбно спросил охранник. – Что-то ножки у меня как тряпочки…

– Иди, сынок, иди. Путешествия расширяют кругозор!

Получив деньги, сторож вскочил, будто его подбросило катапультой, и, забыв о тряпочных ножках, побежал от столика так проворно, словно все сидящие за ним были больны проказой и даже имели справки об этом благородном заболевании. Путь был привычно-близким, и вскоре Афанасьич оказался возле магазинчика, обогнув по дороге клумбу, на которой росли как бы приготовившиеся к смерти жухлые цветы. Остальная растительность тоже была чахлой и неухоженной, потому что не было здесь ни флористического замысла в рисунке, ни продуманной цветовой гаммы – безликая саксаульская клумба выглядела сейчас, как казённый ковёр *присутственного* места.

Подойдя к дверям магазина, Афанасьич увидел поразительную картину: возле порожка лежал кто-то очень знакомый, скорее всего, какой-то сосед, по причине сильного опьянения с утра совершенно неузнаваемый, который имел вид подстреленного злобным английским колонизатором самца-орангутана. Впрочем, несмотря

на подавленное алкоголем состояние, орангутан вдруг тихо начал что-то говорить русским матом, и охранник немедленно узнал в нём жертву отечественной ликёроводочной промышленности, а именно талгатова соседа Глав-Буха. «Значит, и Галлюцинация где-то недалеко», подумал он, и оказался прав. Галина Смирнова (б), такая же пьяная, сидела прямо на земле чуть поодаль лавки, но в тени дерева, и поэтому не была замечена сразу.

Мы с подружкой пьём на па́ру
из одной и той же тары!

«Миссия выполнима!», между тем подумал ходок, после чего его серая рубаха тут же слилась с общей окраской магазина, словно доллар, подвешенный на новогоднюю ёлку. В сельпо он первым делом поинтересовался у её владелицы Калимы, много ли свежего пива завезено на сегодня, и, узнав, что не просто много, а очень много, солидно выложил перед ней солидную купюру, словно готовясь небрежно произнести: «Сдачи не надо!». Но, к разочарованию магазинщицы, фраза была совсем другой:

– Сейчас всем по две, а на потом сколько останется!

Чтоб не пить нам без закуски,
вспоминая чью-то мать,
говорим всегда по-русски,
заставляя понимать!

Услышь это какой-нибудь американец, изучающий русский язык, обязательно бросился бы он к словарям – для того, чтоб хотя бы намёком понять, о чём только что было сказано. Но вот Калима, всю свою богатую торгашескую жизнь прожившая на пространстве, где русский язык был родным не только для русских, прекрасно поняла Афанасьича и принялась за подсчёты, приборматывая:

– 8 бутылочек по 35 это будет 280, с пятисот остаётся 220, это будет ещё…

Она лихорадочно застучала тяжёлым от перстней пальцем по клавишам калькулятора:

– … это будет ещё 6, 2851 бутылочек!

Сторож обалдело выслушал знатную саксаульскую пифагориху, после чего решил проявить благородство:

– Вы это… вот эти последние цифры… которые в бутылочку не влезают… себе оставьте!

В это время, в ожидании счастья, на покерной скамеечке завязался неспешный разговор.

– Эх, сейчас бы в баньку, да пропариться хорошо! – мечтательно выдавил из себя музыкальный прапорщик.

– Без пива? – невинно поинтересовался Альбионыч.

– Ёкарное мыло, с пивом, конечно! – испугался трубач.

Здесь надо заметить, что Кулемзин не любил баню, и вот почему. Однажды, когда ему было лет тридцать, именно в бане, с глубокого похмелья, ему открылась страшная истина: весь так называемый подлунный мир с его шестью миллиардами говорящих обезьянок – это не более чем гигантская погремушка, выброшенная в космос *дедушкой* неизвестно для какой садистской цели!

Но – прочь неприятные воспоминания, тем более что на горизонте появился тихоход Полтавцев. Обратно из магазина Серёжа шёл не торопясь, приглядываясь к асфальту, как будто искал следы, словно опытный пограничник. Заветные бутылочки, спрятанные по карманам, тихонько позвякивали друг о друга, словно догадывались о своей Суке-судьбе, которая постигнет их уже через несколько минут. Затем шаг ходока стал заметно организованней, так как проходил уже под чтение Володиного катрена:

– Нужны нам и мясо, и фрукты,
однако коль строго судить,
жить можно без всяких продуктов –
без пива вовек не прожить!

С появлением пива на покерном столике оказалось всё, что нужно мужчинам, заливающим своё горе, или, наоборот, отмечающим успех, или просто пьющим за встречу – русские варианты этого события, как правило, неисчерпаемы. Но главное, что появилось здесь, это весёлый зуд – предвестник счастья от великой игры. Начиналось ежедневное представление под названием «Маленькая психбольница с четырьмя пациентами, но без врачей». Доставлялец проворно залез в свою котомку, вытащил оттуда открывашку и внимательно посмотрел на спонсора.

– Рукополагаю тебя, сын мой! – наконец дал отмашку кредитор, взмахнув рукой, как будто давал команду артиллеристу стрелять. – Открывай!

После первой бутылочки покерные противники стали веселы, как апрельские птички. Жизнь вновь показалась этим странным людям немаловажной.

Я скажу вам беспристрастно
(как другие говорят):
коль есть пиво – жизнь прекрасна,
коль нет пива – это ад!

Глава 39. ПЕРВЫЕ БУТЫЛОЧКИ (окончание)

Ежедневное распитие пива, как осуществление мягкого суицидального плана гуру, началось. Напряжённо глядя на свою первую бутылочку, Володя подумал о том, что есть в употреблении пива с утра одна загвоздка: трудно будет день провести *разнообразно*, после чего благоговейно приложился к бутылочке «Тянь-Шаня», как к псевдосвятым мощам какого-нибудь Пантелеймона, – после неё писатель почувствовал, как к нему возвращается почти вся память, а также 13 процентов способности к покерному анализу. Желудок писателя резко принял 0,5 литра, но с той лёгкостью, с какой крупный лопух встречает падающую на него *дедушкину* коровку, заблудившуюся в пространстве.

Вот Нуртай, не забыв отметить в мозговом калькуляторе первую на сегодняшний день *халяву*, жадно присосался к тёмно-зелёному горлышку, держа бутылочку бережно, как птенца, после чего расплылся в счастливой детской улыбке, едва не пуская слюну от восторга.

Вот Серёжа… А что же Серёжа? Он сел на скамеечку, выпрямившись, будто позировал для парадного снимка, затем, подняв бутылочку на уровень своей пасти, вдруг испуганно вздрогнул: сначала кольнуло в правом боку, потом тут же в левом. «Неужели инсуломигематолический нефрит в последней, разлагающей стадии?»,

мелькнула шалая мысль. После чего он сделал первый глото́к, и дурацкие незнакомые слова вмиг куда-то испарились. И здесь автор отмечает, что это было не банальное начало пьянки, а вполне осознанное действие, потому что оно произошло не молча, а под первое слово – то же самое, что сказал *дедушка* перед началом вселенского творения.

– Погнали, царица лесная! – обречённым голосом произнёс страдалец, затем шумно, как ныряльщик, выдохнул из груди воздух и, остекленев взором, уже основательно приник к целительному горлышку. И тут случилось давно предвиденное и автором, да, и тобой, читатель, наверное: Полтавцев наконец улыбнулся, как блаженный Августин, которого католическая церковь называет странным *погонялом* Учитель Благодати.

По привычке офицерской
громко крикну: «It’s no good!»:
не люблю ходить я в церковь –
пива там не подают!

Увидев, как жадно Афанасьич присосался к бутылочке «Жигулёвского», Курманбаев поморщился, словно от кислого яблока, и патетически воскликнул:

– Серёжа, не понимаю, как ты можешь пить такую гадость?

– А кто бочковое в детстве пил, – объяснил Володя, – тому к старости ничего не страшно!

Вот, наконец, бравый прапорщик схватил бутылочку, обрадовавшись знакомому предмету, как ребёнок Коля новогодней ёлке. Он по привычке приложился к крышечке указательным пальцем с изнанки, так как привык открывать пиво своим супружеским колечком, но завопил от боли – колечка на пальце не оказалось, и мелкие зубчики крышечки впились в палец, как стайка мини-пираний.

– Что, сынок, *удручальное* кольцо потерял? – весело поинтересовался неженатый Альбионыч.

– Мать моя партия, не удручальное, а обручальное, – поправил его педагог, обрадовавшись возможности хоть раз в жизни оказаться правым.

– Да нет, – глядя на похмельного героя, произнёс писатель, – я как раз сказал то, что хотел сказать…

Но погасла в церкви свечка, –
знать, *иблис* здесь был хитёр:
удручальное колечко
удручает до сих пор!

– Постойте, постойте, мои маленькие друзья, – поспешно произнёс Кулемзин, – не спешите мочить свои сухие гло́тки в благородном напитке.

– Почему? – недовольно завопил педагог, уже предвкушающий вторые глотки́.

– Да потому что день, начатый без страстного призыва лозунгового содержания, будет считаться недействительным!

«Лозунг? Призыв? А почему бы и нет?», подумал Курманбаев и отодвинул жадные губы от пивного горлышка. «Может, на этот раз он будет не таким оппортунистическим, как первый!».

– Итак, мои маленькие автохтончики[55], предлагаю наши сегодняшние 24 часа провести под моим только что придуманным лозунгом:

Дадим начавшемуся дню шанс стать самым прекрасным днём в жизни!

[55] Автохтоны – коренные народы, населяющие какую-либо территорию – прим. ист. редактора

После чего он помог открыть бутылочку главному страдальцу в нашем скорбном повествовании, и военный музыкант, вытаращив глаза, как поднятый из марианских глубин глубоководный вяленый лещ, в пять глотков попробовал опростать бутылочку. «Удобный калибр, йодистые дрожжи!», наслаждаясь, думал он, заправляя горлышко в военную гло́тку. С первым же глотко́м в голове его приятно зазвенело, словно в оцинкованное ведро кто-то бросил горсть мелочи, а лицо немедленно приобрело все светофорные оттенки – по очереди. Но зато его охватил приступ счастья – состояния для трубача столь же редкого, как оргазм для аксакала.

«Так и знал, что этот Владимир Альбионыч всё опошлит!», в это время думал Мусаич. «Какой же это лозунг? Ни эмпирического содержания, ни путеводной нити на светлое грядущее, и, что самое главное, никаких выводов в свете марксистско-ленинских идей!». Хотя сделав ещё один глоток вечно живого напитка, педагог засиял физиономией так, что на ней можно было жарить блины.

Как хорошо известно из конфетных церковных книжек, вечно длятся только пытки адовы, а пытки земные рано или поздно заканчиваются. «Ну, вот и порядок!», похмелив коллектив, подумал писатель. «Теперь осталось всего лишь вдеть им по кольцу в нос, и не спеша повести на убой!». И всё же после первых, самых целебных бутылочек возникло лёгкое ощущение дурноты, как от резкой смены направления на центрифуге, хотя и «Тянь-Шань», который вкушал Альбионыч, и «Жигулёвское», которым пробавлялся Полтавцев, и даже крепкий «Маршал», влившийся в пасть Батыршина, пились легко и свободно, как легендарный *флогистон*, или «огненная материя», в которую охотно верили алхимики средних веков. Холодное пиво приятно обжигало гло́тки, шелестя в ноздрях ароматным ветерком, весенняя по ощущениям жидкость толчками шла по счастливо потрясённым пищеводам к ошеломлённым, истекающим соками желудкам. Перспективы бодрили.

Знает каждый перспективу,
что реальности страшней:
в перспективе – карты, пиво,
дама пик и туз червей!

– Мать честна́я, Володя, скажи тост, – неожиданно попросил Афанасьич, с нетерпением сжимая в потной руке вторую бутылочку.

– Яйчики-бабайчики, давайте глотнём за ветеранов Бородина, обеспечивших наше неповторимое счастье и процветание! – тут же отозвался писатель.

Все недоумённо переглянулись, и потому сторож попросил повторно:

– Володя, не надо за каких-то ветеринаров, а то и так тошнит немножко.

– Хорошо, тогда за неотвратимость поэтического прогресса!

Охранник, кроме слова *за,* и здесь не понял ничего, но это не помешало опрокинуть ему несколько глотков «Жигулёвского» в широко раскрытую нечищеную пасть, после чего рожа его озарилась блаженным удовлетворением, как у старухи Шапокляк в постели Крокодила Гены. Правда, это невинное движение неожиданно дало толчок каким-то тревожным мыслям для сторожа.

– Поглядел я сегодня на себя утром, – пожаловался Полтавцев, – так морда была такая красная. К чему бы это?

Кулемзин любил толковать народные приметы. Вот и сейчас он не отказал себе в этом удовольствии.

– Если морда красная, – пояснил он, – то ты, старик, за красных. Если белая, значит, ты за белых. Но хуже всего, если жёлтая! Это к долгой, очень долгой разлуке с нашим сплочённым коллективом…

Охранник, слушая толкование, постепенно желтел, но хорошо, что у него не было зеркальца, чтобы увидеть себя со стороны. Не видел себя со стороны и прапорщик: похмелившись, он вскоре перестал работать мордатым светофором, и даже смог вернуть себе вполне приличную для человека окраску – что-то среднее между расцветкой норвежского колли и дачным крыжовником средней полосы России. «Ну, будем считать», подумал Альбионыч, «что декомпрессия прошла успешно!»

Дети в школу собирались:
мылись, брились, похмелялись…

Кстати, чтобы не забыть в дальнейшем, автор сейчас решил привести сказочный рецепт для своих похмельных читателей, причём, сказочный не в образном плане, а в натуральном, так как рецепт этот вычитал в какой-то русской народной сказке, где са́мому главному герою Ивану-дураку его продиктовала некая Женщина-Яга[56]:

[56] В первом томе «Русской кочерги» автор уже объяснял, но должен повторить ещё раз то, что его герой Кулемзин был настолько интеллигентным человеком, что просто не мог назвать женщину бабой, причём, даже сказочную! – прим. автора

Возьми рассолу, в него валерьянки плесни, потом пустырнику, спирту муравьиного на меду пол-ложки сунь, перца красного, пороху щепотку, соли каменной, угольку тёртого, кардамону и анису не забудь, а ложкой всё это мешай не деревянной, а серебряной!

Есть ли выбор по безрыбью?
Есть! Об этом расскажу:
я с похмелья просто выпью!
А чего – вам не скажу…

И не ругайте автора садистом те, кто не знает, где с похмелья в городской квартире найти порох и уголь – не он это придумал!

Глава 40. ВТОРНИЧНОЕ ЯВЛЕНИЕ ХУДОЖНИКА

А что же наш друг художник Валерий Николаич? Неужели бросил его автор в тот момент, когда он плюхнулся худосочным задом на сиденье такси – в попытке

достичь земли обетованной в виде знакомого всем Бермудского Учпучмака? Неужели не суждено будет сегодня встретиться на этих страницах художнику-рециди-ди-висту Муравлёву с писателем-рецидивистом Кулемзиным? Ну, конечно же, нет – в смысле да! Знай, мой читатель, что ни сейчас, ни потом – до са́мого седьмого то-ма – писатель Вл. Горький никогда не оставит ни одного героя без внимания!

Володя хотел рассказать своим друзьям-покеристам ещё несколько антипохмельных рецептов, но его желание было остановлено криком Батыршина:

– Ёкарные пришельцы, смотрите, кто к нам идёт!

Все посмотрели в сторону кривого пальца прапорщика. Покачиваясь, к оградке покерного пространства Бермудского Учпучмака приближалась чья-то небритая фигура, обёрнутая мешковатой джинсовой курточкой, болтавшейся на ней, как заштилевший парус вокруг мачты.

– Кто это? – сурово поинтересовался Серёжа, с интересом наблюдавший за телодвижениями ходока.

– Не поверишь, друг мой, – ответил Кулемзин. – К нам пожаловал человек, переплюнувший самого́ Малевича в искусстве расцветки квадратов! Садись, дружище, чувствуй себя, как в кабинете известного стоматолога Зубочисткина!

«Царица лесная, как всё-таки у моего друга Володи много знакомых!», поразился сторож.

В хорошей артели
всяк при деле…

Да, это был несчастный живописец. Поглядев на его бледное лицо, писатель ясно представил себе Пьеро, отсидевшего пару лет в колонии строгого режима, и глубоко вздохнул, словно учитель ботаники, отчаявшийся объяснить двоечнику, что же такое *эпиблема*. Надо заметить, что выглядел Валера сегодня так же, как и вчера: помятое лицо, блуждающий за пределами разумной жизни взор, 17 привычных небрежностей в одежде – в общем, законченная творческая личность, пробы негде ставить! Вид у него сейчас был совершенно ошарашенный, как у человека, которому в кабинете врача сказали, что он болен неизлечимой формой цирроза печени, а через полминуты догнали в коридоре и сообщили, что произошла ошибка в диагнозе, ведь на са́мом деле у него просто сезонное обострение геморроя. Если же обобщить узнавание нашего героя, то живописец был похож сейчас на памятник Похмельному Синдрому, если бы его после глубокой французской пьянки с распитием русского самогона сваял какой-нибудь Франсуа Жан-Батистович Роде́н, или как там его звали на самом деле.

Если в твоей черепушке изъяны,
если ты шерстью покрылся навек –
это не значит, что ты обезьяна,
просто с утра не побрит человек!

Наконец узнав товарища, Афанасьич повёл бровями, густыми, как у ризеншнауцера, похлопал пришельца по плечу, пожал руку, а затем, видимо, в припадке бесконтрольного общения, даже приобнял, прошептав ему на ухо:

– Ну, и видок у тебя! Просто скульптура Церетели-Меретели!

– Салам алкоголейкум! – как-то не слишком по-мусульмански поприветствовал гостя и прапорщик, после чего спросил на ухо Кулемзина, кто это, на что писатель так же тихо ответил, что, мол, со временем разберёмся.

– С прибытием в мир людей! – поприветствовал живописца Володя.

– Можно, я немного присяду? – несмело попросился в коллектив пришелец. Правда, сесть суставами, перегруженными разными солями, находящимися в черноплодных напитках, оказалось непросто – для этого он согнул правую ногу в колене и опёрся на неё, как кавалер, предлагающий даме руку и сердце, а левая нужно согнулась уже сама.

– Конечно, можно, старичок, – радушно пригласил его Альбионыч, – но только с одним условием: если ты с утра наваял картину, тему которой я тебе вчера подсказал!

– Святой Малевич, к-к-какую картину? – стал заикаться художник.

– Яйчики-бабайчики, как какую? – возмутился писатель. – «Первые христиане под руководством некоего Квинта Септимия Флоренса Тертуллиана изучают труды святых апостолов»!

Здесь страдалец понял, что пива ему сегодня не обломится, так как указанное полотно не только было не закончено, но даже и не начато, и поэтому, чтобы отвлечь внимание от предложенной работы, принялся рассказывать собравшимся, как ему было плохо с утра. Марсианин, который подобные истории слышал чуть ли не каждый день, начал нервно насвистывать про себя старинный блюз 40-х годов «Сумерки на Гавайях».

Насвищу старинный блюз, –
чтоб быстрей прошёл мой флюс!

До прихода Муравлёва сидеть на покерных скамеечках было просторно, как в кинотеатре, а вот сейчас вроде бы и народу прибавилось немного – одна условная человеко-единица, но издалека стало казаться, что все присутствующие стали жаться, словно зайцы в переполненной лодке известного спасателя живой фауны дедушки Мазая.

– Да садись, старичок, я пошутил, – видя, что живописцу заметно поплохело, признался Альбионыч. Муравлёв тут же уселся рядом с гуру, словно перепуганный телёнок возле дойной коровы, затем к *незначительному* Николаичу на скамеечку пристроился квадратный Володя, и из них тут же получилось ровно полторы человеческие силы. После этого живописец всё-таки попытался продолжить рассказ о том, как же ему было плохо дома, с женой, и как сейчас хорошо здесь, с друзьями, а если ещё и бутылочку пивка…

Искалечен мозг шрапнелью –
вот такой сейчас симптом.
Очень плохо мне с похмелья!
Может, выпил я не то?

Но Володя решил провести работу по воспитанию личного состава вверенных ему художников более капитально.

– Кстати, мало ты, старик, работаешь и над монументальными формами, – попенял он товарищу. Валера тут же вспомнил монументальные формы супруги и печально подумал, что да, мало.

– Да я не о том, – продолжил писатель. – Пора бы тебе уже за скульптуру приниматься. Картинки-то выцветают, а Лаокооны, если, конечно, они не из советского гипса (б) сделаны, векá стоят…

Предложение было, конечно, заманчивое, но какое-то уж слишком неожиданное – как гороховый запашок в толпе людей, пришедших отмечать 1 Мая.

– Святой Малевич, что же делать? – классически вопросил художник.

– И с чего начать? – улыбнулся Кулемзин. – Яйчики-бабайчики, вот тебе первая тема для глобальной композиции: «Мальчик, веслом отгоняющий любопытных от писающей девочки».

Будущий скульптор несмело улыбнулся – такие темы никогда не приходили в его голову раньше, и он почувствовал, что и в будущем такие приходы тоже будут маловероятны. «Кстати, а почему он снова не на работе?», подумал Курманбаев, рассматривая пришельца строгим взором партийного начальника.

– Кстати, мать моя партия, а почему ты снова не на работе? – озвучил он неприятный вопрос.

Живописец сбился с рассказа о том, что чувствовал с утра, и замолк, а Кулемзин подумал о том, что ка́к русский народ относится к работе, видно по сказкам: в западных топорами рубят деревья, а в наших – из них варят кашу!

Каждый завтрак нам – с аптечкой,
ведь не каждый бы допёр:
в кашу мы кладём не гречку,
а большой-большой топор!

«Надо бы хорошенько присмотреться к этому Валере!», решил педагог, после чего объяснил сам себе это решение: «Во-первых, это друг Кулемзина, а, значит, есть больша́я вероятность, что он заражён его тлетворным влиянием, а, во-вторых, по́мнится, из одного художника уже однажды вырос Гитлер!»

Не спи, проснись, художник!
За дело уж пора!
Ты вечности *заложник* –
за воротник с утра!

Но не только некоторые коренные жители Бермудского Учпучмака не узнали живописца, но и он некоторых, о чём и сообщил на ухо покерному гуру. Тогда Володя приподнялся со скамеечки, обвёл присутствующих широкой дланью и представил коллектив пришельцу:

– Мои (прости, русский язык!) аффилированные[57] лица.

[57] Лица, влияющие на процесс на счёт преимущества – лат.

Валера смущённо улыбнулся, поковырял в грязном ухе и подумал, что его друг только что намекнул ему вполне справедливо, так как лицо своё он с утра действительно не умыл. Нашлась для гостя, конечно, и бутылочка пивка. Но, так как художник считал себя человеком интеллигентным, он решил не пить её залпом, а сказать тост.

– Я прибыл к вам… – начал он, но тут же понял, что продолжение сочинить не в силах.

– Может, с некой миссией? – помог ему писатель.

– Да-да, именно с некой, – подтвердил Николаич, потом немного подумал и закончил спонтанную речь:

– И она благородна!

– Всё? – уточнил Альбионыч и, не слыша ответа, завершил тему:

– Единственно благородной твоей миссией, Валера, будет та, если ты прямо в таком виде сейчас же поедешь на центральное саксаульское телевидение и покажешься саксаульским детям в так называемом прямом эфире – пусть посмотрят, что делают с людьми черноплодные напитки, и не производят такие же эксперименты над собой, маленькими.

Живописец потупил глазки и выразительно пощёлкал грязноватым пальцем по горлу, как бы намекая, что неплохо бы.

– Мать честна́я, неужто пива хочешь? – прямо поинтересовался Афанасьич.

«Странный вопрос», печально подумал художник. «Святой Малевич, затем и пришёл!». Но вслух сказал совсем другое:

– Даже не знаю, что и сказать. Правду говорить неудобно, а врать не хочется, тем более, про любимый напиток!

«Ну вот, плакало моё воздержание!», как-то отстранённо подумал он. После своего короткого спича с художником стало твориться что-то невообразимое: приветственная речь словно лишила его последних жизненных ресурсов: Муравлёв вдруг побагровел и покрылся по́том, словно минут 20 пробыл в хорошо протопленной русской бане, нещадно обхлёстывая себя дубовым веником с *крапивцей*. Затем Николаич, получив вожделенную бутылочку, кряхтя, как старичок-боровичок из киносказки Александра Роу «Морозко», уселся рядом с Володей. Картина из двух фигур была впечатляющей – она сразу же напомнила присутствующим персонажей ещё одной сказки, на этот раз мультфильмовской – «Пузырь и Соломинка».

Прибежали в избу дети,
второпях зовут отца:
«При подсчёте в сельсовете
не хватило два яйца!»

Глава 41. ВТОРНИЧНОЕ ЯВЛЕНИЕ ХУДОЖНИКА (окончание)

– Представляете, – начал Валера обзор вчерашних событий с самого наболевшего, – вчера пришёл домой, а жена в постели не одна!

– Мать честна́я, с любовником? – ахнул Полтавцев.

– Да нет, просто там её было две!

– А ты?

– Начал ругаться, – опустив голову, с горечью признался саксаульский леонардо недовинченный.

– Значит, опять ругался, ёкарный бабай? – со знанием предмета поинтересовался военный музыкант, затрагивая самую больную струнку в организме Муравлёва.

– Опять, – как на допросе, сознался художник.

«Ёперная родня, а я вот нет!», со счастьем подумал трубач, вспомнив утреннюю записочку от любимой. Его домашний ад как-то отодвинулся на время, и это радовало – как короткое затишье между затяжными боями. Потом он вспомнил вторую записочку, оставленную тестем, и обрадовался ещё больше.

Я и сам об этом знаю,

поглощая свой литраж, –
вся родня меня ругает,
потому что я – алкаш!

И вот здесь автор невольно задумался: неужели он назвал счастье семейной жизни адом? Неужели он, пользуясь авторским правом сочинять всякую чепуху, сейчас вбивает в головы своих молодых читателей эти крамольные мысли? Да, вбивает! А что делать, если он именно так думает, если он на своей шкуре уже однажды испытал этот домашний ежедневный ад собственного сочинения, который длится до самой могилы, а вот за ней уже открывается настоящий, так сказать, общественный ад с товарищеским судом в виде *святой троицы.*

Валера же, прихлёбывая пивко, с горечью думал о том, что никак не может понять притязаний новоявленной супруги. Он ведь такой талантливый и чудесный, все его уважают – и друзья, и… другие друзья, а то, что попивает – так это невинная шалость, обычный образ жизни обычного русского мужика, тем более не чуждого искусству.

– Царица лесная, а я вчера едва до дома дошёл, – в это время с восторгом рассказывал Афанасьич. – Чуть сознательность не потерял!

– Тяжело нам с тобой, брат, – вздохнул Альбионыч, обращаясь к гостю. – Мы с тобой художники духа, а значит, сыны эфира и верные (прости, русский язык!) апологеты высоких эстетических ценностей.

Живописец тут же понурил голову и также тяжело вздохнул: да, мол, сыны мы именно такие, да и *патологены* что надо.

– Денег не хватает? – посочувствовал Володя. – Может, тебе, Валера, книг немного продать?

– Да кому они сейчас нужны? – горько проговорил художник.

– Не скажи, яйчики-бабайчики, – возразил писатель. – А я тебе помогу сочинить объявление. Ну, хотя бы такое: «Продам энциклопедию, 50 томов. Мне она больше не нужна, так как я два года назад женился. Жена, блин, всё знает…»

Свой долгий опыт памятью охватывая –
нелёгких лет ученья вереницу,
скажу вам: чтобы мало зарабатывать,
необходимо много лет учиться!

– Ёперный мольберт, а, может, тебе лучше завести собаку? – предложил старший прапорщик.

Художнику мысль понравилась, после чего он начал её обдумывать. Раздумья длились долго, отражаясь какими-то серыми сполохами на несвежем лице. Наконец он вздохнул и произнёс:

– Нет, всё-таки жена лучше.

– Яйчики-бабайчики, да почему же? – аналитически поинтересовался писатель.

– Святой Малевич, так собака готовить не умеет!

И в это время через оградку Бермудского Учпучмака перелез относительно хорошо одетый человек и, мгновенно вычислив лидера, обратился к Кулемзину:

– Простите, вы не могли бы разменять мне 100 долларов?

– Извините, не могу, – улыбнулся незнакомцу Альбионыч. – Но, во всяком случае, merci за комплимент!

«В рассужденье много шока»,
думал раненый корнет:
«Много денег – хорошо как,
плохо как, когда их нет!»

И только автор решил приступить к своей новой главе, где должны были начаться основные покерные приключения наших героев, как вспомнил, что ежеутренне постановил заставлять Кулемзина поздравлять сопокерников с каким-либо важным событием, случившимся пусть и давно, но в этот самый день. Поэтому писатель, а в данном случае и историк, поднялся с покерной скамеечки и торжественно провозгласил, поднимая бутылочку с «Тянь-Шанем»:

– Посмотрите на эту бутылочку, друзья! И попробуйте проникнуть своими воспалёнными мозгами в её (прости, русский язык!) эзотерическую сущность.

Все попробовали проникнуть, но ни у кого не получилось.

– А, между тем, прекрасное пиво, заключённое в этом сосуде, имеет свою химическую формулу, о которой, надеюсь, вы даже никогда не слышали. И формула эта такова:

Солод + хмель + сахар + вода = «Тянь-Шань»!

– Да-да, мои маленькие друзья, основой нашего драгоценного напитка является банальная вода, без которой, надо признаться, и жизни на нашем кривоватом шарике тоже бы не было.

– Мать моя партия, к чему это ты? – недовольно проронил Курманбаев, которому не терпелось приняться за битву и, пользуясь идеологическими установками, разгромить внутренних и внешних врагов.

– Да к тому, что именно 26 августа, то есть в сегодняшний день, но ровно 220 лет назад – летом 1783 года основатель современной химии французский химик Антуан Бернарович Лавуазье (дай ему, *дедушка*, здоровья на том свете!) сообщил на заседании Парижской Академии наук, что вода – это соединение водорода и кислорода! Посмотрите на лицо нашего друга Полтавцева, и вы поймёте, что именно этой информации так не хватало ему для всеобъемлющего понятия смысла жизни. Именно с этим праздником я и поздравляю вас, друзья мои, и прошу никогда не забывать о научном подвиге француза Лавуазье, как не забыл о нём я, написав вот этот стишок по поводу:

С древнейших пор была известна
та влага, что зовём водой.
Сладка, подсóлена и пресна –
как символ радости земной.
Её глотали все бездумно
во все века – сейчас, тогда,
пока французский химик умный
не рассказал, чтó есть вода…

– Ерунда какая-то! – возмутился Курманбаев. – Вот ты поздравил нас с событием, которое будет касаться исключительно пива. А разве ты не знаешь, что вечером

все вот эти… – здесь он с презрением обвёл рукой покерный коллектив и примкнувшего к ним художника …– обязательно напьются, как домашние животные из семейства нежвачных непарнокопытных!

– Я надеюсь, ты имеешь в виду неких Suidae из рода позвоночных млекопитающих, или, в просторечии, свиней?

– А что? – не стал возмущаться прапорщик. – Свинья –она ведь тоже человек!

– А, может, наоборот, – предположил писатель.

– А? – не расслышал глуховатый от избытка похмельных флуктуаций музыкант, после чего что-то пробормотал про ёперных непарнокопытных, правда, держась за голову, которую, видимо, никак не хотело отпускать. Надо сказать объективно, что голова у Талгата являлась одной из важнейших частей его тела (он ей пил водку, закусывал и дудел в дудку на работе), поэтому боль, сосредоточенная в этом велеречивом и капризном о́ргане, мешала сосредоточиться на текущем моменте.

♠♠♠

«Позвольте, позвольте!», именно здесь воскликнет особо внимательный читатель. «Вот я уже оказался на 100-й странице, но ничего не изменилось со времени первого тома: фабула одна и та же, что раньше! Герои те же, похмелье то же, подозреваю, что и играть они всё время будут в ту же игру, что и в первой книге! Как же так?». А автор, мнящий себя мудрым и предусмотрительным, тут же ему ответит: «А что же ты хотел, мой строгий читатель? Чтобы я на три шага отошёл от правды жизни? Ведь эта суровая правда в том, что жизнь наша, как старый трамвайчик, годами неспешно катится по ржавым рельсам бытия, и ничего нового с нами не происходит. Вот у тебя, читатель, неужели хотя бы за неделю произошли какие-то изменения в жизни? Неужели в понедельник ты инженер, а во вторник уже старший инженер, а в среду, идя на работу, спас маленького школьника от разъярённого бультерьера, а в четверг в твоём доме был пожар, где сгорели все квартиры, кроме твоей? Конечно, нет. Увы, нет!»

♠♠♠

– Я говорю, что ладно, – объяснил Кулемзин. – Раз вам так уж необходима привязка сегодняшнего события именно к крепким напиткам, предлагаю вечером помянуть одного смешного персонажа – некоего Августа Иоганновича Бебеля, германо-марксистского социал-демократа, и его не менее смешную книжку «Женщина и социализм»! Яйчики-бабайчики, чем не повод для пары рюмочек (хотя их отродясь не водилось на пространстве Бермудского Учпучмака)?

Как же, *иблисы*, меня вы растрогали,
в гло́тке оставив мне ком…
Выпьем за Бебеля, Бабеля, Гоголя,
выпьем – и снова нальём!

На том и остановились. Правда, от начала сегодняшней игры собравшихся на битву соперников отвлёк короткий инцидент. Мимо игроков, метрах в двух от оградки Бермудского Учпучмака остановились неизвестные саксаульцы, после чего об-ратились почему-то к прапорщику:

– Скажите, товарищ, мы в сторону улицы Жубанова правильно идём?

– Какое там правильно? – горько ответил военный музыкант. – Голеностоп вихляет, удар стопы нечёткий, да и вообще идёте не в ногу!

После этого вопросов больше не случилось, и неизвестные удалились – с тем, что уже никогда не появляться на страницах нашего романа. А сколько ещё таких случайных персонажей забредут на наши страницы, даже автору неведомо…

Глава 42. НАЧАЛО ПОЛТАВЦЕВСКОЙ БИТВЫ

Русская кочерга – самая демократичная игра в мире, ведь правила, которые придумались в ней до сегодняшнего дня, могли развиваться до бесконечности – в зависимости от фантазии игроков. Например, когда Володя начинал играть в покер вместе со своими товарищами по тревожной молодости Геной Власовым и Юрой Стабниковым, у них в игре был только один *гранд* – сам покер, или семёрка пикей, да и то только потому, что играли они стандартной советской (б) колодой в 36 листов. Потом добавился ещё и джокер, когда удалось достать новую колоду в 52 листа. Потом ещё один, когда игроки догадались вытащить дополнительного джокера из второй колоды, а потом и старший джокер, роль которого с успехом исполнял календарик, *бонусно* закладываемый в колоду Ленинградской фабрикой офсетной печати № 3[58]. Решалось это большинством голосом, так как новые идеи всегда вели к новым комбинациям, от чего игра (прости меня, мой читатель, за тавтологию!) только выигрывала.

[58] Кстати, на этой знаменитой фабрике, где печатались игральные карты, был поставлен один из самых весомых рекордов одной занятной иностранной книжки, названной в честь пивовара Артура Прайсовича Гиннесса, а именно тот факт, что количество ежегодно производимых колод карт в 25 миллионов штук (!) в разы превышал тираж всей политической литературы, издаваемой в СССР (б) – прим. науч. редактора

Забавно, но именно так, то есть большинством голосов, когда-то составлялась главная еврейская книга талмуд – в отличие от библии, которую от первого до последнего слова в горячечном бреду продиктовал лично *дедушка*. Несколько веков назад совет учёных раввинов сначала спорил до хрипоты, придавая новому случаю статус прецедента, а потом выносил большинством голосов решение, как надо поступать во всех подобных случаях.

Хоть они и всех древнее,
смысл их жизни так хренов:
очень трудно быть евреем
среди русских мужиков!

Трудно не согласиться с неким Уильямом Без Отчества Шекспиром, что наша жизнь якобы игра, а мы, соответственно, в ней актёры. Однако большинство населения Саксаулии, включая и наших героев, были в этой игре не то что актёрами, но даже не статистами, а так – скорее всего, использованными декорациями. Поэтому в начале каждой покерной партии у игроков возникало впечатление, что начался спуск по гигантскому лыжному трамплину. Ещё немного – и они, полетне-му одетые участники Зимних игр, оторвутся от покерного столика и улетят в светло-небесную даль, пока не шлёпнутся на снег ликующего, скажем, Лиллехаммера[59]!

[59] Город в норвежской фюльке (губернии) Оппланн, где в 1994 году проходили XVII зимние Олимпийские игры, и где, кстати, Саксаулия, к тому времени уже успевшая стать суверенной, завоевала три медали – одну золотую и две серебряных! – прим. автора

Перед игрой гуру был невозмутим, как индейский вождь, почувствовав, что победа его неизбежна, как памятник Ильичу I перед зданием райкома в советские (б) времена. Альбионыч потянулся и огляделся. Увиденное настроило его на мажорный лад: солнце, доставлявшее игрокам немало мучений из-за своего раскалённого в этих широтах организма, пока не показало всю свою силу, Курманбаев, отличающийся подловатой игрой, тоже не проявил себя вампиром, и даже травка вокруг покерного столика, на которую ещё не ступала нога сенозаготовителя, зеленела сегодня как-то по-особенному. Обратил внимание писатель и на то, что Нуртай устроился на покерной скамеечке весьма монументально, как оживший герой кинокартины 70-х «Секретарь парткома», что должно было как бы невзначай настраивать остальных на безусловный его выигрыш.

Я, как птичка, осторожен,
и душою образцов:
может, партия поможет
победить моих врагов?

В целом же коллектив противников Альбионыча, как ни странно, соответствовал определению лошади в устах бессмертного Джеймса Иэновича Бонда: «Посередине неудобная, по краям опасная». «Колхоз «Явь ленинизма», бывший «Грёзы Ильича», подумал писатель. В это время особое внимание пришлось обратить на сторожа.

– Царица лесная, что-то прихватывает, – бормотал Полтавцев, держась почему-то за правый бок. «По-моему, у меня явная гипертрофия правого желудочка, а также склеротические изменения мышечной ткани», подумал он и сам испугался таких умных мыслей, после чего все болезни как-то прошли.

– Не пора ли начать играть? – нетерпеливо предложил писатель.

– Играть? – с натугой произнёс Афанасьич. – Голова же болит… Может, лучше ещё пивка?

– Серёжа, – ответил заботливый Володя, – зачем ты себя с утра русскими словами мучаешь?

В начале первой партии Кулемзин всегда был мирным, как бронепоезд «14-69», воспетый советским (б) писателем Всеволодом Ива́новым, но по ходу исполнения этой пьесы театра абсурда постепенно свирепел. Вот и сегодня, предвкушая невиданные битвы, он отдал команду.

– Итак, наш устный договор наконец-то подписан кровью… то есть пивом… при большом стечении обстоятельств, – провозгласил Альбионыч. – Ну, ключ на старт! Слабонервных прошу *удавиться*! И, как говаривали в прошлом веке герои гражданской войны, по коням!

– Ась? – не расслышал глуховатый Афанасьич, но повторять специально для него гуру не стал.

– Предлагаю вам, мои маленькие друзья, начать трансформацию вашей тухлой энергетики в духовные переживания по поводу проигрыша в битве со мной! Итак, пусть победит сильнейший Кулемзин! – произнёс начальную формулу сильнейший Кулемзин, и игра тут же завертела своё колесико фортуны.

«Мать моя партия, почему же именно проигрыша?», хотел перебить его Курманбаев, но впереди оказался сторож.

– Представляете, мужики, – упоённо поведал он перед игрой. – Я себе на днях на барахолке такие ботинки купил! Мать честна́я, оба левые и один другого больше!

– Йодистый шекель, и чему же ты радуешься? – спросил Талгат.

– Так подошли ведь!

Давно всё знаю наизусть –
свершайся, роковая сказка!
Безмерная, немая грусть,
безмерная, немая ласка…

Здесь писатель вспомнил, что незадолго до этого собственноручно изготовил некий плакатик для стимулирования творческого потенциала его друзей-сопокерников. Он быстро снял рубашку цвета категорического императива Иммануила Иоганновича Канта и начал разматывать плакатик, до этого сидевший на его торсе, как красное знамя на политруке полка, которое он решил умереть, но не отдать фашистам, после чего с помощью Афанасьича прикрепил белый плакатик с зелёными буквами между деревьев:

Все на борьбу с этой штукой!

Этим фактом он поверг в смятение буквально всех игроков, потому что каждый, что называется, примерил прочитанное на себя, и теперь думал, чем же досадила Володе именно *эта штука*.

– А почему лозунг не красный? – недовольно заметил Курманбаев, как известно нашему читателю, большой любитель красного цвета.

– Странно, что ты не понимаешь такой простой вещи, – осадил его Серёжа. Педагог смешался и привычно замкнулся в горе непонимания со стороны коллектива.

Эти нам слова знакомы –
в сердце наше западут!
Любим лозунги за то мы,
что они всегда ведут!

Правда, оправился он очень быстро – видимо, за несколько лет у него выработался иммунитет против такого непонимания.

– Так давайте же познаем радость истинно творческого труда! – призвал он перед началом игры.

Талгата тут же вырвало в кустах.

– Итак, вперёд, – навстречу новым приключениям на свою покерную *жопу*! Друзья мои, настраивайтесь на героическую и мучительную кончину! – подбодрил сопокерников Альбионыч. После этого особым марсианским слухом он услышал неслышимые другим аплодисменты. Оказалось, что его словам аплодировал коллектив муравьёв, который трудился неподалёку от покерного столика, видимо, получив аккордный наряд на земляные работы и вступивший в социалистическое соревнование сам с собой.

– Кто будет первый сдавать? – спросил вожак.

– Я знаю, как считаться, – радостно воскликнул охранник, прочтя такой стишок:

– Ни на эту, ни на ту –
на какую попаду!
Ну, а коль не попаду,
значит, в горе я впаду!

Глава 43. НАЧАЛО ПОЛТАВЦЕВСКОЙ БИТВЫ (продолжение)

Наконец все чинно уселись за покерный столик, который представлял собой искусственный, созданный могучим володиным интеллектом и руками его хорошего друга Насиба Кураева[60] аэрарий[61] – для воплощения замыслов великого вождя.

[60] История покерного столика рассказана в первом томе «Русской кочерги», в главах 129-130 – прим. гл. редактора
[61] От гр. aēr – воздух. Сооружение для воздушных ванн, защищённое от солнечных лучей и ветра – прим. мед. редактора

Ещё до того, как был сдан первый роббер в одну карту, да ещё на *тёмной*, писатель обдумывал стратегию предстоящего сражения. Остальные игроки, зная об этом феноменальном его умении, недоумевали: как можно обдумывать то, что ещё не произошло, как можно видеть то, что невидимо в принципе? Но мой внимательный читатель, конечно, помнит и о марсианских технологиях, коими писатель владел в совершенстве, и о его игровом стаже в четверть века. Сейчас Альбионыч напоминал своего друга художника Муравлёва, который после пятой рюмки, судорожно схватив кисти и краски, начинал наносить на холст первые мазки, мучительно раздумывая, в каком жанре намалевать картинку: забубённом примитивизме или воздушно-капельном импрессионизме? А, может, бросить всё к *иблисовой* матери и налить шестую?!

Лучше выпить, чем писáть –
знаю точно, та-та мать!

Почему же и эту главу, да и целый том автор назвал в честь своего главного героя – Серёньки Полтавцева, сына Афанасия, бывшего текстильщика ОХБК[62], а ныне охранника-сторожа какой-то конторы? Да потому, что если бы не было именно его в покерной хевре[63], то стала бы игра наша скучной и пустой, да и повествование пришлось бы натужно насыщать каким-то выдуманным героем – придумывать, как его зовут, как он одевается, что говорит. А здесь – вот он, готовенький!

[62] Отцеябловский хлопчато-бумажный комбинат – прим. автора
[63] Шайка – феня

Игроки хорошо знали, что голова у Афанасьича тяжёлая. Это стало известно в прошлом году – после того, как он по пьянке проломил ею восьмисекционную батарею центрального отопления. Причём, после того как врач перевязал ему голову и спросил: «Зачем же ты, мужик, батарею поломал?», Серёжа матерился, изредка вставляя между словами выкрики времён войны типа «Батарея, огонь!».

По причине своей тяжёлой головы в *русской кочерге*, как уже было неоднократно сказано, сторож понимал меньше, чем дятел в азбуке Сэмюэла Майкловича Морзе, поэтому первые, короткие робберы он играл роль как бы буферной зоны, периодически принимая на себя удары беспокойных соседей. Было видно, что ему тя-

жело: шарики его головы, соприкасаясь с роликами, издавали зубовный скрежет, но он мужественно терпел все выходки Суки-судьбы, всё время подбрасывающей ему какие-то плохие карты, а остальным – хорошие. Но, чтобы как-то успокоиться, уйти домой было нельзя: там, правда, у него был один друг – холодильник, но он постоянно был пустым, старенький телевизор работал как *гетеродин* захочет, радио тоже не радовало приятными известиями.

Володя, правда, усердно внедрял покер в массы – в добровольно-принудительной форме, как картофель при Екатерине II, но даже это было не самым главным для охранника, а то, что благодаря именно Альбионычу его уже ставшая легендарной книжечка «Для му.мы.», а, вернее, «Для му.мы. Том 2», так как первая закончилась за неполный год, ежедневно пополнялась непревзойдёнными образцами мудрости, кою перманентно изрекал Володя.

В голове хотя и пудра,
знания всегда займу:
становлюсь я очень мудрым,
жутко ажно самому!

Здесь мысль автора внезапно отвлекло некое забавное происшествие, и хорошо, что оно случилось ещё до начала первой партии. Около заборчика, ограждающего периметр Бермудского Учпучмака, остановился какой-то забредший по своим делам незнакомый алкаш. Он долго смотрел на игроков и, наконец, поймав володин взгляд, выдавил:

– Мужик… ты кто?

– Молодец, – отреагировал Альбионыч, – сначала отвечаешь на свой вопрос, а потом спрашиваешь!

Алкаш от обилия простых человеческих слов помутнел взором и, покачиваясь, двинулся дальше по своим скорбным надобностям. Правда, планета как могла препятствовала его движению, несясь в космическом пространстве со скоростью аж 250 километров в секунду, поэтому движение алкаша было чрезвычайно затруднено – было видно, что он спотыкался не только о мелкие камушки, но даже о пыль на асфальте!

Ведь не думает планета,
как нам дальше жить на ней,
и поэтому поэты
вдруг становятся бедней…

Глава 44. ОДИН ДЕНЬ В ИСТОРИИ ЗЕМЛИ

– Итак, поздравляю вас с начавшимся покерным днём! – поздравил подотчётный коллектив гуру. Полтавцев при этом сделал важное лицо, Муравлёв в этот момент вспоминал страшную картину Эдварда Кристиановича Мунка «Крик», а Курманбаев притворно зевнул, как бы говоря планете, что нет на ней ничего нового, и этот день будет похож на предыдущие. И, как ни странно, он был в чём-то прав. И только старший прапорщик Батыршин никак не отреагировал на поздравление, потому что ещё не совсем пришёл в себя после вчерашнего.

– Талгат, специально для тебя! Бе ацлаха[64]!

[64] ***Удачи – ивр.***

– Ёперный иврит, а почему не на татарском?
– А я не помню!
– А я и не знаю…

Правда, при этих словах Салихдзяныч прижал правую руку к левой стороны груди, подчёркивая этим какой-то сердечный жест, и словно бы говоря, что поздравление принято и даже будет запомнено – до пятого-шестого «Маршала».

В рифмы и в ритмы
втиснем иврит мы?

– Сегодняшний день, – продолжил спич писатель, – а именно 26 августа 2003 года, прославился в веках так же, как и остальные. Что же интересного произошло в этот день, кроме памятно-химического парижского дня, о коем я уже рассказывал? О чём мы сегодня, перекидываясь картами и наливаясь по самые брови пивком, будем помнить, как невнятную латинскую скороговорку под названием «Pater Noster»?[65] Замечу сразу, что, как и в другие дни нашего сурового земного шарика, люди в этот день беспрестанно воевали, суетясь по различным ристалищам.

[65] ***«Отче наш» – лат.***

Полтавцев стремительно выхватил из своей котомки заветный блокнотик «Для му.мы. Том 2» и двуцветный карандаш, после чего не менее стремительно накаракулировал на чистой страничке красным концом карандаша: «Мы мирные люди, но наш бронепоезд сделает остановку по поводу массового дристалища!»

Промелькнул один посёлок
из каких-то десяти:
бронепоезд наш весёлый
мчит по верному пути!

– Так вот, – сделав паузу для воспроизведения его мудрой мысли, продолжил знатный историк: – Вы думаете, военные действия начались совсем недавно? Яйчики-бабайчики, конечно, нет. Вспомните, например, что именно в этот тёплый августовский день, но ещё в 56 году *до нашей эры* (!) некий Юлий Юлиевич Цезарь вторгся в Британию! Хрен знает, сколько километров пришлось преодолеть его армии, чтобы с боями пройти из Рима до Лондона, хрен его знает, как пешие и конные римские солдаты переплывали через Ла-Манш, но факт остаётся фактом! И тем бы дело и закончилось, но ведь именно 26 августа отмечено и дальнейшими боевыми действиями. Вот смотри́те сами: в 1071 году произошла битва при Манцикерте, где турки-сельджуки победили Византию, а в 1346 году состоялась битва при Креси (было такое местечко в Северной Франции), которую историки до сих называют одной из важнейших в Столетней войне. Как мне хорошо помнится, именно там войска английского короля Эдуарда III Эдуардовича Плантагенета разгромили французскую армию короля Филиппа VI Карловича де Валуа.

«Вона как!», подумал охранник. «Сколько народу полегло, а всех наш великий гуру помнит поимённо…», после чего записал на той же страничке, после сло́ва «дристалища!»: «Царица лесная, только сейчас понял, как вели́к Альбионыч!».

Педагог нервно выхватил у него книжечку и ниже приписал своей авторучкой: «Мать моя партия, а я – нет!». Афанасьич прочёл эту, как он выражался, *нотабеню*, и спросил:

– В смысле, не так вели́к?

– В смысле, не понял, – раздосадовано пояснил Мусаич.

– В том же XIV веке, а именно в 1382 году некий хан Тохтамыш, кстати, старший сын моего знакомого фарцовщика Чингизхана, умудрился в этот день захватить Москву! И москвичи помнят этот позорный день до сих пор, и не могут простить подлому татарину…

При этих словах Талгат потупился, как бы осознавая и свою историческую вину перед русским народом.

– … по́ступи его тяжёлого ханского сапога по Красной площади перед мавзолеем Ильича I!

Знают наши санитары,
кои в битвах полегли,
что монголы и татары
издевались, как могли!

От тяжёлых исторических воспоминаний Володя даже притопнул по скорбной землице Бермудского Учпучмака.

– Вы думаете, что дело этим и закончилось? Как бы нет так! В 1641 году по какому-то странному совпадению именно 26 августа некая Западно-Индийская компания захватила столицу Анголы Луанду. Представьте, что Индия находится на одном континенте, а Ангола – на другом. Кстати, именно в том году Ангола всё ещё была под протекторатом португальцев! И чего же, интересно, было там нужно индийским захватчикам? Историки, к коему славному племени принадлежу и я, до сих пор в недоумении!

Кулемзин, как бы подтверждая свою мысль, пожал плечами и продолжил исторический обзор:

– А XVIII век? В 1735 году случился вот такой эпизод войны за Польское наследство – Рейнский поход, когда русская армия впервые в истории вышла к Рейну! А век XIX, думаете, был лучше? Как бы не так! В 1810 году произошло сражение русских и турков в районе села Батин (это в Болгарии), в 1813 году случилось сражение у Кацбаха…

– Йодистый Кацбах! – воскликнул военный трубач.

– Нет, нет, Талгат, это не еврейская фамилия, а всего лишь речка под городом Лигницем в Западной Польше. Да, и не забыть бы славную победу под Шипкой – именно здесь 26 августа 1877 года русские в который раз побили турков козырным королём!

«Хорошо, что этот Кацбах оказался речкой, а то сил уже нет от этих евреев! Когда же мы играть начнём?», потихоньку прихлёбывая халявное пивко, подумал музыкант с прапорщицким образованием.

– Яйчики-бабайчики, а может быть, вы думаете, что этот пресловутый день в только что отгремевшем XX веке был мирным? Даже не надейтесь! Вот смотрите: год 1914 – разгром русских войск Германской империей в битве под Танненберге, не говоря уже о теракте на Мюнхенской Олимпиаде 1972 года, да впридачу путч в СССР (б), организованный неким ГКЧП тоже 26 августа! Уф!

Ох, был заговор нечистым
от паскудных политгрёз,
но не думали путчисты,
что их *пучит* так всерьёз!

Глава 45. ГКЧП (хронотоп № 4)

«Можно относиться к прошлому хорошо или плохо, но сожалеть о чём-то – глупо. Сожаление неконструктивно, из чувства сожаления нельзя создать ничего полезного. К прошлому нужно относиться с благодарностью, потому что оно дало нам определённый опыт, из которого можно извлечь уроки и сделать выводы. Даже если опыт очень горький и тяжёлый, из него всё равно извлекается урок, и за это ему огромное марсианское merci», хотел сказать присутствующим Кулемзин, но автор решил этот короткий хронотоп сделать эксклюзивным – только для тебя, мой любопытный читатель!

Володя вспомнил, как напряжённо смотрел в эти дни телевизор. Экран особенно отчётливо подчёркивал качество лиц нового высшего руководства страны: одутловатость премьер-министра Павлова, хорькообразность председателя госбезопасности Крючкова, некоторая ступорозность министра МВД Пуго, явная алкогольность на сером лице исполняющего обязанности президента Янаева, неприглядная быковатость министра обороны Варенникова. А потом телекамера переключалась на улицу, где, заранее подготовленные против нового развития СССР (б), метались якобы «протестующие» манифестанты с кровавыми знамёнами, крича что-то невероятно гнусное о реставрации социализма и отвратительного монстра по имени КПСС (б).

Наш герой приглядывался к этим мордам всё внимательнее, и его передёргивало от отвращения. «Мразь человеческая», думал он тогда, «воплощение того, что я до тошноты презирал в этой стране. Их считают бедными, старыми, угнетёнными хищническим капитализмом. Но я узна́ю эти кувшинные рыла и свиные пятаки бывших вохровцев, политотдельцев, смершевцев, кадровиков, поносников-выдвиженцев, захребетников-партийцев, начальников-пенкоснимателей, но главное – стукачей, стукачей и стукачей!». Вначале они прятались, боялись, что их будут справедливо вытаскивать на свет *дедушкин*, а потом увидели, что новая власть даже пальцем не шевелит, и стали собираться больши́ми толпами.

Совсем не помню утро славной даты,
когда свободы озарил нас луч,
поскольку я ходил тогда поддатый
и мне был по́хрен этот самый путч!
Я пялил зенки в *ящик* без испуга
(тогда ещё был зорок без очков!)
и видел, как бормочет что-то Пуго
и пальцем угрожает мне Крючков.
Кто помнит их теперь, кто имя знает?
Другое всё уже – народ, страна.
Кажись, еще какой-то был Янаев –
ну, тот, что трясся будто с бодуна…

В стране воцарилась атмосфера гнетущего ожидания, как это бывает в открытом море, когда на горизонте возникает странное кучевое облако, словно бы не под-

властное господствующим ветрам – верный признак надвигающегося шквала. Какая участь ожидает корабль в самое ближайшее время? Пойдёт ли он на дно вместе со всем экипажем или крутая волна лишь слегка тряхнёт его? А что, если шквал вообще пронесётся мимо, и на всех палубах заиграют оркестры, а в барах в честь столь чудесного спасения капитан в нарядной белой фуражке прикажет подать бесплатный портвейн «777»?

Но всё заканчивается в истории, и этот кошмар закончился тоже. Колесо истории со скрипом провернулось в очередной раз и застряло на обочине новой жизни, не давая даже закончить короткий катрен на ту тему:

Как хотелось нам форели,
лёжа с пивом на тахте, –
новой жизни мы хотели,
только жизнь нас не хоте…

Глава 46. ОДИН ДЕНЬ В ИСТОРИИ ЗЕМЛИ (окончание)

Альбионыч смахнул первые за сегодняшний день капельки пота, немного устав от исторической лекции.

– Мать моя партия, так что же, ничего хорошего сегодня не произошло? – поинтересовался педагог.

– Ну почему же? Думаю, что рождение любого человека – всегда радость: вначале для его родителей, а потом, когда он прославится, и для благодарного человечества в целом.

– Ёкарные предки, это ты к чему? – забеспокоился музыкант.

– Да к тому, что сегодня мы весь день можем пить пиво и другие напитки не просто так, а под тосты о хороших людях, ведь 26 августа родились, например, хорошие ребята из дружественной нам Франции воздухоплаватель Жозеф Мишелевич Монгольфье и химик Антуан Бернарович Лавуазье, о котором сегодня я уже сказал столько хороших слов, английский писатель Джон Уолтерович Бакен и немецкий физик Джеймс Максович Франк. А мексиканский художник Руфино Диегович Тамайо, а индийский мастер кундалини-йоги Харбхаджан Сингх Хальса Йогиджи, а аргентинский поэт (прости, русский язык!) Хулио Федерикович Кортасар? Все они также родились 26 августа! Так что будем помнить об этих славных ребятах и посвящать им (кто кому понравился) наши незатейливые победы!

В силу наших компетенций
и в сознанье пропитом
будем пить за деньрожденцев,
но закусывать при том!

«Выпью-ка я водочки, когда придёт время, именно за этого Хулио», решил Батыршин, «а то ведь, наверное, обидно ему с таким хорошим именем не в Саксаулии жить, а в какой-то Аргентине…»

«А я свою незатейливую победу», подумал в ответ тянущийся к знаниям охранник, «посвящу лучше самому́ себе. А все эти хулио как-нибудь обойдутся, ведь они не знают всю степень страданий, выпавших сегодня на мою долю…»

Глава 47. НАЧАЛО ПОЛТАВЦЕВСКОЙ БИТВЫ (продолжение продолжения)

В начале каждой партии у Нуртая был вид школьника из утопического сна учительницы первого класса. Он сидел тихо, как мышка между мешками с овсом, но в душе лелеял надежды, что вот и сейчас, как раньше, он опять будет играть нестандартно, то есть умно, и обязательно выиграет, лишь бы карта пришла да *иблис* помог. Но рогатый сегодня подумал о том, что относиться к своим обязанностям надо бы осторожно – он помнил, как вчера позорно проиграл Кулемзину, коварно применившему к нему *истиазу*[66], поэтому решил помогать Курманбаеву через раз, почаще отлучаясь в пропадлючьи сферы для подзарядки своих пропадлючьих аккумуляторов.

[66] Молитва для защиты от иблиса – араб. Об этом весёлом случае рассказано в главе 292 первого тома «Русской кочерги» – прим. автора

Никто не знает, чего ждать от капризной Суки-судьбы: то ли ласкового чмока в попку, то ли удара *с оттягом* по мечте нимфоманки. И с первых же робберов начавшейся партии пришло подтверждение этому странному утверждению. Мусаич, почувствовавший, что его персональный *иблис* пока в силе, тут же принялся злодействовать налево (где сидел Афанасьич) и направо (где ожидали его ходов Альбионыч и Салихдзяныч).

Карта в этот раз Володе пришла неважная. «Ничего», решил он, «авторитетом додавлю!», тем более что в игре он всегда старался мыслить *системно*. Но, к сожалению, мусульманский чёрт подсунул педагогу такие карты, что справиться с ним не было никакой возможности. В итоге пролетели все, хотя и Курманбаев, увлёкшись хапаньем *даровых* взяток, перебрал одну, чем и заработал капитал не в 60 очков, как планировал, а всего лишь в 4.

– Нуртай, ну зачем ты так? – жалобно произнёс Сергей.

Педагог опустил голову и незаметно, как ему казалось, улыбнулся.

– Мать честна́я, я же тебя просил, – продолжал жалобиться охранник. Но разве знал он, глупое дитя недоразвитого социализма (б), разве могло придти в его угловатую голову, что с тем же успехом доски могли просить плотника, чтобы он их не строгал, не пилил, не вбивал им в голову гвоздей и не швырял оземь. Нуртай же потупил глаза, делая вид, что внимательно разглядывает заусеницы на указательном пальце.

– Да, я чувствую, что с такими «партнёрами» совершенно невозможно работать (прости, русский язык!) *фидуциарно*[67], – посетовал Володя.

[67] От лат. fiducia – сделка, основанная на доверии – прим. фин. редактора

В омут покера сползая,
не становимся храбрей.
ведь, чем больше доверяем,
пролетаем тем быстрей!

«Жизнь пройдёт, как атомные облачка над атоллом Бикини», внезапно подумал Володя, «а после меня останется только жалкая полочка с написанными неизвестно для кого тремя десятками книжек – ни о чём!». Ему стало настолько жалко

себя, что именно в этой партии он решил посадить всех, кого возможно, а не только Нуртая. «Яйчики-бабайчики, сколько же можно заниматься учёбой этих двоечников!», в раздражении подумал писатель. «Пора учить их не пряником, коих я и так уже раздал 40 фунтов, или чуть больше 18 килограммов, а кнутом или, примеряясь к местным саксаульским реалиям, *камчой*!». Вслух же он неожиданно произнёс:

– Сажаю!

– Царица лесная, а откуда ты знаешь? – спросил Серёжа, так как восклицание писателя было сделано ещё до того, как последняя карта роббера легла на покерный столик перед его туловищем.

– Чутьё гения, – скромно ответил Кулемзин. – И скоро вы в этом убедитесь.

Неожиданно из левого угла Бермудского Учпучмака донёсся какой-то шум. Оказалось, что старушки-пенсионерки, видимо, вдохновлённые примером наших мóлодцев, окукупировали свой старушечий столик, или, как его аббревиатурно называл Володя, СС, и тут же начали резаться в *дурака*, подбадривая себя криками типа «Карта не лошадь – к свету повезёт!» и «Не знаешь с чего ходить – ходи с бубей!», хотя последняя речёвка явно относилась к жаргону преферансистов, и откуда она была известна пожилым любительницам сериалов, было неизвестно не только сопокерникам, но даже автору нашего занимательного повествования.

Но битва весёлых чудачек
не так уж робка и кротка:
друг друга старушки дурачат,
друг в друга меча *дурака*!

Володя марсианским взором мгновенно проник в карты всех участниц процесса и оценил их нелепые ходы, после чего прокомментировал нехитрую старушечью игру:

– Какая пресная работа! Каботажное плавание, никакой глубины!

Но Полтавцев неожиданно принял последние слова писателя на свой счёт и страшно обиделся:

– Не ожидал я от тебя, Володя, такого амикошонства[68]…

[68] От фр. слов ami (друг) и cochon (свинья)

При этом слове у педагога сделались очень большие глаза. Труженик охранного фронта тяжело засопел.

– … а также фанфаронства и буржуазного превосходства над пролетариатом в моём лице!

«Браво, Афанасьич! Мать моя партия!», про себя воскликнул Курманбаев. «Ну, наконец-то в нашем славном трудовом коллективе прорезаются ростки нового, истинно марксистского отношения к зарвавшемуся купчику Кулемзину!». Правда, вслух такую страшную крамолу педагог произнести всё же побоялся, но зато вспомнил гениальные, как ему казалось, ленинские слова: «В нашем идеале нет места насилию над людьми»[69].

[69] В. И. Ленин. Статья «О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме», Полное собрание сочинений, т. 30, стр. 122 – прим. полит. редактора

– Знаешь, Серёжа, может, ты и прав – в какой-нибудь параллельной Вселенной, – парировал Альбионыч, – но то, что мы с тобой сидим *визави*, ещё не повод для близких отношений. Так что уволь меня от этих сантиментов!

– А я ни про какие сантиметры и не говорил! – начал защищаться охранник.

– Святой Малевич, вот именно, – решил поддержать нового друга живописец. – Я сам слышал! И про миллиметры тоже!

– Ёкарные клубни, вы играть-то будете? – поинтересовался музыкант, уже минут как пять назад сдавший очередной роббер. На губах его блуждала какая-то не здешняя улыбка, а глаза поблескивали, как у солдата перед дембелем. Володя с интересом поглядел на несчастного военного, ведь была в нём сейчас и ещё одна примечательная чёрточка – губы его распухли словно оладьи.

– Ты что, с Мохаммедом Кассиусовичем Али бодался? – сочувственно произнёс писатель.

Не вступай в пустые споры,
коль с утра пришёл в мечеть,
ведь нарвёшься на боксёра –
будет тыковка болеть!

Глава 48. НАЧАЛО ПОЛТАВЦЕВСКОЙ БИТВЫ (ещё одно продолжение продолжения)

– Мать моя партия, попробую пять взять, – наконец-то, но как-то несмело заявил Нуртай.

– Яйчики-бабайчики, одна тоже попробовала, – насмешливо прокомментировал Альбионыч, – потом тройню пришлось нянчить!

Серёжа, чувствуя, что и на этот раз последнее слово осталось не за ним, тяжело вздохнул, как это делает мастеровой – перед тем, как, поплевав на руки, взяться за топор. С горя, что он оказался не понят, сторож на какую-то микросекунду повредился в уме и выкрикнул:

– Тоже пять, царица лесная!

В принципе, в этих больших заказах не было ничего необычного, тем более что предстоящий роббер предстояло играть на восьми картах, если бы не одно обстоятельство: Володе, так же, как и Нуртаю, пришли два *гранда*, но если у Курманбаева это были младшие джокеры, то у писателя в обойме сидели джокер старший да ещё и покер впридачу. Поэтому нечистый педагог воспользовался своим обычным приёмом – над просторами славного Бермудского Учпучмака немедленно раздался его вопль:

– Лейся, песня, на просторе!
Не грусти, не плачь, жена!
Штурмовать далёко море
посылает нас страна!

После того, как военный трубач уже не в первый раз за сегодняшний день испоганил близрастущие кусты, игра, разумеется, сбилась – Батыршин, ещё плохо соображая после извержения, кидал на покерный столик карты небрежно, как бы говоря: эх, друзья, как горько мне за ваше равнодушие к моей нелёгкой судьбе! Остальные же, сбитые с толку этим малодушным поведением, поневоле были вы-

нуждены подчиниться вновь возникшим обстоятельствам, на ходу перестраивая уже намеченный план игры. В результате такого ужасного демарша Мусаич, сам же и учинивший это безобразие, пролетел на одну взятку, а Серёжа, и до того плохо понимающий, чем всё это закончится, только теперь сообразил, что всё закончилось ещё хуже, чем он «думал», пролетев аж на 90 очков, или три взятки. Немного повезло Кулемзину, и то только потому, что карты у него, как и было отмечено пару абзацев назад, пришли, честно говоря, неплохие, и он всё-таки умудрился взять свои три заказанные взятки, хотя этому не радовался, потому что ему было жалко всех остальных.

А вот прапорщик, кому уже не первый утренний поход в кусты немного повредил сознание, твёрдо решил, что он играет пас, хотя до этого заказывал две взятки, и пас этот уверенно сыграл, что и отразила *раскладка* как минус 45 очков ему в актив, вернее, в пассив. После этого музыкант, потеряв нить не только игры, но и жизни вообще, тут же забыл о паскудном поступке Нуртая, и стал размышлять о том, какая же всё-таки непредсказуемая штука эта ёкарная память, да к тому же память человека, не чурающегося черноплодных напитков.

Знает твёрдо мозг недужный,
и особенно с утра –
для себя решить мне нужно:
что важней – бухло? игра?

Сам же Альбионыч, глядя на страдания портупей-юнкера, вспомнил закон некого французского психолога Теодюля Арамановича Рибó[70], который утверждал, что сосуд человеческой памяти заполняется послойно, как цветной песок в египетской сувенирной колбе.

[70] Читать подобную научную бредятину очень смешно! Например, этот француз ввёл такое понятие, как память на интернализованные (!) в детстве отношения к чему-либо. Причём, чтобы понять, что же такое эта (прости, русский язык!) интернализация, человеку ищущему придётся заглянуть в Википедию, после чего прочесть там не менее смешную лабуду: «Интернализация – это процесс освоения внешних структур, в результате которого они становятся внутренними регуляторами» – прим. автора

Если к жизни глуховатый,
если мозгом не пригож,
регулируй сам себя ты –
и в психушку попадёшь!

«Йодистая геология, буду твёрдым, как кремень», сам себе пообещал Талгат, после чего показал сжатый кулак, очевидно, изображая им крепость пришедшего на память минерала. Но этот жест остальным сопокерникам, не слышавшим мысленного обещания, показался какой-то угрозой: Володе – нелепой, охраннику – забавной, педагогу – никчёмной, а Валера вообще не увидел этого жеста. В общем, никто так и не испугался.

– Мать честна́я, с кем поведёшься, то так тебе и надо! – попытался образумить зарвавшегося в своих мыслях военного Афанасьич, но Батыршин исподтишка показал ему кулак, – видимо, ещё не совсем отошёл от вчерашнего.

«Рано ещё прыгать за флажки!», по-волчьи подумал Альбионыч. Педагог же, возомнив себя как непобиваемым авторитетом, решил немедленно впасть в ересь всемогущества, а *русская кочерга* этого, конечно, не прощает. Ведь что такое покер в целом? Это игра, как нецензурно выражался писатель, (прости, русский язык!) стохастическая, то есть вероятностная. А что такое в покере вероятность? Да это же внебрачная дочь уже известная нашему читателю великого Случая, который, как помнит памятливый читатель, есть не очень дальний родственник самóй Суки-судь-бы! Наверное, именно поэтому, а не потому, что карты Курманбаеву приходили неважнецкие, он и начал медленно, но верно откатываться назад, что и зафиксировал в *раскладке* записывающий Кулемзин. А, может, ещё и потому, что *иблис*, над которым вчера так жестоко надругался писатель, всё ещё не мог очухаться от ковар-ства истиазы.

Я живу в своей манере:
в покер-джокер верю, но
с детства в *дедушку* не верю!
И в *иблиса* заодно…

– Эх, Нуртай, чтобы играть со мной на равных, – нравоучительно произнёс Володя, – надо две головы иметь. Как у телёнка в Кунсткамере!

От незаслуженного оскорбления страдающий педагог прикрыл глаза, после чего у него тонко-тонко, как пенка пятипроцентного молока, задрожали веки. Нуртай вообще поразился, как быстро Кулемзин пришёл в себя. Сейчас Альбионыч опять напоминал старого ли́са: изнуряющий бег от Суки-судьбы закончен, лапу до хруста защемил капкан, а лай собак всё ближе. В карих умных глазах плещется боль, а лис всё ещё решает, то ли, повинуясь инстинкту, перегрызть лапу и бежать, отмечая путь красными горошинами крови, то ли затаиться и ждать, положившись на чутьё, говорящее, что охотники бестолковы, и с пьяных глаз вполне могут проскочить мимо. В общем, не было в нём отчаяния, а была только решимость – и ничего более!

Глава 49. НАЧАЛО ПОЛТАВЦЕВСКОЙ БИТВЫ (почти окончание)

Другое положение было у бравого сторожа. Уже в течение первой же партии Афанасьичу довелось испытать массу ощущений, сходных с теми, что испытывает сосновый ствол, попавший в *обдирочную* машину. И помочь ему советом было нельзя, и даже не потому, что подсказка в игре каралась особо жестоко – минус 100 очков в *раскладку*, а потому, что говорить с Серёжей о покере было всё равно, что с безногим о футболе.

Если ты мозгами кособок,
если на мозгах твоих защёлка,
если ты по жизни не игрок,
то не сможешь выиграть и в *пчёлку*[71]!

[71] Детская игра, распространённая на территории Республики Саксаулия в 60-70 годы прошлого века – прим. автора

В английском языке есть любопытное слово *potter*. А удивительным именно для нашего коллектива сопокерников оно стало потому, что своими переводами одновременно обозначало сразу двух игроков – писателя и сторожа. В случае Кулемзина *potter* переводился как «гончар», то есть, человек, созидающий что-то своими руками и даже, возможно, мозгами. В случае же Полтавцева тот же *potter* переводился иначе, а именно как «беспорядочно работающий», то есть тот же мастер, но всё же какой-то хаотический, а, может, даже и поддатый.

– Ёперная биология, Серёжа, подвёл тебя твой мозжечок – самую малость не додумал! – посетовал трубач.

– Талгат, ты того… не заговаривайся… Нет у меня никакого мозжечка!

Все дружно посмеялись над инвалидом умственного труда.

– Да нет, старичок, конечно, есть, – объяснил Альбионыч. – Просто мозжечок – это как бы маленькое приложение к твоему основному «мозгу».

– Мать честна́я, зачем?! Он у меня и так пару кило!

Все снова посмеялись, как бы представив не самый главный субпродукт сторожа на весах.

Вроде в тыкве есть мозги,
но не вижу я ни зги…

– Яйчики-бабайчики, ну как тебе объяснить? Вот смотри: были у тебя такие периоды в жизни, когда, придя домой после грандиозной пьянки, тебе вдруг хотелось выпить ещё одну ма-а-а-аленькую рюмочку – вдогон?

– Конечно! Повсеместно! – горячо заверил собравшихся охранник.

– Так вот эта последняя рюмочка и есть твой мозжечок – для окончательного, эдакого глобального кайфа жизни!

Полтавцев в потрясении выхватил знаменитую книжечку «Для му.мы.» и тут же записал его поразившее: «Моему мозжечку всегда не хватает рюмки водки! А основные мозги по-прежнему ого-го какие!»

Плохо мне: свисают уши,
нос на пуговку похож –
мозг работает тем лучше,
больше чем его зальёшь!

– Ну, теперь-то ты понял? – терпеливо поинтересовался Альбионыч.

– Понял, – ответил охранник, подтвердив тем самым самые худшие опасения о своей полной невменяемости.

Тем временем напряжённая игра продолжалась, а, значит, не переставали кипеть вокруг неё страсти. Всем игрокам, во что бы они ни играли, хорошо известно, что каждое мгновение нашей жизни распускает перед нами павлиний хвост упущенных возможностей. Вот и сейчас Курманбаев, неестественно вывернув голову, словно он находился в руках профессионального шпиона в момент *зачистки*, попытался прочесть записанное Полтавцевым, но, во-первых, не прочёл, так как каракули Серёжи иногда не понимал даже он сам, а, во-вторых, этим своим движением отвлёкся от оглашения остальными игроками своих надежд на взятки.

Последствия были катастрофическими: только теперь Нуртай осознал, каково бывает раненому волку, когда его голодные приятели решают, что пришло время перекусить. Если говорить коротко, то пролетел он сразу на две взятки, или 45 оч-

ков, а это было очень плохо, потому что до конца партии осталось всего ничего – пара-тройка коротких робберов да последняя *тёмная*. Он повернул голову и горько посмотрел на застывшее лицо Володи, как бы говоря: что же ты, брат, такое со мной вытворил? Но с таким же успехом можно было попытаться разгадать мысли сфинкса: физиономия писателя была непроницаемой, как свинцовая оболочка ядерного реактора.

Выставлю вперёд ума рога –
я не проницаем для врага!

Правда, оставалась ещё какая-то надежда, которая, как широко известно из песни одной народной артистки[72] Польской ССР (б), – наш компас земной. Между тем, события катились под горку, как машина без тормозов. Ближе к концу партии всем становилось всё тяжелее, как полякам, увлекаемым в болото гением спортивного ориентирования Иваном Сусаниным.

[72] Анна Ойгеновна Герман – прим. муз. редактора

– Да ты никак выиграть хочешь? – спросил педагога Володя голосом автобусного контролёра. При этом он посмотрел на Мусаича так, что тому тут же захотелось осмотреть себя – все ли пуговицы на ширинке застёгнуты.

Неожиданно Альбионыч заметил, что покерная *раскладка* говорит ему ещё об одном страдальце – прапорщике, который, судя по его внешнему виду, не до конца оправился от похмелья. Сейчас он сидел, вздыхая длинно и шумно, словно замученная работой лошадь, лицо его было кислым, будто после *клизмы*. «Да, видок у тебя, старичок», подумал писатель, «точно у зомби, наконец-то очухавшегося от вечной спячки». И мысль эта была не на пустом месте: лицо военного трубача на глазах приобретало нехороший землистый оттенок, заставлявший вспомнить такие неприятные вещи, как могилку и дешёвый венок на ней.

Косит нас судьбы косилка,
но пока ещё не сжат,
не спеши в свою могилку,
хоть и складно в ней лежать!

– Тону, – еле слышно прошептал Салихдзяныч и умоляюще поглядел на писателя, а когда заметил, что на него не обращают внимания остальные, даже сложил ладошки домиком.

– Талгат, я не Нуртай какой, помог бы обязательно, – тихо промолвил Володя, – да китайцы не дают.

– Ёперные корейцы, какие ещё китайцы? – удивился музыкант и даже на мгновение забыл о неприятностях в игре.

– Китайские китайцы, – объяснил Кулемзин. – Они, например, никогда не спасают тонущего человека, потому что считают, что это является вмешательством в его персональную Суку-судьбу! Так что не попрошайничай.

Последнее слово вдруг вызвало в его могучем марсианском организме некий гиперпространственный скачок, вслед за чем явился и очередной хронотоп.

Глава 50. О ПОПРОШАЙСТВЕ (Хронотоп № 5)

В конце XX века банальное попрошайство стало основой национальной экономики. Грань между понятиями *заработать*, *наспекулировать*, *смошенничать*, *украсть* и *выпросить* исчезла на уровне сло́ва и де́ла. Просили все и у всех – от нищих до премьер-министров. Просили крестьяне и рабочие, больные и спортсмены, чиновники и предприниматели, деятели умственного труда и умственно неполноценные (каковыми в те годы представлялись почти все), просили милитаристы и пацифисты, преступники и полицейские, казнокрады и обокраденные.

Дружной очередью, с протянутой рукой, как на египетских фресках к фараону, стояли представители творческой интеллигенции к мэрам, магнатам и ворам, тактично перестав различать их. Как о победе народного хозяйства, телевизор периодически торжественно сообщал, что Саксаулия опять сумела у кого-то выпросить в долг.

Иллюстрируя своими успехами поговорку «Семеро с сошкой, один с ложкой», президент Назарбаксов поздравлял сограждан с присоединением страны к *большой семёрке*, ставшей таким образом *большой восьмёркой*. Но ложка оказалась велика, и *семёрка* быстренько отбрыкалась от ложечника…

Вот засада так засада:
чтоб не сдохнуть прямо здесь,
нам халявщиков не надо –
нам самим бы что поесть!

Глава 51. НАЧАЛО ПОЛТАВЦЕВСКОЙ БИТВЫ (окончание)

Но строптивые китайцы, видимо, так и не помогли трубачу, как в равной степени не помогли они ни педагогу, к которому сегодня явно запаздывал персональный *иблис*, ни сторожу, у которого не было ни *иблиса*, ни ума.

– Кстати, о свободе выбора, – произнёс Володя. – Яйчики-бабайчики, всем нам только кажется, что она и он, то есть свобода и выбор, у нас есть всегда. Даже пресловутый *дедушка* знает, что в созданной им Вселенной есть такие законы, которые он сам не может нарушить. И если ты неправильно пользуешься этой свободой воли, эти законы срабатывают автоматически.

– Мать моя партия, а пример можешь привести? – напористо спросил Курманбаев, которому было очень трудно пробиться сквозь частокол володиных рассуждений.

– Ну, скажем, у тебя есть свобода воли прыгнуть с десятого этажа. Но при этом ты должен быть в курсе, что есть закон всемирного тяготения товарища Исаака Исааковича Ньютона, который (не Ньютон, а закон) ни добр, ни жесток, и согласно этому закону ты разобьёшься. По крайней мере, если в *дедушкины* планы не входит совершить чудо и спасти твою ненужную жизнь в последний момент. Но самое интересное даже не это, а то, что описанная ситуация будет нарушением закона, который даже *дедушка* не может нарушить!

– Царица лесная, так выходит, что этот Нито́н главнее *дедушки* оказался? – поразился охранник.

– Конечно, – ответил философ. – Я тебе, Серёжа, больше скажу: даже ты его главнее, потому что единица бытия, которой ты в данный момент являешься, всегда больше нуля!

Афанасьич стремительно развязал свою котомку, лихорадочно выхватил знаменитый блокнотик «Для му.мы.» и быстро накаракулировал на чистой страничке: «Я главнее всех, потому что мой № 1! Источник: Кулемзин». Он прочёл записанное и понял, что с этой секунды жизнь его изменилась навсегда.

Сильно я авторитетен,
хоть всю жизнь *чернуху* пил,
и главнее всех на свете –
так Кулемзин оценил!

И только двое страдальцев никак не приняли участия в диалоге: Муравлёв – по причине отсутствия мыслей на данную тему, и Батыршин, который принял свой товарный вид только к концу первой партии, да и то выглядел как жертва князя Влада Владовича Цепеша, более известного под именем Дракулы, в нехороший миг сомнения в своём будущем.

Между тем партия шла к своему логическому концу, подчиняясь сомнительной в своей «мудрости» надписи на кольце третьего еврейского царя Шломо Давидовича, которая гласила, что, всё, мол, пройдёт, и это тоже, хотя об этом без всякого перстенька знали уже ненароком погибшие динозавры. Всё было как всегда: сделав очередную пакость, Нуртай сиял, как юбилейный рубль с Гагариным на *аверсе,* прапорщик, видя это, отпускал шутки, – плоские, точно страницы уголовного дела, Полтавцев, получив один из последних в игре робберов, растерянно глядел на него, словно шутки ради кто-то сделал надписи на его картах на древнегреческом языке, который он, конечно, знал, но в недостаточной степени, и только записывающий взятки Володя издалека был похож на бухгалтера Саксаульского общества трезвости (б), работающего над годовым балансом под чекушку *беленькой*.

– Серёжа, иногда, чтобы выиграть, надо идти *от противного,* – посоветовал писатель. Полтавцев верил Володе, как себе, и поэтому тут же отодвинулся от Курманбаева на максимальное расстояние, чуть не свалившись с покерной скамеечки. В это время Батыршин, который ясно помнил, что ему пришёл покер, не обнаружил его в руке, и стал лихорадочно перебирать карты ещё и ещё. Посмотрев на страдания Талгата, Володя решил оказать помощь братскому татарскому народу, оказавшемуся перед лицом страшной опасности, ведь педагог, неестественно вывернув шею, уже внимательно изучил прапорщицкие карты и собрался сделать роковой ход. Но в то же время он знал, что у него самогó карта пришла не то чтобы очень, и надо было применить всё своё искусство и накопленный за жизнь опыт, чтобы не облажаться, да ещё и посадить Мусаича, явно метившего в лидеры этой партии. Всё это было похоже на фильм с участием француза Алена Фабьеновича Делона «Троих надо убрать» режиссёра Жака Анриевича Дере.

Я секрет здесь не открою
никакого мастерства:
в фильмах гибнут все порою
так, как в жизни не быва…

Из более-менее хороших карт в руках Альбионыча были младший джокер и козырной король. Именно поэтому Володя сделал один ход, который со стороны выглядел совершенно нелогичным, но именно он произвёл разрушительное действие в стане противника: закрыв глаза, наугад вытащил карту (ей оказалась дама червей), походил и стал с интересом глядеть, чем окончится такой демарш. Со-

перники знали, что писатель в игре не делает ничего напрасного, и встревожились: например, сторож, хотя у него был червовый туз, тут же поспешил попытаться забрать даму младшим джокером, который мгновенно был побит джокером старшим, приплывшим из руки музыканта, а тот, в свою очередь, был безжалостно застрелен в упор курманбаевским покером!

Таким образом, благодаря единственному интересному ходу, в самом начале роббера вылетели уже три *гранда* из четырёх возможных. Увидев, что он благополучно справился с первой взяткой, Нуртай тут же впал в ересь всемогущества и, чтобы заработать заказанные две взятки, поспешил пойти с козырного туза. Это было фиаско, или такое же слово из шести букв, но по-русски! Взятка немедленно досталась Кулемзину, у которого был припасён последний из *грандов*, а именно второй младший джокер, после чего он уже совершенно безбоязненно сделал ход самой старшей из оставшихся в роббере картой – козырным королём.

Хоть и мало пороха,
что не лучший знак,
наведём мы шороху –
вздрогнет Учпучмак!

И всё же победа в первой партии досталась педагогу, так как с такими типами, как он, надо начинать бороться ещё до начала игры, а не расслабляться в надежде наверстать упущенное когда-то потом. После проигрыша Талгат сидел угрюмый, и был похож сейчас на злого сантехника, решившего продырявить в квартале сразу все трубы. Афанасьич индифферентно разглядывал веточку карагача над головой, словно говоря: «А пошло бы оно всё!». Володя кусал локти, да было поздно, и только Нуртай сиял, как дембельская бляха, гордясь своим незаслуженным выигрышем, точно штабной писарь при командире полка медалью «За отвагу».

Здесь мысль писателя от медали скакнула на всё военное вообще, а от военного вообще к военному в частности, то есть к своему армейскому прошлому. Автор уже упоминал в первом томе «Русской кочерги» о том, что знатный покерный гуру в молодости успел-таки отдать долг родине, хотя ничего у неё не занимал, и вот теперь решил рассказать один короткий эпизод этой отдачи.

Глава 52. ВЛАДИМИР ШВЕЙК, или ПЕРВАЯ АРМЕЙСКАЯ БАЙКА АЛЬБИОНЫЧА

Перед уходом в армию новобранец Вова Кулемзин прощался со своим дедом Терентием Архиповичем, и тот спросил его:

– Ты «Швейка» читал?

– Нет.

– На́ вот, возьми почитай, и будь в армии Швейком, тогда служба значительно легче пойдёт.

– Яйчики-бабайчики, а если не получится?

– У меня же получилось, – ухмыльнулся дед.

Не пройдёт на тупость мода –
знает каждый на губе[73]:
будь, как Швейк, – и служба мёдом
вдруг покажется тебе!

[73] Каждый, кто служил в Красной армии (б), знает, что это слово обозначает вовсе не кожно-мышечные складки, окружающие вход в полость рта, а гауптвахту! – прим. воен. редактора

В поезде по дороге в часть он проглотил эту книжицу, после чего и вправду стал её главным героем. Не то что бы ему было легче, но лучше безусловно. Молодой солдат Кулемзин устраивал спектакли из чего угодно. Например, однажды в его взводе проводили комсомольское собрание, где слово взял командир взвода старлей Иродов:

– Товарищи комсомольцы, у нас в стране социализм, а скоро будет и коммунизм, поэтому предлагаю вызвать первый взвод на соцсоревнование! Какие будут предложения?

Наш герой тут же поднял руку и получил слово:

– Товарищ старший лейтенант, я предлагаю не вызывать их на соревнование. Так и им спокойнее, и мы не проиграем!

– Что за ерунда, боец, это странная позиция, а как же помериться силами и умениями в настоящем соревновании, отстоять честь нашего четвёртого взвода?

– Раз у нас такая открытость во мнениях, то скажу за себя, – сказал Кулемзин. – Лично от меня не зависело, попасть в наш взвод или нет, без меня решили, даже в каком городе я буду служить, и даже в какой республике. Так же никто не спрашивал, в каких я желаю служить войсках. А я, например, желал бы служить в разведке: лежал бы на своём домашнем диване и разведывал, что сегодня по телеку. Так что, если честно, то я дорожу честью нашего взвода точно так же, как и первого.

Старлей начал терять лицо:

– Ах так, ёкарное ружьё, тогда вы, товарищ солдат, в субботу вместо кино будете подметать спортгородок!

– Поскольку мы тут люди подневольные, и, будучи на свободе, ни за что бы не пошли на чёрно-белое кино про красный Туркестан, то нам всё равно – та неволя или эта.

Нам что воля, что неволя,
лишь бы пива было вволю!

Тут шутника и его товарищи поддержали:

– Лучше на воздухе в цветном спортгородке, чем в душном чёрно-белом кино!

Между тем солдат Володя продолжал:

– К тому же, мне кажется, что член комсомольской организации не должен грозить репрессиями всей комсомольской организации взвода.

Старлей позеленел:

– Вы не понимаете, уроды, что если мы сейчас не проголосуем за моё предложение, то меня вздрючат в штабе, а я буду дрючить вас!

Пришлось пойти на попятный:

– Товарищи комсомольцы, предлагаю проголосовать за предложение командира взвода и вызвать этот несчастный первый взвод на соревнование, чтоб нашего командира не вздрючили в штабе. Кто за?

Старлей закрыл голову руками и тихо прошептал под нос:

– Что я тут делаю?

Вот так вместо борьбы со сном во время скучного комсомольского собрания весь взвод весело провёл время. А самый первый случай, когда Володя «включил» Швейка, произошёл в самые первые, а значит, и самые трудные дни службы, когда командир роты спросил:

– Ёперные бойцы, если ли у кого-то из вас бытовые жалобы?

Будущий писатель и философ тогда честно признался, что у него какое-то куцее и короткое одеяло, из-под которого торчат ноги. Капитан, видимо, тоже решил пошутить, выдав старинную солдатскую прибаутку – допетровской эпохи:

– Одеяло короткое? А ты отрежь от него полоску сверху и пришей внизу, там где ноги.

Все заржали, кроме нашего героя. Назавтра, когда сержанты доложили командиру, что рядовой Кулемзин так и поступил, командир, посмотрев на его сшитое белыми нитками одеяло, спросил:

– Ты что, идиот?

На что молодой Альбионыч честно ответил:

– Яйчики-бабайчики, совет и вправду странный, но я подумал, что вы, товарищ капитан, не посоветуете ничего плохого, что может навредить вашему подчинённому или имуществу роты.

Тут капитан сразу же приказал выдать ему новое одеяло. С тех пор с ним больше не шутили ни офицеры, ни сержанты, а солдат Володя спал под большим *нулёвым*, тёплым одеялом, про себя благодаря своего дедушку Терёшу.

Не титаны, не мессии,
не кончали институт, –
швейки родом из России
в Саксаулии живут!

Глава 53. ПИВА ПОЛНЫЙ МАГАЗИН! (глава с оттенком Хронотопа)

Наш герой часто задумывался: а что сделалось нынче с теми людьми, кто имел силу и власть при прежнем, советском (б) режиме? Куда вообще подевались всевластные социалистические персонажи? Где сейчас продавщицы пива с золотыми зубами? Где директоры магазинов и овощебаз? Товароведы, наконец?! Может быть, торгаши благополучно отправились на пенсию, где стали жить-поживать, стричь лужайки и проедать наворованное. А вот что сталось, скажем, с бесчисленными инструкторами райкомов, обкомов и ЦК (б)? В каких норах нынче отсиживаются бывшие секретари парткомов и другие *спецы* по идеологической работе?

Одно время Кулемзин расспрашивал об этом знакомых, и даже просматривал газеты в поисках ответа на эти вопросы. И за несколько лет наблюдений сделал вот такой вывод: те, кто при прошлой власти достиг чего-то своим умом (хитростью, наглостью, подлостью), те и нынче не потерялись. Ярким примером этого открытия стала хозяйка магазинчика, стоящего практически вплотную к Бермудскому Учпучмаку, – Калима.

Рассказав поучительную армейскую байку, Альбионыч понял, что у него немного пересохло горло. Этой локальной драме способствовали сразу две причины: во-первых, он уже целых 14 минут не делал ни единого глотка́ волшебного напитка, и, во-вторых, солнце продолжало измываться над покерным коллективом. Оно палило так нещадно, что обладающий буйным поэтическим воображением Кулемзин сразу же представил бронзового Ильича I, в ладони которого сейчас можно

было кипятить воду – для стирки его бронзовой кепки. Воздух, казалось, превратился в горячую густую канифоль. В лазурном небе галдело вороньё, вместо привычного карканья вещающее что-то вроде «Жар-р-ра! Жар-р-ра!». Обжигающе-горячий воздух плавил сомлевшие тела игроков в мало что соображающие куски бифштекса. Лёгкие сопокерников, смирившиеся со своей участью, почти перестали сокращаться.

Есть терпение, конечно, про запас,
что порой внимаемо и жёнами,
и от той жары, что губит часто нас,
лёгкие становятся тяжёлыми!

Володя начал бояться, что утоление жажды обойдётся гораздо дороже, чем попытка изобразить из себя верблюда, способного прожить без пива куда больше двух часов. На борьбу с этим желанием ушли последние силы, и он сдался – руки сами, без участия подавшего в отставку сознания, потянулись к карману. Следующим шагом было принятие решения: кому сходить за очередной порцией счастья. На предложение писателя по этому поводу не откликнулся почему-то ни один доброволец из народа. И тогда старший по покерному столику решил это сделать сам. Он тяжело поднялся со скамеечки и направился к оградке, очерчивающей пространство Бермудского Учпучмака в виде треугольника.

– Береги себя, – смахнув фальшивую слезу, напутствовал Альбионыча педагог.

Перемахнув оградку, писатель оглянулся на осиротевший коллектив и сделал последнее усилие – преодолев 17 метров, попытался войти в раскалённое чрево металлического контейнера, которое предприимчивая хозяйка опрометчиво назвала магазином, хотя внутреннее убранство и нехитрый ассортимент подсказывали другое определение этой торговой точки: лавка, а, быть может, даже и сельпо.

Озабоченные страстью
и презревший уют,
мы в сельпо идём за счастьем –
здесь его нам продают!

Но не тут-то было! Во-первых, витрины лавки-контейнера были забраны толстыми железными решётками времён позднего феодализма, и, во-вторых, металлическая дверь оказалась как бы запаянной, а посередине её висело, видимо, заранее изготовленное для таких случаев объявление:

Магазин закрыт на переучёт!

Тогда Альбионыч решил обойти лавку Калимы по периметру, дабы найти потерявшийся вход. И, действительно, сзади контейнера он обнаружил ещё одну дверь, которую хозяйка заведения прорубила: а) для приёма товара и б) для приёма пустых бутылок. Этот вид бизнеса, несмотря на кажущуюся никчёмность, был, однако, весьма прибыльным, потому что магазинщица принимала у алкашей пустые *чебурашки* из-под пива по 2 назарбакса, а сдавала их толстому дунганину, разъезжающему на телеге, ведóмой осликом, уже по 5. Чтобы народ не ошибался в конечной точке похмельных маршрутов, на задней двери даже висела кривая

табличка, изготовленная Муравлёвым, таинственно извещавшая посетителей, что здесь находится

, что означало Пункт Приёма Порожней Посуды – в переводе с коммерческого на общечеловеческий. Эта дверь была тоже прикрыта, так как хозяйка магазинчика Калима в этот момент была занята тем, что брала из ящика с цветными наклейками солнечного Азербайджана персики, а потом аккуратно соскабливала безопасной бритвой пух с кожуры. В результате получалось то, что в России (как и во всём мире) называется нектарин, а в Саксаулии – лысый персик, причём, по цене ровно в два раза выше, чем персик волосатый.

Поступаем мы по-русски,
как положено *троим*:
любим персик как закуску,
ведь отдельно не едим!

Увидев прижатый к мутному стеклу нос писателя, Калима тут же завершила торговые махинации и приветливо улыбнулась пришельцу, показав полный рот золотых зубов, которые в Саксаулии, не смотря на пришедший капитализм, всё ещё считались признаком богатства и уважения:

– Мать моя торговля, Володя, заходи! Нет-нет, через главный вход! Я сейчас там открою..

Альбионыч споро развернулся, больно ударился боком о какой-то выступающий ящик непонятно с чем, но пованивающий протухшей рыбой, *иблиснулся*, после чего совершил второй незапланированный обход торговой точки, оказавшись перед крыльцом.

В торговле было хорошо бы
иметь у всех большие *шопы*!

Да-да, автор, описывая магазинчик Калимы, в первом томе «Русской кочерги» как-то позабыл сообщить читаталю, что в качестве входа предприимчивая владелица приспособила неизвестно откуда привезённое крылечко с какими-то расколовшимися или разбитыми зверями – не то львами, не то тиграми, но почему-то с обломками орлиных крыльев на спинах. Что это должно было символизировать, так и осталось за рамкой сознания наших героев, хотя Курманбаев однажды всё-таки разглядел в этом безобразии некую идею в свете марксизма-ленинизма: мол, эти крылья должны были стать сигналом мировой общественности, что не всё ещё хорошо в Саксаулии, и неплохо было бы выделить стране дополнительные кредиты от МВФ.

Сейчас же писатель немного полюбовался на каких-то набоковских бабочек, круживших над небольшой клумбой перед лавкой – жалкой пародией на иностранное слово (прости, русский язык!) *икебана*. Бабочки порхали бездумно и совершенно не понимали, как это можно хотеть пива, когда в мире столько счастья, тепла и цветов. Кулемзин остановился, посмотрел в пыльное душманское небо,

щёлкнул пальцами, призывая своего персонального музa Васю Курочкина, объяснил ему задачу, и уже через мгновение записывал в свою память незатейливый стишок о суровых взаимоотношениях существ, которые проживают на нашей весьма странной планете:

Живёт природа очень честно
и apriori без вины,
в природе чудо равновесно –
здесь главных нет, здесь все равны.
Пчела – соседка с коноплёю,
дождь – брат водицы ключевой,
здесь небо сходится с землёю,
а брюшко полоза – с травой.
Но вот акула ест чавычу,
и крот для репы – лиходей:
здесь нет врагов, но есть добыча.
Короче, всё как у людей…

Глава 54. ПИВА ПОЛНЫЙ МАГАЗИН! (окончание)

Правда, первым войти в сельпо у него не получилось, так как на крылатом крылечке уже топталась володина соседка – старшая по дому Жанна Пантелеевна, или, проще говоря, Ж П. Она торопливо прошмыгнула в раскрытый рот лавки и сразу же направилась к полочке, где была выставлена туалетная бумага – как сообщала табличка, «От лучших производителей Евросоюза», хотя, к удивлению этих самых иностранных производителей, все надписи на рулончиках были сделаны по-русски, а кое-где даже с ошибками.

– Дайте рулончик, – решительно попросила она владелицу.

– А вам какого цвета?

Вопрос поставил Ж. П. в тупик.

– А какие цветá у вас есть?

– Разные, – прозвучал демократический ответ.

– Ну, тогда дайте белую, – нашла выход из положения старшая по дому. – Я её сама раскрашу!

Понимаем мы в сельмаге,
покупая не еду:
туалетные бумаги
облегчают нам нужду!

Владелица недоумённо посмотрела на странную покупательницу, затем позвала продавщицу, тихо объяснила ей задачу и удалилась – видимо, для того, чтобы в тесной подсобке не спеша обдумать поведение некоторых клиентов заведения, а потом сделать надлежащие выводы.

Между тем, писатель, оглядевшись, ещё раз поразился тому, что в магазинчике было узко и тесно, как в китайском квартале какого-нибудь Нью-Йорка. Затем он заметил ещё одну новинку от неугомонной Калимы – на персональном холодильнике, который она приобрела специально для покерного коллектива, появилась игривая наклейка с якобы остроумной надписью:

У кого деньги есть,
у того и пиво холодное!

После плотного затаривания в прокалённом отцеябловской жарой мозге нашего героя возникла вполне здравая мысль: «А не порадовать ли моих соперников не только пивком, но и нехитрой закуской?»

– Калима, яйчики-бабайчики, а что у тебя есть из нехитрой закуски? – поинтересовался он у владелицы лавки.

Вместо ответа она широко развела руки в стороны, после чего сделала какое-то волновое движение, охватывающее всё пространство магазинчика, как бы говоря этим жестом, что, мол, всё здесь твоё – только плати! Но Альбионыч решил пока ограничиться несколькими пакетиками так называемых крабовых палочек, где от краба не было ничего, а вот морского запаха – хоть завались. Покупая пакетики, Володя делился с хозяйкой наболевшим:

– Калима, ну, подумай сама: какие у краба могут быть палочки? Он что, барабанщик, что ли? Разве что палочки Роберта Германовича Коха, да и то, заметь, несъедобные…

Разворачиваю тару –
в ней не надпись, а фигня:
«Вам привет от Ринго Старра[74]!
Ешьте палки от меня!»

[74] Кто забыл, это барабанщик английской группы «The Beatles» – прим. муз. редактора

– Володя, а вот копчёная рыбка к пивку, – медовым голосом предложила золотозубая. Писатель посмотрел на явно протухших лещей с изумлённо вылезшими пуговицами глаз, достал купюру в тысячу назарбаксов и в свою очередь предложил владелице лавки, не став прикидываться человеком, сражённым страшной цифрой утраты::

– Возьму на все – без сдачи, если ты, Калима, немного понюхаешь эту заманчивую рыбку.

Хозяйка сельпо обрадовалась, быстро наклонилась и шумно вдохнула в себя аромат продукции неведомого саксаульского рыбзавода, после чего грузно осела на грязный железный пол и потеряла сознание. Кулемзин решил не помогать ей, потому что знал, что люди, проработавшие в советской торговле (б) более десяти лет, практически бессмертны, а уж от какого-то запаха точно коньки не отбросят! И верно: через минуту Калима пришла в себя, поднялась, посмотрела на писателя, после чего обратилась к никому:

– Что-то голова разболелась, пойду-ка я домой.

И здесь Володя чуть не сделал стандартную покупательскую ошибку, чуть не сказал роковую фразу: «Спасибо, я просто смотрю!», после которой продавцы готовы были расчленить покупателя на месте и сжечь останки, но вовремя остановился. Он просто ухмыльнулся в ответ, быстро купил баночку сардинок для любимой кошечки Несси и, подняв серёжину котомку, поспешил к коллективу.

Отвори сардинок банку,
как окно в соседний мир –

там такая жизнь-жестянка:
теснота и рыбий жир.
Безголовые сардинки
жизнью сбиты на скаку –
в этой баночной Ходынке
тонут в собственном соку.
В этой куче, в этой давке,
в тесноте копчёных масс
жизнь ничтожна, как козявка, –
совершенно, как у нас…

На прощание Кулемзин оглядел магазинные по́лки. Всего было по чуть-чуть, а вот спиртного – хоть запейся. Правда, цена на *палёную* водку у Калимы была явно антиконституционной. Вернувшись из лавки, он не преминул сообщить об этом коллегам по празднику, правда, почему-то по-иностранному:

– Водяры у Калимы – прямо-таки visible-unvisible![75]

[75] Видимо-невидимо – англ.

– А пива?! – хором заревели игроки и художник.

– Пива – тоже, – кратко проинформировал Альбионыч, так как полагал, что краткость в данном случае – сестра если не таланта, то, во всяком случае, его гения уж точно, после чего шумно плюхнул котомку на покерный столик. Весёлые бутылочки, скрывающиеся до поры до времени в чреве *хурджина*, хрустальным звяком радостно известили о своём прибытии на планету Радости и Счастья.

Жизнь всегда полна сюрпризов,
но приятней всех один,
ведь вселяет оптимизм нам
пива полный магазин!

Раздав страждущим купленное пивко, он машинально пересчитал сдачу и понял, что в наших магазинах – всё как в жизни: если тебя не обвесили, то обязательно обсчитают! Понял он и другое: социализм (язви его в печёнку!), который так долго строили на одной шестой части суши, ещё долго не будет отпускать воображение тех, кто наивно возомнил себя уже живущими в новом капитализме.

Глава 55. ЧУЖИЕ

И вот уже и пивко оказалось на столе, и покерная раскладка радостно раскрылась на чистой странице, готовая принять в себя полные трагизма записи о робберах – коротких и длинных, и нетерпеливо ёрзают на покерных скамеечках задницы игроков, да не начинается никак игра! А всё почему? Да потому, что внешние силы, прямо как Змей Горыныч или какой-нибудь Кощей Бессмертный из русских народных сказок, не дают развиться дальше нашему игровому сюжету. На этот раз таких сил оказалось три, и именно их Володя тут же окрестил *чужими* – по аналогии с примитивным, хотя и довольно популярным на Западе фильмом «Aliens»[76] неплохого американского режиссёра Джеймса Уильямовича Кэмерона.

[76] «Чужие» – научно-фантастический боевик кинокомпании «Brandywine Productions» 1986 года – прим. кино редактора

Вначале… (чуть было автор не написал про патриархальную тишину Бермудского Учпучмака)… итак, вначале, сквозь шум и гул, устраиваемый дворовыми детьми, число которых было несосчитаемо, послышался слабый гудок советского (б) автомонстра *волга*, владел которым нехороший человек омуртай[77]. Именно его, а не дворовых детей автор и обозвал плохим словом *чужой*. Ведь дворовые дети, будучи цветами жизни, как их наивно называют те, у кого ещё вовсе нет детей, всего лишь носились по периметру Великого Треугольника, как наскипидаренные коты, причём, с таким напором и отчаянием, словно искали пожарный выход из дома, объятым пламенем. При этом они издавали потрясающей силы звук, похожий на визг гравитационной дюзы при экстренном торможении.

[77] Подробнее об этом персонаже рассказано в главах 82-83 первого тома «Русской кочерги» – прим. гл. редактора

Расскажу вам всё до точки
(будут строчки коротки):
дети – это не цветочки,
а, скорее, сорняки!

– О, несвятые мощи пожаловали! – проворчал Володя, пытаясь за пылью, поднятой омуртаевской *волгой*, разглядеть причину появления автовладельца в столь неурочное время. Дело было в том, что омуртай вставал очень рано, чтобы поспеть к неподалёку расположенному автовокзалу, где он со своими товарищами-рвачами поджидал наивных саксаульцев, приезжащих в Отцеябловск из пыльных райцентров, – для того, чтоб отвезти их с нехитрыми пожитками к более успешным отцеябловским родственникам. Причём, цены за поездку растерянным провинциалам заламывали драконовские, но те безропотно соглашались на все условия, думая при этом, что это ведь не село, где любой сосед *забесплатно* отвезёт тебя к дому на ослике, если у тебя вдруг случится приступ остеохондроза на дороге, а город, где всё и должно быть значительно дороже! Именно поэтому Кулемзин и удивился, ибо знал, что раньше обеда омуртай не появляется, пока не выжмет из доверчивых сельчан назарбаксов по максимуму.

Писатель, будучи человеком экциклопедических знаний, давно догадывался, что в технике существует тенденция к увеличению деталей в механизме по мере его развития. И если первое транспортное средство – каток, подложенный под тушу мамонта, – состоял всего из одной детали – бревна, то, например, в двускатной телеге, весьма совершенном для своего времени агрегате, тряслось и скрипело уже более полусотни частей. Поэтому появление монстра советской (б) автопромышленности всегда сопровождалось целым набором звуков, которые можно было услышать только в фантастических фильмах про пришельцев. Вот и сейчас приехавший механизм погромыхивал и портил воздух в меру лошадиных сил своего мотора, амортизаторы стонали и кряхтели, в багажнике лязгало какое-то железо, а стартер кудахтал, как курица, пытающаяся снести яйцо величиной с арбуз.

Мысль свою я в книгу вклиню,
как какой-нибудь Боян[78]:

треск и лязг стоит в машине!
В ней, быть может, кто-то пьян?

[78] Древнерусский певец и сказитель, «песнотворец», как его называет «Слова о полку Игореве» – прим. лит. редактора

Вот и сейчас в этом незрелом плоде цивилизации что-то вздрогнуло, словно на его капоте подпрыгнул человек-невидимка Джек (Джонатан)[79] Гриффин – порождение английского фантаста Герберта Джозефовича Уэллса, после чего странный автомобиль остановился. Концентрированным взглядом марсианина Володя заметил, как к его переднему правому колесу прицепился пригнанный доро́гой тополиный листочек – грязноватый и растрёпанный, как брошенный котёнок. Не лучше выглядел и сам владелец автосредства, появившийся из салона.

[79] В романе Герберта Уэллса имя главного героя не раскрыто вообще, но в 1933 году в одноимённом фильме американского режиссёра Джеймса Уэйла сценарист Престон Стёрз предложил автору книги имя Джек, а в советском фильме 1984 года режиссёра Александра Захарова главного героя зовут Джонатан – прим. кинередактора

Голова омуртая выглядела так, как будто на неё нечаянно наступил слон и слегка сплющил с боков. Жилистая шея с трясущейся от ненависти головой высовывалась из просторного во́рота рубашки, как кукушка в настенных часах-ходиках, из рукавов вылезали длинные худые запястья, шершавые и мосластые. Был он худ, как черенок лопаты, и так же зол. От этой злости он что-то бессвязно орал, и костистое тёмное лицо его окрасилось в какие-то малярийные тона, причём, было заметно, что когда володин сосед выкрикивал свои нелепые угрозы, от него даже на расстоянии пахло старой пепельницей. Читатель первого тома романа уже знает, что у вынужденного работать омуртая бездельник Кулемзин вызывал дикую социальную зависть, которая нехорошо отражалась на всём его облике – даже по внешнему виду (и это полностью соответствовало действительности) у омуртая была одна извилина, да и то от случайного удара монтировкой.

С эпохи старых дилижансов
по наше бытиё
войти в машину больше шансов,
чем выйти из неё!

Он был лет на десять старше нашего главного героя, но даже почтенным возрастом не внушал никакого уважения. Сам же Альбионыч всегда говорил, что совершенно незачем уважать всякую старость, ведь банальное старение не имеет никакой ценности, оно присуще не только человеку, но и любому животному. Другое дело, когда речь идёт о взрослении и взрослости, мудрости жизни. Старение горизонтально, взросление вертикально, и именно оно приводит нас как к высотам, так и к глубинам.

Наконец, откричав всю запланированную программу, водитель по дурацкой шофёрской привычке постучал башмаком по скатам, затем вновь залез в авто, после чего странный самобеглый механизм, чихнув несколько раз, словно разбуженный для процедур туберкулёзник, медленно тронулся с места, на прощание немного повоняв бензиновым перегаром.

Глава 56. ЧУЖИЕ (окончание)

А кто же остальные двое *чужих*, смело заявленных автором в прошлой главе? Ба, да это же наши старые знакомые – соседские алкаши Глав-Бух и Галлюцинация[80], или бывшие Руслан Кацоев и Галина Смирнова. Вот и сейчас они неожиданно обнаружились всего метрах в десяти от низкого заборчика, огораживающего периметр Бермудского Учпучмака, но даже если бы вместо солнечного дня здесь стоял лондонский смог, присутствие этих персонажей всё равно бы обнаружилось – по их страшному амбрэ, а, вернее, просто вони. Как уже не раз информировал автор читателя, стояла жара, и Галлюцинация смердела так, что казалось, где-то рядом во всю мощь работает фабрика по переработке мочи и пота. Не отличался запахом весенних ландышей и её дружок Глав-Бух.

[80] О нелёгкой судьбе этих персонажей в главах 115-117 первого тома романа «Русская кочерга – прим. гл. редактора

Принюхавшись, Володя тяжело перевел дух.

– Такие следы хлоркой посыпáть надо, – пробормотал он, с трудом переводя дыхание. – Да это просто ходячий навоз какой-то! Концентрат мировых помоев!

При взгляде на Руслана (б) становилось ясно – рожа его не просто просила кирпича, а прямо-таки умоляла: врежьте по мне кирпичом, люди добрые, может, после этого я стану не такой омерзительной. При этом знатный ботаник Кулемзин заметил, что глаза у пропитона были какие-то несимметричные, как листья бегонии пятнистой. В сознании тут же всплыло давно забытое неприятное слово *чмо*, похожее на удар половой тряпкой по лицу. Когда Альбионыч первый раз увидел Кацоева (б), он тогда ещё не знал, что перед ним типичный Глав-Бух, но подумал, что такой рожей удобно было бы заколачивать гвозди. Особенно запоминались с первого взгляда баклажанный румянец на носу и надбровные дуги, свисающие с «лица», как снежные карнизы над крышами. Галя (б) тоже была такой страшной, что, как рассказывали соседки, когда домашние мыши съели её паспорт, они оставили нетронутой фотографию.

В протоколе мы запишем,
как бухáли малыши,
как от страха дохли мыши,
но не дохли алкаши!

Сегодня алкоголик был одет, как памятник Неизвестному колхознику, то есть в грязную рабочую робу и, несмотря на страшную жару, такую же грязную стёганую фуфайку. Его подружка тоже выглядела нарядно и весело: сиреневая кофта с какой-то розовой надписью на бывшей груди, старые *треники* с протёртой коленкой и дивные кеды образца 1964 года. «Да это просто какая-то коммуна «Весёлые проказники!», вспомнил начало 60-х годов писатель. И это был не его только что сочинённый образ – коммуну с таким замечательным названием действительно в 1958 году образовал писатель Кен Чакович Кизи, будущий автор знаменитого романа «Над кукушкиным гнездом». Правда, он вспомнил сейчас и другое: как и всякое образование, увлёкшееся наркотиками, эта коммуна просуществовала не-

долго и вскоре распалась, осуществив незримую связь между хиппи – главными весёлыми проказниками, и будущими битниками.

Но – не будем отвлекаться от нашего сурового повествования! Тем более что парочка, до этого мгновения бывшая неразлучной, вдруг как-то распалась на две вонючие половины. Это было что-то крайне непонятное, но от этого не менее забавное – между Глав-Бухом и Галлюцинацией словно ударила молния, раскидав их в разные стороны. «Может, алкогольные пары сдетонировали?», подумал Володя. Происшествие напоминало картинку, когда вынужденный остановиться водитель туристского автобуса с досадой кричит счастливым путешественникам: «Девочки – налево, мальчики – направо!». Было видно, что сила земного притяжения явно превосходила тягу распрямляемых икроножных мышц.

Пространство Бермудского Учпучмака пронзил страшный вопль Глав-Буха, на несколько секунд заглушив дворовых детей, которые до этого с наслаждением расширяли палитру шумовых эффектов.

Бормотуху с детства пью, –
печень радую свою!

«Из каких глубин жизни выбросило на свет этого урода – морального и физического?», успел подумать писатель, но вопль мамонта, которому какой-то древний алкаш умудрился наступить на хвост, повторился, сбив его с мысли. В унисон своим воплям Глав-Бух дёргался и так страшно размахивал руками, что ему хотелось немедленно вручить именной тамтам. Здесь и Галлюцинация не выдержала тягот жизни и, повинуясь чувству локтя, тоже перешла на визгливый учительский крик. В голове Володи немедленно родилась новая кличка для соседки – Электричка. И впрямь, она уже не первый раз заводилась с места в карьер и вопила дурным голосом (кто бывал в Подмосковье, тот наверняка поймёт автора).

Тепло ли тебе, дéвица?
Тепло ли тебе с *красного*?

При воплях Руслан (б) из-за отсутствия множества зубов, потерянных в борьбе с жизнью, странно пришлёпывал нижней губой, отчего казалось, что сказанные слова он пытается поймать на лету и заглотить обратно. «В нашей стране питие и вытие определяют бытие», глядя на сцену духовного (и не только) падения, вернулся к мыслям марсианин, порадовавшись точности найденного óбраза.

Вот кто-то с горочки скатился,
наверно, милый мой упал,
он совершенно опустился —
три года трезвым не бывал.
Его прическа как мочало,
и шрам от финки на груди.
Зачем, зачем я повстречала
его на жизненном пути?!

– Чувствую, что его последней *цикутой* будет одеколон «Сирень», – пророчески заметил Володя, – напиток, как известно из курса химии за 8 класс советской (б) школы, практически диетический. А когда тело вот этого пролетария исключи-

тельно ради интересов следствия вскроют, то прозекторская, несомненно, наполнится запахами слегка подгнивших парикмахерских растений. Но красив будет и мозг! Покинув привычное ему логово, он будет мерцать на эмалированном подносе, будто ещё не просохший масляный сиреневый сад кисти несравненных братьев-детонаторов Ван Гога и Ван Магога. Присутствующих девушек-студенток при этом, я думаю, будет сильно тошнить…

Глава 57. ЯВЛЕНИЕ САШИ

– Как однажды объяснил профессор Фекалин в своём капитальном труде… – успел начать фразу писатель, но не успел её закончить, так что читатель так никогда и не узнает, кто такой этот таинственный профессор, и как называется его, несомненно, выдающийся труд. И вот почему.

– Здоро-о-о-ово, братаны-ы-ы-ы! – раздался слева от Бермудского Учпучмака чей-то скрипучий голос. Все вздрогнули и стали вспоминать свои автобиографии. Братья нашлись практически у всех присутствующих, но они были как-то не очень похожи на пришельца. И тут почувствовал автор нашего правдивого повествования, что придётся ему представить и этого героя романа. Если наш внимательный читатель вспомнит гла́вы 82-83 первого тома «Русской кочерги», то вспомнит он и то, что говорилось в ней о подлеце омуртае, который в качестве водителя работал извозчиком тела Кулемзина в самый расцвет его частнопредпринимательской деятельности. Вспомнит читатель и то, что расстался Володя с этим антигероем весьма прискорбно. Но не будем повторяться – кому надо, просто найдите эти гла́вы и освежите их в своей памяти одеколонной струйкой красивых русских букв. Альбионыч приподнялся и подал руку пришельцу. Они стояли напротив друг друга и улыбались, как два китайских посла.

В отношения впадая,
как почетные князья,
мы улыбкой подтверждаем,
что по-прежнему друзья!

Так вот, о человеке, только что посетившем сопокерников. Звали его Саша Дубровский, и жил он в доме № 16, соседствуя на одной лестничной площадке с Серёжей Полтавцевым и Нуртаем Курманбаевым. Был он худой и невысокий, как велосипед «Орлёнок», лицо его казалось добрым и усталым, как бы слегка помеченным му́кой непреходящих забот, сегодня, правда, похожее на маринованный огурчик третьей степени свежести, но если приглядеться получше, то это было вовсе и не лицо, а пропитая рожа, напоминающая жевательную резинку «Boomer», на которую наступили армейским сапогом. На лице пришельца синела двухдневная поросячья щетина.

Глаза Саши казались фарфоровыми, словно у месячного котёнка. Вот и сейчас он смотрел на собравшихся с выражением голодной бродячей собаки, вдруг оказавшейся в центре банкетного стола в полном одиночестве. По морщинистому лицу горького пьяницы была видно, что веру в человечество он утратил уже давно. Примечательным в его плутоватой роже был только нос, который своим размером не уступал еврейскому носу прапорщицкого тестя Якова Моисеевича. Глядя на этот нос, как-то не хотелось верить тому, что Дубровский – фамилия польская, как её владелец хотел убедить в этом человечество.

Говорю *милицанеру*:
«Жизнь мою не изменить!
Потерял давно я веру
в то, что можно трезвым жить!»

Володя, увидев соседа и бывшего работника, вспомнил забавную историю, которая как раз была связана с Сашей. Однажды после дождя он решил прогуляться и, в качестве нехитрого развлечения, половить ртом спрятанный в воздухе озон. И вот на лавочке возле подъезда обнаружил мокрого и злого Дубровского. Причём, приглядевшись, понял, что водитель был совершенно трезв.

– Яйчики-бабайчики, ты чего на улице мокнешь? Иди домой!

– Не могу, – со злостью ответил шофёр. – Жена домой не пускает!

– А что случилось?

– Да вот решил в кои веки порадовать супругу и пришёл, как дурак, домой трезвым.

– Так это же хорошо! – обрадовался писатель, не улавливая логическую связь между отдельными компонентами рассказа.

– А жена закатила с порога истерику и заявила, что категорически отказывается общаться с неизвестным человеком, да ещё и закрыла дверь у меня под носом!

– Ну, дела́! – поразился Альбионыч.

– Володя, может, займёшь на маленькую бутылочку *беленькой*? А то что же, всю ночь на скамеечке ночевать?!

Вновь бутылка талисманом
всё же стала для меня:
мне приходится быть пьяным,
чтоб узнала вся родня!

И таких историй в арсенале жизнеописания весёлого водителя было множество. Сторонний взгляд на Сашу наводил наблюдателя на мысль о близости этого че-ловека к другим приматам. Его почти всегда улыбающаяся физиономия не свидетельствовала о замкнутости и снобизме, хотя глаза сверкали, как фары НЛО. Судя по речи, «академиев он не кончал», но в грамоте кое-что *мараковал*. Общий же вид пришельца был несколько ошарашенный, словно он только что в крайне печальном сне сверзился с больного верблюда-бактриана, отчего стал похож на сбежав-шего из мест заключения политкаторжанина. Поэтому вполне достаточно будет только уточнить, что рубаха его, например, была основательно зажёвана.

Зачем же он появился в нашем романе? Да затем, чтобы стать полноправным, хотя и не первостепенным его героем. Дело в том, что Саша был следующим в очереди (за подлецом омуртаем) водителем, который перемещал центнер писательского веса ежедневно, за исключением выходных дней. Правда, бывали и исключения из исключений – это случалось тогда, когда Дубровский срывался и уходил в суточный запой, хотя к чести его будет сказано, что на больший срок у него обычно не хватало жизненных сил, потому что был он субтильным, как и многие козыряющие знакомством с зелёным змием.

В *тыкве* полный кавардак,
как при полнолунье, –

мне зелёный змий не враг,
а, напротив, друг мне!

Сам себя он считал страшно невезучим, и всей своей непутёвой жизнью пытался доказать, что невезучесть его проистекает не из-за пристрастия к алкоголю. Но это было не так, хотя справедливости ради стоит вспомнить, что однажды, купив импортную туалетную бумагу с запахом персика, Саше в ней попались именно персиковые косточки, причём, в раздробленном состоянии, что, конечно же, затрудняло применение этой нужной человечеству бумажки!

В данное время бывший кулемзинский работник не работал вовсе, так как нелепо попался гаишникам, и даже не во время пьянки, когда он благоразумно не искал приключений на свой карбюратор, а в одну из суббот – во время похмелья. Хитрые саксаульские гаишники в субботу, которую они сами называли ДВБ, или «День вечернего бухла» (догадываетесь, почему?), с утра тормозили всех подряд и заставляли несчастных шоферюг дуть в прибор, который Володя называл алкопоказометром, а Саша ещё проще – *бухлометром.* Причём, на всякий случай перед очередным оральным сеансом умные люди в погонах протирали свою хитрую трубочку спиртом, так что она всегда показывала наличие совершенно недопустимых (прости, русский язык!) промилле. В результате такого субботнего демарша Дубровский, у которого не было денег на взятку, лишился своих водительских прав аж на целый год, после чего запил уже легально и со смыслом, ежедневно доводя себя до неконтролируемой истероидной реакции.

Был рабом своей я глóтки,
и остался без жены:
чтоб купить бутылку водки,
бабы мне и не нужны!

Глава 58. ЯВЛЕНИЕ САШИ (окончание)

Вот и сейчас, хотя стояло раннее августовское утро, крупный вислый нос водителя (б) походил на военную топографическую карту – из-за испещривших его фиолетовых прожилок. Пьяный Саша неимоверно растягивал гласные, проглатывал согласные, да ещё и гундосил, короче, разобрать его речь смог бы далеко не каждый логопед. Он был похож на недавно спившегося поэта, который, хлопнув стакан водки залпом, не смог срифмовать *розы-морозы*, но при этом широко улыбался щербатым ртом, словно девушка с мыльной обёртки. Естественно, был он пьян, и на потеху дворовым детям приплясывал, как североамериканский гризли на славянском базаре в Тель-Авиве, мельтеша позади игроков, точно конь Будённого на кобыле Ворошилова. Вот и сейчас пришелец навис над игроками, как уличный фонарь, где, словно стреноженный конь, топтался за спиной Талгата. Судя по его внешнему виду, он никогда ни одного дня не работал даже в районной филармонии.

– Товарищ Дубровский, зачем же вы так? – удивлённо спросил его Альбионыч.

– У каждого организма
своя механизма! –

видимо, вспомнив, что разговаривает с поэтом, стихами ответил Дубровский, пытаясь выковырять что-то из уха.

«Да», незатейливо подумал писатель, «как писали в рыцарских романах Средних веков, «взгляд его был светел, усилия праведны, но старания бесплодны…»

– Старичок, ёперный распредвал, ты бы пошёл отдохнул немного, – пожалел страдальца прапорщик. Водитель (б) сначала растерянно осмотрелся по сторонам, словно в поиске скрытых камер, затем сфокусировал взор на писателе, несколько секунд невидяще глядя в его сторону, потом заметил ухо Володи, наклонился к нему и что-то горячо зашептал в это приёмное устройство, которое из-за проникающих в него похмельных паров стало скукоживаться на глазах. Чтобы не лишиться уха вовсе, Кулемзин со вздохом подтянул к себе серёжину котомку и достал из неё бутылочку «Тянь-Шаня», после чего вручил её Дубровскому, который тут же расплылся в благодарной улыбке, как кот от литра валерьянки.

– В счёт Всесаксаульского фонда мира! – объяснил Альбионыч свой поступок товарищам по партии. Товарищи не возражали, потому что совсем недавно пребывали точно в таком же состоянии. Правда, педагог, отвернувшись от сопокерников, незаметно от них тут же занёс на кусочек бумажки, чтобы потом переписать всё это в заветную книгу жизни, короткую запись: «260803. Кул. разб. реан. жид. бут. «ТШ» Гад такой!», что в переводе означало: «26 августа 2003 года. Кулемзин разбазаривал реанимационную жидкость в виде бутылочки «Тянь-Шаня» А мог бы угостить ей меня!»

Был товарищ мой инертен,
как рабочий из совка:
спас товарища от смерти –
дал бутылочку пивка!

Саша тут же запрокинул вверх кадыкастую голову – видимо, для лучшего поступления реанимационной жидкости в организм, и с какими-то троглодитскими бульками стал потреблять «Тянь-Шань». Проглотив содержимое бутылочки в несколько глотков, он как-то сдулся и снова стал несчастным, как горняк после ночной смены на шахте «Центральная-бис». Правда, допив бутылочку, водитель (б) стал лицом ещё добрее, чем тогда, когда только появился на территории Бермудского Учпучмака. Немного покачавшись на месте, словно стоял на камушке, он вежливо попрощался, круто повернулся на месте, чуть не упав, после чего понёс своё тело навстречу новым приключениям сегодняшнего дня.

– Чего это он? – спросил Муравлёв, который, хотя уже и был знаком с Дубровским, но подробности его жизненного пути как-то ускользнули от сознания живописца. А Володя, чтобы вопрос художника не повис в воздушном пространстве планеты, решил немного просветить его насчёт несчастного шофёра.

Работал полтавцевский сосед до того, как познакомился с Кулемзиным, во многих местах: и в автобусном парке, и на какой-то автобазе, и битые машины ремонтировал, и даже шоферил (правда, недолго) в каком-то Саксаульском министерстве – возил некоего баскарму[81].

[81] ***Начальник – сакс.***

Кстати, писатель решил сделать свой рассказ о товарище не как читку страничек автобиографии, а как пересказ тех случаев из жизни, кои ему и поведал Дубровский во время многочисленных поездок по городу Отцеябловску. Всего таких баек о самом себе он рассказал множество, но писатель запомнил, конечно, не все,

а вот то, что запомнил точно, сейчас узнаешь и ты, мой терпеливый и внимательный читатель.

Знают только светофоры,
как наш Саша начудил –
расскажу вам про шофёра,
что под градусом водил!

Да, и, кстати, чтобы ты, мой читатель, не упрекнул меня в том, что я совсем забыл о своих главных героях, автор решил разбавить своё повествование уже знакомыми покерными нотациями, которые, надеюсь, так полюбились тебе ещё в первой книге. А чтобы ты вспомнил, что это вообще такое, посмотри главу 113 в первом томе «Русской кочерги»!

Глава 59. БАЙКИ О САШЕ (О валенках)

В то время работал Саша на автобусе «Кубань», по-моему, 66-й модели – такие в советское (б) время, если автор не ошибается, выпускались на Краснодарском механическом заводе нестандартного оборудования. Почему же нестандартного? Да потому что делали их в ограниченном количестве – на их базе потом создавали автоклубы, бытовки, автобиблиотеки, театральные автобусы, агитплощадки на колёсах и даже автомузеи (видимо, самого́ предприятия)! Но это всё присказка, а сказка впереди.

Дело было летом. Как-то утром Дубровский обратился к одному из водителей с просьбой дать ему клей для ремонта ботинок, а именно подошвы. Получив искомое, он отправился в комнату отдыха, где, проявив находчивость, прижал ботинки ножками кровати. Этим же вечером театральные работники местного клуба, которых в то время обслуживал Саша, были весьма удивлены необычным ходом «Кубани»: она то резко разгонялась, то также резко притормаживала. После чего Дубровский остановил автобус и трезвым голосом изрёк:

– Всё, дальше ехать не могу!

Театральные работники дружно обнюхали шофёра, но, не почуяв никакого криминального запаха, стали выяснять, в чём дело, на ходу рождая самые смелые и страшные фантазии в отношении явно заболевшего Дубровского.

Вместе нюхали мы друга,
всё гадая: «Пил? Не пил?» –
друг не слишком был испуган,
хоть и плохо говорил…

Но всё оказалось очень просто: Саша, чтобы подошвы приклеились к ботинкам как следует, решил оставить их под ножками кровати часа на три, а сам не нашёл другой обуви, кроме чьих-то огромных растоптанных валенок. Вот эти валенки и стали причиной такой затейливой езды «Кубани», а вовсе не механические повреждения, специально заложенные ещё на заводе проникшими туда американскими диверсантами, как смело предположил завклубом товарищ Потусторонний И. Ф. К тому же, правый валенок, будучи размером больше гулливерового, одновременно цеплял обе педали – и то́рмоза, и газа.

Но не таков, конечно, был советский (б) человек, чтобы сдаваться перед трудностями! Коллегиальным решением театральной группы (к сожалению, среди них не было ни одного водителя) стало то, что Дубровскому предложили довезти их домой босиком! Думаете, удивился автор, узнав об этом решении? Ничуть! Ведь он сам вырос в этой стране, и за время жизни в ней насмотрелся и наслушался много удивительных историй, случившихся с её жителями.

Глава 60. ПЕРВАЯ ПОКЕРНАЯ НОТАЦИЯ

«Талгату было жарко, словно после марш-броска на пять километров с полной выкладкой, то есть противогазом и шанцевым инструментом в виде ложки в правом сапоге»

«Чувствовалось, что в этом якобы дружном и сплочённом коллективе единомышленников идеалы свободы, братства и равенства были явно не в моде»

«– Ёкарная мама, как говорится, такова се ля ва! – с умным видом произнёс прапорщик. И Альбионыч неожиданно поддержал эту немудрёную мысль:

– И с каждым днём она становится всё селявее…»

«– Яйчики-бабайчики, ты чего, Серёжа, молчишь? Может быть, ты задумался, что дороже – овчинка или выделка?

Афанасьич тут же обрадовался, что такой великий человек, как его друг Кулемзин, заметил, что он не просто сидит, как пень, над картами, а именно «задумался», после чего радостно заказал четыре взятки при весьма скромном пришедшем, о чём, разумеется, уже через минуту пожалел»

«Курманбаев смотрел на свои карты с вожделением, как отвергнутый жених на бывшую невесту»

«Ну, сейчас я вас уделаю», подумал писатель, «как Мохаммед Кассиусович Али – дистрофика!»

Я не люблю кидать гранаты,
метать мячи, в мишень стрелять
и ставить в клетках шахи-маты,
как спринтер, пятками сверкать.
Но если мы сойдемся с вами
в простом бою без лишних слов,
я закидаю вас понтами
и выбью сразу сто очков!

«Посмотрев на расклад, Володя понял, что ничто не помешает его изощрённому, как у средневековых монахов-схоластов, уму изобрести новую, ещё более выгодную комбинацию. И он её изобрёл»

«– А ведь у Павлика Морозова и Морзе точно было нечто общее, – посмотрев на педагога, неожиданно уточнил Кулемзин»

«– Син – минене, мин – синене[82], – быстро сказал Талгату Володя. Батыршин согласно кивнул головой и скинул джокера *за простую*»

[82] Ты – мне, я – тебе – мат.

«Нервные клетки военного трубача, не в силах справиться с волнением от гибельного заказа в пять взяток, умирали со скоростью курьерского поезда»

«Увидев пришедший роббер, Нуртай расцвёл, как элеутерококк в ботаническом саду Гурзуфа. В то же время Володе карты пришли неважные, и он даже было подумал, что это были не карты, а какая вакуумная константа, но вовремя вспомнил, что плохих раскладов не бывает, и с лёгким сердцем объявил пас»

«– По джокерам!

Ход был чётким и беспощадным, как прицельный выстрел»

«Несмотря на объединённые усилия сопокерников, Мусаич опять выскользнул, как тюлень из рук нерасторопного эскимоса. И только тут марсианское зрение Альбионыча отметило прячущегося за спиной Курманбаева *иблиса.* Нуртай, поёжившись под этим проницательным взглядом, занервничал и стал чесать ладони, словно у него только что проснулся детский нейродермит»

«– Мать честна́я, да где же взять хорошие карты-то? – почесал заросший затылок страдалец Полтавцев.

– Где-где? В Катманде! – пояснил Володя, показав хорошее знание прикладной географии.

– А это где?

Все дружно посмеялись над необразованным»

Понял я, уже немолод,
завершая свой маршрут:
Катманда – такой посёлок,
где бесплатно не нальют!

«– Zu Ende[83]! – как генерал-фельдмаршал Фридрих Вильгельмович Паулюс в Сталинграде, воскликнул Альбионыч»

[83] По-моему, мои дорогие солдаты, это полный alles – перевод с нем. автора

«Дворовые дети, в который раз осваивая пространство Бермудского Учпучмака, носились, как заведённые пружинкой пожарные машинки, но при этом не *сиренили*, а просто визжали, как поросята в свинарнике, которых деревенский шутник-садист на потеху себе тихонько подкалывал шилом»

«Нуртай брал взятку за взяткой потея, как будто сдавал экстерном нормативы на значок «Ударник коммунистического (б) труда»

«– О, «Звёздные войны»! – оценил потуги противника Альбионыч. – Прямотаки эпизод пятый: «Империя наносит ответный удар»!»

«Музыкант под воздействием пивных паров, видимо, вспомнил своё военное прошлое и настоящее, и потому играл как в милитаристском угаре, сажая всех направо и налево, а также прямо и сзади, не говоря уже о тактических ударах куда-то по диагонали. Карты ему пёрли, как Серёже во сне!»

«Игра соперников навела писателя на мысль о том, что если сапёр ошибается только один раз, то коллектив сапёров способен ошибаться неоднократно. Видимо, об этом же подумал и Курманбаев.

– Я, Володя, мать моя партия, возлагал на тебя такие большие надежды, – заканючил педагог.

– Неужели тебе показалось, что я юная балерина, чтобы на меня возлагать? – грубовато ответил Володя».

Полюбили танцы люди,
хоть забава нелегка,

и за то балетных любят,
что не пляшут гопака!

Глава 61. БАЙКИ О САШЕ (О техобслуживании)

Следующая история случилась с нашим героем через несколько дней. Привезя в какое-то дальнее село всё ту же театральную группу, дававшую концерт перед доярками – в целях повышения удоев на душу населения, Саша решил не расслабляться, а сделать техобслуживание вверенного ему железного друга, ведь концерт шёл, как правило, часа два, а делать всё равно было нечего. Но не думай, мой терпеливый читатель, что Дубровский был старательным и исполнительным человеком – просто концертные номера он за лето не только просмотрел буквально все, а, при случае, мог даже кое-что исполнить сам за заболевшего артиста.

Прежде всего, он решил залить воды в аккумулятор. Поискав глазами колонку и не найдя её, Саша попытался набрать воды в каком-нибудь из соседних домов, но там не оказалось никого – сельчане вовсю тянулись к культуре и все как один были на концерте заезжих артистов. Думаете, спасовал перед ситуацией наш водитель? Как бы не так! Он достал из сундучка с театральным реквизитом железную армейскую кружку (стеклянные гранёные стаканы быстро выходили из строя), из которой артисты пили водку после концертов, и стал ею наливать воду в аккумулятор из… какой-то подозрительной лужи.

Нет мозгов? Но мы не плачем –
нам что хочешь по рукам,
ведь любую мы задачу
так решим, что смерть врагам!

Через какое-то время Дубровский понял, что самый надёжный в мире советский (б) никель-кадмиевый щелочной аккумулятор НК-55 вышел из строя – сначала он разрядился, а потом от подозрительно быстрого нагрева у него лопнули две банки, в результате чего электролит вылился в моторный отсек. Посмотрев на часы, Саша понял, что всё успеет исправить. Он тщательно вымыл аккумулятор – на этот раз припасённой артистами бутылкой водки, потом подтянул все восемь свечей, при этом сорвав резьбу у трёх свечных отверстий. Но и это не остановило водителя – свечи он всё же вставил, предварительно обмотав их своим собственным разорванным на части носовым платком!

А теперь самое интересное – на десерт! Дело в том, что в эту лужу, видимо, не один уже день гадили все кому не лень: и поросята, и проходящие мимо коровы перед вечерней дойкой, и даже пьяные мужики после пары стаканов самогона, поэтому весь автобус приобрёл стойкий запах парфюма «Dubrovsky Vonizm». Надо ли говорить, как провели артисты весь обратный путь! Они то вздрагивали от постреливающих свечей, то крутили носами в поисках угла посвежее, но не находили, так как весь автобус пропах электролитной кислотой и ослиной мочой. Да ещё к тому же не оказалось заначенной бутылки водки, хотя водитель был трезв!

Даже после перестройки
каждый выглядел звездой.
Наш артист – он самый стойкий:
если трезвый – страшно злой!

Глава 62. ВТОРАЯ ПОКЕРНАЯ НОТАЦИЯ

«Володя играл в *русскую кочергу*, как в японском театре *кабуки*: красиво, но непонятно для противников»

«Проиграв, педагог сделал скорбно-величественное выражение лица, словно его именно в эту минуту награждали орденом Иблиса III степени»

«– Сгорел, царица лесная! – отчаянно замотал головой охранник.

– Как картонная фабрика! – радостно подтвердил Кулемзин»

«Талгат заказал четыре взятки, но не учёл того, что Курманбаев, даже имея неважные карты, из подлости объявит мизе́р, после чего пасанёт. После столь мощного потрясения от проигрыша сразу 90 очков музыкант стал похож на спятившего вождя индейцев с *погонялом* Унесённая Крыша»

«Пытаться спорить с писателем было тем же самым, что прикрывать ладонью шею от падающего ножа гильотины, ведь он почти всегда был спокоен, как бегемот после случки на берегу танзанийско-кенийско-угандинского озера Виктория»

«Нуртай с помощью своего персонального *иблиса*, только что вернувшегося в коллектив после подзарядки своих пропадлючьих аккумуляторов, брал взятки с энергией бронетанковой дивизии генерала Ариэля Шмуэлевича Шарона.во время Шестидневной войны[84]»

[84] Очень быстрая, судя по названию, война на Ближнем Востоке в 1967 году, когда армия Израиля, будучи в одиночестве, наваляла коалиции в составе Египта, Сирии, Иордании, Алжира и Ирака (!). Что тут скажешь, молодцы семиты! – прим. автора

Воевали за идею!
Чтоб её зашифровать,
наваляли всем евреи,
чтоб долги не отдавать!

«Пытаться выиграть у Альбионыча было так же нереально, как попытка вырвать у крокодила кусок туриста после того, как тот его съел»

«Глядя на игру Мусаича, Володя всё время думал о том, что Пентагон именно по нему уточняет свои агрессивные планы, а ЦРУ наверняка внесло его в список своих добровольных агентов, положив на персональный счёт 30 назарбаксов»

«– Яйчики-бабайчики, даже Гней Помпей Великий проиграл Фарсальскую битву,– горько промолвил знатный историк, – и ничего! Отряхнулся и пошёл обратно в лагерь – готовиться к новой битве, и по ходу подготовки сдал, между прочим, норматив на золотой значок ГТО!»

«Писатель хотел было развить мысль о диалектической борьбе двух противоположностей Афанасьича, то есть головы и жопы, но тут вовремя подоспел Нуртай с пивом»

«В молодости Володя служил в радиотехнических войсках, и поэтому теперь у него был слух, как у камышового кота. Вот и сейчас он явственно услышал тонкий звук победных литавров. «По-моему, пора брать этих гавриков за ботву и – на помойку!», беззлобно подумал он. В этот момент он выглядел прекрасным, потому что это был не просто один из моментов его жизни, а момент вдохновения. Альбионыч сейчас был похож на талантливого американца Вэла Юджиновича Кил-мера в роли музыканта Джима Джорджевича Моррисона из фильма «Doors» – заме-

чательного произведения замечательного американского режиссёра Оливера Луисовича Стоуна»

«Кто-то из детективщиков, кажется, Джо Алекс[85], насчитал всего восемь классических причин для убийства: женщины, деньги, карьера и т.п. Кулемзин нашёл девятую: игра в *русскую кочергу*»

[85] Это псевдоним польского писателя Мацея Мериановича Сломчинского – прим. лит. редактора

«Дворовые дети носились по периметру Бермудского Учпучмака так стремительно, словно перед этим вышибли дубовые двери, после чего в силу инерции и других физических законов, придуманных умными людьми, никак не могли остановиться»

«Вдохновлённый случайным выигрышем, Талгат был привлекателен, как Ален Фабьенович Делон в роли инспектора Жоржа Фоша из «Тегерана-43», снятого ещё в те времена, когда по утверждению русских музыкантов из группы «Наутилус Помпилиус», он не пил одеколона»

Скажу я вам без мармелада,
но и без горечи аджик:
ведь если это всё же правда,
Делон – не русский, но мужик!

«– Ты, Нуртай, как Александр Матросов! – неожиданно попенял педагогу гуру..
– Мать моя партия, а что, похож? – загордился самозванец.
– Да в том смысле, – пояснил писатель, – что сам не стреляешь, и другим не даёшь!»

И таджики, и калмыки,
и евреи, всех мудрей,
помнят подвиги великих,
примеряя их к игре!

Глава 63. БАЙКИ О САШЕ (О нелепом случае)

А эту историю, произошедшую с Дубровским, лучше всего рассказать от первого лица. Итак, сашин рассказ.

– Уж и не знаю, как это могло произойти со мной! Ехал я как-то с дачи на своём *жигулёнке*. И тут из леска́ выскочила собака! Я еду тихонько, а она прямо под колёса лезет, пытается укусить машину и прыгает на капот. Я, конечно, бибикнул, чтобы её испугать, да куда там! И тут я заметил, что рядом стоит мужик со спящей в коляске девочкой – наблюдал, как я борюсь с обезумевшим животным.

И вот после моих гудков девчушка, конечно, проснулась, а мужик из-за этого рассвирепел и стал бить мою машину многой! Я только хотел отреагировать, для чего открыл окно, так он тут же попытался мне в рожу заехать. Хорошо, что со мной была куча народа – шурин, его жена и ещё кто-то. Все попытались как-то увещевать буяна, только он никого не слушал. Так что я кое-как чудом вырвался из лап разъярённого папаши, на ходу крича ему, что, мол, как бы я мог его уви-

деть из-за поворота, да ещё заросшего кустами. Кричал и думал, что жаль, что у меня не было ствола, а то пристрелил бы чёртова пса на фиг!

Но эта моя история неожиданно получила продолжение. Через пару месяцев ехал я с дачи по той же дороге. И вдруг меня останавливает тот самый мужик – стоит у обочины, голосует, чтобы дёрнуть свою машину – видимо, аккумулятор подсел. «А иди-ка ты, мужик, в какое-то глубокое место!», с удовольствием сказал ему я и поехал дальше. Не знаю, узнал он меня или нет, но, наверное, долго думал, с какой это стати какой-то проезжающий хрен его так глубоко послал…

Так случается порою,
что не давится на газ –
вот и братство шоферское
да́ло трещину сейчас!

Глава 64. ТРЕТЬЯ ПОКЕРНАЯ НОТАЦИЯ

«– Ёперные карты, да благословит *иблис* твои извилистые мозги! – пожелал Талгат Нуртаю перед игрой»

«Володя обозрел заказанные взятки, сопоставил их со своими возможностями, после чего добрым голосом объявил:

– Артель «Напрасный труд»! Мизе́р!»

«Нуртай по своей застарелой комсомольской привычке, как говорят на зоне, *бил сопли о паркет*»

«Полтавцев неожиданно хлопнул себя по лбу с такой силой, что дворовые дети, приняв это за какой-то таинственный сигнал, забе́гали ещё быстрее»

«Играя, Альбионыч нередко зажигался тем особенным бесноватым огоньком, который свойственен только сильным личностям»

«Движение прапорщика к намеченной цели было каким-то кривым, или, по-научному выражаясь, *дискретным*, как в книге Ильича I, то есть шаг вперёд, два шага назад[86]»

[86] «Шаг вперёд, два шага назад» – книга В. И. Ленина, написанная в 1904 году. Вошла в 8 том полного собрания сочинений, стр. 185-414. Целиком посвящена прошедшему в июле-августе 1903 года II съезду РСДРП – прим. полит. редактора

«– Наше знамя боевое
разгоняет вражью тьму!

– с энтузиазмом затянул Курманбаев, но Володя, видя, как дёрнулся в сторону кустов прапорщик, решил тут же исправить положение, закончив куплет гениальным экспромтом:

– Мы влеченье половое
даже чувствуем к нему!»

«– Яйчики-бабайчики, какие интересные шляпки носит буржуазия! – вскричал Кулемзин, увидев свои карты. Охранник поёжился – от этих, казалось бы, невинных слов, ему стало страшно, как в детстве»

«– Жаль, что в наше время не проводят первомайских демонстраций, – притворно вздохнул Курманбаев. – Мать моя партия, только на них я чувствовал себя настоящим человеком и гражданином.

Военного тут же вывернуло, а Володя не преминул заметить:

– Да и лозунги сейчас, случись такая демонстрация, были бы другие. Я бы, например, лично понёс вот такой:

Слава великому саксаульскому народу – строителю коммуниэма, социалиэма и капиталиэма – за то, что он так и не построил ни того, ни другого, ни третьего!

«– Талгат, не смотри на меня столь умоляюще. Ну не могу я лечь своей широкой грудью на амбразуру – и всё тут! – произнёс Володя, но, видя расстройство музыканта, пояснил:

– Врождённая ментальность мешает…»

«Пропустить Нуртая вперёд было сейчас тем же, что вылить стакан с холерным *штаммом* в городской водопровод»

«После такого нелепого хода Альбионыч посмотрел на Полтавцева с состраданием, как врач-практикант на ненароком забеременевшую школьницу»

«Ну что ж», подумал писатель, «понятно, что редутное состязание не даёт возможности для манёвра, и не сулит ничего, кроме позиционной борьбы. Вот ею мы сейчас и займёмся…»

«– Если вы поймали удачу за хвост, не обольщайтесь – значит, она стояла она к вам спиной! – весело процитировал сам себя Володя»

Провожу я лит.анализ,
перечтя свои тома:
мы играли, как сражались
мушкетёры у Дюма!

Глава 65. БАЙКИ О САШЕ (О зимнем приключении)

А вот вам ещё один рассказ о Дубровском, только на сей раз Саша работал не на «Кубани», а на обычном грузовике ГАЗ-53, но с большой фанерной будкой – так называемой вахтовке. А уточнение это автор сделал не просто так, а потому что Саша рассказал ему, что его всегда смешило, когда на такие вахтовки ставили обычную печку-буржуйку, правда, очень маленького размера – как игрушечную. Но после одного случая он больше не смеялся, а, напротив, радовался такому русскому изобретению.

Чтоб не бросить тапочки
прямо на крылечке,
ананасы-рябчики
жарили мы в печке!

Дело было так. Как-то после первых осенних гастролей самодеятельные артисты убедились в полной бесполезности такой нештатной печки. Может, она бы го-

дилась для отопления обычной легковушки, но явно не для обширной площади вахтовки. Дисбаланс в поездку вносило и то, что двигатель в машине иногда перегревался даже зимой: может, по каким-то неведомым автомобильным флюидам передавались мотору тепловые излучения пресловутой печки. Поэтому, чтобы привести все законы теплофизики в равновесие, решено было маленькую буржуйку не отключать, а поставить в вахтовке два обычных водопроводных крана. А заодно и второй радиатор охлаждения – правда, не родной, а от ГАЗ-51. Артисты частенько шутили, что любой иностранец, увидев *нутро* вахтовки, немедленно сошёл бы с ума, а, может быть, даже и скончался от перегрева мозгов, так и не разгадав Великую Русскую Тайну.

В результате всех этих технических новшеств всё пришло в норму, правда, иногда где-то что-то не срабатывало, и летом, например, температура в салоне была градусов под 40. Но разве такая несложная проблема не по плечу нашим людям? Артисты тогда просто отключали краном передний радиатор, а мотор охлаждали радиатором задним, салонным. Вот так и ездили.

Но однажды зимой двигатель у Саши как-то неприятно застучал, после чего машина встала. Вскоре выяснилось, что за бортом, то есть в чистом поле, где остановилась вахтовка, было минус 15 градусов. И вскоре наступил, как писал в своих проникновенных произведениях американский писатель Теодор Джонович Драйзер, полный дубак! Артисты стали медленно умирать, тем более что ехали они до остановки по какой-то второстепенной просёлочной дороге, где машины ходят раз в пятилетку. Выяснился и другой неприятный факт: до ближайшей цивилизации, то есть колхоза имени Светлого Будущего, было почти 50 километров.

Но наш человек, как известно из отечественных патриотических фильмов, умирает, но не сдаётся! Кто-то надел на себя целлофановые пакеты, кто-то нашёл в углу промасленную телогрейку, кто-то стал думать, почему же он, дурак, раньше не догадался оставить завещание на свою *однушку* в пользу родного театра. Дубровский же, как человек, ответственный за жизнь товарищей, нехотя вылез из машины, открыл капот и немедленно выяснил причину поломки: оказалось, что полетел какой-то вкладыш, который куда-то вкладывался таким образом, что машина начинала двигаться – был бы бензин!

Если вкладыш дюже битый,
если стартер не хорош,
коль забыл бензин налить ты,
стой, пока не пропадёшь!

Коллегиально посовещавшись, решили заменить битый вкладыш куском кожаного ремня. Правда, немного смутило то, что кожа, до этого бывшая мягкой и эластичной, на морозе стала жёсткой и, по выражению старшего группы Ивана Ивановича Линдера, несъедобной. Кто это предложил, сейчас уже не вспомнится, но коллектив стал варить кожу в консервной банке, куда вместо воды налили технического масла из канистры – для быстрого размягчения. Вскоре произошёл локальный пожар – вначале в само́й банке, а потом, когда в неё попал снег из окна, масло сильно пыхнуло и подожгло мех на куртке товарища Линдера. Погасили, конечно, товарища, из огнетушителя, после чего стал старший группы красивым и белым, как Снежная королева из сказки Ханса Хансовича Андерсена, но каким-то неполноценным – волосы, брови и даже усы несколько обуглились и смотрелись совсем не так, как на фото в профсоюзном билете.

Но главное, что кусок кожаного ремня наконец-то стал мягким, и страдальцы опять смогли ехать. Правда, через 100 метров машина вновь остановилась – по той же причине. Здесь артисты попытались согреть салон паяльной лампой и даже начали шутить, от чего им предпочтительнее умереть: от холода или угарного газа? Ну, наши же люди! И тут им повезло – по той самой дороге, где техника ходила раз в пятилетку, в их сторону двигался трактор «Кировец» с комбикормом для коровьей фермы. Именно он этих воистину творческих личностей, включая шофёра Дубровского, и довёз до ближайшего населённого пункта – со скоростью 20 км/час. А уж там они отогрелись – сначала горячим чаем, а потом нашлась и водка!

Выяснилось, что буквально в километре от этого посёлка проходила железная дорога, и артисты во главе с водителем пошли на вокзал – в старых телогрейках и, как выразился Саша, когда рассказывал эту историю, «детских по́льтах». Сели в поезд, и проводник, увидев этот необычный коллектив, поинтересовался, кто они и откуда? Товарищ Линдер хотел было ответить: «Музыканты, с гастролей», но понял, что такая версия не проканает, и сказал: «Да мы тут, батя, работали неподалёку». А через пару дней чей-то «КамАЗ» притащил страшно обледенелую вахтовку, и водитель радовался ей как родственнику!

Жизни наши – наши драмы
в обрамлении вещей:
привыкаем так к вещам мы,
что не надо и друзей!

Глава 66. ЧЕТВЁРТАЯ ПОКЕРНАЯ НОТАЦИЯ

«Манера игры Нуртая и Володи отличались, как в прежние времена ширпотреб от индпошива»

«Ощущение взвинченности мало-помалу ослабевало, сменяясь спокойным торжеством завоевателя, установившего протекторат на спорной территории»

«Володя тут же напомнил Курманбаеву о краткости – этой горемычной сестре таланта:

– Любая *болтовня* происходит за счёт энергии, *отнимаемой* у дела, – страшно педалируя отдельные слова, произнёс он.

– Да я это… как же… мать моя партия… – в оправдание пролепетал педагог»

«– Яйчики-бабайчики, ну ты крутой! – похвалил Полтавцева писатель.

Охранник приосанился.

– Как поросячий хвост, – продолжил характеристику Альбионыч»

«Кулемзин на минуту оказался как бы в ситуации, которую испытывает цирковой вольтижёр, скачущий на двух лошадях одновременно, поставив по сапогу на седло каждой. С одной стороны можно просто свалиться между лошадей, а, с другой, если зацепишься одной ногой за сбрую первой, а другой ногой за сбрую второй, то лошади могут тебя и пополам разорвать»

«– Всякая палка о двух концах, – весело сказал гуру, – кроме, конечно той, которой детей делают!»

«– Талгат, посмотри, что ты натворил. По-моему, ты сам себя перемудрил, – укорил музыканта Альбионыч. – Это называется почесаться левой рукой через правое колено…»

«– Клянусь покером, Платон мне друг, но я тут прикинул – всё равно оказалось, что истина дороже…»

Я с алкоголем осторожен –
люблю его всего нежней,
а истина всегда дороже!
Но только в дорогом вине…

«– *Иблис* возьми! – неожиданно воскликнул писатель, взяв в руки 12 карт.

– Царица лесная, что, плохая карта пришла? – посочувствовал охранник.

– Хуже! Я утром забыл заправить соус Tuber'ом mesentericum'ом[87]! То-то чувствую себя неважно…»

[87] Чёрный осенний бургундский трюфель – прим. кулинар. редактора

«С первых минут партии Володя понял, что Нуртай может смело претендовать на «Оскар» в номинации «Самый большой подлец года»

«– Горько! – воскликнул Кулемзин, укоризненно глядя на педагога. – Горько слышать подобные слова от человека, с которым Сука-судьба свела меня на годы! И какие годы!

– А уж мне-то как, – непонятно парировал Нуртай и стал раскачиваться в стороны, как ортодокс на молитве»

«– И покеры кровавые в глазах! – страшно процитировал неизвестного автора Володя.

Серёжа представил эту картинку и чуть не заплакал: ему стало очень жалко неудачливого педагога, ведь он знал, в чью сторону были обращены эти ужасные слова»

«– Лично я не могу смотреть на эту сцену, – зевнул писатель, – трагический катарсис разрывает мою мятежную душу…»

«Мимо игроков прошла очень вредная старушка из дома № 14, придерживая за спиной подушечку-*думку*, и от этого скрючившаяся так, что можно было подумать, что это идёт не человек, а большая сгоревшая спичка»

«– Йодистые семечки, пять!

Сделав этот нелёгкий заказ, прапорщик принялся про себя насвистывать адажио из балета «Хроника пикирующего бомбардировщика Douglas B-23»

«По науке, человеческая рука имеет 46 *степеней свободы*, то есть может двигаться в сорока шести не повторяющих друг друга направлениях. Володя же путём длительных упражнений довел филигранность своих конечностей до сорока семи степеней свободы, и применял их в игре все»

«– Ты прямо как Нетаньяху[88] какой-то, не при дамах будь сказано, – поморщился Володя.

– А кто здесь дамы? – тревожно заозирался Полтавцев, словно начал подозревать присутствующих в нетрадиционной ориентации.

– Целых четыре, – успокоил его писатель. – И все они – в одной колоде!»

[88] Биньямин Зеэвович Нетаньяху – государственный и политический деятель Израиля. В 2003 году – министр финансов страны – прим. полит. редактора

В колоде карт с утра явилась драма –
её как ужас мы определим:
вповал лежали карточные дамы,
на дамах же лежали короли!

Глава 67. БАЙКИ О САШЕ (Про особый сорт кокоса)

– Знаете ли вы, – спросил слушателей рассказчик, – что в знойной-знойной Африке произрастает особый сорт кокоса, называемый коко-д'эмэр?

– Нет, не знаем, – признались слушатели, а один из них, особо любопытный по фамилии Муравлёв, даже уточнил:

– Святой Малевич, а к чему это ты?

– Скоро поймёшь, – обнадёжил писатель. – Так вот этот кокос по форме чрезвычайно напоминает женские бёдра, и очень ценится как знатоками кокосов, так и знатоками вышеуказанных бёдер.

– А Саша тут при чём? – не унимался художник. Володя укоризненно посмотрел на нетерпеливого и продолжил рассказ о приключениях адского водителя:

– А это я к тому, что именно с этими бёдрами и вышел один забавный случай. Работал тогда Дубровский в автопарке – водителем автобуса маршрута № 40. А так как дело было давно, то замечу, что никаких компостеров в эти времена не было, а билеты пассажирам продавала простая кондукторша. И вот была у него на маршруте кондукторша с опереточным именем Сильва: весила под центнер, а злющая была – сил нет, чуть что – поливала матом не хуже какого мужика. И вот как-то раз, когда водитель и кондукторша в парк заехали у диспетчера отметиться, она Саше и говорит:

– Чего-то лень мне до «домика» бежать, давай я здесь, на ступеньках.

А «домиком» работники автопарка называли общественный туалет возле промежуточной диспетчерской – таких стояло несколько штук по всей длине автобусного маршрута.

– Давай, – разрешил Дубровский, – только побыстрее!

– Да я мигом! – пообещала кондукторша, а сама уже на автобусных ступеньках пристраивается – спиной к дверям. А припёрло Сильву оттого, что день был жаркий, и она аж три бутылки лимонада выдула.

Это знают и сироты,
и солдат без портупей:
коли жарко, не ситро ты,
а пивко скорее пей!

Ну, Сашка, понятное дело, отвернулся, сигаретку закурил, да в окно посматривает. А было уже поздно, стоял тёплый летний вечер. Курит он, курит, да всё думает про вредную толстую вредную кондукторшу, которая надоела ему хуже горькой редьки. А потом вообще замечтался: вот бы, думает, с Катькой молодой да красивой поездить, а потом и ближе с ней познакомиться. И так замечтался, что вдруг взял да поехал, а остановился только метров через триста – на остановке. Хоть и поздно было, но народ там кое-какой ещё стоял – из тех, кто дома ночует. И тут, выйдя из мечтательного состояния, он услышал вопли Сильвы:

– Ах ты ж, …, куда едешь, … да я тебя …, после этой … смены!

И тут Саша на полном автомате открыл дверь. А теперь представьте: стоите вы тёплым вечером на остановке и мечтаете, как доберётесь до тёплой подушки, и тут приходит автобус, открываются двери, а там – огромная голая корма 60-го размера! Вот и это и есть коко-д'эмэр вашей надежды на лучшее будущее!

– Мать моя партия, какая интересная история, – произнёс педагог. – Хотя всё-таки кое в чём сомнительная! Неужели этому хулигану ничего за это не было?

– Ну, как же! Конечно, было! Вначале от Сильвы в пятак, потом начальник маршрута с рейса его снял, а потом и директор автопарка хотел совсем выгнать, но после того, как во всех деталях узнал подробности происшествия, так ржал, что Дубровскому просто выговор объявил, но не выгнал. А Саша с тех пор, кстати, с Катериной ездить стал.

– Постой, постой, – припомнил водительский сосед по квартире Полтавцев, – это не жена ли его теперешняя?

– Она, – подтвердил Альбионыч. – Вот так великий Случай свёл двух хороших людей! Но, кстати, история с Сильвой на этом не окончилась.

Судьба – что сука: всех лютей
в печальном эпизоде,
но Случай сводит лишь людей!
Ну, а собак разводит…

– Наверное, она ему отомстила? – предположил живописец. – Яйца оторвала или, чего хуже, профсоюзный билет похитила?

– Ни то, ни другое. Как-то раз в конце смены, перед тем, как ехать в парк, Сашу тоже пробило на верзание[89], и он рысью побежал к тому же диспетчерскому «домику». Как назло, фонари кругом не горели, и даже тропинки к «домику» было не видно. Правда, Дубровский наощупь кое-как до цели добрался, уселся дело делать и сигареточку закурил. Сидит себе да песенку под нос мурлычет – про цепной троллейбус, который стережёт Садовое кольцо.

[89] На русской воровской фене это слово означает большу́ю нужду, как сурляние – малую! – прим. вора в законе Гарика Джезказганского

– Что-то не знаю я такой песни, – засомневался Курманбаев. – А я ведь много чего в жизни слыхал…

– И так хорошо и легко нашему водителю стало, – продолжил рассказ Альбионыч, – ведь вокруг ни души, один только сашкин автобус под дождиком моется. И вдруг слышит: кто-то к «домику» пробирается – такой тяжёлой походкой, явно грабительской. Затаился наш герой и ждёт. Вдруг дверцу кто-то как рванёт, аж крючок отлетел, потом шуршание какое-то, а потом и вовсе страшное случилось – грабитель в полной темноте норовит Дубровскому на колени усесться! Ну, Саша с перепугу сигареткой и ткнул. А на следующий день узнал, что кондукторша Сильва на работу не вышла. В автопарке рассказывали, что она свой коко-д'эмэр где-то так обожгла, что на кондукторском месте ещё неделю сидеть не могла…

Мы хотим под микроскопом
разглядеть, что мир жесток –
только знает наша жопа:
не от спички здесь ожог!

– Да, дела! – подвёл черту под рассказами прапорщик. – У нас в армии таких страхов вообще нет!

И тут Володя, рассказывающий все эти истории, подумал, что вот таких весёлых и талантливых дубровских в нашем народе вало́м. Вот, например, слышал он как-то раз одну историю об Игорьке – деревенском жителе.

Глава 68. НЕПОБЕДИМЫ!

Встречаются в нашей глубинке свои кулибины: Томас Алва Самуэлевич Эдисон нервно курит! У нас есть один такой – Игорь. Тот ещё типус! Неразрешимых технических задач для него не существовало в принципе. Давным-давно он, например, сам изготовил аэросани, мотодельтаплан и болотоход, и даже решил замахнуться на вертолёт. Сикорский, блин! Здесь надо отметить, что базовое образование Игорька – 10 классов средней школы (страшно даже подумать, что бы он изобрёл, окончивши технический вуз), а вертолёт – это вам не газонокосилка, так что изготовление винтокрылой машины заняло довольно продолжительное время.

На санях поехал в лес –
дров достать невесте,
ведь технический прогресс
не стоит на месте!

Готовое изделие сильно напоминало пепелац из фильма «Кин-Дза-Дза». Тому, что аппарат сумел подняться в воздух, никто не удивился, привыкли уже, что у Игорька всё работает. Одна проблемка нарисовалась: вертолёт зависал в воздухе, а вперёд лететь не хотел. Игорёк две недели бился над решением, потом пришёл к выводу, что необходим первотолчок, ну, в смысле, толкнуть машину надо, она и полетит! Сказано – сделано: вертолёт за длинный трос привязали к *уазику*, за руль посадили его друга Витькá, которого чётко и недвусмысленно проинструктировали: когда машина взлетит, он должен разогнаться до 40 километров и затормозить возле пункта, условно названного *у той берёзы*, после чего Игорёк отцепит трос и улетит в синие дали!

Короче, картина была ещё та: по полю прёт *уазик*, за ним на длинной верёвке болтается привязанный тарахтящий пепелац. *У той берёзы* машина резко тормозит, вертолёт пролетает вперёд на длину троса, и, согласно первому закону динамики, с разгона шмякается о землю. Почему, спросит автора наивный читатель. Да потому, что Игорёк, окрылённый свободным полётом, забыл отцепить верёвку!

Многочисленные зеваки, обгоняя друг друга, рванули к месту авиакатастрофы. Навстречу им из-под дымящихся обломков вылез целый и невредимый Игорёк в треснувшем мотоциклетном шлеме.

– Игорь! Ты жив? Что, карабин заклинило? Почему не отцепился?

– Да до меня, когда взлетел, дошло, что угол атаки лопасти изменяемым надо было делать, здесь я детали обдумывать начал и забыл, что трос отцеплять нужно!

Нет, наш народ – непобедим!

Хоть сейчас стреляем мимо,
но подня́т победы флаг:
мы всегда непобедимы –
потому что слаб наш враг!

Глава 69. ЗАГАДКА ОТ ГУРУ

Следующая партия выдалась на редкость напряжённая, и Володя, призванный некими потусторонними (марсианскими?) силами следить за психическим здоровьем вверенного ему контингента сопокерников, решил немного разбавить драматизм происходящего.

– Яйчики-бабайчики, загадка! – торжественно объявил он. – Причём, за правильную отгадку загадывающий, то есть я, вручает знатному угадайцу любую бутылочку пивка по его желанию.

Все повеселели, кроме Нуртая – он тут же почувствовал некий подвох.

– Итак, что это такое: 4 постоянных и 1 плавающий, а все они на букву *г*!

Покерная хевра тут же погрузилась в тягостные раздумья. Первым свою версию решил озвучить, как ни странно, Полтавцев:

– Вот мои правильные слова: гангрена, гастрит, гонорея, грипп и (прости, русский язык!) гепатоцеребральная дистрофия.

– И что же в этом ужасе жизни плавающее? – поинтересовался Кулемзин.

– Гонорея, мать честна́я, – застенчиво признался охранник.

– Почему?!

– Потому что остальные болезни – постоянные. Правда, у разных людей.

– А тебя, Серёжа, не смутило то, что в загадке определение плавающий было мужского рода, а вот твоя гонорея – как бы немного женского?

– Смутило, – ответил Афанасьич, – но когда я *вычислил*, что она от женского рода передаётся мужскому роду половым путём, то понял, что нахожусь на магистральном пути истины!

Словно на весеннем карнавале,
где, спеша, листал я жизни том,
истину нашёл на магистрали,
дрыхнущей под розовым кустом!

Педагог завистливо посмотрел на сторожа – он таких слов не знал, а выражался умно, только пользуясь некоторыми красивыми оборотами из работ Ильича I и Карла Генриховича Маркса.

– А теперь ты, Нуртай!

– Да это же легче лёгкого, – с апломбом заявил педагог. – Слова вот такие – все птичьи: гагара, гусь, голубь, грач и галка!

– И в чём же постоянность четырёх из них? – удивился Альбионыч.

– Ты лучше спроси: в чём *плавательность* одной?

– Хорошо, – не стал чиниться писатель. – Итак, в чём же?

– Ага, мать моя партия! – торжествующе вскричал Курманбаев. – Я так и знал, что ты не догадаешься! Гусь! Он один из этой сволочной компании плавать умеет! Гони бутылочку!

– Не спеши, сынок. Так всё-таки, а почему же четыре оболганных тобой птички – постоянные?

– Эх ты, – тут же принялся врать Мусаич, – не знаешь основ теории Дарвина!

– Чарлза Робертовича? – уточнил Володя.

– Да-да, именно его.

– И о чём же говорит эта научная теория? – усмехнулся писатель.

– А о том и говорит, что все птицы на Земле – постоянные, понимаешь ли, элементы бытия!

– Кроме гуся? – ещё раз усмехнулся Альбионыч.

Не дождавшись зимней стужи,
как бы храбрости в укор,
гусь барахтается в луже –
как какой-нибудь линкор!

– Точно, кроме гуся! Бутылочку давай! – повторно предъявил права на заполненную тару Нуртай.

– Э, нет, погоди, мы ещё не выслушали отгадки Талгата и Валеры.

– Нашёл кого слушать! – осмелел строптивый педагог. – Как будто они что-то умное скажут!

– И всё же давай послушаем. Талгат, есть что сказать?

– Конечно, – ответил бравый прапорщик. – Мой ответ кроется на кухне, так как кухня – это основа вооружённых сил любой армии.

– Вот как! – удивился Кулемзин. – А я-то, дурак, думал, что пушки или какие-нибудь (прости, русский язык!) гаубицы!

– Поэтому мои слова – это глазунья, гренки, гарнир, гуляш и голубцы!

– Кажется, я догадываюсь, какое слово из названных тобой – плавающее. Но говорить не буду – предоставлю ответ нашему *духовику*.

– Вот именно, – невпопад промолвил трубач. – Это слово – ёперный гарнир!

– Почему это? – завопил Курманбаев. – Чем оно лучше других?

– Чем лучше – не знаю, – степенно объяснил военный, – да и задачи такой не стояло. А вот чем *плавающее* – так это тем, что все другие блюда готовятся на постоянной основе, как и предписывает Устав внутренней службы, а гарнир – всё время разный: то овсянка, то гречка, то пшено, то ячка, то горох, то фасоль, то вермишель, а то и картошечка *фри*!

Что ты каждый год ни празднуй
у старинного гумна,
есть гарнир всё время разный,
мяса нету ни хрена!

– Браво, товарищ тромбонист! – вскричал Альбионыч. – Вот бы ещё это правильно оказалось!

– А что, неужели неправильно? – неподдельно удивился Салихдзяныч.

– Всему своё время, – остановил его писатель. – Ну, а теперь, Валера, твоя последняя очередь.

– Хорошо, – не стал отнекиваться живописец, и по то́ну, каким это было сказано, все поняли, что ответ у него давно готов. – Я не буду уходить далеко от привычного мне творческого ряда…

Полтавцев немедленно вытащил из котомки блокнотик «Для му.мы» и тут же записал поразившую его мысль: «Валера не уходит из наших творческих рядов, потому что это для него привычно. Наш человек!»

– … а в этом творческом ряду – хорошо вам известные художники Ге, Грабовский, Глазунов, Грабарь и Греков.

– Мать честна́я, а из этих-то кто плавающий? – попытался пробиться к истине охранник.

– Святой Малевич, да Николай Ге, конечно! – изумился его невежеству Муравлёв. – Неужели ты не помнишь, что в 1864 году у него был так называемый *флорентийский* период?

– Помню, конечно. И чё? – невежественно спросил Афанасьич.

– Да то, что Флоренция, как известно Володе, стоит на итальянской реке Арно, а Ге как раз между созданием серии портретов по ней и *плавал*! Наверное…

Выпив иностранной водки,
и доставши револьвер,
портретист катался в лодке,
как какой-то гондольер!

– Итак, итоги конкурса, – поднял палец Володя, призывая знатных угадайцев к вниманию. – Итоги, надо сказать, неутешительные, а, если говорить прямо, совсем хреновые! Даю вам последний шанс: всё, о чём я говорил, касается всех нас.

– Не знаю, – признался музыкант.

Подумав, от ответа ушли и остальные, причём, педагог мотивировал своё угадайское бессилие тем, что «мозги без пивка совсем несмазанные, а вот если бы были смазанные, то тогда другое дело!».

И здесь Альбионыч взял покерную колоду, тщательно её перетасовал, обозначил козырь (пиковую тройку), после чего один за одним выложил на столик покера, старшего джокера, двух джокеров младших и напоследок козырного (пикового) туза. Все тупо таращились на карты, не понимая, однако, очевидной разгадки.

– А ведь всё просто, – улыбнулся Кулемзин. – Все пять карт – это наши *гранды*. Надеюсь, никто не будет спорить, что все они – на букву *г*? А вот плавающий среди них *гранд* – это козырный туз, всегда разный!

Всякий *гранд* – себе не равный,
каждый кажется – гора!
Кто в колоде самый главный –
нам покажет лишь игра!

После чего гуру ещё раз перетасовал колоду и сдал очередной роббер. Тут все вспомнили, что не доиграли партию, и включились в процесс. Но, расстроенные до невозможности тяжёлой загадкой, играли как-то неважно, и потому победу одержал всё тот же писатель.

Глава 70. ПО ПИВКУ, ТОВАРИЩИ?

Между тем, отмечая окончание партии, все заскучали, потому что игра длилась долго – от 40 до 50 минут, да плюс минут 20 ушло на отгадывание, а пиво заканчивалось не в пример быстрее.

– Ну что, по пивку, дорогие товарищи? – бодрым пионерским голосом предложил коммунист Курманбаев. Военного трубача подбросило, словно катапультой, и он в мгновение ока оказался в кустах. «Когда же это кончится?», мелькнула примитивная мысль в его воспалённых такой жизнью мозгах.

– Володя, – скосив глаза в сторону кустов и невнимательно посочувствовав товарищу, сказал Нуртай, – ты же лучше других помнишь слова нашего дорогого Ильича: промедление…

– Знаю, знаю, – перебил его писатель, – промедление этой штуке подобно!

– Мать моя партия, вот именно! Старик, может, сгоняешь за пивком? – привычно обратился Мусаич к охраннику.

Афанасьич тут же достал заветную книжечку «Для му.мы.», лихорадочно полистал её, нашёл искомую страничку и с выражением прочитал недавно продиктованное Кулемзиным:

– То, что ты предлагаешь сейчас, это олигархическое проявление тирании социума! Из-за твоей эксплуатации я коллапсирую как личность!

– Да-да, Нуртай, по-моему, святой Малевич, именно твоя очередь за пивом идти, – прищурившись, произнёс Валера Муравлёв, который почувствовал, что если сейчас не обратит на себя внимания, то потеряется в коллективе навсегда.

– Да как можно? – вскинулся педагог.

– А разве не такие, как ты, социалисты ещё в Древнем Риме говорили: «Salus populi suprema lex esto»? – вежливо поинтересовался Альбионыч, вкладывая в его длань купюру.

– Они, они, царица лесная, – подтвердил охранник. – «Благо народа, мол, высший закон, чуваки!»

Курманбаев с совершенно обалделым видом молча взял деньги и поплёлся на поклон к Калиме.

Сколько лет, сколько зим,
как сгоняли в магазин…

– No pasaran, яйчики-бабайчики? – поглядев вслед дамской *корме* педагога, подмигнул Полтавцеву Володя.

– Ещё какой пасаран! – тут же ответил Серёжа.

Почешу-ка я балду,
раз за пивом не иду!

Здесь Альбионыч поглядел на свою пустую руку, в которой вот только что была зажата крупная купюра, а теперь её не было.

– Талгат, – обратился он к военному музыканту, так как решил выяснить степень его готовности к сегодняшней жизни. – Вот что ты думаешь о деньгах?

– А чего о них думать! – тут же встрял умный сторож. – Пропить их, проклятых, и всё!

– И всё же я жду ответа именно от нашего трубочиста… тьфу, трубача!

Прапорщик сел прямее, чем до этого, но тут же завалился обратно, и все поняли, что ответа на такой сложный вопрос они не дождутся.

– Сам скажи, – как-то по-древнеримски[90] попросил Полтавцев.

[90] ***Et dic – лат.***

– Хорошо, – не стал чиниться писатель. – Я знаю, что в стране есть деньги, много денег. Известно мне также, что в этой стране живу я, вот только не знаю, почему эти две величины – деньги и я – как-то странно не совпадают. И думаю, что это происходит только по одной координате – например, мы не совпадаем по времени. Или в пространстве – то ли магазина, то ли моего кармана…

Раньше деньги так хрустели,
аж карман трещал по шву,
нынче ж в разных параллелях
с кошельком своим живу!

Все знали, что педагог, посланный в магазин, но полный ленинских идей, мог задуматься о чём-нибудь, причём, надолго. Знал об этом и Альбионыч, и потому решил или провести небольшую лекцию на пивную тему, или рассказать какую-нибудь поучительную историю, коих знал во множестве.

– Пиво для игрока, – для разгона начал он, – как известно из книги одного марсианского писателя (из врождённой скромности не буду называть его великую фамилию)… да, так вот, из книги «Происхождение человекообразных покеровидных на Земле» нам известно, что пиво – это второе после воздуха вещество, необходимое для поддержания жизни.

– Йодистый «Маршал», а закуска?! – возмущённо заорал Батыршин, хотя закуской этой пользовался крайне редко, а если пользовался, то всегда сожалел, что потратил деньги зря.

– А закуска, соответственно, третье! – не стал спорить Володя. – И только благодаря этой великой триаде человек, где бы он ни жил на планете, имеет возможность, например, писать книги, сторожить магазины, служить в армии и даже работать педагогом в еврейском колледже, не говоря уже о таком простом умении, как малевать картинки разной степени стоимости!

В это время педагог вернулся с тревожной новостью: оказалось, что пиво неожиданно закончилось, но предприимчивая владелица лавки Калима, зная, что именно покерный коллектив делает ей чуть ли не половину дневной выручки, тут же позвонила на отцеябловские пивзаводы №№ 1 и 2 и, по её словам, «машина с пивом уже мчалась в магазин на всех парусах!». Все поклонники *русской кочерги* в Бермудском Учпучмаке тут же представили алые паруса пиводоставляльных машин, и, действиительно, им стало как-то легче.

Будем пить мы без подставы
и о жизни говорить:
едет пиво в трёх составах –
наши гло́тки ублажить!

– Ну, что ж, – не стал расстраиваться Альбионыч. – Это ли не ещё одно проявление великого Случая, позволившего именно сейчас рассказать вам несколько

историй на древнегреческую тему?

– Ёкарный Гиперион, почему на древнегреческую? – обалдел прапорщик.

– Да-да, а почему не на древнеримскую, например? – тонко улыбнулся педагог, почувствовавший, что вот и выдался момент как-то прижать логикой зарвавшегося писателя.

– Да потому, Нуртай, что историю о марафонских забегах придумали вовсе не римляне, как ты смело предположил, а именно древние эллины.

– Мать моя партия, какие забеги? – заорал Курманбаев.

Глава 71. ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИЕ СТРАСТИ

– Как я уже только что сказал, марафонские забеги придумали древние эллины. И не случайно! Не скажу точно, как это у них получилось: то ли они с кем-то подрались, то ли наоборот[91]. Но точно одно, что после победы над врагами эти древние греки такую гулянку устроили, что вылакали абсолютно все запасы алкоголя, имеющиеся в наличие у маркитанток!

[91] Не надо вот этих то ли! Речь идёт об одном из крупнейших сухопутных сражений греко-персидских войн, состоявшееся 12 сентября 490 года до нашей эры неподалёку от греческого города Марафон, где персидская армия потерпела сокрушительное поражение – прим. ист. редактора

«Смотри-ка, прямо как у нас в конце дня!», подумал Салихдзяныч.

«Смотри-ка, прямо как у нас в конце дня!», подумал Афанасьич.

«Смотри-ка, прямо как у нас в конце дня!», подумал Мусаич.

«Смотри-ка, прямо как у нас в конце дня!», подумал Николаич.

– А утром, – продолжил рассказ Альбионыч, – они, как водится, проснулись и ужаснулись. Да и немудрено: гóловы с похмелья трещат, а выпить нечего!

– Царица лесная, вот бедолаги! – пожалел древних людей сторож.

– Яйчики-бабайчики, именно бедолаги! Но, чтобы не помереть окончательно, они, как и водится в приличном обществе, скинулись по одной монетке.

– Йодистые бабки, да разве ж на одну монетку похмелишься? – со знанием дела вопросил военный трубач.

– У нас нет, а вот у них, где монетки были сделаны из электра[92], вполне! – авторитетно заверил рассказчик. А назывались эти электровые монетки *статеры*, что, как хорошо известно нашему другу Полтавцеву, означает *коромысло весов*.

[92] Сплав золота и серебра – прим. хим. редактора

Охранник тут же выхватил из котомки знаменитую на весь Бермудский Учпучмак заветную книжечку «Для му.мы.» и торопливо записал, чтобы не забыть главное: «Дураки были эти древние греки: расплачивались за бухло стартерами из драгметаллов, а в наших машинах эти стартеры сплошь из железа! Правда, согласится ли Калима дать пару пивка за один наш стартер, ещё неизвестно...»

– Да, так вот: скинулись они по *статеру* и послали гонца в ближайший ларёк за «Древнегреческим Тянь-Шанем». Но, как назло, кто-то из греческих богов (так раньше президенты назывались) в это время устроил борьбу с торговыми точками на остановках и вообще в культурных местах, посносив к *иблисовой* матери все

ларьки. Вот несчастному гонцу и пришлось плюхать до ближайшего работающего в это время магазина.

– Эх, мать честна́я, не повезло пацанам, – почесал затылок охранник.

– К тому же, не забывайте, что плюхать ему было крайне неудобно, ведь в те дикие времена они все поголовно ходили в тогах.

– Чего? – очнулся художник.

– У Полтавцева спроси, – отмахнулся писатель. – Серёжа, знаешь, что это такое?

– Да что же я, тогу вашу не знаю, что ли? – обиделся Серёжа. – Это же простыни были такие древнегреческие. Их древние греки на себе носили, потому что ночевали где попало!

Не поможет даже йога
(вот те крест, я не совру!):
завернусь я ночью в тогу –
не замёрзнуть бы к утру!

– В принципе правильно. Хотя некоторые и говорят, что в Греции есть всё, но не забывайте, что это была Древняя Греция, а именно в эту историческую эпоху с торговлей спиртным в Элладе были перебои. Ну, посудите сами, разве это дело, когда мужику, чтобы опохмелиться, приходится идти аж за сорок с лишним километров?

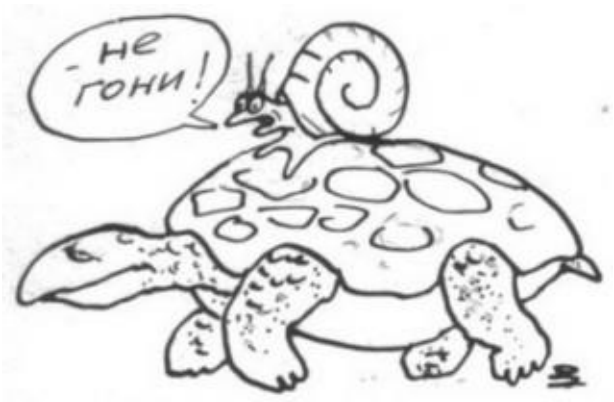
– Ёперное похмелье, сорок?! – ахнул Батыршин. – Так же и сдохнуть можно!

– Если быть точнее, то даже 42 километра 195 метров!

Военный ахнул ещё сильнее.

– Разделяя ужас нашего товарища, скажу только одно: я бы, например, в таком состоянии и ста метров не прошёл! Но гонец, видимо, очень сильно хотел выпить, а также угостить друзей и начальников, вот и ковылял потихонечку, пока до торговой точки не добрался. Понятное дело, возвращаться домой он не стал – и так устал в дороге! – зато напился сам и стал вовсю гусарить, то есть на общевойсковые *статеры* весь городок напоил. Окрестные жители, ранее таких щедрот не видевшие, от счастья совершенно ошалели, после чего и решили ежегодно в честь такого события праздники устраивать, то есть выбирали одного *добровольца*, поили его до потери пульса, а утром гоняли вокруг городка, пока он те самые 42 километра с гаком на спидометр не наматывал!

– Святой Малевич, это ж надо! – проникся древнегреческими страстями Валера и даже нарисовал веточкой в пыли у себя под ногами какой-то древнегреческий рисунок, видимо, изображающий двух бегунов разных весовых категорий:



– А назывался этот городок Марафон – небольшое такое поселение близ Аттики, у подножия Пенделикона[93]. Вот такая история, други мои…

Чуть быстрей, чем ход телеги,
он бежал в аэропорт:
марафонец долго бегал –
и котурны[94] все протёр!

[93] Гора в Греции высотой 1109 метров – прим. геогр. редактора
[94] Высокие открытые сапоги из мягкой кожи на высокой подошве. Не путать с патенами и чопинами! – прим. ист. редактора

Серёжа было вознамерился спросить, что такое этот неведомый Пидарикон, но постеснялся неприличного слова и промолчал, а вот автор не постеснялся и отослал тебя, читатель, к сноске чуть выше этой строки.

Рассказанная история так впечатлила Афанасьича, что он порадовался тому, что не успел спрятать в котомку свою великую книжечку «Для му.мы.», а открыл её на чистой страничке и записал: «Марафонская дистанция в 42 километра 195 метров – это по-другому 42195 метров. Если бы мы ходили за пивом в магазинчик Калимы, предположим, 7 раз в день, то на то, чтобы покрыть всю дистанцию, нам бы потребовалось сходить всего-навсего 959 раз! А это значит, что на это у нас ушло бы 137 дней, или какая-то треть года. Какое счастье, что мы живём не в Древней Греции, а в Саксаулии, где ходьба за таким нужным гражданам пивом не считается большим спортивным достижением!».

Вот тебе, мой дорогой читатель, и ещё одно достоинство этого великого романа: об этой научной записи не узнал ни один из наших героев, включая гуру Кулемзина, а ты теперь знаешь!

Глава 72. ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИЕ СТРАСТИ (окончание)

– Кстати, древние греки вообще большие выдумщики были, – просвещал коллектив эрудированный писатель. – Представляете, у них даже богиня *мокрух* была. Звали её Энюо, и она занималась тем, что *уськала* людей на *мочилово*.

– Мать моя партия, ничего не понимаю, – поджал тонкие губки педагог.

– А чего тут понимать? – объяснил ему сторож. – Согласно приложению к Уголовному кодексу Республики Саксаулия № 14/66 от 12 октября 2000 года, мокруха, равно как и мочилово – это убийство.

– А ты… как это… откуда это… – замемекал Курманбаев.

– Так прессу читать надо, царица лесная, – опозорил его перед коллективом Полтавцев.

– Кстати, эта Энюо была помощницей самогó Ареса Зевсовича – бога войны.

«А вот это надо записать», подумал Полтавцев, но пока он доставал заветную книжечку «Для му.мы.», все древнегреческие имена и отчества растаяли, как сосулька на северной стороне дóма в начале апреля.

– Яйчики-бабайчики, так мне продолжать? – поинтересовался рассказчик.

– Святой Малевич, конечно, Володя, очень интересно, – вставил свою полушку[95] и художник.

[95] Монета в половину копейной деньги́, или 1/100 рубля – прим. фин. редактора

– Но самое смешное, что была у них и богиня специально для стукачей! – продолжил лекцию Альбионыч, внимательно посмотрев при этом на Нуртая.

– Ну, это уж ты загнул, – засомневался военный корнет-а-пистонист.

– Ничуть, – парировал гуру. – Звали её ещё смешнее, чем Энюо, а именно Дикэ Зевсовна. Подбивала, сволочь такая, древнегреческих людишек на постукивание, да и сама, кстати, стучала Зевсу Кроносовичу на тех, кто не соблюдает законы[96], так как являлась ему родной дочкой. А папаша уже, не разбираясь, кто прав, кто виноват, сразу же названных отоваривал молнией по тыкве. Правда, сами людишки, чтобы не было слишком позорно терпеть от неё такое, называли эту Дикэ богиней правды.

[96] Хорош пахан всех богов, который сам всего не знает! Хотя, по слухам, этот Зевс был довольно старенький дедушка – прим. автора

– Да, суровое время было, – запечалился Валера. – Хорошо, что сейчас не такое.

Мысль свою нельзя купить
в жизни магазине:
чтобы правду говорить,
не нужны богини…

Третья подряд околодревнегреческая история случилась сейчас же. В момент произнесения этих слов живописцем взгляд Полтавцева упал на вывеску, висевшую на фасаде дома № 17, – как раз между двумя окнами писательской квартиры. Хотя долгая эра предпринимательской деятельности нашего героя давно закончилась, снять ненужную вывеску не то что бы не было времени, а как-то просто лень. Вот такая она, мой читатель, любуйся:

– Слушай, Володя, – разглядывая вывеску, заявил сторож, – мне как-то не нравится название твоей фирмы. Что это за «Альбион» такой? Сейчас как только не обзываются!

– Мать моя партия, а я согласен с моим другом Сергеем, – подскочил и Нуртай. – Нет, чтобы как-то попроще, по-нашему, по-советски, – «Знамя родного Ильича» или «Светлый путь к коммунизму» какой-нибудь.

Прапорщик, услышав знакомые с детства названия, тут же метнулся к кусты, чтобы отдать очередной долг родине.

– А я вот на днях вообще неприличное название слышал, – просветил коллектив Муравлёв. – Иду мимо ломбарда, а на нём вывеска: «Мидарáс» какой-то!

– Может, всё-таки «Мидáс»? – засмеялся Альбионыч. – Так звали древнегреческого царя из мифа. Всё, к чему он прикасался, тут же превращалось в золото.

– Какая хорошая патология! – жадно раздувая ноздри, включился в разговор вернувшийся из краткосрочной командировки старший прапорщик Батыршин. – Ёперное золотишко, мне бы такое на денёк-другой, я бы *приподнялся*!

«Глядь, как славно сохранился:
руки-ноги словно шёлк!»
«На толстухе он женился –
центнер золота нашёл!»

Глава 73. ПО ПИВКУ, ТОВАРИЩИ? (продолжение)

После нескольких рассказанных историй гло́тка Кулемзина совсем превратилась в наждак, тем более, что время приближалось к полудню, а, значит, проклятое светило остановилось как раз над головами игроков, посылая свои губительные лучи прямо в их *родимчики*. Добавляло паскудности в ясный летний денёк и поведение комаров, которые нападали со всех сторон, как птицы в одноимённом хичкоковском триллере[97].

[97] *Фильм Альфреда Джозефовича Хичкока «Птицы» (1963) – прим. кинередактора*

И в этот момент раздался мощный автомобильный гудок. Все вздрогнули, а потом прокричали пятикратное *ура*! На площадку перед магазинчиком Калимы тяжело въехал гружёный ящиками КамАЗ модели 65115. Володя вспомнил, что грузоподъёмность такого монстра была 15 тонн – если перевозить песок. А вот если пива, то… в общем, на сегодня хватит! Писатель тут же нажал несколько кнопочек на своём мобильнике, вызвав на экранчик калькулятор, и подсчитал, что общее сопокерное счастье сейчас даже превысило счастье трёх колонн первомайской демонстрации трудящихся 1970 года в Отцеябловске, когда *всем миром* отмечали 100-летие Ильича I.

Не забуду этот день я
(вспоминаю – и стону):
век прошёл с того рожденья,
что расстроило страну!

Солнце, как бы подтверждая его мысли о пиве, в этот миг на что-то разозлилось, после чего начало жарить с удвоенной энергией, как бы намекая на сельпо, которое манило наших игроков также, как некогда царя Итаки Одиссея Лаэртовича манили бесстыжие древнегреческие нимфы («Опять древнегреческие!», подумал писатель).

Нуртай повторно сорвался с места, побежал, потом вернулся, тяжело дыша, и наконец, схватив серёжину котомку, снова побежал, после чего скрылся в магазинном чреве. Все заёрзали на покерной скамеечке и тревожно переглянулись.

– А ведь он не скоро придёт, – тоскливо промолвил Володя.

– Мать честна́я, почему? – также тоскливо откликнулся Полтавцев.

– Да потому что эти *иблисы* минут десять, не меньше, будут разгружаться!

– Да уж! – неохотно подтвердил и художник Муравлёв.

– Ладно, – принял решение писатель. – Не будем терять драгоценного времени, ведь даже пустые десять минут могут стать десятью минутами образования, которого так не хватает всем вам, находящимся в крайне преклонном возрасте!

– Почему это в преклонном? – заартачился военный музыкант. – Я, если ты хочешь знать, ещё в каком-то смысле довольно молодой человек, и даже могу домой сбегать – паспорт показать…

– Не надо, старичок, я тебе верю, – остановил его порыв писатель. – Думаю, что твоё воинское звание подтверждает твой возраст – будь тебе лет 100, ты наверное, был бы уже младшим лейтенантом!

– Володя, а как же что-то рассказать? – подёргал его за рукав Валера, интуитивно, творческой чуйкой почуяв настроение коллектива. – Ты вот в первом томе ещё говорил[98], что тебе твой муз Вася Курочкин надиктовывает какие-то сказки…

[98] Это действительно так. В главе 357 первого тома «Русской кочерги» можно найти такие строки: «Почитать на ночь сказку – вот в чем тригонометрия!», решил писатель, но тут вспомнил, что сказок в его доме отродясь не водилось, кроме тех нескольких сотен, которые ему время от времени надиктовывал неутомимый муз Вася Курочкин – из цикла «Сказки III миллениума» – прим. гл. редактора

«Ёкарный Малевич, гляди-ка, и у этого от жары крыша поехала», подумал Батыршин, с жалостью глядя на художника. «Какой-то первый том придумал…»

– А ведь точно! – Альбионыч с благодарностью пожал руку Муравлёву и приступил к рассказу, вернее, к сказкам. Так как все они были короткими, то он решил, что расскажет их не меньше десятка – пока вернётся Курманбаев.

Глава 74. СКАЗКИ III МИЛЛЕНИУМА (Первый блок)

1

Идёт Иванушка по лесу и видит, что стоит избушка на курьих ножках. И говорит ей Иван:

– Избушка-избушка, повернись-ка к лесу передом, ко мне задом!

И отвечает избушка:

– Может, тебе ещё «Голубую луну» спеть?

2

Стоит на горé Мальчиш-Кибальчиш, машет красным флагом и кричит:

– Измена! Измена!

А под горой сидит Мальчиш-Плохиш с банкой варенья, корзиной печенья и думает: «Странная эта штука – анаша. Одних на хавчик пробивает, других на измену»

3

Испекла бабка Колобок. Выкатился он из печки, сказал «How do you do?» и покатился дальше.

– С чего бы это, старая? – спрашивает дед.

– Сама не знаю, наверное, пшеница попалась канадская…

4

– Сивка-Бурка, вещий каурка, встань передо мной, как лист перед травой!

– Иван, вы бы поконкретнее выражались, как вставать, а то у нас, лошадей, ассоциативный ряд-то послабее…

5

– А где сегодня Пятачок? – поинтересовался Ослик Иа.

– Да загулял где-то, наверное, – ответил Винни-Пух, аккуратно нарезая сало.

6

Крот одевал свою жену Дюймовочку не скупясь, от всей широкой души – в бархат и шелка́. Найдёт, бывало, бутылочку из-под пива «Тянь-Шань», сдаст её и накупит сантиметра полтора-два бархата, а то и целый дюйм[99] шёлка!

[99] *2,54 см – прим. матем. редактора*

7

И подошли евреи к Красному морю, и протянул Моисей руку, и разошлись воды морские, и сказал Моисей:

– Охренеть!

8

Приятно была удивлена Василиса Прекрасная, когда узнала, что у Змея Горыныча не только три головы, но и…

9

Как жаль Карлсона! Если бы он ел не варенье с тортами, а горох с фасолью, то мог бы летать исключительно на реактивной тяге!

10

Построил Ной ковчег, и взошли на него он сам и семья его, и слуги, и рабы его. И взял он с собой птиц небесных и гадов, и каждой твари по харе… тьфу, то есть по паре. И разверзлись хляби небесные, и погибло всё живое на земле.

И выпустил Ной голубя, и вернулся голубь с ветвью оливы в клюве. И понял Ной, что *дедушка* смилостивился в сердце своём, и открылась ему суша.

И пристал ковчег к горе Арарат, и стал Ной выпускать животных и птиц, и увидел он людей, бегущих к нему, и машущих руками. И кричали ему люди:

– Вай, ара! Цирк приехал!

Знают даже остолопы
с тухлой печенью больной:
рад всемирному потопу
был один, конечно, Ной!

Глава 75. ПО ПИВКУ, ТОВАРИЩИ? (окончание)

К этому времени появился Нуртай, причём, обставил своё возвращение в стиле оптимистической трагедии: оптимистической – потому что пиво он всё-таки принёс, а трагедии – потому что показал, как же это было ему трудно, но он, как истинный коммунист, преодолел все трудности ради родного коллектива. При этом он держал пакет с бутылочками обеими руками и прижимал его так, как будто принёс неблагодарному коллективу бабушкино наследство в хрупкой шкатулке. Хорошо, что его пантомима оказалась непонятной Батыршину, иначе кустики за покерным столиком вновь бы почувствовали пристальное внимание к себе со стороны его измученного желудка.

– Вот, мать моя партия, доставил, – скупо доложил педагог.

– Курьерская доставка «Быстрее ветра»? – иронично осведомился Альбионыч. – Яйчики-бабайчики, а сдача осталась?

Сдачу Курманбаев возвращал с такой трагической миной, что Володя поневоле чувствовал себя грабителем нищего инвалида. От осознания того, что мелочь, которая мысленно уже обжила его родной карман, всё-таки пришлось отдать, Мусаич вспотел. Капли пота потекли на во́рот его рубашки, её ткань на глазах почернела и набухла от этой секреторной влаги, будто её поливали из кувшина. Такие же тяжёлые капли начали срываться с носа и подбородка, чётко щёлкая о покерный столик.

– Чего это ты так распереживался? – спросил Кулемзин. – Неужто из-за денег?

– Да что ты, Володя, конечно, нет, – привычно соврал Нуртай, – это же из-за жары. Вот тебе самому́ неужели совсем не жарко?

– Есть маленько, – прямо ответил философ. – Просто у меня всё отрегулировано: хребет стальной, а в аорте я поставил такой небольшой клапан, который сейчас гонит кровь только туда, куда надо.

Вам скажу без политеса
о могучем волшебстве:
регулирует процессы
только пиво в голове!

Потом он звонко открыл бутылочку и добавил:

– Ну, и, конечно, немаловажную роль играет моя потрясающая система охлаждения головного мозга!

Но автор – человек, безусловно, честный, и, даже хорошо относясь к одному из своих главных героев, вынужден сказать, что после нескольких бутылочек «Тянь-Шаня» писатель становился похожим на некий бурдюк, который тщетно пытался прикинуться человеком. Отхлебнув несколько глотков, Альбионыч довольно погладил глобус брюха, подумав при этом, что пора бы немного похудеть.

– Не расстраивайся, мать моя партия, – произнёс Нуртай. – Ешь гербалайф…

На что тут же получил ответ:

– Сам ешь. Что я тебе, мерин, комбикорм жевать?

Он посмотрел на вкушающего потеплевшее «Жигулёвское» Полтавцева и содрогнулся, вспомнив, что́ именно о таком напитке писал в своём первом томе знаменитого словаря Владимир Иванович Даль:

«БРАНДАХЛЫСТЪ, брындахлёстъ, (нем. Brantwein), жидкое пиво; дурное, безвкусное и жидкое хмельное питье; разсыропленая, слабая или горелая сивуха»[100]

Разсыропленая сивуха – как вам?!

[100] «Толковый словарь живаго великорускаго языка», Изданіе книгопродавца-типографа М. О. Вольфа, СПб, 1880, том I, стр. 123

– Володя, ну и как тебе «Жигулёвское»? – поинтересовался сторож, с шумом прихлёбывая из тёмной бутылочки.

– Вообще-то говоря, это дело хозяйское, – ответил писатель, – но в данном случае зависящее только от одного фактора – порога брезгливости.

– Серёжа, – с каким-то анатомическим интересом посмотрел на Афанасьича и Муравлёв. – Святой Малевич, как ты можешь пить такую гадость?

После этих слов на любителя советского напитка посмотрели уже все. Афанасьич молча прихлёбывал пиво, поэтому на его защиту встал Альбионыч..

– Кто советское бочковое (б) пил, тому и смерть не страшна! – объяснил писатель и потрепал охранника по плечу, как бы выражая ему всенародную поддержку.

Не скучали мы по вере,
что кругом одна вода:
кто пил пиво в СССРе,
будет вечно жить всегда!

Трепание неожиданно вышло слишком сильным, в результате чего зубы Серёжи глухо стукнули о бутылочное горлышко, а несколько капель пролились на его маечку с изображением какого-то домашнего животного. Изображённое животное, видимо, всё-таки родилось на майке чистым, но от крайне нечастых стирок со временем превратилось в неведому зверушку. После этого незначительного происшествия сторож уже было вознамерился возбудиться, но на помощь и здесь пришли нехитрые марсианские технологии Володи. Он быстро успокоил возбуждённого, радуясь, что на этот раз Афанасьичу не достанется пару уколов галоперидола с серой, коим так любили потчевать в психушках советских диссидентов (б).

Жара к тому времени стала такой невыносимой, что Курманбаев вдруг поз-волил себе то, что никогда раньше не позволял – расстегнул рубашку на целых четыре пуговицы, после чего поражённые сопокерники увидели в распахнутом вороте татуировку! Ближе всех к педагогу сидел Батыршин, который и опознал в зеленоватой картинке художественный барельеф с изображением Маркса, Энгельса и Ленина. Кулемзин же сидел несколько дальше, поэтому прищурился и попытался идентифицировать *троицу* по-своему:

– Нуртай, что это там у тебя? Яйчики-бабайчики, неужели ты, неприступный большевик, докатился до того, что решил зафиксировать Змея Горыныча, фотографирующегося на американскую «Green card»[101]?!

[101] «Зелёная карта» – удостоверение личности или идентификационная карта, подтверждающая наличие вида на жительство у человека, не являющегося гражданином США, но постоянно проживающего на его территории – прим. полит. редактора

Педагог поспешно запахнул рубашку и сиплым голосом произнёс, поглядывая при этом почему-то на сторожа:

– Серёжа, это тебе просто показалось!

Пора было начинать новую партию, но как же было хорошо сидеть под сенью карагачей, попивать пивко и не думать о том, что кто-то страшно крикнет под ухом: «По мизе́рам!».

– Володя, йодистый ватман, а ты придумать лозунг для нашего мероприятия можешь? – неожиданно поинтересовался прапорщик.

– Разумеется! Валера, запиши, а завтра с утра изготовь вот такой плакат и принеси его для повески над нашим покерным столиком:

Лучше выпить пива литр,
чем не выпить пива литр!

Здесь неугомонный военный сделал последнюю попытку отсрочить игру:

– Слушай, Володя, а у тебя голова от пива не болит? – наклонившись к плечу товарища, спросил он. Писателю тут же пришли в голову не менее чем три достой-

ных ответа, но из-за жары говорить много было лень, и поэтому он нашёл ответ четвёртый – покороче:

– Болит.

Утверждал художник Водкин
(тот Петров, что выпил литр):
«Голова болит от водки,
а от пива не болит!»

Глава 76. НИТЬ АРИАДНЫ

– Володя, – неожиданно раздался зычный голос из-за спины писателя, да так, что он вздрогнул и вместо намеченной дамы пикей пошёл червовым валетом. Затем обернулся и укоризненно посмотрел на обладателя баса. Это была медсестра Ариадна Сергеевна Покровская, соседка Кулемзина, проживающая прямо над его квартирой, но только на третьем этаже. Почему она не появилась в первом томе нашей «Русской кочерги», знает только автор, но почему-то не спешит открыть эту волнующую читателя тайну. Может, съел с утра что-то не то, а, может, просто открылся застарелый склероз, не позволяющий вспомнить ни одной рифмы на слово *презумпция*.

Итак, в квартире № 12 до́ма, где жил Альбионыч, проживала странная семья, которую писатель по природной привычке замечать нюансы, называл *синдромом матрёшки*. Ариадна Сергеевна проживала там с мамой и бабушкой – то есть без всяких посторонних мужиков. А лет семь назад, так же без ненужных оформлений, родила себе двух детей, тоже, естественно, женского пола. Ну чем не матрёшка! Была она в той поре, которую Кулемзин называл *периодом поздней юности*, то есть от тридцати до сорока лет. Сложением соседка отличалась непропорциональным, все детали в ней были словно сняты с других людей: грудь несоизмеримо больше плеч, голова маленькая и какая-то приплюснутая, зато нос выдающийся, словно клюв у вороны, и ноги большие, мясистые, а бройлерные бёдра, напротив, узкие, и только попка была как резиновая грелка без воды. Тем не менее, была в ней какая-то извращённая сексапильность, которая с первого взгляда как-то не наблюдалась, а вот со второго и третьего проявлялась всё больше.

Это дело не люблю,
хоть бы и с монашками:
я с красивыми не сплю,
а не то что с страшными!

– Яйчики-бабайчики, что-то хотели, Ариадна Сергеевна? – вежливо поинтересовался Альбионыч.

– Зашёл бы как-нибудь по-соседски, – плотоядно облизнула губы Покровская, кокетливо поводя вареньевыми глазами. – А то сколько лет рядом живём, а всё…

Видя, что и на этот раз ей не удастся уговорить толстого писателя, она обиженно надула губки и даже не ответила на вопрос Батыршина, спросившего, видимо, под впечатлением цитаты из советского (б) фильма «Новые приключения неуловимых»: «Может, и я на что сгожусь?», после чего отбыла восвояси.

– Святой Малевич, чего это она? – испугался Муравлёв, до этого никогда не видевший медсестру.

– Да ты её не бойся, – успокоил его Полтавцев. – Она, царица лесная, конечно, прибить слёту может – это точно, да ей одна штука не даёт!

– Какая? – с дрожью в голосе спросил живописец, вспомнив *свою*.

– Так они, медики эти, все садисты по натуре! – объяснил сторож. – Их поэтому, когда учат людей по животу *лафитом* резать, заставляют специальную клятву принимать.

– Клятву юного медработника? – иронично поинтересовался педагог.

– Эх ты, деревня! – пожалел несведущего Афанасьич. – Клятву Герострата!

Слышал у военкомата
я такую вот байду:
«Примем клятву Герострата –
и сожжём сейчас Москву!»

Раз в неделю Володина соседка устраивала постирушки, а потом долго-долго развешивала на территории Бермудского Учпучмака бельё, не стесняясь отдавать на поругание нескромным взглядам даже самое нижнее. Сама же Ариадна Сергеевна в этот момент была в весьма коротком белом халатике с небольшой чёрной вышивкой, по которой её сразу можно было идентифицировать именно как медработника. Вышивка была вот такая:

Впервые увидев этот старинный рисунок, Альбионыч сразу же вспомнил свой юношеский стишок, о которой он сегодня вспоминал всё охотнее:

Я долго медицинскую эмблему
расшифровать пытался так и сяк,
и, наконец, решил сию проблему:
хитёр, как змей, и выпить не дурак!

И, действительно, Ариадна Сергеевна была медсестрой в военном госпитале Отцеябловска, обладала весьма внушительными размерами, да так, что была невероятно раздута в области… м-м-м… скажем, плодоносительного потенциала. По причине незамужества отличался этот неликвид брачного рынка и ещё одной особенностью, что, впрочем, совсем не редкость в наше *испорченное* время: её любвеобильность просто-таки зашкаливала!

Закон имея естества,
она хотела сватовства!

В свободное от медсестринских обязанностей время Ариадна Сергеевна весело проводила минутки с молодыми неженатыми врачами, пожилыми женатыми врачами, медбратьями и санитарами всех возрастов, а также молоденькими солдатиками, которым посчастливилось или получить ранение на учениях, или случайно прострелить ногу при чистке оружия, или ещё каким способом откосить от армии на пару-тройку недель. Итогом развлечений за восемь лет беспорочной службы стало 19 предложений неких частей организма, а именно рук и сердец, кои она отвергла по разным причинам, а также двое девочек-близняшек по имени Таня и Таня.

«Как же так, яйчики-бабайчики?!», воскликнет поражённый читатель. «Не бывает, мол, таких чудес, ведь и в России, и в Саксаулии загсы регистрируют младенцев строго по Кодексу о семье и браке этих братских республик!». Но наш искушённый читатель, который и сам проживает в этих республиках, точно знает, что если сильно захотеть, то любой закон можно объехать даже на кривой кобыле. Точно также при помощи этого приболевшего домашнего животного поступила и наша медсестра, найдя свою собственную нить Ариадны.

А дело было так: перед тем, как Покровская родила, она вычислила, что наиболее частые свидания в последнее время у неё были с двумя новыми бугаями-санитарами, которых звали Игорь и Олег. Причём, в момент свидания она усердно спаивала своих *ловеров*[102] заначенным спиртом, после чего выясняла, какое женское имя нравится им больше всего. К её удивлению, оба бугая ответили, что Таня. Совпадение, конечно, Случай, конечно, но именно он, по утверждению автора этой книги, и руководит не только нашей жизнью, но даже и всею Вселенной!

[102] От англ. lover - любовник

Знает даже зверь барсучий,
что кроту совсем не друг:
обозначит карму Случай,
что случайно всё вокруг!

И вот когда встал вопрос, кого из любовников *назначить* отцом близняшек, Ариадна придумала поистине иезуитский для саксаульского загса ход. На вопрос регистраторши, как мадам желает назвать девочек, Сергеевна, ничуть не смущаясь, ответила, что Таня и Таня. «Так нельзя!», завопила регистраторша, тыча ей в круглое, как луна, лицо книжку с Кодексом о семье и браке. «Так девочки-то от разных отцов!», ответила гениальная медсестра. «Поэтому одна из них Татьяна Игоревна, а другая – Татьяна Олеговна!»

Жизнь не сахар и не мёд –
никто замуж не берёт!

Регистраторша немедленно выпала в осадок, но соответствующий документ всё же выдала. С тех пор девочки росли под присмотром единственного родителя, вернее, родительницы, которая, когда они пошли в школу, даже занималась с ними уроками, правда, выглядела при этом как политик – ни хрена не знаю, но лицо делаю умное.

Соседки Ариадны Сергеевны активно осуждали её, а некоторые из них, видимо, обладающие пророческим даром, даже предрекали медсестре попадание после жизни в ад. Марсианин, слыша такие пророчества, смеялся про себя, ведь он точно знал, что врачи, завершив свой жизненный путь, попадают не в рай и не в ад, а заходят на небесах в маленькую калиточку, на которой висит табличка:

Для поставщиков!

В эту минуту медсестра появилась на балконе и прокричала в летнюю жару:

– Таня, домой!

Причём, было совершенно удивительно, что домой явилась именно та Таня, которую она звала. Для обитателей всех соседских домов это чудо было похлеще того, чему стал свидетелем отец Серафим из церкви святого Никодима в деревне Кизот, когда вразумлял некую деревенскую колдунью – так вот, во время вразумленья, когда нечестивица осмелилась приблизиться к иконе так называемого Спасителя (видимо, какой-то важный чин из МЧС), этот персонаж прямо с иконы залепил ей звучную пощёчину!

Позже Володя, чтобы самому́ не путаться с вежливыми близняшками, которые здоровались с ним по нескольку раз на дню, придумал называть их Тип-Топ (Татьяна Игоревна Покровская и Татьяна Олеговна Покровская), и даже подарил им практически неотличимые маечки, где совсем незаметно выделялись размером именно средние буковки *и* и *о*. Так в лице писателя бедные девочки потеряли собственные имена и различались Альбионычем только по их нехорошим папашам!

Мы с сестрёнкой всем на радость
безотцовщиной растём,
а папашки только градус
повышают озорством!

Глава 77. БИТВА ДНЁМ И НОЧЬЮ!

Уже из первого тома великой «Русской кочерги» наш читатель сделал вывод, что человек никогда не знает наперёд, чем могут закончиться те или иные события в его жизни. Случившееся с тобой происшествие может показаться поначалу совсем незначительным, а потом оно разрастается, и оказывается, что вся твоя, казалось бы, стабильная жизнь переменилась благодаря ему. Но может быть и наоборот: обнаруживается, что всё это были сущие пустяки. Да и мало ли бывает странностей и неожиданных поворотов в нашей жизни. Мы часто глубокомысленно повторяем знаменитую гамлетовскую фразу

«Есть многое на свете, друг Горацио,
что и не снилось нашим папарацци…»

, и чаще всего даже не задумываемся о том, насколько это верные слова, и до какой степени они могут относиться к нашей жизни. Часто повторял эту фразу во время игры и Кулемзин, так как единственный из присутствующих знал, о ком или о чём в ней идёт речь. А речь в ней шла всё о том же великом Случае, который заставлял делать руками те движения, в результате которых та или иная часть покерной колоды оказывалась перед каждым из игроков.

Был успех почти возможен,
да играл не генерал –
карты розданы! И что же?
Снова малый проиграл…

«Случай, яйчики-бабайчики», утверждал он, «только великий Случай (да ещё интуиция, которая, впрочем, тоже является, *частным случаем Случая*), даёт нам совершенно одинаковые шансы как на победу, так и на поражение. «Мой приятель из Америки», обычно добавлял Альбионыч при спорах, «некий писатель-фантаст Теодор Эдвардович Старджон как-то признался при нашем неформальном общении, что вообще 90 процентов чего угодно – это дерьмо! Впрочем, потом добавил он, это относится и к оставшимся 10 процентам…». И это истина, которую невозможно отыскать ни в одном учебнике марксистско-ленинской философии бытия!

Первые девять робберов, или треть всей партии, были как бы накоплением первоначального капитала, и игроки не особенно старались играть их качественно, самодовольно рассчитывая, что время ещё есть, до конца далеко, а там или кривая вывезет, или авось поможет. Володя же знал, что стараться в *русскую кочергу* надо буквально с первого *тёмного* роббера, когда перед игроками лежало всего по одной карте, но смотреть их было нельзя, а заказы делать вслепую. Поэтому не удивительно, что то один, то другой соперник проигрывали *тёмную* взятку, а на *тёмной*, как читателю уже хорошо известно из главы 36 первого тома «Русской кочерги», взятки и выигранные, и проигранные удваивались. Чаще всего минус 50 очков с самого начала получал сторож Полтавцев, для которого то, как именно Альбионыч умудряется вычислять масть следующего хода, было недоступной тайной, подобной устройству конфет-*подушечек* с мягкой карамельной начинкой.

– У тебя много проколов в игре, старик, – сетовал в таких случаях марсианин. – Но есть одно, пожалуй, главное, которое мешает тебе больше всего.

– Мать честна́я, какое же? – заносчиво интересовался Афанасьич.

– Гнать так называемое количество в ущерб так называемому качеству.

«Есть такой грех», покаянно подумал Афанасьич, и даже виновато опустил руки, как солдат в строю. Но Кулемзин не успокаивался:

– Впрочем, это не твоя вина. Такое мышление, от которого ты, скорее всего, уже не избавишься, как ты обычно говоришь, *до самой смертушки*, привило тебе социалистическое (б) хозяйствование.

С детства мне присуще байство:
к батракам я – вурдалак! –
как кулак, веду хозяйство,
зажимая всё в кулак!

Услышав такие крамольные слова в адрес любимого, но, увы, уже прошедшего строя, Нуртай тут же начинал вертеть в голове мелкие мысли разной степени поганости, а охранник даже не пытался их осмыслить, так как знал, что длинные слова типа *хозяйствование* не задерживаются у него в памяти ни на одну секунду. «Да, таких оппонентов», мелькнуло в голове писателя, «лучше всего вразумлять штакетиной!». Угрызений совести у него не было ни малейших, ибо ещё апостолы знали, что поступать с людьми надо так, как они поступили бы с вами. «Не буду выбрасывать старые бумеранги», решил он, «тем более, что это очень неблагодарный труд».

Но вот прошли и эти девять робберов, после чего игра набрала необходимые для продолжения обороты. Карты у каждого из присутствующих, за исключением художника Муравлёва, упорно не желающего постигать покерную науку, приходили всё время разные, и это заставляло их напрягать последние, ещё не смоченные пивным ручейком, мозговые извилины. Но так как таких оставалось всё меньше, в игре всё чаще случались казусы: то прапорщик Батыршин с неплохими картами вместо пяти взяток получал всего одну – по причине того, что поверх колоды в качестве козыря лежала пиковая восьмёрка, а он собрался играть на червях, то сторож Полтавцев, стремясь не только взять свои взятки, но и посадить других игроков, пытался импровизировать, делая один ход нелепее другого, то педагог, увлечённый только одной идеей – как бы не дать заказанное Кулемзину, забывал об остальных игроках, которые, как оказалось, не забывали его самогó. Разумеется, это была тщетная попытка – сродни тому, чтобы перочинным ножиком поразить бронетранспортёр. Надо признаться, что больше всего неприятностей Мусаич получал как раз от своего антагониста Альбионыча, после чего, с трудом преодолев ступор, начинал плакаться.

– Володя, ты чего меня постоянно гнобишь? – плачущим голосом возмущался педагог. – Мать моя партия, да ты просто наглец какой-то! Я требую сатисфакции!

– Пожалуйста! – обычно не чинился писатель и предоставлял требуемое:

– Сатисфак ю!

Каюсь, поступил как Каин,
а, быть может, как Маркс Карл:
сатисфакнул игрока я –
пукнул он и проиграл!

Видя, что не до всех дошёл смысл сказанного, бывший журналист ткнул пальцем в небо и произнёс очередной афоризм:

– И запомните все: вверх лезут в той же позе, что и ползают!

Как по мановению волшебной палочки в руках сторожа тут же появилась заветная книжечка «Для му.мы.», в которой его рукой оказалась исписанной ещё одна страничка – только что запомненной, как ему казалось, мудрости: «Ползи не ползи, а вверх не попадёшь – поза мешает!».

Володя поступал так, как игрок опытный, ибо знал, что в одну и ту же воронку снаряд попадáет и дважды, и трижды, и даже четырежды, но только при одном непременном условии – устрашающей плотности огня. Поняв, что увлёкся анализом только что сыгранного, гуру решил развеять неприятное впечатление от нуртаевских инсинуаций, предложив художнику Муравлёву завтра же принести на худсовет картину «Подвиг Павлика Матросова, закрывающего вражеский дот телом своего отца». Николаич тут же закручинился, ибо не знал, ни кто такой Павлик Матросов, ни, тем более, кто его несчастный отец, ни странное сооружение под именем дот[103], который захватили враги!

[103] Отдельное малое капитальное фортификационное сооружение из прочных материалов, предназначенное для долговременной обороны и стрельбы, аббревиатура выражения Долговременная Огневая Точка – прим. воен. редактора

Как в хорошем анекдоте –
под чекушку и табак –

до конца я буду в доте:
пусть трепещет злобный враг!

И в это время что-то изменилось: то ли лёгкое облачко накрыло Бермудский Учпучмак своей ещё более лёгкой тенью, то ли где-то в Африке окончательно созрел ещё один военный переворот, но все эти, казалось бы, незначительные для второго микрорайона события всё-таки как-то отражались на текущей покерной обстановке. Был роздан очередной роббер. Увидев пришедшие карты, Нуртай гордо напыжился, как племенной бык на ВДНХ, а Серёжа встревожился, словно перепел на шестой минуте сидения в силке. Спокоен был только писатель, которому пришли не то чтобы очень хорошие карты, но, скажем так, не совсем плохие. Он оценил свои возможности ве́сом в двух младших джокеров и три крупных козыря, после чего с лёгкостью объявил мизе́р, надеясь закрепить своё игровое преимущество с тем, чтобы немного откинуть назад остальных игроков.

– Война план покажет! – псевдободро пробормотал прапорщик, пристально вглядываясь в свои карты, хотя уже не раз убеждался, что в покере эта старая солдатская присказка явно не прокатывает. «Как бы этот беспечный *иблис*», озаботился Володя, «не стал причиной того, чтобы остальные сорвались с такой любовью сконструированного мной крючка!».

Все рыдали в тёмном зале
над кино, что снял кумир:
план война не показала –
потому что миру мир!

Между тем роббер начался не так, как планировал Альбионыч. И всё из-за того, что игровой «потенциал» сторожа вкупе с его игровой «интуицией», не говоря уже вообще об «умении» играть, позволил Серёже кидать карты на покерный столик как *дедушка* на душу положит. Но Володя продолжал притворно веселиться, как будто его подключили к большой небесной розетке, где молнии давали энергию, которой раньше ему не хватало. Всё это было противно, но необходимо для того, чтобы противник не почувствовал его замысел раньше времени. Между тем Афанасьич вспомнил, что не ел сегодня с утра, закручинился и зевнул.

– Чего зеваешь, сынок? – поинтересовался Володя.

– Да это я на нервных почвах, – горько ответил охранник и снова зевнул. – Но ты не думай, царица лесная, я у тебя всё равно выиграю!

Все заулыбались, а Володя так ещё и посмеялся в душе́. Он хорошо знал, что выиграть охраннику у него хотя бы одну партию означало то же, что, по выражению американского сенатора Уолтера Теодоровича Мондейла, *попытаться приколоть булавкой варенье к стене*.

– Хороший ты парень, Серёжа, – проронил гуру. – Но просто пойми, что мы с тобой, как бы это поточнее выразиться, *из разных детских*.

Охранник ничего не понял и потому не обиделся.

– К тому же покер для тебя – как миллион долларов.

– Мать честна́я, как это? – жадно спросил Афанасьич.

– Да не твоё это.

Чтоб не делались инфаркты,
утверждаю смело я:

нужно знать не только карты,
но – природу бытия!

– А ты думаешь, что можешь вечно у нас выигрывать? – решил вставить свои три копейки в разговор педагог.

– Конечно, нет, – свободно ответил гуру. – Вечным на свете бывает только одно – лежание некоего покойника в мавзолее на Красной площади. Но, думаю, что и это тоже не вечно – когда-нибудь принесёт весёлый почтальон его мамаше Марии Александровне *похоронку*.

После этого Курманбаев понял, что лучше бы он продолжал молчать в загадочную *тряпочку*, в которую молчат все, кого остальные считают дураками.

Глава 78. БИТВА ДНЁМ И НОЧЬЮ! (продолжение)

Время постепенно приближалось к полудню, а игроки всё ещё не могли справиться с третьей партией. Начав её, они всё время отвлекались на какие-то разносторонние проявления жизни, случавшиеся на территории Бермудского Учпучмака: то мешали дворовые дети, которые или шумели, как немецкая канонада в 41-м году под Москвой, или бегали так, словно пытались вытрясти из себя абсолютно всех несуществующих блох, то игроков останавливало появление уже знакомых читателю бомжей Танкиста и Одиссея, то что-то ещё.

Вот и сейчас к нашим героям подошла володина соседка Анна Петровна, ненимательно буркнула общее приветствие, после чего посмотрела на мобильный телефон Володи, лежавший на краю покерного столика. На маленьком экранчике телефона светились какие-то циферки, но пенсионерка уже знала, что этот экранчик показывает время.

– Володя, скажи, пожалуйста, *скока время*? – по-советски спросила соседка.

– В данную секунду – 11:59, – ответил философ. – Но какое это имеет значение, ведь время меняется каждый миг…

Сроки жизни мы мотаем,
перематываем, но
только наше время знает,
как меняется оно…

Анна Петровна что-то буркнула ещё, видимо, каким-то словом отблагодарив писателя за информацию, и удалилась. «Как всё-таки различаются наши 30 триллионов клеток», подумал Альбионыч. Игра продолжалась: карты так и порхали из руки сдающего на покерный столик – для того, чтобы в следующее мгновение оказаться зажатыми в потных ладонях игроков. Вот, например, Полтавцев взглянул на пришедший роббер и вдруг замер, словно поражённый неведомой болезнью, причём взор его уткнулся в карагач и безнадёжно остановился. В этот момент он стал похож на поэта Кулемзина, пытающегося с похмелья придумать более-менее приличную рифму на слово *какашка*, а в больную голову всё лезли какие-то крайне пошлые *букашки* и *таракашки*.

– Что, Серёжа, Кристофа-Виллибальда Александровича увидал? – весело поинтересовался писатель.

Сторож тут же вышел из вре́менной комы и заозирался по сторонам, пытаясь разглядеть целую кучу названных Альбионычем незнакомцев.

– Нетути никого, – наконец признался он. – Царица лесная, это ты про кого?

– Был такой композитор в XVIII веке, – объяснил Володя. – Глюк его фамилия.

День наш шариком катился,
по дороге бья ферзи,
и случайно глюк явился,
но не тот, что компози…
Страшно, как на панихиде,
хоть зови медперсонал,
ведь игрок, что глюк увидел,
невзначай совсем пропал!

– Тебе бы всё смеяться, – попенял сторож Володе, – а я, может, просто тактию и стратегику обдумываю!

Посмеялись все, причём, только над одним словом из сказанного Афанасьичем, а именно «обдумываю».

– Вот я тебе, Серёжа, вчера про логику рассказывал, а ты уже всё забыл! – ответно попенял охраннику Володя.

– Я и вчера говорил, и сегодня скажу: не нужна мне никакая логика, я и так всё сам знаю.

– Хорошо, – не стал спорить Володя, – если знаешь, то ответь мне на один логический вопрос: представь себе, что некий мальчик Махмуд упал с четырёх ступенек и сломал ногу. Сколько ног сломает мальчик, если упадёт с 40 ступенек?

– Чего ж тут думать, – обрадовался Полтавцев. – Конечно, 10!

Все снова немного посмеялись.

– Нет, старичок, тогда это будет не мальчик, а какая-то сороконожка.

– А-а-а, да, – засмущался охранник. – Ну, тогда две!

– И этот ответ неправильный.

– Как же так? – завопил нелогичный.

– Да вот так: всего одну, так как вторая нога у него была сломана ещё в условиях задачи!

Все посмеялись в третий раз.

«Классно я», мысленно обрадовался Афанасьич. «Не посрамил родной деревни Семижопино, обделался лёгким испугом…»

Между тем, игра продолжалась, и в данное мгновение подошла к своему экватору, то есть к средней *тёмной*. Это был важный роббер буквально для каждого игрока, так как все (прости, русский язык!) флуктуации, случившиеся в этот момент с сопокерниками, сразу же удваивались: если кто-то выиграл, то заработанных на роббере очков становилось вдвое больше, а уж если проиграл, то, соответственно, вдвое меньше. Поэтому именно здесь каждый, кто как только мог, старался посадить соперников, не взирая на личные симпатии.

Говорит тупому умник
в ореоле из побед:
«Ты, Платон, конечно, друг мне,
но игрок ты так себе!»

Вот и сейчас, увидев пришедшие карты, Нуртай засиял, как артистка Марина Ладынина в довоенном кинофильме «Трактористы». И тут же глубочайшее волне-

ние посетило его, как будто он на миг приблизился к своему тщательно забытому, как ему мнилось, дворянскому происхождению. Он понял, что может невольно выдать себя (и ведь выдал уже!), и решил отвлечь внимание грозного противника неожиданным шагом. Курманбаев хорошо помнил, что больше всего сбивает его врагов чтение собственных студенческих виршей или, что хуже, пение пролетарских и советских песен. Песни, как назло, оказались в какой-то затяжной командировке, и ему пришлось выручаться стихами. Он набрал побольше воздуху и громко продекламировал:

– Товарищи, сидящие в этом зале,
как Маяковский, обращаюсь я
к вашему костяку:
встаньте в наш всемирный полк,
где командиром Сталин,
чтобы прибыло здравого смысла
человеческому косяку!

Уловка удалась на все сто процентов: Кулемзин поперхнулся пивом и сделал неверный ход, Батыршина пришлось ждать две минуты, за которые он успел слетать к ближайшим кустам, а Серёжа начал икать и всё никак не мог остановиться. И только художник Муравлёв в это время думал об оставленной дома Наташе, поэтому не вдохновился стихами никак. Немного опомнившись, Альбионыч поглядел на Нуртая, как овировец на еврея-отказника во время разгула антисемитизма в СССР (б), педагог же в ответ посмотрел на писателя укоризненным взглядом непорочной девы Маруси. Полтавцев, ещё немного поикав, начал долго рыться в своей котомке, словно размешивая там бочонки для игры в лото, но так ничего полезного для этой главы романа не нашёл.

В это время внимание игроков отвлекло новое происшествие. Ещё минутой ранее Володя заметил, как в магазин Калимы проник главный алкаш второго микрорайона Глав-Бух – явно с какой-то нехорошей целью, и, как подозревал Альбионыч, цель эта заключалась в покупке бутылки дешёвого фиолетового вина для последующего распития её с любимой подругой Галлюцинацией. Но писатель, слишком хорошо думающий о таких неприятных людях (б), всё-таки немного ошибся. Ровно 22 секунды хватило предприимчивой хозяйке лавки Калиме на то, чтобы понять, что никаких денег у алкаша нет, а его невнятное бормотание переводится как слёзное выпрашивание бутылки в долг, после чего Руслан (б) с треском вылетел из торгового контейнера.

Пошёл козёл в кооператив,
купил козёл альтернатив!

Здесь надо напомнить читателю, что сегодня Кацоев (б) пил поменьше, чем в молодости, но вовсе не потому, что берёг печень или неожиданно поумнел к своим годам, а просто оттого, что все последние годы нигде не работал и жил только на сиротскую пенсию своей подруги Галлюцинации. Правда, чем больше он выпивал, тем больше зверел, словно алкоголь наждачной бумагой сдирал с него последние подобия давно пропитой цивилизованности. Об этом говорил и экстерьер пропитона, который, действительно, был не очень. Землистые пятна, появляющиеся у него с утра, к вечеру успешно освоивали новые грязные территории.

Лягу, что ли, под забором –
дуй, холодная земля!
Пусть растает подо мною…
Это родина моя!
По невзрачному пальтишку
пробежит волною дрожь.
Вот и славно, что, парнишка,
ты на родине помрёшь…

Но – прочь алкогольные страдания! Вернёмся к Великой Покерной Игре, тем более, что она в этот момент была, как говорят суровые сталевары, *в разгаре*! «Отматадорю!», решил Володя. И, как показало ближайшее время, решение было принято верное.

Дать бы этим пикадорам
по башке со всем задором!

Глава 79. БИТВА ДНЁМ И НОЧЬЮ! (окончание)

Он сделал вид, что прислушивается к звукам, которые издавал второй этаж дома № 16, где, как помнит читатель, жила любительница радиопередач Ангелина Ивановна, и словно невзначай привлёк внимание к себе:

– Послушайте, какая музыкальная палитра! Яйчики-бабайчики, какое стаккато! Вот только глиссандо на одну восьмую запаздывает…

Серёжа с завистью поглядел на образованного приятеля, ведь из всего сказанного он с трудом уловил только два знакомых слова – поллитра и стакан. Курманбаев тоже отвлёкся на музыку, как ему показалось, всего на мгновение, но этого оказалось достаточно, чтобы скинуть не ту карту, какую хотел секунду назад. Проиграв одну взятку, или минус 25 очков, он вздрогнул и заморгал глазами, как человек, которого неожиданно и грубо разбудили, после чего страдающе поглядел на писателя.

– Яйчики-бабайчики, что ж ты пялишься на меня, – поинтересовался Альбиоыч, – как вяленый лещ на кружку пива?

И тут Мусаич вспомнил, что ещё до игры, когда ел утреннюю кашку, он решил быть твёрдым, как настоящий партиец, и не поддаваться на провокации оппортуниста Кулемзина. И вот сейчас, неожиданно размягчев мозгом от только что случившейся неприятности, он понял, что это обещание выполнить не удаётся, и потому ощущал себя так, как, наверное, должна была чувствовать чопорная старая дева, обнаружившая, что забеременела, не зная, от кого, где, как и, главное, не получившая от самого́ процесса ни малейшего удовольствия.

И проснулись вдруг рефлексы,
как от выбуха[104] петард:
удовольствие от секса
послабее, чем от карт!

[104] Взрыв – укр.

Педагог почувствовал, что остатки его решимости тают, словно кусочек рафинада в кипятке, а Володя всё смотрел на него так, как смотрят в подворотне, под-

жидая, кого бы огреть по тыкве за тощий кошелёк. Нуртай на это что-то бормотал о просчёте, о матери своей партии и её отце – Ильиче I, о неправильной стратегии Альбионыча, не дающей развернуться его талантам, то есть о вещах якобы поправимых – в результате бессмысленной тысячеходовой манипуляции, после чего, чтобы скрыть усилившееся волнение, начал фальшиво насвистывать «Гимн демократической молодёжи».

«Ну, вот, всё и связалось, – подумал Штирлиц», подумал Кулемзин. Кстати, услышав курманбаевский не совсем художественный свист, он вспомнил, что, как знатный саксаульский поэт, давно уже подумывал написать гимн Покерного Клуба Второго Микрорайона, но хотел, чтобы, во-первых, мелодия его была узнаваемой, и, во-вторых, слова ясные и простые – в общем, такие, чтобы их с тридцать четвёртого раза мог запомнить даже Полтавцев. Потрудившись как-то с утра секунд 20, он наваял первую строфу будущего гимна – на музыку Марка Минкова из старого советского (б) телефильма «Следствие ведут знатоки»:

Наше пиво любим мы похолодней,
на планете пьём, потеем мы на ней,
но когда придёт пора нам карты взять,
будем мы с тобой без устали играть –
битва днём и ночью!

, после чего к идее гимна совершенно неожиданно охладел.

Но вот прошли уже все *длинные* робберы, и партия незаметно приближалась к логическому концу. Володя заглянул в раскладку и неожиданно обнаружил, что сразу у трёх игроков – Серёжи, Батыршина и него самогó – одинаковое количество набранных очков. Это была ситуация, которую Альбионыч называл *на одном гектаре присели*, то есть и у того, и у другого в раскладке пришлось записать одинаковое количество очков, а именно 574. Серёже тоже нравилось это выражение, но по причине скудоумия запомнить он его не мог, и потому кратко называл по-своему: *баланец*. Итак, трое из покерной квадриги умудрились набрать по 574 очка, и только у Нуртая было 575! Кулемзин напряжённо объявил этот артефакт коллективу, после чего все немедленно впали в ересь садизма к ближнему, стараясь вырваться вперёд. Полтавцев, увидев среди своих пришедших карт покера, тут же двинул им вперёд:

– По джокерам, царица лесная!

В результате этого демарша джокеров лишились сразу двое игроков – Володя и Салихдзяныч.

– Сергей, – строго обратился к охраннику военный трубач, – зачем ты так походил? Ты разве не знаешь, чем это грозит нам всем в контексте того, что на первом месте сейчас и так Нуртай стоит?

Военный, предъявляя своим нелепые претензии, казалось, искрил, как пантограф[105] трамвая. А нелепыми претензии были уже потому, что в игре, которой они сейчас предавались, такого правила – не ходить так, как не нравится остальным, – просто не было!

[105] Токосъёмник – гр.

– Сам дурак, – ловко ушёл от ответа псевдоигрок, после чего выхватил книжечку «Для му.мы» и записал для памяти мудрёное слово *контекст*. Володе тоже не

понравился этот ход и он стал нервно насвистывать «Пассакалью» Георга Фридриховича Генделя, причём, старался свистеть сразу за весь классический секстет. Кстати, это было нелегко, потому что классическая пассакалья, которую написал этот замечательный немецкий композитор эпохи барокко, была вариацией, построенной по принципу *диминуирования*, то есть уменьшения длительности в процессе исполнения вплоть до *триолей*! Трубач посмотрел на него с удивлением, ведь он-то, как никто из присутствующих, знал, что такие триоли являются группой из трёх нот одинаковой длительности, в сумме по времени звучания равные двум нотам той же длительности, а это было чрезвычайно трудно – даже для человека, много лет учившегося музыке. «Йодистый Гендель!», ошеломлённо подумал он.

Словно в супермарафоне,
где играют кре́нделя,
я лабаю на тромбоне
«Пассакалью» Генделя!

Раскрывая в руках очередной роббер, Кулемзин всегда представлял себя в роли Христофора Домениковича Колумба. Наверное, и тот испытывал нечто похожее, когда доплыл до, как ему казалось, определённой цели, но всё ещё не зная, что так счастливо ошибся. Не оказалось хрустальных дворцов, золотых колонн и зелёных единорогов, о которых писал Афанасий Никитин, неизвестные деревья и яркие птицы не так уж и ошеломляют, матросы, переругиваясь, вкапывают на месте стоянки очередной скучный крест, кузнечики стрекочут точь-в-точь как в Кастилии, и вот только титул вице-короля Индии уже точно в кармане! Но тут его мысли перебились радостным восклицанием сторожа.

– Вот он, мой звёздный час! – завопил Полтавцев, обнаружив среди пришедших карт всего-то два младших джокера.

– Звёздный час, говоришь? – улыбнулся писатель. – Яйчики-бабайчики а, может быть, смертный? Хотя чаще всего это одно и то же. Вспомним хотя бы хорошую девушку Жанну Жаковну.

– Святой Малевич, стюардессу по имени Жанна? – проснулся живописец.

– По её поводу – все вопросы к *фальцетнику* Преснякову, – парировал Володя.

– Агузарову? – тонко улыбнулся педагог.

– Нет, Нуртай, Агузарова была Жанной Хасановной, а Жанной Жаковной её верные солдаты из уважения звали некую д'Арк, – просто ответил Альбионыч. – Как ты думаешь, её за девственность, к тому же довольно сомнительную, причислили к лику святых? Или, может, за победы, какие на поверку оказались никакими не победами?

– А за что же тогда?

– А за костёр! – твёрдо ответил Кулемзин. – Вот когда она взошла на костёр, тут-то и пробил её звёздный час! Ты, Нуртай, рот закрой.

Не жалею, не зову, не плачу,
и Нуртая джокером хреначу!

Но роковой ход Афанасьичем уже был сделан – на этот раз коварная Сука-судьба, к которой он в общем-то относился весьма положительно, всё-таки определила в победители именно Володю, потому что педагог сейчас оказался в положении Роберта Джоновича Скотта, после решающего рывка обнаружившего на

полюсе водружённый опередившим соперником флаг, Батыршин, хотя и стоял насмерть, как персы при Гавгамелах, но тоже, как и империя Ахеменидов после этой битвы, прекратил своё земное существование – во всяком случае, в этой партии, а Серёжа, просто сдуру пойдя той картой, на которую упал его шалый глаз, так ничего и не понял, и только порадовался за своего друга Кулемзина, который выиграл в очередной раз. Взяв ещё одну партию, Альбионыч радостно засвистел шестую «Песню для сумасшедшего короля» американского джазиста Майлса Дьюиевича Дэйвиса. И только художник Валера, сидевший до этого индифферентно, не-много ворохнулся на скамеечке и подумал о том, что вот как ему сейчас хорошо, а как сейчас любимой, он не знает, и хрен с ней.

Не жалею, не зову, не плачу –
завещаю Муравлёву дачу!

А завершилась битва, описанная автором в трёх последних главах, словами писателя:

– Так что же такое жизнь? А жизнь, други мои, это есть подневольный подвиг существования!

Но к чему это было сказано, ни сам автор, ни ты, читатель, так никогда и не узнаешь, потому что завершённая глава – это всего лишь завершённая глава, а надо жить дальше, надо снова шаркать пыльными подошвами по планете, делая следующий шаг навстречу так называемому будущему.

Как в невиданном балете
«Па-де-де наоборот»,
мы шагаем по планете,
а она назад несёт!

Глава 80. О ГЛАВНОЙ КНИГЕ ЖИЗНИ

И занимаясь великой игрой, и попивая пивко, и ведя неспешные разговоры обо всём с друзьями-сопокерниками, Кулемзин никогда не забывал, что по третьей профессии он писатель (по первой журналист, а по второй поэт). Тем более, что роман, который он задумал сваять в назидание бестолковым потомкам, вообще накрепко укрепился в сознании, словно притороченный к мозгам грубой чёрной изолентой Воронежского химического завода имени 50-летия Великого Октября (б). Он мечтал воткнуть буквально в каждую фразу «Русской кочерги» (так называлось ещё не написанное произведение) некую глубинную философию, не раскрытую до конца мысль, а лишь обозначенную в сути своей как квинтэссенцию, как намёк на полновесную человеческую драму. Он хотел сделать книгу так, чтобы её было можно и до́лжно перечитывать много раз – в попытках докопаться до сердцевины смысла, заложенного им самим.

Вот и сейчас, по окончании этой очередной партии, Володя неожиданно для всех прибег к старой марсианской технологии *ллчъшшъдр*, или Вре́менной Заморозке Мгновения. Заключалась эта таинственная технология в том, что всё вокруг замирало на некотое мгновение, но в течение его только он, потомственный марсианин Альбионыч, занимался чем угодно и сколь угодно долго без внимательного соглядатайства окружающих. Технология была очень удобной, и он пользовался ею не раз.

Я Землёй по тыкве ранен
(исключая лишь жратву):
знают только марсиане,
как я тяжко здесь живу!

Вот и сейчас писатель оставил замеревших, как стрекозки в янтаре, игроков и направился домой, чтобы проведать два своих любимых приспособления – холодильник и компьютер. В холодильнике он нашёл ледяную бутылочку любимого пива «Тянь-Шань», звучно открыл её, исторгнув из горлышка лёгкий пивной дымок, и подумал при этом, что это из тары наверняка отлетает пивная душа напитка. Затем он обозрел приготовленные для сегодняшнего обеда яства. Как обычно, обед нашего героя был чрезвычайно скромен: сначала он немного повкушал балыка «Царь Николай» с красной икрой на блине, затем пару расстегаев с вязигой, а напоследок кусочек молочного поросёнка в медовом соусе с ананасами. Завершил же сей скромный перекусон банальный китайский чай с *фромажем*[105].

[105] Сыр из фазана – прим. кулинар. редактора

Помогут похудеть омлет,
капуста, парочка котлет!

Посмотрев на часы, писатель решил, что глобальное чувство голода ещё не наступило, а чувством голода всего лишь III степени пока можно было пренебречь. Поэтому он включил компьютер и нашёл файл, немудрёно озаглавленный «Русская кочерга». Затем, немного подумав, вывел на первой странице то ли посвящение, то ли предупреждение:

**Для детей старшего
прижизненного возраста!**

, после чего наполнил страничку группами неких персонажей, которые он не мудрёно назвал главными и основными героями, а также героями на подхвате и антигероями.

Надо признаться, что до того, как Кулемзин начал писать свой роман, он считал самой великой книгой на свете сочинение Даниеля Джеймсовича Дефо под названием «Жизнь, необыкновенные и удивительные приключения Робинзона Крузо, моряка из Йорка, прожившего 28 лет в полном одиночестве на необитаемом острове у берегов Америки близ устьев реки Ориноко, куда он был выброшен кораблекрушением, во время которого весь экипаж корабля, кроме него, погиб, с изложением его неожиданного освобождения пиратами; написанные им самим», так как для *того времени* в этой книге было абсолютно всё, что нужно для жизни. К тому же, она была на 37 % практичнее и веселее, чем библия, перенасыщенная древнееврейской чепухой. Сегодня же он ставил свою даже недописанную «Русскую кочергу» немного выше «Робинзона» – но опять-таки *для своего* времени.

Лишь я один во всей Европе
сравним с самим де Вегой Лопе!
А в мастерстве – пари держу! –
не уступаю Санд Жоржу́!

И это не было какой-то (прости, русский язык!) мегаломанией[106], хотя Володя иногда и бывал благодарен именно ей – за понимание своего места в этой части Вселенной. Своим идеальным читателем он видел, как говорят в народе, круглого, то есть абсолютного дурака, чей мозг представлял пресловутую tabula rasa[107].

[106] От греч. μεγαλο – большой или преувеличенный, и ещё одного греч. μανία – страсть, безумие, то есть, по-русски выражаясь, мания величия – прим. мед. редактора
[107] Чистая доска – лат. Выражение, которое используется для обозначения (прости, русский язык!) эпистемологического[108] тезиса о том, что отдельный человеческий индивид рождается без врождённого или встроенного умственного содержания, то есть чистым, его ресурс знаний полностью строится из опыта и чувственного восприятия внешнего мира – прим. науч. редактора
[108] Дословно: наука о достоверном знании – др. гр.

То, что он писал, марсианский творец назвал мениппеей, и при этом радовался, что был рождён в земном облике не китайцем, иначе точно такой же, но китайский роман назывался бы коротко и неприлично – *фу*[109]. Его «Русская кочерга», как и вся великая русская литература, была замешена, как Колобок под руками сказочной бабки, на сочувствии к человеку, это была его персональная (и, скорее всего, безнадёжная) попытка вернуть человечеству его утраченное достоинство. Он хотел, чтобы с первого взгляда роман показался неискушенному читателю просто кашей, но при этом сделать его таким, чтобы это была самая вкусная каша на свете, которую когда-либо ели наши люди после Ильфа и Петрова. А для того, чтобы добиться именно этого, надо сделать очень простое: создать сумасшедший дом внутри каждого из читателей – весёлый и страшный, ироничный и не очень.

[109] Жанр китайской литературы, сочетающий в себе прозу и поэзию – прим. лит. редактора

Своей мыслишке предлагаю сходни,
ведь в ней заложен жизненный дефект:
«О, человек, как ты велик сегодня,
а завтра жалок тот же человек!»

Володя, принимаясь за свой роман, отчетливо понимал, что смех – это важнейшая составляющая жизни. Но тут же осознавал, что, впрочем, так же, как и печаль, которой, как ни странно, гораздо больше во времени, где мы имеем сомнительное счастье проживать. Он наднатужился, после чего придумал весьма неплохую с точки зрения Вечности фразу

Настоящая литература –
это всегда игра с печалью

и зафиксировал её в электронных детальках компьютера, которые подчинялись легко – одним нажатием клавиш.

Кстати, был и ещё один нюанс в новом произведении – его невозможно было написать без автобиографической составляющей, ибо история страны, в которой жили его герои, напрямую сочеталась с персональной историей писателя. Да и то, зачем выдумывать что-то из головы, когда сто́ит всего лишь вспомнить когда-то произошедшее? А читатель уже из первого тома «Русской кочерги» знает, что

Альбионыч был фантастически ленив, и всегда шёл по пути самого наименьшего сопротивления самому себе.

Но были на этом пути, конечно, и свои подводные камни, больно ранящие ничего не подозревающие ноги, а в данном случае мозги. Ведь когда мы начинаем писать свою биографию, то частенько упускаем самое важное, которое всегда ка-жется мелочью, и, наоборот, детали выдаём за главное – такой вот стереотип мышления сложился у тех, кого когда-то называли советскими (б) людьми. Итак, родился, что-то окончил, изобрёл, награждён, умер… Кому это интересно, кроме тебя самого?

Но вот когда брат пролил кружку молока, а наказали тебя, и ты впервые понял, откуда растут ноги у несправедливости, и где она прячется, эта обида? Что есть смерть, вошедшая в комнату к твоему родственнику? Боль от предательства и физическая боль, первая любовь и первая ненависть, желание убить, жажда и страх греха, осознание собственного ничтожества и величия, покой в душе́, презрение, счастье, беда – когда это приходило к тебе, куда исчезло, как изменило всю жизнь?

Всего этого мы не говорим. Да и не знаем, или не можем вспомнить. Получается не жизнь, а всё какие-то даты. А то, что ты стоял под дождём, и плакал, и слушал музыку из открытого окна, и был счастлив, и знал, что такое уже не повторится никогда, – почему эти мгновения не остались для тебя священны?

Почему мне так не повезло?
Все, трудясь, живут себе в надежде,
мне ж моё глухое ремесло
не приносит радости, как прежде.
Почему мне так не повезло?
По ночам душе бывает страшно
оттого, что сам себе назло
много лет провёл я бесшабашно…

Глава 81. ВРЁМЕННАЯ ЗАМОРОЗКА МГНОВЕНИЯ

Здесь Кулемзин немного оторвался от суровых раздумий и выглянул в окно. В Бермудском Учпучмаке всё было по-прежнему – так, как он оставил в застывшем мгновении. И было во всём этом какое-то настойчивое постоянство, которым, как кажется живущим на маленькой песчинке Земле, заражено вообще всё пространство безразмерной Вселенной.

Вот одна часть дворовых детей уже не скакала по периметру Великого Треугольника со скоростью разогретых молекул, и не бегала вокруг покерного столика, точно планеты вокруг Солнца, и даже не поднимала пыль, словно стадо ошалевших от болотного газа бизонов, а молча и с укором смотрела остановившимися глазами в глаза писателя, как бы говоря: что же ты сделал с нами, дядька, и когда, наконец, кончится это безобразие? Другая часть этого беспокойного контингента бесконечно пинала чёрно-жёлтый резиновый мяч с целлулоидными нашлёпками, но детские ноги так и не приходили в соприкосновение с игрушкой. «Счастливое невинное детство, ещё не тронутое ржавчиной человеческих пороков», подумал Альбионыч.

Невинным, любимым, пока дорогим,
с рождения нас воспитавшим,
всё лучшее детям сегодня дадим,
на завтра без денег оставшись!

Вот Боря, питомец неутомимой старшей по дому Жанны Пантелеевны, развернулся и, как близорукий студент, приблизил морду к результату своего фекального труда. Изучив масштабы и качество произведённого, он остался доволен и хотел было вприпрыжку помчаться к родному подъезду, но странная марсианская технология сразила и его, что называется, на летý – так и замер он с двумя лапами, отталкивающимися от травы, и ещё двумя, уже оттолкнувшимися. Справа от него, в тени карагача, кошечка Несси молча и неподвижно застыла за вылизыванием лапки, вытянув её, как дуэльный пистолет Жана Жаковича Лепáжа.

Вот в поле его зрения проявились такие же застывшие неразлучные друзья-бомжи Танкист и Одиссей, которых раньше Альбионыч не заметил, так как сидел за покерным столиком к ним спиной. Они стояли возле клумбы у магазинчика Калимы и курили, причём, носитель гордого древнегреческого имени при этом прикрывался полой пиджачка, как пленный немец под Сталинградом, держа в руке *беломорину* с огненной точкой на конце и застывшим белым дымком. В движении второго *алика* с погонялом Танкист читалось какое-то толкание перед собой тележки, известной в народе как *друг пенсионера*, к раме которой был прикручен пластиковый ящик, доверху забитый пустыми грязными бутылками.

Из-под водки и горилки,
а не *вискаря*, кажись,
мы, найдя сдаём бутылки,
им даря вторую жизнь!

Вот старушки, застывшие на лавочке возле подъезда, с открытыми ртами, но молча вели свои нехитрые контрреволюционные разговорчики о международной обстановке. У замеревших пенсионерок были общепитовские фигуры – от ежедневного потребления хлеба, картошки и молока. Глядя на них, писатель подумал о том, что эти пожилые женщины микрорайоновского *кластера* были похожи на родных сестёр тех тихих старушек, что сидят по углам музейных залов, где изредка пронзают редкого посетителя проницательно-острым взором, словно спрашивая, не закралась ли ему под череп крамольная мысль утащить какой-нибудь местный шедевр типа «Товарищ Назарбаксов проверяет работу ИП Кулемзин[110] на эффективность».

[110] Об этом предприятии рассказано в главах 6 и 7 первого тома «Русской кочерги» – прим. гл. редактора

Вот наш бравый прапорщик скосил застывший глаз в сторону подъезда, и в глазу этом, немного жутком, как у чучела совы, явно читалось ёперное вожделение, какое бывает только у вампиров в прекрасную для них ночь страшного для всего остального народонаселения полнолуния. Проведя мысленную прямую от глáза музыканта до подъезда, Альбионыч на пути этой невидимой директрисы обнаружил соседку Иру – проводницу Саксаульских железных дорог[111], аппетитную, как галушку. Стоп-стоп, что ты говоришь, мой читатель? Не знаешь слова *директриса*? Ну, конечно же, это не женщина-директор, а вполне таки артиллерийский термин, означающий участок полигона в прямую линию, по которой измеряется дальность выстрелов из всяких пушек и мортир.

[111] А вот о ней автор рассказал ещё в главе 234 первого тома «Русской кочерги – прим. гл. редактора

Правда, директриса военно-музыкального взгляда упиралась не во всю фигуру соседки, а конкретно в её пышную грудь. При виде Ирины марсианину всегда казалось, что полновесные детали её организма вполне сгодились бы на ВДНХ – для павильона «Животноводство».

Повезло же вам, девчонки,
у кого большая грудь –
значит, ваши мужичонки
с голодухи *не помруть*!

С утра и до сего застывшего мгновения незамужняя Ира мучалась вопросом: кого ей больше ненавидеть – нынешних баб своих бывших мужиков или бывших баб своих нынешних мужиков? Она прикидывала варианты так и так, и даже изобретала новые, но потом бросила это занятие и решила сходить в магазинчик Калимы – приобрести там какое-нибудь сладкое мороженое, чтобы заесть им неразрешимую проблему. Здесь её и поймала неведомая землянам марсианская технология, заставив замереть на пути следования. Володя ещё раз проследил взгляд Талгата и печально диагностировал: «Какой застарелый спермотоксикоз!»

«Сегодня девушку лобзаешь,
а завтра уже срок мотаешь!»

, хотел было предупредить он прапорщика, но понял, что всё равно не услышит его бравый военный, который продолжал пялиться на железнодорожную диву застывшим, как холодец, взглядом. В душе́ Салихдзяныча беззвучно тренькали ранее никогда им не у́ченые пошлые строки:

Меня коснись ты, цветик нежный,
и окропи росой хрустальною:
я отдохну душой мятежной,
моей душой многострадальною…

В различных позах застыли остальные игроки и примкнувший к ним Муравлёв: Курманбаев привычно заглядывал через плечо охранника, словно хотел объяснить ему про мать свою партию, хотя у Афанасьича карт в руках не было, так как очередной покерный тур был только что окончен, Валера же глядел в равнодушное небо, видимо, пытаясь в синеющей дали найти ответ на главный жизненный вопрос: как же его, святой Малевич, угораздило так вляпаться в какую-то женитьбу?

Слова тяжелые: лишенье,
ярмо, тоска, печаль, хомут.
От звуков этих ломит шею –
меня женатые поймут…

Именно Николаича писателю было жальче всего, и он тут же вложил в его сознание мысль о том, что китайский иероглиф *сю* имеет три значения: отдых, праздник и развод. Мысль попала по назначению, но тоже оказалась временно замороженной, как и всё остальное.

«Потерпите», обратился Володя к дворовым детям и животным, к бомжам, соседкам и своим главным героям. «Вот сейчас насочиняюсь – и отпущу вас…»

В книге мысль на мысль меняя,
проводя героев счёт,
как писатель сочиняет,
так вокруг и жизнь течёт!

Глава 82. О ГЛАВНОЙ КНИГЕ ЖИЗНИ (окончание)

Володя не любил современную жизнь, забитую техникой. Эта жизнь вызывала у него ассоциации с давно не мытым человеческим лицом, пóры которого забиты грязью, из-за чего кожа перестаёт получать кислород. Люди, живущие в мире компьютеров, мобильных телефонов и современного транспорта, точно так же лишены кислорода, и не только того, из таблицы Менделеева, но и кислорода радости общения, когда можно взять кого-то за руку и заглянуть ему в глаза. Им неведом восторг, взрывающийся изнутри при виде покрытых снежными шапками гигантских елей. Они не знают чистого счастья тишины, обволакивающей тебя как таинственный кокон, в центре которого с оглушительным гулом бежит по венам и сосудам твоя кровь. Эти люди глубоко несчастны и ущербны, но он не мог их жалеть, ибо они сами выбрали такую жизнь.

Но вот писать свой гениальный роман Альбионыч предпочитал всё-таки не авторучкой, которая надоела ему за четверть века работы журналистом, и не на пишущей машинке, которая в своё время здорово помогала людям разбираться в его *ленинском* почерке (вот такая)[112], а пользуясь клавиатурой компьютера.

[112] Надпись на листе бумаги внутри пишущей машинки: «Похмелье – это гнев винограда» – англ.

Да-да, во времена *новые* нашему герою неожиданно понравилась идея писания на компьютере. Он давно подозревал, что всякое слово уничтожает *праслово*, и пишем мы не по чистым листам, потому что их просто не существует в природе, – на каждом уже написано что-то! И, замарывая своими закорючками это что-то, мы, возможно, уничтожаем великое. На компьютере же слова возникали ниоткуда, и там же, *в нигде*, и оставались, не пачкая экран монитора виртуальными чернилами.

Чего-то хотел, кроме блага
и хлопотных дел допоздна –
меня волновала бумага,
когда пустовала она.
И я за бумагу садился,
и рифмы к словам подбирал –
хромал, приседал и валился
измученный мной мадригал.
Стихи распадались. При этом
родные, друзья, не кляня,
меня признавали поэтом,
немного дразнили меня.
Страдавший за литературу,
за груды рифмованных книг,
за всю мировую культуру,
которую знал лучше них,
я попросту слышал такое,
чего не умел рассказать,
и счастье моё трудовое,
придя, ускользало опять.
А то, что талантом случайно
судьба обделила меня,
так это несчастье и тайна…
А всё остальное – херня!

Перечитав только что сочинённое, Кулемзин внезапно понял, что корни его стихов уходят в самую *глупь* народа! Ведь народный поэт (а наш герой был, безусловно, народным поэтом) – отнюдь не мыслитель. Он – переживатель-трепетатель, и смысл его поэтического высказывания трепетал, словно листва, под ветерком интонации. «Не следует верить биркам, пришитым к вещам искусства», горько подумал Володя, «их ткань нужно щупать душой…». Правда, его немного удручало то, что некоторые строчки упрямились, как пружинки, как бы не желая становиться в стройные ряды его Великой Придумки.

– Я уже давно не принадлежу себе, – печально промолвил Альбионыч. – Я достояние нации, и сколько мне отпущено *дедушкой*, буду служить любимому саксаульскому народу и его верховному главнокомандующему товарищу Назарбаксову!

Кулемзин – это ведь эпоха
в мировой литературе.
Знают все – бомжи и лохи:
это истина, в натуре!

Как писатель, Володя осознавал, что, несмотря на кризисы мировоззрения и мучительные приступы пораженчества, он заслужил своё место в пантеоне, лучше некоторых выразив своё время и переоценку исторических ценностей. Но, как человек умный, всё же понимал, чтó такое эта самая литературная долговечность. Предположим, его будут помнить сто лет или даже двести, или даже 10.000 катящихся в Вечность лет. Но кто ощутит вместо него счастье распадающегося целого? Кто ощутит Вечность вместо него?! Может быть, именно для того и существует великая литература, чтобы черпать в ней житейскую мудрость и душевный покой. А то, что пишет он именно великое произведение, наш герой нисколько не сомневал-

ся. Скорее всего, именно из-за этого он и постарался напихать в своё произведение столько много стихов и стишков, ведь рифмованное слово запоминается куда как легче нерифмованного.

Пишу стишки простецкие
под маской дневника, –
в них мира мысли детские
и старости тоска.
Так жизнь и смерть в таинственном
присутствии творца
рекут в числе единственном
от первого лица…

Здесь он вспомнил своих сопокерников и ещё раз подумал о том, что неплохо было бы отнестись к ним внимательнее, не сильно раня их слабые души алкоголиков. Особенно это касалось педагога Курманбаева, которого он, признаться честно, несколько недолюбливал.

– Может, написать ещё одну книгу, – вслух задумался писатель, – под названием «Нуртай как конечная стадия реинкарнации Чингисхана и Гитлера»?

Но пора было садиться за работу, ведь мозг уже начал медленно настраиваться на нетленные строки. Володя, как и всякий профессионал, знал, что ждать так называемого вдохновения не сто́ит, оно не придёт, как бы настойчиво не кружились над головой музы-мухи. «Надо переваривать то, что называется жизнью, и поднимать то, что валяется под ногами», понимал он. « Правда, удивительно, как этот мусор в конце концов превращается в строчки…».

Ум темяшит тема узловая –
что-то этот мир совсем негож:
вымысел, на окна налипая,
страшно на реальность стал похож!

Он помнил, что в так называемом народе было весьма распространено обывательское мнение о том, что гений и безумие как-то связаны. Но он-то знал, что оно абсолютно ошибочно. Читатель, конечно, может возразить автору: а Гоголь, а Достоевский, а Врубель, а Ван Гог, наконец, с его отрезанным ухом?! Не спорю, ответит автор. Но гениальные творения всеми этими замечательными людьми были созданы *до болезни*, ибо ни один душевнобольной никогда не сделал ничего маломальски талантливого. И вообще, как легко отличить здорового в душевном смысле человека от больного, скажем, шизофренией? Разум здорового человека – это бумажный рубль в кошельке, а разум больного шизофренией – это тот же рубль, но – мелочью и рассованный по разным карманам. Так вот, для того, чтобы создать что-то сто́ящее, надо выложить весь целковый сразу, а не шарить по карманам!

Писатель записал и эту мысль, пока ещё не придумав, куда её вставить, а вот автор решил оставить её именно здесь – в этой главе.

– Не «Русская кочерга», а прямо эпохалка какая-то получается, – пробормотал Володя и с сожалением выключил компьютер.

И не жалея сил, не ради славы
всё, чем я жил, вложил я в эти главы…

– Володя, мать честна́я, а почему ты не издаёшь свои книжки? – однажды невинно интересовался у него Афанасьич, которому не терпелось прочитать что-ни-будь про себя. – Они же такие интересные.

– Видишь ли, Серёжа, – отвечал марсианин, – просто меня никогда не жрут глисты тщеславия. Это первое. А второе – я предпочитаю жить *свободной* человеческой памятью…

Глава 83. В СОРЕВНОВАНИИ С ПРИРОДОЙ

Итак, мы оставили нашего героя Кулемзина, погружённого в творчество, а остальных – посредством старой марсианской технологии *ллчъшшъдр*, во Вре́менной Заморозке Мгновения. Чтобы вернуть ситуацию в привычное русло романа, Володя просто добавил к слову *ллчъшшъдр* два лишних твёрдых знака, и всё вновь ожило. Правда, где именно он их поставил, автор не имеет права рассказывать, иначе любой читатель, когда ему вздумается, начнёт балова́ться этим чисто марсианским изобретением, а это может привести к таким последствиям, перед которыми даже Столетняя война[113] покажется детской игрушкой из Зазеркалья.

[113] Серия военных конфликтов между Англией и её союзниками, с одной стороны, и Францией и её союзниками, с другой, длившихся примерно с 1337 по 1453 годы – прим. ист. редактора

После случившегося перерыва Володя несколько обновил свой гардероб, выйдя во двор в рубашке цвета марсианской незабудки *аркаъноъцетеи.* Выйдя на улицу, он понял, что на Бермудский Учпучмак нельзя было смотреть без содрогания: солнце светило так, словно наши герои по ошибке проводили свои игрища где-ни-будь на Меркурии, не видя сопротивления, духота продолжала давить на мозги, размягчая волю и тело. Запах лета в напряжённом мегаполисе с трудом пробивался сквозь бензиновые выхлопы легковых автомобилей и дизельный чад автобусов. Налицо был общий перегрев организма. Чувствовалось, что не помогало даже пивко, ибо вконец распоясавшееся солнце то и дело огревало по *казанам* игроков своей лучистой дубинкой.

Расписаны все роли,
затвержен текст начальный,
выкладывает солнце
незримый бутафор –
и млеет город мой
распаренно-печальный,
как в сковородке будней
французский сыр рокфор...

♠ ♠ ♠

Замечали ли вы, что мир вокруг нас давно уже изменился окончательно и бесповоротно, а мы всё пытаемся жить как раньше? И мало задумываемся над тем, что живём мы не в стране, не в государстве, а на каком-то постсоветском *пространстве*. А ведь на пространствах никаких законов не существует, как нет и никакой морали. Мы – отара овец, заблудившаяся в степи: идти некуда, волки постепенно истребляют нас, и мы всё теснее жмёмся руг к другу. На нашем пространстве не

может быть нормальной медицины, науки, культуры – вообще ничего. Пространство можно только пересекать, и желательно на *джипах* – пешком бессмысленно. Те, кто на быстрых джипах, будут лечиться за границей, а те, кто пешком, – подыхать здесь от простого аппендицита, туберкулёза и поноса из-за просроченных, а потому дешёвых продуктов. Когда-то мы смотрели фильм «Планета обезьян» и думали, что это увлекательная фантазия. Но вот пришли те самые обезьяны и взяли нас в заложники, а ещё немного – и сделали бы нас рабами. И никакой фантастики – только реальность! И получается, что вся наша жизнь превращается в соревнование друг с другом – у кого тачка круче, у кого банковский счёт больше, у кого жена из моделей, а кому пришлось по любви жениться на однокласснице, уже тогда не слишком-то и красавице.

Одержу-ка я победу,
взяв с собой гранатомёт –
соревнуюсь я с соседом:
кто рюмашек больше пьёт!

А соревноваться-то надо с природой, ведь она располагается прямо вокруг нас, и подталкивает именно к этому. Но в соревновании с природой человек, конечно же, несовершенен. Наверное, именно поэтому он и придумал спорт, а также другие нагрузки: покажу, мол, на что я способен. Но представьте разочарование, когда выясняется, что любой, самый проверенный, самый надёжный боец, наводящий страх на врага, рухнет вдруг от одного удара медвежьей лапы, а любой легкоатлет, например, какой-нибудь спринтер, а, может, даже спринтер-негр, не в состоянии догнать прыткое животное под названием Struthio camelus, или, проще говоря, страуса обыкновенного. Или пример ещё страшней: какой самый здоровенный деревенский мужик в сексе может соперничать с кроликом?!

Вот и выходит, что люди гордятся тем, что они слабы и где-то даже ничтожны. Какую бы мускулатуру ты ни накачал, а рядом с бегемотом всё равно кажешься былинкой. Обидно, но факт! А всё почему? Да потому, что *дедушка*, не подумав, создал человека не сильным, а всего лишь для того, чтобы он якобы мыслил, рассуждал, обмозговывал, прикидывал, в общем, загружал свои мозги как только мог, а не так, как надо природе.

Вот, наверное, поэтому мы и делаем всё, чтобы ум у нас был на последнем месте. Сомнительный постулат? – спросит читатель. Но автору, который просто-таки сросся корнями и другими своими частями с нашими героями, это известно как никому лучше! И особенно на примере героя, в честь которого и назван второй том нашего горького, но правдивого повествования – в честь Серёньки Афанасьича.

И смешок здесь неуместен,
потому что жизнь – обман:
у кого-то ум на месте,
у кого-то – нет ума!

– А ты что-нибудь про ихние баксы знаешь?, – неожиданно начал новую тему сторож. – А то мне как-то подозрительно, царица лесная, что они так легко рифмуются с нашими назарбаксами!

Володя хотел ответить ему, что историй о баксах у него очень много, но не стал, а просто рассказал навскидку сразу две истории об этих загадочных деньгах.

Глава 84. ИСТОРИЯ ПЕРВАЯ (О 100 долларах, или Все довольны)

В небольшом городке в отеле появился гость и попросил самый лучший номер – за 100 долларов, причём, вручил эту купюру хозяину отеля тут же. Хозяин отправил гостя вместе с горничной принимать номер, а сам радостный и счастливый побежал отдавать долг мяснику. Мясник, получив 100 баксов, также радостно поспешил к сапожнику, которому задолжал за туфли жене и дочке. Сапожник с той же купюрой побежал к электрику, который на днях поменял ему всю проводку в доме. Электрик побежал к проститутке, которая уже неделю обслуживала его в долг. И, наконец, проститутка со 100 долларами прибежала к хозяину отеля, у которого несколько дней жила её сестра из Бердичева, приехавшая погостить.

В это время со второго этажа спустился недовольный гость отеля и сказал:

– Слушайте, за такие деньги вы могли бы предложить мне нечто приличное! Я поспешно съезжаю!

Хозяин отеля пожал плечами и возвратил купюру несостоявшемуся гостю. В итоге все довольны, все смеются (кроме, конечно, гостя городка)!

– Мать моя партия, дурацкая какая-то история! – воскликнул Курманбаев, который не любил, чтобы деньги, уже осевшие в кармане, исчезали вновь.

– Жалко бедолагу, – посетовал и сторож. – Мать честна́я, неужели он в арыке ночевал?

Без денег каждый непригоден,
а каждый умный – при деньгах:
круговорот купюр в природе,
круговорот купюр в мозгах!

Глава 85. ИСТОРИЯ ВТОРАЯ (О 30 долларах, или Неразрешимая задача)

– А следующая история, яйчики-бабайчики, как ни странно, тоже произошла в этом же отеле, – поведал Володя. – Значит, дело было так…

Приехали как-то в этот городок трое друзей – не такие богатые и крутые, как персонаж нашей первой истории. И поселились они все вместе в одном трёхместном номере – за 25 долларов. А хитрый хозяин, когда они вселялись, соврал, что, дескать, с каждого за ночлег возьмёт по десятке.

Отдали 30 долларов друзья хозяину и пошли на речку – купаться. А хозяин отеля, вспомнив, что сегодня воскресенье, отправился в церковь. Но там местный поп, который знал, что хозяин отеля человек не совсем честный, тут же развёл его на так называемую святую исповедь. Что делать отельщику? *Дедушке* же не соврёшь, пришлось ему покаяться и рассказать о своём обмане. Отпустил ему грех поп, но только в обмен на то, что тот вернёт лишние деньги постояльцам. На этом и сошлись.

Вернулся хозяин в свой отель и послал горничную отдать 5 зажуленных долларов гостям, а также объяснить им, что, дескать, произошла ошибка, потому что номер на самом деле стоит не 30, а 25 долларов. Побежала горничная на речку, теребя в руке пятёрку, и сладко соображает на ходу: «Йодистые баксы, как же я отдам троим 5 долларов, ведь это же просто никак разделить по справедливости не получится!». И как только вспомнила она про справедливость, так сразу же решение и пришло: разменяла девушка в обменнике 5 баксов по одному, нашла друзей и вручила каждому из них по 1 доллару, рассказав, что хозяин случайно ошибся и

вместо 9 долларов взял с каждого по десять. Обрадовались гости такой честности и купили себе на сэкономленные деньги мороженого. Ну, а два доллара горничная, разумеется, взяла себе – даром, что ли, бегала по жаре!

– А задачка-то в чём? – недовольно промолвил педагог. – Мать моя партия, все же довольны остались.

– А ты не догадался? – весело попенял ему Альбионыч. – Тогда считай сам: гости заплатили по 10 долларов, а вернули им по одному баксу, значит, всего они заплатили 27 долларов. Да два доллара забрала себе горничная. Всего 29! А куда же делся ещё один?!

– Царица рублёвая, и, правда, куда?! – закричал сторож, подозрительно поглядев на Курманбаева, который, как точно знает автор, на этот раз был не виноват.

– Святой Малевич, ничего себе! – поразился и Муравлёв. – Ведь всё правильно! Действительно, куда?!

– 100 лет прошло с тех пор, как придумалась эта задачка, – по-былинному завершил историю саксаульский акын, – а до сих пор никто из живущих так её и не решил. Чего я искренне вам и желаю!

Быть может, этот страх приснился,
да так, что скрипнула кровать,
ведь доллар так здесь испарился,
что до сих пор не отыскать!

Может, кто-то из читателей решит эту нелёгкую задачу? Давайте договоримся так: кто первый пришлёт правильный ответ в Гостевую книгу сайта http://russian-poker.kz/, тот совершенно бесплатно получит этот второй том «Русской кочерги». Зуб даю!

Глава 86. НАШ ПЕРВЫЙ И ПОСЛЕДНИЙ ЛИНОЛЕУМ (хронотоп № 6)

Рассказав байки о долларах, писатель задумался о том, что совсем недавно, буквально каких-то лет 15-20 назад мы и слыхом не слыхивали об этих волшебных серо-зелёных бумажках. И вспомнил, как на стыке веков в городе Отцеябловске чуть ли не за одну ночь практически на всех перекрёстках возникли обменные пункты, где эти самые доллары можно было свободно купить. Прошлое неожиданно увиделось Альбионычу даже на значительном расстоянии, хотя как бы сквозь инфракрасные очки…

Шла затянувшаяся слякотная весна 2001 года. Весь мир за целый год до этого события отпраздновал так называемый *миллениум*, повсеместно называемый народом *линолеумом*. Уже около десяти лет прошло с той поры, как почил в бозе великий и якобы несокрушимый Советский Союз (б). И вместе с ним грохнулась в небытие экономическая система социализма, уступив место прекрасной и передовой капиталистической, как подумали было вначале люди наивные и восторженные. А теперь, в 2001 году, никто не знал, какая же из всего этого получилась экономика. Чаще всего её определяли гордыми определениями уродливая или дикая, а иногда даже и варварская.

В обыденной жизни и российского народа, и его восточного брата – народа саксаульского, твёрдо укрепились и стали родными ранее чуждые понятия: мафия, рэкет, офис, факс, дефолт, киллер, налоговая полиция, – что, разумеется, несколько удручало. Зато ангельской музыкой звучали новые, ранее никогда не виданные и не

слыханные соблазны: сертификаты, акции, дивиденды, инвестиции, мобильники, спонсоры, какие-то сникерсы и марсы, а также «Макдональдс» с противными и холестериновыми гамбургерами и чизбургерами.

Куда-то во мглу времени ушло неприятное, так до конца никем и не понятое понятие – *ваучеры*, которые умные люди продали и пропили в первый же день их получения. Были к тому времени уже позабыты несколько масштабных афёр, прозванных в народе *пирамидами*, на которые соблазнились сотни тысяч человек, оставивших в карманах мошенников свои последние сбережения. Все поголовно – от академика до дворника – трепетно следили за курсом рубля по отношению к доллару, о чём раньше никто, кроме специалистов и спекулянтов, даже и не думал.

Поднакопим мы ресурсы,
чтоб была жизнь весела:
курс рубля нам лучше курса,
коим партия вела!

Провалился в историческую бездну и позорный *сухой закон*, который в перманентно пьяной стране, естественно, никакой пользы принести не мог. Водки на прилавках теперь было хоть залейся, да и самогоноварение больше не запрещалось. Россия, в отличие от Саксаулии и других бывших союзных государств, мужественно приняла на себя денежные обязательства бывшего СССР (б), задолжав при этом чудовищные суммы Парижскому клубу, да и не только ему. Должники же великой страны и не думали ничего отдавать: что возьмёшь с нищих Кубы или Северной Кореи?

И вот уже лет десять, как разгулялось по матушке России и дочери Саксаулии тотальное воровство. Особенно отличились в этом весьма приятном занятии начальники из бывших, то есть партийная номенклатура. Однако нашлись ухари и из младших научных сотрудников, умудрившихся прибрать к рукам кто свечной заводик в Самарской губернии, а кто и металлургический комбинат в богатой ресурсами Сибири. Те, кто помоложе и поглупее, с крепкими мышцами, сбивались в стаи, образовывая банды вымогателей, и пытались обложить данью воров крупного калибра.

Впрочем, воровство это называлось сверхцивилизованно – переделом собственности. Так вот, этот передел нередко сопровождался кровавой войной между теми, кто пытался ухватить кусок пожирнее, теми, кто уже ухватил, и правоохранительными органами, которые пытались как-то отрегулировать процесс. Бизнесменов, предпринимателей, банкиров отстреливали, взрывали, травили, и вся эта кровавая бойня вскоре стала *привычной*. Обывателю даже становилось скучно, если в течение недели по *ящику* не сообщали об очередном заказном убийстве.

Мы привыкли к этой лаже
в днях суровых, боевых:
телевизор нам покажет
всех оставшихся в живых!

Всё это было весной 2001-го… Избрали нового президента, и в мае предстояла его (прости, русский язык!) инаугурация. Лизоблюды и холуи из высших эшелонов власти уже принялись пинать старого руководителя страны, начисто забыв, что именно он и сделал их тем дерьмом, которым они стали сегодня. С новым молодым

президентом Путиным глуповатый и простоватый русский народ связывал все надежды на грядущую прекрасную жизнь, хотя само государство уже находилось на грани нищеты. Интеллигенция относилась к новому народному избраннику с некоторой недоверчивостью – ве прекрасно помнили, что в прошлом этот подтянутый парень служил в КГБ (б).

В памяти финансистов и банкиров всё ещё были свежи воспоминания о дефолте 1998 года, когда по всем экономическим структурам словно прокатился мор. Поэтому, хотя и осторожно, выплачивали внешние долги, а заодно где только можно тут же набирали новые. И на всём этот фоне наивные бывшие советские люди – и в России, и в Саксаулии принимали действительность за кошмарный сон, а редкие солнечные и радостные сны – за действительность…

У профорга и комсорга,
у групорга и парторга,
как рядком ни становись,
сон кошмарный длился долго
(рай земной давно оболган!):
у иных – длиною в жизнь!

Глава 87. ЭСКАПАДЫ ВО ВРЕМЯ СРАЖЕНИЯ

Одним из главных принципов в русском покере, как и в карате, является то, что бой надо вести по принципу эффективности – не эффектности! Главное, как говорят японцы, *хен-о*, или чуткость, то есть предвидение действий противника и сознательное применение нужной техники – как одно мгновенное движение, производящее впечатление непроизвольного. *Хен-о*! Но наши игроки, самонадеянно думающие, что уже в достаточной степени изучили все тонкости этой великой игры, порою работали именно на эффектность. И особенно этим отличался педагог Курманбаев, так как ничем другим к его, как выражался Володя, весьма преклонным годам он отличиться не мог. Причём, чаще всего эта эффектная игра ему просто казалась. Так, с таинственным видом он заказывал пять взяток – в расчёте на то, что кто-то испугается и, сдуру нахапав первые взятки очень хорошими картами, оставит ему как раз заказанные, которые он легко побьёт сэкономленными *грандами*.

Если бы при игре не было Кулемзина, возможно, так бы и происходило, но покерный гуру не только ведал этот примитивный приём, но знал также, что в его арсенале таких приёмов ещё с десяток. Поэтому иногда чисто из жалости он давал Мусаичу выиграть пару-тройку робберов, но всё-таки старался, чтобы эта тенденция не расширялась до выигрыша всей партии. Вот и сейчас, набрав свои три взятки, он скинул последнего младшего джокера *за простую*, который тут же забрал Нуртай.

– Спасибо, Володя, – неискренне заулыбался спасённый. – Мать моя партия, ты же мог меня сейчас и кинуть!

– Не за что, – равнодушно ответил писатель, пожав плечами. – На том свете угольками сочтёмся.

Жрём друг друга без причины,
ставя Каина печать,
зная: чёрт в аду прикинет,
сколько жа́ру наподдать!

«Святой Малевич, молодец какой!», в это время подумал художник Муравлёв, и в голове его тут же родилась идея большого полотна под названием «Владимир Альбионыч Победоносец пронзает джокерным копьём Змея Курманбаича». За ней пришла и вторая мысль, а именно: из-за размеров главного *фигуранта* полотно должно быть не менее трёх соток.

Между тем, очередная партия, как паровоз на Батум, набирала свой ход. Педагог увидел пришедшие карты и тут же попытался изобразить на своей физиономии выражение, которое принимает невинная маленькая девочка над трупиком безвременного скончавшегося любимого котёнка. Володя, хорошо понимая все эти физиогномические выкрутасы, понял, что сейчас произойдёт блеф – и не ошибся!

– Пас, – с вымученной тоской произнёс Курманбаев.

На это волшебное слово купились сразу двое – прапорщик и охранник, оба заказавшие по три взятки из роббера в семь карт.

– А мне? – горько произнёс Альбионыч. – Яйчики-бабайчики, почему же вы ничего не оставили мне?

– Как это ничего, царица лесная? – на пальцах сосчитал Полтавцев. – Тебе остаётся одна взятка, вот её и бери!

– Одна? – ещё горше переспросил писатель. – Это как косточка, которая остаётся в борще, который уже сожрала голодная банда беспризорников? Нет уж, тогда я вообще брать не буду. Пас!

Горечь педагога была непередаваемой. Дело в том, что ему, как это нередко бывало, пришли отличные карты – пара джокеров, четыре козыря и один заезжий туз. При правильной игре (тем более что первый ход был именно Нуртая) можно было, не напрягаясь, взять все семь взяток! Или шесть, хотя это принципиально было не важно – главное, что при таком раскладе *пролетали* остальные участники процесса, и даже если к его персональной записи прибавится всего 6-7 очков – за перебор, то у других-то как раз убавится по 45-60! А вот это уже было серьёзно. Теперь, читатель, ты понимаешь, почему так расстроился Мусаич, когда Володя объявил пас? Ведь это означало, что посадит он сейчас не всех, а только двоих игроков, а Альбионыч так ещё и возьмёт за свой сыгранный пас *законные* 5 очков.

Объясняю для присяжных,
что умеют наказать:
в нашей битве очень важно,
если двойка бьёт туза!

Играя свой блеф, педагог даже не догадывался, что Кулемзин играет против него даже не одинарный, а какой-то двойной блеф – во-первых, он сделал вид, что у него крайне слабая карта, и, во-вторых, что он страшно обиделся на много заказавших Батыршина и Серёжу. Роббер, как помнится, был всего в семь карт, и Нуртай наивно полагал, что, взяв шесть взяток, последнюю он всё-таки всучит Володе. Для чего? Это и была его главная, хотя и мелкая пакость – тогда бы писатель вместо 5 пасовых очков получил бы всего одно – за перебор. Но не таков был Альбионыч, чтобы так легко покупаться на мелкие пакости. И когда Курманбаев первыми ходами лихо расправлялся с самыми крупными картами противников («По джокерам! По козырям! По червям!»), марсианин сбрасывал всё ненужное, в конце концов оставив себе только пиковую тройку. Но когда Нуртай сделал последний ход *за простую*, он положил эту тройку, надеясь, что именно эту масть заберёт кто-то другой. Так оно и случилось – раздался вначале восторженный вопль

музыканта, положившего на володину тройку своего валета, а потом не менее восторженный вопль серёжин, который побил обе карты пиковым королём. Таким образом, охранник пролетел не на 60 очков, как планировал педагог, а только на 45, а вот военный трубач, как говорил на XXV съезде КПСС (б) Ильич II про иностранных врагов, *огрёб по полной*!

В перспективе долгосрочной
нам настрой неоходим:
коммунисты знают точно –
коммунизм непобедим!

Почувствовав, что он обманулся в своих самых лучших ожиданиях, Мусаич взвился, спина его стала держаться неестественно прямо, как будто у него внезапно случился геморрой, а на лбу его вспыхнула *каинова* печать.

Глава 88. ЭСКАПАДЫ ВО ВРЕМЯ СРАЖЕНИЯ (продолжение)

– Йодистые джокеры, вроде бы карты у всех одинаковые, правила мы знаем тоже все одинаково, но почему ты всё время выигрываешь? – недоумевал музыкант, переживая только что случившееся.

– Видишь ли, Талгат, тебе, как жертве семейной жизни, я, так и быть, объясню.

Серёжа немедленно достал из засаленной штанины книжечку «Для му.мы.» и открыл чистую страничку.

– На свете есть два способа восприятия пространства, или, проще говоря, две *неравномерные* геометрии. Надеюсь, Салихдзяныч, ты не будешь спорить с этим постулатом?

У кого ума палата,
у того и царский трон:
если знаешь *постулат* ты,
значит, правда так умён!

Трубач отрицательно качнул головой. Полтавцев посмотрел на него и добавил:

– Я, наверное, тоже не буду, хотя и мог бы поспорить с тобой в этом вопросе!

– Согласно первой геометрии, по которой живёте вы, параллельные прямые никогда не пересекаются, и это придаёт жизни некую определённую логику и соразмерность. Я же живу по Лобачевскому, у которого всё наоборот: его параллельные прямые всегда норовят сойтись в какой-нибудь одной, самой неудобной точке. Но дело даже не в этом, а в том, что я, в отличие от вас, знаю, что это возможно, и потому всегда готов принять *невероятное*, тогда как для вас игра – это *вероятное* событие!

Сторож немного подумал и быстро начертал в книжечке: «Невероятно, но Володя лично знает товарища Лобачевского!».

– Мать честна́я, а ты уверен, что параллели не пересекаются? – с сомнением произнёс он.

– Да в том-то и дело, что не уверен, – ответил Кулемзин.

– А как же тогда?

– А вот это и есть та орбитальная трансцендентальность жизни, которая и собрала нас всех вместе сегодня и сейчас.

– Эт’ точно, ёперная параллель! – с умным видом подтвердил Талгат.

– Нет, не точно, – оборвал его враз поумневший от такого обилия *учёных* слов Афанасьич. – Кое-чего не хватает – для полной ясности картины бытия!

Здесь писатель вздохнул и выложил перед сторожем очередную купюру.

– Ты велик! – в ажитации воскликнул тот. – Но как ты догадался?

– Иди уже, – вздохнул Володя.

– Я-то пойду, – ответил Полтавцев, – а ты в это время подумай, что именно для тебя эта геометрия?

– А чего тут думать, – ответил Кулемзин. – Ты не поверишь, старик, но это та же покерная *жопа*, только в профиль!

– Как это?

– Не могу рассказать, – посетовал Кулемзин. – Горло пересохло!

Разбивают жизни волны
человеческую спесь:
тот судьбу познает полно,
у кого *пивасик* есть!

– И, вообще, Серёжа, про геометрию больше ни слова! О ней должны думать только те, кто в ней немного чухает.

– Да что же я, вашей геометрии не знаю, что ли? – разозлился охранник.

– Ну, если знаешь, – прищурился Володя, – расскажи-ка мне *лемму* о радиусе квадрата!

– А ты сначала расскажи, что такое лемма.

– Вот то-то и оно!

В следующее мгновение выяснилось, что на предполагаемое незнание геометрии охранник обиделся так, что категорически отказался идти за пивком. Писатель строго глянул на коллектив, после чего, кряхтя, как паровоз Джорджа Робертовича Стефенсона, с покерной скамеечки поднялся прапорщик. Здесь все вздохнули с облегчением – прихватив деньги, военный скороход тут же начал своё нелёгкое движение в сторону лавки Калимы.

− Талгат, и чего-нибудь сладенького, − зачем-то пожелал ему сторож, видимо, решив заесть горечь от непонимания товарищами.

Порядком захмелевший музыкант в результате этого короткого пути выписывал ногами затейливые кренделя, словно заправский электропоезд на *американских горках.* Валера, увидев устремившегося в магазин трубача, в который раз подивился, с какой невероятно малой скоростью может передвигаться к заветной цели этот человек при его высоком художественном интеллекте, хотя как именно наличие ума влияет на скорость передвижения, пожалуй, объяснить бы не смог, если бы, конечно, его об этом кто-нибудь спросил.

Есть правило, идущее от века,
и ты запомни накрепко его:
чем ниже интеллект у человека,
тем меркантильней помыслы его!

– Володя, – обратился он к Альбионычу, – ты не находишь, что наш друг как-то странно передвигается? Может, в его передвижении тоже есть какая-то определённая трансцендентальность?

– Нет, не нахожу, – ответил марсианин. – Вижу, что ты, Валера, скорее всего, забыл третье правило Эйнштейна-Кулемзина-Трампа-Морковкина.

– А что это за правило? – засуетился Афанасьич, за отсутствием книжечки «Для му.мы.», которая осталась в котомке, что приватизировал на время пивной скороход, отрывая кусочек рекламной газетки, валявшейся здесь же в пыли. Володя дождался, пока тянущийся к знаниям Полтавцев послюнявит красный карандаш, и, подняв указательный палец ввиду важности сообщения, произнёс:

Пока люди верят, что $e = mc^2$,
у них сохраняется вектор движения!

Серёжа тут же, чтобы не забыть сказанное, начал лихорадочно каракулировать на листочке: «Главное в движении – это вектор каких-то латинских букв в квадрате!». Он прочитал только записанное и поразился, насколько же в лучшую сторону его мысль отличается от весьма слабой мысли старых друзей Германыча и Альбиоыча.

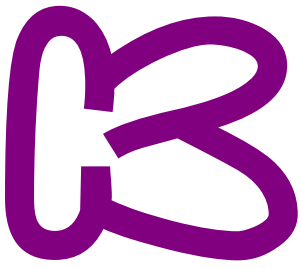
Батыршина не было довольно долго, и страждующие сопокерники начали закипать, тем более что августовское солнце, рыхлое и жёлтое, как топлёное масло, било в глаза, выдавливая из затылков мелкие капельки пота. Пока Талгат ходил за пивом, Нуртай начал рассказывать живописцу скучнейшую историю о каких-то хакерах. Валера не знал этого слова (да и многих других тоже), и потому ничего не понимал. Кулемзин же вообще не слушал, так как слово *хакер* напоминало ему нечто чахоточно-отхаркивающее.

Настя хакера любила –
код он Насте поломал!
«Ты зачем со мной так, милый?»
Он в ответ лишь сиськи мял…

– Этого вашего шнапс-капитана только к третьему пришествию жди, – пророчествовал писатель.

– А что, второе уже было? – испугался Полтавцев, который незаметно от действительности почитывал библию.

– Нет, о том и речь, – ответствовал игрок с большой буквы К. («Нет, ну какая же она большая», подумал здесь автор. «Лучше вот с такой!»)



– Фу, а я уж подумал, что пропустил что-то сильно главное, – смахнул невидимый пот глуповатый.

Глава 89. ЭСКАПАДЫ ВО ВРЕМЯ СРАЖЕНИЯ (ещё одно продолжение)

Но – всё проходит в этом худшем из миров, прошло и напряжённое ожидание. Словно откликнувшись на страстный призыв сухих глóток, в проёме магазинной двери появилось сияющая морда музыканта. Передвигался он как-то тяжело, словно цирковой конь, которого похмельный дрессировщик неожиданно поставил на коньки, в отчаянии размахивая руками, словно поп кадилом во время бессмысленной массовой пешеходной прогулки, торжественно называемой крестным ходом. И всё же все заметили главное: Батыршин тащил серёжину котомку с пивом, словно ишак Ходжи Насреддина хозяина.

По прибытии военного музыканта обратно в коллектив выяснились сразу две неприятные подробности. Первая заключалась в том, что Талгат, не думая о последствиях, оставил себе всю сдачу. «Sticky Fingers[114]», по-роллингстоуновски подумал Володя.

[114] «Липкие пальцы» – англ. Название концерта группы «The Rolling Stones» 1971 года – прим. муз. редактора

Вторая вещь была ещё хуже, ведь по просьбе Афанасьича трубач купил липкий сладенький батончик с заманчивым названием «Milky Way», название которого Серёжа тут же перевёл как «Милка, вау!». Прихлебнув из свежей бутылочки, Полтавцев начал тщательно изучать мелкие буковки на обёртке заморской сласти. Потом его взор потеплел, и он стыдливо признался Кулемзину:

– Володя, я только что стишок сочинил.

– Ну, давай, – поощрил его писатель.

Охранник набрал воздуха в грудь и тонко, как дети на утренниках, прокричал на весь Бермудский Учпучмак:

– Е517 вдвойне вкусней,
если оно находится
в батончике «Милки Вэй»!

«Неплохо, неплохо!», оценил потугу знатный поэт. «Вот только размер немного хромает, но, если учитывать тяжёлое детство Серёжи, которое протекало в деревне Семижопино, то, знаете ли, вполне…»

– Володя, а как тебе «Жигулёвское»? – со сладострастным стоном отхлебнув глотóк из бутылочки, спросил новоявленный саксаульский лермонтов.

– Вообще-то говоря, это дело хозяйское, – поморщился писатель, – но в данном случае зависящее исключительно от порога брезгливости. Кстати, а не поиграть ли нам немного?

Все посмотрели на него с недоумением, точно крепостные на хозяина, словно бы говоря: да как же так, барин, угощеньице принесли, а ты тут со своим сенокосом! «Надо крутить ситуацию», подумал писатель, «как акробат собственную жену под куполом шапито!», тем более, что Великая Игра научила его не ждать, а выжидать, спрессовывая вязкое время небольших робберов в пружинистую готовность к прыжку.

– Сдавай! – обречённо воскликнул Курманбаев, с завистью поглядев на живописца. Валера в ответ довольно улыбнулся: ему, в отличие от крепостных Кулемзина, не надо было напрягаться, чтобы решить что-либо совсем неразрешимое:

например, сыграть на мизе́ре или просто блефануть при весьма неплохих картах. В его распоряжении были ещё две бутылочки «Тянь-Шаня», хорошее настроение, отсут-ствие мыслей о семейной жизни и часов шесть – до того момента, когда сегодняшняя сказка закончится.

Расцвела в цветочке завязь,
сок родился на корню:
сам себе сижу на зависть,
потому что пиво пью!

Эскапады, заявленные в заголовке этих нескольких глав, начались уже с первой *тёмной*. Серёжа решил подражать Кулемзину и начал игру с блефа:

– Одну!

Все занервничали, и даже Нуртай, у которого был младший джокер, тут же отпасовался, испугавшись начального проигрыша аж в 50 очков. По пасам заказали и остальные. Афанасьич лихо выкинул червового валета при трефовых козырях, Володя какую-то невнятную некозырную четвёрку, Батыршин – пикового короля, а педагог, словно в тумане, не соображая, что делать дальше, неожиданно промолвил *за простую!*, так как помнил, что заказывал пас. В итоге сторож взял свою заказанную взятку, но так испугался неожиданного выигрыша, что стал настаивать на переигровке, которая вообще не входила ни в какие правила *русской кочерги*.

– Володя, я же хотел, как ты, – сбивчиво объяснил он случившееся, для верности перекрестившись не так, как его учила бабушка Федора из деревни Семижопино, а слева направо – как писал.

– Как говорится,

что крестьяне,
то и обезьяне! –

пожурил его писатель, радуясь, что Нуртай, который мог бы опрокинуть охранника на начальный минусовой полтинник, отделался своими пасовыми 10 очками. «Тротил тебе под хвост!», мысленно пожелал ему Кулемзин. Но радоваться в открытую не стал, а решил немного покривить так называемой душой, тем более, что наличие таковой не обнаруживал у себя с детства, считая глупой церковной придумкой, никак не подтверждённой отечественными саксаульскими учёными. Он прищурился и обратился к виновнику конфликта:

– Вот вы лично, мужчина, где были, когда *дедушка* мозги раздавал?

К этому времени очухался и прапорщик, тут же начав грязно ругаться, перемежая русские слова о некоторых частях организма охранника почему-то не с родными татарскими выражениями, а узбекскими, что выражало крайнюю степень его раздражения. Пробормотав что-то типа «Серёжа, … … … мен чап бурун тешигидан сизнин она деяётганимни[115], … … …», он сделал слишком большой глоток, чтобы успокоиться, начал перхать, иногда и кхекая – когда муравлёвская ладонь ритмично выбивала пыль из его рубашки.

[115] … … … … … … – узб.

Инцидент совсем ужасен,
хоть случился в тишине:

подавился нынче Вася –
от удара по спине!

Глядя на ругающегося Талгата, Альбионыч подумал о том, что если бы сейчас трубача укусила собака, то ей не помешали бы несколько профилактических уколов от бешенства – под хвост. И один только Курманбаев сидел с равнодушным лицом диктора программы «Время», сообщающего о ходе очередной советской (б) жатвы.

– Ну что ж, рисуй новую красную звёздочку на фюзеляже! – пожелал сторожу Кулемзин, решив, что раз пошла такая непруха, погрязнуть в позиционной борьбе, так как чувствовал себя не готовым к радикальным приёмам.

– Володя, мать честна́я, а как ты думаешь, – решил исправить положение Серёжа и продолжил виноватым голосом: – если в первой партии я выиграю, а во второй Нуртай, то кто тогда может выиграть в третьей?

Володя молча смотрел на деграданта. Вопрос Полтавцева сейчас по своему образу, подобию, а также смысловому содержании, был абсолютно адекватен вопросу: «Когда Жириновский выступит в Госдуме с инициативой принятия закона о запрещении климакса у женщин Российской Федерации?». Но замолчать вопрос было бы невежливо.

– Копеечный эскапизм[116], – пожурил он товарища.

[116] Индивидуалистическо-примиренческое стремление личности уйти от действитель-ности в мир иллюзий, фантазий – англ.

Такой ответ неожиданно обрадовал Афанасьича. Он достал заветный блокнотик «Для му.мы» и начертал на свободной страничке: «Володя только что пообещал, что к нам скоро присоединится какой-то новый игрок, скорее всего, еврей по фамилии Эскапис, правда, принесёт он с собой только копеечку. И то, где это видано, чтобы евреи поили весь коллектив!»

Промчались годы – 20, даже 30,
пока пришлось ужасно удивиться,
узнав впервой у сведущих людей,
что *наш* Христос – не русский, а... еврей!

Глава 90. ЭСКАПАДЫ ВО ВРЕМЯ СРАЖЕНИЯ (окончание)

В это время внимание игроков было отвлечено, но, справедливости ради, автор отметит, что всего лишь на минутку. Дело в том, что на горизонте, за которым скрывалась улица Жубанова, появился и вскоре исчез старый володин друг Насиб Кураев, которого Кулемзин по старой русской пафосной привычке всё преувеличивать, называл *корешок стозванный*, несмотря даже на то, что рождённый азербайджанцем, пришелец упорно предпочитал называть себя турком.

Об этом промежуточном герое мой внимательный читатель уже кое-что узнал в первом томе «Русской кочерги», а если захочет он освежить это кое-что в памяти, то вот ему подсказка: загляни ещё раз в гла́вы 129-130 указанного тома. Насиб подошёл поближе к коллективу, поздоровался со всеми и отметил нездоровый цвет лиц собравшихся. «Да это прямо пир во время сумы!», подумал он.

– Нэ вар нэ ех? – поинтересовался у пришельца Альбионыч.

– Яваш-яваш, – ответил Насиб и, в свою очередь, поинтересовался у писателя:
– Нэ истэрсэн?
– Да тоже всё ништяк, – признался марсианин.

После чего володин друг исчез так же стремительно, как и появился, хотя и пообещал перед этим, что вскоре перезвонит, а потом даже ещё раз подъедет, чтобы привезти коллективу какие-то фрукты *на закуску* из собственного садика.

Коль налог не подоходен,
удивляюсь я чуть-чуть:
к нам всегда друзья приходят –
не на помощь, а бухнуть!

Между тем очередная партия подходила к концу, знаменуя и то, что первая часть нашего замечательного повествования тоже подходит к концу. Володя, как тонкий знаток натуры, совершенно точно знал, что любой человек, независимо от пола, возраста, образования и материального положения интересуется собственной персоной куда живее, чем персоной ближнего, не говоря уже о дальних. И лучше всего этот постулат подтверждался на примере *русской кочерги*.

Крупные *иблисы* и *иблисы* помельче постоянно искушали не только писателя, но и остальных игроков, пытаясь посеять в них разные сомнения, но они, верные принятому на себя долгу, терпели. Особенным терпением отличался Кулемзин – примерно как некий Христос, в которого он не верил как в бога, но которого уважал (признавая в нём литературного героя), как первого социалиста и вообще неплохого парня, которому не повезло с садистом-папой. Неучтённым в игре оставался только один фактор – сам покер, но гуру знал, что это была *переменная*, которая не только в картах, но и в жизни трудно поддавалась прогнозированию.

Нам нужна стабильность в ценах,
пиво *вискарю* взамен:
не нужны нам перемены –
будем пить без перемен!

И этой *переменной*, как ни странно, были те самые карты, которые по прихоти Суки-судьбы каждый раз приходили к нашим героям в разном составе. Если бы происходящая здесь игра была снята на видео без звука, то внимательный зритель всё равно мог бы с лёгкостью догадаться, кто сейчас на щите, как когда-то остроумно выразился в своих «Моральных сочинениях» некий Плутарх из Херонеи, а кто, напротив, под ним. Вот Нуртай, получив свеженький расклад, стал улыбаться с видом Курочки Рябы, которая только что снесла золотое яичко. Володя же, наоборот, сидел мрачный и тяжёлый, как танк «Т-34». Рядом с ним примостился Серёжа, который на прославленной покерной скамеечке выглядел каким-то сгорбившимся, словно привокзальный нищий. Вот Салихдзяныч неожиданно заржал, как конь Будённого перед парадом, и все поняли, что так искусно блефовать невозможно, а это означает, что пришли к нему весьма неплохие карты.

Больше всех злодействовал Курманбаев, который в игре, не взирая на авторитеты, был беспощаден, как анаконда. Посадив всех троих на одну взятку, он начинал тревожно вглядываться в лица сопокерников, как провинившаяся собака, правда, глаза его при этом излучали вовсе не сострадание, а нескрываемую радость по

поводу случайной *локальной* победы. Скрывая торжество, он наклонял голову и потихоньку кхекал, изображая неожиданный приступ фарингита.

– Да ты вылитый agnus dei[117], – пожурил саксаульца Володя.

[117] ***Агнец дедушкин – лат.***

– Да я не виноват! – горячо оправдывался педагог, не поднимая головы. – Оно само пришло!

– Наивный ты, Нуртай, – покачал головой Володя. – Неужели ты не знаешь, что волосатых черепах и рогатых зайцев не бывает?

Напрягая громко связки,
те, кто в жизни трепачи,
нам рассказывают сказки
о бутылочках с бахчи!

Полтавцев, услышав такую ранее не слыханную им мудрость, тут же развернул свою боевую часть в виде знаменитой на весь мир книжечки «Для му.мы.», на чистую страничку которой поспешно накаракулировал запомненное: «Володя только что выяснил, что Нуртай – настоящий *иблисоид*, потому что выиграть ему помогают какие-то мифические страшные персонажи сказок неизвестного нам народа древности. Особенно тяжело для моей психики было услышать о каких-то волосатых зайцах!». После этого он решил помочь Альбионычу, правда, не догадываясь, что толку от такой предполагаемой помощи было как от презерватива при превентивном ядерном взрыве.

Но Нуртай, которому карты попёрли прямо-таки фантастически, продолжил свою подрывную деятельность, вглядываясь в лица игроков взглядом тигра-людоеда, в целях конспирации напялившего на себя овечью шкуру. И хотя в игре Володя был наблюдательным и хватким, как бультерьер, отсутствие хороших карт сказывалось как-то нехорошо. Нуртай, напротив, как говорят на русских зонах, *веселился в одну харю.* Получив поддержку в виде *пухи*, он даже не стремился утруждать себя тщательной проверкой своих догадок по поводу карт соперников, а просто рвался вперёд, не разбирая дороги, как джигит, хлебнувший с похмелья пару литров кумыса от дикой кобылицы. В голове его красным стягом реял лозунг, только что впихнутый в его голову рогатым другом *иблисом*:

**Наше дело ультраправое –
мы победим!**

День казался длинным, как трамвайный вагон с прицепом. Паровоз дошёл до последней станции – оставалась только последняя *тёмная*. И всё-таки всё когда-то заканчивается! Закончилась и *тёмная*, а вместе с ней и вся партия – на сей раз победой Курманбаева. Это известие все приняли по-разному, ведь и завершили последнее сражение в первой части романа все тоже по-разному: Кулемзин оказался на втором месте, отстав от Мусаича всего на 12 очков, Батыршин на третьем, с трудом набрав чуть более ста очков, а вот Полтавцев сидел с видом удручённым, так как именно в этот момент рука писателя тщательно рисовала в его итоговом

квадратике толстую и жирную *шпалу*, очень похожую на шпалу настоящую. Наступила такая тишина, что казалось, было слышно, как шуршат капли пота, стекая с мягких ушей Альбионыча. Завершив свой высокохудожественный рисунок, марсианин посмотрел на своих товарищей по партии (в *русскую кочергу*! – Вл. Г.) безучастно и в то же время с немой тоской во взоре, как бы внутренне сокрушаясь от мысли, как это его занесло в компанию таких питекантропов.

По три ведра адреналина
хлебай, но только победи:
когда свою увидишь спину,
ты будешь знать: всё позади…

– Ты бы рассказал что-нибудь, Володя, – простонал в это время Муравлёв и даже стал выразительно щёлкать себя указательным пальцем по горлу, заставляя его периодически соскакивать с пальца большого. Володя, конечно же, не стал чиниться и рассказал.

Глава 91. БАЙКА О СВОБОДЕ

– Один человек совершил преступление, – начал он историю. – И вот его поймали и привели на суд к королю. Кстати, за его *деяние*, как выражаются юристы, этому человеку полагалась смертная казнь, но король предложил ему самому выбрать свою Суку-судьбу.

– Мать честна́я, как это? – подпрыгнул на покерной скамеечке Серёжа, которому недоумение во всём было привычно, как «Жигулёвское».

– А вот как: либо быть ему повешенным, либо попасть за больша́ю, чёрную, страшную дверь.

– Да, невелик выбор, – скептически отозвался педагог.

– Да уж какой есть.

– И что этот чертила выбрал? – включился в разговор военный музыкант.

– А этот чертила, как остроумно назвал его Талгат, выбрал… виселицу!

Все ахнули.

– И вот когда ему накинули петлю на шею, он вдруг произнёс:

– Слушай, король, а что там, за той дверью?

Король рассмеялся:

– Понимаешь, какая забавная штука получается: я ведь всем предлагаю этот выбор, и все так же, как и ты, выбрали виселицу.

– Да это понятно, – ответил приговорённый. – А за дверью-то что? Не бойся, – показал он пальцем на петлю, – я ведь всё равно уже никому ничего не расскажу…

Немного помолчав, король всё же ответил несчастному:

– Яйчики-бабайчики, там свобода.

– Как?!

– Да-да, свобода. Но люди так боятся неизвестности, что предпочитают ей верёвку!

Там придумала природа,
сделав нас мишенью:
не нужна тому свобода,
кто в плену с рожденья!

Глава 92. О РОМЕО И ДЖУЛЬЕТТЕ

Рассказав эту поучительную историю, Володя заметил, как Нуртай и Талгат не могут поделить последнюю бутылочку пивка, при споре напирая на тот факт, что она стояла по покерном столике ближе к каждому из них.

– Царица лесная, да успокойтесь вы! – попенял прапорщику и педагогу Полтавцев. – Развели тут, понимаешь, вражду, как эти… Моря́кки с Катапультами!

– Про Морякков с Катапультами, говоришь, – улыбнулся писатель. – Яйчики-бабайчики, давайте расскажу вам про это, но только в своём *перекладе*, а то у Шекспира как-то, по-моему, мрачновато и скучновато.

– В итальянском городишке
(знать, в каком-то среднем веке)
враждовали меж собою
Капулетти и Монтекки.
Между семьями разборки –
что-то там не поделили
мафиози, словно волки,
а их детки-малолетки
вдруг друг друга полюбили!
Так Ромео со Джульеттой
тайно от родни встречались –
итальянским знойным летом
можно ведь ходить раздетым –
вот и страсти разгорались!
Разгорелась и вендетта –
на ромеовский кинжал
наскочил браток Джульетты.
Тут вообще пошёл завал:
палки, шпаги и кастеты,
арбалеты, пистолеты –
и Джульетта в кому впала:
не снесла такого стресса –
словно мёртвая лежала!
На заупокойной мессе
вся родня её рыдала
(вопли, плач, некролог в прессе).
К ней в фамильный склеп ворвался
наш Ромео, с горя кроткий,
сдуру он не разобрался,
что жива его красотка, –
выпил яду и скончался
(может, самопальной водки?)…
А очухавшись, Джульетта
видит труп дружка. Визжа,
бросилась к нему, при этом
вдруг наткнулась на кинжал
(неудобно он лежал)!

Глупо так погибли оба…
Но любовь была – до гроба!

Оп-па, а что оказалось-то? А оказалось то, что по Великому Плану Построения Романа «Русская Кочерга» именно этот невинный стишок и должен был закончить первую часть нашего второго тома. Да будет так!

Конец первой части

Часть II.
День

Глава 93. УЧПУЧМАКСКИЙ ПАДЕКАТР[118]

И вот закончилась часть первая нашего великого повествования под названием «Утро», и вот началась часть вторая, именуемая «День». А что это значит? А значит это то, мой дорогой читатель, что наступил действительно день, который наивные астрологи полагают пришедшим с пробитием ровно 12 часов на часах кремлёвской Спасской башни. Но далеко от Саксаулии та башня, и не слышно её перезвона, поэтому автор сам, своей волей и назначает день вступившим в свои водительские права.

[118] *Танец четырёх исполнителей – фр.*

А предшествовало наступлению нового дня вот такое незначительное, с точки зрения Вселенной, событие, но очень важное для наших героев. Альбионыч взялся рукой за свой пульс и тихо спросил Полтавцева:

– Хочешь, назову время с точностью до секунды?

Здесь объективности ради автор должен заметить, что в этот момент было без одной минуты 12, и ровно через 60 секунд из окна соседки Ангелины Ивановны должно было раздаться пищание радиоредакционных часов. Серёжа в ответ озабоченно взялся за собственный пульс и тут же ответил:

– Сам назову: 29 минут после 11.30! Мать честна́я!

А важным это событие было потому, что, если говорить, например, о летнем саксаульском утре, то в это время жить ещё было как-то можно, а вот к 12 часам дня уже просто никак – температура воздуха, когда-то придуманная иностранцами Андерсом Нильсовичем Цельсием и Габриэлем Даниэлевичем Фаренгейтом, уже не хотела снижаться, а а до самого вечера оставалась где-то на уровне 30°. А если мой читатель полагает, что вечер принесёт на эти таинственные страницы некую прохладу, то тоже ошибётся. Но о вечере – чуть позже.

Сейчас же ненужное в своём рвении светило сделало ещё один градус по небосклону, полные света солнечные лучи проникли через таёжные кроны карагачей, окружающих пространство Бермудского Учпучмака, и добрались наконец до места боёв, после чего в глаза игрокам ударили резкие, словно от прожектора ПВО, лучи. Солнце жарило так, что игроки варились как креветки, и если бы не *русская кочерга*, которая, по вычислениям аналитика Кулемзина, аж на 91 процент отвлекала их от внешних проявлений, они бы давно запеклись на раскалённом листе покерного столика, как этот инфраотряд ракообразных из отряда десятиногих, как называют креветки учёные книжки.

Не микстуры, мази и таблетки
нам в таверне половой подаст,
ведь на радость варятся креветки,
потому что к пиву – самый раз!

Да и сами сопокерники, а также примкнувший к ним живописец Муравлёв, составляли впечатляющую группу, похожую на одну большую креветку. Надеюсь, мой читатель не будет спорить с автором, что у пяти мужчин, спаянных в один организм большой целью, в совокупности как раз десять ног, – если они, конечно, не ветераны какого-нибудь кровопролитного сражения типа битвы на равнине Мардж Дабик, которая произошла в конце августа 1516 года у города Алеппо в Сирии и стала одним из основных сражений Османо-мамлюкской войны. Альбионыч помнил, что в том сражении обе воюющие стороны так махали своими ятаганами, что многие тысячи человек в результате такого махания лишились не только рук, но даже ног, а султан Ала Ад-дин-даулу из династии Зуль-Кадаров так и вовсе потерял голову! Но у наших героев, слава *дедушке*, все органы были на месте, за исключением Серёньки Полтавцева, у которого уже с утра не было тыквы на плечах. Шутка.

Володя тоскливо посмотрел на чистое и ясное небо, в котором прямо над покерным столиком зависло облачко какой-то дегенеративной формы – в виде сковородки, и от этого становилось ещё жарче и противнее. «Эх, скорее бы задорный еврейский праздник суккот!», подумал он. «Во-первых, этот *танахаический* праздник начинается осенью и продолжается целую неделю, когда по примеру евреев можно немного пожить в шалаше (или, как выражаются эти пейсатые люди, в *сукке*), а, во-вторых, вместо положенных к этому событию лулава[119] и этрога[120], можно просто затариться в лавке Калимы холодненьким пивком, а из дома – на закуску – принести кусочек какого-нибудь хорошего сыра, например, «Raclette», который писателю доставляли прямо из швейцарского кантона Вале, где его, собственно, и производят. Такой полутвёрдый сыр был настоящим подарком для всех пивных гурманов, включая и нашего героя, так как после трёхмесячной выдержки приобретал весьма специфический острый аромат и солоновато-пряный вкус.

[119] Молодые побеги листьев финиковой пальмы – прим. ботан. редактора
[120] Еврейское название дерева цитрон с крупными плодами – прим. автора

В сыре тот лишь понимает,
кто его употребляет –
но не как простой толстяк,
а под пиво. Только так!

Но что-то увлёкся автор, который, как и его герой, сам пожрать не дурак, гастрономическими изысками, и немного забыл, что ждут его друзья-соперники на покерной скамеечке – для того, чтобы начать вторую, дневную часть своих приключений по имени *русская кочерга*. Да будет так.

Кулемзин замечал, что нынешнее время, как и времена прежние, тоже куёт людей, но как-то не закаляет их. Прежние индивиды, к коим относил себя наш герой, были словно корабельные гвозди – вбили их по самую шляпку, и они будут стоять до конца, пока не заржавеют! А вот новые – это, скорее, шурупы: на шляпках прорези, поэтому по обстоятельствам можно или поджать крепление или, напротив, ослабить его.

Особенно хорошо это было видно как раз по игре, которой и занимались герои нашего увлекательного повествования. Метания от одного предпочтения к другому, кратковременные тайные заговоры – сроком всего на один роббер, лихорадочное обдумывание ситуации и оттого поспешные глупые ходы, случайные удачи, зависящие не от умения играть, а исключительно от пришедших карт – вот только малая часть того беспрерывного вулкана страстей, который начинал извергаться строго по расписанию – с той минуты, когда сопокерники садились за покерный столик, и до той поры, пока или не темнело так, что дама червей в сумерках казалась трефовой тройкой, или пустая бутылочка из-под пива казалась всё ещё полной, но уже по причине беспробудного алкоголизма части покерного коллектива, когда ближе к вечеру неожиданно начинали меняться приоритеты.

Стопку ставлю в авангард,
выпью – буду нолик:
водка мне роднее карт –
я же алкоголик!

Глава 94. УЧПУЧМАКСКИЙ ПАДЕКАТР (продолжение)

Принято считать, что неуверенность связана с изъяном в психике, с каким-нибудь комплексом неполноценности. И ещё принято считать, что неуверенность – это плохо. Начинает ли человек новое дело или начинает жизнь, он просто-таки обязан быть уверен в себе. Володя и не отрицал, что уверенным быть хорошо. Но он знал и другую причину неуверенности – работу ума, столкновение мыслей и едкость сомнений. Думающий человек, пока он думает, бывает неуверен, но думающий человек всегда думает. Неуверенность – это рабочее состояние мысли, но ведь мысль и должна находиться в рабочем состоянии. Кстати, логически продолжая, наш философ вывел и вторую формулу: неуверенность – это признак ума. Дураки всегда и во всём уверены, глупость вообще самоуверенна. Истина же лежит на дне сомнений и неуверенности.

Именно этой мудрой формуле он подчинял не только свою жизнь, но и важную её часть, то есть игру в *русскую кочергу*, и пытался по мере сил привить её понимание своим соперникам. Но тщетно! Как всегда, мешали самые разные факторы: то неожиданно заканчивалось пивко, и тогда мысли игроков от пришедшего роббера сразу же уходили в сторону магазинчика Калимы; то мешали какие-то пришлые люди, ведь игра велась на так называемом свежем воздухе, хотя то, чем дышали наши герои на 30-градусной жаре, вряд ли можно было назвать не только свежим, но и воздухом вообще; то внимание сопокерников отвлекалось на посторонние события – проходящих мимо бомжей, переругивание соседок во главе с

неутомимой Жанной Пантелеевной, приезд и отъезд каких-то всегда шумных автомобилей, да и дворовые дети, постоянный гул которых отвлекал, словно горчичник, не давали скучать ни минуту!

Вот и сейчас по территории Бермудского Учпучмака носилась шайка тарзанов – маленьких, как микробы. При этом они визжали так, будто в кружок восьмиклассниц, тайно курящих в школьном туалете, второклассник Вовочка через форточку бросил белую мышку. При этом все они как один были лауреатами Всемирных юниорских соревнований по бегу и пылеподниманию. Нуртай с умилением вдыхал пыль, поднятую бегунами, и в эту минуту был похож на того литературного придурка, которому, якобы из всего хорошего, что есть на свете, особенно приятен был исключительно дым отечества! «Вы слыхали, как ревут дрозды?», подумал писатель. «Так вот, дворовые дети делают это значительно громче!». И это было не преувеличением, так как юные спринтеры, скача, как угорелые, производили своими маленькими гло́тками ультразвук на пи́ке неожиданности.

Правду-матку маме рубим
(правда, мыслями скорбя),
ведь детей за что мы любим?
Видим в них самих себя!

До вечера ещё было далеко, и битва разворачивалась нешуточная. Текущая партия была в самом разгаре и приближалась к своей середине, то есть *тёмной* на 12 картах. До этой отметки была ещё одна – тоже в 12 карт, но при этом в пришедший роббер разрешалось заглядывать. Игроки, занимаясь именно этим, сейчас прикидывали, как бы половчее взять свои взятки, да ещё при этом сделать гадость ближнему, вкалывая мозгами, как глухонемые на производстве электророзеток для нужд трудящихся.

Первым решился Серёжа.

– Четыре! – храбро известил он о своих самых серьёзных намерениях. При этом зловещем слове рука охранника, держащая сразу дюжину карт, дёрнулась, как от удара электротоком, и карты рассы́пались – как на покерный столик, так и под него.

– Яйчики-бабайчики, не бурли страстями, старичок! – попенял сторожу Володя. Затем его догнала ассоциация про ток, и он спросил:

– Чего это ты руками размахался? Накопленное электричество сработало?

И добавил чуть тише и как бы в сторону, как это делают актёры провинциальных театров:

– Хотя ты вряд ли знаешь такие мудрёные термины…

– Да что же я, электричества вашего не знаю, что ли? – возмутился Полтавцев. – Да я ещё в школе проходил, откуда ток вытекает и куда впадает!

Чтобы школьник был не сер,
в этом смысл урока:
знает только лишь Ампер,
в чём же сила тока!

Помочь собрать рассыпанное вызвался доброхот Курманбаев, причём делал это не только одной рукой, но и двумя глазами, запоминая серёжин роббер, второй же рукой судорожно зажал свои карты, при этом неброско суча ножками, как перед *шмоном.* Но вот всё пришло к первоначальному состоянию, и игра продолжилась.

– Что-то ты, Володя, по-моему, отстаёшь, – решил поддеть писателя Нуртай. – Мать моя партия, так ведь и проиграть недолго.

Кулемзин поморщился – он давно разучился жить по указке, прекрасно зная, что́ надо делать в жизни, и в *русской кочерге*, в частности. А хотел он активных, боевых, беспроигрышных действий, примерно как выстрел с крейсера «Аврора» – раз, и вся мировая история повернулась вспять! «Раздавлю!», тепло подумал Альбионыч. «Как самосвал курицу…». В это время педагог, напрасно поверивший в свою исключительную способность предугадывать события, заказал четыре взятки в роббере из 8 карт, не учтя того, что оставшие четыре придётся делить аж на троих соперников.

– О, я вижу, тебя *фуагра* не корми, дай звезду Героя посмертно получить! Может, передумаешь? – весело озаботился гуру. – Запомни, Нуртай, что скромность украшает только невесту!

Полтавцев, услышав очередную мудрость, тут же выхватил из котомки заветную книжечку «Для му.мы.» и твёрдым почерком записал то, что успел запомнить: «Только скромная невеста может выиграть у Курманбаева!», потом подумал и добавил и от себя: «А нескромная не выиграет даже у меня…»

Надо ли говорить, что сыграл Мусаич неверно, да что там неверно – позорно сыграл, пролетев на две взятки, после чего записывающий Володя с удовольствием списал ему в *раскладке* 45 очков.

– Нуртай, при жадности в игре, – заметил он, – количество никак не переходит в качество – вот такая диалектика! Гегель здесь, конечно, лопухнулся…

Мозг иных совсем не па́хан,
коли думать нет труда –
знали Гегель с Фейербахом:
философия – байда!

Глава 95. УЧПУЧМАКСКИЙ ПАДЕКАТР (продолжение продолжения)

Между тем, спектакль под названием *русская кочерга* продолжился. Глядя на то, как играют его соперники теми картами, что предложила им Сука-судьба, писатель подумал о том, что это был просто какой-то *запланированный абсурд*, какой обычно бывает в фильмах Квентина Тониевича Тарантино. «Самое ужасное на свете – это сомнение». Так сказал чёрный генерал Отелло, герой одноимённой пьесы Уильяма Ивановича[121] Шекспира, и был прав, потому что именно сейчас Полтавцев страшно им, то есть сомнением, терзался. Разглядывая пришедшие карты числом десять, он пытался мысленно составить из них хоть какую-то более-менее приемлемую композицию, которая в его проворных руках, получая сигналы от его, несомненно, умной головы, сможет в пух и прах разбить првосходящие силы противника. А что они будут превосходящими, именно в этом он не сомневался, ведь в потной лапе были зажаты карты достоинством от двойки до дамы – всё красного цвета, тогда как поверх остатка колоды лежал козырь – король треф.

[121] Настоящее отчество писателя неизвестно. Поэтому кто рискнёт опровергнуть меня?! – прим. автора

IQ Серёжи в этот момент сравнялся к IQ карагача, с которого сторож сейчас не сводил глаз – видимо, в ожидании подсказки от засевших в ветвях друидов. Он зас-

тыл в позе Мыслителя, только что поднявшегося со своего камня. Если б его видел сейчас прославленный скульптор Огюст Жан-Батистович Роден, то наверняка бы сваял свою лучшую скульптуру «Мыслитель-2».

– Ты заказывать уже будешь? – раздражённо спросил мыслителя военный трубач, глядя на охранника как на тяжелобольного неизвестной, но уж точно неизлечимой болезнью Шниперсона.

К упрёкам тут же подключился серёжин сосед Нуртай, у которого в кармане завалялась доверенность на проведение работ бензопилой «Дружба» в пределах Бермудского Учпучмака, как на кедровой делянке. Глядя на соседа, как на недоношенного, и увидев, что его железобетонные аргументы не доходят до полтавцевской тыквы, он, находясь, видимо, под впечатлением придуманного им сибирского образа, пожелал Афанасьичу устойчивого пихтового запаха таёжных просторов. Неожиданно для всех попытался помочь сторожу и художник, абсолютно ничего не понимавший в игре, но, сидя при игроках который день, думавший, что что-то начал понимать. Заглянув в карты Серёжи, он «проанализировал» увиденное, но вскоре понял, что это увиденное как-то не сливалось в его понимании в единую картину – как если бы в полотно «Похищение сабинянок» Джованни Жановича Джамболонья кто-то взял бы да и вписал фрагмент «Похищения Европы» Тициана Грегориовича Вечеллио. Валера крякнул и, пробормотав что-то вроде «А не применить ли здесь ферзевый гамбит?», вытряс последние капли из бутылочки «Тянь-Шаня» на ладонь, после чего тщательно облизал её. И только Володя был беспристрастен, как надгробная плита, сообщающая интересующимся исключительно строгие медицинские факты о жизни усопшего и наоборот.

«Меж чисел двух – большой дефис!»,
вам говорю без эскпертиз…

– Как там в дантовом «Рае»? – неожиданно вспомнил поэт. – Здесь изнемог высокий духа взлёт?

Альбионыч, конечно, не предполагал, что мозг сторожа работает по принципу компьютерного процессора, но всё же постарался объяснить ему ошибку:

– Понимаешь, старик, всё дело даже не в последнем, а в предпоследнем ходе. Здесь просто нужно правильно угадать и вовремя забрать взятку своим покером, а на последний ход сбросить джокера *за простую.*

Полтавцев немедленно стал похож на удивлённого ослика: он тут же стал пялиться Володе прямо в глаза и что-то беззвучно шептать. Весь вид его говорил о бешеной работе «мысли». «Какой сообразительный парень», порадовался за него добрый гуру, «вот бы посмотреть, как он в школе у доски рассказывал о законах валентности…»

– А если поменять местами? – неожиданно спросил сообразительный.

– Что именно?

– Ну, покер с джокером.

«Нет, его мозг похож не на компьютер», решил Володя, «а, скорее, на бетономешалку», и начал излагать суть заново – медленно, помогая жестами в адаптированном для детей с отклонениями виде. Терпеливое разъяснение наконец принесло плоды – охранник словно очнулся и радостно произнёс:

– А, понял! Пиво-то кончилось! Сходить?

Писатель молча кивнул головой. Он давно заметил, что на лицах игроков в тот момент, когда они остаются без любимого напитка, тут же появляется обиженное

выражение – как у грудных детей, у которых насильно вытащили изо рта соску.

– Правда, неизвестно где деньги на него брать, – неискренне озаботился Курманбаев, не сводивший жадного взора с кармашка знаменитой марсианской володиной рубашки. – Думаю, неважно, откуда у человека деньги, – важно, чтобы они были, правда?

– Не всегда, – ответил Альбиоыч, – но мысль в целом правильная. Вот, например, у тебя они есть? – ткнул он пальцем в Мусаича. Педагог тотчас стушевался и поспешил перевести разговор на международное положение:

– Меня, как и всё прогрессивное человечество, чрезвычайно озаботил так называемый Дарфуртский конфликт в Судане. Вот это вооружённое противостояние между центральным правительством, неформальными проправительственными арабскими вооружёнными отрядами «Джанджавид»[122] и повстанческими группировками местного негроидного населения…

[122] ***جنجويد, или «Джинн на коне» – араб.***

– Стоп-стоп! – решительно поднял руку Володя, пресекая неожиданную политинформацию, тем более увидев метнувшегося к кустах прапорщика, которого подобные заявленения педагога всегда провоцировали на незапланированное метание харча.

– Советская (б) пропаганда когда-то гласила, что от работы должно полегчать, – принялся рассуждать финансирующий предприятие. – Но нам, бывшим советским (б) людям, не привыкать к трудностям. Поэтому предлагаю ещё тяпнуть по пивку! А то Валера, как Сивка-Бурка, что-то застоялся без работы.

Мысль сухой рассудок гложет,
вызывая в мозге взрыв:
только пиво нам поможет
вновь понять, в чём суть игры!

Все тут же согласились со странной логикой философа.

– Святой Малевич, а почему именно я? – изумился почётный гость.

– Да потому, что должен же ты хоть изредка оправдывать высокое звание художника-*передвижника*!

Валера, конечно, попытался было отбояриться от *ходки*, и для этого даже зажал в трясущейся руке какие-то ломаные спички для честного аукциона, но именно руки его и подвели: спички упали на покерный столик и, пока он их безуспешно ловил, каждый из присутствующих быстро разобрал все целые. Всё ещё недоумевая, Муравлёв получил сумму, расписался в ведомости (шутка!) и не спеша отправился по направлению к лавке Калимы.

– Старик, ты что там плетёшься, как Джордано Бруно за дровами? – вслед ему бросил Альбиоыч.

– Вот именно, – тут же подтвердил его слова сторож

– А ты слышал о существовании такого персонажа? – поинтересовался Володя

– Да что же я, вашего Бруну не знаю, что ли? – задохнулся от возмущения Афанасьич: – Это не тот ли Джорда́нин, что работал *костровым* при папе римском Клименте VIII, урождённом Ипполито Ипполитовича Альдобрандини?

Рты Кулемзина, Курманбаева, Батыршина и даже отсутствующего Муравлёва после сделанного сообщения не закрывались целую минуту.

Наконец ходок достиг магазинчика, вздохнул перед порогом, прошёл внутрь, где ещё несколько минут постоял перед прилавком с судорожно зажатыми в руке назарбаксами, мысленно расцеловывая каждую купюру на прощание.

Не люблю я деньги тратить –
вид купюр мне так приятен!

Глава 96. КОРОТКИЙ РАССКАЗ О СТРАННОСТЯХ РУССКОГО ЯЗЫКА

Между тем, не дожидаясь посланного, сопокерники продолжили партию, тем более, что до её окончания осталось всего несколько робберов. Все быстро сделали свои заявки, кроме Серёжи, и теперь терпеливо ждали, что скажет именно он.

– Царица лесная, три! – наконец выдавил из себя Полтавцев. «Какой же я всё-таки тупой!», самокритично подумал он при этом и добавил в рассуждение одну из самых бессмысленных фраз: «*Дедушка*, что подумают люди?!». Таких фраз в русском языке было великое множество – как отражение русского менталитета, застрявшего в русской же душе. По́мните? «Пойду съезжу в магазин», «Жидкий стул», «Да нет, наверное», «Истинная правда», «Предельно допустимая норма», «Смертная казнь» и множество им подобных.

Одну такую короткую фразу Кулемзин совсем недавно увидел на килограммовой упаковке соли – «Без ГМО!». Володя, занимаясь русским языком, без преувеличения, всю жизнь, постоянно встречал такие прецеденты. Например, как-то с похмелья он вдруг осознал, что две фразы «Чайник долго *закипал*» и «Чайник долго *не закипал*» – суть одно и то же!

Однажды он даже попробовал объяснить знакомому иностранцу русское выражение «Руки не доходят посмотреть», но через полчаса толкований понял, что знает русский язык хуже этого *иблисового* Джона. В этом же разговоре Альбионыч осознал, что «очень умный» – не всегда комплимент, «Ты что, очень умный?» – издёвка, а «Ты что, слишком умный?» – это угроза! Особенно тяжело ему было разговаривать с туповатыми американцами. Вот ка́к было объяснить тому же са́мому Джону, что «жрать как свинья» – это очень много кушать, а «нажраться как свинья» – вроде как и не есть вовсе!

Но свой лучший парадокс с применением великого и могучего он придумал как-то раз, когда вечером случайно посмотрел на часы, расположенные на стенке напротив глаз. Порадуйся этому парадоксу и ты, читатель:

Часы могут идти, когда лежат,
и стоят, когда висят!

Когда он рассказал об этом случае Серёже Полтавцеву, сторож, тянущийся к знаниям, немедленно вытащил из своей безразмерной котомки знаменитую книжечку «Для му.мы» и записал поразившее его открытие следующими словами: «При осмысливании всякого смысла, у мыслящего мыслями мыслителя рождаются мысли, осмысливающие смысл смысла (в смысле смысла), ибо при недоосмысливания всякого смысла, мать честна́я, у мыслящего мыслями мыслителя они не рождаются!»

Под бухло и под закуску
говорим мы «Не грустней!» –

тот, кто с детства учит русский,
знает жизнь, как А. Эйнштейн!

Кстати, об этих сидел-лежал и шёл-висел у писателя был ещё один великолепный пример. Вот смотрите.

Перед нами стол, на столе стакан и вилка. Итак. Что же они делают? Стакан, как видит читатель, стоит, а вилка лежит. Но если мы, например, воткнём вилку в стол, она будет стоять. Согласны? То есть получается, что стоят вертикальные предметы, а лежат горизонтальные? Тогда добавляем на стол тарелку и сковородку. Вот они-то точно горизонтальные, но на столе – стоят! Теперь положим тарелку в сковородку. На столе она, помнится, стояла, а тут – лежит! Тогда, может быть, стоят предметы, готовые к использованию? Тоже нет, например, вилка была готова к использованию, протыкая этот симпатичный грибочек, хотя и лежала.

А теперь предположим, что на стол залезает кошка. Кошка эта в данном исследовании – явление поистине универсальное, ведь она может стоять, сидеть и лежать. И, если в плане стояния и лежания она ещё как-то вмещается в логику *вертикальное-горизонтальное,* то сидение – это вообще новое свойство, ведь сидит она, грубо говоря, на по́пе.

А теперь, благодаря причудливой и явно больной фантазии автора, на тот же стол уселась птичка. Согласны с тем, что она именно сидит, а не стоит или лежит? Итак, на столе она сидит, но на своих двоих, а не на по́пе. Хотя вроде бы – по логике – должна стоять, ведь стоять она не может вовсе. Но если мы убьём бедную птичку и сделаем из неё чучело, она таки будет стоять на столе!

Тогда, может быть, стояние – атрибут живого? Но ведь сапог, например, на полу стоит, а на ноге именно сидит, хотя он вовсе не живой, да к тому же не имеет по́пы (кто не верит, пусть посмотрит на сапог своей жены!). Вот и пойми, что здесь сидит, что лежит, а что стоит!

Не потому ли разные люди в разных частях света все как один утверждают одно и то же: мол, русский язык такой трудный, что его хоть сто лет учи – не выучишь!

Жизнь у нас глухонемая,
потому полно заик:
даже русские не знают
свой такой родной язык!

Глава 97. УЧПУЧМАКСКИЙ ПАДЕКАТР (окончание)

Наконец счастливые обладатели новых прохладных бутылочек расположились со всем возможным комфортом, попивая божественный напиток как бы в противопоставлении своих организмов совсем распоясавшемуся светилу. В это время случился не то чтобы перерыв в игре, а так – вре́менная заминка: к игрокам с двух сторон подошли животные – к Володе его знакомая кошечка Несси, а к охраннику – соседский пёс Боря, хозяин строптивой Жанны Пантелеевны, или, как называл её писатель, Ж. П.

Несси тут же запрыгнула к Альбионычу на колени, и он, поглаживая киску, подумал о том, что кошки не могут быть глупыми по определению, ведь в их жизни отсутствуют такие понятия, как школы, университеты, ежедневная работа, политическая жизнь, то есть всё то, что делает человека зависимым, и оглупляет его жизнь до невозможности. Они не могут быть даже заурядными, потому что в их жизни нет какой-либо навязанной веры, они не являются частью какой-либо церкви или секты. Они свободны от любого абсурда, называемого догмами. Наверное, именно поэтому они так чувствительны и так спокойны. Кулемзин даже иногда завидовал кошкам, потому что они, в отличие от него (да и других землян), никогда не отходили от *дао*.

Несси, будучи нечеловеческого происхождения, видела гораздо больше людей. Вот и сейчас она, прищурившись, глядела на Нуртая, и видела, как, держа в одной руке карты, другой рукой он теребил чей-то хвост. Впрочем, посидев минуту и, видимо, полностью удовлетворив свой инстинкт превосходства над человеком, кошечка спрыгнула и не спеша отправилась по своим важным неотложным делам.

Зверски в дебрях дебошира,
фанфарон и обормот,
«Нет краси́вей Несси в мире!»,
думал страшный рыжий кот…

В этом время Боря, которому понравился человек, от которого приятно пахло чесноком, луком и пивом, прижался правым боком к коленке Полтавцева.

– Эх ты, зверь животный, – ласково погладил пса Серёжа.

Поёживаясь под его ладонью, из-под которой выскакивали невидимые всем, кроме марсианина, искры, Боря посмотрел на Афанасьича своими слишком собачьими глазами, в которых можно было прочитать укор и всю мировую скорбь: вот вы тут, мол, едите и пьёте, богатые и счастливые, и даже без поводков на шее, а я, несчастный, должен на всё это смотреть и слюнки глотать. Володя тут же мысленно произнёс короткое марсианское заклинание *ррхчъъшъътръ*, после чего под изумлённые взгляды сопокерников и художника вытащил из кармана рубашки большой кусок докторской колбасы и, под завистливые взгляды Нуртая, отдал его псу. Правда, педагог только взглядом не успокоился, а стал тянуть руки к колбасе.

– Боря! – раздался визгливый крик Ж. П., которая искренно полагала, что может отдавать ему приказы. – Брось сейчас же эту гадость!

Пёс одним движением собачьего организма решительно проглотил огромный кусок колбасы, посмотрел вначале на Курманбаева, затем на Жанну Пантелеевну, и решив, что она всё-таки ближе ему по крови, деловито пометил карагач, после чего, поджав хвост, потрусил к хозяйке, понуро уставившись в землю, будто чем-то огорчённый. И огорчаться было чему: Ж. П. немедленно взяла его на поводок и по-

волокла к подъезду, причём, на поводке пёс не шёл, а как-то болтался, словно корявая баржа на буксире.

Вот такая аэробика
для хозяйского для бобика!

– Странные взаимоотношения сложились у человека с животными, даже домашними, – глядя ему вслед, поделился наболевшим Альбионыч. – Вот возьмём корову. Живёт она, бедная, травку жуёт, а мы её на мясо изводим, да ещё и предварительно всё молоко отбираем! И если бы это было только в одной стране, так ведь нет – какой-то всемирный заговор, прямо хуже еврейского!

Услышав последнее слово, Батыршин безмерно загрустил, тут же вспомнив всю свою семью, которая сегодня утром покинула его кто куда – например, жена с детьми к тёте в Кустанай! Хорошо, что хоть еврейский тесть Яков Моисеевич остался в родном Отцеябловске, а ещё лучше было то, что означенный ёперный родственник обещал не возвращаться от своего друга Мойши Ароновича целых несколько дней.

«А, может, сделать небольшую паузу в игре», подумал тут автор, «да своей волей рассказать о том, чем занимаются пожилые семиты?». **!ניחא**[123]

[123] Да будет так – ивр.

Но прежде – одна глава под названием

Глава 98. ЗА ЧТО КУЛЕМЗИН ЕВРЕЕВ ЛЮБИЛ

Володя с детства хорошо относился к евреям, а к своему возрасту так просто полюбил это неугомонное племя – в основном, за их невероятный научный потенциал. Первым его потрясением при изучении еврейского вопроса стал факт, что знаменитый русский учёный эмбриолог, бактериолог, патолог, иммунолог, зоолог, антрополог и микробиолог Илья Ильич Мечников был евреем! И это не шутка: хотя он и родился в украинской деревне Ивановка (!), что была раположена в Харьковской губернии, но стал последним из пятерых детей у своей матери, в девичестве Эмилии Львовны Невахович, чей отец отец был богатым евреем, принявшим в последние годы жизни лютеранство, переехал в Санкт-Петербург, отошёл от дел и занялся философией и литературой, и даже был вхож в литературные круги столицы, где познакомился не только с поэтом Сергеичем[124] и баснописцем Крыловым.

[124] Этого поэта в России все знают по погонялу Наше Всё – прим. лит. редактора

Позже, изучая этот вопрос, наш герой узнал много многого. Например, американский вирусолог, разработавший вакцину от полиомиелита, Джонас Даниилович Солк тоже был евреем! А создатель граммофона Эмиль Самуэлевич Берлинер? А американец Франц Уриевич Боас – основатель современной антропологии? А витамины, которые лежат в каждой аптеке для всех, но покупают их единицы – кто придумал их? Да некий Казимир Функ – сын польских евреев из Варшавы! Яйчики-бабайчики, а Дэвид Абрамович Сарнофф, которого называли вундеркиндом от радио, позже основавший регулярную телетрансляцию в США? Между прочим, в юные годы он был ещё не американцем, а вполне таки Додиком Сарновым, кото-

рый жил со своими родителями Абрамом и Лией в городке Узляны Игуменского уезда Минской губернии. Так что наши люди есть везде – не сомневайся в этом, мой любопытный читатель!

Вот упал метеорит,
а под ним еврей лежит.
Это что же за напасть?
Камню некуда упасть!

А Эмиль Абрахамович Дюркгейм – отец современной социологии? А французский философ и, кстати, нобелевский лауреат Анри Михалович Бергсон – потомок польских евреев? А отец современной теоретической физики американец Альберт Самуилович Майкельсон, в детстве Алик Михельзон из Пруссии? А немецкий бактеориолог Фердинанд Юлиусович Кон, сын еврейских эмигрантов из Вроцлава? А ядерный физик Лео Луиевич Силард, родившийся ещё в Австро-Венгрии? А знаете, кто придумал такую прелесть, как противозачаточную таблетку? Да таки уже наш человек – Грегори Джозефович Пинкус! Правда, до переезда в Америку его папу звали на Джозеф, а таки Дорон[125]. А Зельман Яковлевич Ваксман – американский микробиолог, ставший нобелевским лауреатом за открытие стрептомицина, и, кстати, тоже уроженец Российской империи? А великий математик Джон Максович (бывший Янош Лайош) фон Нейман, которого называют отцом компьютера? Он был сыном еврейского адвоката из Будапешта!

[125] Подарок – ивр.

А немецкий медик Пауль Измарович Эрлих, сын еврейского винокура из силезского городка Штрелен? Это именно он ещё в конце XIX века научил врачей лечить инфекционные болезни с помощью химических веществ. А Эдвард Эддиевич Бернейс, кстати, племянник Зигмунда Якобовича Фрейда – общепризнанный отец пиара[126]? А сам Фрейд, наконец?! А величайшие физики нашего времени Нильс Христианович Бор и Альберт Германович Эйнштейн, которых знает весь мир (кроме Серёньки Полтавцева)? А философ Бенедикт Спиноза, который, прежде чем стать великим, был маленьким еврейским мальчиком Барухом из семьи евреев-сефардов, чей папаша до самой смерти торговал южными фруктами в Амстердаме и даже не знал, что его сынок написал «Трактат об усовершенствовании разума»? А Карл Генрихович Маркс, тоже большой писатель (его «Капитал», правда, весит чуть меньше, чем этот том «Русской кочерги»)? А Ливай Страусс (урождённый Лёб Гиршевич Штраусс), заставивший сначала Америку, а потом и весь мир надеть придуманные им джинсы? (Об этом полезном предмете ещё будет идти речь в этом томе нашего повествования, но не торопись, мой читатель, заглядывать на стр. 396, в главу 180, хотя именно с неё начинается весьма немалый рассказ об этих удивительных штанах)

[126] PR – связь с общественностью – англ.

Мысль пришла – мудра и у́шла,
и тогда я заблажил:
джинсы носим потому, что
в них еврей мозги вложил!

А чемпион мира по шахматам Михаил Моисеевич Ботвинник? А великий артист Аркадий Исаакович Райкин? А Лазарь Иосифович Вайсбейн, песни которого в своё время пел весь СССР (б)? Правда, тогда он назывался несколько более политкорректно – Леонид Осипович Утёсов. А великие поэты современности Иосиф Александрович Бродский и Осип Эмильевич Мандельштам (тоже, кстати, при рождении Иосиф Ха́цкелевич)? А мировой известности художники Исаак Ильич (на самом деле Эльяшив Лейбович) Левитан и Марк Захарович (Моисей Ха́цкелевич) Шагал? А Роберт Абрахамович Циммерман, кого весь мир знает как одного из отцов современного рока Боба Дилана, ставшего вторым (после «The Beatles») по значимости исполнителем в истории рок-музыки? А Стивен Арнольдович Спилберг, наконец, который в своей биографии говорил о том, что «он вырос с идиш и украинским в доме», потому что его дедушка Шмуэль Шпильберг и бабушка Ривка Чечик из города Каменец-Подольского до смерти говорили на этих языках?

Так и вижу: напрягся мой внимательный и любопытный читатель – в ожидании следующей главы, скажем, под таким же выразительным и многозначительным названием «За что Кулемзин *не любил* евреев». Но – нет, не надейтесь – эта любовь до гроба. Надеюсь, не моего…

Мыслью мудрой вас согрею
от носков и до кудрей:
полюбил навек евреев –
потому что сам еврей!

И в конце этой главы вот такой любопытный факт: русские родители рассказывают своим детям сказки про Иванушку-дурачка, а евреи воспитывают своих отпрысков на примере мудрого Моисея. По-моему, есть над чем задуматься…

Глава 99. СИДЯЩИЕ ШИВУ

Мойша Аронович услышал резкий и громкий звонок в дверь, подошёл к ней, принюхался и очень громко спросил:

– И кто таки там уже?

Почему же он не мог посмотреть в дверной глазок? Да потому, что такого нужного в каждой квартире девайса в его квартире просто не было. Дело было в том, что ещё во времена СССР (б) Мойша Аронович случайно посмотрел гэдээровский фильм про кагуляров[127] под названием «Тени над Нотр-Дам»[128]. Так вот в нём наёмный убийца пытался застрелить журналиста Батисьера через дверной глазок, пра-вда, у него ничего не получилось, потому что журналист был умным и в глазок не смотрел. После этого, продумав всю ночь, тогда ещё молодой стоматолог Мойшик собственноручно выковырял глазок, вставив вместо него деревянный сучок, и поменял обивку на двери.

[127] Члены тайной организации «Секретный комитет революционного действия», работавшей в 1935-1937 годы во Франции. Своё название кагуляры получили от журналиста Пужо, одного из руководителей монархической организации «Аксьон франсез ля Кагуле», где последнее слово переводилось как капюшон с прорезями для глаз – именно их надевали члены организации на своих тайных собраниях – прим. автора

[128] Уже несуществующая киностудия DEFA (ГДР), 1966 г., режиссёр Курт Юнг-Альзен – прим. кинередактора

Поэтому и сегодня он был вынужден спросить, кто пришёл, тем более, что кагуляровская шизофрения у него развивалась все эти годы, и сейчас он пускал в квартиру только проверенных людей, да и то по паролю.

– Пароль? – громко выкрикнул он, подтверждая слова автора.

В ответ на его вопрос из-за двери так же громко послышалось:

– Яхве воскрес!

Это был тот самый пароль! Хозяин решительно начал открывать все шесть запоров, лязгая их металлическими частями. Но пришелец тоже не торопился заходить, пока не услышал на свой пароль правильный отзыв:

– Воистину воскрес!

– Здравствуйте, Мойша Аронович! Как поживаете? – с порога поинтересовался носатый гость.

– Да что-то странное, Яков Моисеевич, происходит: то ли жизнь наконец прекрасна, то ли я мазохист!

– Мой дорогой друг, примите мои соболезнования! Я слышал, у вас на днях тёща умерла. Наверное, с сердцем что-то? Или возраст таки дал знать о своих огромных цифрах?

– Да нет, она выпила французский коньяк и решила закусить бутербродом с чёрной икрой, но подавилась!

– Ой вэй[129], всем бы нам такую красивую смерть!

[129] Полный вариант на идиш звучит как «Oy vey iz mir», где «вэй» – перенятое из старонемецкого «Weh» («причинённая боль»), и означает «О, горе мне» – прим. автора

Жизни вот противоборство –
жрать и лопать, но не есть:
умирают от обжорства,
у кого халява есть!

Сидеть шиву оба друга решили по-полной, но вот сразу приступать к этой тягомотине как-то не хотелось, поэтому хозяин предложил батыршинскому тестю чаю, и тот с радостью согласился. За первой, второй, третьей, четвёртой и последующими чашками завязалась неспешная беседа.

– Яша, вы таки слышали, что в нашем Израиле нашли древние рукописи, которые утверждают, что при жизни у Иисуса были жена и двое детей?

– То есть, другими словами, он страдал ещё больше, чем мы думали?!

От этого известия оба как бы горестно покачали головами, после чего продолжили обмен новостями.

– Знаете, Яков Моисеевич, я на днях в одной интересной книжке вычитал, чем отличались советский русский от советского еврея, – поделился хозяин.

– Вы таки уже читаете книжки? – поинтересовался гость.

– Да попалась одна – нашёл на мусорке, когда выбрасывал пакетик с очистками за неделю. Называется «Русская кочерга» – такое смешное название!

– А кто автор?

– Да зачем мне таких глупостей?

– Так что там с советскими людьми? – прихлёбывая жидкий чай, спросил старший Либерзон.

– Да-да, таки слушайте. Итак, чем отличались советский русский от советского еврея? Воровали и тот, и другой, но еврей уносил с производства что-то нужное, а

русский – всё, что попадётся!

– А ведь верно подметил автор! Сразу видно, что не дурак.

– Но видно также, что писавший не еврей. Еврей бы написал как раз наоборот!

Есть такие чародеи,
что и Ленина сопрут.
Все воруют! Но евреи
не воруют, а берут…

– Русские вообще странные люди. Я вот на днях уже в который раз слышал дурацкую русскую пословицу «Что посеешь, то и пожнёшь». Представляете, какая глупость?

– А почему же сразу глупость?

– Да потому, что если что посеешь, то и пожнёшь, то где же тогда прибыль?!

– А шо вы таки скажете за такую мудрость: «Счастлив не тот, у кого всё есть, а тот, у кого нет ничего лишнего»?

– А вот за эту мудрость я абсолютно согласен! Если из моей жизни убрать жену, тёщу и начальника ОВИР[130], я таки буду полностью счастливый!

[130] В советское (б) время так назывался Отдел виз и регистрации, который заведовал вопросами эмиграции – прим. полит. редактора

Потом Яков Моисеевич вспомнил свою первую брачную ночь. Когда он подкатился к своей ненаглядной Фире Срулевне, то сказал ей буквально следующее:

– Фира, я слышал, шо у каждой девушки должна быть какая-то изюминка.

– Яша, перестань таки меня щупать где попало! Здесь тебе не Привоз!

– Кстати, что-то я давно не видел нашего друга Бориса Израилевича.

– Таки это не удивительно – он уже два месяца, как уехал в страну собственного отчества.

И здесь автор книги очень порадовался остроумию своих героев, ведь он и сам давно придумал, что Израиль – это единственная страна, гражданство которой можно было получить хирургическим путём! Кстати, обрезание было придумано евреями тоже не случайно – ещё во времена египетского рабства. Постоянно наблюдая за работой садовника-египтянина, они заметили, что если от ствола отрéзать верхушку, то от корневища начинают расти многочисленные сильные отростки! Поэтому, несмотря на неудачи, евреи продолжают опыты и по сей день!

Хороша страна моя Израиль:
много в ней носатых человек!
Я другой такой страны не знаю,
где так вольно дышат члены РЕК[131]!

[131] Русский еврейский конгресс – прим. полит. редактора

– Послушайте, Яков Моисеевич, а почему вы таки не собираетесь уезжать в наш благословенный Израиль?

– А что мне там делать? Мне и тут плохо.

Пора уже было начинать кадиш[132], но как-то хотелось поговорить ещё немного. И разговор, конечно, продолжился. Оба друга перескакивали с темы на тему, так как не виделись целую неделю, а обсудить предстояло многое.

[132] ***Поминальная еврейская молитва – ивр.***

– Послушайте, Мойша, вы помните знаменитую скульптуру Огюста Жан-Батистовича Родена «Мыслитель»?

– Да, а что?

– Вот меня давно интересует таки один вопрос: ну о чём может думать совершенно голый мужчина?

– Да всё о том же, будь благословенны дни моей молодости! Я бы на месте этого Родена назвал скульптуру «Придёт или не придёт?».

– Яков Моисеевич, я вам так благодарен за всё, что вы таки для меня сделали, ведь у меня очень хорошая память, и я помню добро! Я решил отблагодарить вас и преподнести в подарок вот этот костюм.

Правда, Мойша Аронович не сказал другу, что ещё утром, перебирая старые, двадцатилетней давности вещи, немного поеденные молью, его супруга Эсфирь Лейбовна строго наказала ему вынести всё это барахло на мусорку. Батыршинский тесть предложению друга немного смутился, потом насторожился, но затем всё-таки обрадовался:

– Ой, ну что вы, Мойша, мне ничего не нужно.

– И ещё вот рубашечка!

– Ну, зачем же, у меня всё есть, – снова растерялся гость.

– И ботиночки!

– Нет, вы определённо сошли с ума! – судорожно запихивая вещи в полиэтиленовый пакетик, который всегда носил с собой в заднем кармане брюк, вещал Яков Моисеевич.

– Вот теперь, кажется, всё.

– Как всё?! – вырвалось у гостя. – А галстук?! Неужели для меня некомплект?!

– Галстука лишнего нет, – признался хозяин. – На днях подарил Рабиновичу, да вы же его неделю назад в синагоге видели, помните, такой весёлый – в цветочек?

– Помню, – чуть не заплакал гость. – Рабинович тоже всегда весёлый – у него пенсия на 140 назарбаксов больше, чем у меня. Зачем же вы подарили мой галстук этому старому еврею?! Куда он будет в нём ходить? В театр Лермонтова, не к ночи будь помянуто?

– Ну, если брать объективно, то вам, дорогой Мойша, досталось таки немножечко больше!

А хлам любой нам превосходен:
плохих вещей не держим – факт!
Еврей на мусорку не ходит –
в хозяйстве всё сгодится! Так?

– Яков Моисеевич, зачем нам о грустном? Давайте-ка поговорим о чём-нибудь весёлом! Как там поживает ваш ёперный татарский зять?

– Да что там говорить за такого шлемазла[133]! И где были глаза у моей дочки?

[133] ***Шлемазл – жаргонное слово, имеющее распространение в одесском говоре, обозначающего весёлого придурка. По одной из версий, происходит либо от слова на идиш שלימזל, либо на иврите שלי מזל (шлема мазл), то есть «полное счастье» (иронично!). По другой же версии, оно происходит сразу от двух слов – немецкого schlimm и ивр. מזל – «плохое счастье» – прим. автора, который таки давно уже изучает этот вопрос***

Надо ли говорить, что Яков Моисеевич не очень любил зятя: мало того, что тот был татарином, хотя пил водку, как русский, но к тому же совершенно не знал историю. Например, однажды в разговоре с тестем Батыршин, чтобы произвести хорошее впечатление, начал рассказывать ему накануне услышанную от Володи историю о том, как некий Моисей 40 лет водил евреев по оккупированным палестинским территориям. А в другой раз на вопрос тестя о том, как он относится к могендóвиду[134] (прости, русский язык!), сказал, что ни о каких монголоидах со времён Чингисхана Есугеевича ни разу не слыхал! Этим он, кстати, невыгодно отличался от своего тянущегося к знаниям друга Серёньки Полтавцева, который запросто перевёл могендовид как немецкое приветствие охранника концлагеря «Гутен морген, Давид!».

[134] Звезда Давида – древний символ, эмблема в форме шестиконечной звезды – прим. евр. редактора

Могендовид тяжело
класть перстами на чело!

Наконец друзья наговорились всласть и приступили к тому, ради чего, собственно и собрались – читать шиву по покойному Абраше Цукерману, используя при этом забавную еврейскую книжку Тору. Накрывшись талесом[135], оба друга начали страстно бормотать некие слова. И если у Мойши Ароновича ещё можно было разобрать что-то вроде «Шма, Исроэль»[136], то Яков Моисеевич от мысли,что пока жив, немного развеселился и стал тихонько мурлыкать «Еврейскую комсомольскую» на полузабытом сейчас языке идиш:

Лейбен зол дер ховер Сталин[137],
ай-яй-яй!

[135] Молитвенное покрывало
[136] «Слушай, Израиль» – ивр.
[137] Пусть живёт товарищ Сталин!

♠ ♠ ♠

И здесь же – прицепом к нашему маленькому еврейскому паровозику – короткий рассказ о пребывании Аиды в Кустанае. Тётя военнообязанной жены Сара Срулевна встретила свою племянницу с детьми и, посмотрев на измученное лицо Аиды, сразу же поинтересовалась:

– Что с тобой? Ты плохо выглядишь, чем-то удручена!

– Да нет, тётя, всё нормально.

– И ты хочешь таки обмануть старую еврейскую женщину! Я знаю: это всё из-за твоего мужа-пьяницы! Ты ложишься вечером усталая, у тебя болит голова, а он начинает к тебе приставать!

– Тётя, да не в этом дело!

– А, может, он требует от тебя всяких сексуальных извращений?

– Ну почему же сразу извращений?

– Да они, татары, все такие! А если не извращений, значит, он изводит тебя по ночам, мол, подавай ему ещё и ещё – три раза, пять раз!

– Ёкарный муж, да ничего подобного!

– Нет? Странно. А, кстати, где он, этот твой импотент?

– Да, наверное, в карты с нашим соседом Кулемзиным последнюю квартиру проигрывает…

– Пульсей-де-нура[138] на этих проклятых игроков! – в сердцах выкрикнула тётя, положив конец этому короткому вагончику.

[138] Образное выражение в талмудической литературе, дословно означающее «болезненное наказание на уровне сущностного мира» – прим. евр. редактора

Глава 100. ПОЭЗОАНЕКДОТ

И в заключение этих весёлых глав автор решил немного порадовать тебя, читатель, старым анекдотом – но в поэтической версии. А для чего? А для того, чтобы и вторую половину нашего замечательного повествования у тебя было отличное настроение! Итак,

О еврейской коммерции

Это было в день воскресный славный:
сбросив груз печалей и забот,
направлялся к церкви православной
разодетый празднично народ.
Кто предвидеть мог, на самом деле,
тот сюжет, что ждёт их впереди?
Двое нищих рядышком сидели,
каждый был с табличкой на груди.
Первый, несомненно, был приятен
всем, поскольку текст его гласил:
«Люди, христианину подайте!
Помолюсь за вас, сколь хватит сил!»
Текст соседа выглядел скромнее,
лишь три сло́ва были у него:
«Помогите бедному еврею».
Друг мой, как ты думаешь, кого
из двоих почтили прихожане?
Правильно – еврей сидит пустой,
у того ж, который христианин,
шапка переполнена деньгой.
Только в жизни всё предел имеет…
Добрая старушка мимо шла,
жалостливо глядя на еврея,
молвила: «Не ладятся дела?
То же будет, милый, и в итоге,
сколь ни выбивался б ты из сил.
Шёл бы ты, дружочек, к синагоге,
или, что ли, вывеску сменил.
Ты же знаешь – любят вас не очень,
(говорить о том неловко мне),
а у синагоги, между прочим,
будешь ты, бесспорно, на коне!»
Тот, пощупав дырочку в кармане,

потрепал соседа по плечу
(ну того, который «христианин»)
и сказал: «Я, блин, от них торчу.
Наш с тобой тандем непотопляем
был доселе. Чтобы мне так жить!
Бабка нас, представь себе, друг Хаим,
вздумала коммерции учить!»

Глава 101. УЧПУЧМАКСКИЙ ПАДЕКАТР (окончательное окончание)

«Ай-я-яй», подумал тут автор. «Яйчики-бабайчики, вот только сто́ит сесть на неказистого еврейского конька, как сразу же забывается главное, для чего и пишется эта книга! А книга эта пишется искалючительно для того, чтобы показать величие прекрасной игры – *русской кочерги*!». И действительно, время уже приближалось к обеду, а в активе Кулемзина было всего три победы из шести уже сыгранных. И дело было не в том, чтобы выиграть больше, а только в том, чтобы показать, сколь неограниченными могут быть возможности, если ты во всей полноте освоил саму суть игры, само её внутреннее наполнение!

Всегда признавая за игрой её моральное превосходство над всем остальным, Володя сейчас сидел на покерной скамеечке монументальный, как Стоунхендж. Адреналин тёк по его ляжкам, правда, не оставляя заметных следов. «Кажется, пора начинать широкомасштабные военные действия по освобождению занятых врагом территорий», подумал он и предложил Курманбаеву сдать самый короткий роббер в игре – по одной карте. Педагог сделал *значительное* лицо и сдал его. Писатель, не открывая карту, положил на стол вздрагивающие от проносившихся мыслей руки и нервно забарабанил пальцами по покерному столику, пока в голове его что-то не щёлкнуло.

– Одну, – сказал он после того, как отпасовались Полтавцев и Батыршин. Мусаич ич насмешливо посмотрел на отважного игрока и тоже сказал *пас*. А дело было здесь в том, что, как правило, отпасовывались на первом роббере все, ведь он был *тёмным*, как материя в невидимой части Вселенной, а, значит, вероятность угадывания, какая карта пришла тебе из 55 возможных, была настолько мала, что её нельзя было принимать ни в какой расчёт. И именно поэтому Альбионыч ждал этого щелчка в голове, ждал, пока его не торкнет *узнавание неведомого*.

Козырь Нуртай положил трефовый, и вот какие карты обозначили первый роббер игры: сторож выбросил на покерный столик червового валета, Талгат – пикового короля, затем Володя – младшего джокера (!), а завершил комбинацию педагог – козырным тузом. Козырный туз, несомненно, был хорошей картой, и даже числился плавающим *грандом* – величиной в один роббер, но всё же против любого джокера он был не более, чем пешкой. Здесь Володя понял, что его победа была неизбежна, как памятник Ленину перед зданием райкома в советские времена (б). Сука-судьба явно поворачивалась к нему своей оккультной стороной.

Мимо свистнет гильотина,
след оставивши в мозгу,
коль поможет мне судьбина!
Если я ей помогу…

«Мать моя партия, ох, и везёт этому Кулемзину!», завистливо подумал Курман-

баев, между тем как писатель дал начало роббера короткой фразой:

– Ну, с *дедушкой*, басурмане!

Первые робберы были такими же короткими, как и первый, и летели, как годы из известной песенки в кинофильме «Добровольцы». Но даже здесь Альбионыч не расслаблялся, чувствуя некий холодок в затылке, в результате чего ледяной столбик в его биологическом термометре поднялся незначительно, обозначая пока невысокий градус опасности, хотя всё же лицо его сделалось сосредоточенным и собранным, как у космонавта перед стартом.

Через 24 минуты игра достигла своего экватора, то есть средней *тёмной*. К этому времени начерно обозначились два лидера – Володя и музыкальный прапорщик, что чрезвычайно печалило Мусаича. «Где же этот чёртов *иблис*?», тавтологически страдал он. Приплясывал на покерной скамеечке и охранник, всеми силами так называемой души стремясь вперёд, но получалось только или на одном месте, или да-же назад. И один только художник не волновался об игре нисколько, ибо не играл вообще, а был как бы сторонним наблюдателем, видимо, набираясь впечатлений для написания главного шедевра своей жизни «Д-р Кулемзин как апологет современного покерного искусства», хотя слова *апологет* не знал с детства. В его нынешней позиции было сразу несколько преимуществ: во-первых, не надо было двигать мозгами, чтобы понять, какие именно карты подкинула ему на этот раз Сука-судьба, во-вторых, как этими картами распорядиться, чтобы одержать победу, и, в-третьих, при чём здесь вообще какие-то карты, когда пригревает солнышко, рядом нет зануды Наташи, а есть пиво, которое и является настоящим синонимом счастья, хотя слова *синоним* он не знал тоже.

И шепчет под щекой трава
слова жизнелюбивы:
«Зачем различные слова,
когда есть слово *пиво*?»

А волноваться-то было отчего, ибо пиво кончилось не только у Муравлёва, но и у остальных *фигурантов* нашего второго тома. И этот волшебный напиток, конечно же, появился на покерном столике, но вовсе не из-за переживаний Валеры, а совсем по другой причине. Проиграв среднюю *тёмную* сразу на 120 очков, где он сдуру заказал четыре взятки, старший прапорщик неожиданно стал обвинять в этом не себя, а то, что, по его мнению, все остальные сыграли как-то нелогично.

– При чём здесь логика? – завопил Курманбаев, который с трудом взял свои две взятки, да и то только потому, что Кулемзину для победы нужно было не сажать кого-то на последней карте, а взять её себе.

– Логика, Талгат, нужна не только для того, чтобы открывать семейным колечком пивные бутылочки, как ты думаешь.

– А для чего же ещё? – поразился военный.

– Попробую объяснить на примере.

Полтавцев немедленно навострил красный карандаш для записи в заветной книжечке «Для му.мы.»

– Задача, – объявил Альбионыч. – Три лягушки сидели на кувшинке…

«Царица лесная, какой ещё кувшинке?», засомневался сторож. «А-а-а, понял, это, наверное, жена кувшина! Зачем же она позволила сидеть на себе группе животных из отряда бесхвостых земноводных?!»

– Так вот, сидели три лягушки на кувшинке, – продолжил задачку Володя. – Одна из них решила спрыгнуть. Вот и скажи, Талгат, сколько лягушек осталось на кувшинке.

Музыкант тут же растопырил ладонь левой руки и стал водить по ней правой, постепенно загибая корявые пальцы

– Йодистые лягушки, две! – через минуту радостно объявил он собравшимся.

– А вот и неправильно! Три.

– Как же так? – заорал Салихзяныч. – Две! – И для того, чтобы убедить сопокерников в своей правоте, схватил муравлёвскую руку и стал всем поочерёдно тыкать её загнутыми пальцами в похмельные рожи. Володя решительно отодвинул предложенные пальцы и твёрдо объяснил:

– Решила спрыгнуть и спрыгнула – это же разные вещи!

Афанасьич напрягся снова, начав вертеть головой в разные стороны, пытаясь найти спрятанные в логических построениях писателя какие-то вещи, но ни чемоданов, ни узлов, ни даже авоськи с огурцами так и не обнаружил.

Говорили в арбитраже:
«Ваше дело, парень, швах!
Разглядим мы вещи даже
в умозрительных словах!»

– И что? – в отчаянии спросил Батыршин.

– А вот это и есть логика! – объяснил Кулемзин.

«Мудрёно!», поразился охранник. «Надо бы придти к общему осознанию этого философского понятия», после чего невинно предложил:

– Володя, а как ты логически относишься к тому, чтобы я сходил за пивком?

– В натуре! – нелогично ответил писатель, но денежку достал. Именно так через пять минут коллектив и стал обладателем того топлива, которое вновь на́чало двигать разгоряченные сердца сопокерников! Кстати, а почему через пять минут, а не через привычные пару? Да потому, что на этот раз двигающегося почти автоматически Полтавцева остановила появившаяся только что урна, да не простая, а с надписью, намалёванной на ней, и повёрнутой так, чтобы её видел каждый входящий в лавку Калимы:

Эту урну крышует Танкист!
Попрошу бутылки отдельно,
бумажки отдельно!

– Ну, хорошо! – немедленно заправившись топливом, произнёс Талгат с угрозой, не имеющей смысла. – Ну, хорошо! – При этом он решил, что дальше проигрывать не будет, а будет только выигрывать. Правда, как это сделать, если в каждом роббере карты приходят всё время разные, он не знал.

«Какой ненужный демонизм», подумал Володя, чей аромат утреннего «Фаренгейта» неожиданно смешался с полтавцевским.

– Знаешь, как моя бабушка говорила? – улыбнулся он. – Тебя не спрашивают – ты не сплясывай…

– Пять! – неожиданно застиг его уши выкрик Курманбаева.

Услышав такую явную крамолу, писатель поглядел на Нуртая, как овировец на еврея-отказника во время разгула антисемитизма в СССР (б). Педагог же в ответ

посмотрел на Альбионыча укоризненным взглядом девы Марии, и даже сделал слабую попытку сделать первый ход.

Гвозди бы делать из этих людей!
Больше бы было в продаже гвоздей…

– Так-так, подожди, – приостановил его Володя, – дай-ка мне врубиться во всю глубину этого идиотизма!

А всё почему? Да потому, что после этого опрометчивого заявления гуру решил поступить с нахальным сопокерником так же, как советовал когда-то некий Паша, по слухам, святой апостол: «Погублю мудрость мудрецов и разум разумных отвергну»[139]. «План «Перехват», операция «Грабли», режим «Сито», пронеслось в голове марсианина. «Только так можно выровнять искривлённую этим наглецом позицию!»

[139] ***Библия, Первое послание к коринфянам, 1:19 – прим. богосл. редактора***

Надо ли говорить, что заранее разгаданная тактическая, а, значит, одноразовая хитрость Мусаича была пресечена на корню. Правда, в своём проигрыше педагог предпочёл обвинить не себя, и даже не Володю, а почему-то сторожа, хотя тот тоже пролетел на две взятки.

– Вот ты как поступил со мной, Серёжа! – горячо воскликнул он. – А ведь мы же с тобой друзья!

Потом немного подумал и оценил степень дружбы ещё значительнее:

– Мать моя партия, большие, очень большие друзья!

– Ты, Нуртай, не заговаривайся, – степенно парировал сторож. – Мать честна́я, да я с тобой на одном электоральном поле не сяду!

После этого педагог переключил своё внимание на военного трубача, который тоже, не желая упускать свою взятку, перебил младшим джокером козырного короля Курманбаева.

– Странный ты какой-то, Талгат, – попенял военному Мусаич. – Ведёшь себя так, как будто лично тебя никакая перестройка не коснулась!

И в этот момент, как бывало и ранее, случилось то, что сам Кулемзин иногда называл *дефлорацией истории.* Нахлынувшие только от одного названного Курманбаевым сло́ва воспоминания захлестнули мозг, в котором явно отпечаталось экспромтом созданное хокку, которое неутомимый в творчестве володин муз Вася Курочкин назвал

Хронохокку

В моём окаменевшем сердце
чистым весенним ручейком
бьётся трепещущее прошлое…

Глава 102. ВЕТЕР «ПЕРЕМЕН» (хронотоп № 7)

Конец восьмидесятых. Как числа в календаре, стремительно менялись генсеки КПСС (б), рабочие же, как и прежде, торопились к своим станкам, интеллигенция просыпа́лась, дабы примкнуть в общему трудовому процессу, ну, а дети продол-

жали учиться строить коммунизм и настойчиво овладевать всеми необходимыми для этого знаниями и навыками. У трудящихся к этому времени не осталось никаких прав, кроме права на безрадостный труд. И вот народу явился *меченый*, объявивший перестройку, которую остроумный советский (б) народ тут же окрестил пе-рестрелкой., хотя это был всё тот же соцреализм, но только как бы в подарочном варианте – перевязанный ленточкой сладких обещаний.

Всё шло при нём наоборот,
и очень может быть,
что вздумай он споить народ,
народ бы бросил пить…

Шёл девяностый год. Ветер перемен, чей запах нёс с собой и вонь родного навоза, и аромат запретных прелестей капитализма, и запах распада и гниения, вовсю гулял по стране. Страна шла к рынку проходными дворами. Первые кооперативы уже выпестовали в своих лонах первых богачей. Их обдирали до нитки чиновники, первыми смекнувшие, что на этом деле можно хорошо поживиться. Первые отморозки сколотили банды, открывая своим появлением бесконечную эпоху криминальных войн. Правовое поле тут же стало зарастать верблюжьей колючкой вседозволенности. По́мните: «Разрешено всё, что не запрещено»?

Шёл девяностый год. Продукты исчезли в магазинах давно и надолго, вещи в них появлялись лишь в сопровождении длинных очередей с озлобленными вожделеющими лицами. Мир, казалось, перевернулся с ног на голову. Люди изменились разительным образом, изменились их взгляды и предпочтения. Профессия математика да и вообще научная работа стали не престижными. Престижно было получать много денег, а не защищать докторские диссертации. Всё больше людей стали мечтать о том, чтобы уехать из страны…

Кумир вчерашний канул в анекдот,
оставив липкий след на пьедестале.
И пьёт запоем кинутый народ –
его пустые по́сулы достали.
Под разговоры о «другом пути»
эпоха перемен ломает кости,
все идеалы спущены в сортир,
а вместо них – *палёной* водки вдосталь!

Тогда же, со времён перестройки для многих модным имиджем стала религия. Бывшие коммунисты-атеисты в удивительном порыве потянулись в церкви, отчего у людей, оставшихся умными, нередко возникала ехидная мыслишка: уж не за индульгенциями ли? «*Дедушка* не политбюро – не выдаст», читалось на их постных фальшивых мурлах. Вслед за ними спасать душу ринулась и братва, нацепившая на золотые цепи золотые же распятия – для того, чтобы совесть не мучила после очередного дельца. У этих была своя поговорка, кстати, гораздо честнее коммунистической – «*Дедушка* не падла, с ним всегда договориться можно!». Может, оттого и вырастали храмы как грибы, что много грехов накопилось?

А челноки? Яйчики-бабайчики, да это же отдельная песня того времени! Эх, челноки девяностых, наши люди – в спорткостюмах, в кожанках – где вас только не было! В Турции и Индии, в Польше и Китае была слышна ваша тяжёлая поступь.

Мозолистые плечи бывших эмэнэсов[140], а также рабочих и крестьян сгибались под тоннами импортных грузов. И было во всех них что-то от древних афанасиев никитиных, ходивших за три моря путями, полными опасностей, диких зверей, разбойников и чиновных мздоимцев.

[140] Младший научный сотрудник – прим. мл. научн. редактора

Страшновато было быть челноком, однако *жить надо*. И гоняла их, как и в прошлые века, мечта о прибылях. Прочь, страхи – вперёд, челнок! Говорят, недолог твой век, поэтому спеши урвать, прокрутить, набить мошну. Что будет завтра – никому не известно, ведь жизнь сегодня *однодневная*. Никто больше не намечает громадьё пятилеток и семилеток. Да и зачем так далеко заглядывать – пережить бы сегодня! И опять тяжело взлетали самолёты, перегруженные мешками с чужим барахлом, скрипели жалобно рессоры и стучали железные, всё выдерживающие колёса поездов.

Всё возили, кроме тачек,
за границу – табунком:
одевали нас, но так, что
мы смотрелись колобком!

Правда, в ту пору ещё было далеко до нынешнего беспредела, но жареный петух уже клюнул русского мужика в темечко. Народ надеялся, что над ним, конечно, проводят очередной злодейский опыт, но уж никак не подрежут становую жилу. Многие даже радовались при Горбачёве, ведь потянуло запретным, *лакомым*, что давно хотелось попробовать на зубок. И только когда увидели на лицах детей сатанинские признаки, опомнились, загомонили, как птицы под стрехой, но было поздно. Кто сгинул бесследно, кто оторопел, и не счесть тех, которые по чудовищ-ному наваждению сунули голову в новую, страшнее прежней рабскую петлю.

Я рифму подбирал к «российской демократии»,
но рифмы не нашёл точней, чем «к матери!»

Горбачёв обладал многими качествами, позволяющими успешно сыграть роль реформатора. Правда, реформатора не русского или ближайших к нему народов, а как бы американского. Вспомните его социальный портрет: законченный партийный бюрократ, умеренный, гибкий до беспринципности, хамелеон, легко принимающий окраску сталинского, хрущёвского, брежневского или андроповского времени. Он был услужливым исполнителем, прекрасно овладевший наукой угождать начальству на современный лад. Этот баловень судьбы всегда находился под крылышком сильного покровителя, и именно поэтому испытал неимоверные и крайние затруднения, оставшись один на один с *империей*, вынужденный единолично принимать важные стратегические решения, ещё раз доказав, что не везло, никогда не везло России на умного правителя…

Заря на землю легла кроваво.
А мне не надо посмертной славы,
а мне не надо Звезды Героя –

иду за партией в дружном строе.
Я перестройки солдат отважный,
шагаю только куда прикажут,
шагаю влево, шагаю вправо,
шагаю вровень с моей державой.
Мои подошвы хрустят по душам –
кого раздавят, кого заглушат.
Мне нету дела до тех, кто сзади –
шагаю ровно, как на параде.
Гудят, как струны, стальные нервы!
Неистощимы мои резервы –
шагаю строго с державой в ногу,
я в наше завтра топчу дорогу…

В 1989 году у западно-германской рок-группы «Scorpions»[141] вышел их самый успешный на сегодняшний день альбом «Crazy World»[142], а песня из него «Wind of Change»[143], посвящённая перестройке в СССР (б), заняла первые места в хит-парадах всего мира и стала первой песней коллектива с более чем миллионом продаж. Перед этим немецкие музыканты дня два-три побывали в Москве и по своим впечатлениям написали свой хит. Знали бы вы, как смеялись умные русские люди, владеющие английским языком, над сверхнаивным текстом этого «шедевра».

«Каждое настоящее располагает собственным прошлым», ещё в середине прошлого века поведал британский философ и историк Робин Джорджевич Коллингвуд в своей замечательной книге «Идея истории». И, хотя он даже намёком не мог предполагать, что́ может случиться в далёком СССР (б) через 40 лет после его публикации, как же оказался прав этот умный человек!

[141] «Скорпионы» – англ.
[142] «Безумный мир» – англ.
[143] «Ветер перемен» – англ.

Глава 103. ПОВЕСТЬ О ПЕРВОЙ ЛЮБВИ

– Мать честна́я, Володя, хоть бы ты что-нибудь рассказал, – сказал Серёжа.

– Запросто, – тут же откликнулся отзывчивый писатель. – Может, ты хочешь послушать историю о гносеологических и классовых корнях идеализма?

Полтавцев на такие страшные слова замахал руками, как неожиданно сошедшая с ума ветряная мельница.

– Или лучше поговорим об агностицизме Иммануила Иоганновича Канта? – предложил Володя. – А, может о неогегельянцах и Сёрене Петеровиче Кьеркегоре, как авторе учения о трёх *стадиях* человеческого существования?

Тут взгляд Афанасьича упал на Борю, примостившегося к покерному столику и детально вылизывавшего своё *хозяйство*.

– Лучше что-нибудь про животных, – уточнил просьбу охранник.

– Хорошо, – не стал чиниться Альбионыч. – Итак, история про животных и людей! Один известный греческий судовладелец (кстати, будущий муж Жаклин Джоновны Кеннеди[144]) решил как-то построить на большом участке виллу, а для этого понадобилось вырубить несколько деревьев. Тогда он привёл на участок архитектора и сказал ему:

– Яйчики-бабайчики, только не трогай вон то дерево!

– Святой Гауди[145], почему? – удивился архитектор.

[144] Видимо, речь идёт о греческом миллиардере Аристотеле Сократовиче Онассисе, судовладельце и муже бывшей жены бывшего 35-го президента США Джона Джозефовича Кеннеди – прим. ист. редактора
[145] Антони Франсескович Гауди-и-Корнет – знаменитый испанский архитектор – прим. худ. редактора

– Так ведь я прямо под ним впервые занимался любовью!
– Как это сентиментально! – вытер слезинку архитектор.
– Кстати, и вот к тому дереву тоже не прикасайся.
– А здесь почему?
– Так ведь под ним стояла её мать и наблюдала, как я занимался любовью с её дочерью!
– Неужели? – удивился архитектор. – И она ничего вам не сказала?
– Ёперная басня, конечно, сказала, – ответил состоявшийся миллиардер. – Она сказала «бе-е-е-е-е!»

Что же, друг ты мой, смеёшься,
да с какой-то хитрецой?
Если ты не перебьёшься,
то *займёшься* и с овцой!

Прошло еще три-четыре роббера, как вдруг Полтавцев оглушительно расхохотался, и даже стал держаться за живот, видимо, для того, чтобы показать, что он не заболел, а правильно понимает все оттенки и нюансы юмора.
– Классный анекдот, – заявил он.
– Ммм-да, – покачал головой Володя, – да ты, брат, почище жирафа будешь. Хорошо, хоть до ночи просёк, а то бы полмикрорайона разбудил своим ржаньем…
Диким смехом Афанасьич вспугнул ворону, сидевшую на карагаче.
– Кар-р-р-ма! – явственно произнесла чёрная птица и подмигнула игрокам.

Глава 104. И ВНОВЬ О ЖЕНСКОЙ ТЕМЕ

Следующий виток разговора зашёл вокруг художника Муравлёва – после того, как он безуспешно попытался объяснить Полтавцеву, что такое художественная форма и, соответственно, её содержание.
– Вот ты пойми, старик, – втолковывал живописец, – что главное, святой Малевич, – это форма, и потому именно она и определяет содержание.
Нуртай тут же сел на своего хромого конька и предложил новую версию, хотя его никто и не спрашивал.
– Мать моя партия, Валера, ты не прав, – мягко начал он, – вот послушай, что по этому поводу говорит марксистско-ленинская диалектика: форма и содержание неразрывны связаны, потому что…
Но почему именно, не дослушал никто, так как спорящих тут же заглушил мощный рёв военного трубача из кустов за покерным столиком. Курманбаев, недовольно прищурившись, хотел было продолжить высоконаучную беседу, но конец спору, как всегда, положил Альбионыч:
– Странно, Валера, что именно ты затеял разговор на эту скользкую тему.

– Почему это?

– Да потому что, как уже подметил Мусаич, ты не прав.

Педагог довольно заулыбался.

– Правда, не правы вы все, и он в том числе.

Педагог недовольно скривился.

– Почему это? – хором осведомились все, кроме прапорщика, который к тому времени вернулся, вялой рукой вытирая плохо пахнущие губы.

– Да потому, яйчики-бабайчики, – воскликнул писатель, – что если есть форма, то её надо немедленно брать на содержание! Вспомни, Валера, ведь именно с этого философского постулата и началась твоя встреча с Наташей!

Муравлёв вспомнил формы любимой и загрустил: только теперь он осознал, что если сегодня вечером не удастся покушать у Володи до́ма, то формы его супруги будут ещё более содержательными.

Но мужчине знать полезно,
как жена изощрена:
всё, что в мужа не полезло,
враз доест его жена!

Кулемзин оглядел печальный коллектив, до́ма страдающий от женского внимания, а здесь и сейчас – от его отсутствия, и решил ненадолго продолжить вчерашнюю женскую тему, не отпускавшую воображение его сопокерников.

– Коварство и кокетство, страсть и ненависть, жалость и любовь! – привлёк он их внимание своим мощным началом. – Сколько легенд сложено о трепетном женском сердце! Прекрасные создания, вмещающие его в свои грудные клетки, покоряли историков и философов, политиков и стоматологов, из-за них начинались во́йны и терпели крушения корабли, из-за них к *иблисовой* бабушке менялся весь ход истории!

Но была, есть и будет в женщинах одна удивительная черта. Нет ей точного названия, и исчезает она, как правило, с возрастом, а происходит от скрещивания многих причин, в целом объективных, но довольно разношёрстных, чтобы их перечислять.

– Царица лесная, а не об этом ли вскользь нам рассказал Михаил Булгаков? – встрял Афанасьич. Педагог подавился пивком, а вот военный не подавился, так как не знал, кто такой Булгаков.

– Это так, – подтвердил писатель. – Именно у Булгакова основательно конопатая служанка, трущая жирные руки о передник, выходит на авансцену, чтобы составить пленительную конкуренцию любовному центру интриги – Маргарите. И порхает она, как бабочка, и плывёт, словно лебедь, «со скошенными от постоянного вранья глазами». Мы пробегаем эту строчку, усмехнувшись, но что это?! Что заставляет эту второстепенную героиню всё время, по любому поводу, мягко говоря, лукавить? О, это та самая черта, невинная шалость, когда женщина в хорошем настроении, и страшное оружие, когда она расстроена: глаза уже смотрят прямо, щёки румянит, – это горит её кровь, она прекрасна, и огонь не гаснет!

Здесь живописец вспомнил любимую супругу и понял: домой как-то не сильно хочется.

– Мужчина гибнет, – между тем продолжал Володя, – едва успев достигнуть пламени, только осознав, как его жестоко обманули, но ещё не соображая, за что. Чья вина или какая жуткая причина кроется в женском коварстве? Едва ли поймёт

он это и после. Если женщина взялась отомстить, превращая лукавство в гибельный капкан, то берегись, виновный! Впрочем, и невиновный тоже, в этом смысле совсем неважно, кто будет отдуваться за весь мужской род. Женщина сделает всё, чтобы враг пал поверженный у её ног и отмщение утолило горечь обиды.

А вот здесь буквально все присутствующие поняли, что в данное мгновение речь идёт о еврейской жене интендант-корнета Аиде.

– Мужчины, впрочем, втуне[146] ожидая подвоха от прекрасной половины, всегда пытались обезопасить себя, преподнося подарки, рассыпая комплименты и раздавая щедрые обещания, но всё равно попадали в ловко расставленные сети, потому что от милой этой женской черты нет противоядия!

[146] Напрасно, без причины – книжн. устар.

Это знают даже дети,
принявши с утра 100 грамм:
попадаемся мы в сети,
где всегда уютно нам!

– Неужели ничего нельзя сделать? – в тоске заломил руки Николаич.

– А я вот своей Зуле, чуть что, так сразу по морде! – поделился секретом счастливой жизни сторож.

– Мать моя партия, а сдачи? – тонко улыбнулся Курманбаев.

– А на сдачу я обычно беру спички, – ответил Афанасьич. – Коробóчек по 1 назарбаксу!

– Святой Малевич, она мне ещё до свадьбы говорила, – продолжил матримониальное страдание художник, – Валера, я в постели, мол, такая ненасытная!

– И что? – сурово поинтересовался Нуртай. – Разве ж это плохо?

– Да так всё и оказалось! Как только ляжем с ней в постель, она сразу и говорит: давай, мол, лучше поедим! Совершенно спать невозможно из-за крошек!

Все посочувствовали страдальцу, а он, видя всеобщее внимание, продолжал страдать дальше:

– А однажды – вообще!

– Не понял, – попросил прояснить ситуацию охранник.

– Тебе, Серёжа, как лучшему другу, скажу: на день рождения Наташа подарила мне тройку!

– Неужели вы прокатились по вечернему Отцеябловску на тройке с цыганами? – усомнился писатель.

– Да нет, это, наверное, была пачка сигарет «Тройка» производства Балтийского табачного комбината, 12 российских рублей пачка, смолы 9 мг, никотина 0,7 мг, цэо 10 мг, – дал обзорную информацию педагог, причём вместо понятных миллиграммов говорил именно *мг*, чем сразу же поставил в тупик тянущегося к знаниям Афанасьича. «Московская гравитация? Марсианская голография? Или, может, местное… м-м-м… *какашко*?»

Высказал свою версию и военный:

– Йодистая тройка, наверное, она, чтобы сильно не тратиться, подарила тебе написанную на бумажке цифру три?

– Какие бумажки! – горько промолвил художник. – Она подарила мне костюм-тройку: трусы и два носка, причём, со словами: «Вот, смотри, как я тебя люблю и балую!»

Я сегодня так испуган
(как же страшно мужику!):
подарила мне супруга
открывашечку к пивку…

Глава 105. И ВНОВЬ О ЖЕНСКОЙ ТЕМЕ (продолжение)

Полтавцев немедленно развязал свою знаменитую котомку, извлёк из неё не менее знаменитую книжечку «Для му.мы. Том 2» и начал мусолить страницы, отыскивая только ему одному ве́домое место.

– Вот! – ткнул он грязным пальцем в середину странички. – «Коварство есть форма зловредности тактичных людей».

– Кулемзин? – индифферентно поинтересовался Батыршин.

– Нет, какой-то неизвестный Анри Жозефович де Ренье[147], – ответил Серёжа. – Так и не вошёл, подлец, в историю, – мало наговорил!

[147] Ну почему же неизвестный? Между прочим, этот французский поэт и мыслитель был даже членом Французской академии! – прим. лит. редактора

Здесь Валера, поняв, что явно зарвался, решил чуть-чуть реабитировать свою юную супругу.

– Может, у неё просто склад ума такой? – призадумался он.

– Яйчики-бабайчики, какой там склад, – отмахнулся писатель, хорошо знавший супругу Муравлёва. – Максимум кладовка!

Где ума мне взять мерило?
В цвет какой макнуть мне кисть?
Мама с детства говорила:
«Ты на умной не женись!»

Свою порцию семейного горя добавил в общие воспоминания и Талгат, вспомнив, как однажды утром, когда он всё ещё был с глубокого похмелья, его жена Аида Яковлевна зашла в супружескую спальню и, видя, что он не обращает на неё никакого внимания, прямо спросила:

– Ты ничего не замечаешь?

– Нет, – честно ответил военный. – Ты халат новый купила?

– Нет.

– Ёперная мода, причёску новую сделала?

– Нет.

– Похудела, что ли? – высказал он очередное, слишком смелое предположение.

– Нет! Просто в прошлый понедельник ты забыл поздравить меня с годовщиной нашей свадьбы, а я обиделась и целую неделю с тобой не разговаривала!

«Какая всё-таки странная штука – эта семейная жизнь!», в очередной раз порадовался своему холостяковству Кулемзин. Он вспомнил, как однажды присутствовал при ссоре молодых супругов Муравлёвых. Его друг Валера, безуспешно пыта-

ясь отбиться от нападок своей жены Наташи, пытался втолковать ей, как ему казалось, очевидную истину:

– Вот, например, жёны декабристов бросили всё и поехали за своими мужьями в Сибирь!

На что молодая вполне резонно заметила:

– Да, но шубы им мужья купили заранее!

Сковородку, скороварку,
дрель, стамеску, долото –
дамам делаем подарки
мы в обмен… на что? на что?!

Но прапорщик никак не мог успокоиться – страшные воспоминания жгли его страдающую похмельную душу. Поднапрягши память, он вспомнил, как на днях опять поругался с Аидой, когда она, обмотав голову влажным полотенцем, делала вид, что умирает от невнимания своего мужа:

– Вот умру скоро, тогда-то ты нагуляешься вдоволь!

– *Дедушка*, да о чём ты? Все мои мысли – только о тебе!

– Нагуляешься, нагуляешься… А, может, даже и женишься снова!

– Аида, не говори ерунды!

– А она ещё и все мои модные платья напяливать на себя будет!

– Какая чепуха! Ёкарные тряпки, да они ей будут велики!

Батыршин тяжело вздохнул, что, однако, не помешало ему на мгновение приложиться к бутылочке «Маршала».

– Вот, собственно, с этой фразы и возник новый скандал, – признался он.

– Да, прокололся ты, брат! – посочувствовал ему охранник. – Мать честна́я, надо было сказать, что платья будут малы!

– А ведь и у меня в семье тоже однажды было счастье, – вдруг вспомнил саксаульский репин..

– Расскажи, – потребовал Полтавцев и, на всякий случай, навострил блокнотик «Для му.мы».

– Однажды, – рассказал Николаич, – попросила меня моя ненаглядная Наташа подать ей тюбик с губной помадой. Святой Малевич, я, как обычно, был с похмелья, и подал ей тюбик с китайским суперклеем под названием «可靠的粘接»[148].

[148] «Надёжный клей» – кит.

– Это что за китайское слово? – удивился сторож. – Хотя, судя по всему, оно из маоминского диалекта ветви гаоян.

– И ведь не подвело название, – горячо бормотал Муравлёв, не слыша комментария своего товарища по несчастью, – тогда моя милая аж целых восемь дней со мной не разговаривала!

– Царица лесная, да, наверное, обиделась, что ты всё перепутал, – высказал версию Афанасьич, после чего занёс в заветную книжечку только что усвоенную мудрость: «Если не знаешь, как заставить жену заткнуться надолго, вспомни совет мудрого Конфуция Шулян-Хэевича и дай ей понюхать какого-нибудь клея!».

Перепутал с перепуга,
и такой нанёс удар:

клей понюхала супруга –
замолчала навсегда!

Горькие воспоминания всё множились, а жизнь на территории Бермудского Учпучмака, несмотря на отдельные недочёты, так и била ключом. Вот антигерой нашего романа Глав-Бух, бывший Руслан Кацоев орал с балкона, как стыдливая старуха на приёме у проктолога. Вот мимо игроков, страшно шаркая протёртыми кедами, прошёл такой же пьяненький Марат из квартиры № 1, похожий на моджахеда в бессрочном отпуске. Вот к игрокам попытался присоединиться водитель (б) Саша Дубровский, который своими пьяными повадками и так называемым лицом в этот момент походил на обезьяну, только вчера отбросившую свой хвост. Володя быстро вручил страдальцу бутылочку «Тянь-Шаня» и отправил во внеочередной отпуск на малую родину, то есть к дому № 16.

Вот к оградке Великого Игрового Треугольника подошла какая-то местная старушка, изредка выползающая из своего дома № 22 погреться на летнем солнышке, а заодно и пособирать пустые бутылки для финансирования очередного ужина. Талгат, увидев старушку, приподнялся и что-то сказал ей на подходящем языке. Бабушка тут же обосновалась возле игроков лагерем и стала терпеливо ждать заветных пустых бутылочек. На ногах *апашки*[149] были тапки с загнутыми носками – порождение неизвестного восточного кретина-модельера, которые, на удивление Славы Зайцева, как-то всё-таки прижились в Саксаулии.

[149] От сакс. апа – бабушка

– Яйчики-бабайчики, картина Пабло Руисовича Пикассо «Девочка на ша́ру», – прокомментировал это историческое событие Альбионыч.

Малевал шар Пикассо́ –
около трёхсот часов,
а потом на шарик девку
разместил за пятидневку!

Кроме внеплановой старушки, обозначились и старушки постоянные. Володя с интересом прислушался к их голосам. Пожилые соседки из близлежащих домов, судя по трудно произносимым именам, в это время обсуждали героев бессмертной «Санта-Барбары» из завершившейся накануне 1243-й серии:

– Совершенно перестаю понимать Си-Си…

– А Мэйсон-то, Мэйсон – вообще!

– А Круз! Они с Иден тоже ещё те…

– Но Джина – вот уж гадина так гадина!

Шум при обсуждении стоял, как на рок-фестивале в деревне Семижопино, и Володя подумал, что это было даже громче, чем пересмотр пенсий прямо на территории саксаульского Сбербанка. Особенно старались перекричать друг друга три неизменные участницы посиделок: тётя Шура, тётя Надя и тётя Лида.

Тётя Шура выглядела как Дюймовочка в сильно постбальзаковском возрасте, – её личико, мелкое, как пересохшая лужица, выражало минимум интереса к жизни, какой бывает разве что только у глухонемых. Тётя Надя, похожая на смотрительницу женской тюрьмы, была женщиной неопределённого возраста, будто составленная из трёх колобков, как снежная баба, причём, самый нижний из них пора-

жал воображение своими размерами. Тётя Лида была настолько стара, что её возраст писатель Кулемзин называл как «жила́ ещё при *вертикальном* Ленине». Он долго приглядывался к этой старушке, пока не понял, что именно она была той самой советской девушкой с веслом (б), что позировала скульпторам Мухиной и Дейнеке как воплощение зари социализма. И именно ей однажды наш поэт даже посвятил целых четыре строчки своего гениального творчества – под названием «Конец одиночества»:

Позавидуйте мне, бабоньки, сполна:
врач обрадовал меня на рандеву,
мол, теперича я больше не одна –
с Паркинсоном и Альцгеймером живу!

Полюбуйся на эту пресловутую девушку и ты, читатель:

Глава 106. И ВНОВЬ О ЖЕНСКОЙ ТЕМЕ (продолжение продолжение)

Недалеко от старушек, на скамеечке возле подъезда № 2 притулился выводок женщин-квартиранток неизвестной азиатской масти, при первом взгляде на которых у Альбионыча невольно возникла мысль о позитивной роли такого национального прикола, как паранджа. Возле них стояла старшая по дому № 17 Жанна Пантелеевна и, видимо, просвещала азиаток по поводу правил проживания в данном жилом фонде. Квартирантки языка не знали, но послушно кивали головами, как уточки в пруду.

Со старшей по дому № 17, или просто Швондером своего кондоминиума, как называл Жанну Пантелеевну Володя, отношения у него были, как у Франсуа-Мари Франсуа-Мариевича Вольтера с *дедушкой* – то есть раскланивался, но бесед не вёл. С Ж. П., как ещё короче величал активистку писатель, эти отношения были не то чтобы неприязненными, но всё-таки какими напряжёнными, особенно после того, как однажды в приступе мазохистской откровенности она поведала ему о своей беде в виде маленькой груди, на что Альбионыч утешил её тем, сказав, что она сама создаёт проблемы *на ровном месте*.

Эх, юность наша золотая –
тебя ни вспомнить, ни отнять!
Была когда-то молодая,
а нынче – ягодка опять...

Ну, и куда было деться от вездесущих дворовых детей! Вначале они носились по периметру Бермудского Учпучмака, как ошпаренные кролики, но потом немного сменили ритм, и стали метаться по этим же просторам, словно обречённые троянцы в Фермопильском ущелье[150]. При этом дворовые дети выли, точно ветер в трубе, словно хотели прикончить наших сопокерников жутким акустическим ударом.

– The rest is silence, yaychiki-babaychiki[151], – мечтательно произнёс Кулемзин, глядя на этих малолетних монстров.

[150] Помнится, именно об этом эпизоде, случившемся ещё лет за 500 до нашей эры, американский режиссёр Рудольф Теодорович Мате в 1962 году снял 114-минутный художественный фильм «300 спартанцев» – прим. киноредактора
[151] Покой это тишина. Несомненно! – англ.

Летом, осенью, зимою и весною,
хоть я сплю подобно кирпичу,
тишина останется мечтою,
потому что я во сне кричу!

И пора бы уже завершиться нашей женской теме, но развитие сюжета этого вторничного дня никак не даёт этому случиться. А всё потому, что именно в этот момент писатель вновь заметил словно бы остановившийся взгляд Батыршина. Он знал, что таким стекловолоконным этот взгляд становится только тогда, когда зрение Талгата останавливалось на володиной соседке Ире, о которой автор уже подробно рассказывал в первом томе «Русской кочерги»[152].

[152] А именно в главе 234 – прим. гл. редактора

Володя проследил за взглядом военного и резюмировал:

– Седина в бороду – челюсть в стакан!

– А? – попытался очнуться от виде́ния прапорщик.

– Старичок, смотри не засматривайся, – посоветовал ему Альбионыч. – Просто вспомни старую японскую поговорку:

Не бывает некрасивых гейш –
бывает мало сакэ...

«Пойду-ка я с ней поговорю», решил в это время Салихдзяныч, но понял, что дело происходит уже во второй части романа, а это значит, что приличная пайка реанимационного «Маршала» всё же достучалась до его истерзанного сердца, а оно, в свою очередь, послало мощный импульс его ногам – чтобы не двигались с места, иначе всё тело целиком рисковало поменять свой вертикальный вектор расположения относительно покерного столика на горизонтальный.

«Пойду-ка я с ней поговорю», решил в это время художник Муравлёв. «А то вчера постеснялся, а потом всю ночь мучился – от нереализованной идеи!». Крепкотелая Ира ещё вчера поразила его творческое воображение. А вот Кулемзина не поразила – Альбионыч, разглядывая соседку, как раз в этот момент думал о том, что именно такие телá раньше украшали горкомовские буфеты.

В данное время Ира занималась тем, что лузгала семечки, причём, делала это так быстро, что Володя стал приглядываться к ней внимательнее, словно садистски ожидая, что соседка вот-вот захлебнётся подсолнечным маслом! Старушки на околоподъезной скамеечке, возле которой она стояла, еле успевали увёртываться от летящей во все стороны шелухи.

Девушка сегодня была на удивление хорошо одета. Особенно ярко на её могучей фигуре выделялась белая майка, обтягивающая телеса как синюга[153] деревенскую колбаску во время контрольной варки. На майке была изображена заморская статуя Свободы в виде гипсовой женщины с факелом в руке, похожим на гигантское мороженое в вафельном стаканчике.

[153] Пищевой продукт в виде говяжьей, бараньей, козьей или верблюжьей слепой кишки. По большому счёту просто колбасная оболочка – прим. кулин. редактора

И хоть нынче был в разводе,
и доволен был вполне,
поглядел я на Свободу –
захотел к своей жене!

Живописец внезапно решительно поднялся и на заплетающихся ногах направился в сторону Иры. Все замерли в ожидании развязки. Наконец, с трудом минуя камушки, попадающиеся по дороге, и спотыкаясь о травинки, которые так и норовили свалить его с ног, он добрался к предмету внезапно вспыхнувшей страсти. Видимо, об этой же страсти подумал и оставшийся переживать за товарища Полтавцев: он гулко стукнул себя по лбу, лихорадочно перебрал содержимое своей котомки, пока не нашёл заветную книжечку «Для му.мы.», поспешно пролистал её и, наконец найдя исканное, в спину Валере прокричал заветные слова, которые, как ему казалось, должны были помочь тому обрести счастье:

– Все формы организации общества, как хорошие, так и дурные, имеют одну и ту же первоначальную основу, которую следует иметь в виду при каком бы то ни было изменении этой организации!

«Что это за хрень?», непедагогично подумал педагог Курманбаев.

– …Эта основа, – завершил чтение мудрой мысли сторож, – человеческие страсти! Но под страстью не следует понимать просто порочное влечение к чему-нибудь, а вообще всякое страстное желание, жажду, помыслы, стремления, надежды и потребности человека!

Хотя всем было ясно, что именно сейчас единственной потребностью Николаича было добраться до предмета страсти, не свалившись по дороге.

– Небось Кулемзин надиктовал? – ревниво осведомился Нуртай.

– Царица лесная, а вот и не угадал! – радостно вскрикнул охранник и тут же дал Мусаичу звучный щелбан. На месте лба, куда попал корявый палец охранника, тут же стала расти красная точка *тилака*, как у индийской женщины, которая отказывает мужчине, хотя иногда эта точка внезапно становится зелёной, когда женщина соглашается на дальнейшие отношения. Курманбаев потёр точку и с ненавистью посмотрел на бывшего текстильщика.

– По-моему, это Вильгельм Карлович Вейтлинг, – пояснил Кулемзин.

– Точно! – восхитился Афанасьич. – Был в Германии такой философ!

– Причём, не просто философ, – уточнил Володя, – а такой же, как Герасим из книжки Тургенева, то есть *утопист*!

Зла порочные статисты
обозначились и тут:
знают только *утописты*,
как щенки на дно идут!

Глава 107. И ВНОВЬ О ЖЕНСКОЙ ТЕМЕ (окончание)

К концу муравлёвского путешествия Ирина наконец покончила с семечками и сейчас являла собой типичный женский экземпляр 64-го размера, которая по-прежнему выглядела очень привлекательно, так как подпирала рукой большую хлебобулочную щёку, похожую на несвежую подушку.

– Поговорим? – сурово осведомился художник, поклонившись, будто приглашая её к менуэту. Он был настроен решительно, и потому не обращал внимания на соседок, которые затаили дыхание в ожидании продолжения на их глазах начинающегося романа, ведь в их глазах пришелец был похож сейчас на представителя петербургских панков, выродившихся от недостатка наркоты.

Ира поглядела на него печальными глазами недоеной коровы и тихо вздохнула, отворачиваясь от ухажёра. И было от чего! Из-под мышек живописца, видимо, от избытка любовного адреналина, заструился такой неземной аромат, что ментовская *черёмуха*[154] по сравнению с ним казалась, как выражался его новый друг Серёжа Полтавцев, «Шрапнелью № 5». Благородное чувство её обоняния было оскорблено до самой глубины души, а также высоты и ширины! По всему было видно, что Ира в данный момент неприступна, как Кронштадт в феврале 1921 года. Художнику очень хотелось, чтобы разговор завязался лёгкий и непринуждённый, как у первоклассников на школьной линейке, но тут же понял, что не сможет этого сделать по одной причине, о которой ему как-то поведал умный друг Кулемзин, а другой друг – Полтавцев так даже записал в своём блокнотике «Для му.мы.»:

[154] Хлорацетофено́н (CN) $C_6H_5COCH_2Cl$ – боевое отравляющее вещество из группы лакриматоров – прим. хим. редактора

Чем жарче летом, тем сложнее
смотреть девушкам в глаза!

Но надо было что-то делать, и Валера решительно и развязно обратился к героине нового романа:

– Святой Малевич, послушайте, Ирина, а хотите, я расскажу вам про Большой адронный коллайдер?

– Странные вы всё-таки, мужчины, – горько усмехнулась володина соседка, – думаете только об одном! Вы считаете, что всем должно быть интересно, что там у вас в штанах?

Услышав такое, живописец вначале уставился на неё, как будто она только что вышла из пены морской, а потом, махнув рукой, быстро пробормотал что-то вроде того, что я спешу на заседание учёного совета Саксаульской Академии художеств, после чего ретировался обратно – к солнцу, к свету, к жизни, к пивку.

Денег полные карманы,
и в подарок ананас,
но кончаются романы,
не начавшись из-за нас!

Железнодорожница отряхнула майку от налипшей семечковой шелухи и направилась в магазин – залить горе литром американской кока-колы. Статуя Свободы на её одежде поощрительно колыхала своим вафельным факелом в такт её могучим шагам. Ира прошла мимо игроков, как безымянная[155] царица Савская, не обратив на них никакого внимания. Все немного обиделись, правда, кроме Альбионыча, так как он один точно знал, что женщины обращают внимание на прекрасное только тогда, когда у них заканчиваются деньги.

[155] Легендарная правительница аравийского царства Саба, чей визит в Иерусалим к израильскому царю Соломону Давидовичу Бесфамильному описан в библии. Имя этой правительницы в библии почему-то не упоминается, что, конечно же, говорит о крайне невнимательном диктовании этого труда дедушкой еврейскому пророку Мойше, которого наивные христиане знают под именем Моисей – прим. автора

– Я считаю, что мужчина вообще без женщины не может, – посмотрев вслед Ирине, признался художник.

– Правильно, Валера, – поддержал товарища Володя. – Это ведь только декабристы по утрам Герцена будили. А у нас с тобой другая ориентация!

Володя давно знал, что если по жизни встретятся две яркие индивидуальности, две полноправные единицы, то семейная жизнь никогда не сложится. В семье нет места формуле 1 + 1 = 2. Мужчине рядом с собой не нужна единица, ему нужен ноль. Но, конечно, не в отрицательном смысле этого слова. Проще говоря, ему нужна женщина, которая сможет полностью раствориться в нём. И только тогда, когда написание семьи будет выражено не 1 + 0, а просто 10, он почувствует себя сильнее – в десять раз. И то, это только в том случае, когда их союз не будет скреплён пресловутым штампом, а, напротив, будет приятная возможность разбежаться в разные стороны без ущерба своей психике.

– Серёжа, запиши, – попросил он сторожа. Афанасьич немедленно открыл на чистой страничке книжечку «Для му.мы.» и приготовился внимать.

– Вот, например, я, – показал на себя пальцем Володя, и видя, что охранник навострил карандаш, добавил:

– Старик, это можно пропустить. Вот подумайте сами, други мои: разве я могу допустить, чтобы такой алмаз да попал в одни руки?!

Все дружно закивали головами: нет, мол, такое допустить невозможно.

– Итак, что такое брак? Вот теперь, Серёжа, пиши:

Брак – это союз двух людей
для совместного преодоления проблем,
которых у них до брака не было.

Полтавцев не спеша послюнил красную сторону карандаша и тщательно вывел поразившую его мысль: «До брака все проблемы свои, а после брака – совместные». Потом он ещё раз прочёл написанное и подумал: «Это до, а это после. Интересно, а что же происходит *во время* брака?», но переспросить постеснялся.

А закончили эту главу о странном женском вопросе по прихоти автора сразу двое: один живой, а другой давно покойный

– Мать честна́я, Володя, вот ты всё знаешь, – озаботился живой охранник, – скажи, а как продлить секс с женщиной до двух часов? Я читал, что такое возможно только в принципе!

– Конечно, возможно, причём, очень легко, – улыбнулся знаток, – просто нужно начать этот секс в 1 час 55 минут!

Если проза в любви неизбежна,
так возьмём и с неё долю счастья:
после ссоры так полно, так нежно
возвращенье любви и участья...

А вот этот незатейливый стишок написал уже давно покойный, но от этого не менее великий, русский поэт Николай Некрасов – в далёком от нас 1851 году. Но Володя любил это произведение вовсе не за смысл, а за его название. Сейчас его узнаешь и ты, читатель: «Мы с тобой бестолковые люди». И это не шутка!

Глава 108. КОГДА СВЕТИЛО РАЗМЯГЧАЕТ МОЗГИ

Между тем занимающийся день неумолимо укреплялся в своих правах: небо постепенно становилось густым и синим, как на полотнах супрематистов, дрожащий от температуры солнечный шар завис чуть левее зенита. И, действительно, общую картину микрорайоновского мироздания несколько портила продолжающаяся так же, как и вчера, жара. В такую жару Бермудский Учпучмак пустел где-то до часов пяти вечера, как это происходило во время *сиесты* в Южной Испании.

По изнуряющей погоде чувствовалось, что Отцеябловск на ближайшие три дня оккупировал мощный антициклон. Вытирая пот со лба, натруженного мыслями о холодном пивке, писатель неожиданно вспомнил, что такая самая жаркая пора лета называется у тюрков *саратан.* К чему применить всплывшее знание, он не придумал, и поэтому решил просто жить дальше. Но не таково было дневное светило, чтобы допустить даже мысль о том, как это можно было забыть о нём! Оно жарило так, что игроки варились как креветки, а ноги их – в разносортной обуви – пропарились до шашлычной кондиции. Первосортные лучи неутомимой звезды доводили игроков до горячки, размягчая их и без того мягкие мозги. И если бы не холодное

пиво, кто знает, не окончилось бы преждевременно наше увлекательное повествование из-за летального исхода игроков – одного за другим!

О солнце, раскалённое чрез меру,
угасни, смилуйся над бедною землёй!
Мир призраков колеблет атмосферу,
дрожит весь воздух ярко-золотой.

Одинокое облако плыло навстречу солнцу, следом за облаком летел самолёт. Батыршин тоскливым взором проводил механическую птицу и начал сдачу новой партии – по одной карте *втёмную*. Он вдруг почувствовал, что сейчас, именно сейчас ему должно было повезти. Жаль, что об этом ничего не знала Сука-судьба.

«Что-то многовато дамокловых мечей собралось», перед игрой подумал гуру.

Особенностью этого короткого роббера было то, что розданную карту смотреть было нельзя, а вот заказывать или одну взятку или пас было нужно. И тут Сука-судьба неожиданно улыбнулась Володе во все свое симпатичное мурло. Он заказал одну взятку, записал в *раскладку* все остальные пасы и нуртаевскую рисковую взятку, после чего перевернул карту – ею оказался козырный король, который так и не смогли побить остальные игроки. «Оно и правильно, оно и справедливо», подумал писатель. «Не вечно же мне любоваться задницей фортуны. И вообще, во всём должнó присутствовать разнообразие и чувство меры…»

Курманбаев, так нелепо рискнувший, с первого же хода проиграл 50 очков, отправившихся в минус, поэтому сейчас не смог сдержать волнения: он вскочил и забéгал по пространству Бермудского Учпучмака, как какой-нибудь Ильич I перед штурмом Зимнего дворца. При этом Мусаич сшиб, как кегли, нескольких дворовых детей, но ни он, ни они этого даже не заметили. Когда же он успокоился, то решил отыграться уже на роббере в три карты, тем более что ему пришли и козырной валет, и младший джокер. Вероятность того, что из двенадцати розданных карт у кого-то окажутся карты посильнее, была мала, и он решил рискнуть ещё раз.

– Две!

– Эх ты, дунька с трудоднём, – неожиданно и непонятно обидел его писатель, которому из трёх карт пришли козырный туз вкупе со старшим джокером. – Тоже две!

У Афанасьича была всего лишь козырная дама, но ему не хватило ума проанализировать, что же значит эта красиво одетая фигура на картинке в свете уже заказанного противниками. И, тем не менее, он рискнул:

– Одну!

Первый ход был за Кулемзиным.

– По джокерам, яйчики-бабайчики! – произнёс он страшную для всех, кто играет в *русскую кочергу*, короткую фразу.

Поднялась температура
в мозжечке очередном:
джокер – лёгкая фигура,
но тяжёл, когда с ножом!

Педагог тут же потерял одну взятку, на которую так самонадеянно рассчитывал. После этого Альбионыч пошёл козырным тузом, который забрал и курманбаевского валета, и полтавцевскую даму. Так Нуртай потерял свою вторую взятку,

правда, не добрал и сторож. Третьей картой у писателя была пиковая четвёрка, которую он и бросил в расчёте на то, что уж такую-то мелочь кто-нибудь да подберёт. Так и случилось – на счастье охранника у него нашлась именно эта масть, а если конкретно, то пиковая десятка. Взяв одну заказанную взятку, Серёжа надулся от гордости и даже посочувствовал Курманбаеву, похлопав его по плечу, что вызвало подъём некоторого количества пыли из материала. Афанасьич чихнул, но был совершенно счастлив. Зато несчастлив оказался Мусаич.

– Володя, ну зачем ты меня посадил, а Серёжу опять пожалел? – возмутился педагог. – Можно же было бы хоть один раз…

– Для успокоения своей личной совести, – популярно объяснил свой поступок писатель. – Как у всех глубоко творческих личностей, она у меня сильно нежная и чуткая!

– А зачем ты так сделал, Серёжа? – повторно возмутился педагог. – У Володи, что ли, учишься?

– Да нет, – ответил счастливый охранник. – Это я, чтобы было до слёз жалко неправильно проигранные годы, как примерно в этом смысле выразился один слепой классик[156].

[156] Вероятно, это советский (б) писатель Николай Островский, хотя ни о чём подобном он никогда не говорил в своих произведениях – прим. лит. редактора

– Ну ты, Нуртай, и пропадлюка, – не сдержался гуру. – Что ж ты всё спираешь на Серёжу? А самому́ поучиться анализировать ситуацию и стараться расчухать её? А поучиться вообще в эту игру, требующую недюжинного интеллекта?! И вообще, кто старое помянет, тому склероз не страшен!

– Вот именно, царица лесная, – подтвердил сторож, полагающий, что как раз упомянутым интеллектом и располагает.

Видя, что сочувствия от коллектива не дождёшься, Курманбаев тут же схватился за бок, как будто его боднула корова, и стал жаловаться на непрекращающиеся боли в желудке, отвлекая покеристов от дальнейшей игры, причём, делал вид, что болит у него именно левый бок, вверху, ближе к сердцу, чем ещё раз доказал, что обладает совершенно уникальным строением пищеварительного тракта, – короче, врал беззастенчиво и неумело, – как всегда.

– Не трогай ты его, Володя, – попросил художник. – Его бог накажет.

– Нет, не могу, – признался писатель. – *Дедушка* слишком медлителен в своих решениях, и я не могу ждать, пока он расчухает ситуацию. К тому же, милости *дедушки* можно ждать вообще всю жизнь.

Я зарплату тратил лишь на фрукты,
но потом от мысли обалдел:
не поможет *дедушка* тому, кто
денежек на свечку пожалел!

Глава 109. КОГДА СВЕТИЛО РАЗМЯГЧАЕТ МОЗГИ (продолжение)

Ситуация менялась как на фронтовой полосе: впереди оказывался то один игрок, то другой, и только Курманбаев, так бездарно проваливший начало партии, отстал на много, и всё никак не мог выбраться из *шпалы,* то есть игрового минуса. В этом он винил всех и вся, кроме, разумеется, себя: и неотзывчивого Володю, ко-

торый, как спутник в 1957 году, оторвался от коллектива, и туповатого Серёжу, забывшего, что он, Нуртай, является его соседом по лестничной площадке, и Талгата, которому погоны, по слухам, прибили прямо к военной голове. С ненавистью поглядывал он и на солнце, которое палило нещадно, и в полном безветрии эта, в общем-то, неплохая и нужная звезда, превращалась в орудие пытки са́мого дорогого для педагога человека – самого́ педагога.

– Шах! – в этот момент выбросил писатель старшего джокера. – И мат! – в качестве добавки из его руки выпорхнул покер.

Мусаич задохнулся от возмущения и стал жадно заглатывать воздух, как Человек-амфибия в летнем городе.

– Ты чего такой кислый сидишь? – поинтересовался у него Альбионыч. – Мама сникерс не купила?

– Тебе бы всё издеваться, – пригорюнился Мусаич и даже скривился так, чтобы все его пожалели. – А я так страдаю!

– Странный ты, парень, – откликнулся на его причитания Володя. – Что значит страдаю? Как ты думаешь, кому сейчас хуже: тебе или голодным детям Африки? Кстати, тебе не кажется, что ты сам себя перемудрил? Это называется «почесаться левой рукой через правое колено».

Полтавцев, услышав такое определение, аж крякнул от восторга, немедленно вытащил из котомки блокнотик «Для му.мы.» и тут же записал: «Мой друг Кулемзин только что уличил Курманбаева в неверной анатомии его странного организма!»

На это Мусаич не нашёлся что ответить, и решил дальше быть сильным, как требовало от него всю жизнь марксистко-ленинское учение. «Чтоб ты сдох», привычно пожелал он, правда, опасаясь сурового возмездия, всё же мысленно.

– Напрасно стараешься, Курманбаев, – не обиделся Володя, услышав его мысли при помощи особой марсианской технологии. – У меня линия жизни длинная – аж до подмышки!

Говорил архиерей мне,
чуть глотнувши опия:
«Хиромантия хитрее,
чем дактилоскопия!»

Между тем игра продолжалась, хотя игроки прели на жаре, как нога в сапоге, но продолжалась между робберами и нехитрая учёба, состоящая в основном из вопросов Полтавцева о той или иной игровой ситуации. Вот и сейчас он правой рукой тупо держал девять карт, пытаясь, как пушкинский Германн, найти верное решение, а левой безуспешно оттирал со штанов какое-то успевшее засохнуть тёмное помидорное пятно.

– Володь, а если ты говоришь *по пикям*, а у меня их нет, то что делать? – наконец решил провентилировать он животрепещущий вопрос.

– Скидывай любую карту, я же тебе сколько раз об этом говорил!

– Да я, в принципе, помню. Хочу только немного освежевать в памяти!

После чего он немного «подумал», а потом неожиданно скинул лишнего джокера – *от греха подальше*, как говорил итальянский сказочник Джанни Джузеппович Родари, вычёркивая из окончательного варианта книги для детей бурный роман между дядюшкой Тыквой и Чипполино. После этого Афанасьич в очередной раз зазевался и вместо объявленных козырями крестей неожиданно бросил на покерный столик бубнового туза.

– Старик, – поправил его писатель, – ты в этом ходе ошибся как минимум на диаметр шара!

– Какого шара? – обалдело поинтересовался охранник.

– Снукерного? – легко догадался Муравлёв.

– Точно!

Сделав благостную рожу,
вспоминаю чью-то мать:
снукер мне понять поможет,
как же в покер не играть!

В это мгновение все вздрогнули, ибо лежащий на краю покерного столика володин телефон внезапно издал приятный звук – приятный, конечно, для самóго Володи, то есть начальные такты композиции «Rock And Roll» из четвёртого альбома его любимой группы «Led Zeppelin». Кулемзин нажал на аппаратике какую-то зелёную кнопочку и, как показалось, Серёже, прямо в неё сказал:

– Саксаульский Центр Непреходящей Мудрости слушает вас. Чем мы можем вас возбудить?

– Хи-хи-хи! Алё! – раздался в трубочке голос нуртаевской жены. – Володя, ты больше так не шути.

– Почему? – вежливо поинтересовался писатель.

– А то когда-нибудь дошутишься, – доходчиво объяснила ему женщина.

– Понятно, – согласился Альбионыч. – Какую информацию желаете донести до 1/5 нашего коллектива?

Звонившая не поняла насчёт произнесённой дроби, но всё же попросила на минутку прислать мужа – помочь по хозяйству. С благословения коллектива педагог был отпущен – с наказом вернуться живым. Минутка Нуртая, как обычно, могла обернуться двадцатью, а то и более.

– Это напоминает мне рекламу йогурта «Даниссимо», – нервно произнёс писатель. – «И пусть весь мир подождёт!».

Через минут 15 он всё-таки решил порадовать покерную хевру и примнувшего к ней саксаульского шишкина какой-нибудь историей. «Вот только какой?», едва успел подумать он, как услышал голос сторожа.

– Володя, расскажи рассказ, – потребовал он.

– Хорошо, что не повестни повесть, – пробормотал гуру. – О чём хочешь услышать, о любопытный отрок?

– О чём-нибудь глобальном, – важно поведал Полтавцев. – Так, знаешь ли, надоели мелочи жизни, что просто терпеть нет мóчи!

Валера раскрыл рот и не закрывал его до тех пор, пока в него не залетела какая-то не особо внимательная муха. Художник тут же отплюнулся и решил почаще бывать в покерном коллективе, чтобы набраться хотя бы столько разума, сколько имел его на сегодняшний день Серёжа.

Без базара и испуга
напряги-ка свой девайс:
поделись мозгами с другом,
только всё не отдавай!

– Что может быть глобальнее космоса? – спросил Альбионыч, и сам же ответил:

– Ничего. Решено: мой рассказ будет о космосе.

– А ты его знаешь? – поинтересовался охранник.
– Космос?
– Да нет, рассказ!
– Даже если не знаю, сочиню на ходу, – пообещал писатель.

Глава 110. ИСТОРИЯ О ПОКОРЕНИИ КОСМОСА

– Самым первым космонавтом, – поднял палец писатель, – как известно, хотел стать незадачливый Икар Дедалович. Он, вопреки мудрым анекдотам про Брежнева, полетел на Солнце в обед, да к тому же летом. Результат общеизвестен, а этого древнего грека до сих пор чисто по-человечески жаль. Печальный опыт смертельно пикирующего летуна надолго охладил некоторые горячие головы и трусоватых по своей природе спонсоров. Но во время торжества советской (б) власти всё кардинально изменилось.

Хорошо, что эти слова не слышал временно отсутствующий педагог, иначе он смог бы гордиться принадлежностью к этой са́мой власти примерно до сегодняшнего вечера.

– Космодром порешили строить в Саксаулии. Во-первых, где реально расположена Кзыл-Ординская область, не знало ни заокеанско-американское ЦРУ, ни беспощадный израильский Моссад, ни, тем более, чопорный английский отдел Ми-6, в котором и выговорить-то это название могли только с разбега. Во-вторых, там была какая-то песенная *степь да степь кругóм*, поэтому и потенциальных шпионов, и беглых стройбатовцев бдительные чекисты, охраняющие спецобъект, всегда замечали издали, как голых в Сибири на катке. В-третьих, ракета, как элемент опасный и склонный к взрывам и прочим диверсиям, должна была размещаться подальше от ценной шкуры мудрого московского начальства. И, наконец, в-четвёртых, дикорастущая кзыл-ординская конопля могла очень помочь имитировать во время тренировок полный улёт в космос, а, может, и куда подальше. А назвать полигон было решено не по-русски, а ближе к миестным реалиям, то ест Байконуром, что в переводе с саксаульского означает «Дворец хозяина».

В космос сильно захотели –
подчеркнуть свой пыл идей:
с Байконура мы взлетели,
сели неизвестно где!

В связи с тем, что Земля издавна имела один привычный естественный спутник, правда, сугубо женского пола, для соблюдения мировой гармонии *инь* и *янь* на орбиту был заброшен дополнительный искусственный спутник рода мужского. Сделано это было по двум основным причинам: для полного посрамления многочисленных врагов коммунизма (б), а также из обычного человеческого любопытства: «Сколько он там сможет провисеть, и куда в конце концов упадёт?».

После того, как многочисленные искусственные спутники Земли вышпионили у соседних и вражеских стран всё, что было возможно, встал вопрос о посылке на орбиту какой-нибудь живности. Первыми живыми особями, всерьёз взявшимися за покорение галактики, были обычные тараканы, причём, они пролезли в ракету по своей собственной инициативе, без скафандров, но с запасом хлебных крошек и изюма. Взлетели насекомые удачно, но в открытом космосе, попав под жёсткое рентгеновское излучение, быстро мутировали, доели крошки и, просочившись в

космос, на ближайшем астероиде улетели подальше от Земли организовывать в районе Арктура колонию Чужих.

Однако, среди советских (б) учёных, придерживающихся диссидентских взглядов, существовало кулуарное мнение, что первой в космос должна полететь свинья. Мол, очень близка она к человеку по строению некоторых органов, а человек чрезвычайно близок к ней по схемам поведения. Но партия строго сказала, что свинства на таком высоком космическом уровне допустить не может, поэтому группа уже обученных животных из соображений военной секретности была гуманно расстреляна и съедена в виде шашлыка во избежание утечки какой-нибудь сверхсекретной информации.

Доложил тогда акустик,
что без водки осмелел:
«В космос мы свинью не пустим –
их полно и на Земле!»

Потом были су́ки. Не в смысле стукачи на зоне, а в смысле собаки со странными кличками Бе́лка и Стре́лка. Эти два животных с именами, посвящёнными классической алкогольной горячке и кровавому эпизоду со стрельбой из фильма «Бригада», успешно улетели в космос и даже вернулись обратно. Говорят, что с ними ещё был специально обученный разным фокусам экспериментальный ёж, но он якобы погиб при взлёте при перегрузке около 3g от многочисленных проколов иголками внутренних ежовых органов.

После этого трагического события можно только догадываться, чем именно питались на орбите первые животные-космонавты. Вот такого ежа подложил им генеральный конструктор Сергей Королёв. После прилёта обратно на Землю самые опытные собаки запросто вскрыли замки́ на клетке и сбежали на волю, предварительно поклявшись своими исколотыми языками никогда не возвращаться в Звёздный городок.

Самым первым настоящим космонавтом стал Иван Иванович. Фамилия его неизвестна, так как манекенам паспортов до сих пор не выдают. После возвращения с орбиты он тупо молчал, даже не улыбался, но выглядел вполне здоровым, что весьма поспособствовало принятию непростого решения о посылке в космос живого человека, может быть, даже военного.

11 апреля 1961 года всю ночь Гагарин, Королёв и Титов отрабатывали распитие спирта в условиях открытого космоса, в одиночку, без закуски – при одетом на голое тело скафандре. Поутру Гагарин вызвался сбегать за добавкой, но, сби-вшись с курса партии, случайно забрёл в ракету, думая, что это такси, похлопал своё отражение в иллюминаторе по плечу и сказал: «Яйчики-бабайчики, шеф, душа горит, давай быстрее, *поехали*!». Последнее слово услыхал весь мир, а Титов при этом горько заплакал, потому что он тоже хотел быть первым. Так Королёв и провёл свой естественный отбор между подчинёнными. Ну, а дальше – понеслось!

Космонавт заел селёдкой
и увидел черноту –
думал: едет он за водкой,
а проснулся – на борту!

Глава 111. КОГДА СВЕТИЛО РАЗМЯГЧАЕТ МОЗГИ (ещё одно продолжение)

На этот раз «минутка» Мусаича обернулась всего четвертью часа, что само по себе уже было рекордом недели. Венцом этих мифических 60 секунд стал торжественный вынос на мусорку огромной коробки из-под телевизора «Daewoo», который, как помнили все, чета Курманбаевых купила ещё лет пять назад. Что все эти годы делала коробка в квартире педагога, было решительно непонятно, но, в принципе, это никого и не интересовало.

Нуртай прошёл мимо игроков, тяжело и шумно дыша, словно в коробке до сих пор скрывалась не пустота, а сам телевизор. Глазастый прапорщик, разглядев нарисованное на картоне изображение рюмки и загадочную надпись «Верх», шумно втянул носом воздух, после чего поинтересовался, что бы это могло означать. Тут же последовало несколько версий рисунка, но самой остроумной была признана версия Афанасьича, который объяснил, что рюмку на коробке рисуют для того, чтобы счастливый телевизоровладелец не забыл обмыть покупку, а таинственный «Верх» – просто сокращение от выражения «Верх блаженства от обмытия»!

В голове плясали думки –
поострее острых стрел:
глянул на рисунок рюмки –
сразу выпить захотел!

«Многие вещи нам не понятны не потому, что наши понятия слабы, но потому, что сии вещи не входят в круг наших понятий». Понравилась тебе мысль, мой читатель? А, между тем, это вовсе не афоризм нашего главного героя, как тебе подумалось, а одна из славных мыслей некоего Козьмы Пруткова[157] – личности, надо сказать, мифической, но от того не становящейся глупей.

[157] Козьма Петрович Прутков – коллективный псевдоним четверых поэтов: Алексея Толстого и братьев Жемчужниковых – Алексея, Владимира и Александра, литературная маска, под которой в журналах «Современник», «Искра» и других они выступали в 50-60-е годы XIX века – прим. лит. редактора

Например, в круг покерных понятий не входил, хотя и пытался туда пролезть всеми силами своей так называемой души сторож Полтавцев. Уж так и эдак норовил он сделать всё для победы – как чабан Курбан Бердыев во время войны, отдавший на фронт для солдат заднюю ногу своего лучшего барана, но вот всё не получалось у него сыграть умно и сильно, а если когда и брал он заказанное, то это было исключительно следствием сиюминутного благорасположения великого Случая, отхлебнувшего именно в этот миг из пивной бутылочки Кулемзина.

Как и остальным, сильно мешало Афанасьичу солнце, которое, судя по всему, именно сегодня решило поставить крест на жизни славного коллектива покеристов. Пронзительно голубое небо с трудом удерживало в своих космических глубинах этот пульсирующий расплавленный шар, который светил так, словно наши герои по ошибке проводили свои игрища где-нибудь на Меркурии. Над головами игроков неподвижно застыли уставшие от жары листья карагача.

Знойный дух земли и неба,
чувств жестокая жара,

даже кажется, что мне бы
высохнуть до дна пора.
О, как жажда душу сушит,
о, как губы просят пить!
Только льдинку равнодушья
зной не в силах растопить…

Глава 112. О САКСАУЛЬСКИХ КОМАРИКАХ

Раздражало и то, что комары, прилетевшие от расположенного неподалёку от второго микрорайона рукотворного городского озера Сайран, нападали со всех сторон, как птицы в одноимённом хичкоковском фильме. Правда, веселились они недолго, так как, хлебнув уже первую пайку из пропитанных пивом и другим алкоголем организмов сопокерников, они пускались в пьяное веселье, предупреждая своим весёлым зудом собратьев от грозящей им опасности спиться именно сегодня и здесь. Кулемзин давно подозревал, что прилетающие днём комары – какие-то мутанты, ведь комары обыкновенные, или Culex pipiens, как остроумно называют их зоологи, начинают свою пропадлючью деятельность как можно позже – ночью, когда человек, утомившийся за день, не может должным образом ответить этим *кулексам*, в результате чего и просыпается с не совсем своей рожей, а опухший и чесоточный.

Писатель вспомнил, как однажды, проходя мимо соседок в свой подъезд, слышал от Ариадны Сергеевны Покровской её рецепт борьбы с этими насекомыми, чем она, судя по счастливым интонациям в голосе, очень гордилась:

– А я вот лично нашла очень хорошее средство от комаров. Например, вечером, перед сном, я включаю свет в квартире и заодно открываю все окна и двери. А когда все комары влетят в комнату, я ложусь спать на балконе!

Избежал я лихо лиха,
словно брызнул в морду поп:
обманул я комариху –
притворился, что усоп!

Тогда же он услышал и ещё одну удивительную историю – в исполнении своей соседки Жанны Пантелеевны, которая считала, что в любом разговоре последнее слово всегда должно оставаться за ней:

– А я вот лично делаю по-другому: хорошенько натираюсь каким-нибудь вином типа портвейна, а затем посыпаю себя мелким песком.

– Батюшки светы! – восхитилась тогда Анна Петровна, жена омуртая:

– А это ещё зачем?!

– Да сядут комары, – победно завершила рецепт счастья Ж. П, – напьются вина и начинают бросать камни в друг друга – пока сами себя не перебьют!

Слыша непрерывный комариный зуд, вспомнил подобную историю и прапорщик, когда прошлым летом его жена Аида попросила его:

– Слышишь, вроде на кухне комар летает. Прибей его, пожалуйста!

– Есть! – ответил военный и поспешил на кухню. Через мгновение оттуда послышался не только звон разбитой посуды, но даже хруст ломаемой мебели. Аида кинулась на звук и застала в кухне мужа, вытирающего пот с натруженного лба. Ещё не оценив масштабы катастрофы, она как бы на полном автомате спросила:

– Ну что, убил?
– Убить – не убил, но здоровье, думаю, у него уже не то...

На лужайке у горы,
под зелёной липкой
потеряли комары
маленькую скрипку.
На лужайке у горы,
у тропы-петлички
ищут, ищут комары
скрипку-невеличку.
«Светлячок, сюда иди,
посвети под липкой –
без тебя нам не найти
маленькую скрипку!».
Светлячок то там, то тут
светится, как спичка:
ищут, ищут – не найдут
скрипку-невеличку.
Распищались комары
зло и недовольно,
и, наверно, с той поры
всех кусают больно!

Глава 113. КОГДА СВЕТИЛО РАЗМЯГЧАЕТ МОЗГИ (окончание)

Талгат, не в силах терпеть это безобразие, не отражённое ни в одном из читанных им уставов вооружённых сил Саксаулии, направленными струйками дыма от своей вонючей сигаретки отгонял особо назойливых комаров. Вскоре вместо зудящих насекомых вначале появилась крупная жёлтая оса с помятыми крыльями подбитого аэроплана, правда, к счастью, не выражающая каких-то агрессивных стремлений, а затем над покерным столиком и вовсе закружились какие-то яркие и разноцветные бабочки, похожие на фортепианные этюды композитора Клода Ашильевича Дебюсси.

Игроки, зачарованные зрелищем, любовались на бабочек, но не все – Курманбаев, например, чуждый этой эфемерной красоты, во время внепланового представления обозрел все карты всех игроков, а заодно и отхлебнул из всех бутылочек, стоящих на покерном столике и близ него.

История неумолимо двигалась по спирали, подтверждая один из идиотских законов диалектического материализма. День был бесконечным, как съезд КПСС (б), и таким же бессмысленным. Небо по-прежнему было белым, словно прокисший творог. *Иблисово* палево раскаляло и без того горячую жаровню Бермудского Учпучмака.

– Эх, сейчас бы на пляж с песочком, – мечтательно протянул Володя, – да окунуть свои святые мощи в ласковые волны синего моря! Жаль только, что загадил синее море старик своим давно не стираным неводом…

Чуть подрагивая веком,
вспоминая речкин ил,
кинул дедка невод в реку –

видно, новый прикупил!

Между тем на покерном столике, горячем, будто лаваш в самодельной печке, разгорались страсти, делавшие его металлический лист ещё горячее. Порой казалось, что от трагических записей покерная *раскладка*, которую тщательно вёл Альбионыч, даже немного дымилась, как сбитый *фоккервульф*. Сопокерниками только что был сыгран один из самых длинных робберов – из 12 карт на *тёмной*, и, как это не раз бывало и раньше, роббер этот принёс много неожиданностей. Всё началось с того, что, увидев пришедшие карты, охранник вдруг горячо зашептал, в глубине души сильно удивляясь произносимым словам, которые до этого не знал никогда:

– *Дедушка*, отец мой небесный! К тебе прибегаю я, чадо твоё, с покаянием во грехе и мольбой быть милостивым ко мне!

– Надо бы ещё добавить, Серёжа, – научил его писатель, – вот что: помилуй мя, сохрани и спаси от *иблиса* и фуфла всякого, от двоек и троек не при мизе́ре!

– Да-да, мать честна́я, – быстро согласился молящийся, – помилуй именно мя.

Все немного посмеялись над страдальцем, но недолго, потому что роббер почти для всех закончился неприятностью: педагог и прапорщик пролетели на одну взятку, Афанасьич, которому *дедушка*, несмотря на горячую молитву, почему-то не помог, на две, и только Кулемзин умудрился взять свои три взятки, правда, не самостоятельно, а при помощи Случая – родного сына Суки-судьбы. Особенно был разочарован охранник, который в надежде взять своё сделал такой ход, который по бессмысленности мог быть сравним разве что с попыткой украсть из *мерседеса* пачку сигарет, ведь в результате этого безобразного хода как раз и недобрал взятку Мусаич, потеряв своего младшего джокера из-за того, что его перебил володин джокер – но старший.

– Мать моя партия, Серёжа, зачем ты так сыграл? – обиженно обратился он к Полтавцеву.

– Ну, как попало, так и положено! – тут же объяснил охранник свою незыблемую игровую позицию.

– Да, крахмал, – задумчиво произнёс Володя, послушав эту короткую перепалку.

– Какой крахмал? – обалдел сторож, решив, что всё это ему померещилось из-за избыточного количества принятого «жигулёвского».

– Лёгкая такая неудача, – пояснил русский филолог. – Крах, говорю, мал…

Проигравши, озадачен,
как мне жить в небытии:
крах, фиаско, неудача –
все слова́ теперь мои!

– Ты, Серёжа, в дальнейшем, – попытался наставить Афанасьича гуру, – старайся не забывать (прости, русский язык!) о ментальной составляющей *русской кочерги.*

– Да я не забываю, – тоскливо отозвался охранник, – стараюсь моментально, а получается долго!

После проигрыша Нуртай, призвав на помощь железную волю и марксистско-ленинскую идеологию, решил, что изменить всё равно ничего не сможет, и смирился с ситуацией, тут же начав рассчитывать на некое будущее, которое в его представлении, конечно же, было светлым, как подвенечное платье невесты! Батыршин тоже сидел обиженный, смотря на *подсолнечный* мир глазами давно недоенной ко-

ровы, которой по случаю 1 Мая обещали, но так и забыли дать лишнюю охапку сена. Лучше всех было художнику Муравлёву: и пиво есть, и, главное, голову лишний раз напрягать не надо!

– Эта игра, мои дорогие братья Ёлкины-Палкины, – объяснил причину проигрыша писатель, – скакала к вам всю жизнь, как Томас Томасович Лоуренс, более известный из одноимённого фильма режиссёра Дэвида Оливеровича Лина как «Лоуренс Аравийский»!

– При чём здесь какое-то дурацкое кино? – взвился педагог, который никак не мог успокоиться.

– Знаешь, Нуртай, ты мне сейчас Пушкина напоминаешь, – неожиданно обрадовал его гуру.

Курманбаев тут же напыжился от важности.

– Чем? Наверное, талантом?

– Да нет, просто очень застрелить тебя хочется!

На лице Альбионыча тут же нарисовалась улыбка средневекового палача 6-го разряда. «По-моему, пришло время разбрасывать камни», решил он, «и собирать пришибленных!». Но *раскладка* ждала трагической записи – и она её получила.

– Научен горьким опытом – научи товарища! – подмигнул писатель и старательно списал всем троим недобранные взятки, не забыв приписать себе честно заработанные 60 очков. Когда же он поднял глаза от *раскладки*, то заметил, что на него недоброжелательно смотрели пять глаз: два прапорщика, два сторожа и один – педагога, потому что второй он по-ленински прищурил. Ещё два глаза, принадлежащие художнику Муравлёву, смотрели внутрь себя, так как к тому времени он задремал, нахлебавшись володиного пивка и смотря интересный сон, где он вместе с Пабло Руисовичем Пикассо работал над эскизом для будущей «Герники», причём, настаивал испанскому художнику, что в центре композиции, наподобие *фриза*, в комбинаторике (прости, русский язык!) кубистическо-сюрреалистических элементов должны быть показаны павший воин, подбегающая к нему женщина и раненая лошадь. Пикассо не соглашался, но по его заблестевшим глазам Валера понял, что только что подарил автору блестящую идею.

Парадокс сей очевиден –
натюрморт ведь не портрет:
все рисуют то, что видят,
а Пика́ссо – то, что нет!

Серёжа после того, что случилось, стал посматривать на прапорщика как-то виновато и сочувственно, словно на мальчика, у которого эскимо упало с палочки на землю. Нуртай же опустил глаза вниз, как на гражданской панихиде, ибо страшное горе, которое струилась из его очей, тут же бы начало проедать маленькие дырочки в металлическом покерном столике.

Игра была практически завершена – оставалось сыграть ещё пару робберов да последнюю *тёмную*. Игроки изо всех сил, данных им природой и родителями, пытались выправить положение, но тщетно.

– Не шути – согнём! – переиначил старую поговорку писатель. Сторож уловил только огненный корень слова и тут же схватился за сигарету. Володя недовольно поморщился.

– Серёжа, вредно же! – укоризненно посмотрел он на сторожа, высекающего искры из мокрого коробка́. Афанасьич перехватил его взгляд и парировал своим

последним и, как он считал, крайне важным для человечества открытием в области геронтологии:

– Царица лесная, курение вредно для человека не всегда, а только при его жизни. Странно, что ты, такой умный, не знаешь такой простой вещи!

Потом он страшно удивился сказанному, выхватил из котомки заветную книжечку «Для му.мы.» и, чтобы не забыть только что прозвучавшую в его исполнении мудрость, поспешно накаракулировал: «Курение при жизни возможно только до самой смерти»

Отдавая долг отчизне,
вспоминаем каждый раз:
курим мы всегда при жизни,
а жалеем, в гроб ложась!

Глава 114. ВОТ ТАК ТЕРЯЕТСЯ ВЕРА

Здесь Володя, вспомнивший о прозвучавшей в прошлой главе молитве охранника, решил соединить несоединимое.

– Серёжа, а ты знаешь, что так называемое «святое» писание, кое ты так любишь неточно цитировать, весьма положительно отзывается и о коммерции, и даже о коммерческом обмане?

– Мать честна́я, да не может быть! – поразился Афанасьич. – Не мог *дедушка* такого надиктовать, чтобы люди друг друга обманывали!

– Ещё как может! – засмеялся знатный атеист. – Просто так называемые верующие люди, верящие во всю эту чепуху, как заметят что-то непонятное или вообще неприличное, так сразу же на всякий случай пропускают в своём «сознании» эти сомнительные для их мозгов места.

– Не может быть! – ещё раз поразился сторож.

– Почему же не может? – возразил безбожник.

– Докажи! – потребовал Полтавцев.

– Может, с тобой ещё и поспорить? – улыбнулся Альбионыч. – На бутылочку «Жигулёвского»?

Я до спора жил счастли́во,
словно хапнул кулича –
мы поспорили на пиво!
Я проспорил – и сконча…

После чего он быстро сбегал домой и вынес оттуда персональное домашнее *писание*, откуда, собственно и черпал свой оголтелый атеизм, сел на покерную скамеечку, нашёл нужную страницу и прочёл:

– Вот, слушай внимательно, евангелие от Луки, стих, как выражается сия книга, 16:5: «И призвав должников господина своего, каждого порознь, сказал первому: сколько ты должен господину моему? Он же сказал: сто мер масла. И сказал ему: возьми твою расписку и садись скорее напиши: пятьдесят…». И таких эпизодов в так называемой *книге книг* полным-полно!

– Не может быть! – в третий раз, уже совсем по-зощенковски ошеломлённо протянул Серёжа.

– Может, может. Слушай дальше, там ещё интереснее: «Потом другому сказал: а ты сколько должен? Он ответил: сто мер пшеницы. И сказал ему: возьми свою расписку и напиши: восемьдесят».

– Почему же не пятьдесят, как первому? – удивился Муравлёв, внимательно прислушивающийся к странному рассказу.

– Ёкарная пшеница, а, может, первый из них был ему шурином золовки тестя, а второй вообще не родственник, а просто еврейский друг? – выдвинул версию военный музыкант.

Между тем Кулемзин продолжал чтение забавной книжки:

– «И похвалил господин управителя неверного, что *догадливо*[158] поступил…».

[158] ***Курсив мой – прим. автора***

– А, ну так написано же – неверного! – слишком обрадованно воскликнул Афанасьич.

– Так когда же всё-таки он неверным был? – улыбнулся толкователь. – Когда имение своего господина того… расточал? Или когда, беря расписки, того… похвалил?

Все потрясённо замолчали. И только тонкая и звонкая душа сторожа неожиданно почувствовала, что потеряла веру аж на целых 9,8 процента!

На душе опять тревога,
да к тому ж свербит *очко*:
потерял я веру в бога –
нету денег на пивко!

Глава 115. САКСАУЛЬСКИЕ ОФЕНИ

Ещё Карл Генрихович Маркс просветил человечество о том, что спрос рождает предложение. Но на самом деле это именно предложение определяет спрос на товар. Ведь каждый год бизнесмены со всего мира придумывают всё новые и новые штуковины, которые никому бы и в голову не пришли: какие-нибудь кепки с вентиляторами, мусорницы на голове, пивные открывашки в виде русской кочерги и тому подобную дребедень. Главное здесь – хорошо разрекламировать товар, внушить толпе, что он страшно нужен каждому, что люди без него просто прожить не смогут, что он уже есть у всех, только вот у одного тебя, дурака, ещё нет! И толпа бежит раскупать всю эту ненужную чепуху!

Если есть немного хлама,
выставляй его в тираж:
дай хорошую рекламу –
и раскупят даже *рхьчашъ*[159]!

[159] ***Барахло – марс.***

Из-за этого безобразия несколько лет на двери квартиры Володи вынуждено висела страшная в своей непознанности табличка:

Я ничего не покупаю! Мне от вас ничего не нужно!

Please, don't disturb[160]! На тех, кто не знает русского и английского языков, с удовольствием натравлю Ж. П. из кв. 6!

[160] ***Пожалуйста, не беспокоить – англ.***

Коммивояжёры, уже тянувшие руку к звонку, страшно пугались этой неведомой Ж. П. и в ужасе убегали из подъезда. К тому же рядовых саксаульских обывателей очень пугала недавно изученная страшилка, которую Альбионыч назвал *парадоксом интернационального рынка* – это когда было можно за американские деньги купить у лиц кавказской национальности итальянские товары китайского производства, а потом чисто по-русски возмущаться, что, мол, довели страну до ручки евреи!

И тут случились сразу два события, которые порознь были рядовыми, а вместе как-то неприятно дополнили друг друга: Кулемзин сам вызвался сходить за очередной порцией радостного напитка, а к игрокам в это время подошли сразу двое молодых хорошо одетых людей и тут же стали навязчиво – якобы по случаю презентации фирмы – предлагать дешёвые китайские ножи по цене, в десятки раз меньше их реальной стоимости, причём, так ловко и слаженно, не перебивая, а как бы дополняя друг друга, что у осиротевших без гуру игроков закралось подозрение, что оба они – актёры городского театра имени Лермонтова, подрабатывающие по причине кризиса жанра.

Невольно вспоминалось, что раньше по чужим дворам ходили только почтальоны, а вот теперь какие-то дилеры с их подозрительными товарами якобы первой необходимости. Этот способ зарабатывания денег ещё лет семь назад приносил весьма неплохие дивиденды, ориентируясь на повсеместную *лохоту* и психологию советских (б) граждан, каждый из которых желает заработать на халяву. Таков уж человек среднего класса – даже если ему не нужен прибор для инфильтрации кислорода в вакуумную установку, он обязательно его купит, ориентируясь исключительно на дешевизну, а потом, через несколько лет, после пары-тройки неудачных попыток кому-то его подарить, приспособит в дачном ду́ше, присобачив к ржавой жестяной лейке проволочкой, чтобы похвалиться перед друзьями этой оригинальной конструкцией.

Есть по 100, а есть по 30
мой горшок для этих рыл:
им любой товар сгодится,
подешевле лишь бы был!

Жизнь приучила наших людей скупать сахар мешками, а мыло коробками не оттого, что на дворе ожидается голод или разруха – это американцы раскупят все противогазы в стране только после того, как авиалайнер залетит в окно! Нет, наших не обманешь! Они ждут этот авиалайнер годами, каждый день, даже если ближайшая авиатрасса проходит от их аула в сотнях километров. Вот на это и ориентируется компания подобных фирмачей, без труда расхваливающая заморскую продукцию. Из их безразмерных пакетов в ваши сумки начинают безостановочно перетекать «вечные» стельки для обуви, поднимающие потенцию у мужчин и либидо у женщин, пластмассовые секаторы с «повышенной» режущей способностью, а также справочник по сопромату на языке пушту, то есть вещи очень нужные для нашего челове-

ка, а порой так даже просто необходимые! Но вы рады! Почему? Да потому, что они достались вам на халяву. И только после поздравлений новоявленных офеней, уже до́ма, осознав, что́ именно вам *впарили*, вы снова начинаете лихорадочно соображать, у кого же из ваших знакомых ближайший день рождения…

Мне такое не по нраву –
впору *тыкве* заискрить:
что досталось на халяву,
очень трудно подарить!

Глава 116. САКСАУЛЬСКИЕ ОФЕНИ (продолжение)

Между тем, поняв, что с ходу впарить своё барахло не удаётся, парочка, пользуясь отсутствием Кулемзина, выложила на покерный столик несколько видеокассет сомнительного, судя по нескромным картинках на обложках, содержания. На одну из них тут же уселся знакомый нашим читателям по первому тому «Русской кочерги» воробей Ипполит Матвеевич и начал весело долбить клювиком по товару. Офеня отогнал его и продолжил расхваливать свою *порнуху*, но воробей вновь уселся на эту же кассету и продолжил своё чёрное дело. Так продолжалось несколько раз, пока первый продавец не воскликнул:

– Ты посмотри, какая наглая птица! Четвёртый раз гоняю – всё долбит и долбит! Да с какой яростью! Того и гляди – разобьёт что-нибудь. Прямо мутант какой-то! Гибрид страуса с дятлом!

В это время из магазина подошёл Альбионыч. Он молча обозрел конфликтную картину и весело сказал:

– Наверно, самец. Видишь, как на Николь Грейвс запал!

Здесь неудачники поняли, что и этот товар будет невостребован, поэтому сделали последнюю попытку:

– У нас ещё кое-что есть – завтра принесём.

– Дать денег на дорогу? – прищурился Володя. – Или сами доберётесь? Надеюсь, старый русский адрес не забыли?

Чтобы был коро́ток саммит,
не рискнём мы и рублём –
по известным адресам мы
всех торгующих пошлём!

– Я вижу, у вас есть сотовый телефон! – воскликнул второй продавец, изображая неподдельный интерес к собравшимся.

– Ну, во-первых, не сотовый, а мобильный, то есть переносной, а, во-вторых, да, есть, – подтвердил очевидное писатель, тем более что верхний краешек аппарата торчал из кармашка его марсианской рубахи.

– А позвольте полюбопытствовать, какой он марки? – вежливо поинтересовался пришелец.

– Позволю: иномарки «Samsung».

– Какое счастье! – завопил коммивояжёр. – Как раз сегодня – по случаю юбилея нашей фирмы (1 год 4 месяца и 2 дня со дня основания!) – мы устраиваем рекламную презентацию! Кроме того, сегодня у нас скидки именно на эту марку!

Он ловко выудил из огромного клетчатого баула коробочку, в которой, судя по картинке, пряталось зарядное устройство. Но не картинка, а надпись под ней заинтересовала Альбионыча гораздо больше, ведь на ней почему-то русскими буквами сообщалось, что данный предмет принадлежит фирме «Сам-Сунг».

– Нет, яйчики-бабайчики, не возьму, молодой человечик! – оттолкнул он предложенное.

– Почему?! Я отдам вам недорого! – настырничал офеня, даже не обращая внимания на весьма странное к нему обращение.

– Да потому что это – фальшивка, – терпеливо объяснил Кулемзин. – Была бы настоящая, называлась бы правильно: «Сам-Сунг – Сам-Высунг»!

Все дружно посмеялись, а продавец покраснел лицом, пожелтел ушами и позеленел носом.

– Вы нас, мать честна́я, своим биосветофором не пугайте! – неожиданно вступил в разговор сторож, почувствовавший ответственность момента. – Не надо – так и катись!

Так закончилась неудачная попытка коммерческого гешефта на незабвенных просторах Бермудского Учпучмака.

Нет приёма против лома,
но один мы всё ж нашли:
покупаем барахло мы
за юани и рубли!

После того, как распространители фальшивой продукции спешно покинули покерный коллектив, писатель рассказал оставшимся на этом святом месте историю как раз о таких молодых людях, которую то ли когда-то слышал от кого-то, то ли придумал только что. Итак…

Глава 117. САКСАУЛЬСКИЕ ОФЕНИ (окончание)

– Скончался как-то один молодой продавец – преждевременно, потому что узнал, что по дороге домой после тяжёлого дня к нему в карман залез какой-то воришка и стырил всё сегодняшнее нажитое непосильным трудом разводильщика и лохотронщика.

Попал он вначале, как и положено, в чистилище, где узнал, что это вовсе не баня, как всегда думал Серёжа Полтавцев, а некий перевалочный пункт, где ему и сообщили, что он имеет возможность выбора относительно того, где же ему проводить Вечность – на небесах или в аду. Ему даже позволили посетить оба места, а уже после этого принимать решение. Да-да, мои маленькие друзья, такое случается: когда число твоих грехов полностью совпадает с числом благих дел.

Упомянутый Полтавцев тут же стремительно открыл котомку, выхватил блокнотик «Для му.мы.» и лихорадочно застрочил ленинским, в период обострения шизофрении, почерком: «Перед тем, как сдохнуть, надо тщательно подсчитать количество всего, что делал – тогда есть вероятность (где-то 0,347 %), что я попаду в рай! Володя обещал…». Писатель дождался конца волнительной записи и продолжил:

– «Отлично!», сказал продавец, «Тогда сперва я хочу посетить рай!», после чего сопровождающий ангел в форме вертухая учреждения ЖХ-385[161] системы мордовских лагерей Дубровлага ввёл его в некие врата.

[161] Аббревиатура ЖХ, по принятой в Советском Союзе (б) традиции всё засекречивать, означала «Железнодорожное хозяйство», а 385 был просто номером лагеря. Кстати, в этих местах до сих пор работает 15 (!) ИТУ – все они расположены почему-то в Зубово-Полянском районе Республики Мордовия. Представляю счастье и радость проживающих в этом районе мордвин! – прим. автора

Оказался снова крайним
(почему я простоват?):
показал рай вертухай мне –
оказалось, это ад!

Внутри было мирно и безмятежно, а увиденные продавцом люди (б) играли на арфах и ели виноград. Всё это выглядело слишком невинно, и продавец приказал себе не принимать серьёзное решение под влиянием райской музыки.

«Ёкарный апостол, а теперь я могу увидеть ад?», спросил он.

«Конечно», ответил ангел и отвёл его к лифту, коим он и был спущен под землю. Встретил его дежурный подручный *иблиса*, который тут же, не дав опомниться, начал водить его по каким-то замечательным ночным клубам, где люди (б) вели себя очень шумно, пили дорогие спиртные напитки, курили сигареты и даже сигары, и, кроме того, держали на своих коленях девиц (б) весьма сомнительного вида! Когда и этот тур был закончен, ангел спросил нашего героя, принял ли он окончательное решение.

«Да, принял», ответил скончавшийся. «Должен признаться, что ад мне понравился гораздо больше, и я решил провести Вечность там!».

Вскоре продавец был доставлен персонально к *иблису*, который поставил ему на лоб огненную печать, после чего его немедленно бросили в зловонную пещеру, приковали цепью к стене и подвергли разным пыткам, сверяясь с древним трактатом «Молот ведьм».

«Когда я был тут прошлый раз», завопил несчастный, «мне показывали бары и вечеринки! Мать моя партия, что случилось?».

«А-а-а, это!», ответил дежурный *иблисёнок*. «Так это просто была рекламная презентация!».

Вы чертям не очень верьте,
ложь чертей всегда близка:
обманули снова черти –
не налили мне пивка!

– Странный ты какой-то, Володя, – пожал плечами педагог. – Морочишь голову людям своими непонятными историями!

На этот выпад Альбионыч решил не отвечать, а только подумал о том, что если бы эту историю он рассказал раньше – когда коммивояжёр ещё не ушёл, то тот наверняка бы сменил свою профессию на более престижную – например, токаря IV разряда, или, подучившись, мог бы стать президентом какого-нибудь холдинга, или, на худой конец, стюарда в рейсовом автобусе Отцеябловск-Пекин.

– А как мы когда-то любили китайцев, – вспомнив Пекин, грустно посмотрел он почему-то на Батыршина. Талгат ещё больше сузил и без того узкие азиатские глаза и сделал попытку печальной улыбки.

Глава 118. ПРО МАЛЕНЬКУЮ ДЫРОЧКУ НА СТЕНЕ (Хронотоп № 8)

А как мы когда-то любили китайцев! В конце 50-х, в период отчаянной советско-китайской дружбы, наша пресса под фанфары превозносила успехи Китая во всенародной борьбе за подъём и расцвет народного хозяйства, воспевала *большой скачок*, когда чугун было предписано плавить в каждом крестьянском дворе по старофольклорной технологии[162], и в числе прочих коммунистических достижений великого восточного соседа журналисты восторгались массовой борьбой с воробьями, чтобы эти летучие динозавры не расклёвывали народный рис с народных полей, после чего публиковали выкладки, доказывающие, какие горы центнеров и тонн расхищают подлые птицы, и сколько трудящихся можно прокормить вместо бесполезных пернатых.

[162] Потом эти шедевры народной металлургии меланхолично закапывали в могильники, пока не купили технологию переплавки. И снова откопали! – прим. автора

Выбирая между китайцем и воробьём, мы безоговорочно поддерживали китайцев, а движения *зелёных* тогда ещё не было – хватало и *жёлтых* выше крыши! И ведь это не факт, что китайцев в Китае было намного меньше, чем воробьёв, и, воюя с ними за свою пайку риса, они их гоняли[163], не давая сесть, пока не выдержавшие такого социалистического соревнования и выносливости птички не падали на землю обессиленными, без поддержки коммунистической идеологии, поддерживающей их врагов – тут-то их и приканчивали![164]

[163] Китайцы – воробьёв! – прим. специалиста по логике группы редакторов романа «Русская кочерга»
[164] И вновь китайцы – воробьёв! – прим. того же специалиста

Был процесс демократичным
и одобренным, видать:
извели китайцы птичек –
сами стали рис клевать!

В знаменитой на весь бывший Союз Отцеябловской библиотеке имени Сергеича Нашего Всего (а сегодня как-то стыдливо без всякого имени-отчества) сохранилась подшивка «Пионерской правды» – тотальной подростковой газеты той эпохи, которая была полна очерков типа следующего:

«Пионер Ван Личуй, желая участвовать в борьбе всего народа с вредителями, изготовил из побега бамбука лук, сам выстругал стрелы и стал тренироваться в меткости стрельбы, пока не научился без промаха попадать за 20 шагов в маленькую дырочку на стене![165] Тогда он приступил к планомерной охоте и вскоре уничтожил 200 вредителей, за что удостоился награды – районный комитет пионерской организации отметил его инициативу почётной грамотой! А когда счёт юного снайпера достиг тысячи, правление кооператива премировало его мелкокалиберной винтовкой ТОЗ-8 1932 года, изготовленной советскими друзьями на Тульском оружейном заводе…»

Это знал товарищ Не́ру[166] –
ко всему он был готов:
дай винтовку пионеру –

тот понатворит делов!

[165] Зигмунд Якобович Фрейд отдыхает! – прим. автора
[166] Джавахарлал Мотилалович Неру – с 1947 по 1964 годы премьер-министр Индии – прим. полит. редактора

Глава 119. МОЛИТВОЙ – ПО КРИЗИСУ!

– Позвольте отвлечь вас на секунду? – раздался под ухом у игроков сладкий, как корень солодки, голос.

Володя поморщился. «Думаю, что секундой здесь не отделаться», подумал он, но *раскладку* всё же отложил в сторону. Встрепенулся и Нуртай – его пионерское прошлое, связанное с воспитанием на книгах о Павлике Морозове и героях-пограничниках, моментально выдало ему результат наблюдения – шпионы! Но здоровый нигилизм – приобретение последних демократических лет – тут же охладил его патриотический пыл. Пришельцы оказались всего лишь представителями очередной религиозной мозгопарительной машины.

– Я – вестник, – кинематографически представился пришелец.

– И какую же весть вы нам принесли? – поинтересовался писатель. – Яйчики-бабайчики, надеюсь, не святую?

– Святую! – в ажитации воскликнул елейный. – Мать наша Мария Иоакимовна[167], именно святую!

[167] Этот персонаж, видимо, был знако́м с апокрифическим протоевангелием Иакова, потому что в других источниках родитель Марии не упоминается вовсе – прим. автора

Он вдруг изловчился и, как настоящий покерист, ловко швырнул на столик тоненькую книжечку, на обложке которой уместились сразу несколько портретиков псевдосвятых персонажей: кто с колечком над головой, а кто даже и с крылышками за спиной. Володя поднял книжечку и с интересом прочёл её название: «Святые в помощь. Молитвы от бедности и денежных проблем». Обратил внимание писатель и на серию, под которой выходила книжечка – «Молитвой – по кризису!», после чего порадовался остроумию неизвестных издателей.

Знает даже метафизик,
что *иблиса* не видал:
мы помолимся – и кризис
вдруг отступит в никуда!

– Серёжа, это, скорее всего, тебе, – протянул он книжечку охраннику. Полтавцев внимательно изучил лики изображённых на обложке персонажей, затем открыл брошюрку и вслух прочёл на первой же странице:

– Этот журнал – уникальный шанс найти помощь в трудные времена. В нём собраны молитвы, сила которых поможет обрести почву под ногами, а также подскажет выход из сложной ситуации.

«Мать честна́я, что-то непонятно», подумал Афанасьич. «Почва под ногами – вот же она!», и он немного потоптал земной шарик. «А вот про выход я попробую

почитать». Он перевернул страницу, где и прочёл ещё один совет таинственной книжки:

– Если вы вдруг поймёте, что собственными силами проблем не решить, обратитесь к помощи святых!

Адюльтер хоть невозможен,
нас не переубедить:
ведь святой всегда поможет,
как поповне угодить!

Здесь же была и расшифровка, к какому именно святому и по каким случаям нужно было обращаться в случае чего:

«С денежными проблемами – к святому Спиридону!»

«Если в дом пришла беда, спасёт Богородица»

«Иоанн Сочавский – помощник бизнесменов»

«От бедности и прочих бед – к святой Ксении Блаженной»

Володя заглянул ему через плечо и особенно порадовался последней рубрике: «Антикризисные современные молитвы». Тем временем сторож сделал суровый выбор и решил напрямую обратиться к святой Ксении, которая предлагала ему тотчас избавиться от бедности.

– Ух ты! – прошептал он. – Неужели сейчас прочитаю – и всё *наладится*?

Он открыл соответствующую страничку и вначале прочёл вот такое наставление: «Прежде чем начать молиться, обязательно укрепитесь духом!»

«Как это?», подумал Серёжа. «А, ладно, потом у Володи спрошу!», после чего обратился непосредственно к самой молитве:

– О, святая всеблаженная мати Ксение! Под кровом Всевышнего жившая, ведомая и укрепляемая Богоматерью, глад и жажду…

«Какой глад?! Это что, брюки было надо погладить?»

– …хлад и зной, поношения и гонения претерпевшая, дар прозорливости и чудотворения от Бога прияла еси…

«Прияла еси?! Да это, пожалуй, даже Альбионыч не расшифрует!»

– …и под сению Всемогущего покоишися.

«Царица лесная, вот хрень-то собачья!», расстроился читатель. «Может, дальше всё прояснится?»

– Ныне Святая Церковь, яко благоуханный цвет, прославляет тя: предстояще на месте погребения твоего…

«Как погребения?», в ужасе закричал рассудок охранника. «А когда же деньги тратить, которые после молитвы свалятся мне на голову?». Он поднапрягся и принялся за изучение далее:

– …пред образом твоим святым, якой живей ти, сущей с нами, молимся ти…

«Мать честна́я, что это ещё за ти? А потом ещё ти? Если б вместе, были б тити». При этих мыслях перед взором обращаемого вдруг возникли большие сиськи его подруги Зули. «Нет-нет, не надо отвлекаться!», сам себя одёрнул Полтавцев и продолжил чтение:

– …приими прошения наша и принеси их ко Престолу Милосердного Отца Небеснаго, яко дерзновение к Нему имущая…

Православные овечки
враз становятся грустней:

старорусские словечки
лезут в душу, как репей!

– Святой Малевич, старичок, тебе всю эту парашу ещё читать не надоело?

При этих словах художника Муравлёва разносчика святой макулатуры аж подкинуло:

– Да что вы! Вы читайте дальше – там так интересно будет!

– Что-то сомневаюсь, – усмехнулся и Володя. – Я же эту бредятину наизусть знаю: и про скорбей избавление, и про младенцев святаго крещения озарение, и про запечатление печатия дара духа святага, и прочую лабуду. Так что, Серёжа, быстрее добирайся до завершающего аккорда под названием *Аминь*, после чего именно я, а не какая-то сомнительная Ксюха, попробую избавить тебя от точечной сегодняшней бедности, – после чего вытащил крупную купюру аж в тысячу назарбаксов, кою и протянул страдальцу.

– Подождите, подождите! – заволновался пришелец. – Я вот вижу, вы человек деловой, – обратился он уже к Кулемзину. – Вам надо обязательно обратиться к Иоанну Сочавскому – он отлично помогает в бизнесе!

– Сочава, насколько я помню, когда-то была столицей Молдавского княжества, – перебил его эрудит. – Как же может этот иноземный псевдосвятой помочь саксаульскому бизнесу?! Это раз. А два – это то, что как я опять же помню, этот Ваня родился вообще-то в турецком Трапезунде, да ещё и в XIV веке, когда о бизнесе никто и слыхом не слыхал. И, наконец, три: *отошёл*, как выражается ваша сомнительная организация, в *царствие дедушкино* этот парень всего лишь в тридцатилетнем возрасте. Когда же он успел нахвататься идей Дэйла Джеймсовича Карнеги, чтобы нынче помогать правильно вести бизнес? Кстати, рот уже можно закрыть.

– Знаете что? – наконец вставил в разговор свои три копейки педагог. – А вы предложите этого турецкого молдаванина Калиме – она владеет вот этим магазинчиком, – кивнул он головой в сторону лавки, – хотя, мать моя партия, у неё дела и так идут неплохо!

Пришелец дико взглянул на сопокерников, выхватил книжечку из рук Афанасьича и, явно поколебавшись верой, побежал в сторону улицы Жубанова.

Неподвластно и еврейке
русский бизнес наш понять:
купим квас за три копейки,
продадим уже за пять!

Глава 120. ТАИНСТВЕННЫЙ ЗВОНОК

В это время только-только начавшуюся партию прервал телефонный звонок, раздавшийся совсем рядом – казалось, прямо в головах наших героев. Читатель, вероятно, сразу же догадался, что это сработал мобильный телефон Альбионыча, а вот Полтавцев начал дико озираться по сторонам. Володя отработанным движением отщёлкнул крышечку телефона вверх, обнажив маленький мониторчик, на котором высветился неизвестный ему номер.

– Даоист-передвижник Кулемзин на проводе! – промолвил он в микроскопические дырочки в нижней части аппарата.

– На проводе?! – раздался визгливый голос. – Скоро будешь на верёвке!

То ли опыт, то ли гены:
жёны пьяниц – все рентгены!

Володя отодвинул визгливую мембрану подальше от уха, но это не помогло. Все присутствующие, а, главное, один из них, то есть военный музыкант Батыршин, узнали голос. Это была его жена Аида. Володя проворно отключил аппарат.

– Яйчики-бабайчики, как же она узнала номер? – пробормотал он. – Ведь я давал визитку не ей, а тебе, – и он укоризненно посмотрел на Талгата.

– Ёкарный картон, точно, точно, – забормотал трубач, – а я уже пять дней её ищу и всё найти не могу!

– Статья 175 Уголовного кодекса Республики Саксаулия, – тут же определил знайка. – Кража, то есть тайное хищение чужого имущества! Кстати, за такую мелочь, как визитка, наказывается штрафом в размере от двухсот до семисот месячных расчетных показателей. Вот если бы она тебя сковородкой по голове ударила, а потом забрала карточку, то статья сразу бы сменилась на 179-ю, потому что это деяние стало бы называться разбой с причинением незначительных разрушений в твоей тыкве!

С утра узнало полквартала,
что всё у них идёт путём:
жена у мужа своровала
годá, прожитые вдвоём!

– А посадить? – с последней надеждой поинтересовался супруг.

– Это вряд ли, – не обрадовал его знатный юрисконсульт. – Во-первых, такой смягчающий фактор, как наличие детей, во-вторых, она это сделала в первый раз…

– Какой там в первый? – заорал Салихдзяныч. – Да она каждый день по моим карманам шарится, заначки ищет. Не знает, что я их в носки прячу! А так как стирать носки вечером – плохая еврейская примета, то они там до утра и лежат!

Все собравшиеся невольно подивились иезуитской изобретательности военного.

– …и, в-третьих, – завершил адвокатский спич писатель, – это малая стоимость похищенного.

– Да ты бы знал, сколько однажды у меня денег пропало, – заныл страдалец, – когда я ещё про носки не придумал.

– А доказать можешь?

– Доказать? Нет, не могу, – понурил голову Батыршин. – Она же так и не призналась, хотя именно в тот же день у неё появилась новая плойка!

В этот момент отключенный телефон Кулемзина завибрировал и самопроизвольно включился. Неуёмная энергия прапорщицы так и попёрла сквозь чёрные дырочки мембраны:

– Придурок! Дай сейчас же трубку этому придурку! И пусть остальные придурки знают, что, когда я скоро приеду…

Володя торопливо наложил на аппарат марсианское заклятие *рчиххшъхчщъ*, после чего телефон умолк. Писатель тем временем перевёл последнее послание Аиды:

– Она сказала: «Дорогой Володя! Передай, пожалуйста, трубку моему любимому супругу. А также передай привет своим товарищам по покеру…»

Дело это непростое –
не поможет и толмач:

скажет женщина такое,
что хоть смейся, хоть заплачь!

В это время рядом с игроками появился сынок Нуртая, который, как помнится автору, ещё не встречался с нашим читателем, – потому что только вчера вечером приехал из лагеря, коий в совсем недавние времена называли пионерским (б).

– Здравствуйте, папа и папины друзья, – вежливо поприветствовал он коллектив.

– Привет, сынок, – отозвался педагог, после чего сделал стойку. – Мать моя партия, что это у тебя?

– Да мама дала вынести ведро на помойку.

– Ну-ка, ну-ка, – Курманбаев-старший схватил ведро, внимательно оглядел припахивающую кучку, и вдруг ловко выудил из неё смятый до изнеможения тюбик зубной пасты (б). Отряхнув его от налипших крошек чего-то несъедобного, он молча запихал тюбик себе в карман, правда, перед этим на всякий случай тщательно обнюхав его.

Игра продолжилась при недоумённом молчании сопокерников. А между тем всё объяснялось крайне просто. Ещё в школе будущий педагог стал автором научного открытия, суть которого сводилась к следующему: из любого сколь угодно сдавленного рядовым потребителем тюбика можно было извлечь ещё как минимум три порции зубной пасты – при помощи пытливого ума и плоскогубцев! «И это вовсе не мелочность», уверял он близких родственников, «а именно та самая хозяйственность, с которой начинается бережное отношение ко всему государственному имуществу…»

Жизнь меня не раз ломала,
обозначивши бюджет:
экономлю я помалу,
ведь большого просто нет!

Кстати, была у Курманбаева и дочка, вот только автор не уверен, что она когда-нибудь окажется на страницах нашего великого произведения, поэтому прямо сейчас – пару абзацев и о ней тоже. Старшей дочери Нуртая уже было восемнадцать лет, и она иногда приглашала к себе друзей на вечеринки, которые по дебильной американской привычке назывались *party*. Может, из-за того, что это слово было так похоже на столь любимое курманбаевское слово *партия*, он терпел эти сборища, но, несмотря на просьбы дочери, уходить из дома в такие моменты всё-таки не спешил.

Наивные дочкины гости ждали только одного: когда наконец взрослые исчезнут и можно будет достать из сумок, сваленных в прихожей, пару-тройку бутылок вина и хорошие сигареты, погасить свет и врубить на полную катушку музыку. Но железобетонный педагог, вооружившись старой книжкой для массовиков-затейников «Твой пионерский праздник», изо всех сил пытался занять «детишек» шарадами, викторинами и весёлыми эстафетами. Он подвешивал яблоки на ниточки к торшеру и призывал устроить конкурс, кто быстрее всех объест их до огрызков – с завязанными за спиной руками. К таким весёлым дням, которые Нуртай справедливо считал праздниками для себя, он приготовил также пару старых наволочек, чтобы устраивать бег в мешках по малогабаритной квартире. В общем, запас его пионерских забав с годами не иссякал!

Как всё просто в нашем мире:
мы устроим смело вдруг
бег в мешках по всей квартире –
за бутылкой чачи, друг!

Глава 121. МОНУМЕНТАЛЬНАЯ ПЛИТА НЕУМОЛИМОЙ ЛОГИКИ

Почти все люди верят в то, что жизнь скроена на манер матросской тельняшки, то есть полосами, и, соответственно, человек в процессе своего существования на этом свете, временно предоставленном ему *дедушкой*, попадает то в белую, то в чёрную полосы. В этой вере пребывает, как уже говорилось выше, практически всё население нашего смешного шарика, с тупой покорностью принимающее свой намеченный срок. Вот только почему-то именно для большинства чёрная полоса становится всё шире и шире, превращая нашу жизнь из тельняшки в непроглядно-чёрную колымскую телогрейку.

Кулемзин не верил ни в какие полосы. Он считал, что полоса у человека всегда одна – та, которую он сам себе рисует, или, возвращаясь к аналогии с тельняшкой, ткёт. Сам, своими руками и мозгами, волей и желанием. Дурак, который с детства не любит учиться, считал наш герой, никогда не станет учёным, то есть звание какое угодно может купить, а вот учёным, который собственным старанием объясняет потаённое устройство мира, – никогда. И так во всём. Сам, только сам, потому что никто и ничего не принесёт на блюдечке с васильковой каёмочкой и приятной надписью сусальным золотом: «Пользуйся на здоровье!»

Стоя у плиты, ты сквернословишь,
теребя в руках не острый нож:
«Если сам себе не приготовишь,
неженатым с голоду помрёшь!»

Именно поэтому, научив своих друзей-соперников великой игре в *русскую кочергу*, он во время учёбы предпочёл рассказать только правила, а вот чтó они обозначают, да как сочетаются друг с другом, да как применяются практически, предоставил решать самим игрокам. И это было справедливо. Так, например, в своё время Володя набирался ума от своего учителя и друга Ошо, который никогда не учил, и даже не объяснял, а только кидал в его сознание некую искру даже не знания, а понимания того, что происходит в мире, а вот достичь просветления момента он уже должен был своей тыквой.

Кстати, автор именно здесь констатирует, что потому Володя и стал его любимым героем, что вот эта, подкинутая ему Ошо искра, превратилась в стабильный костёр в его голове, который сжигал полученные в процессе узнавания жизни знания, а также выводы из узнанного, когда на выходе получался (как, наверное, и в любом костре!) пепел. Но это был не тот пепел, который толстые учёные словари называют субстанцией, остающейся после сгорания чего-либо, или просто золой, а тот золотой пепел, который и был сгустком, концентрацией истины.

Наверное, именно поэтому, играя со своими друзьями-соседями в *русскую кочергу*, он всегда старался играть не в полную силу, зная наверняка, что, во-первых, играет лучше них в силу своего многолетнего изучения этой великой игры, во-вторых, потому, что применял в битве не только некий свод правил, но и многие тайные знания человеческой психики и психологии, и, наконец, в-третьих, именно во

время игры никогда не позволял себе применять никаких марсианских технологий. Поэтому главным оружием писателя при игре оставалась монументальная плита неумолимой логики, которую он и старался обрушить на крепкие черепа противников, зная, что уж таким незначительным мозговым бетоном их не сокрушить никогда!

Мозгом острым с детства филигранен,
я в игре забавной не растлен:
если б я играл, как марсианин,
был бы всех богаче на Земле!

Но всё это, как раньше выражались прелые марксисты-ленинисты, только некоторые составные источники и составные части игорного процесса. А где же сама игра? Забыл в своём словоблудии автор, за что сейчас публично и прилюдно кается, стуча своей будущей лысиной по паркету!

А игра тем не менее уже набрала свою силу, хотя в условиях разгоревшейся до неприличия августовской жары это было сделать нелегко. Казалось, что лето всё тянулось и тянулось, будто позабыв, какое время года следует дальше. Жарá сатанела, и температура на всём пространстве игры уже переваливала за сорок. В общую духоту добавляли своего жáра и некоторые *привнесённые* факторы. Во-первых, с северо-востока от Великого Треугольника тянуло плотным дымком – там дворничиха Надежда жгла накопившееся за полдня дерьмо в виде сухих листьев, обёрток от мороженого и чипсов, а так же чего-то ещё необъяснимого, причём, делала это так усердно, что, казалось, эскадра адмирала Альфреда Рудольфовича фон Тирпица[168] таким образом блокирует британский флот от входа в германские порты через Северное море.

[168] Германский военно-морской деятель, гросс-адмирал – прим. воен. редактора

Во-вторых, это были сигареты, с маниакальной периодичностью поджигаемые игроками, которые оправдывались перед некурящим Кулемзиным тем, что якобы именно этот процесс успокаивал их пошатнувшиеся от игры нервные системы. Да и сами спички с их короткой огненной жизнью добавляли лишний градус в топку дня. Вот и сейчас Володя обратил внимание на то, что догорающая спичка, которой только что воспользовался прапорщик, упала на траву и стала изгибаться чёрным скорпионьим хвостиком, добавляя свою уже ставшую ненужной затухающую энергию в общую энтропию Вселенной. Память писателя скакнула назад – на несколько лет, когда он в приступе поэтического бреда наваял вот такой стишок о спичке и её домике – коробкé:

Она жила совсем не долго,
но знала: жизни суть и долга –
сгореть за несколько секунд.
А коробок, подобье морга,
и не испытывал восторга,
прекрасно зная: жизнь – тайфун.
Но для неё он был Вселенной,
коробочкою драгоценной,
где было пламя на боку –
для жизни быстрой и блаженной,

самой Вселенной равноценной,
какой и нужен пустяку…

В-третьих, жа́ра добавляла общая атмосфера игры, и потому никто не удивлялся, когда Полтавцев, например, начинал жаловаться на то, что мозги у него начинают потихоньку закипать.

Глава 122. МОНУМЕНТАЛЬНАЯ ПЛИТА НЕУМОЛИМОЙ ЛОГИКИ (продолжение)

Автор нашего правдивого повествования уже не раз говорил о том, что в великой игре, которой он обучил коллектив, Альбионыч нещадно боролся с уравниловкой, кумовством, благодушием и гнилым либерализмом – правда, если всё это исходило от его заклятого друга Нуртая. Он боролся с Курманбаевым, как в своё время царь Пётр – с купеческими бородами и кафтанами. Вот и сейчас наш писатель, быстро проанализировав пришедший роббер из шести карт, остро глянул на Курманбаева – как цыган-барышник на бракованного жеребца. Педагог тут же заметил промелькнувшее во взоре превосходство, после чего загрустил. Он уже знал, что́ сейчас случится. И это что-то не замедлило случиться.

К этому времени определились с заказами и сторож, и военный, причём, Батыршин, впав в ересь всемогущества с двумя младшими джокерами, заказал аж три взятки, вскоре после чего наступило оздоровительное отрезвление.

– Яйчики-бабайчики, нет дороже и полезней подарка, чем добротный, от души сделанный гроб! – неожиданно произнёс писатель.

– Мать честна́я, это как? – поразился Серёжа.

– А вот так. Мизе́р!

– Мать моя партия, какой ужас, – делано расстроился педагог сорвавшимся от счастья голосом, ведь у него как раз были одни младшие карты, которые при мизере превращались в крупные.

Володя тут же мысленно нанёс ему такие увечья, после которых даже племенной жеребец перестаёт реагировать на колхозных кобыл. Но – тщетно! Надо было срочно перестраивать тактику предстоящего сражения, да не хватало времени – как винтовок у Красной Армии в самом начале войны. Схватка уже началась совершенно дурацким ходом Полтавцева с козырного туза, который при мизере превратился в труху. Все скинулись по крупным козырям, которые тоже перестали что-то значить, после чего Кулемзин забрал взятку десяткой. У него оставались ещё покер со старшим джокером, и он немедленно пошёл самой крупной в игре картой:

– По джокерам!

Битва наша скоротечна
в пониманье ключевом:
джокер, хоть и шут, конечно,
но с базукой за плечом!

И тут раздался вопль музыканта:

– Как же так? Почему же я не отменил твой мизер? Ёперная опера, ведь у меня тоже два *гранда*!

Причём, при своих ругательно-вокальных упражнениях он смотрел на товарища крайне неприязненно, как будто не сам проявил такую небрежную и преступ-

ную халатность, кою раньше квалифицировала статья 293 Уголовного кодекса СССР (б), и даже впаивала за неё или каторжные работы[169] от 120 до 180 часов, или даже реальный срок заключения до одного года! Видя вконец испорченное настроение военного трубача, Альбионыч, будучи, как хорошо известно моему читателю, гуманистом, решил поддержать его морально.

[169] Пошутил: общественные! – прим. автора

– Талгат, а ты никогда не слышал одну древнеегипетскую пословицу?

Салихдзяныч так энергично замотал головой, что всем показалось: и самогó слова *пословица* он тоже не слышал никогда. В это время писатель увидел, что Полтавцев уже приготовил свою знаменитую книжечку «Для му.мы.», и продиктовал ему, но всё же обращаясь к военному страдальцу:

– Не в свою гробницу не ложись.

Серёжа тщательно записал слова, потом ещё раз прочитал написанное по слогам, после чего спросил:

– И чё?

– Яйчики-бабайчики, посмотри на Талгата – и ты всё поймёшь.

Афанасьич послушно посмотрел на Батыршина, ни хрена не понял, но с таким трудом, как он считал, завоёванного реноме терять не стал, и потому радостно произнёс:

– Царица лесная, ну так бы сразу и сказал!

С бодуна и перепуга
нет другого средства:
понимаем мы друг друга,
хоть тупые с детства!

Стóит ли говорить, что в результате такого демарша и унтер-трубач, и сторож не добрали по одной взятке, Володя с трудом взял свои две, а оставшиеся две пригрёб себе педагог, заработавший не пять очков, как полагалось на пасе, а всего лишь два – за перебор.

– Ёкарный Нуртай, – решил попенять ему прапорщик. – Ты же мог не брать последнюю взятку, тогда бы взял её я, и был бы на втором месте.

Мусаич потупил взор.

– Вообще-то для Курманбаева это слишком много предположений, – заметил Альбионыч. – И вообще, Талгат, запомни одно нехитрое правило, которое я как-то упустил во время вашего покерного образования.

А так как это правило являлось одним из важнейшим для гуру, он и попросил автора выделить его покрупнее, что автор с удовольствием и делает:

У картишек
нет братишек!

Глава 123. ВОСПОМИНАНИЯ О ВЕЛИКОЙ УЧЁБЕ

«Во время вашего покерного образования», промолвил писатель, и эти нехитрые слова тут же отозвались в его так называемой душе девятым валом тяжёлых воспоминаний. Он, будто это случилось только вчера, вспомнил суровые дни, когда слепые котята, которыми являлись ныне *рексы* Великой Игры, тыкались даже не то чтобы в правила битвы, а просто в пришедшие робберы, где им вместо вкусного маминого молочка диктатор и гуру Кулемзин так и норовил подсунуть совершенно невообразимый набор карт, с которым, тем не менее, постоянно надо было что-то делать! При этом он очень удивлялся этим людям: например, Нуртай в школе учил немецкий, Талгат не знал клавиши Enter в компьютере, а Серёжа (представьте!) совершенно не владел латынью! И вот ему, как некогда советскому (б) педагогу Макаренко, предстояло сделать, так, чтобы игроки, ранее практически не известные друг другу, изобрели некую новую форму (прости, русский язык!) симбиоза, дополняя друг друга – как партия и Ленин.

План учёбы крайне прост:
нужен покер-симбиоз!

– С детства слышим мы, – тогда говорил он неокрепшим духом неофитам, – что знания рождают скорбь. Но скажу я вам: не только скорбь, они рождают ещё беспомощность и обречённость. Потому, наверное, великие открытия делают невежды, не подозревающие, что их открытие невозможно, что их попытки осмеяны на векá. Яйчики-бабайчики, выручает невежество, выручает ограниченность, когда человек не просто не знает, а сознательно и убеждённо не желает знать того, в чём все уже давно убедились, с чем все уже давно смирились!

От этих страшных слов даже в жаркий учпучмакский день сразу становилось холодно, как в спортзале, в котором по случаю Нового года развеселившиеся от черноплодных напитков школьники выбили все окна петардами и *шутихами*. Но правила, кстати, не такие уж и сложные, были в благородном деле учёбы, конечно же, не самым главным – уже на протяжение многих десятилетий Кулемзин знал, что они – не более чем почва, на которой при правильном поливании вместо тривиальной лебеды вырастает какая-нибудь Prunus laurocerasus, или проще выражаясь, лавровишня. Но, кроме этой почвы (тоже, конечно, важной!) нужен был ещё дух – то эфемерное, то непостижимое, то невидимое, что и делает игру Игрой!

– Жизнь прожить – не Елисейские поля перейти! – говорил своим ученикам *консиглиори*[170] Кулемзин, и он знал, о чём говорил.

[170] В итальянской мафии так называют главного советника – прим. полит. редактора

Не в угоду коноплям
все желанья страстные:
я живу, но по полям
вроде и не шастаю!

Чтобы всё сказанное им лучше впиталось в рыхло-губчатые мозги учеников, он даже пользовался некими цитатами, которые, по его наивному мнению, должны были лучше закрепить пройденный материал. Так, военному трубачу он приводил слова Генриха Людовиковича де Бурбона, более известного из исторических книжек как принц Конде, о том, что «малыми силами выигрывают большие сражения». Педагог Курманбаев во время учёбы удостоился цитаты от его кумира – Карла Генриховича Маркса: «Один шаг практического движения важнее целой дюжины про-

грамм и наставлений»[171]. Серёньке Полтавцеву, усердно тянущемуся к знаниям, он рассказал короткую историю о том, как один из лучших учеников самого Будды (позже ставший восточным учёным) Шарипутра Анандович, знавший Веды наизусть, попросил своего учителя: «Дай мне нечто большее, чем знание, потому что я уже пресытился ими».

[171] Из письма к одному из лидеров германских социал-демократов Вильгельму Герардовичу Бракке от 5 мая 1875, в котором Маркс критиковал Готскую программу – прим. полит. редактора

– И что ему сказал этот Буддил? – поинтересовался в этот момент сторож.

– А этот Буддил, а, может, даже и Буддильник, ответил ему: «Разучись. Отбрось знания, и то, что превыше знаний, произойдёт с тобой».

Помнится, поражённый Афанасьич тогда стремительно выхватил знаменитую книжечку «Для му.мы.» и быстро записал запомнившееся: «Зачем учиться, когда всё произойдёт само? Вот так Шарипутра Анандович и остался дураком до конца – видимо, так ничему и не научился!».

Кстати, гуру говорил своим адептам о том же, он втолковывал им, что *понимание* игры важнее самой игры, важнее удачи, знания правил и их применения! Самому́ же себе Володя тоже оставил одну цитату – русского царя Петра I Романова: «Подчинённый перед начальствующим должен иметь вид лихой и придурковатый, дабы разумением своим не смущать начальство», кою император всея Руси привёл в своём указе от 9 декабря 1709 года. Впрочем, ничего нового Пётр не придумал – это было не более чем вольным перекладом старого доброго лозунга Римской империи «Divide et impera!»[172].

[172] «Разделяй и властвуй!» – лат.

Крикну я в сердцах при тёще:
«Нéхрен мной руководить!
Дураком прожить ведь проще,
чтоб начальству угодить!»

Великий гуру Альбионыч учил неофитов не только правилам игры, но и тому, что жадность порождает бедность, и приводил в пример почему-то Нуртая, а ещё тому, что торопливость при игре столь же нелепа, как если бы бегать из конца в конец железнодорожного состава, надеясь, что таким образом прибудешь на вокзал быстрее, посматривая при этом почему-то на Талгата, а вот Серёже он просто посоветовал грызть мухоморы, как викингам перед атакой, чем немеренно расстроил охранника, который поведал свою печаль только легендарному блокнотику: «Сказал Вовка: ешь мухоморы, а где же их взять в Саксаулии?! Ведь они за большие деньги продаются только в буфете мажилиса!».

Володя старался втолковать неофитам, что, хотя у них и есть право на догму, но тот ежедневный римейк Бородинского сражения, который будет проходить при их участии, есть некая житейская драма, которая, как известно психологам всего мира, проходит без репетиций! К тому же, первые партии ученикам приходилось играть (прости, русский язык!) эмпирически, то есть методом *тыка*, и метод такой так понравился прапорщику Батыршину, что у него учёба пошла лучше остальных аж на 14 процентов!

Марсианский писатель в процессе учёбы нередко раздваивался сознанием: с одной стороны он знал, что многознание уму не учит, а, с другой, понимал, что все беды людские именно от невежества, а само невежество – от неуважения к своему уму и счастья быть бараном в стаде.

– Зовите меня скромно: 偉人の最大 (йокодзун)[173], – как-то предложил им Кулемзин, но неизвестное слово так и не прижилось на просторах Бермудского Учпучмака, а вот в нашем великом романе осталось – как тема для будущих докторских диссертаций последующих веков.

[173] ***Величайший из великих – яп.***

Знают в ложах промасонских,
знают немец, серб, латыш:
йокодзун – то по-японски,
в марсианском же – *пръъхыш*!

– Так что, обращайтесь, если что, – разрешил старший. «Пусть позлятся, понервничают, подёргаются», думал он при этом , «ведь именно в таком состоянии люди наиболее податливы для изучения…».

Глава 124. ВОСПОМИНАНИЯ О ВЕЛИКОЙ УЧЁБЕ (окончание)

Сам Кулемзин, когда много-много лет начал изучать *русскую кочергу*, внимательно, как кислота в металл, въедался во все детали, и сейчас старался добиться того же от своих неофитов.

– Много-много лет назад на парусном флоте, – говорил он им, – была команда «Кливер поднят!»

«Йодистый флот, при чём здесь клитор?», пронеслось в голове прапорщика.

– Так вот, – продолжил гуру, – это означало, что все расчёты с берегом закончены и судно готово к отплытию!

«Мать честна́я, какое судно?», всполошился Полтавцев, у которого это слово ассоциировалось только с больничной, никогда не крякающей *уткой.*

Мне на сутки дали утку,
я ж успел за двухминутку!

– Как говорил мой приятель философ Фукидид Мильтиадович из рода Олоров, ныне покойный, невежество порождает решительность.

– А чего с ним? – поинтересовался тогда Серёжа.

– Скончался от прогрессивного цитирования, – пошутил Володя.

– Вона как, – не поняв шутки, расстроился Афанасьич.

Альбионыч, чтобы не оставаться в стороне от процесса, был, как говорят в футболе, играющим тренером, и поэтому ежедневно давал нужные советы подконтрольным ему футбо… тьфу, игрокам. Он говорил им о нормальной профессиональной взаимовыручке, но видел, как при этих словах кривил губки Мусаич. Он напоминал о том, чтобы, начиная игру, они не забывали дослать патрон в патронник, чем приводил в крайнее возбуждение военного музыканта, который стрелял последний раз лет 20 назад – на зачётах в Саксаульском милитаристском училище имени домбриста Курмангазы. Он втолковывал им, что именно опыт, а не любимый им Случай, в данной ситуации является главным критерием теории, чем при-

водил в крайнее возбуждение теперь уже педагога, который, разбирая отдельные слова, пытался в уме склеить из них цитату если не *основоположников*, то хотя бы Ильича I. Он не давал им долго трепыхаться на крючке страсти, ибо для постижения Великой Игры нужна была голова холоднее, чем подводная часть айсберга.

Ты мозгами в карты прыгни,
коль пришёл сейчас на рать, –
только трезвый вмиг постигнет,
в покер как не проиграть!

– Значит, в каждом роббере всем всегда одинаковое количество сдают? – прищурившись, спрашивал Альбионыча Талгат.

– Конечно, – отвечал сенсей.

– Ёперный валет, тогда это хорошая игра! – уверенно заявлял прапорщик, и на недоумённые взгляды присутствующих пояснял:

– В армии главнее что? Это однообразие!

Но это были цветочки, а ягодки традиционно ожидали игроков в обозримой дали – на празднике разгулявшегося воображения.

Вспомнил Володя и строительство покерного столика, где новоявленные игроки проявили чудеса трудового энтузиазма.

– Сядем здесь, у этой ивы, – тогда предложил гуру, увидев подходящее место между двух карагачей.

– Какой ивы? – завертел головой Афанасьич.

– Фет, – объяснил Кулемзин.

– Кто это? Где он ? – верчение головой стало интенсивнее.

– Поэт такой, – объяснил Володя. – Покойный.

– Царица лесная, и этот тоже? – в ужасе закричал охранник. – А чего это он сказал?

– Да строчку такую – из стиха.

– А дописать его хоть успел? – жалостно поинтересовался Серёжа.

– Успел, – вежливо ответил писатель. – И даже завещал лично мне проговорить несколько строк из этого стиха[174] лично тебе.

[174] Стихотворение Афанасия Фета «Ива» 1854 года – прим. лит. редактора

– Давай! – польщёно разрешил Полтавцев.

– Даю, – пообещал Володя и, приняв соответствующую классике позу, выразительно прочёл на русском языке:

– Сядем здесь, у этой ивы.
Что за чудные извивы
на коре вокруг дупла!
А под ивой как красивы
золотые переливы
струй дрожащего стекла!

Прослушав столь волнующие строки, сторож вытер непрошенную слезу, хотя так ничего и не понял про дрожащее стекло, но – по традиции – переспросить постеснялся. «Наверное, этот Фет погиб при землетрясении», подумал он. «А как ещё

стёкла дрожать могут – сами по себе?». Афанасьич решил развить эту мысль в знаменитую книжечку «Для му.мы.», а после, когда разовьёт окончательно, так даже и записать её.

– Главное, мать моя партия, это высоко держать знамя нашей игры, – неожиданно предложил Курманбаев. Прапорщик тут же побежал за кусты, откуда до игроков вскоре донеслись специфические звуки.

– И ещё главнее, – не унимался Курманбаев, – не уронить его вниз!

– Да уж куда ниже, – пробурчал Кулемзин, вспомнив учебные мучения. – А, впрочем, ещё ниже знамя могут уронить лишь шахтёры – если их будет награждать этим переходящим знаменем прямо в центре Земли главный шахтёрский *иблис*! А тебе, Нуртай, не мешало бы повнимательнее изучить «Теорию общественного договора» Жан-Жака Исааковича Руссо!

Мусаич побледнел, а остальные порадовались, что им не придётся наизусть затверживать ещё и это.

– А, может, не надо Руссо? – попробовал *отбояриться* педагог.

– Ну, если тебя не устраивает то обстоятельство, что у роз бывают шипы, рви себе на здоровье одуванчики, – толково объяснил ему Альбионыч.

Вроде не под порошками,
но порой мы так глупы:
розы выросли с шипами,
но у карт – свои шипы!

Через какое-то время игроков стало тянуть к покерному столику – как маньяка ни на минуту не оставляет светлая мечта прогуляться по родному кладбищу.

– И запомните, мои маленькие друзья, что никто нам не поможет в этой великой учёбе, кроме нас самих!

«Эх, мать честна́я, знать бы, где эти *нассамихи* живут», удручённо подумал Серёжа, «а то и спросить не у кого…»

Глава 125. МОНУМЕНТАЛЬНАЯ ПЛИТА НЕУМОЛИМОЙ ЛОГИКИ (продолжение продолжения)

Иногда на Володю накатывала жутчайшая философская хандра, когда весь мир казался набором случайностей и, в сущности, хаосом. Все эти случайности были незначительны и необязательны, но их было так много и они, видимо, по прихоти режиссёра-*дедушки*, были так густо сплетены, что, казалось, на Суку-судьбу влияет уже не только расположение звёзд на небе, но и пылинка, севшая невзначай на волосок ресницы. И вот тогда – в жутчайшую хандру – писатель допускал, что, сядь вторая пылинка на ресницу Суки-судьбы, он мог бы не встретиться со своим сыном, а потом мог бы не встретиться с его матерью, и работал бы тогда не журналистом, а каким-нибудь виноградосоковыжимальщиком где-нибудь в социалистической (б) Молдавии. «Хорошо, что такое мне даже в страшном сне не снится», подумал Альбионыч. «А если всё-таки когда-то приснится, то сразу же придётся креститься и пить псевдосвятую воду большими стаканами – без закуски!»

Исключительно по-русски
пьём мы воду – без закуски!

Но – прочь философские изыски! Пора было приниматься за решительную борьбу с курманбаевщиной – за наступление светлого будущего в лице Покера Всея Саксаулии! Несносное время подходило уже к тому рубежу, что на всём пространстве бывшего СССР (б) обычно называли *обеденным*, и потому в нашем замечательном повествовании в суровой борьбе проходила не первая или третья партия, а уже шестая!

– Как говорил Заратустра, яйчики-бабайчики, возделывай свой сад, и мимо тебя пронесут труп председателя колхоза! – с нажимом возвестил Кулемзин и заказал пять взяток. Для роббера в девять карт это было не просто много, но даже убийственно – естественно, для остальных игроков. Сопокерники засмущались, задвигались, заёрзали, радуясь сейчас только одному: что Володя делал заявку первым, а, значит, можно как-то подстроиться под его беспощадную логику.

Так, прапорщик, услышав черновик приговора, улыбнулся чуть насильственно – как улыбаются фигуристки, если оценки ниже ожидаемых, а радость выставлять спортивной общественности всё равно необходимо. На лице же Полтавцева отразилось недоумение, словно он услышал о чём-то противоестественном, вроде любви дельфина и русалки. Расстроился и Курманбаев – раздражение прошло по его лицу тенью серпа и молота, а скамеечка под вертящимся педагогомм скрипела, как бричка под Чичиковым на ухабах губернского города N, чьи страсти так хорошо описал в XIX веке гениальный русский хохол Николай Васильич.

Не все читали Гоголя поэму, –
мол, нет такой про мёртвые дела,
сам Брежнев наложил запрет на тему
и засекретил мёртвые тела!

Никак не отреагировал на происходящее только художник Муравлёв, занятый сразу двумя делами: правой рукой он рисовал веточкой в пыли эскиз его будущего полотна «Д-р Кулемзин встречается с диктатором африканского государства Нагнименя в рамках частного негосударственного визита по приглашению Верховного шамана страны Внатуре III», а левой страстно, как молодую сиську во время первого свидания, сжимал горлышко полупустого тянь-шанчика, изредка отхлёбывая из него понемногу, чтобы хватило если до конца партии, то хотя бы до средней *тёмной*, когда волнуясь от внутреннего напряжения, можно стеснительно попросить прекратить игру, мотивируя, что это буквально на пару минут, и к тому же, за пивком он может сходить сам.

Но, чтобы правильно оценить сделанный Володей заказ, нужно было время, а его как раз не было. Нет, на покерном столике, конечно, не стояли шахматные часы, отсчитывающие страшные секунды до цейтнота, а просто небольшое время – с той поры, когда очередной роббер попадал в руки игрока, до того, как он делал заявку, – всегда хотелось сделать как можно меньше, и причина здесь была только одна: показать свою компетентность в этом вопросе, мгновенную реакцию на происходящее и быстродействие тех волосатых компьютеров, которые писатель кратко и беспощадно определял как *тыквы*.

Но вот сделаны были суровые выборы, и роббер промчался за пару минут. Итоги его стали неутешительными: кроме гуру, взявшего свои пять взяток, пролетели все, кроме охранника, который, чтобы не потерять законные 25 очков, хапнул первую же взятку случайным младшим джокером. Больше всего обидно было педагогу, ведь когда Серёжа выложил своего *гранда*, у него был такой же, то есть

младший джокер, но по правилам игры он не мог перебить своего собрата и, как до сих пор говорят в знаменитой деревне Семижопино, где когда-то родился Афанасьич, пропал ни за грош

– Мать моя партия, ну ты и демпфер[175]! – после роббера пронзительно заверещал Мусаич.

[175] Устройство для гашения колебаний, возникающих в машинах, или, проще говоря, глушитель – от нем. Dämpfer – прим. тех. редактора

– А что это – демпфер? – счастливо улыбаясь, спросил охранник.

– Демпфер? Ну, это такая штука, которая выравнивает инерционную составляющую, – просто объяснил Володя.

– А, понятно, царица лесная, – пробормотал Серёжа и впал в минутную интеллектуальную кому.

Я хочу сейчас заметить
(не подумайте, что пьян):
демпфер глушит всё на свете!
Кроме покера, друзья…

Курманбаев всё никак не успокаивался, и Володя не торопил его – сразу по двум причинам: во-первых, таких псевдоблагородных запалов у педагога хватало ненадолго, а, во-вторых, именно в такие минуты у писателя, который временно отключал марсианский слуховой канал *трръъчххшъъ*, рождались новые идеи. Вот и сейчас он вдруг придумал, что на будущее всему покерному коллективу надо придумать какие-то рыцарские девизы. И они сложились в его голове за мгновение! И сейчас ты, читатель, узнаешь их, запомнишь навсегда и, надеюсь, полюбишь – за точность найденных о́бразов.

Итак,

♠ Кулемзин: БиС (благородство и справедливость)
♣ Батыршин: ЖиД (жена и дети)
♥ Курманбаев: ПиЗ (пакость и злодейство)
♦ Полтавцев: ШиП (шизанутость и простодырость)

Кстати, узнав об этих девизах, Валера немного обиделся на писателя за то, что такой девиз тот не придумал лично ему, но Альбионыч аргументировал своё решение тем, что в картах по-прежнему, как и с утра, было всего четыре масти. Правда, обида у живописца прошла за несколько секунд, и он тут же выразил горячее желание воплотить придуманные девизы в высокохудожественные полотна. Но вот сделает ли он это когда-нибудь, мы узнаем значительно позже, ведь мой читатель сейчас находится в пространстве всего лишь второго тома «Русской кочерги», а автором-то запланировано их аж семь! Так что времени у нашего саксаульского микельанджело ещё хоть отбавляй.

Он идеями беремен,
хоть и страшно одинок:
у творца всегда есть время
на картинки и вино!

Глава 126. ЯВЛЕНИЕ ОЛИ

В это время, как уже не раз случалось на страницах «Русской кочерги», игра была ненадолго прервана появлением нового персонажа. К покерному столику упругой походкой делового человека подошла девица лет тридцати с толстой почтальонской сумкой на ремне. Муравлёв посмотрел на неё и предположил, что пришелица гораздо симпатичнее его Наташи. Батыршин посмотрел на неё и предположил, что пришла девушка. Курманбаев посмотрел на неё и предположил, что пришла бывшая комсомолка. Полтавцев посмотрел на неё и предположил, что, судя по цвету лица, она никогда не пила «Жигулёвского». Кулемзин посмотрел на неё и предположил, что пришла почтальон.

– Привет, Оля, – поздоровался писатель.

– Привет, Володя, – поздоровалась почтальон. – Через пять дней подписка начинается. Будешь что-нибудь выписывать?

– Конечно, – вспомнив, что через пять дней начнётся сентябрь, произнёс Альбионыч. – Мне, как всегда, «Комсомолку», «АиФ» и «Марсианские хроники».

Где «Титаник»-пароходик?
Как проспаться на снегу? –
всё узнать, что происходит,
из газетки я смогу!

– А вы, товарищи? – обратилась Оля к собравшимся, повернувшись конкретно к Валере, который заметил, что глазки почтальонши были немного косенькими, как бы любующимися друг на друга, но сама она была красивая, как египетская царица – конечно, до того, как стать перебинтованной мумией.

Нуртай очень обрадовался обращению *товарищи*, и хотя был скаредным человеком, решил не отказывать себе ни в чём, тут же заказав квитанцию на московскую газету «Правда» (на один квартал).

– А вы, помнится, по военному ведомству? – обратилась памятливая почтальонша к Салихдзянычу, но бравый прапорщик сделал вид, что не расслышал вопроса, так как в его шалой голове уже сформировывался план покорения косенькой красавицы. – Так будете выписывать или нет?

– А? Что? Да, буду.

– Надеюсь, не «Вестник НАТО» на албанском языке? – смело пошутила Оля.

«Эх, жаль, я албанского не знаю», подумал сторож, «а то я бы тоже с удовольствием начал ознакомление с таким замечательным журналом».

– Нет, мне, пожалуйста, «Вестник Вооружённых сил Республики Саксаулия», – пробормотал трубач и добавил:

– На русском языке.

Почтальон что-то пометила в блокнотике и требовательно повернулась к художнику.

– Нет, нет, я не здесь живу, – начал горячо отнекиваться Николаич.

– Не имеет значения, – твёрдо оборвала его красавица и тут же провела небольшую рекламную кампанию своего ведомства привычным слоганом: – Саксаульская почта доставит вам почту даже на Северный полюс!

Даже белый медвежонок

просит маму: «Подпишись!»
«У медведей нет деньжонок!»,
плачет мама: «Что за жизнь!»

– Да мне на Северный не надо! – не зная, как отделаться от пришелицы, пробормотал живописец.

– Так, может, на Южный тогда? Там-то ты иногда проживаешь? – под смех коллектива «пошутил» Афанасьич.

– Хорошо, – обречённо пробормотал Муравлёв. – Тогда мне журналы «Мурзилка» (на первое полугодие) и «Весёлые картинки» (на весь год).

После этих слов Оля заметно подобрела и посмотрел на художника другими глазами: «А он ничего, симпатичный. Только пьёт много!».

– Выпишу-ка и я себе чего-нибудь, – видя, как лихо расстаются его товарищи с пока виртуальными назарбаксами, пожелал охранник. – Для приобщения, так сказать, к таинствам бытия! Может, что-то посоветуете? – обратился он к почтальонше.

– Конечно, – незамедлительно ответила она. – Думаю, что вам больше всего подойдёт… – она смерила Серёжу взглядом с ног до головы, а потом обратно – с головы до ног: – …таджикский журнал «Одамон бар зидди малах муборизa»!

Афанасьич вопросительно посмотрел на знатока языков Кулемзина.

– «Народная борьба с саранчой», – тут же перевёл полиглот.

– А он с картинками? – поинтересовался Полтавцев, потому что таджикского тоже не знал.

– Ещё с какими! – пообещала красотка.

– А, давай! – решительно рубанул воздух рукой сторож, при этом попав по плечу Мусаича. Педагог прошипел короткое проклятие, тут же пожалев, что вообще ввязался в это сомнительное предприятие.

Суть журналов и газет –
суета проплаченая:
лично я в них много лет
воблу заворачиваю!

Оля записала все пожелания трудящихся и пообещала завтра же принести квитанции, строго предупредив, чтобы все без опоздания были в Бермудском Учпучмаке с 12.06 до 12.08!

Глава 127. МОНУМЕНТАЛЬНАЯ ПЛИТА НЕУМОЛИМОЙ ЛОГИКИ (окончание)

Как хорошо известно из курса «Неполной мировой истории вооружений», ракета класса «воздух-вода» способна поразить ядерный миноносец на расстоянии 1500 километров. Кулемзину было значительно легче: расстояние между ним и противниками составляло всего лишь 80 сантиметров. Правда, игра всё никак не начиналась, и художник уже начал страдать от того, что пивко заканчивалось, а до средней *тёмной* оставалось ещё три длинных роббера. И вот пришли к концу причитания Нуртая, но тут завёлся Полтавцев, внезапно вышедший из вре́менной комы, чей голос сейчас напоминал чьё-то беспорядочное топтание на листе мятой жести. К тому же начал ругаться и Салихдзяныч, осознавший, что пролетел аж на две взятки, или 45 очков, и ругательства эти извергались из военно-музыкального рта с силой при-

личного пожарного гидранта. «Пора что-то делать», запоздало подумал гуру, потом решительно сунул пальцы в карман своей марсианской рубашки и вытащил из него вторую купюру аж в тысячу назарбаксов. Он повёл рукой в сторону каждого игрока, чтобы они лучше рассмотрели достоинство купюры, а Муравлёву так дал ещё и понюхать её, после чего тот понял, что в красках, которые были нанесены на этот красивый листочек, нет ничего саксаульского, а, напротив, всё здесь было только великобританским.

– Яйчики-бабайчики, а чья сейчас очередь в магазин идти? – строго спросил гуру. Охранник тут же *поседушкился*, что он только что ходил, Нуртай деловито занялся своими ногтями, достав неизвестно откуда маленькие маникюрные ножнички, и только бравый трубач молча взял предложенную сумму и, приподнявшись, с места начал строевой поворот через плечо.

– Браво, тромбон, – не удержался Кулемзин. – Сдачу не забудь принести!

На удивление легко воспрянув телом, откормленным по беконному методу, с прослоечкой, Талгат вмиг оказался на крыльце магазинчика Калимы.

– Нет допинга – нет победы! – глядя ему вслед, произнёс Альбионыч.

Вскоре скороход вернулся назад – красный, как зрачок альбиноса, и запыхавшийся, будто фельдмаршал Суворов после перехода через Альпы. Талгат нёс пиво тяжело, от натуги издавая звуки, которым славятся все взявшие *значительный* вес штангисты.

Скандалы, страсти на турнире,
как на собранье бензопил:
штангисты все страдают в мире,
ведь тренер пиво запретил!

Дальнейшая *развлекаловка* напоминала нечто среднее между параолимпийскими играми, в которых, как известно, участвуют инвалиды, и установкой рекордов для книжки-раскраски Гиннесса. Пиво + карты вообще считаются убойной смесью даже в некоторых лондонских закрытых клубах, что уж было говорить об открытом турнире Бермудского Учпучмака, проходившем под знаком лени и душевной пустоты при жаре в 37°! Так и хотелось плюнуть в раскалённое светило, чтобы оно зашипело и хотя бы на несколько минут погасло, при этом громко выкрикнув что-то вроде этого:

Покупайте мороженое –
свежее, растаможенное!

Получив вожделенную подпитку мозга и нервной системы, игроки совершенно распоясались. События помчались вдруг с такой скоростью, как будто некий проснувшийся киномеханик спохватился и запустил перемотку. «Вздёрнуть всех на рею!», мелькнула справедливая мысль у гуру, и было отчего ей мелькнуть. Как всегда, самые главные подляны подкидывал Курманбаев, прекрасно справлявшийся с этим занятием без помощи своего патрона *иблиса*, который после вчерашнего *афронта*, устроенного ему Альбионычем, несколько опасался открыто появляться за спиной педагога.

Володя, *априорно* не ожидающий от Нуртая ничего хорошего, насторожился. В его нацеленном на Мусаиче взгляде было столько нелюбви, что её вполне могло бы хватить на геноцид какого-нибудь маленького африканского племени. И тут

произошло то, что правилами игры никак не запрещалось, но решительно осуждалось всеми без исключения сопокерниками: педагог, только для того, чтобы Батыршин не взял свои две взятки, перебил его козырного туза своим старшим джокером, и заставил пролететь его на одну взятку, но при этом тоже пролетел на одну, то есть перебрал. После такой гадости Талгату захотелось построить Курманбаева в две шеренги.

– Ты что, йодистый шпиндель, в детстве с печки упал? – страшно заорал он.

– Яйчики-бабайчики, какая трещина менталитета! – изумился и Володя.

– Да, Нуртай, ты это… как его… даёшь! – выразил своё отношение к происходящему и художник, хотя не понимал в игре вовсе.

Мгновенная ярость захлестнула военного музыканта, но тренированный сотнями жизненных неудач мозг всё-таки кое-как справился и с этой нагрузкой. Увлёкшийся обличениями прапорщик в конце речи свалил на Мусаича не только все накопленные им на пространстве Бермудского Учпучмака грехи, но также и ответственность за смерть володиного друга Сергеича, а также за разгром декабристов.

Даже если забуха́ем,
и не писан нам закон,
свалим всё мы на Нуртая,
как *адольфа* всех времён!

В это же самое время Кулемзин, как-то нехорошо улыбаясь, попытался узнать у Мусаича, почему, если ему суждено было стать серпом, он стал не тем, который жнёт колосья, а тем, который калечит жнецов?

«Каких жнецов?», ошарашено подумал сторож, который умудрился взять свою заказанную взятку. «Совсем они уже с ума посходили от моего умения играть в *русскую кочергу*!»

Глава 128. РЫЖИЙ ВИТЯ-КАПИТАН

Как хорошо, что партия на этом и завершилась, потому что в этот момент к покерной компании подошли наши старые знакомые – бомжи Танкист и Одиссей. Оба они были на одно лицо – как продукты какой-то безумной генной инженерии, словно прототипы извращённой версии американских романов Теодора Джоновича Драйзера. Из шестидесяти четырёх зубов, которые были положены им природой на двоих, они к моменту описываемых событий сохранили чуть меньше половины – по-видимому, потому, что вовремя не посмотрели рекламу ни «Дирола» с ксилитом и карбамидом, ни зубной пасты «Blend-a-med» с фтористой системой *флуористат*. Поэтому, наверное, подлый кариес наряду с мордобойными битвами за помойку и падениями рожей об асфальт нанёс такой существенный ущерб их немытым личностям.

В редкое свободное время Кулемзин не раз задумывался об этих людях (б), решив, что бомж в классическом виде – это явление не социальное, а, скорее, философское. Надеюсь, ты, читатель, не будешь спорить, что всегда находились на Руси люди, очарованные грязным и вонючим обаянием бродяжничества, которое в большинстве случаев являлось просто перегибом гордыни, то есть клинической картиной высокомерия. Но наши обыватели до сих пор не понимают этой простой истины, рассматривая бродягу-бомжа лишь с позиции *фу, какой противный и вонючий.* На Востоке, кстати, тоже существовали такие бродяги, называемые ба́улами,

которым, как ни странно, завидовали все остальные, имеющие свой дом и даже се́мьи.

Пусть раздеты и разуты,
пусть живут в своей тоске, –
не отказывай бомжу ты
ни в копейке, ни в куске!

Правда, наш герой давно вылечился от непреодолимого отвращения к жизни и людям. И не то чтобы он воспылал христианской любовью к последним, но, тем не менее, что-то очнулось в нём от шока этой самой жизни, и даже появилось нечто похожее на тягу к преодолению так называемых жизненных трудностей. Вот и сегодня, смотря на Танкиста и его товарища Одиссея, Альбионыч думал о том, что благодаря этому контингенту он стал снисходительнее к поступкам людей. Практически ежедневно, с придирчивостью Карла Николаусовича Линнея разглядывая дно социума, он понял, что теплотрассный клошар выполняет очень важную общественную функцию: люди, готовые опустить руки перед обстоятельствами, наталкиваясь взглядом на человека помойки, находят в себе дополнительные ресурсы, после чего вновь вступают в бой за достойное существование. Наверное, на счету каждого бомжа – десятки спасённых от падения на дно жизней, ибо один только вид грязного бродяги стимулирует волю и лечит отчаяние у обывателя!

Именно поэтому Володя никогда не отказывал этим людям в маленьком кусочке счастья в виде бутылочки пива или ста граммов *беленькой*, тем более что они не выпрашивали эти жизненно важные продукты, а честно зарабатывали их исполнением песен и стихов, правда, чрезвычайно специфических.

Мы без лени и мигрени,
словно в славном кабаке,
вам споём на нашей *фене*,
но на русском языке!

Увидев бомжей, Курманбаев скривился, как галактика Цевочное Колесо[176], и потихоньку прошептал на ухо писателю:

[176] Совершенно удивительно, откуда автор-гуманитарий знает об этой спиральной галактике в созвездии Большая Медведица! – прим. науч. редактора

– Мать моя партия, я надеюсь, ты не собираешься сегодня повожать этих, с позволения сказать, личностей?

– Как раз собираюсь, – так же тихо ответил Кулемзин.

– Зачем?!

– Затем, что именно они сегодня станут соавторами моей новой краткой филологической диссертации.

– Ты что, совсем с ума сошёл? – с радостной надеждой уже громче произнёс Мусаич.

– Пока нет, яйчики-бабайчики, – кротко ответил Альбионыч и предложил стоящим в трёх метрах исполнителям:

– А, ну-ка, песню мне пропой,

весёлый бомжик!

– Какую, хозяин? – осклабился Танкист.

– «Про рыжего Витю-капитана», – разрешил будущий диссертант. – Кстати, не напомнишь, сколько в ней строф?

– Чего, хозяин? – вновь обозвал писателя бомж.

– Да, извини. Я говорю, куплетов сколько?

Танкист с Одиссеем тут же соединились лбами и принялись загибать друг у друга корявые грязные пальцы, что-то шепча. Наконец, математические изыскания были закончены, после чего Танкист доложил:

– 16.

– Значит, порядок выступления такой: поёте первые восемь куплетов, потом мои комментарии, потом остальные восемь куплетов, потом ещё одни мои комментарии, потом гонорар!

– А нельзя гоноран сразу после первой части, хозяин? – снова обозвался бомж.

– Нельзя, – ответил филолог. – А если я ошибусь? Кто тогда поправит меня – для удовлетворения духовного запроса Серёги Афанасьича?

– Да-да, уж вы не спорьте, – солидно подтвердил Серёга Афанасьич.

Бомжи приосанились, по-битловски пощёлкали пальцами – типа *one, two, three* – и начали:

– Рыжий Витя-капитан,
корешок по зоне,
поволок меня на бан
и сгорел на шмоне.
Ведь по музыке ходить –
тонкое искусство:
думал угол прихватить
да срубить капусты.
Но, видать, не докнайсал,
что-то не стыкнулось:
был майданщик да пропал –
машка щекотнулась.
Намело тут, перемать,
мусоров бан полный –
стали вытирку ломать,
стали делать волны.
Взяли Витю под крыло,
вывернули лаху,
а там выдры да майло –
хоть веди на плаху.
И не надо гнать шары,
брать на понт не надо –
вышел Витя из игры,
выпал весь в осадок.
Петрю, мне канать пора
при такой непрухе!
Эх, житуха у вора –
то лафа, то шухер,
щупать ноги, когти рвать,
чтоб не завалиться,

и чтоб стоечку держать,
если что случится.

Глава 129. ФИЛОЛОГИЧЕСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ

Во время исполнения педагог вначале внимательно прислушивался, недоумевая, на каком языке исполняется песня. Многие слова казались ему знакомыми и даже русскими, но общий смысл не ухватывался никак.

– Не понимаю, – жеманно поведя плечиком, поведал он коллективу. Бомжи радостно заржали. – Да я в том смысле, что не понимаю, как вообще можно слушать такие, с позволения сказать, произведения!

Теперь заржали все. Правда, после короткого оперативного опроса Володи выяснилось, что суть трагедии, изложенной в полупесне, не поняли также ни Талгат, ни Серёжа, ни Валера, хотя и сильно старались.

– Эта песня исполнялась нашими бездомными друзьями на так называемой *фене*, или, проще говоря, русском воровском жаргоне, – объяснил Альбионыч. – И я, как крупнейший писатель двух веков, в совершенстве овладел этим языком.

– Зачем? – вскричал Курманбаев.

– Затем, Нуртай, чтобы изнутри, а не снаружи, как другие писатели попроще, изучить подноготную этого слоя социального среза.

«Чего же тут изучать?», внимательно изучил свою подноготную на правой руке охранник. «Одна грязь!». Затем он внимательно оглядел подноготную на своей левой руке и решил: «Кстати, о социальном срезе. Пора бы сегодня вечером ногти подстричь!»

Гонит наш писатель здесь пургу
чёрным языком, как молотилкой:
если нужный ноготь состригу,
как же я отку́порю бутылку?!

– Итак, приступим к переводу! – предложил знатный филолог. – Что мы имеем в двух первых строфах, или, чтобы было понятнее Танкисту, Одиссею и Серёже, куплетах?

Рыжий Витя-Капитан,
корешок по зоне,
поволок меня на бан
и сгорел на шмоне.
Ведь по музыке ходить –
тонкое искусство:
думал угол прихватить
да срубить капусты.

Корешок – это старый приятель или компаньон по воровскому промыслу, зона – лагерь или тюрьма, бан – вокзал (кстати, в немецком языке вокзал до сих пор Bahnhof), сгореть означает попасться мусорам… то есть, работникам милиции, шмон – обыск[177], ходить по музыке – собственно заниматься воровством, прихватить угол – украсть чемодан, а капуста ещё со времён СССР (б) – это денежки.

[177] От ивр. шмон – восемь. История этого термина уходит аж в конец XIX века: до революции обыски в тюрьмах начинались в 8 часов вечера – прим. автора

Что-то стало проясняться в головах слушателей, но всё же не до конца.

– Мать моя партия, и как всё это понять? – нервически воскликнул Курманбаев. – Как связать всю эту белиберду в стройную логическую систему?

– Хорошо, – согласился диссертант, – специально для несколько туповатых педагогов еврейских колледжей, не понимающих элементарного русского языка, даю нестихотворный перевод этих куплетов:

Медноволосый Виктор по кличке Капитан,
мой старый приятель по воровскому промыслу,
с кем мы неоднократно находились в лагере,
позвал меня на вокзал, где мы и попались
в руки работников правоохранительных органов.
Ведь заниматься воровством – это довольно
тонкое занятие, требующее большой сноровки:
мы просто хотели своровать чей-нибудь чемодан,
а заодно и разжиться деньгами, ведь в привокзальном
ресторане водку задаром не дают!

– Святой Малевич, ничего не понимаю! – вскинулся художник. – По-моему, про водку там ничего не было!

А зря вскинулся Валера, ведь, как человек творческий, он должен был, как никто, понимать другого творческого человека, то есть Альбионыча, которому даже в таком скучном деле, как перевод с фени на русский, хотелось немного импровизации. Не остался без комментария и сторож.

– Царица лесная, так совсем не всклад, не в лад! – вскричал Полтавцев. – Что это за сомнительные рифмы лагере-органов или сноровки-привокзальном?

– Именно поэтому, – улыбнулся переводчик. – Вся красота этой песни заключается не в смысле её, а в том, на каком языке её поют люди[178].

[178] Кстати, это ещё один термин фени: именно так называют себя блатные. Остальные же земные персонажи – просто фраера бестолковые – прим. автора

– А-а-а, – наконец понял Афанасьич.

– Теперь разберём следующие куплеты. Но, так как у вас уже есть некоторый опыт перевода с незнакомого вам языка, предлагаю смысловые интонации расставить самим – у кого как получится. Итак, кнайсать это смотреть, майданщик – вокзальный вор, машка щекотнулась – женщина поняла, что у неё совершается кража, намело – набежало, мусор[179] – сотрудник милиции, оперработник, ломать вытирку – проверять документы, делать волны – проводить задержание. Ну, кто переведёт? Талгат, может, ты?

[179] Кстати, правильно говорить мусер[180]. Это выражение произошло от первого послереволюционного названия уголовного розыска – МУС (Московский уголовный сыск) – прим. Гарика Джезказганского

[180] Есть ещё один вариант создания этого слова: оно произошло от ивр. мосер, то есть предатель – прим. автора

– Попробую, – неуверенно пробормотал музыкант, у которого, как вскоре выяснилось, не смотря на похмелье, оказалась неплохая память:

– Но, по всей видимости, что-то не доглядел,
что-то у нас с Виктором не срослось:
принялся за работу вокзальный вор,
а женщина, которую они хотели обворовать,
поняла, что у неё совершается кража.

– Браво, гусар! – воскликнул Володя. – Давай дальше!

– Набежало тут, неприличное выражение, на вокзал
много работников правоохранительных органов,
стали проверять у подозреваемых документы,
а когда поняли, кто они такие, задержали их!

– Мать честна́я, ну, ты даёшь! – восхищённо заорал охранник. – Вот теперь вообще всё понятно! А давай-ка я попробую! Орёлики, – по-зоологически обратился он к бомжам, – спойте-ка ещё разок пару куплетов!

Орёлики не стали чиниться и повторили куплеты на заявленный бис.

– Серёжа, внимание! – поднял палец писатель. – Объясняю суть слов: крыло – это рука, лаха – пальто или плащ, выдрами воры зовут свой инструмент, то есть отмычки, а майло́ – это опасная бритва. Затем, гнать шары означает подбирать обвинительный материал на вора, брать на понт – обманывать.

– А выпасть в осадок, царица лесная? – негодующе вскричал Афанасьич.

– Да, извини, конечно. Выпасть в осадок означает выпасть в осадок, – объяснил Кулемзин. – Термин введён русским учёным Менделеевым в результате химического опыта с химическими же элементами в 1854 году.

– Ну, это другое дело, – просиял новый переводчик. – Так, так, – загибая пальцы, бормотал он. – Так, так… Ага, вот что получилось:

Милиционеры взяли Виктора Петровича под руки,
вывернули карманы его плаща или пальто, так как
в песне не указано, в какое время года всё это случилось,
а в карманах нашлись ценные улики в виде отмычек
и опасной бритвы, что однозначно означало принадлежность
задержанных к преступному сообществу!

– Молодец! – от души похвалил переводчика лектор, хотя и недоумевал, откуда сторож узнал отчество преступника. – Следующий куплет, please!

– Ага! – согласился Серёжа и продолжил:

– «Не надо подбирать на меня
обвинительное заключение»,
взмолился Виктор Петрович,
«а также обманывать честного босяка!».
Вот так он попался не на шутку, совершив в уме
некоторые химические опыты русского учёного!

– Ну, что ж, остались ещё два куплета. Может, ты, Нуртай, переведёшь? Или слишком сложно? – подначил педагога Альбионыч.

Мусаич дёрнул плечиком, словно говоря, что раз он легко осилил статью Ленина «О восхождении на высокие горы, о вреде уныния, о пользе торговли, об отношении к меньшевикам и т. п.»[181], написанной Ильичом I в конце февраля 1922 года, то уж такую чепуху осилит ещё быстрее, и он, как истинный коммунист, в этом нисколько не сомневается.

[181] Политиздат, М., 5 изд., т. 44, стр. 415-423 – прим. полит. редактора

Повинуясь движению руки, Танкист и Одиссей ещё раз исполнили последние два куплета из восьми предложенных:

– Петрю, мне канать пора
при такой непрухе!
Эх, житуха у вора –
то лафа, то шухер,
щупать ноги, когти рвать,
чтоб не завалиться,
и чтоб стоечку держать,
если что случится.

После этого Володя дал перевод отдельным их выражениям:

– Петрить – это соображать или догадываться, канать, как хорошо известно бывшим советским людям из фильма «Джентльмены удачи», это бежать, непруха – как хорошо известно Серёже из нашей игры, это невезение, а вот лафа – наоборот, удача или счастье, шухер же в данном контексте значит осторожно скрываться, щупать ноги – готовиться к побегу, далее, что логично, когти рвать – то есть уже непосредственно бежать куда подальше, а далее – всё по той же логике, завалиться – это быть задержанным, если ты такой лошара, что даже скрыться от ментов не мо- жешь, хотя у них собаки вечно голодные и нюх потеряли! И последнее: стойку дер-жать – не сознаваться в преступлении, даже если менты за это пообещают внеплановую пайку черняшки!

Педагог внимательно выслушал перевод, и затем привлёк внимание слушателей скорбным рассказом:

– И тут Виктор Петрович, человек,
как видно, неглупый, догадался…

«Дался же им этот Виктор Петрович!», удивился Кулемзин. «Так к концу песни мои маленькие смысловые отгадчики и фамилию Вите-Капитану придумают!»

– …что ему, при таком глобальном невезении,
на которое он совершенно не рассчитывал, пора канать!
Ведь жизнь человека, постоянно совершающего
преступления, очень невесёлая: то он счастлив,
что удачно украл много денег, то ему приходится
скрываться от работников правоохранительных органов!
А если уж *сел*, то вначале он готовится к побегу,
потом собственно совершает бегство, но так,

чтобы случайно не попасться вновь.
А если уж именно такое ему доведётся,
то ни в коем случае не сознаваться в преступлении!

Саксаульские бомжи ржали уже во весь голос, но не оттого, что им смешинка в рот попала, а потому, что они не поняли ни единого слова из рассказа мугалима[182].

[182] *Учитель – сакс.*

Глава 130. ФИЛОЛОГИЧЕСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ (окончание)

– Отставить веселье! – скомандовал главный. – Тем более что вы приблизились к заветному гонорару за консультационные работы только на 50 процентов.

– Это что, по 50 грамм нальёт, что ли? – тихо спросил Одиссей своего старшего товарища Танкиста.

– Да хорошо бы хоть по 50, – так же тихо ответил Танкист. – А то ещё выдаст какими-то процентами…

– Нет, Альбионыч мужик честный, не обидит, – опроверг страшное предположение Одиссей.

– Отставить разговоры! – повторно скомандовал Володя. – Давай концовку!

Бомжи встали ровнее, прижались друг к другу плечами, как сёстры Зайцевы, заняли уже привычную позицию и с чувством пропели:

– Чую, вроде прохоря
мне заходят с тыла.
Не завалишь ты меня,
братское чувырло!
У меня ж торчит в штанах
новенькая ксива.
Я ж – не липкая шпана,
всё на мне красиво.
Я же тыренное в срок
сбросил между делом,
я ж не мелкий фраерок,
я уже горелый.
Ты, метёлка-вертухай,
не звени монистой,
мне нахалку не пихай,
я сегодня чистый.
Я же напрочь завязал.
Слышишь? Сука буду!
А гуляю на вокзал,
чтоб сдавать посуду.
А что Витя-капитан
не раскоцал дурку,
у него же – свой колган,
вот и взяли урку.
Проволынили меня
пару дней в лягавке,
только это мне фигня –
ночевать на лавке.

Завтра брошу на вокзал
снова лытки парить.
Я ведь, люди, завязал
узелок на память.

– Ну, кто начнёт перевод? – строго поинтересовался филологический диссертант. – Может, ты, Валера?

– Святой Малевич, да запросто! – откликнулся художник, давно мечтавший вставить слово. – Какой-то Прохор, видимо, ходил в разведку в тыл врага и кричал немцам: «Русские не сдаются!».

– Однако, – почесал затылок Кулемзин. – Придётся внести необходимые коррективы. Итак, вновь первые два куплета, вернее, незнакомые слова́ из них. Прохоря, Валерий Николаич, это вовсе не группа советских разведчиков с одинаковыми именами, а сапоги, поэтому блатные называют так или милиционеров, или…

Здесь он посмотрел на военного музыканта.

– …или военных музыкантов.

Талгат начал вспоминать, когда он последний раз надевал сапоги, и не вспомнил, ведь в президентском оркестре, где он служил, все музыкальные номера исполнялись исключительно в ботинках, надетых на защитного цвета носки, а те, в свою очередь, на ноги милитаристских артистов. Здесь он некстати вспомнил, что вороватый интендант не выдавал ему положенные по вещевому довольствию носки уже третий год, и начал потихонку страдать, как от зубной боли.

– Братское чувырло, – продолжил забавную лекцию писатель, – это тоже не немцы, а просто отвратительная рожа. Ну, ксива, – слово довольно известное в нашей стране – это, конечно же, паспорт или…

Тут он строго посмотрел на сторожа.

– …или какой-либо другой доку́мент! – выдал версию Полтавцев.

– Правильно. И последнее: шпана – это молодой вор.

– Не гонишь, начальник, – одобрительно подтвердил Танкист. – Зуб даю, в натуре! Так как насчёт ваксы[183]?

Талгат, до этого не принимавший участия в разговоре, поглядев на обувку бомжа, заржал до слёз и спросил:

– А тебе какого цвета? Под цвет штиблетов?

– Гляди, брателло, какой бубен[184]. Не вкуривает, елдаш кипишной[185]! – глядя на прапорщика, тихо обратился к Танкисту Одиссей.

– Вакса обязательно будет, – весомо подтвердил гуру. – Но, как и договаривались, несколько позже. И вообще: ваксить с утра – здоровья не прибавится. А тебе, Талгат, замечание: такая вакса совсем не для коцев[186]! Итак, перевод первых двух куплетов:

[183] Водка – феня
[184] Бестолковый человек - феня
[185] Не понимает, азиат суетливый – феня
[186] Ботинки – феня

Вижу, что работники правоохранительных
органов в сапогах заходят ко мне сзади,
но ведь меня просто так не возьмёшь,
особенно вот таким отвратительным типам!

У меня же для отмазки в кармане новенький паспорт,
только вчера изготовленный Соломоном Кацем –
старым маланцом[187] с погонялом Ксиводел,
большим специалистом по изготовлению ксив!
Я ведь не молодой воришка, а старый вор,
поэтому у меня с подготовкой к этому делу всё о'кеу!

[187] Еврей – феня

«Да, вот теперь что-то начинает проясняться», подумал Мусаич, «а то гонят косяки, муфлоны!»

– Следующий отрывок предлагаю перевести на общечеловеческий язык тебе, Серёжа. Тем более что опыт такой у тебя уже есть – в прошлой главе.

– Какой главе? – обалдел охранник. – А это что на фене означает?

– Глава, старичок, – это вообще-то феня литературная. Например, в каком-либо выдающемся литературном произведении (типа романа «Русская кочерга») глава – это важная единица композиционного членения, обозначающая раздел всего текста, являющаяся как бы главной повествовательной (прости, русский язык!) *цезурой*, и обозначающая временнóй перерыв в течение событий или, например, при многопланности сюжета, – переход от одной сюжетной линии к другой.

– А-а-а, вот теперь всё понятно!

– Итак, вводная. В первой же строчке есть новое для многих слово тыренное – оно означает украденное. Помнишь, Серёжа, ты мне как-то рассказывал, что в детстве, когда ты воровал папиросы у деда Михея из деревни Семижопино, он драл тебя ремнём по заднице, страшно крича при этом: «Опять *хамур стырил*, стервец!»

– Помню, – заулыбался бывший стервец и даже для наглядности почесал себя в месте прошлых (прости, русский язык!) экзекуций.

– Ну, фраер, это вообще понятно без перевода[188]…

[188] От нем. Freiheit – свобода – прим. автора

– Нет, уж будьте любезны перевести, – начал возмущаться Курманбаев.

– Хорошо, – не стал отнекиваться писатель. – Фраер (или лучше фраер ушастый) – это хорошо одетый педагог еврейского колледжа, представляющий собой лёгкую добычу для вора, или яйчики-бабайчики, проще говоря!

Нуртай понял, что зря влез в это дело, и по привычке замкнулся.

– И последнее: горелый, как легко можно догадаться – это зэчара, уже отсидевший свой срок, то есть ранее сгоревший на каком-либо деле.

– А вот дальше – метёлка-вертухай. Это что, про дворника Надю? – понтересовался Полтавцев.

– Почему? – изумился Володя.

– Ну как же, царица лесная, она же вертится, когда метёлкой махает!

– Нет, Серёжа, в эти слова вложен другой глубинный смысл – и метёлка, и вертухай – они оба-два милиционеры, только первый работает в городском отделе внутренних дел, а вот второй охраняет уже пойманных *людей*[189].

[189] См. прим. на стр. 280

– Далее: звенеть монистой – это болтать попусту, как любит делать наш друг Нуртай, нахалка – это вовсе не старшая по дому Жанна Пантелеевна, как думается Батыршину, а нелепый случай, когда вора обвиняют по чужому делу. Ну, чистый – это совсем понятно: то есть человек, на которого у опéров нет ничего компрометирующего. Ну, давай, Серёжа, просвещай коллектив.

Афанасьич прокашлялся, сверился с книжечкой «Для му.мы», в которую записывал отдельные новые для него слова, и с выражением рассказал стишок, ещё секунду назад не существовавший в обозримой Вселенной:

– Я украденное ранее успел выбросить так,
чтобы никто не заметил, особенно мусорá,
потому что я человек опытный:
не какой-то педагог еврейских колледжей,
а уже не раз отсидевший честный зэчара!

После этих слов педагога еврейского колледжа стало потряхивать, как при землетрясении в Гималаях. Охранник между тем завершил перевод отрывка:

– Вы, оба милиционера, мечтающие меня поймать,
не болтайте попусту и не обвиняйте меня в том,
что я не совершал, то есть в краже! Если хотите,
проверьте карманы – там у меня ничего нет!

«Браво!», мысленно воскликнул Кулемзин.

– Складно звóнишь, фраерок, – поощрил Полтавцева и Танкист.

– Может, следующий кусочек ты нам, Нуртай, разъяснишь? – ласково предложил Кулемзин, после чего Мусаич понял, что если откажется, то будет осмеян и подвергнут (прости, русский язык!) остракизму в очередной раз.

– Не хотелось бы коверкать язык… – начал он свою речь, но был осмеян и подвергнут остракизму всеми, включая бомжей.

– Итак, дети, вот вам новые слова для разучения в нашем садике. Запоминайте, а вечером обязательно расскажите их родителям! Завязал – это совсем просто: перестал воровать, а вот если не перестал, то клянется такой злодей обычно так: сука буду! Хотя я лично предпочитаю выражение: Сука-судьба будет! А вот дальше сложнее: кто объяснит, что означает не раскоцал дурку?

– Наверное, это не отправился в сумасшедший дом, – почему-то представив любимую супругу, объяснил Муравлёв.

– Талгат? – сурово обратился к военному Кулемзин.

– Не смог переспать с дуркой, то есть дурой! – думая о чём-то своём, поведал военный трубач.

– Нуртай, а ты?

– А я думаю, что подобным эвфемизмам вообще не место в нашем обществе! – гордо ответил педагог.

– Тогда объясню я, а наши друзья, – здесь Альбионыч посмотрел на клошаров, – подтвердят мои полномочия! Не раскоцал дурку означает всего-навсего, что герой песни не смог совершить кражу, или, говоря конкретнее, как последний лошара, не смог раскрыть хозяйственную сумку.

– Оно так, начальник! – хором подтвердили полномочия Танкист и Одиссей.

– Хотя этот Витя-Капитан, считая себя умным человеком, думал, что именно у него хорошо варит свой колган, то есть голова. Ну, а урка – это понятно даже девочкам-первоклассницам! Нуртай, переводи! – дал команду на действие гуру.

Курманбаев нахмурился, сделал значительное лицо и произнёс предпоследние куплеты произведения:

– Поймите, дорогие товарищи, что я на самом деле
покончил с сомнительным прошлым, клянусь вам в этом!
А сюда, на вокзал, я пришёл лишь потому,
что у меня накопилась стеклянная тара, чтобы её сдать.
А что до того, что я не смог раскрыть сумочку этой дамочки,
так я и не хотел, я же парень с головой, не то что некоторые.
А вы совершенно напрасно повязали меня, волки́ позорные!

– А последний отрывок я переведу сам! – весело, как в театре, объявил писатель. – Именно в нём нашими друзьями задействованы следующие народные выражения: проволынили – продержали под арестом, причём, не где-нибудь, а в лягавке, то есть в отделении милиции. Затем брошу лытки парить – это означает снова пойти воровать, причём лытками, то есть банальными ногами. Ну, а люди, как уже было объяснено в сноске на предыдущей странице, это воры.

– Какой сноске? – хором поинтересовались присутствующие.

– Внизу страницы, – ещё раз непонятно объяснил Володя.

– Ты, начальник, быстрей давай, – попеняли ему клошары, ёжась, как от мороза. – А то сам знаешь, буксы горят. Понимаем, что ампулой не разживёмся – не намного напели, но и ехать на небо тайгой неохота! Мы же не ершим, мы же простые запивохины: почирикал – и запылили!

– Ну, ампула не ампула, а керосина я вам обещаю, – обнадёжил их Кулемзин. – Я же не мозоль какой!

Курманбаев с ужасом слушал этот диалог, не понимая ни одного слова. «Как же можно травить людей керосином?», думал он. «Хоть они и бомжи, но всё же!». А, между тем, всё было очень просто: вначале Танкист и Одиссей признались Альбионычу, что умирают с похмелья, хотя и понимали, что за исполненную песню бутылка водки – это много. Затем они объяснили, что не хотели бы врать, потому что не выдают себя за воров в законе, ибо являются простыми алкашами: спели – и пошли дальше. На что писатель пообещал им бутылку вина, уверив, что и он не колхозник!

– Итак, концовка нашей песни, – торжественно проговорил он. – Слушайте и не говорите, что ничего не поняли:

– Целых два дня меня продержали под арестом,
даже не объяснив мотивов моего задержания,
да только мне это глубоко по тулумбасу –
что ж я, по вашему, никогда на лавке не ночевал?!
Только знайте: когда я выйду отсюда,
то сразу же снова пойду на вокзал – закончить своё
преступное дело, которое не удалось первый раз!
Клянусь своим друзьям-ворам, что я не забуду
этого досадного происшествия, случившегося
со мной исключительно по причине похмелья!

После чего и выполнил своё обещание, то есть выдал клошарам капусты[190] на бутылочку вина «Фиолетовое крепкое» – эксклюзивного товара города[191] Калимы, да так, чтобы хватило не только на бутылку, но и на няню[192], а нéфеля[193] они и сами заварят – вечерком, в теплоцентрали проживания…

[190] ***Деньги – феня***
[191] ***Магазин – феня***
[192] ***Хлеб – феня***
[193] ***Остатки крепко заваренного чая – феня***

Глава 131. ТОВАРИЩ ГЕНЕРАЛЬНЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Нуртай ревнивым взором проводил бутылочки и вздохнул. Он искренне не понимал, почему Кулемзин награждает этих подозрительных личностей за такое ужасное исполнение, тогда как он, Курманбаев, не в пример лучше и поёт, и старается при этом выдержать идеологическую составляющую выступления. Педагог ещё немного пострадал и, наконец, высказал писателю все свои соображения.

– Хорошо, – не стал чиниться Альбионыч, – тогда сделаем так: если ты не доверяешь моему мнению, то давай выберем представителя народных масс, который и прослушает твоё выступление. Если ему понравится, то, клянусь Большой Пиковой Семёркой, ты будешь получать внеплановые бутылочки пива до конца этой недели! Согласен?

– Мать моя партия, конечно, согласен, – предвкушая очень большую халяву, радостно заблажил Мусаич.

– Надеюсь, ты не будешь спорить с лозунговым постулатом, что

Народ и армия едины!

– Помню, – продолжил короткий спич писатель, – что когда-то этот лозунг украшал практически каждую первую советскую (б) казарму.

– Эт’ точно! – подтвердил прапорщик. – Хотя сейчас я в этом сомневаюсь.

– Не буду спорить! – торжественно поклялся Нуртай.

– Тогда твой вокальный дар будет оценивать двойной представитель нашей родной Саксаулии: человек (то есть представитель народа) и воин (то есть представитель армии) – старший прапорщик Батыршин!

Талгат, услышав, какое ему предстоит испытание, тут же заранее выдвинулся на передовые позиции в виде кустов позади покерного столика. Педагог между тем приготовился к исполнению: откашлялся, сплюнул, пукнул, после чего нежным сопрано проникновенно запел одну из лучших песен, которую знал с юности:

– Порой приснится Вам Днепродзержинск –
бесхлебья горе, тяжкие руины,
седой отец там век в труде прожил,
а мать родная в гости ждáла сына.
Казахский край – у Вас и там заботы,
чтоб хлебный колос вырос, как янтарь.
Спасибо Вам за Ваш рабочий подвиг,
товарищ наш партийный секретарь!
Виски́ уже в мерцаньи серебра,

но жаром се́рдца все дела согреты.
Полпреду мира и творцу добра
с любовью внемлят люди всей планеты.
Вы – коммунист, глава страны народной,
зовущий землю в солнечную даль.
Спасибо Вам за Ваш священный подвиг,
товарищ Генеральный секретарь!

Вслушавшись в последние слова́ о священном подвиге, Афанасьич неожиданно проникся.

– Царица лесная, вот не понимаю, о чём это, – грустно сказал он, – а чувствую: за душу берёт!

Он посмотрел на дворовых детей, от которых в Бермудском Учпучмаке было тесно, как в общественной бане субботним вечером, и смахнул непрошенную слезу. Понравилась песня и саксаульскому художнику Муравлёву. «Надо бы как-нибудь сделать цикл офортов на песни советских (б) композиторов», подумал он и тут же забыл промелькнувшую мысль.

По мере исполнения писатель вспоминал, что эту странную песню он уже слышал году эдак в 1981 – как раз к 75-летию со дня рождения бровастого Ильича II, и пел её не кто-то из случайных певцов, а вначале просто солист, а потом ещё и исполнительный директор Большого театра СССР (б) оперный баритон Александр Ворошило. Некстати вспомнилось и то, что это произведение написал композитор Платон Майборода, а вот автора текста Володя так и не вспомнил, хотя и подозревал, что это был какой-нибудь курманбаев из Союза писателей.

Володя, слушая партийного певца, улыбался – петь у Нуртая, надо признаться, получалось плохо, хотя, судя по убогости репертуара, у Хворостовского получилось бы не лучше.

– Вот ты смеёшься, Володя, а ведь меня хвалили за пение. Даже говорили, что я мог бы заменить Джона Леннона и Элвиса Пресли!

– Джона Альфредовича Леннона и Элвиса Верноновича Пресли, – автоматически поправил его сторож.

Писатель благодарно кивнул Афанасьичу и ответил педагогу, как это умел делать только он один:

– Конечно, Нуртай, ты мог бы заменить этих великих людей …

– Мать моя партия, правда? – расцвёл физиономией Курманбаев.

– Правда, – не стал отнекиваться Володя. – Если бы скочумал вместо них!

– Как это? Не понимаю, – признался недообразованный в области *русской фени* педагог.

– Предпочитаешь синонимы? Изволь: испустил дух, преставился, отдал *дедушке* душу, отошёл в лучший мир, отправился к праотцам, приказал долго жить, сыграл в ящик, дал дуба, протянул ноги, и даже, как выражаются некоторые прапорщицкие тести, отошёл в лоно авраамово!

Хорошо сегодня мне:
дуба дал – привет родне!

Глава 132. О ТАНКИСТЕ, ОДИССЕЕ И ИХ «ПОСАДКЕ»

Раз уж вспомнил автор о наших замечательных персонажах-клошарах, то расскажет сейчас он тебе, читатель, и о том, как стали они сидельцами в саксаульской Джамбулской колонии № ЖД-158/2. А дело было, значится, так.

Промышляли мелким воровством наши друзья давно, и всё как-то не попадались. И вот в один прекрасный момент оказались они в Отцеябловске – городе чуть побогаче, чем другие областные центры благословенной Саксаулии. И заметили они, что в те годы (а дело было в середине 90-х) многие горожане хранили свои пищевые продукты и напитки в полиэтиленовых пакетах, которые болтались на коротких верёвочках за окнами – с целью обдувания их прохладным ночным ветерком, а также для экономии дорогого электричества, пожираемого холодильниками. И вот наши герои (тогда уже бомжи) разработали, как им казалось, изящный и даже совершенный план по экспроприации этих богатейших залежей.

Что же они придумали? А вот что: ими был изготовлен крючок, чей внутренний край оттачивался до бритвенной остроты, и который опускался на длинной верёвке с крыши аккурат к намеченному для похищения пакету. Один воришка зацеплял крючком верёвку и резким движением перерезáл её, а второй, стоявший внизу под окном, ловил падавший груз. Быстро, технологично, дёшево и, что самое главное, безопасно. Ведь хозяин пакета, если даже и заметит исчезновение пакета, например, с четвёртого этажа, то решит, что его сорвало случайно залетевшим в Отцеябловск торнадо. А если, будучи бессонным, всё-таки заметит момент преступления, то просто не успеет сбежать с того же четвёртого этажа, чтобы задержать ловца с поличным, ибо тот удирал ровно через секунду после того, как *нажитое непосильным трудом* падало ему в руки. Выручало и то, что в приступе погони потерпевший не сразу соображал, что воришек двое, и пока гонялся за вторым, первый не спеша спускался с крыши и бежал к месту условленной встречи, чтобы по праву вкусить дары очередного лоха.

Мы живём как понарошку
на развилке двух эпох:
денег нету на кормёжку,
но всегда накормит лох!

Было, кстати, и ещё одно преимущество такого замечательного метода, и состояло оно в том, что можно было окучивать один и тот же дом по нескольку раз – с перерывом в пару-тройку недель, ведь обворованные жильцы жили исключительно по русской пословице, говорящей о какой-то абстрактной бомбе, которая якобы не падает в одно и то же место. Особенно бомжам понравился многоподъездный дом-корабль, расположенный в самом центре города, поблизости от гостиницы «Тянь-Шань», тёзки лучшего пива Саксаулии. Народ в этом доме жил обеспеченный, так что улов всегда был не только разнообразный, но и богатый – в пакетах обнаруживались банки икры и балык, палки твёрдокопчёной колбасы и нежная ветчина, осетрина и даже заморские баночки с чем-то невероятно вкусно пахучим, но саксаульцами, не приученными к деликатесам, не опознанным.

Нет в шоколаде шоколада,
давно нет мяса в колбасе!
Становится чуть-чуть тревожно:
а вдруг и в людях нет людей?

Не учли наши горячие парни только одного – мстительности одного проживающего в доме, который работал (или, вернее, служил) не кем-то, а зампрокурора одного из районов Отцеябловска. Именно у него бомжи умудрились четырежды (!) похитить стратегические запасы, и даже однажды чуть не оставили всю семью без праздника – на днях республика как раз широко отмечала День чего-то очень государственного! Воспылав справедливой ненавистью к похитителям, зампрокурора тщательно изучил место преступления, понял, как оно совершалось, а потом иезуитски вывесил за окно пудовую[194] чугунную гирю (!), заботливо упакованную в толстую полиэтиленовую плёнку, коей обычно обтягивают парники, а также поставил на крыше, точно над своей кухней, электронный датчик давления, который и должен был известить сметливого работника в погонах о появлении непрошенного гостя – тихой трелью в спальне.

[194] Кто не знает, пуд это 16 килограммов – прим. автора

И вот в одну из январских ночей капкан сработал! Заметив особо жирный пакет, даже зимой издававший фантастические запахи, который болтался на толстой нейлоновой верёвке за окном третьего этажа, воришки позарились на него и, долго не раздумывая, осуществили отработанную многочисленными повторениями операцию: один из них перерéзал верёвку, а другой расставил руки и принял на грудь набравшую ускорение в 15 метров в секунду за секунду гирю. Ощущения ловца (а им оказался будущий Одиссей) были сравнимы с теми, что испытывает человек, в которого на полном ходу врезается гружёный кирпичом ЗИЛ-130. Не меньше «повезло» и второму искателю приключений: смотав верёвку и, по причине густых сумерек и раскидистых кустов, не видя распластанное на земле тело напарника, воришка (а это был будущий Танкист) развернулся, чтобы привычно удрать с крыши, и тут же получил по лбу удар бейсбольной битой, которую зампрокурора, прибывший по сигналу датчика, специально изъял несколько дней назад из комнаты вещдоков.

Как служить мне, не мухлюя,
но при этом чтоб словчить?
Всех воров переловлю я,
чтоб награду получить!

Вот так наши герои и оказались в колонии, где сдружились ещё больше, после чего вышли на свободу и отправились всё в тот же Отцеябловск, памятуя, что город этот богатый, и прокормиться там будет куда легче, чем в какой-нибудь Караганде.

– Где-где? – весело переспросил сторож.

– В Караганде! – также весело ответил трюизмом прапорщик, после чего оба покатились со смеху.

Здесь все присутствующие задрали головы – над ними в слишком голубом от жары небе неспешно прострекотал военно-пятнистый вертолёт Ми-24.

– К дождю, – тут же определил знаток народных примет Серёжа.

Глава 133. ДОЖДЬ КАК ПРЕДПОСЫЛКА

Колесо русского покера раскручивалось со скоростью авиационной турбины, а сама игра, по аналогии с предыдущей метафорой, разгонялась, как твёрдотопливный ракетный ускоритель. Обстановка накалялась, и в тоне игроков уже начали деликатно посверкивать электрические разряды. Раскалённая улица была похожа на операционную: так же много света и так же мало свежего воздуха. Черепные коро́бочки игроков перегревались и жгли кожу. В магазинчике Калимы от бутылок с водкой, которая в такую жару спросом не пользовалась, под воздействием горячего светила отклеивались этикетки, заставляя тару краснеть от этого неожиданного стриптиза.

«Яйчики-бабайчики, дождя бы», подумал Володя и укоризненно посмотрел наверх. Солнце сияло нахально и беззастенчиво, словно позабыв о том, что свет его изливается всё же на Северное полушарие. Было оно большое и жёлтое – как Ленин, и припекало изо всех сил, словно имело на это хоть какое-то право! Мороженое в данную секунду представлялось как сказка о далёких странах с малоразвитой культурой. Все молчали, ибо слова́ просто не могли протолкнуться своими фонемами через пересушенные гло́тки игроков.

Вывод будет очень чётким
в пониманье развитом:
застревает слово в гло́тке –
мы пробьём его пивком!

– Хорошо летом, – неожиданно для всех мечтательно проговорил Полтавцев. – Мать честна́я, тепло, светло, и в карты на улице можно играть!

– Согласен с тобой, – поддержал его Кулемзин. – В природе вообще большое свинство, что в одном году бывает две зимы и только одно лето.

– Как это? – насторожился охранник.

– А вот смотри: с начала года – январь-февраль. А потом, в конце – ещё и декабрь…

«А ведь и впрямь!», подумал Афанасьич.

В прогретом воздухе словно бы возникала пе́тля удушья, которая безжалостно затягивала горло, и спасение хотелось бы увидеть или в кислородной подушке, или в дожде. И *дедушка* словно бы услышал эти нехитрые мысли. Альбиоыч вновь задрал голову и посмотрел в синее саксаульское небо, уже начинающее сереть, как оно обычно делало в предвестии редкого для этого климатического пояса дождя. Здесь писатель к месту вспомнил строку своего тёзки хорошего поэта Арсения Тарковского, который ровно 20 лет назад, в 1983 году очень красиво сказал:

Ни словом унять,
ни платком утереть…

Почему же к месту, спросит наивный читатель. Да потому, что великий поэт сказал это о дожде. «А ведь Арсений Александрович похоронен на русском кладбище Сент Женевьёв-де-Буа в Париже», теперь уже не к месту вспомнил Володя.

Неожиданно (как, впрочем, и всегда в природе) ударил первый гром, за ним второй, и тут же третий.

– Одно из двух, – пробормотал Володя, вспомнив вчерашний всеотцеябловский потоп. – Или, наконец, в этом городе наступил сезон дождей, или это небо,

не выдержав человеческой глупости, вскоре будет оплакивать наши безумные глупости…

Услышав последнее слово, Афанасьич почему-то укоризненно посмотрел на Батыршина.

– A bolt from the blue[195], – прислушавшись, изрёк полиглот.

[195] *Гром среди ясного неба – англ.*

– Э-э-э, положил болт, а потом поблевал, – тут же перевёл сторож, под влиянием гуру начавший изучать какой-то иностранный язык. – Царица лесная, что-то я тебя, Володя, не понимаю. Это что, намёк на кого-то из присутствующих?

Всё готово к буре. Тихо –
не колышется и лист.
Это значит, будет выход,
тучи гневом налились.
Тишина всё нарастает,
мир с такою незнаком,
тучи крылья распластали,
гром ударил кулаком.
Как серебряные гривны,
капли на́ землю легли –
и пошло́! Но даже ливнем
жажду жизни не залить!

Несмотря на климатические изменения, игра пока ещё продолжалась, но только до того момента, как при виде свежевыпотрошенных врагов-сопокерников на глаза марсианина навернулись слёзы. Впрочем, через мгновение выяснилось, что это была всего лишь первая, пробная капля нового дождика.

Погода портилась неприятно стремительно. От недавних солнечных лучей остались лишь воспоминания, сердитые облака затянули небо и угрожающе нахмурились, поглядывая вниз. То, что дождь начнётся уже скоро, известил и небольшой поднявший ветерок: в воздухе закружились какие-то газетные обрывки, хлопающие буквами и строчками, как серые авангардные мотыльки. После этого, вполне ожидаемо, на лоб упала вторая капелька, и Кулемзин вспомнил окончание множества советских повестей о скончавшихся в результате боёв с фашистами партизанах: «…снежинки падали на их лица, но уже не таяли!»

Дождь пошёл вначале медленно, но постепенно начал лить с ускорением в полтора g. Тут же, словно минуту назад не было палящего солнца, откуда-то появились мутные облака, а пришедший ниоткуда ветер принялся бить опрометчиво оставленные открытыми форточки. На предгрозовом фоне рамы окон напоминали кладбищенские кресты. Молнии схлестнулись, выжигая любое представление о чистом небе, гром грянул, как это может быть только в космосе, то есть абсолютно беззвучно, и от этого особенно ужасно.

«Яйчики-бабайчики, пора перебазироваться», подумал Альбионыч, «и даже кое в чём, пожалуй, даже перевыбазироваться!».

– Ничего себе, мирный тёплый день! – радостно проговорил он, с интересом разглядывая новый, заштрихованный дождём мир. Воробьи, словно пытаясь сменить *подвид*, превратились в водоплавающих, не думая вылезать из тут же образо-

вавшихся луж. Лужицы объединялись в небольшие речки, которые начали проносить мимо игроков фантики, окурки и прочий человеческий мусор, как стремительные лодочки, попавшие в бурный поток всемирного потопа.

Немедленно откуда-то, как в фантастическом фильме, появились женщины в плащах, гладких и мокрых, как спина дельфина. Это были покупательницы, выпрыгивающие из магазина Калимы, – они одновременно раскрывали зонтики, и Альбионычу показалось, что перед ним сейчас происходят съёмки эпизода того са́мого фильма о высадке вражеского десанта инопланетян. У одной из наиболее смелых покупательниц вязкая и тяжёлая, как детский советский (б) пластилин, грязь налипла на её ботинки, превратив их в уродливую карикатуру на некогда модные сабо.

Тучи в небе влагой взбухли,
чтобы землю посмотреть –
береги от влаги туфли,
коль не хочешь заболеть!

Неожиданно начавшийся дождь застал и Володину соседку Галлюцинацию, когда она с тоской смотрела на зарешечённое окошко лавки Калимы и безуспешно шурудила пальцами в пустом и дырявом кармане своей кофты. Но она знала, что в пустой квартире её ждёт милый дружок Руслан (б), поэтому, встряхнувшись, как собака, быстро пробежала мимо игроков, оставив за собой явственный миазматический шлейф, забежала в подъезд, после чего нетвёрдым шагом, без зомбированных остановок добралась к квартире Глав-Буха, ввалилась в никогда не закрывающуюся по причине отсутствия замков дверь, и через несколько минут старушки на соседней лавочке, уже прикрывшие головы полиэтиленовыми пакетами, а также дворовые дети, а также наши славные игроки услышали звук, который Володя всегда представлял, когда встречал в книгах затасканное выражение *вой раненой волчицы*.

– С пустыми руками, б…! Почему не принесла, б…?

– Руслан свою учит, – качали головами старушки, привыкшие к этим практически ежедневным сценам.

Но вот что-то неуловимо изменилось в окружающем сопокерников пейзаже: уже не играла в несуществующей песочнице малышня, внезапно перестали гулять мамы с колясками, и даже вечные, как сфинксы, старушки-соседки тут же разбежались по домам, чтобы попить чайку́, раз уж случилась такая *оказия*, а затем обсудить свои индивидуальные чаепития во всех подробностях, с чувством и толком, на следующей – после дождя – встрече. Впрочем, ближе к обеду по старой русской традиции героям нашего воспитательного повествования тоже захотелось поесть.

К обеду ложка хороша,
и, как победу,
спешит отпраздновать душа
призыв к обеду!

– Мать честна́я, пожрать бы пора, – вздохнул Серёжа, поёживаясь от редких капель, проникающих сквозь листву двух карагачей, естественным шатром прикрывающих покерный столик и прилегающие к нему покерные скамеечки. – А то у меня уже вся передняя поясница побаливать начала, – на что Курманбаев даже обошёл сторожа вокруг, видимо, с какой-то научной целью

– В брюхе бурчит, – перевёл опытный диагност Кулемзин. И здесь великий схоласт понял, что именно эти два понятия, в обычной жизненной философии не объединённые общим началом, а именно дождь и голод, внезапно объединились, как в экуменизме[196] буддизм и, скажем, какой-нибудь нуваубианизм[197]. «Что-то я устал от славы», подумал он. «Не пора ли пообедать?»

[196] Движение за сближение и объединение различных церквей и конфессий – прим. автора
[197] Религия, основанная неким американцем Дуайтом Йорком, позже посаженным в тюрьму за отмывание денег и растление малолетних. Она представляет собой гремучую смесь различных средневековых мифов, религиозных идей, течений и легенд – прим. гл. редактора

Если в доме только кости,
и припасов нет других,
приглашай голодных в гости –
холодильник береги!

– Кстати, знаете ли вы, мои маленькие друзья, что однажды великий русский писатель Антон Палыч Чехов в своём коротком рассказе «Савка» написал гениальную фразу как раз для нашего случая? А звучала она так: «Отчего соловей поёт? Да жрать хочет!»

Да, именно Володе особенно хотелось посмотреть на ареал обитания военного музыканта: во-первых, для набора впечатлений ко второму тому «Русской кочерги», и, во-вторых, из-за отсутствия ранее такой возможности, ведь в квартире, помимо Батыршина, постоянно кто-то проживал: то тесть с тёщей, то жена с детьми, и она крайне редко оставалась, как сегодня, пустой. Поэтому он решил, что небольшая весёлая история сделает их путь быстрым и лёгким.

Глава 134. СТРАШНАЯ, НО ПРАВДИВАЯ ИСТОРИЯ О ДВУХ ДРУЗЬЯХ

Идут как-то по Отцеябловску два друга – Володя Кулемзин и Талгат Батыршин. И вдруг видят – навстречу небесной красоты девушка. Прошла мимо, улыбнулась и скрылась за поворотом.

– Вовка, Вовка, ты видел, как она *мне* улыбнулась? – запальчиво пробормотал прапорщик.

– Конечно, видел, – печально ответил писатель. – Знал бы ты, как я хохотал, когда первый раз тебя увидел!

Улыбнулась мне девица –
захотел я вдруг жениться!

Глава 135. ОМП

– А и впрямь, не учинить ли нам обед с небольшим отрывом от производства? А то всё пиво да пиво! Что-то захотелось более весомых пищевых добавок к жизни!

– Мать моя партия, хочется есть – иди туда, где нет дождя! – произнёс вслух здравую мысль Курманбаев, после чего все присутствующие почему-то посмотре-

ли на прапорщика, а сидящий рядом художник Муравлёв так даже подтолкнул его коленом, попутно вспомнив святого Казимира Севериновича.

Получив толчок коленом, Батыршин встрепенулся, а, встрепенувшись, вспомнил, что ещё утром прочёл два замечательных послания от родных и близких, где сообщалось, что жена с детьми уехала к тёте Симе в Кустанай, а тесть так вообще ушёл к своему другу сидеть семидневную *шиву*. Короче, это был реальный шанс отблагодарить Кулемзина за его вчерашнее угощение, а также дать возможность своим друзьям-сопокерникам и примкнувшему к ним художнику обозреть своё скудное жилище.

«Наивные люди», подумал писатель, «неужели вы думаете, что сможете вкусить отдыха и покоя?», а вслух объявил:

– Санитарный перерыв, яйчики-бабайчики! Главным санитаром назначаю Серёжу Полтавцева!

Охранник по причине врождённой глуховатости никак не отреагировал на высокое назначение, а вот военный трубач встал, поёжился от случайно залетевших за шиворот капель дождя, после чего приглашающим жестом повёл рукой в сторону своего подъезда, как делал в своё время Ильич I, когда зазывал советских (б) людей в светлое будущее.

– Классно посидим! – пообещал трубач. – Точно не помню, но, по-моему, дома у меня есть какое-то тесто с мясом – то ли бешбармак, то ли манты, а, может, и вообще пельмени какие-то. Правда, у меня только *площадя* маловаты, так что извиняйте, братцы……

«Ну что ж», одобрительно подумал писатель, «слышу слова не прапорщика, но старшего прапорщика! Вижу, умнеет индивид на глазах – видимо, от счастливой семейной жизни!»

«Каждая еда для нас как веха!» –
так нам говорили доктора́:
маленькая кухня не помеха
тем, кто понял: жрать уже пора!

– Шире шаг, камер-юнкер! – подбодрил военного Володя.

Тут камер-юнкер прислушался к голосу желудка и понял, что за корочку хлеба готов сейчас продать родину или, на худой конец, выдать главную военную тайну буржуинам. Но так как прапорщик ещё не решил, какую именно страну считать родиной – прежнюю Татарскую АССР (б) или нынешнюю Саксаулию, да и тайны никакой он тоже не знал, осталось только смириться с самым тривиальным набивом брюха.

Все поднялись легко и просто, как это было уже не раз на страницах «Русской кочерги», кроме, разумеется, Полтавцева. Он собирался в путь обстоятельно, видимо, считая себя ро́вней русскому путешественнику Пржевальскому, отыскавшему в своих хаотичных передвижениях по планете неизвестную науке лошадь, впоследствии названную его славным именем, а именно Quus ferus przewalskii. Серёжа тщательно проверил карманы, подтянул портки и немного попрыгал, как это делают в кино разведчики перед заданием. Во время прыжков затренькало и забренькало всё – и ложка о гранёный стакан в котомке, и банка кильки в ней же – о перочинный ножик, подарок Кулемзина, и даже что-то в голове, но к этому-то звуку игроки как раз уже давно привыкли, поэтому не обратили на него никакого внимания.

В жизни всегда есть место празднику: нужно только в это место попасть! Эта здравая мысль пришла в голову сразу всем покеристам и их другу художнику, которые, спешно собрав нехитрые пожитки, помчались через пространство Бермудского Учпучмака, сбивая по дороге дворовых детей, как кегли. Разогретый за день асфальт пружинил под ногами, как пенопластиковый коврик, бывший в моде у советских (б) людей в далёкие шестидесятые годы.

И не страшно нам ненастье
не в игре, и не в труде:
мы идём навстречу счастью –
может, даже и еде!

– Хорошо зверям, – прокричал по дороге Афанасьич, немного задыхаясь от поспешного движения, – чуть голод – сразу в спячку!

От этой непреходящей мудрости есть захотелось ещё больше. Впереди, как и положено руководящему работнику, шёл Нуртай – легко, как безумный Персей Зевсович по клубочку Ариадны Миносовны. Но вот он достиг незапланированной на его жизненном пути лужи, после чего стал переходить её на цыпочках, словно нашкодивший муж, боящийся разбудить слишком ревнивую супругу, и вызвать преждевременный скандал. Рядом с ним семенил его сосед Афанасьич, словно подтверждая тот факт, что Курманбаев и Полтавцев были не только соседями по одному дому № 16, и даже соседями по квартирам, но и жили, как выражался охранник, «на одном этажу́». Педагог что-то тихо говорил соседу, и тот кивал кудлатой головой, а оба они производили впечатление припозднившейся семейной па-рочки, решившей романтично прогуляться по ночному кладбищу. Здесь Володя решил бросить последний в этой главе взгляд на брошенный покерный столик и обернулся. Столик, конечно же, никуда не делся, а вот сам двор вдруг стал пустым, как холодильник «Минск» в квартире инженера после трёхмесячной задержки зарплаты.

Через мгновение вся компания достигла двери подъезда № 2, где и проживал военный музыкант с вверенной ему семьёй. Вроде бы и немного было пройти до него, да вот незадача – дождик настиг игроков так внезапно, что после такой пробежки хотелось встряхнуться, как собаке.

«После каждого дождя
весь какой-то мокрый я»,

привычно экспромтом подумал Альбионыч. Войдя в тёмное чрево подъезда, Кулемзин внезапно подумал о том, что дом вбирал в себя, как губка, различные слои городского населения, и многие даже не подозревали, что живут по соседству друг с другом, так как почти никогда не встречались. Каждый жил своей жизнью, не отдавая себе отчёта в том, насколько эта жизнь самостоятельна и не зависит от других. Каждый заботился только о себе, предполагая, что именно в этом и заключается вся цель существования.

Я проснулся чуть потен и бледен
от сознанья, что жизнь прожита,
но ни разу не видел соседей!
И жены, и детей, и кота…

Но – к *иблису* философию! А то ведь начнёт философствовать автор, да и забудет, зачем вообще его герои проникли в этот дом. В подъезде в нос сразу же шибанул сложный запах – смесь конюшни с моргом, прошибающий ещё сильнее, чем знаменитая ментовская *черёмуха*[198]. Судя по некоторым видимым признакам, а именно по аммиачным запахам, пустынность подъезда не оставалась незамеченной теми, кто изнемог в поисках ближайшего туалета.

[198] Хлорацетофенон (CN) $C_6H_5COCH_2Cl$ – боевое отравляющее вещество из группы лакриматоров – прим. хим. редактора

– ОМП, – произнёс Володя загадочные буквы, после чего шагнул в дурно пахнущий проём. Надо сказать, что стенки в батыршинском подъезде мало чем отличались от стенок в подъезде, где проживал Полтавцев[199]: они также были покрашены в цвет, который раньше можно было увидеть только в психушках, то есть светло-зелёный с поносными вкраплениями светло-жёлтого.

[199] Об этом подъезде – в главах 187-188 первого тома «Русской кочерги – прим. гл. редактора

Правда, на стене в пролёте между первым и вторым этажом, так же, как и в полтавцевском доме, тоже были свои граффити – удручающая хроника коммунального сознания. Самое большое граффити сообщало потрясающую новость о жене действующего президента США:

Самое же маленькое было написанное мелом банальное краткое ругательство – хула без адреса, как, впрочем, и любой феномен чистого искусства. «Яйчики-бабайчики, смотри-ка, какой новый виток информационной войны!», удивился политически подкованный Альбионыч. «Хотя, судя по новостям о связи её мужа с молоденькой и аппетитной стажёркой Моникой, этот Билл хоть и не наш, но всё-таки мужик!». Здесь Володя рассмеялся, так как вспомнил собственную прибаутку про этот забавный случай: «Наша взяла! – радуются родственники Моники Левински». Мыслей его сопокерники не слышали, и потому, на всякий случай, немного отодвинулись от съехавшего разумом, как им показалось, писателя.

Замолчали враз фанфары
от такого от греха:
Билл и Моника – не пара,
так как в паспорте есть Х.[200]!

[200] Видимо, речь идёт о жене Билла (Уильяма) Уильямовича Клинтона – Хиллари – прим. полит. редактора

Глава 136. НУМЕРОЛОГИЯ

Лампы в подъезде, разумеется, не горели, видимо, в результате козней какого-то местного, саксаульского (прости, русский язык!) Чубайса. В самóм подъезде ца-

рил стандартный для таких домов запах сельского чердака. И хотя все квартиры данного жилого фонда были заселены, в воздухе явно чувствовался неуловимый запах одиночества. Одолев два лестничных марша, гости остановились перед дверью, обитой чёрным дерматином, где среди фигурных белых гвоздиков, в красивом порядке приминающих поддерматиновую вату, золотом сияла цифра 20. Талгат тут же стал стучать себя по карманам в тщетной надежде отыскать ключи от входной (и одновременно выходной) двери.

– Знаете ли вы, моя маленькие друзья, чем определяется простое человеческое счастье? – вопросил писатель, глядя на эти бессмысленные эволюции прапорщика. – Количеством ключей на связке! И более всего несчастлив тот, у которого брючный ремень оттягивает тяжёлая связка, которая трётся о ляжку и издаёт приятный рассыпчатый звон. Ключи от квартиры, от машины, от дачи, от сейфа, от почтового ящика… Не может быть, чтобы для счастья нужны были надёжные замки́ и крепкие двери! Не может быть, чтобы счастье было тем, что можно закрыть на ключ! Ключ нужен-то всего один – от жизни!

И пока хозяин шарил по карманам в поисках ключа, Володя задумался о значении номера квартиры – как цифры в нумерологическом определении.

Что же значит эта цифра
в постиженье мировом?
Впрочем, нет такого шифра,
что не видел я во всём…

Дело в том, что среди людей тёмных существовало поверье, что все числа, а также цифры, из них состоящие, что-то да означают. Они считали, что нумерология может дать ответ на практически любой ответ, который ей задают: от курса доллара по отношению к назарбаксу до имени четвёртого мужа после трагической гибели мужа третьего на пьяной рыбалке. Эти тёмные люди нисколько не сомневались, что данная наука базируется на неких числовых кодах, которые и влияют на всю нашу жизнь – от рождения до загробной, хотя Альбионыч знал, что нумерология – это просто хитрая придумка для выманивая лишних денег из простаков, которым так легко дурить тыкву таинственным сочетанием математики и мистики.

Нумеролог я по праву –
ваши деньги мне по нраву!

Приходит такой простак к дипломированному нумерологу (наш герой в пору предпринимательской деятельности в рекламном бизнесе сам неоднократно печатал такие дипломы – за большие деньги) и тихим шёпотом сообщает ему свою дату рождения. И всё! Теперь для нумеролога нет тайн: он тут же начинает рассказывать о характере и даже судьбе этого придурка, потому что прямо из цифр, как астролог из космоса, получает всю необходимую информацию.

Говорят, что в этом таинственном деле замешаны какие-то ангелы, которые, собственно, и диктуют все эти знания. Хотя писатель, будучи человеком энциклопедических знаний, помнил, что основы нумерологии давным-давно заложил некий Пифагор, хорошо известный землянам своими знаменитыми штанами, которые во все стороны равны. Именно поэтому вера в эту псевдонауку так сильна и по сей день, тем более что Пифагор, чтобы придать нумерологии больший вес, ввёл такое понятие, как *вибрирующее* значение чисел. Что это означает, как не

знал он сам, так и не знают его многочисленные поклонники сегодня, но термином этим пользуются весьма охотно.

Что же означало число 20 в этой каббалистике? Всё просто: нумеролог со стажем просто складывал две цифры – 2 и 0, после чего путём длительных вычислений на калькуляторе получал итоговую цифру 2!

В феврале и даже в мае,
плова навернув казан,
нумеролог цифры знает,
я – какой на вкус нарзан!

Так кто же проживал в квартире № 20 – по великой науке нумерологии? Мы-то с тобой, читатель, знаем, что это был прапорщик Батыршин, и даже знаем некоторые характеристики нашего героя. А вот что по этому поводу рассказал бы специалист по этой таинственной науке. «Святая Воло́дина[201], этот человек умеет ценить прекрасное», сказал бы он.

[201] Астролог и телеведущая Василиса Володина – прим. автора

«И особенно по части женского пола!», добавил бы знаток этого вопроса Кулемзин.

«Он никогда не разрушает и ничего не ломает без особой на то причины. Любые насильственные разрушения в природе он воспринимает как личную потерю»

«Что-то не припомню я ни того, чтобы Талгат сорвал веточку, ни того, чтобы лично посадил дерево. Впрочем, последнее ему и не нужно: согласно народной «мудрости», сажают деревья исключительно те мужики, что обеспокоены рождением наследника, а у музыканта, как известно, было две дочери», добавил бы он.

«Не думайте, что человек с числом 2 слаб по Суке-судьбе», убеждал бы нас нумеролог. «Он силён духом, и способен на настоящие подвиги во имя идей»

«А вот с этим я согласен полностью», мысленно прокомментировал бы марсианин. «Ещё Владимир Высоцкий в своей песне утверждал, что

ежли я чего решил,
то выпью обязательно!»

Впрочем, эти занятные размышления пришлось прекратить: после того, как хозяин ключей так и не нашёл, а сторож предложил вышибить дверь собственным организмом, Курманбаев на всякий случай легонько толкнул её – и открыл!

– Заходи́те, – округлым мхатовским жестом пригласил не вполне ответственный квартиросъёмщик, ведь полностью ответственным, как знали сопокерники, был тесть прапорщика Яков Моисеевич. – Добро пожалуйста!

При этих словах безответственный квартиросъёмщик сделал гусарское движение, словно намеревался щёлкнуть каблуками, хотя получилось плохо и не звонко, короче, совсем не так, как, например, у некоего фон Штирлица, – видимо, каблуки были не того качества.

Оказалось, что ключ сиротливо висел на гво́здике в прихожей, куда тут же и вошли гости. Рядом с ключом был забит ещё один гвоздик – для ставшей модной в последнее время дурацкой привычки вешать на него старую подкову. Увидев её, Володя подумал о том, что счастье приходит не тогда, когда вешаешь подкову, а

тогда, когда снимаешь хомут. Немного изучив жильё, писатель понял, что на двери талгатового обиталища явно не хватает таблички:

Здесь могут водиться люди!
Но почему–то не водятся…

Глава 137. В ГОСТЯХ У БАТЫРШИНА (квартира)

Володя с нескрываемым интересом озирался по сторонам, точно кот, попавший в чужой погреб. Уже с порога увиденное так поразило писательское воображение, что всё дальнейшее стремительное передвижение Альбионыча по квартире было, вероятно, если и элементарно им спланировано, то, применительно не к таким обстоятельствам, пошлó на уровне, как говорят психиатры, подкорковых образований мозга, то есть последовательность своих передвижений он объяснить не смог бы даже самому продвинутому психотерапевту типа Зигмунда Якобовича Фрейда. Поэтому, мой читатель, зная твёрдый характер моего героя, вообрази себе теперь степень его удивления увиденным.

В узкой прихожей царил полумрак, а кое-где и мрак полный, хотя в коридоре и светилась маленькая контрольная лампочка выключателя, похожая на красный зрачок упыря с одним глазом. «Как говорил некогда мой знакомый Гомер», подумал Володя, «я не вижу здесь ничего интересного», но вслух, конечно, этого не сказал, чтобы не обидеть Гомера. Впрочем, кое-что он всё-таки произнёс:

– А здесь ничего, уютненько. Яйчики-бабайчики, только гвоздя для шляпы не хватает!

Правда, подумал при этом он совсем другое: «Типичная крестьянская изба». И, действительно, изнутри жилище было убрано и даже обставлено с мещанскими претензиями. Например, прямо от порога по полу стлался ламинат, прикупленный по случаю и задёшево у своего же брата-прапорщика, старшины роты Кожамкулова, раз в год распродающего любое армейское имущество, лишь бы денег хватило на короткий отдых у моря. Правда, после такой запланированной распродажи в старшинском ведомстве обязательно случалась какая-то природная неприятность: то пожар, то наводнение, а то и с армейской хитростью организованное землетрясение, после чего исчезнувшее списывалось как утраченное навеки в результате стихии.

Из эбенового дерева
я увидел ламинат.
Пол в гостиной ламинатом
заэбенить буду рад!

Поверх ламината прямо от двери разлеглась домотканая дорожка, которая, будучи крутанутой серёжиной пяткой, с вихрем сплелась в архимедову спираль. Хозяин ногой автоматически поправил сбившуюся ткань и мимоходом заглянул в зеркало, висевшее на незанятой мебельной стенкой стене. Вглядевшись в собственное отражение, Батыршин с удовольствием заметил, что лицо его уже перестало быть насыщённо-зелёным, как выглядит, например, минеральный изумруд, но всё ещё не до конца превратилось в обычную прапорщицкую морду, потому что был в нём, всё-таки был какой-то заметный салатовый оттенок.

Правда, заметить такие глобальные изменения в образе военного было не просто – в коридорчике царил полумрак, который давал понять, что ни одной из трёх лампочек, положенных для трёхрожковой люстры, в само́м электроагрегате не было. «Днём и так видно», говорил квартировладелец Яков Моисеевич, «а вечером нечего по коридору шастать». Трубач не раз пытался бороться с такой сверхеврейской экономией, но бесполезно, так как при каждом споре его экономный тесть совал ему в рожу квитанции об уплате за электроэнергию, где было чётко указано, что в результате такого демарша ежемесячно экономилось от 3 до 4 назарбаксов! «Не удивлюсь, если узна́ю, что и ток здесь какой-нибудь не слишком переменный», подумал Володя.

Свет не выключить позволишь –
сразу встанет в горле ком:
током бьёт у нас того лишь,
кто не слишком эконом!

В еврейско-татарской квартире было сумрачно и прохладно, словно в винном погребе какого-нибудь графа Шарля Жановича д'Арманьяка.

– Царица лесная, темно, как в… – начал было Полтавцев, но подавился метафорой, готовой сорваться с языка, и принялся разуваться. Лучше бы этого он, конечно, не делал. На свежем воздухе это было ещё не так заметно, тем более что на ногах Афанасьича были знаменитые на всю округу опорки, а вот сейчас амбре набрало всю свою вонючую мощь и ударило по носам гостей.

– Кажется, по воздействию на *слизистую* вонь превосходит сероводород, – тихо пробормотал опытный химик Альбионыч.

– Ноги затекли, – виновато объяснил сторож.

«Причём, текли они по речке Поганке вместе со всякой гадостью», подумал гуру, а вслух сказал:

– Тебе, Серёжа, надо ноги ампутировать, чтобы голова лучше работала!

На что охранник, живо представив картину ампутации, ещё более виновато пробормотал:

– Мать честна́я, а я тебя за друга считал.

Прихожая прапорщицкой квартиры была узкой, как христианский гроб. Эту узость усугубляло ещё и то, что по левой стенке разместилось некое мебельное сооружение – что-то среднее между большим *ресторанным* шкафчиком для посуды и шифоньером для верхней одежды, так что пройти в комнату можно было только боком – по стенке правой. Как, например, здесь раздевались люди зимой, не представлялось вообще. Закрывалось сооружение так же, как купе в поезде, и у гостей даже возникло чувство некоторого движения колёсных пар. Похожесть на купе, двигавшееся вместе с поездом в туннеле, дополняла ещё и темнота, хотя хозяин несколько раз впустую пощёлкал выключателем. Альбионыч в который раз порадовался таинственности русского языка, который, когда-то ознакомившись с основами электричества, назвал явный *включатель* всё-таки выключателем.

Удивительно, но прихожное купе не занимало всю длину коридорчика, потому что в стенку упиралась тумбочка – судя по внешнему виду, родом из СССР (б). Над ней болтался надорванный кусок обоев с записанными на нём на всякий случай *тревожными* телефонами 01, 02 и 03. От всего увиденного у почётного гостя из когорты гениальных писателей начала немного кружиться голова. Впрочем, головокружение вскоре прекратилось – по мере того, как он и остальные гости оказались

внутри квартиры. У Альбионыча тут же создалось впечатление, что главная комната была точным слепком прихожей, только немного больше размером – из-за поставленных там и сям предметов мебели и обихода гостям приходилось толкаться, как на собрании КСК[202].

[202] Об этом новом для XXI века жилищном образовании читайте в главах 231-233 первого тома «Русской кочерги» – прим. гл. редактора

Если в доме нету окон,
если в доме нет дверей, –
значит, вы попали в ящик.
Выбирайтесь поскорей!

Глава 138. В ГОСТЯХ У БАТЫРШИНА (квартира-2)

При первом взгляде на странную квартиру складывалось впечатление, что отсюда в страшной спешке срочно выехали все обитатели, бросив и немного поломав всё, что могло приглянуться будущим хозяевам.

– Вы меня извините, – повинился перед гостями хозяин, – у меня тут беспорядок с точки зрения грязи. Йодистый веник, не успел приложить чуть-чуть максимума усилий…

– Так ты больше с этим не экспериментируй, Фарадей! – строго попросил его Альбионыч.

– Вот именно, Майкл Джеймсович! – сурово добавил свою порцию общенародного презрения и сторож, после чего Талгат немного тронулся умом – от обилия незнакомых иностранных имён. «Наверное, с похмелья почудилось», успокаивая свой рассудок, подумал он. Правда, писатель, не слыша внутреннего голоса прапорщика, добавил ещё одно незнакомое ФИО:

– А вообще, Талгат, если тебя Аида когда-нибудь попросит убрать в комнате, сразу же процитируй ей Альберта Германовича Эйнштейна: «Только дурак нуждается в порядке – гений господствует над хаосом!». Хотя я лично никогда этого правила не придерживаюсь…

«Странный какой-то этот Эйнштейн», подумал Салихдзяныч, «то фильмы снимает, то какие-то цитаты цитирует», явно путая по причине недообразованности Эйнштейна и Эйзенштейна.

Услышав из уст хозяина слово *грязь*, Курманбаеву вдруг стало неловко: он ещё с порога заметил, что, пробираясь к батыршинскому подъезду, вначале наступил в лужу, а потом в небольшую кучку песка, возведённую дворовыми детьми, и испачкал свои коричневые сандалики, приобретённые, как читатель уже узнал из первого тома «Русской кочерги», в отцеябловском «Детском мире» – на распродаже, посвящённой международному дню открытия Первого закона Исаака Исааковича Ньютона. Поэтому сейчас, незаметно для остальных, он просочился в дверь совмещённого санузла, которая выходила как раз в коридорчик, снял сандалики, затем промокшие носки, после чего повесил их на полотенцесушилку, представляющую из себя какую-то изогнутую трубу, похожую на слишком сложный змеевик самогонного аппарата. Сандалики же нашли пристанище за унитазом, где тоже пролегала какая-то неопознанная труба, видимо, нужная для чего-то важного в коммунальном хозяйстве музыкального прапорщика. Затем он не спеша сполос-

нул ноги над ванной и вытер их висевшим здесь же полотенцем с фигурно вышитой буквой *м* – вот такой:

Я вернулся с поля боя,
но изгваздан целиком!
Грязь прилипшую отмою
я стиральным порошком!

Если бы здесь сейчас случайно оказался Кулемзин, то он бы непременно заказал своему другу художнику Валере Муравлёву ещё одну художественную табличку, коих тот уже делал весьма немало для одной из комнат его квартиры[203], а именно вот такую:

Настоящий разведчик
нигде не оставляет следов.
Макс Отто фон Штирлиц

[203] Об этих замечательных табличках автор рассказал ещё в первом томе «Русской кочерги», в главах 65-66 – прим. гл. редактора

Завершив свои сомнительные манипуляции, Мусаич присоединился к группе товарищей, где тут же начал разглядывать квартиру с интересом мелкого гостиничного воришки. Внимательно разглядывал апартаменты товарища и писатель, правда, с другой утилитарной целью, думая при этом, что рановато мы всё-таки полезли в космос – и на Земле есть ещё чем заняться в первую очередь. Да, это был явно не салон мадам Камдессю! Прежде всего, в так называемом зале (а это была комната аж в 18 квадратных метров) бросались в глаза сразу три вещи. Первой из них была деревянная этажерка конца 1964 года, на коей стояла вся библиотека прапорщика Батыршина, то есть полное собрание сочинений воинских уставов вооружённых сил Республики Саксаулия. Второй вещью (в центре комнаты) оказалась супружеская пружинная кровать весьма скромных размеров, застеленная явно не по-летнему – не лёгким покрывалом, а плотным пледом, на котором были изображены красивые красные цветы, по которым, казалось, проехал асфальтовый каток. Кровать выглядела так, как будто на ней несколько лет подряд обезумевшие от животной похоти кентавры насиловали беззащитных амазонок.

Знает даже Йоко Óно[204],
что смогла битлов порвать:
в спальне главное – не окна,
в спальне главное – кровать!

[204] Японская авангардная художница, более известная вначале как жена Джона Альфредовича Леннона, а впоследствии как его вдова – прим. муз. редактора

Этот необходимый в быту девайс, который Полтавцев, например, ласково называл *коечка*, стояла впритык к стене, и по физическому центру её размещалось

окно с большим подоконником, на котором между двумя цветочными горшками лежала скрипка Аиды, жены старшего прапорщика Батыршина. Скрипка была похожа на большую, выдернутую с корнем редьку.

И, наконец, третьей вещью, по правую сторону от кровати, была старенькая тумбочка, подаренная тестем прапорщика Яковом Моисеевичем тёще Фире Срулевне в день свадьбы полвека назад. Приглядевшись к тумбочке, Кулемзин порадовался за неизвестных советских (б) умельцев, которые изготовили её весьма затейливо: на переднем плане красовался некий (прости, русский язык!) горельеф, изображающий счастливую стандартную советскую (б) семейку – папу, маму и дитя. В необходимой народу композиции присутствовало, во-первых, развевающееся красное знамя, во-вторых, голубки́ и, в-третьих, оливковая ветвь в руке женщины. Масляная бордовая краска трескалась на каменных губах и на ногтях ног, обутых в тапочки-вьетнамки. Глава семьи, державший на плече чахлого младенца, смотрел в поющую даль коммунизма (б) с вдохновением загипнотизированного идиота, и Володя не удержался от ухмылки, узрев на его убогих кедах – точной копии тех, что некогда заваливали социалистические (б) прилавки, – подведённые чёрной кисточкой шнурочки.

Нам не библия, а веды
предложили эту мысль:
надевай скорее кеды
и поспешно в гроб ложись!

Эта скульптурная композиция была плодом трудов либо жутчайшего халтурщика, не обладающего мизе́рной толикой какого-либо художественного вкуса, либо тонкого злопыхателя над дуростью как предложенного ему проекта, так и над всей системой совдеповской лживой агитации, чьё враньё в итоге кислотой изъело вполне реальные ценности того времени, когда на лицах людей улыбки редкостью не считались.

На невыразительной столешнице тумбочки стояла плоская пепельница в виде опять же красного знамени с надписью, как определил эрудит Кулемзин, почему-то на индонезийском языке: «Partai Komunis Amerika Serikat»[205]. Батыршин, заметив володин взгляд, с удивлением уставился на пепельницу. Было видно, что она появилась в квартире так же неожиданно и таинственно, как вчерашнее ариозо «О, Мария» из оперы «Мазепа» Петра Ильича Чайковского – если ты, читатель, помнишь, именно об этом случае автор рассказал в главе 60 первого тома нашего увлекательного повествования.

[205] ***Коммунистическая партия США***

Мы при виде их трепещем,
опуская ниже взгляд:
окружают быт наш вещи,
что протухли век назад!

Да, чтобы не забыть, надо отметить и тот факт, что над кроватью висел пыльный и трогательный коврик с оленями – подарок Фиры Срулевны мужу на так называемую льняную свадьбу, которую никак нельзя было назвать юбилеем матримониальных отношений, так как отмечался этот сомнительный праздник на 4-

ле-тие совместной жизни. Володя помнил, что льняную свадьбу ещё называли *верёвочной*, и это ему было как раз хорошо понятно, хотя свадебные тамады толковали это название крайне примитивно: мол, су́дьбы молодых людей к четвёртой годов-щине тесно переплетаются, подобно верёвкам в плетёных изделиях из льна.

Жизнь в супружестве кривая,
как и весь «законный» брак,
ведь верёвка немекает:
что-то, братцы, здесь не так!

Затем Володя заметил то, что не заметили остальные – в пепельнице, мимикрически скрытая рисунком с индонезийской надписью, примостилась крупная жёлтая оса с помятыми крыльями подбитого аэроплана. Марсианин тихо проговорил специальное заклятие против ос, которое звучало как *същщщхрррръ*, после чего оса спешно покинула оккупированную территорию через форточку и полетела рассказать своим подружкам о том, как она сегодня легко обделалась… то есть отделалась.

Вместе с пепельницей лежали ненужные сегодня прапорщицкие часы «Командирские» – предмет особого шика глуповатых военных.

– Яйчики-бабайчики, это что? Подарок командования за многолетнюю разрушительную деятельность? – поинтересовался Володя, после чего мимолётно глянул в окно. Дождь ещё не кончился, поэтому Бермудскому Учпучмаку было суждено некоторое время побыть без своих обитателей.

Дождь тёк, как лёгкий ровный душ,
без звука и без напряженья,
и тысячам усталых душ
дарил покой и утешенье…

Рядом с тумбочкой примостился телефон – брат-близнец телефона, стоящего на полу в серёжиной квартире (вспомни, читатель, что ты уже знакомился с ним в главе 191 первого тома «Русской кочерги»). Увидев диковинный аппарат, писатель удивился и даже подумал: «Ну вот, прогресс добрался и до быта саксаульских военных!», после чего попытался позвонить *куда-нибудь*, но, услышав вместо человеческих голосов абонентов хрипение и визжание потусторонних сил, решил, что означенный в этом предложении прогресс добрался до квартиры прапорщика в полном изнеможении.

Глава 139. В ГОСТЯХ У БАТЫРШИНА (квартира-3)

Удивляло и то, что по стенкам главной комнаты висело множество фотографий самого́ Талгата, отображающих этапы его нелёгкого жизненного пути в деле военно-прапорщицкого служения родине. Чуть позже, сидя за столом и вкушая предложенную хозяином пищу, на протяжении всего банкета Альбионыч словно бы чувствовал затылком холодные глянцевые фотовзгляды трубача, раскиданные по времени.

Вместе с удивительными фотографиями здесь присутствовало и художественное полотно, сразу же вызвавшее интерес художника Муравлёва. Подойдя поближе, он немного поизучал картину и понял, что это – копия одного из ранних полотен армянского художника Ованеса Айвазяна, более известного ценителям живо-

писи под именем Ивана Айвазовского. Увидев проявленный к картине интерес, военный трубач потупился, вспомнив, как именно его тесть объяснил появле-ние полотна в их квартире. «Если это репродукция картины Айвазовского», сказал тогда Яков Моисеевич, «то, значит, комната считается с видом на море!»

Снова мокрые коленки,
снова, как *иблис*, я зол,
ведь «Девятый вал» со стенки
плещет прямо нам на пол!

Интерес Валеры был не случаен – надо же было ему хоть как-то поддерживать реноме художника-передвижника! Он сделал вид, что пристально вглядывается в мазки кисти мариниста, бормоча при этом что-то вроде: «Парусник под левым ветром – как символ революционной новизны… могучие волны – как символ всё ещё находящихся у власти правых сил… сам корабль – как символ разрушающегося государства… Святой Малевич, именно этими акцентами необходимо пользоваться для уяснения идеологически значимого подтекста данного полотна…»

«Совсем тронулся!», тепло подумал писатель и, наклонившись к его уху, чтобы не слышал педагог, тихо прошептал:

– Я вижу, что незнание языка символов, неумение видеть художественные тексты и тем более (прости, русский язык!) *герменевтически* их расшифровывать, стало в Саксаулии массовым явлением, самым больши́м упущением педагогики и основной трагедией личности, хотя на эти темы идёт огромный поток научной и художественно-эстетической информации – персонально от меня. Надо только уметь внимать!

Ну, картина: волны, доски,
парусá да корабли!
Ты не будь как Айвазовский:
будь умней – рисуй рубли!

Прямо под картиной стояло фортепиано – видимо, для того, чтобы случайные гости видели, что попали в квартиру культурную. Подумал об этом и Альбионыч.

– Аида музицирует? – поинтересовался он.

Хозяин только было открыл рот, чтобы ответить, как его перебил сторож:

– Царица лесная, Володя, вот ты вроде умный человек, а всё говоришь не по-русски!

– Вот как! – удивился писатель, до этого момента полагавший, что знает русский язык не хуже родного марсианского. – И с чего ты это взял?

– Ну, вот ты же говоришь: музицирует.

– И что?

– Так ведь проверочное слово – музыка! Значит, надо говорить музыкируешь!

Все немного посмеялись над охранником, тянущимся к знаниям из последних сил. Заглянули гости и в комнатку маленькую, где ютились родители несчастной Аиды. Их супружеская кроватка была ещё меньше зальной, потому что будь она чуть побольше, не хватило бы места для центральной части спаленки, которое занимала *бима*. Автор ставит все 1836 рифм к русскому слову *сношаться* против всех трёх склонений числительных в латинском языке, что среднестатистический читатель не знает значения этого слова!

А, между тем, и само слово, и обозначающее им приспособление было очень важным для престарелой еврейской пары. Ведь бимой называлось некое возвышение, располагающееся обычно в центре синагоги, где находился специальный столик для публичного чтения свитка *торы* и соответствующего отрывка из книг еврейских пророков во время богослужения. Те же функции выполняла и маленькая домашняя бима Либерзонов, верхняя поверхность которой была расположена не горизонтально, а с небольшим уклоном. Володя, уже до этого видевший сие приспособление для наслаждения *дедушкиным* словом, не первый раз удивился тому, что сделано оно было не для удобства читающего отрывки из пророков, что вроде бы как разумелось само собой, а неизвестно для чего, потому что всё это было принято читать, находясь сбоку от стола, а не перед ним!

Не понять сего мне знака,
хоть не сильно я и пьян:
у евреев всё не так, как
у тунгусов и армян!

Рядом с бимой на журнальном столике стоял старый советский (б) телевизор «КВН-49», год выпуска которого был удачно вмонтирован прямо в название. Кулемзину и раньше приходилось видеть подобные монстры советской (б) телевизорной промышленности, и даже приходилось слышать расшифровку этого названия – «Купил! Включил! Не работает…»[206]. Отличительным же признаком именно этого аппарата было то, что его каналы переключались не специальной ручкой, а плоскогубцами, утащенными для этой цели по случаю с дачи тестевого друга Мойши Ароновича, и сейчас лежащими рядом с телевизором, и как бы приглашающими: мол, включи меня.

Было в комнатке и окно, но очень небольшое, не позволяющее в полной мере насладиться летним солнцем, скудно проникающие лучи которого освещали подоконник. Ничего примечательного не было и в подоконнике, разве что за исключением помещённого на него портрета советского (б) маршала Ворошилова в золочёной рамочке. Военачальник был снят в военной форме, но не было в нём ничего величественного, потому что на портрете он скорее походил на участкового милиционера перед пенсией.

[206] На самом деле телевизор этот вначале имел название «Т-1», что тоже довольно легко расшифровывается, но впоследствии был переименован в аббревиатуру «КВН», составленную из первых букв фамилий ленинградских инженеров, его придумавших, то есть В. К. Кенигсона, Н. М. Варшавского и И. А. Николаевского – прим. науч. редактора

Ненавижу, как поэт, я,
ни тетрадки, ни конверты,
где вожди водружены –
всем знакомые портреты!
На хрена кому-то это?
Ну, кому они нужны?!

Но что больше всего поразило пришельцев, так это пыльная новогодняя ёлка, смирно стоявшая в углу. Гирлянды её бессильно провисли, как бы говоря своим угнетённым видом о том, что никакого электричества им больше не нужно, ведь

жизнь их закончена так печально. А, между тем, наш читатель, конечно же, помнит, что именно эту ёлку прапорщик торжественно поклялся вынести на день рождения супруги, который должен был календарно случиться именно завтра. А происходила эта клятва, если опять-таки не забыл читатель, ещё в главе 330 первого тома «Русской кочерги».

Серёжа заворожёно посмотрел на пыльные цветные шарики и вспомнил весёлый детский стишок про Новый год:

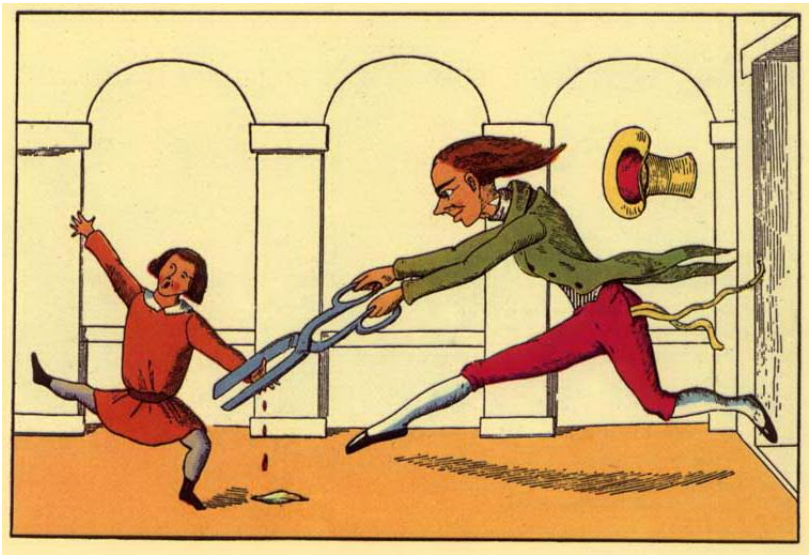
Маленький мальчик нашёл пулемёт,
и с пулемётом на ёлку идёт.
Хмурится мама, в окошко грозя,
ведь по морозу без шапки нельзя!

Если бы Полтавцев был таким же разносторонним человеком, как, например, Кулемзин, он был знал, что подобные стишки в СССР (б) назывались *садистскими*, хотя, по сути своей, были милыми и забавными.

Глава 140. САДИСТСКИЕ СТИШКИ НАШЕЙ ЮНОСТИ

А ведь история этого, как многие полагают, современного жанра русского юмористического фольклора началась не где-нибудь, а в Германии, и не когда-нибудь, а аж в позапрошлом веке, в 1845 году! Альбионыч, как знатный исследователь *всего*, возникновение жанра садистских стишков в русской культуре связывал с переводами «Стёпки-Растрёпки», а также с назидательными стихами Вильгельма Христиановича Буша, которые были очень популярны в дореволюционной России. Не слышали про такого Стёпку? Сейчас услышите!

Конечно, франкфуртский психиатр (!) Генрих Клаусович Гофман-Доннер написал свой сборник из десяти назидательных стихотворений для своего сынишки совсем под другим названием, а именно «Struwwel Peter», или «Неряха Петер». Кстати, этот сборник стал одной из первых в истории книгопечатания детских книжек с картинками. Вот одна из них:



У этой картинки очень весёлое и назидательное название: «Портной ножницами отрезает большие пальцы рук мальчику Конраду, привыкшему сосать большой

палец». Не правда ли, маленькие читатели обоего пола, а также взрослые читатели этого тома, это очень поучительно?

Назидания в этом «Штрувель Петере», призванные отучить детей от вредных привычек, почему-то были облечены в страшную, а иногда даже в какую-то кровожадную форму – своего рода педагогический театр ужасов! Володя не сомневался, что выбору жанра, конечно же, поспособствовала профессия психиатра папы-писателя, который, как практически все психиатры на Земле, сам был несомненным психом. Например, в одном из стишков девочка Паулинхен начинает балова́ться со спичками – и скоро от неё остаётся лишь горстка золы, или маленький мальчик Каспар отказывается есть суп – и на пятый день умирает от истощения, или ещё один мальчик Фридрих, который обижал животных и даже отстегал кнутом собаку, был этой собакой и сожран!

Надо ли говорить, что такой сборник приобрёл огромную популярность в народе, и даже был переведён на многие европейские языки[207], включая, разумеется, и русский. Но только русские люди – отнюдь не такие кровожадные, как немцы – смогли облечь их в забавную форму, где от назидательности не осталось даже пыли. Всё было просто и немного смешно:

[207] Кстати, на английский язык эту книжку перевёл сам Сэмюэл Джонович Клеменс, известный во всём мире как Марк Твен! – прим. лит. редактора

Рано утром встала нянюшка,
таз водою налила:
своего неряху Ванюшку
хочет вымыть добела.
Всякий Вани испугается:
непричёсан и космат,
никогда не умывается,
ногти длинные торчат!

Далее следует описание незавидной Суки-судьбы русского неряхи, помещённого за свои преступления против родной семьи в свиной хлев:

Вот, затеяв игры разные,
побежали дети в сад,
а в хлеву и свиньи грязные
на Ванюшу не глядят!

И только через 120 лет, а именно в 70-е годы прошлого столетия, эти невинные стишки трансформировались в советские страшилки, которые сразу же окрестили садистскими стишками. Все они, как правило, заканчивались трагически, но весело, именно этим и создавая эффект абсурда, который так присущ русским людям. Главными героями в большинстве таких садистских стишков выступали или «маленький мальчик» или «маленькая девочка». Кстати, чрезвычайно популярен такой новый жанр стал отнюдь не в детской среде, как это можно было предположить, а именно во взрослой, и очень скоро стали хитами всех советских (б) застолий!

Вот только некоторые образцы этого подлинно неиссякаемого источника народного юмора:

Мальчик в песочнице строил кулич,

но не достроил – разбил паралич!

Маленький мальчик залез на карниз,
перекрестился и бросился вниз,
в воздухе сделал отличное сальто!
Долго его соскребали с асфальта…

Маленький мальчик в пшенице лежал,
сзади него старый трактор стоял –
тихо завёлся и тихо пошёл:
кто-то в буханке сандалик нашёл…

И даже уж что-то совсем страшное – на этот раз про несчастную маленькую девочку:

Девочка вышла покакать на снег,
сзади неслышно подполз печенег (!).
Ярко блеснул ятаган печенега –
кровь и какашки смешались со снегом!

По одной из версий, бродящих среди литературоведов, в современном виде этот весёлый жанр создал ленинградский поэт Игорь Мальский, который с несколькими товарищами по ЛГУ организовал в Старой Деревне[208] «Коммуну имени Жёлтой Подводной Лодки[209]» – один из самых известных впоследствии очагов контркультуры хиппи. Именно там в 1977 году родился этот новый жанр протестной литературы, причём, первые четыре садистских стишка написал сам Мальский.

[208] Исторический район Санкт-Петербурга на правом берегу Большой Невки, напротив Елагина острова – прим. ист. редактора
[209] «Yellow Submarine» – 11-й альбом английской группы «The Beatles» – прим. муз. редактора

По другой версии, автором первой стихотворной страшилки был поэт и художник Олег Григорьев[210], представитель опять же ленинградского андеграунда. Так что у автора нет сомнений, что история современных садистских стишков так или иначе связана с именем Ильича I!

[210] Вот как вспоминал о нём российский поэт Михаил Яснов (Гурвич): «Бедолага, пьяница, головная боль милиции и восторг кликушествующих алкашей, почти бездомный, разбрасывающий свои стихи по своим врéменным пристанищам, он был человеком светлого ума, образованным, поразительно органичным. В трезвые минуты – обаятельный, умный, иронический собеседник, в пьяные – чудовище, сжигающее свою жизнь и доводящее до исступления окружающих. Эта горючая смесь высот бытия и дна быта пропитала его стихи, сделала их ни на что не похожими, превратила грязные, стыдные, но такие реальные окраины жизни в факт подлинной истории» – прим. автора

И, чтобы закончить эту весёлую главу, сообщу моему читателю, что и наш герой Кулемзин иногда не чурался этого забавного жанра, правда, он предпочитал писать не о неизвестных ему мальчиках и девочках, а исключительно о себе. Вот пример такого сомнительного творчества:

Я держу тебя под душем,
ты визжишь – приятно слушать!
Нервы режет, словно ток…
Что, не любишь кипяток?

Глава 141. В ГОСТЯХ У БАТЫРШИНА (квартира-4)

– Помнишь, Талгат, ты вчера обещал, яйчики-бабайчики, что разберёшь ёлку? – напомнил трубачу Володя.

– Не помню. А зачем? Смотри, как красиво!

– Да, красиво, – согласился Альбионыч. – Причём, круглый год. А как же завтрашний день рождения Аиды?

– Ёкарная супруга, а ты откуда знаешь? – с подозрением глянул на него квартировладелец. – Паспорт её видел?

Все гости дружно посмеялись над беспамятным военным – вместе с автором этих строк! Смеясь, Афанасьич неловко махал руками, пока не домахался до того (нет, нет, слава *дедушке*, ничего не разбил!), что нечаянно включил телевизор. И тут и хозяину, и его гостям несказанно повезло.

– Смотрите, смотрите! – воскликнул Талгат. – Это же мои тесть с тёщей – Яков Моисеевич и Фира Срулевна! Я и забыл: у них на днях золотой юбилей был – 50 лет совместной мацы! Их даже на телевидение позвали – интервью брать! Тише, тише, дайте послушать!

– Яков Моисеевич, – между тем спрашивал телеведущий, – скажите, как вам после стольких лет совместной жизни удаётся преодолевать семейные конфликты?

Прапорщицкий тесть быстро глянул на супругу и произнёс, словно бы заранее подготовился к ответу:

– Понимаете, товарищ, когда я и моя жена расходимся во мнениях, мы таки уже обычно поступаем так, как хочет она.

– Но это же тирания! – воскликнул ведущий.

– Вообще-то моя Фирочка называет это компромисс…

Сделал так, как хочет Ева,
глуповатый муж Адам,
ну, а *дедушка* во гневе
закричал: «Ужо задам!»,
и, хотя виновна Змейка,
а не дурачок Адам,
выгнал на́ хрен ту семейку –
для урока, видно, нам!

– А вы, когда познакомились, – не отставал телевизионщик, – сразу в неё влюбились?

– Вообще-то дело было не совсем так, – пояснил юбиляр. – Когда я впервые остался у неё ночевать, а утром таки не обнаружил её в своей постели, то страшно расстроился. Но потом узнал, что пока я спал, она успела сходить и продать подаренный ей вечером букет. И вот тогда я понял: Фирочка таки моя женщина!

После этих слов военного музыканта почему-то затошнило, и он поспешил выключить надоевший телевизор. Между тем, суммировав увиденное в квартире, Альбионыч впредь решил именовать это странное жилище старинным русским сло-

вом *чертоги*, хотя и помнил, что именно им церковники именовали так называемое царство *дедушкино*. Одно воспоминание цеплялось за другое, и он тут же вспомнил некое *великопостное* песнопение, похожее на бред больного острой формой шизофрении: «Чертог твой вижу, Спасе, украшенный, но одежды не имам да вниду в онь», ведь из этого невнятного слова явно торчали русские рога чёрта и его нерусского брата *иблиса*!

– Яйчики-бабайчики, да ты, Талгат, должен быть особенно благодарен демократии, – как следует разглядев жилище военного, с улыбкой произнёс писатель.

– Йодистый Собчак, почему это? – насторожился трубач.

– Да потому что коммунисты в прошлом веке, как правящая в СССР (б) партия, вполне могли привлечь тебя к уголовной ответственности по весьма экзотичной даже для советского (б) времени статье 215, которая называлась «Приведение в негодность объектов жизнеобеспечения»[211].

[211] Была такая статья, закреплённая в УК РСФСР, но почему-то отсутствовавшая в УК Саксаульской ССР (б) – прим. юр. редактора

Батыршин насупился и пригласил:

– Пойдёмте пожрём, что ли. Приглашаю на фуршет!

Вот какая безысходность:
одного мы укротим –
коль жильё привёл в негодность,
коллективно не простим!

Слово *фуршет*, разумеется, иностранное, но автор не сомневается, что оно знакомо в наше не слишком сытое время даже самому распоследнему бомжу. Например, Серёжа Полтавцева тоже знал, что фуршет – это жорево на халяву!

– У тебя сегодня что – байрам[212]? – увидев роскошный пиршественный стол, поинтересовался Володя. – Ну что ж, друзья, предлагаю начать нашу немую гражданскую панихиду!

[212] Праздник – перс.

Но, прежде чем двинуться в сторону кухни, он, внимательно прочтя записки, которые оставил трубачу его еврейский родственник, рассказал присутствующим вот такую сказку.

Глава 142. СКАЗКА О ТАКИ УЖЕ ЗОЛОТОЙ РЫБКЕ

Жили-были старик со старухой у самого синего моря, и были они, оказывается, евреями. У них было всё: хороший дом на берегу моря, *мерседес* и великолепная японская стиральная машина. И поэтому, когда рыбка спросила у старика: «Чего тебе надобно, старче?», он подумал и решил, что ему ничего не надо. Но когда он вернулся домой, набросилась на него старуха: «Дурачина ты, простофиля! Попросил бы рыбку, чтобы она сделала нас русскими!»

Пошёл старик к синему морю, вызвал золотую рыбку и передал ей просьбу своей старухи. «Не печалься, ступай себе с богом!», ответила рыбка.

Приходит старик домой и видит: вместо до́ма – старая развалюха, вместо автомобиля – ржавый велосипед, вместо стиральной машины – разбитое корыто, а на корыте записка: «Пошла до богатых бельё стирать»…

Говорят, что дело вкуса –
дальше плыть иль сесть на мель:
хоть евреи, хоть тунгусы, –
все хотят большой кошель!

Рассказав эту незатейливую историю, Альбионыч посмотрел в окно. Дождь неожиданно пошёл стеной, как будто кто-то там, наверху, решил открыть все дренажные отверстия. Тротуар моментально превратился в бурную полноводную *амазонку*, косые хлёсткие струи снизили видимость до практического нуля. Здесь писатель понял, что выходить из гостеприимной квартиры ещё рано.

– Я очень люблю путешествовать, – заявил он. – И потому, Талгат, мне сейчас хочется посетить кухню – столицу твоей квартиры!

Глава 143. В ГОСТЯХ У БАТЫРШИНА (кухня)

Талгат распахнул дверь на кухню, после чего на пришельцев тут же обрушился запашок той погибшей курицы, чей прах сох уже третий день на железном листе в духовке, так как еврейская скаредность хозяйки всё никак не давала возможности развеять её пепел хотя бы над мусорным ведром. С кухней военного музыканта читатель уже познакомился в первом томе нашего занимательного повествования, а именно в главе 60, где рассказывалось о трудном утре вчерашнего дня прапорщика Салихдзяныча. Правда, там ничего не было сказано о примечательной скатёрке на столе, в которой дыр было больше, чем оставшейся материи, но хранилась она как семейная реликвия, так как, по слухам, была привезена дедом Аиды из фашистского концлагеря. Зато говорилось там о холодильнике, из которого наш герой опрометчиво решил попотчевать своих гостей – опрометчиво не в плане разорения экономной интернациональной семьи, а в плане полного неведения, что же скрывает железное чрево этого нужного в быту *девайса*.

А дело было в том, что в са́мом главном отделе холодильника – морозильнике, закрытом Яковом Моисеевичем на маленький замочек, хранилось нечто, оставшееся с праздника *шавуот*, или дарования евреям *торы* на горе Синай. Это нечто при внимательном рассмотрении было похоже на кусочек желтоватого цемента с цветными кляксами наверху. Талгат хорошо помнил, как отмечался в их семье шавуот, и подозревал, что его рачительный тесть закрыл под ключ оставшийся от праздника кусочек творожного торта, украшенного недорогими фруктами типа урюка, дерево которого росло рядом с балконом квартиры, и малины, втихую собранной на даче приятеля тестя Мойши Ароновича. Причём, второе подозрение татарского зятя базировалось на том, что тесть сохранял этот кусочек на следующий шавуот, чтобы не слишком тратиться через год.

Рыбу, мясо, сухофрукты –
их расходуем тайком:
экономим мы продукты,
чтоб осталось *на потом*!

Остаётся только заметить, что между холодильником и корявым столом была такая узкая ниша, пролезть в которую мог разве что только Мальчик-с-пальчик или изрядно отощавший на еврейской экономии Карлик Нос. Погибшая в духовке курица, наконец предложенная хозяином гостям, тут же напомнила Володе откушанную как-то в Грузии *катами мегрулат* – это были экзотические худосочные цыплята по-мингрельски: как бы много, как бы вкусно, но незаметно в соусе, что в принципе это были кожа да кости.

Разговаривать и одновременно есть – сложная наука, и, как говаривал при жизни Сергей Довлатов, ею владеют только престарелые кавказцы. И всё же Альбионыч рискнул.

– Что это, блюдо «Хрен без поросёнка»? – поинтересовался он, но хозяин только плечиками пожал. «Что-то не нравится мне такой обед», сокрушённо подумал гость. «Отказаться, что ли, сославшись на религиозные мотивы?». Но потом всё же решил остаться, тем более что остальные гости уже расселись под старенькой четырёхрожковой люстрой, похожей на поповское паникадило.

– Вообще-то у меня ещё и лагман есть, – сконфуженно признался хозяин, хотя и припоминал смутно, что это кушанье готовилось если не в прошлом месяце, то уж на прошлой неделе точно.

Чтоб закончить свой роман,
надо мне сожрать лагман!

– Мне много не клади, – целомудренно попросил Нуртай. – Надо признаться, друзья, что я сейчас на диете…

– Что, жрать в три глотки перестал? – уточнил Володя. – Кстати, знаешь ли ты, Талгат, что твой лагман – это вовсе не еврейская фамилия, как подумалось нашему другу Серёже, а, напротив, вполне таки интернациональное блюдо?

– Мать честна́я, как это? – подпрыгнул на стуле Полтавцев, который всегда думал, что Лагман – это такая еврейская фамилия.

– Итак, что такое лагман? Вот смотрите, – начал загибать пальцы писатель. – Сначала мы немного отвариваем *саксаульскую* баранину, потом сверху – *итальянские* спагетти, потом заливаем их чем-то вроде *украинского* борща, и, наконец, совсем сверху наваливаем немного *русской* редьки. И что же получается? *Узбекское* блюдо лагман с такой легко узнаваемой *еврейской* фамилией. Полный интернационал!

То, что трубач опрометчиво назвал лагманом, стояло на газовой плите. Опытный повар Альбионыч заглянул в кастрюльку и, не зная, как бы не расстроить хозяина, потому что это был не лагман, а просто какой-то недоваренный супчик, сказал, что картошку и крупу уже можно закладывать, а вот перец и лавровый лист ещё рано. Военный непонимающе уставился на кулинара, ведь лавровый лист в его представлении был исключительно ароматной закуской в целях отбития запаха от *шмурдяка*.

Не кинзой и не петрушкой
я хотел бы закусить –
пожую с утра лаврушку,
чтоб начальство не бесить!

Глядя на всё это «великолепие», Володя вспомнил похожую историю, произошедшую ещё в 1147 году, когда Юрий Долгорукий назначил свидание своему

кенту – князю новгород-северскому Святославу Ольговичу: «Прииди ко мне, братие, во Москву», и по приезде последнего устроил гостю, как сообщает летопись, *обед силён, многое питие и естие князю и мале дружине.*

«Кстати, о питие», подумал Альбионыч, а вслух обратился к хозяину:

– Талгат, у нас же немного пивка с собой. У тебя есть какая-нибудь тара для этого экстренного случая?

Батыршин распахнул кухонный шкафчик и поставил перед гостями пять чайных бокальчиков – три покрупнее и два помельче. Курманбаев тут же схватил самый большой бокальчик и завертел его в руках, напряжённо читая по кругу длинную надпись: «Яков Моисеевич».

– Что это? – воскликнул он.

– Это бокальчик моего тестя-еврея, – объяснил татарин.

Нашлись надписи и на остальных бокальчиках, каждый из которых подтверждал, что да, именно из него пьёт чай именно этот член семьи. Как выяснилось, когда друг тестя Арон Моисеевич дарил этот странный сервиз странной семейке, он купил два детских бокальчика – для музыкальных дочек, и три покрупнее – для жены Батыршина, а также его тестя и тёщи. Почему он не подарил такой бокальчик татарскому зятю, объяснений не было, хотя в момент покупки даритель подумал о том, что Талгат пьёт всё что угодно, только не чай, так зачем же напрасно тратиться!

Володя тоже недоумённо посмотрел на предложенную тару и с чувством воскликнул:

– Талгат, неужели в твоём доме нет приличных рёмера[213], беркемайера[214], акелея[215] или хотя бы таццы[216]?!

[213] Бокал для вина из цветного стекла. По всей видимости, слово «рёмер» происходит от латинского vitrum Romarium, то есть «римское стекло» – прим. автора

[214] Бокал для вина с цилиндрическим основанием и конусообразной чашей – прим. автора

[215] Серебряный колокольчатый кубок с высокой крышкой. Название его происходит, видимо, от лат. aquilegia, то есть водосбор – прим. автора

[216] Плоская, широкая чаша на ножке – прим. автора

Военный трубач пожал плечами, как бы говоря: чего нет, того и быть не может. Володя вздохнул и налил из бутылочки «Тянь-Шаня» в детский бокальчик, после чего понюхал содержимое, тяжело вздохнул, но всё-таки выпил.

Кстати, здесь же, на плите, стояла маленькая кастрюлька, и так как она была открыта, писатель не преминул в неё заглянуть. Судя по виду, это был компот, в котором обнаруживались какие-то нефритовые включения. К тому же жидкость почему-то пахла хлоркой.

Тут Афанасьич, видя, что закуски, скорее всего, не будет, вспомнил, что в его котомке уже несколько дней хранилась конская колбаса, купленная в лавке Калимы. Продукт был тщательно упакован в старую жёлтую газету «Труд». По просьбе сторожа владелица магазина, стоявшая за прилавком в тот день сама, порезала колбаску трамвайными колёсиками. У продукта был отчётливый дегтярный запах привокзального туалета. Володя, принюхавшись, есть её не стал, так как осознал, что вслед за запахом может придти и резинотехнический вкус, который он хорошо помнил ещё из трудного детства.

Мне от *докторской* не деться,

ел её по вечерам –
колбасу я помню с детства:
съел – и снова к докторам!

При этом он скривился так, словно во рту его в эту секунду таяла хинная таблетка. Но остальные от лакомства не отказались, так как с утра, кроме халявного пивка, в их желудки ничего путёвого не падало. Педагог, например, от вида халявной колбаски возбудился, как столетний конголезский дедушка, пережравший *йохимбе*. Талгат же, вместе со всеми проглотив кусок тошнотворного продукта, вдруг ощутил отзвук далёкого бессмысленного детства, издав весьма слышное утробное урчание, похожее на то, которое издаёт кот, у которого отнимают законный кусочек случайно перехваченного кусочка шпига. Полученные калории приятно растекались по телу.

«Деликатная провизия», трансцендентально подумал философ. Он вдруг ощутил, что хочет есть так, что у него стало болеть лицо.

Глава 144. В ГОСТЯХ У БАТЫРШИНА (кухня-2)

– Ёперная колбаса, а ты почему не ешь? – поинтересовался псевдохозяин квартиры у писателя.

– Да я, яйчики-бабайчики, с вами раздельным питанием занимаюсь, – объяснил Володя. – Вы – колбасу, а я сегодня на диете.

– А я, царица лесная, лично завсегда раздельным питанием занимаюся, – подтвердил и охранник. – Вот смотрите: в одной руке у меня батон, а в другой – колбаска!

– А-а-а, – глубокомысленно заметил хозяин, – а я думал, что ты просто брезгуешь, – после чего засунул в рот ещё одно колёсико мёртвого коня (б), вызвав рвотный рефлекс у Альбионыча.

Чем шире рожа и живот,
тем крепче армия и флот!

– Мать моя партия, странный вкус какой-то у твоей колбасы, – тщательно прожевав последний кусочек, произнёс Курманбаев.

Сухая керамика го́лоса педагога была особо неприятной в жаркой комнате, и походила на скрежет лопаты о кирпич.

– Так её просто надо уметь есть, – весело ответил Володя.

– Как это? – растерялся педагог.

– У нас в стране дефицит поваренных книг, – объяснил Альбионыч, – поэтому многое залёживается на прилавках. Нет никакой кулинарной культуры в быту!

– Святой Малевич, странный вкус какой-то у твоей колбасы, – тщательно прожевав последний кусочек, произнёс ту же фразу и живописец Муравлёв. Правда, ему отвечено не было, так как все необходимые объяснения оказались спрятаными в предыдущем предложении.

Съев ему отмеренное, охранник вытер рукавом губы и важно произнёс:

– Да, это, конечно, не мастурба!

– Бастурма, – автоматически поправил его Володя, и тут наконец заметил, что гости, да, наверное, и он в том числе, прикончили курицу, оставив от неё безукоризненно отполированный костяк, смахивающий на музейную палеонтологическую конструкцию.

– Последствия голодного детства? – деликатно поинтересовался он у педагога, после чего рассказал соедокам небольшой стишок:

– Ищешь глубокого смысла в глубокой дилемме,
жаждешь банальных решений, а не позитивных.
С крыши кирпич по-другому решает проблемы –
чисто, открыто, бессмысленно и примитивно.
Кто-то хотел бы, как дерево, встать у дороги –
мне бы хотелось, как свиньи стоят у корыта,
к числам простым прижиматься, простым и убогим,
и примитивным, как кость в переломе открытом…

– По-моему, это Пушкин, – неуверенно произнёс Батыршин.

– Конечно, Пушкин, кто же ещё? – горько отозвался Альбионыч. – Других-то мы не знаем, Сергеич у нас всегда крайний…

После этого писатель как-то не к месту вспомнил, как полгода назад, в день рождения Серёжи, устроил для всей компании *бешбармак*[217], и все почему-то ели его, как сомалийские дети – жадно и долго.

[217] Саксаульское национальное блюдо: кусочки теста, лук и варёное мясо мёртвого барана – прим. автора

Под потолком обессиленно метались две огромные чёрные мухи, которые время от времени принимались остервенело кидаться из стороны в сторону. Учёный Кулемзин тут же высказал предположение, что мухи, наверное, стараются выскочить из плоскости, через них проходящую, и посочувствовал этому безнадёжному занятию. При этом он привёл выкладки из фундаментальной геометрии Бернхарда Георгиевича Римана, подкреплённые не менее фундаментальными выкладками из общей теории относительности Альберта Германовича Эйнштейна. Причём, по Риману выходило, что мухи есть зло необходимое, а вот по Эйнштейну, что любое необходимое зло разбивается о частное определение добра вообще. При этих словах у педагога начала болеть голова. Мухи гудели, как самолёты, и Серёжа вызвался сходить за своей мухобойкой, но писатель подошёл к проблеме творчески: для вида раскрыл все окна – якобы для создания сквозняка, а на самом деле еле слышно произнёс специальное марсианское слово для отгона мух: *скрчъхъщъ*. Животные тотчас исчезли. Все в который раз подивились могучему интеллекту гуру.

– А ещё у меня есть курага, – неожиданно предложил хозяин, обрадовавшись воспоминанию.

– Праздничная разблюдовка под пивко? – поинтересовался Володя. Все немного посмеялись.

Домой милёнок дорогой
принёс ватрушку с курагой.
Но, может, в эти кураги
стрихнин подсыпали враги!
Не ешь, родной, коварен враг!
Не для одних твоих кураг –
ведь весь он выделяет яд
на мировой пролетарьят!
Поковыряй-ка курагу

и брось назад, в лицо врагу!
Пусть сам, отравленный, бежит
сдыхать за наши рубежи!

– Что-то, старичок, я не вижу в твоём меню гоменташн! Слабовато как-то у тебя с кулинарными фантазиями, – посетовал писатель.

– Эт’ чё? Эт’ как? – поинтересовался сторож.

– Вот заимеешь жену-еврейку, – отозвался Альбионыч, – тогда будешь знать, что гоменташн – это те же треугольные учпучмаки, только с еврейским душком, потому что эта *дедушко*избранная нация печёт их исключительно на праздник пурим!

После этого наблюдения взор знатока упал на кухонный подоконник, где не было ничего интересного, кроме засохшей колбасной шкурки, которая скрючилась от горя и одиночества.

– Мать честна́я, что-то еды маловато, – посетовал простоватый гость Полтавцев, который, не видя других развлечений, принялся лепить из хлебного мякиша некую форму, которую, если её увеличить раз в сто, можно было совершенно спокойно показывать на выставке современной скульптуры. Видимо, подумал об этом и Муравлёв, с интересом наблюдавший за эволюционным движениями серёжиных рук. «А назвать эту монументальную скульптуру надо так: «Женщина на изломе луча», подумал он.

– Ёкарная жадность, почему же маловато? Серёжа, ты же мой друг, как ты мог

такое подумать! – возмутился ответственный квартиросъёмщик, причём, при этих словах зачем-то полез в боковой карман, словно у него там был филиал Сбербанка, но почему-то ничего не достал. – Кому как не тебе знать, как говорят у нас на Востоке: «Гость – это драгоценный камень на подушечке хозяйского гостеприимства».

Если хочешь вкусно кушать,
надо маму с папой слушать!

При этих словах все посмотрели на охранника, но вместо предполагаемого драгоценного камня увидели только кусочек грязноватого *полевого шпата.*

– Да я имею в виду, – посетовал Афанасьич, – что сейчас неплохо хотя бы морковки корейской!

– Странный ты, Серёжа, – отозвался Володя. – Запомни на всю жизнь…

Здесь он сделал паузу, чтобы сторож успел достать из котомки знаменитый блокнотик «Для му.мы.», после чего повторил:

– Запомни на всю жизнь, что *вообще* корейской морковки нет – есть южнокорейская морковка и северокорейская морковка!

Охранник вздохнул, но произнесенную мудрость записывать не стал.

Глава 145. В ГОСТЯХ У БАТЫРШИНА (кухня-3)

Чтобы подтвердить справедливость произнесённого ранее, прапорщик вынес на блюдечке останки животного, смутно напоминающие ещё одну курицу (б). Володя даже рассмотрел их вблизи, так как у него родилось подозрение, что именно этот кусочек был вчера украден со стола Афанасьича, а сегодня был выдаваем за своё. К останкам курицы хозяин неожиданно подал нож, который, не мудря, назвал столовым, так как сам пользовался им именно за столом. Правда, при бли-

жайшем изучении на ноже были обнаружены какие-то тёмные пятна – то ли неотмытой за несколько лет крови, превращающей это холодное оружие в неоспоримую улику, то ли банальной ржавчины. Острота же данного предмета домашней утвари не вызывала никаких сомнений, поскольку её не было вовсе.

– Мясца от пузца
для любого самца?

– поэтически предположил Кулемзин, и тут же почувствовал себя садистом, распаляющим ненужное при голодухе воображение.

– Мать моя партия, а давайте руками! – тут же предложил жадный педагог. Писатель хотел было сказать, что не против, так как таким ножом даже приличного сэппуку[218] не сделаешь. Вместе с ужасным японским словом пришёл и не запланированный хокку, который Володя тут же назвал

Хокку о прозрении:

Я понял наконец:
не в харакири счастье.
Но было поздно…

[218] ***Так японцы называют национальную забаву, которую мы по невежеству называем харакири – прим. автора***

В это время Мусаич, пока никто не очухался, двумя конечностями ухватил кусочек и быстро запихал его в рот – вместе с косточками и остатками жёлтого пуха возле сочленения, не обработанного нерадивыми производителями. Время от времени он производил челюстями какие-то хватательные движения, словно ловил невидимых мух. Сразу вспоминалось, что на халяву Нуртай всегда ел с аппетитом беспризорника из коммуны советского (б) садиста Макаренко.

Свой желудок фаршируя,
тем еду твою губя,
если голоден – сожру я
всё, что в доме у тебя!

Увидев постигшую Суку-судьбу куска животного, Володя поблагодарил хозяина от имени курманбаевского желудка, так как сам педагог этого сделать не мог по причине того, что осторожно выбирал языком и зубами косточки, не открывая при этом рта. Найдённое он откладывал за правую щёку, чтобы потом незаметно вынуть изо рта и переложить в носовой платок, а вечером с помощью молотка измельчить косточки и добавить их в постную сурпу – для *подболтки.* В это время к военному трубачу вдруг пришло неожиданное воспоминание: он вспомнил, откуда в его доме взялась странная пепельница с индонезийской надписью – её, долго торгуясь, продал ему педагог, потому что таких пепельниц у него было две, ведь на партконференции, где их торжественно вручали делегатам, именно Курманбаеву было поручено передать одну такую заболевшему товарищу из Отцеябловска.

После произведённого обмолота Мусаич посчитал свою миссию на кухне законченной и решил пересесть, причём, сделал это очень странно: развернул стул и сел лицом к его спинке – в одном из фильмов он видел, что именно так сидят независимые и гордые члены итальянской мафии.

– Яйчики-бабайчики, зря ты так сел, Нуртай, – поглядев на педагога, произнёс Володя. – Ты вообще знаешь, как называется такая поза?

– Святой Малевич, по-моему, так сидит один всегда небритый телеведущий, обожающий слово *однако,* – просветил коллектив художник, который почувствовал, что если на него не обратят внимания, то могут просто выгнать.

– Точно! Ёперный Леонтьев его фамилия, – уточнил прапорщик.

– Так что с позой? – обозначил своё присутствие в разговоре сторож.

– Согласно классификации известного немецкого психолога Вильгельма Леоновича Райха, она называется позой стеснительного онаниста!

Афанасьич, услышав неприличное слово, заржал, словно только что прослушал смешной анекдот.

Разные у всех бывают ночки,
как, к примеру, ценники в пивных:
онанист кончает в одиночку,
ну, а я стараюсь за двоих!

– А почему? – поинтересовался Николаич.

– Подчёркиваю ещё раз: это говорю не я, а известный в научных кругах учёный. Так вот он утверждает, что широко расставленные ноги говорят о подсознательном желании явить всему миру своё *хозяйство*. Но индивидуум не уверен в своих силах, поэтому всё же прикрывает причинное место спинкой стула. Хотя и не стоило бы спорить с уже, увы, покойным психологом, но я всё-таки думаю, что данное курманбаевское кокетство лучше обозначить позой стеснительного эксгибициониста!

– А это что за зверь? – с тем же смехом поинтересовался Полтавцев.

– А это ты у него спроси…

Нуртай на эти обвинения почему-то не ответил, а лишь ещё раз закурил, видимо, для того, чтобы развеять миф о его мужской несостоятельности. Но тут, как это часто бывает в жизни, неосторожно сказанное слово (на этот раз это было слово *зверь*) вызвало свою материализацию: по кухне галопом промчался огромный таракан. Ещё в первом томе «Русской кочерги» автор устами своего героя Кулемзина уже высказал своё отношение к этому наглому племени, поэтому долго останавливаться на незначительном происшествии не будет, а незначительным оно было из-за того, что больше соплеменников животного гости так и не увидели. Правда, Володя при виде его вспомнил свой давний стих.

Глава 146. СЛУЧАЙ ИЗ ЖИЗНИ, ИЛИ РАССКАЗ ТАРАКАНА

Был тогда уже не мал –
(волос вылез на макушке)
Таракана я поймал
и хотел убить из пушки.
Но взмолился Таракан:
мол, супруга, дети, внуки, –
предложил он мне стакан
и один рассказ от скуки.
Отменил ему аркан
я без лишней укоризны,
и поведал Таракан

о своей печальной жизни:

«Местожительство: клозет –
так судьба подтасовала!
Ну, а главное – на свет
выходить опасно стало.
Не народ, а сплошь наймит,
ведь нормальных нету рядом –
всяк из пушки норовит
прямо в торс попасть снарядом.
Я от ядер исхудал –
от увёрток этих гадких,
искривлён как интеграл.
И жена весь день в припадке!

Исхудала и она,
за меня переживая.
Ох, клозетная страна
ты навек моя родная!»
Так он долго мне вещал
под стаканчик и закуску,
водку молча я глотал,
допуская перегрузку.
И от этих страшных схем
захотелось на подушку.
Горем я проникся тем
и сломал тугую пушку!
Я в мозгах почистил ил,
чтобы не реветь белугой, –
Таракана отпустил
к детям, внукам и супруге…

Глава 147. В ГОСТЯХ У БАТЫРШИНА (кухня-4)

– Кстати, я вспомнил один анекдот, – пристально глядя на Курманбаева, произнёс писатель.

– А при чём здесь я? – всполошился Нуртай.

– Конечно, ни при чём, – согласился Володя, – тем более твоего пропаскудного имени в нём названо не будет. Итак, **страшный анекдот**: поймал как-то людоед русского, саксаульца, американца, хохла, Василия Ивановича и Штирлица, а потом сожрал их всех – без лишних базаров!

«Кто все эти люди?», подумал Полтавцев, после чего гулко захохотал, иначе присутствующие могли подумать, что у него нет чувства юмора. Между тем Володя вдруг вспомнил, что в серёжиной котомке остались ещё несколько разномастных бутылочек пива, и попросил раздать боеприпасы собравшимся. Сам же взял в руку уже немного тепловатую бутылочку «Тянь-Шаня» и, любовно глядя на неё, возвестил:

– Яйчики-бабайчики, вообще-то пиво для меня – это полная ЖОПА!

Педагог тут же подавился не до конца сделанным глотком, а Салихдзяныч так и вовсе выперхнул последний глоток, стараясь попасть на штаны охранника, но попал на кроссовок художника.

– Мать моя партия, почему?! – откашлявшись, возопил Курманбаев.

– Да, да, царица лесная, как это? – заинтересовался Афанасьич, тут же приготовив знаменитый блокнотик «Для му.мы.», ибо понял, что именно сейчас услышит непреходящую в веках мудрость. Володя одобрительно отнёсся к этим эволюциям, после чего продиктовал тянульцу к знаниям:

Жизне-
Обеспечение
Потомка
Альбиона!

После это так же гулко захохотал Муравлёв, и все тотчас убедились, что у него, как и у Серёжи, с юмором тоже всё было o'key! Затем в хозяйском холодильнике нашёлся какой-то подозрительный салат, видимо, так же оставшийся ещё с Нового года. Разобрать, что в него было накрошено, было решительно невозможно, но Афанасьич, отобрав тарелку у педагога, принялся за трапезу – быстро и шумно.

– Серёжа, ты чавкай не так слышно! – попенял охраннику Володя.

Сторож промолчал.

– Серёжа, ты что, оглох?

– Между прочим, когда я ем, то глух и нем, – ответил привычным трюизмом охранник.

– Надо же, – удивился писатель. – А я, когда ем, вроде всегда нормальный.

Вскоре тщательно составленный Талгатом натюрморт на столе быстро потерял какую бы то ни было эстетическую ценность, которая в полном соответствии с законом сохранения вещества, который впервые сформулировал некий Эмпедокл Без Отчества из Акраганта ещё в V веке до нашей эры, преобразилась в ценность энергетическую.

Пожирая салат, сторож успевал ещё и прихлёбывать из пивной бутылочки, остро сожалея о том, что к такому знатному харчу не было рюмочки *беленькой*. Воспоминания о любимом напитке у Афанасьича вдруг трансформировались в неожиданный вопрос:

– Талгат, а у тебя нету соломинки?

– Зачем это? – с подозрением посмотрел на него хозяин. – Глотай так!

– Так не могу, – интимно сообщил поедалец. – Я же на днях у врача-похметолога был, так он мне прямо сказал: держись, мол, Серёнька, подальше от рюмки!

– Талгат, а вот этот странный салат точно сегодняшний? – неожиданно поинтересовался педагог, наивно решивший, что таким прямым вопросом отобьёт у Полтавцева аппетит.

– Я тебе, Мусаич, даже больше скажу, – вместо музыканта отозвался Володя. – Он ещё и завтрашний…

Кончен пир. Залита скатерть
брызгами шальных утех,
и лежат лицом в салате
те, кто к счастью ближе всех!

Не удовлетворившись ответом, Курманбаев что-то практически неслышно забормотал себе под нос, и только автор этих правдивых строк, пользуясь своим служебным положением творца, заставил себя услышать эту чепуху:

– Соответственно славным трудовым традициям…

Правда, что означали эти слова в контексте происшедшего, не знал даже автор. Здесь писатель неожиданно заметил, что в углу кухни, под раковиной, сиротливой кучкой сбились две вялые морковки и четыре начинающие прорастать луковки. «Неплохое подспорье скудной жизни», подумал он о морковке, а когда его взгляд остановился на луковках, мысль обозначилась ещё чётче: «Некоему Буратине бы на четыре дня хватило – при той диете, которую установил ему родственник-садист папа Карло!».

Впечатлившись увиденным и попробованным на кухне своего товарища-сопокерника, Альбионыч вдруг вспомнил рецепт *второго блюда по-советски*, придуманного ещё во времена СССР (б). Думаю, что мой любопытный читатель просто не простит автору того, если он (автор) не познакомит его (читателя) с этим замечательным рецептом.

Итак, **второе по-советски.** На плохо вымытую тарелку положите одну-две кучки холодного гарнира. Сверху (пальцами) положите что-нибудь мясное или рыбное. Обязательно полейте подливой из комбижира, в крайнем случае, машинным маслом. К блюду хорошо подать жирные алюминиевые вилки. Теперь блюдо готово – его можно выбрасывать в ведро!

«Как же наша так называемая божественная душа», подумал философ, «позволяет набивать наше брюхо и флорой, и фауной?».

Здесь же, то есть под раковиной, стояло ведро, издавна в этой стране, а также в странах соседних, называемое помойным. Оно было доверху наполнено, но почему-то одними вскрытыми и пустыми консервными банками. Приглядевшись, Володя прочитал некоторые названия этикеток: были здесь консервы и мясные, и рыбные, и даже, к его удивлению, овощные. «Чего же их так много?», ненужно подумал писатель.

Я про запас купил консервы,
но съел: не выдержали нервы!

В это время он заметил, что Полтавцев, видимо, совершенно забывший, что находится не до́ма, а в гостях, делает что-то не то. Качаясь на кухо́нной табуреточке, сторож старательно облизывал взятую с полочки потемневшую ложку.

– Серёжа, оставь в покое фамильный алюминий! – сурово поставил его на место Кулемзин.

Глава 148. В ГОСТЯХ У БАТЫРШИНА (кухня-5)

– Кстати, а чего это мы всё жрём, а ничего не пьём? – вдруг поинтересовался Афанасьич, положив облизанную ложку на место. «И впрямь!», подумал писатель, а вслух спросил у хозяина дома:

– Талгат, неужели для твоих лучших друзей у тебя не найдётся бутылочки «Bordeaux Chateau la récolte Septembre»[219] 1988 года? И, кстати, почему в твоём доме нет мяса?

– Ураза[220], – коротко ответил хозяин и широко развёл руками, как будто собирался кого-то обнять. Чтобы не расстраиваться из-за чёрствости товарища, писатель

тут же замурлыкал старую песенку детства, слышанную маленьким Вовочкой ещё в пионерлагере (б):

[219] «Бордо Шато сентябрьского урожая» – фр.
[220] Мусульманский пост. Может совершаться в любой день, кроме праздничного – прим. автора

– Хоть в разлуке жить не просто,
всё равно люблю матроса, –
синеглазого матроса
с голубого корабля…

В это время в квартире натужно заверещал телефон. Прапорщик было кинулся к нему, но тут же передумал:

– Володя, ответь каким-нибудь не своим голосом, а то вдруг это Аида проверяет, а так она подумает, что ошиблась!

Кулемзин, подивившись отточенной быстроте реакции военного, поднял трубку, бодро алёкнул в неё не своим голосом, потом дождался невнятного ответа и положил её на рычаг.

– Кто звонил? – поинтересовался любопытный художник.

– Немой, – ответил писатель.

– Святой Малевич, и что сказал? – не унимался Муравлёв.

– Что жизнь прекрасна,
что солнце ясно,
растёт трава,
цветёт айва!

– выдал экспромт знатный саксаульский поэт.

– Чего?

– Шучу, сынок. Спрашивали, не заказывала ли наша компания четыре гроба – по уценёнке…

Но закон парных случаев сработал и на этот раз – телефон заверещал ещё пронзительнее, чем в первый раз.

– Серёжа, теперь ты возьми трубку, – попросил музыкант.

Сторож бережно снял телефонный девайс, внимательно прослушал сообщение и почему-то передал трубку писателю – со словами:

– По-моему, девушка.

Альбионыч очень удивился, потому что даже он со своим знанием жизни не мог определять такие нюансы женской природы по голосу. Правда, когда он взял трубку, там были слышны только короткие гудки. Но тут оказалось, что сработал ещё один закон – на этот раз закон триады: раздался третий звонок, но не телефонного аппарата военного трубача, а мобильника Володи.

– Яйчики-бабайчики, – сказал он, затем нажал на какую-то хитрую кнопочку, включающую, как тут же выяснилось, громкую связь, и на всю квартиру раздался громовой женский голос :

– Володечка, это я, Наташа! Скажи, этот аспид возле тебя?

– Святой Малевич, почему это аспид?! – на свою беду откликнулся живописец.

– Ага! – заорала супруга, словно уличила мужа в неверности. – Ага! Валера, я позвонила, только чтобы сказать, что такую, как я, ты больше не найдёшь!

«А я такую, как ты, больше искать и не буду!», подумал Николаич и, как заправский мим, начал делать движения обеими руками, призывая Кулемзина нажать кнопочку выключения, что Володя и сделал, так как понял, что лучше разъединить супругов сейчас, чем они это сделают завтра, но в отцеябловском загсе.

Знаю точно год который
без гнилых методик:
загс – надёжная контора:
женит и разводит!

– Спасибо, друг! – чуть не прослезился Валера. – Представляешь, – тут же пожаловался он, – на днях подходит ко мне и говорит: «Дорогой, дай мне денег на пилинг!».

– Эт’ чё такое? – вскинулся сторож. – Мать честная, кое-что отпилить тебе, что ли, собралась?

– Да я тоже её спросил, а она говорит, что это, мол, когда старую кожу снимаешь, а новая получается гладкая и красивая!

– Йодистая процедура, а ты что?

– А я стою, как дурак, и не знаю, что ей на эту глупость сказать.

– Напрасно ты так, старичок, – попенял Муравлёву писатель. – Надо было посмотреть ей прямо в глаза и твёрдым голосом озвучить свою жизненную позицию: «А я думал, что вы, змéи, бесплатно линяете!».

Валера долго и благодарно жал писательскую руку , а Афанасьич в это время, быстро открыв заветную книжечку «Для му.мы.», тут же начеркал на свободном листочке: «Змеи всегда бесплатно меняют старую шкуру, если у них не хватает денег на пилинг!».

Как змея меняет кожу,
так и я с похмелья – рожу!

Закончив телефонные манипуляции, писатель повёл очами от стола к окну, и вдруг наткнулся взором на трёхлитровую банку, набитую чем-то непонятным. Кулемзин подошёл поближе и с удивлением увидел, что огромная банка была наполнена чем-то похожим на *спитые* чайные пакетики, серые ниточки которых змеились между них, как вкрапления *иных* пород в кварцевый камень. Гуру ещё раз внимательно глянул на подозрительную банку, после чего посмотрел на хозяина, как бы требуя объяснения такому кухóнному феномену.

– Аида собирает, – не замедлил объяснить Батыршин. – Весь год собирает, а потом на Новый год заваривает их все разом. Знаешь, какой крепкий напиток получается – куда там зоновскому *чифиру*!

Теперь и все, вслед за Альбионычем, подивились еврейской мудрости прапорщицкой жены, а Серёжа, порадовавшись, что не успел спрятать знаменитый блокнотик «Для му.мы.», так даже записал рецепт: «Если бы я был евреем, то каждый Новый год проводил бы с крепко заваренным чаем. Но – не повезло!».

– Царица лесная, хорошо живёшь, – неожиданно оценил он музыкальное хозяйство, закрывая книжечку.

– Йодистый чай, так это ведь кто на что учился, – непонятно ответил Салихдзяныч, но было видно, что сторож ответом был полностью удовлетворён.

Затем гости заметили, что один угол кухни был почему-то завален ячеистыми картонками из-под яиц, после чего задавать вопрос хозяину по этому поводу не стали, хотя каждый мысленно выдвинул свою версию этого странного коллекционирования.

В завершение банкета военный трубач предложил присутствующим освежиться чайком, но, вспомнив банку с пакетиками, Володя сразу же отказался. Вслед за ним не рискнули освежиться и остальные.

Каждый пивом перегружен
так, что в брюхе просто ком:
чай еврейский нам не нужен,
а грузинский мы не пьём!

– Яйчики-бабайчики, может, вернёмся на игровое поле? – предложил гуру, и вот с этим согласились все. Но, прежде чем оказаться в жарком пространстве Бермудского Учпучмака, знатный саксаульский поэт решил прочесть им на дорожку стих о своём любимом городе. И если ты, читатель, думаешь, что говорил он об Отцеябловске, то сильно ошибаешься. Поэтому послушай эту замечательную вещицу вместе с героями нашего сурового романа:

Саксаульский городок – гладь да тишь.
Рассуждаю наивно и смело:
мне сейчас очень нужно в Париж,
понимаете, срочно, по делу!
Козырнёт часовой на посту
и – родное уже за порогом:
у меня на Лионском мосту
намечается встреча с Ван Гогом.
Там, в уютном кафе за углом,
средь солидных маршáнов[221] и пьяни,
посидеть за тем самым столом,
где когда-то сидел Модильяни.
Рисовать тушью чёрной, как креп,
словно с сердца срывая заплаты,
и оставить за кофе и хлеб
пару быстрых рисунков в уплату.
Говорят: «Ну, куда ты спешишь?
Дел и дома по горло хватает…»
Но мне надо, мне надо в Париж –
позарез! А меня не пускают!
Не пускают дела и семья,
и работа, и строй, и система…

♠ ♠ ♠

А в Булонском[222] тоскует скамья
о поэзии Поля Верлена…

[221] ***Торговцы – фр.***
[222] ***Булонский лес. Находится в 16 округе на западе Парижа – прим. автора***

«Да», с завистью подумал Альбионыч после крайне скудного угощения, «такая *необременительная* кухня не несёт в себе разрушительных последствий для семейного бюджета…».

Глава 149. ДЫМ ОТЕЧЕСТВА

Поняв, что порции «Bordeaux Chateau Septembre Server» от хозяина не дождётся, Афанасьич решил испытать счастье по-другому – закурить. Он с наслаждением размял свою *беломорин*у, щёлкнул зажигалкой, из которой с шипением выметнулось сильное пламя – вполне достаточное, чтобы вскипятить небольшой кофейник, и закурил, задумчиво выпустив дым в сторону писателя, который тут же поморщился, когда до него докатилась волна кислого запаха *народного* курева. Прапорщик, напротив, с наслаждением втянул в себя дым родного отечества с российским названием.

Нет, недаром скажет каждый:
популярен с давних пор
средь курящих наших граждан
саксаульский «Беломор»!

Ароматные клубы сизого табачного дыма начали кучковаться под потолком, делая весьма жалкую попытку смахивать на настоящие облака. Между тем, дым хозяину так понравился, что военный музыкант, поспешно вытащив из серёжиной пачки папироску, дрожащими руками устроил ей лёгкий массаж, после чего она пришла в негодность, рассыпавшись в мелкую неприятно пахнущую труху. Осторожно достав ещё одну папироску, он засунул её в рот без всякого массажа, и наконец-то затянулся во весь объём грудной клетки, от чего в его памяти негромко забрякали невидимые остальным юбилейные медальки. После первой затяжки, к тому же натощак, у нашего бравого героя во рту появился привкус ржавой лопаты.

Правда, справедливости ради надо отметить, что, получая за службу в президентском оркестре довольно приличную зарплату, всю уходящую на жену, детей, тестя и тёщу, Талгат всё-таки выкраивал деньги на весьма приличные сигареты типа «Саксаулстан» с чёрным фильтром, поэтому сейчас, глотнув первую порцию вонючего дыма, закашлялся, как первый советский грузовик АМО-Ф-15 – ритмично и безостановочно, тем более, что влажноватый «Беломор» никак не хотел раскуриваться.

Наконец, беломорина раскурилась, и трубач затянулся со вкусом, правда, снова закашлялся, засипел, словно в предсмертных муках, потому что ещё не совсем отошёл от вчерашнего, и на время утонул в облаках тёмно-сизого дыма. Володя даже отодвинулся от курящего, чтобы не потеряться, но дым постепенно стал рассеиваться, и вскоре из него показался Батыршин, вынырнувший из никотинного тумана, как самолёт из о́блака. Такая папироска с шипящим огненным концом Кулемзину, у которого с детства было весьма богатое воображение, показалась похожей на маленький дымящийся Везувий.

Если куришь ты, скотина,
то помрёшь от никотина!

Неожиданно в комнате раздался звук, от которого вздрогнули все, кроме хозяина. Это со страшным и каким-то кинематографическим скрипом открылась дверца платяного шкафа, явив гостям парадный китель старшего прапорщика Батыршина. Володя подошёл к нарядной одёжке поближе, внимательно ознакомился с техникой кроя и пошива, после чего невинно поинтересовался:

– Талгат, а ты свои погоны привинчиваешь на шурупы или на клей сажаешь?

– Йодистая армия, конечно, пришиваю, – честно ответил военный, потом немного подумал и развернул объяснение:

– На суровую нитку!

– Зря, яйчики-бабайчики, – попенял ему писатель. – Ещё моя покойная бабушка Галя говорила о том, что, мол, шей да пори – не будет пустой поры. Поэтому лично я тебе советую шурупы.

– Зачем? – обалдел музыкант.

– Это всё просто: привинтил новые звёздочки на шурупы – и ты в новом звании. И, кстати, во-первых, затрат никаких, надо только отвёртку купить – на всё время службы! А, во-вторых, твои нитки наконец-то помягчеют душой и не будут такими *суровыми*…

Мысль свою не растушую –
я всегда ведь утверждал:
привернул одну большую
звёздочку – и генерал!

Здесь Володя заметил, что охранник всё время поёживается, оборачивается, словно пытаясь что-то увидеть за спиной, и вообще ведёт себя немного нервно, как бы в ожидании, что кто-нибудь из-за спины бросит ему за шиворот паучка-косиножку.

– Серёжа, у тебя что, клаустрофобия? – спросил он у Полтавцева.

– Мать моя партия, ну ты даёшь! – завопил Курманбаев. – Как будто он знает такие слова!

– Да что же я, вашу клизмофробию не знаю, что ли?! – возмутился Серёжа. – Мне же Володя ещё два года назад рассказал, что это страшный ужас замкнутых на ключ помещений!

– А как ты это понимаешь? – тонко усмехнувшись, поинтересовался педагог.

– А вот как, – объяснил охранник, – к примеру, иду я вечером в магазинчик Калимы за пивом, а по дороге боюсь, что он уже закрыт!

Знают чукчи и грузины,
не садясь за ужин:
пива нету в магазине –
это просто ужас!

Затем разговор вновь вернулся на курительные рельсы: народ вспомнил и советский (б) дефицит хороших сигарет, и редкое трубочное курение, потому что в те времена хорошего табака достать было невозможно, а лучшим считался заграничный (если честно говорить, то болгарский) табак «Капитанский», пугающий наших людей непривычной уху этикеткой «Капитанът на тютюн», и даже одно время появившиеся в СССР (б) иракские сигареты, которые грамотные куряки называли «Зумéр», а образованные – «Шумер». Вспомнил свою историю и сторож.

Глава 150. ДЫМ ОТЕЧЕСТВА (окончание)

– А со мной вот какая страшная история однажды приключилась, – поделился он с товарищами своими трагическими воспоминаниями. – Помню, однажды Зуля по пьянке вместо дополнительного *фунфырика* принесла из магазина два билета – в театр.

– Ужас какой! – пожалел страдальца Альбионыч. – Яйчики-бабайчики, неужели ты пошёл?

– Конечно, не пропадать же добру! Я всю первую часть спектакля кое-как высидел – сильно курить хотел. А как антракт, так сразу выскочил и пристроился за какой-то колонной диаметром метра в два – подумал, что специально в театре такую построили, чтобы можно было где спрятаться покурить. Вот тут-то меня и штрафанули!

– Мать моя партия, за что? – индифферентно поинтересовался педагог.

– Так там, оказывается, висела табличка

Курить строго воспрещается!

– Серёжа, неужели ты не послушался этого полезного совета? – в притворном ужасе вопросил Курманбаев.

– Царица лесная, да в том-то и дело, что послушался. Я же закурил не *строго*, а мягко, по-доброму!

Все немного посмеялись над дурковатым.

Штрафанули так обидно –
не приду в себя с тех пор:
я курил, чтоб было видно,
как полезен «Беломор»!

Тема разговора показалась интересной всем, и живописец поинтересовался у охранника:

– Серёжа, а ты когда закурил в первый раз?

– Да ещё в третьем классе. Помню, поймал меня дедушка Михей из деревни Семижопино, когда я курил за овином…

– И дал пенделя? – радостно предположил художник.

– Эх, Валера, огрубел ты совсем мыслями среди своих импрессионистов, – попенял Муравлёву Афанасьич. – По-другому дело было: дедушка не стал меня ни бить, ни ругать, а купил, как сейчас помню, пачку кубинских «Ligeros»[223] и заставил выкурить её всю зараз!

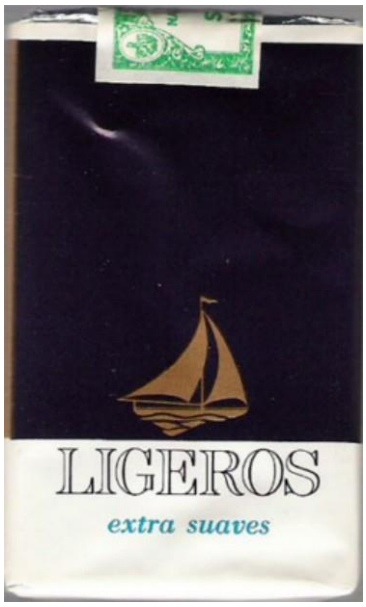
[223] *«Парус» – исп.*

– Святой Малевич, а как же ты не сдох? – поинтересовался Муравлёв.

– Дак понравилось же! Я вот с тех самых пор, как всю пачку не выкурю, и не накуриваюсь…

Володя очень хорошо помнил эти страшные сигареты, поставляемые Фиделем Анхелевичем Кастро в СССР (б) в обмен на стратегические ракеты средней дально-

сти. Посмотри на них и ты, мой любопытный читатель, и порадуйся, что не жил и не курил их во времена былые:



В народе их тут же прозвали «Смерть под парусом»: во-первых, из-за картинки на пачке, изображающей маленький белый парусник на чёрном фоне, и, во-вторых, из-за чрезвычайной крепости этой импортной продукции. Понравились они простым советским мужикам и за то, что по виду их нельзя было отличить от знаменитой «Примы», так как они тоже производились без фильтра. Когда в те времена Альбионыч находился среди курильщиков «Ligeros»'а, у него всегда возникало предположение, что в обычный табак хитроумные кубинские барбудос[224] добавляли крошку от своих знаменитых гаванских сигар, но предварительно политых извёсткой, а затем высушенных.

[224] Бородачи – исп. Так называли себя кубинские революционеры после 1961 года – прим. ист. редактора

В гости к ласковым румынкам,
чтоб отдаться баловству,
на лигейросе кубинском
в Беломорье поплыву!

Дурное дело оказалось заразительным – после сторожа и прапорщика закурили также художник и педагог: Валера – чтобы придать себе значимости в не совсем родном коллективе, а Нуртай – просто на халяву, чтобы было что записать вечером в свою книгу жизни (о ней автор рассказывал в главе 356 первого тома «Русской кочерги»). Над еврейско-татарской кухней поднялся пышный дым, похожий на жабо какого-то французского придворного при Людовике I Карловиче Благочестивом. Так как еда совершенно не насытила пришельцев, они, выкурив по одной папироске, тут же принялись за другую, но хватило не всем – пачка закончилась, и последнюю *беломорину* Батыршин с живописцем выкурили на па́ру, как какие-нибудь *чингачгуки* во время перемирия.

Нам, читатель, аплодируй,

прочитав короткий стих:
с Чингачгуком трубку мира
мы курили на двоих!

А автору только осталось зафиксировать в памяти читателя тот факт, что именно с этой последней папироской закончилась и очередная глава. И так обидно стало автору, что как-то слишком просто и обыденно она закончилась, что решил он заставить напоследок своего героя вспомнить день его знакомства с прапорщиком.

«Батыршин», тогда представился военный, и, видя, как удивился новый знакомый, спросил: «Что, не нравится?»

«Почему же?», в ответ удивился Кулемзин. «Любая фамилия, даже такая странная, имеет право на существование, если, конечно, не противоречит сама себе!»

«Как это?», удивился трубач. «Можешь назвать хоть одну?»

«Да сколько угодно!», ответил писатель. «Например, Исламченко…»

«Вона как!», восхитился прапорщик. «А имя-отчество?»

«Яйчики-бабайчики, и их полным-полно!», не растерялся эрудит. «Возьми хотя бы Грицько Рахметуллаевича…»

Эх ты, тара боевая,
эх, закуска пирожком! –
как зовут нас, мы не знаем,
если слишком много пьём!

Глава 151. ТРАНЗИСТОРНЫЕ ВЕСТИ

Скромный перекусон, наконец, завершился, и хозяин справедливо решил, что гостям, утомлённым его обильным угощением, следует немного отдохнуть. Для начала он решил включить радио – в виде старого транзисторного приёмника, слепленного им ещё в 8 классе в радиокружке из старой мыльницы, нескольких транзисторов и даже одного теристора. К удивлению его самогó, радиомыльница с гордым названием «Марс-1» работала до сих пор, и Талгат относил этот факт к тому, что внутри аппарата раз в пятилетку менял батарейку «Энерджайзер» с нарисованным зайцем, видимо, дающим ему неукротимый заряд энергии.

Радиоприбор вздохнул, прокашлялся и начал вещание:

«В эфире новости Радио «Азия-Минус». Коротко о главном. Главный у нас попрежнему товарищ Назарбаксов»

– Мать моя партия, погромче, погромче сделай! – заволновался Курманбаев.

Между тем новости следовали одна за одной, как будто этот день был каким-то особенным по сравнению с другими:

«Национальным банком Республики Саксаулия выпущена юбилейная купюра «Одна минимальная зарплата»

Вот купюра неизмята,
что вручил народный банк:
«Минимальная зарплата» –
для похода в кегельбан!

«И ещё о валюте. Вслед за Евросоюзом, который ввёл в своих странах единую валюту *евро*, о подобном решении договариваются сейчас страны Африки. Предполагается, что единая валюта здесь будет называться *афро*. Кстати, на днях в великий монгольский хурал поступило подобное предложение и от монгольских парламентариев – переименовать национальную валюту тугрик в *тугро*. Таким образом, законодатели надеются продвинуть свою страну на международные рынки»

– Царица лесная, вот бы хоть одним глазком посмотреть на этот евро, – посетовал Полтавцев. – А то ведь скончаешься, а на том свете не покажут!

– Зачем же именно одним глазком? – улыбнулся Кулемзин. – Для того чтобы увидеть это, совсем не надо быть Кутузовым. Смотри…

Альбионыч тут же достал из кармашка маленькую монетку и протянул интересовальцу, который немедленно начал разглядывать её со всех сторон, обнюхивать и даже покусывать за золотистый металл. А ведь ещё в главе 25 автор просто-таки заставил нашего героя засунуть эту монетку в карман. Но помнишь ли ты об этом, мой невнимательный читатель?

– Евро, старичок, это тот же доллар, только для богатых.

– Как это?

– Чтобы было понятней, скажу так: 1 евро = 1 доллар + НДС!

– Пропьём? – по-советски спросил Полтавцев.

– Конечно, – подозрительно легко согласился писатель. – Это где-то полторы бутылочки «Тянь-Шаня».

– Ну, тогда не надо, – так же легко отдал назад монетку охранник. Потом подумал и добавил:

– Вот интересно получается: всех денег заработать нельзя, а пропить можно.

Собственная мысль неожиданно понравилась сторожу, и он её решил записать – для несуществующих потомков. Достав из котомки заветный блокнотик «Для му.мы.», Полтавцев открыл его, нашёл чистую страницу и размашисто записал синей стороной карандаша: «Пропивай сколько можешь, всё равно всего не заработаешь!»

Вот какое, братцы, дело:
выбирая ад иль рай,
деньги есть – гуляю смело,
денег нет – хоть помирай!

Между тем радиообзор сегодняшних событий продолжался.

«Новости науки. Саксаульские математики вычислили новое число *во*. Они приставляют его к числу *пи*, после чего ходят пьяные от счастья!»

– Святой Малевич, как это? – заволновался Муравлёв, не понявший ни слова из услышанного. Володя молча взял его стакан, налил пива и подвинул ближе к его правой руке.

– А-а-а, – обрадовался саксаульский левитан. – В этом смысле?

«Ещё новости нашей родной страны. Вести с полей. Несмотря на сложные погодные условия, животноводы Саксаулии успешно проводят отёл озимых, опорос яровых и нерест пропашных. В то же время в ряде хозяйств отмечается яловость комолых нетелей, снижается яйценоскость свиноматок, повсеместно невысоки надои бобовых и настриги паслёновых, а также сохраняется жеребость сенажа»

Я пою сельчанам оды,

ведь люблю я страшно пить:
мне дадут животноводы,
чем бутылку закусить!

Глава 152. ТРАНЗИСТОРНЫЕ ВЕСТИ (окончание)

«А теперь немного о спорте. На Всемирных Азиатских играх наши саксаульские спортсмены перепутали допинг с виагрой. Их выступление ещё долго будет будоражить умы впечатлительных болельщиков»

«Ещё новости спорта – вначале из-за рубежа. Администрация британского футбольного клуба «Челси» ведёт переговоры с итальянским клубом «Рома» об обмене названиями»

«На недавно закончившемся чемпионате мира по биатлону грузинский спортсмен Вахтанг Камикадзе, промазав все пять выстрелов, подъехал к мишени поближе и зарезал её кинжалом!»

«И ещё одна околоспортивная новость. Вслед за премией «Слава», учреждённой российским министром спорта Вячеславом Фетисовым для лучших спортсменов страны, будет учреждена премия и для лучших политиков России под названием «Вова»

«Сегодня весь корейский народ отметил день рождения Великого Руководителя и Любимого Вождя Ким Чен Ира. Среди подарков особенно выделяется подарок президента Российской Федерации Путина – большая жирная собака»

«А вот новость, присланная нам из братской Украины: с сегодняшнего дня во всех учебниках родной литературы слово Сало будет писаться с большой буквы, а россия – с маленькой»

Здесь радио немного сбилось с настройки, но, словно бы в подтверждение недавно сказанному, прозвучал голос посла России на Украине Виктора Черномырдина: «Мы добьёмся того, что и у нас будет не меньше, чем в три раза больше!»

Нам политики толкуют,
как неплохо надо жить!
Нас же оченно волнует,
будем ли мы дальше пить!

Затем радиоаппарат вновь совершил какой-то скачок в пространстве, после чего голос молодого, но уже успевшего спиться певца, зазвучал в эфире:

«Пляшет бабушка с автоматом,
злая бабушка на шоссе, –
трёх верзил забила прикладом,
расстрелявши патроны все!»

«Что ты сделал для хип-хопа?» – тут же перебил его Децл – новый кумир дебильных подростков, которым вместо песни «Мы пионеры, дети рабочих» нравился рэп. Между тем концерт (непонятно, по чьим заявкам, так как песни шли одна за другой) продолжался.

«А сейчас американская певица Пинк, в миру Алиша Бет Мур, исполнит нам свою знаменитую «Who Knew»!», известила ведущая концерта. Володя раньше этой песни не слышал, но весьма порадовался её названию. Вслед за американкой сла-

бенький динамик транзистора изо всех своих теристорных сил истошно завопил что-то о вечеринке лучших друзей, где кто-то танцевал с чьей-то подругой, и почему-то именно это было плохо, ведь исполнительница по этому поводу искренне страдала.

Как сладко малиновой ранью
в уютном пространстве сортира
послушать Буланову Таню,
а после – Аллегрову Иру!

«Продолжаем наш концерт. Композитор Ян Френкель, слова Инны Гофф, оркестр под управлением Леонида Фридмана, дирижёр Илья Ройтман, исполняет Иосиф Кобзон. «*Русское* поле»!»

Завершилась передача, как всегда, рекламой:

«Фирма «Intel» после выпуска чипов «Pentium», «Pentium II», «Pentium III» и «Pentium IV» выпустила чипы «Pentium жив» и «Pentium возвращается»! Первым десяти купившим новинку фирма обещает кое-что!»

«Автомобиль «Ока» – лучший брелок для вашего «КамАЗа»!»

«Специальное предложение для русских партизан: таблетки «Антиполицай». Всего две таблетки – и ваша деревня свободна!»

«Ветеринарная клиника «Добрый доктор Айболит»: усыпление, кастрация, стерилизация, купирование ушей и хвостов, удаление когтей!»

«Интересно, а что же делает *злой* доктор Айболит?!», подумал Володя, услышав предлагаемый набор услуг.

«Асфальт «Лего» – новое решение дорожных проблем! Его легко уложить к приезду проверяющих из центра и так же легко убрать после их отъезда!»

«А сейчас реклама от предпринимателей Отцеябловска. Если вас залили соседи сверху, наша бригада «Свои люди» отделает вашу квартиру и соседей!»

Кулемзин, слушая всю эту муру, подумал, что если бы он давал какое-нибудь объявление в газету, то обязательно придумал бы что-нибудь смешное – вроде «ИП «Альбион» возьмёт на себя ответственность за взрывы на Солнце!»

Не для каждого родная,
кто привык её терпеть, –
мне реклама помогает
побыстрее отупеть!

В это время татарская радиомыльница как бы закашлялась, закхекала, заперхала, а потом и вовсе замолчала, правда, изредка прорываясь на волю прерывистыми звуками, как будто вновь в Саксаулии, как во времена прежние, заработали *глушилки*. Читателю молодому, наверное, вообще не известно это слово. А, между тем, именно оно много лет отреза́ло читательские уши от западного радиоэфира. «Всё растворяется в кислоте времени, кроме памяти», подумал Альбионыч, и с этими словами к нему пришёл очередной Хронотоп.

Глава 153. О ГЛУШИЛКАХ (Хронотоп № 9)

Он вспомнил, что более полувека назад, или точнее 4 апреля 1949 года в «Вестнике Совета Министров СССР (б)» было опубликовано секретное постановление

«О глушении антисоветских радиостанций». Именно в этот день началась и продолжалась много лет информационная изоляция советских граждан. А прекратилось это безобразие, без перерыва длящееся аж 40 лет, только в ноябре 1989 года!

Что же это были за антисоветские потуги? Официально это называлось «Иностранное радиовещание на СССР», но в обыденной речи советских (б) людей сразу же укрепились вот такие идеологические штампы: «вражеские голоса» или «западные радиоголоса»).

Для моего любопытного читателя автор приводит здесь весь список (из 8 пунктов) всех запрещённых к прослушиванию радистанций, вещающих на русском:

«Радио Свобода»
«Голос Израиля»
«Радио Тирана» (Албания)
«Би-би-си»
«Голос Америки»
«Голос Ватикана»
«Голос Пекина»
«Немецкая волна»

Кстати, именно на «Немецкой волне» наш герой, никогда не скрывавший своих антисоветских взглядов, впервые услышал отрывки из «Архипелага ГУЛаг» Александра Солженицына!

Заглушила мысли горн
кэгэбня бакланья –
восемь запрещённых волн,
топящих сознанье.
Но эфиры не унять
никаким глушилкам –
ненадёжно повонять
мозговым сушилкам.
Хоть прошло немало лет
волнооборота,
и давно запретов нет –
слушать неохота…

Но эта информационная война была далеко не односторонней. Например, в Москве активно работала так называемая Иновещательная служба СССР (б), которая также вела вещание на иностранных языках на зарубежную аудиторию. И, по примеру СССР (б), некоторые его трансляции также глушились за пределами страны. Писатель хорошо помнил, что в конце 1973 года в Чили неожиданно случилась во-енная хунта во главе с генералом Аугусто Аугустовичем Пиночетом, и после госу-дарственного переворота все передачи Иновещательной службы СССР (б) на испанском языке эта хунта начала глушить, да так хорошо, что ни у кого не осталось сомнений, что к этому делу приложило руку американское ЦРУ!

Опусти свой взор на пару сантиметров вниз, мой любопытный читатель, и ты увидишь те самые глушилки, расставленные практически по всему периметру государственной границы СССР (б). Официально тогда они назывались «антенны

постановки радиопомех». Вот какая антенна, например, стояла в подмосковной Балашихе:

Здесь взгляд почётного гостя повторно упал на еврейские записочки татарскому народу, и на память ему пришла однажды услышанная история про тёщу и зятя. Она была не только забавная, как классический анекдот на эту вечную для русского народа тему, но в чём-то и страшная, и даже поучительная. Он не стал заморачиваться и назвал её очень просто (см. сл. главу).

Я, поэзией сверхмощен,
расскажу сейчас про тёщу!

Глава 154. СТРАШНАЯ ИСТОРИЯ О ЗЯТЕ И ТЁЩЕ

Один мужик решил подшутить над своей тёщей, которая его запилила почти насмерть. Воспользовавшись тем, что дорогая мама учапала на рынок, зятёк выпилил дырку в обеденном столе, потом залез под него, просунул голову в отверстие и замер в таком иллюзионистском положении. Скатерть свисала до самого пола, и те́ла шутника не было видно. Ещё он предварительно обильно полил кетчупом всё вокруг своей дурьей башки.

А теперь представьте, что увидела вздорная баба, вернувшись домой! На скатерти лужа крови, а в центре стола лежит отрезанная голова зятя. Тёщенька завизжала с такой силой, что с потолка свалилась криво висящая люстра и долбанула любителя розыгрышей прямо по кумполу. Зять, правда, не окочурился, но оглушительно заорал. Тёща, услыхав, как отрубленная голова отчаянно матерится, окончательно потеряла рассудок и метнула в парня только что купленную трёхлитровую банку с томат-пастой. Естественно, банка попала шутнику прямо в лоб. Очевидно, кости у мужика были толщиной с бетонную плиту, потому что ёмкость разбилась, добавив в пейзаж дополнительные краски.

Хоть и умные мы в чём-то,
но всегда одна беда:

лоб дурацкий кирпичом мы
не расколем никогда!

Бедный зять тут же потерял сознание, да так и остался сидеть под столом, теперь уже точно похожий на труп. Баба, воя, словно заевшая кофемолка, опрометью бросилась в отделение милиции, расположенное в этом же доме, на первом этаже. Пришедшим ментам при виде апокалипсического зрелища стало дурно, и они даже, потеряв самообладание, попятились к двери. И тут голова, страшная, вся покрытая красными сгустками, подняла веки, бешено завращала глазами, разинула рот и выдала тираду:

– Мама! … вашу мать! Мать вашу …! Мама!

Тёща свалилась в обморок, один из ментов рухнул рядом с ней, правда, второй оказался покрепче.

– Ты того.. этого... – забубнил он, – паспорт покажь!

– Яйчики-бабайчики, щас вылезу, – просипела башка, – и достану, погодь маненько.

Очевидно, перспектива узреть летающую по воздуху за документом голову настолько впечатлила служивого, что он с воплем «Святой Малевич! Спасите! Вампиры!» ринулся за подмогой. Итог шутки: у тёщи гипертонический криз, один мент стал заикаться, второй теперь всегда глупо хихикает при виде бутылки с кетчупом, зятёк получил вполне заслуженные 15 суток за хулиганство, но при этом – полное моральное удовлетворение. А тёща раз и навсегда перестала приставать к идиоту!

Расскажу я то, что было,
и сейчас идёт в молве:
тёща зятя полюбила –
топором по голове!

Глава 155. КОЕ-ЧТО О КАРТАХ

Все немного посмеялись над злоключениями семейного придурка, а Серёжа так даже перекрестился.

– Да надоело уже это ваше радио! – вдруг проснулся Муравлёв. – Хоть бы поговорили о чём-то возвышенном, если уж не играете.

– И то, – согласился сторож. – Володя, вот ты же много знаешь?

– Много, – не стал отрицать писатель.

– Ну и?

– Хорошо: очень много.

– Царица лесная, вот и я о том же!

Тут Кулемзин понял, что просто так отстать от занудных приставальцев ему не удастся.

– Ладно, – кивнул он головой. – Какую тему для лекции выберем? Астрологию, каббалу, историю Земли до потопа, герметическое учение, тайны подводного мира Альфа Центавры, язык зверей Гондваны, генеалогию Ромула и Рэма, иудейские войны и их последствия для развития топорного дела на Руси или технологию бальзамирования фараонов?

– Ёперная Гондвана, да ты… что-нибудь попроще… – обалдел от услышанного прапорщик.

– Вот именно, – поддакнул Курманбаев, который всегда остро завидовал кулемзинским познаниям.

– Попроще? Хорошо. Тогда, быть может, поговорим об апокрифических евангелиях? Или о метемпсихозе? Или даже о вероятности белковой и желтковой жизни во Вселенной?

Здесь взгляд Афанасьича упал на забытую игроками колоду.

– Да ты про карты что-нибудь расскажи, – попросил он. – А то играем, играем, играем, играем, играем, играем…

– Стоп! Про карты так про карты, – согласился с темой лекции гуру. – Попрошу слушателей устроиться поудобнее. И, главное, не спать во время моего спича, не ковырять в носу, не зевать и не пердеть! Последнее особенно касается…

Педагог потупился, но спорить не стал.

Кто на лекции просто вменяем,
тот сознанием вооружён,
кто внимательно слову внимает,
про еду забывает и сон!

– Мало кто задумывался над тем, откуда, собственно, взялись игральные карты, – начал лекцию писатель. Художник под шумок решил было налить себе внепланового пивка, но на него все зашикали, хотя и позавидовали стремлению.

– А между тем у них очень давняя и интересная история! – продолжил Альбионыч. – Например, знаете ли вы, что все валеты, дамы и короли карточной колоды имеют свои прототипы?

– Конечно, знаем, – подтвердил сторож. – Ты же сам только что сказал. Мать честна́я, а ты врать не будешь!

– Есть много теорий о том или ином месте и дате зарождения карт. Так, в одном старинном китайском словарике Чинг цзе Тунга (замечу, что этот словарь получил популярность в 1678 году в Европе), говорится о том, что игральные карты были изобретены в 1120 году в Китае, а вот в 1132 году в том же самом Китае они получили уже массовое распространение.

Серёжа тут же выхватил свою знаменитую книжечку «Для му.мы.» и быстро начертал для несуществующих потомков: «Интересную историю рассказывает Володя, но вот про Китай что-то не верится!»

Я читаю, возмущённый,
книгу, где написан бред:
про китайцев врёт учёный,
что китайцев вовсе нет!

– Но давайте рассмотрим сегодня несколько вариантов появления карт, – показал почему-то три пальца Кулемзин.

– Святой Малевич, а давайте! – легко согласился Муравлёв, всё же умудрившийся наклониться под стол и отхлебнуть из бутылочки Салихдзяныча.

– Итак, помимо китайской версии, рассмотрим также версию индийскую и египетскую. При всём интересе к картам, японская и китайская колода являются непривычными для нас, что, как я замечаю, порой удивляет и даже вводит в заблуждение «разум» Полтавцева.

Охранник тут же добавил в книжечку новую строчку: «Как же порой удивляют и вводят в заблуждение мой разум карточные колоды иностранного производства!», причём, слово *разум* записал без кавычек.

– И внешний вид, и характер игры, который похож на домино, – продолжил Володя, – всё это вызывает неподдельный интерес. Однако, есть сведения о том, что в Китае в VIII веке для игр, например, использовались палочки, а после полосочки бумаги с различной символикой. Эти далёкие прародители карт использовались так же в качестве или вместо денег, именно поэтому было всего лишь три масти: монета, две монеты и много монет.

Это знание воспето
в книгах, как научный факт:
кто привык играть в монеты,
тот и в покере мастак!

– Надо же, как не повезло древним китайцам, – пробормотал Батыршин. – Йодистые японцы, это сколько же возможностей они упустили бы, если бы играли с нами в покер!

– Так же существует и ещё одна теория происхождения игральных карт. Например, до появления привычных нам бумажных карт некие древние японцы, о которых только что упомянул наш недообразованный друг, играли специальными табличками, которые, однако, напоминали карты, – они были выточены из слоновой кости или из дерева с прорубленными фигурками.

– Мать моя партия, а я вот слышал, что в средневековой Японии основоположниками игральных карт служили не какие-то там полосочки, а раковины от мидий, – неожиданно заявил педагог.

– Спасибо, Нуртай, – поблагодарил Курманбаева рассказчик. – Поздравьте нашего товарища, друзья, ведь у него сегодня событие: впервые с момента окончания ВПШ[225] ему пригодилось-таки высшее образование!

[225] Высшая партийная школа – прим. ист. редактора

Курманбаев скромно потупился.

– Кстати, такие карты, о которых так упомянул твой сосед, Серёжа, были одни из самых удивительных. Например, с помощью карт-раковин раскладывали пасьянс на столе, примитивная идея которого была в том, что в разложенных раковинах искались ракушки с одинаковыми рисунками. В это же время развивались карты и в Индии, и одним из интереснейших моментов было то, что в этой стране на картинках игральных карт был изображен четырёхрукий Шива, у которого в руках были кубок, меч, монета и жезл. После таких изображений этого верховного божества в Индии возникло поверье о том, эти предметы в руках Шивы обозначали сословия, и это, кстати, и послужило началом современных карточных мастей.

– Это не тот ли Шива, – прищурился Полтавцев, – что в компании с Брахмой и Вишну составляют классическую тримурти[226]?

[226] Триада, объединяющая трёх главных божеств индуистского пантеона – Создателя (Брахму), Хранителя (Вишну) и Разрушителя (Шиву) – прим. автора

– Тот, тот, – ответил Володя. – Нуртай, рот закрой. Талгат, рот закрой. Валера, рот закрой.

И тату́ себе живо
начертал человек:
«Брахму, Вишну и Шиву
не забуду вовек!»

Глава 156. ПЯТАЯ ПОКЕРНАЯ НОТАЦИЯ

В этом месте автор решил объяснить, что по старой традиции, сложившейся ещё в первом томе «Русской кочерги», он позволил себе разбавить довольно длинную историю о картах своими верными покерными нотациями – исключительно для того, чтобы ты, читатель, не забывал, что наше сиятельное повествование всё-таки не о картах, а об игре и игроках!

«Сейчас я вам всем клизму вставлю – поголовно!», подумал писатель. И тут же поправил себя: «Или лучше *позадно* – как очистительный этап демократии…»

«Володя решил раскрыться, аки алтарь на пасху, и намеренно уронил одну карту – младшего джокера. Глаз Нуртая, отделившись от тела, внимательно сопроводил карту, порхнувшую под скамеечку»

«– Царица лесная, как же так? – поразился Полтавцев.

– Всё очень просто, – объяснил Кулемзин. – Враг моего врага – мне если не друг, то, во всяком случае, товарищ по несчастью!

– Не понял, – признался сторож.

– Объясняю проще – специально для тебя: опоздать на поезд, который уже ушёл, совсем не страшно. Ты просто стоишь на перроне и не знаешь, что делать. Особенно если в этом поезде уехала твоя жизнь….

Все замолчали, поражённые невероятной глубиной суждения»

«А что тут думать, сказал прапорщик и нажал ядерную кнопку!»[227]

[227] А ведь автор ещё в первом томе романа в главе 325 обещал, что эта искромётная фраза прозвучит именно во второй части второго тома «Русской кочерги»! – прим. гл. редактора

«Это был уникальный розыгрыш роббера: Талгат играл на отсутствие червей, Сергей – на отсутствие пикей, Володя – на отсутствие козырей, а Нуртай – на отсутствие совести и присутствие двух джокеров»

«Интрига игры была столь же сложна, как пресловутый *гордиев узел*, а постоянные пакости педагога и нелепые ходы Сергея окончательно запутывали ситуацию»

«Припрятанный старший джокер на руках у Володи играл роль *лимитрофа* Римской империи, то есть погранотряда особого значения для нанесения внезапного удара»

«Марсианин брал взятку за взяткой, и у играющих с ним возникло впечатление, что они внезапно угодили под механический пресс по переработке ягод в полезный для организма сок»

«Ситуация, как когда-то справедливо заметил некий Наполеон Жеромович Бонапарт, менялась ежеминутно: кому-то большие звёздочки на погоны, кому-то маленького ежа в задницу»

«Увидев пришедшие карты, Курманбаев возрадовался так, что чуть было не получил инфаркт – казалось, сердце его скакало по всей грудной клетке, вслепую тычась в поисках выхода, и не находя его»

«Мало того, что у татаро-монгольской части команды был врождённый иезуитско-азиатский менталитет, к нему ещё добавилась и часть вековой мудрости еврейского народа: у Талгата – в семье, у Нуртая – на работе. Да, нелегко приходилось славному русскому богатырю Альбионычу!»

Чуть не в каждой галерее
есть картина, где герой,
порываясь в бой скорее,
поднял меч над головой!

«Выиграв третью партию подряд, Альбионыч закрепил свою победу, весело насвистывая «Hippy Hippy Shake» из далёких шестидесятых. Талгат, будучи музыкантом, узнал мелодию, но закручинился, так как никогда не знал её автора[227].

[227] Эту замечательную песню исполняла американская рок-группа «The Swinging Blue Jeans» («Голубые джинсы свинга») – прим. муз. редактора

«– Мать моя партия, неужели ты мне не доверяешь? – в притворном ужасе вскричал педагог.

– Доверяй, но проверяй, как говорил мистер Клинтон, расстёгивая штаны»

«– Яйчики-бабайчики, стать бы народным артистом, – немного помечтал вслух писатель, – да выйти на всенародную аудиторию с моноспектаклем о Нуртае.

Педагог понял, что далее ничего хорошего о себе не услышит. И не ошибся.

– И назвать его примерно так: «Шакал, сын шакала»

«– Володя, а почему сначала всё было плохо, а потом стало ещё хуже? Ёкарная жизнь, ну почему?!– спросил Талгат.

– Детерминизм, – коротко объяснил философ»

«В опасной близости от игроков, как детективный экспресс у скучной Агаты Кристи, пронеслись дворовые дети, чуть не сбив их на поверхность планеты воздушным потоком.

– Соблюдайте «Матросскую тишину»! – прикрикнул на дворовых детей Володя, но тщетно – призыв остался неуслышанным»

«– Семь! – запальчиво заказал Афанасьич.

– Что, сынок, нуждаешься в свежих впечатлениях?»

«– Как волка не корми, он всё равно позорный! – грустно заметил Володя, глядя на педагога. Нуртай тут же опустил голову, пряча блестевшие от радости глаза»

«– Я тебе сейчас объясню, – горячо говорил охранник. – В каждом человеке – и добро, и зло. На левом плече у нас дьявол сидит, а на правом – ангел, и они постоянно борются за душу, и кто победит, тот человеком и завладеет.

Иблис, сидевший на левом плече Нуртая, искренне неслышно расхохотался.

– Весёленькое дело! – повернулся к Полтавцеву Володя. – А я и не знал, что всякую нечисть на плечах таскаю. То-то, бывало, чувствую по утрам, плечо свербит. Почешу – и всё проходит!»

Не читая свежей прессы,
не смотря киноэкран,
знают ангелы и бесы,

что не верит в них Вован!

«– Паре́! – произнес Кулемзин. На языке фехтовальщиков это означало, что он поздравил бравого военного с удачной защитой»

«Даже не поднимая глаз, Альбионыч уже знал, что карты у Курманбаева неважные, потому что услышал тяжёлый, словно из паровозного *ресивера*, вздох»

Глава 157. КОЕ-ЧТО О КАРТАХ (продолжение)

– Но одна из самых популярных версий происхождения игральных карт – это египетская.

– Святой Малевич, я так и знал! – решил проявить участие в лекции Муравлёв.

– Я и не сомневался, – отозвался лектор. – Кстати, эта версия сегодня раскручена современными оккультистами. Они утверждают, что в глубокие древние времена жрецы Египта записывали все мудрости и таинства мира на 78 табличках из золота, а эти таблички были изображены в виде символики игральных карт. Таблички делились на такие части: «младшие арканы» – 56 штук (позже они стали обычными игральными картами) и «старшие арканы» – их было 22 штуки, они считались загадочными картами колоды Таро, и их использовали исключительно для гаданий.

– Как интересно! – воскликнул художник из-под стола, на этот раз прихлёбывая из бутылочки сторожа, увлечённого лекцией.

– Эта версия была запущена в массы в 1785 году французским оккультистом и писателем Жаном-Батистом Франсуазовичем Эттейллой в своём знаменитом тогда романе «Manière de se récréer avec le jeu de cartes nommé Tarots»[228], а многочисленные его продолжатели не только поддержали и продолжили, но и создали собственную систему интерпретацию карт Таро.

– А я вот слышал… – решил вставить свои три тиына[229] Курманбаев.

[228] «Как воссоздать игру в карты под названием Таро» – фр.
[229] Саксаульские копейки – прим. фин. редактора

– Если ты о том, что пятью шесть тридцать, то об этом слышали и мы! А вот о названии Таро слышал пока я один, но через мгновение услышите и вы. Оно, кстати, якобы имеет происхождение от египетского слова *та рош*, что означает «путь цариц», а занесены эти карты были в Европу, опять же якобы, или арабами, или цыганами, которых, кстати, часто считали раньше выходцами из Египта.

Смысл игры не столь туманен,
сколь загадочен их путь:
карты носят все цыгане,
чтоб еврея обмануть!

– Не нравится мне это якобы, – не смирился с поражением педагог. – Мать моя партия, всё в науке должно быть чётко и ясно. – Правда, последнее слово немного подавилось толчком прапорщицкого локтя в нуртаевскую печень.

– Про появление карт в Европе существует несколько версий. Одна из версий такова, что появление карт связано с появлением цыган на территории Европы в

XV веке. А другая версия приоткрывает нам интересный факт, будто малоизвестный живописец…

– Ты, что ли? – толкнул в бок художника музыкант.

– Нет, это был не Валера, так как Валера уже вполне себе известный – в наших порочных кругах! Я же говорю о малоизвестном художнике, который изобрёл карты для развлечения умалишённого французского короля Франции Карла VI Карловича Валуа, оставшегося в истории с *погонялом* Безумный. Якобы с появлением такого развлечения у короля он успокаивался, а его деспотичный сумасшедший характер был отвлечён. Но мы-то с моим другом Серёжей Полтавцевым никогда не сомневались, что мнение о том, что изобретение карт для Карла VI Безумного как развлечение и утеха – всего лишь осталось в памяти потомков очередной непроверенной легендой.

– Мать честна́я, вот именно! – подтвердил Полтавцев.

Стал безумным наш король,
услыхавши си-бемоль!

– О довольно древнем происхождении карт говорит и тот факт, что ещё в 1379 году было опубликовано первое документальное их подтверждение – в хронике одного из итальянских городов появилась вот такая заметка: «Введена игра в карты, пришедшая из страны сарацин, и называется ими *наиб*»

– Кстати, по этому названию – наиб – можно сделать предположение о том, что эта игра была придумана военными, – неожиданно промолвил старший прапорщик, – так как *наиб* означает «капитан» или просто «начальник». Володя, рот закрой. Нуртай, рот закрой. Серёжа, рот закрой. Валера, рот закрой.

– Кстати, арабские карты тоже имели одну особенность, – придя в себя, продолжил Альбионыч, – которая отличала их от остальных игральных карт: на этих картах изображались только цифры, так как на изображение человеческих фигур был запрет…

– Закон Магомета, – солидно подтвердил Муравлёв. – Талгат, рот закрой. Нуртай, рот закрой. Серёжа, рот закрой. Володя, рот закрой.

Володя закрыл рот, затем откашлялся и продолжил:

– Поэтому существует мнение, что эти французы скорее не изобрели карты, а только преобразили уже имеющиеся всевозможными рисунками. Надо заметить, что масти карточных колод всегда были разнообразны. В одних из самых ранних итальянских колод масти, например, носили названия мечей, кубков, жезлов и денариев[230]. Очень похоже было на индийскую тематику: духовенство, дворянство и торговый класс, а сам жезл символизировал королевскую власть, стоявшую нам всеми.

[230] Римская серебряная монета времён Республики, впервые отчеканенная в 268 году до нашей эры, и первых двух веков Империи. От лат. Dēnārius – состоящий из десяти – прим. ист. редактора

Трезвым будучи отчасти,
соблюдая свой режим,
я другие выбрал масти:

пиво, виски, водка, джин!

– А вот французы придумали свой вариант мастей: у них вместо мечей появились пики, кубки стали червями, денарии превратились в бубны, а жезлы назвались крестами или трефами, ведь треф с французского означает лист клевера. Эти названия на разных языках сейчас звучат по-разному, например, в Англии и Германии – это лопаты, бриллианты, сердца и даже дубинки, а вот в Италии – это копья, цветы, колокола и листья. Яйчики-бабайчики, кстати, российское слово черви произошло от слова червонный, то есть красный.

– А-а-а, теперь понятно, почему черви – это красные масти, – глубокомысленно заметил Афанасьич.

– А мне, например, даже понятно, почему кладбищенские черви красные! – заметил писатель.

– Царица лесная, почему?!

– Да по той же причине, – объяснил Альбионыч. Все немного посмеялись над тянульцем к знаниям. Между тем интересная лекция продолжалась.

Глава 158. ШЕСТАЯ ПОКЕРНАЯ НОТАЦИЯ

«Угрызений совести у Володи не было ни малейших, ведь ещё апостолы несколько тысячелетий назад знали, что поступать с людьми надо так, как они поступили бы с вами»

«– Бесплатный паёк бывает только на гауптвахте, – предупредил прапорщика Батыршина Альбионыч»

«Взяв последнюю победную взятку и увидев приоткрытый рот Нуртая, писатель приложил палец к губам:

– Тихо, господа! Яйчики-бабайчики, не нарушайте романтику момента…»

«Но, как любил говаривать ныне покойный Александр Васильевич Суворов, каждый солдат должен знать свой манёвр»

«– Надо бы как-то обозвать наш покерный клуб, – предложил Кулемзин. – Ещё мой дедушка Остап Бендер говорил об этом, называя козлевичскую тачку именем благородной антилопы.

Сережа тут же страшно выпучил глаза и с придыханием высвистнул:

– «Союз борьбы», мать честна́я!

– А почему не «Союз участников конфликта на КВЖД[231]»? – резонно поправил его историк. – Или, скажем, «Коалиция противников бубновой четвёрки против всех остальных карт»?

[231] Китайско-Восточная железная дорога – железнодорожная магистраль, проходившая по территории Маньчжурии и соединявшая Читу с Владивостоком и Порт-Артуром. Была построена в 1897-1903 годах как южная ветка Транссибирской магистрали – прим. ист. редактора

Хоть давно уже знакомы,
но по-прежнему дрянны:
как союз ни назовём мы,
будем всё ж разобщены!

«– Сам знаешь, когда нужна спешка – при молниеносной атаке с правого фланга на превосходящие силы противника. И ещё при ловле сутенёров, тьфу на их неквалифицированный труд!»

«На лице Салихдзяныча было примечательное выражение – с таким люди бросаются в холодную воду с приличной высоты. На нём были написаны азарт, надежда и яростная решимость выгрызть у Суки-судьбы свой шанс»

«Да, неплохо было бы устроить этим оборванцам прослушивание Фредерика Николяевича[232] Шопена в нокауте», лениво подумал гуру.

[232] Автор уже объяснял это слово в первом томе «Русской кочерги», но специально для тебя, читатель, повторится: это не ошибка, папу Шопена действительно звали Николя, который ещё в юности переселился из Франции в Польшу, видимо, для того, чтобы сделать своего сына великим польским композитором – прим. автора

Видно, дух из тыквы вышел –
пах разбит, саднит плечо:
я в нокауте не слышу,
как судья считает счёт!

«– По-моему, Нуртай, на прелом языке марксизма-ленинизма это называется *отрыв теории от практики.*

Мусаич тут же замкнулся – он страшно не любил, когда всуе трогали его веру»

«– Нуртай, что ж ты играешь mala fide[233]! – возмутился Альбиоыч.

[233] Нечестно – лат.

– Мала-мала, – тут же перевёл с чукотского Серёжа»

«– Пепел проигранной партии стучит в моё сердце! – неточно процитировал «Тиля Уленшпигеля» писатель»

«– По мнению моего друга Гёте, – произнёс Володя, –

Когда же все испробованы средства,
тогда разящий остаётся меч!»

«Дворовые дети кричали так, как будто хотели прикончить игроков акустическим ударом»

«Во время игры ссоры возникали часто, иногда по совершеннейшим пустякам. Явление, кстати, сказать, для нашего народа не редкое, и даже однажды описанное неким классиком[234] в печальной «Повести о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем»

[234] По-моему, автор имеет в виду некоего Н. В. Гоголя – прим. лит. редактора

«– С Хиросимой, конечно, не сравнить, но на развалины Колизея очень похоже, – подвёл итог партии подкованный в географии Альбиоыч»

«– Ты, Нуртай, как паралич, – заметил Кулемзин.

– Мать моя партия, это почему? – насторожился Курманбаев.

– Да прогрессируешь прямо на глазах»

«– Ходи, Серёжа, своим козырным королём, – предложил Володя.

– А как ты это знаешь?

– А как ты знаешь, что утром взойдёт солнце?

– Царица лесная, а я и не знаю, – ответил охранник.

Володя ещё раз подивился философской направленности его мысли.

– Впрочем, ты прав, старик. Я ведь тоже не знаю, взойдет ли наш, как говорят на зоне, *блат-шарик*. Я это всего лишь предполагаю, потому что так было на протяжении всей моей многострадальной жизни и, судя по сообщениям историков, оно всходило и в прошлом. Но ты прав, знать я этого не знаю…

– Йодистая зона, вы уже ходить будете или нет? – нервно поинтересовался военный»

На закате и восходе,
словно, правда, по часам,
солнце всходит и заходит,
освещая покер нам!

Глава 159. КОЕ-ЧТО О КАРТАХ (ещё одно продолжение)

– Карты, карты, карты… Ах, это слово, при котором у многих людей загорались глаза, азарт брал над ними верх, а разум уже не справлялся со своими сложными обязанностями. Быстрыми темпами карты распространялись во многих странах Европы. Правительства этих стран, наблюдая за всем происходящим, пытались укротить азарт в людях, принимая меры и запрещая порочную игру, но… все попытки оказывались ничтожными. Наравне с укрощением азартных игр появлялись всё новые и новые азартные карточные игры. В Германии к тому времени даже начали появляться ремесленные цеха, которые занимались изготовлением карт, и способы их выделки совершенствовались с каждым десятилетием.

«Мать моя партия, ну это ты уже загнул», подумал педагог.

– Кстати, во Франции уже в XV веке были установлены масти карт, которые существуют и по сей день. Считается, что масть каждой карты говорит о четырёх главнейших предметах рыцарского обихода: трефы – меч, черви – щит, пики – копья, бубны – знамя и герб.

– Мать честна́я, вона как, – поражённо прошептал сторож.

– Существует мистическая связь в картах, продолжил лектор, – и с чем-то неземным, и в тоже время всем нам знакомым: например, 52 карты – это…

– … больше, чем 51! – попробовал угадать Муравлёв.

– Не сомневаюсь в твоих математических способностях, – подтвердил Володя и продолжил:

– 52 карты – это число недель в году; 4 масти соответствуют временам года, в каждой масти насчитывается 13 карт, а ведь именно такое же количество недель в каждом времени года. А уж если сложить все значения карт, то общая сумма получится 364 – как количество дней в году без одного.

– Йодистый валет, удивительное рядом! – неожиданно воскликнул прапорщик, да так, что сторож чуть не свалился со стульчика.

Но назло всем ретроградам,
и вполне действительно
удивительное – рядом!
Что и удивительно…

– Так вот, первые карточные игры были очень замысловатыми, ведь в игре принимали участие не только 56 стандартных карт, но ещё и 22 карты «старшие арканы», и ещё 20 карт, которые были козырными, то есть названными по стихиям и знакам зодиака. Из страны в страну названия этих карт путались, путались…

– …путались, путались… – помог филологическому упражнению писателя Афанасьич.

– Да, спасибо, Серёжа, – немного сбился с темпа лекции марсианин, но тут же продолжил:

– И насколько запутались, что играть уже становилось просто невозможно. А уникальностью этих карт было то, что они раскрашивались вручную, поэтому и цена на них была достаточно велика, и именно поэтому приобретать их могли только богатые люди.

«Мать моя партия, неужели Кулемзин – богатый человек?!», подумал Курманбаев, вспомнив, что карточные колоды в володином доме занимают почти половину книжной полки.

И мысль пришла немаловажна,
как капля влаги на траве:
богатство не в мешке бумажном,
а в книгах! Ну, и в голове…

– Радикальные изменения произошли только в XVI веке, когда исчезли почти все картинки, а остались только четыре так называемые *старшие масти* и джокер, то есть шут, который, как и шут реальный, играл большу́ю роль в колоде… то есть свите короля! Такую роль, например, играет в нашей порочной компании некий Полтавцев!

Охранник приосанился, вынул книжечку «Для му.мы.» и торопливо записал: «Только что Кулемзин подтвердил мою выдающуюся роль в истории развития покерного дела на территории Бермудского Учпучмака! Вот бы, дурак, ещё догадался помочь материально…»

– Интересен и тот факт, – продолжил рассказчик, – что все изображения на картах были либо реальными, либо легендарными героями.

– Святой Малевич, прямо как у нас с вами! – прихлёбывая из нуртаевской бутылочки, из-под стола выкрикнул живописец.

– Именно. К примеру, четыре короля представляли собой удивительных людей древности: Карл Пипинович[235] Великий символизировал черви, Юлий Юлиевич Цезарь – бубны, библейский царь Давид Иессеевич Вифлеемский – пики, а Александр Филиппович Македонский – трефы.

[235] Это не придумка автора! Папу Карла Великого действительно звали Пипин Короткий, а маму так и вовсе Бертрада Лаонская! – прим. ист. редактора

«Кто эти мужчины?», подумал Полтавцев, разглядывая пустую бутылочку, извлечённую из-под стола, где постоянно наблюдалось какое-то непонятное движение.

– Правда, относительно дам в картах единогласия не было: например, дамой червей была то Юдифь, то Дидона, а то и вовсе Елена Троянская. Пиковая дама олицетворяла богиню войны – то это была Афина Зевсовна, то Минерва (та же Афина, но только римская), а то и вовсе Жанна Жаковна д’Арк. Но в конце концов в роли роковой дамы пикей после многих разногласий стали изображать библейскую Ра-

хиль Лавановну – она как никто лучше подходила на роль «царицы денег», так как обокрала собственного отца Лавана Вафуиловича. Дамой же треф выступала добродетельная дочь римского консула Лукреция Спуриевна.

«Царица лесная, кто эти женщины?!», подумал охранник и решительно допил кулемзинскую бутылочку «Тянь-Шаня», пользуясь тем, что рассказчик вдохновенно не закрывал рта.

Знали в древности и инки,
что любили всё учесть:
карты – плоские картинки,
на которых люди есть!

– Одна из самых сложных карточных фигур – валет, с английского означает оруженосец, – между тем продолжал Альбионыч. – Вначале слово валет было значением слуг и даже шутов, но потом утвердилось именно в значении оруженосца. Так, черви символизировал французский рыцарь Этьен де Виньоль Ла Гир с погонялом Сатана (кстати, соратник Жанны Жаковны д'Арк), пики представлял герой эпоса Ожье Датчанин, бубны – некий Роланд Милонович, а трефы – Ланселот Банович Озёрный.

– Ёперный Артур, а чего это у него такая русская фамилия? – удивился военный музыкант.

– Да это не фамилия, а погоняло, – объяснил Кулемзин. – Якобы этого рыцаря Круглого стола в детстве воспитывала некая Дева Озера, учившаяся магии у самогó Мерлина, сына английского *иблиса*!

«Надо же, как у них, чертей нерусских, всё сложно!», удивился Афанасьич.

Глава 160. СЕДЬМАЯ ПОКЕРНАЯ НОТАЦИЯ

«Так вот о чём», мелькнула запоздалая мысль сожаления у Володи, «предупреждала точка на ногте Суки-судьбы правой несчастливой руки…»

«– Шах, яйчики-бабайчики! – кинул писатель старшего джокера. – И мат! – в качестве добавки из его руки выпорхнул покер»

«Кулемзин раздавал лишние взятки осторожно – как настоящий стратег: чтобы ни один из игроков не был обделён. Он перенял эту привычку у деревенских жителей, которые *работали* с синичками так: вначале прикармливали и приучали с ладони клевать, а потом раз – и в клетку!»

«Сейчас эта маленькая козырная двоечка была для прапорщика ценнее, чем кинжал работы Бенвенуто Джованниевича Челлини, который тот, по слухам, подарил товарищу Брежневу на инаугурацию»

Я к эмоциям не склонен,
ведь в разведке не служил:
подарил кинжал я Лёне,
хоть Героя он просил!

«– Ну и манеры у тебя, Нуртай, – проворчал сторож. – Царица лесная, прямо как у свиньи…

– Товарищ Полтавцев, – строго оборвал его Альбионыч. – Вся твоя многострадальная жизнь в Советском Союзе (б) всё же не даёт тебе права обижать таким сравнением в общем-то невинное животное!»

«Интрига игры раскручивалась, как детская карусель»

«– Мать моя партия, жалко, покер не пришёл, – как бы про себя пробормотал Курманбаев, но услышали его, разумеется, все. Данная реплика тотчас включила фонарик надежды у охранника. «Это было бы хорошо, тогда мой джокер может сыграть. А если он врёт?», засомневался Полтавцев. «А, может, не врёт?»

– Такие люди врут даже перед смертью, – наклонившись к его плечу, прошептал Володя»

Распознать лжеца мето́да
нам всегда понятна:
если врал четыре года,
то соврёшь на пятый!

«– Пять, – решил рискнуть педагог.

– Знаешь, старик, как говорят китайцы? – внимательно посмотрел на него Кулемзин.

– Как? – занервничал иблисоид.

«Берегись! Может, ты держишь за хвост тигра…»

«Если права народная мудрость и каждая палка о двух концах, то дубина, занесённая сейчас Нуртаем, одним концом ударила по Альбионычу, у которого был только младший джокер, а вторым по Талгату, чьи тактические ресурсы исчерпывались тем же джокером, только старшим»

«Афанасьич увидел пришедшие карты, и на его вдохновенном лице отразилась сложная гамма чувств: он побледнел, потом покраснел, потом спохватился, что выдаёт себя изменением цвета. По всему было видно, что такая раскладка может свести его с небольшого имеющегося ума»

«Курочка, конечно, клюёт по зёрнышку, но теми зёрнышками сыт не будешь, поэтому надо не просто брать очки в каждом роббере, а стараться сделать так, чтобы у тебя их прибавилось, а вот у соперников – наоборот!»

«Кулемзин мгновенно проанализировал серию абсолютно безумных ходов и подумал: «Как бы к концу моей нелёгкой жизни эти психи всё-таки не довели меня до ручки! А то ведь придётся успеть узнать и эту загадочную сторону жизни…»

«– Сначала надо было выбить старшего джокера, а потом уже – младшего, – терпеливо объяснял Володя.

– И что это, не одно и то же? – возмутился охранник. – Мать честна́я, я же ещё со школы помню, что от перемены места все слагаемые изменяются как хочут!

– Одно, да не совсем, – продолжал втолковывать гуру. – Вот, например, одна вполне невинная фраза: «Профессор завалил студента на экзамене». Почему она не вызывает такого леденящего ужаса, как другая фраза: «Студент завалил профессора после экзамена»?»

«Перед началом игры Володя посмотрел на игроков в общем-то дружелюбно и даже с симпатией – как рыбак на откопанного жирного червяка»

«Во время игр дворовых детей славный периметр Бермудского Учпучмака напоминал пикник на лужайке после отлёта звена отбомбившихся *мессершмидтов*»

«Писатель взял с покерного столика две пробочки от только что вскрытых бутылочек и лихо отстучал ими начальные такты «Каравана» Дюка Джеймсовича Эллингтона»

Недоволен я парнями,

с кем в игре всегда рисков:
стану психом я с друзьями,
что *хужее* всех врагов!

Глава 161. КОЕ-ЧТО О КАРТАХ (окончание)

– Первые карты, кстати, были очень дорогими – из-за того, что рисовались они от руки, станков по их производству ещё не существовало. Длина карт была в то время 22 см, и это был не очень удобный размер. В нашей жизни, где мы привыкли ко всему, что нам знакомо с детства, всё кажется обычным. Вот и атласные карты…

Володя нежно погладил колоду.

– … для нас родные и привычные. Но, посмотрев на другие карты, мы будем думать, что они какие-то нелепые. Ведь не одну сотню лет атласные карты распространялись по всему миру, пока не достигли благословенной территории нашего Бермудского Учпучмака, и именно поэтому так заслужили доверие нашего покерного коллектива. Именно они стали для нас настолько привычными, как сказки, мифы и былины для Полтавцева в школе – вместо тригонометрии.

Сторож немедленно извлёк знаменитый блокнотик «Для му.мы.» и торопливо накаракулировал на чистой странице: «Если бы вместо тригонометрии, а, может, заодно, и планиметрии, не говоря уже о вариационной статистике, я бы в школе изучал сказки, то сегодня, наверное, был бы даже умнее Володи!»

«Ох, царица ты лесная!»,
сторож поразмыслил вдруг.
«Умный тот, кто много знает, –
но не песен, а наук!»

– Кстати, в России карты появились всего лишь в середине XIX века, и как-то сразу прижились в так называемом высшем обществе. Например, вопросами их художественного оформления занимались далеко не последние люди в империи: академики живописи…

Здесь все посмотрели на Муравлёва.

– Нет, друзья мои, вовсе не Валера, и даже не его далёкие предки с хвостами, а всего лишь Адольф Иосифович Шарлемань и Александр Егорович Бейдеман. Вот эти люди своими талантом и мастерством и сделали карточную эпоху, и до сих пор изображения, оформленные ими, являются эталоном и чудесной карточной графикой. Кстати, сегодня эти шедевры украшают собрание Государственного Русского музея и Карточного музея Петергофа.

– Ну надо же! – восхитился Салихдзяныч. – Ёкарный музей, а я-то думал…

– Не обольщайся, старичок, с похмелья здесь способен думать только я. Так на чём я остановился?

– На картах! – решительно рубанул воздух ладонью Полтавцев.

– Спасибо, Серёжа, ты, как всегда, вовремя приходишь на помощь. Итак, о картах. Со временем игры эти расписные листочки разделились как бы на две составляющие: коммерческие – с чисто математическим расчётом, и азартные, где (прости, русский язык!) превалирует воля так любимого мною Случая. Первый вариант (а это винт, вист, преферанс, бридж, классический покер) прижился у людей образованных, которые между ежедневными походами на государеву службу любили поиграть по вечерам, а вот второе направление (сéка, очко, штосс и сотни дру-

гих, вплоть до безобидного подкидного дурака) царило в так называемом простонародье.

– Прямо как у нас с вами, – обрадовался Афанасьич.

– Именно.

Как бы вымолвить культурней,
мысль была чтоб глубока?
Подкидной дурак для дурня,
кочерга – для дурака!

– Да, мать моя партия, занятная история, – наконец дал свой сомнительный комментарий и педагог.

– Феномен быстрого распространения карт по всему миру просто беспримерен – сегодня в них играют буквально во всех уголках земного шарика, – завершил своё научное исследование Кулемзин. – Я лично как-то наблюдал, как режутся в буру российские полярники и белые медведи – буквально в паре километров от Северного полюса. Но до сих пор бестолковые историки утверждают, что доподлинное происхождение карт покрыто непроницаемым зеленоватым мраком истины. Слишком поздно спохватились они, ведь время успело разрушить многие памятники, которые могли бы пролить свет на историю возникновения карт.

«Царица лесная, как это пролить свет?», озаботился охранник. «Это что вам, водка, что ли, не дай *дедушка*?!»

– Так что, несмотря на их бесплодные усилия, история карт просто-таки изобилует белыми пятнами, она крайне запутана, и лично я сегодня могу сказать, что едва ли кому-то когда-то что-то удастся в ней выяснить наверняка… Вот я упомянул буру, хотя мы играем в покер, хотя и русский, а если бы у нас с вами, мои маленькие друзья, было больше времени, я мог бы научить вас таким интересным иг-рам, как бридж и вист, джин рами и клондайк, каналта и карт матч, криббедж и пи-нокль, питч и скат, баккара и ойкр, штос и семикарточный стад. Уфф!

Так завершилась эта увлекательная, но вместе с тем и печальная лекция великого покерного гуру.

Размышлять о том напрасно
(только в тыкве перегрев),
в картах многое неясно:
например, где козырь треф?

Глава 162. ВОСЬМАЯ ПОКЕРНАЯ НОТАЦИЯ

«– Какой *позор*, яйчики-бабайчики! – зычно объявил Альбионыч. Присутствующие вздрогнули и, на всякий случай, начали виновато переглядываться. Среди них не было таких полиглотов, как гуру, и откуда им было знать, что это неприятное для русского слуха слово означает всего лишь *внимание*, правда, на чешском языке»

«Володя, как большой психолог покера, знал, что одна из самых эффективных манипуляций состоит в том, чтобы сказать или хотя бы намекнуть человеку, что ему известно то, что он полагает скрытым от других, и тогда выбитого из равновесия игрока можно брать неодетыми, то есть голыми руками»

«Покеры-джокеры притягивались к Нуртаю, как стре́лка компаса к Курской магнитной аномалии»

«– Йодистая армия, на очко давно с зубной щёткой не падал? – страшно закричал Талгат на педагога, но тут же вспомнил, что он не в казарме»

«Удар мозга Кулемзина, как он сам часто любил повторять, равнялся четырём (прости, русский язык!) мегаджоулям. Никто не понимал, что это означает, но силу этого гипотетического удара все чувствовали постоянно»

«– Нуртай… – укоризненно произнёс Володя с таким же выражением, с каким в своё время Уинстон Рэндолфович Черчилль произносил имя Бенито Алессандровича Муссолини»

«– Так мне что, не повезло? – спросил Нуртай.

– Нет, – успокоил его добрый Володя, – тебе *по-крупному* не повезло!»

Нет краюхи с голодухи!
Я ж по-прежнему везуч:
что мне пруха иль непруха,
коль пивка запас могуч?

«Одним из важнейших постулатов при игре в покер, как, впрочем, и в любой другой *коллективной* игре, было следующее изречение, придуманное Володей специально для *русской кочерги*:

Поступай с другими так, чтобы они не успели поступить с тобой так же!»

«С такими картами Мусаич почувствовал себя беззащитным – как тот мистер Пиквик[236], когда юный мистер Бардл с криком вцепился ему в гетры»

«Кулемзин глядел напротив и не знал, в какую сторону нанести удар – то ли на северо-запад, как армия Тимошенко в Корсунь-Шевченковской операции, то ли на северо-восток, как под Сталинградом»

«– Эш[237], – коротко проговорил Кулемзин и кинул на столик первую карту»

[236] Сэмюэл Пиквик – литературный персонаж, созданный английским писателем Чарлзом Джоновичем Диккенсом в своём романе «Посмертные записки Пиквикского клуба» – прим. лит. редактора

[237] Огонь – ивр.

«Афанасьич покраснел от гнева и тут же заявил, что будь его воля, он взял бы Курманбаева, посадил его на поезд, отвёз к Чёрному морю и там утопил. Правда, на вопрос Кулемзина, почему именно к Чёрному морю, а не, например, к речке Поганке, вразумительного ответа охранник так и не дал, хотя и пробормотал что-то про некую родственницу – мать честну́ю»

«В глазах Курманбаева читалась нарочитая жалость к человеку, который с трудом дослужился аж до старшего знаменосца, но так и не научился смотреть в глубь событий»

«Пруха к Мусаичу шла, как сёмга на нерест!»

«– Царица лесная, да я всё знаю, – тихо сказал Полтавцев.

– Ага, – тут же зацепился педагог, – сейчас проверим. Мать моя партия, какой главный город Кипра?

– Ну этот… как его… столица!»[238]

[238] Кстати, наш герой не совсем далёк от истины. Например, в Республике Саксаулия, где и происходит действие нашего романа, новая столица названа Астана, что переводится с саксаульского языка именно как столица! – прим. автора

«Как известно из книги профессора Неймана «Лучшие суда мира», для погружения подлодки весом в 18.000 тонн нужны всего лишь две тонны воды. Для погружения в пучину всех трёх игроков Кулемзину понадобилось всего лишь объявить мизе́р»

«Увидев пришедший роббер, Володя сделался печальный, как актёр Абдулов, но не тот Абдулов, который был Саша и работал в Ленкоме у Марка Захарова (он почему-то больше запоминался весёлым), а тот Абдулов, у которого в «Месте встречи» Высоцкий отобрал оружие и удостоверение муровца – Всеволод»

«Нуртай набрал в грудь побольше воздуха, и марсианин заранее поморщился. Он точно знал, что сейчас последует за этим воздухозабором – очередной урок советского вокала, который надоел ему ещё в семидесятые годы прошлого столетия. И вокал не замедлил проявиться:

– Мы мчимся, не зная покоя,
где стройки мерцают огни,
чтоб в сердце своё молодое
принять все заботы страны…

Талгат поперхнулся пивом и, сорвавшись с места, побежал в кусты»

«Глядя на дворовых детей, грустно думал писатель о том, как обаятелен у молодости тот избыток вещества жизни, который с годами испаряется бесследно и необратимо»

«Альбионыч часто думал о том, что относись он к покеру более серьёзно, наверняка бы сошёл с ума и доживал свой век где-нибудь при церкви тихим безобидным шизофреником»

Пусть другие будут дичью,
теребя стальной курок.
Есть глобальное отличье:
я не шизик, а игрок!

«– Серёжа, – позвал Кулемзин, которому надоело смотреть на кошмарную маску напряжения на лице сторожа, – ты что сидишь, как *одноглазник* Кутузов в Филях?»

Глава 163. ВО ИМЯ СОБСТВЕННОЙ ВЛАСТИ (хронотоп № 10)

Это был удивительный парадокс, равному которому мировая история ещё не знала. Выросшие в советской (б) системе, всю свою жизнь верно и преданно служившие партии, образцовые коммунисты, решительно искоренявшие любые проявления местного национализма, люди, которым Москва безусловно доверяла и которых назначала на самые высокие должности в союзных республиках, вдруг в одночасье сделались националистами, патриотами, радеющими за суверенитет, и руководителями своих отделившихся суверенных республик.

Бывшие первые секретари местных компартий, члены и кандидаты в члены Политбюро ЦК КПСС (б) становились президентами своих маленьких по сравнению с СССР (б) государств, круто меняя курс. Прежние убеждённые интернационалисты, всю жизнь покорно соглашающиеся с тактикой Кремля по расстановке национальных кадров, они вдруг стали ратовать за развитие собственного народа, срочно отрёкшись от первых пяти букв в слове *интернационализм*. Так произошло в Узбекистане, Азербайджане, Киргизии, Таджикистане, так произошло в Саксаулии. Правда, всех превзошёл новый президент Туркмении, ставший не просто самым главным в стране, но и заставивший соотечественников величать себя отцом всех туркмен. Скромный, малоизвестный, внешне неприметный бывший первый секретарь ЦК (б) этой маленькой среднеазиатской республики вдруг стал именоваться звучным титулом Туркменбаши[239], печатать собственное изображение на национальных деньгах *манатах,* а также переименовывать города и улицы в честь своего величества.

[239] Отец всех туркмен – тюрк.

Как в каком-то халифате –
по-восточному седом,
я сияю на манате,
ведь работаю вождём!

Искоренявшие религию и сносившие храмы и мечети, эти бывшие, ставшие нынешними, в одночасье сделались набожными и начали восстанавливать недавно снесённое. Прежние верные коммунисты, ещё вчера благоговейно державшие свои партийные билеты, вдруг за одну ночь превратились в пламенных антикоммунистов. Всё, что они говорили, всё, чему посвящали свою предыдущую жизнь, оказалось тут же забытым и преданным во имя собственной власти. Все прежние идеалы по странному совпадению тоже оказались ложными, и на их месте тут же были провозглашены новые!

Кулемзин живо представлял себе: если бы, например, в одну ночь все губернаторы царской России сделались убеждёнными комиссарами и, надев красноармейские будёновки, с шашками в руках принялись бы отстаивать советскую власть! Или все губернаторы США вдруг в один день сделались убеждёнными коммунистами и атеистами, и стали бы провозглашать построение социализма в одной отдельно взятой стране Северной Америки! Наверное, мир дрогнул бы от смеха. Но он не дрогнул от хохота, когда бывшие ленинцы, бывшие члены КПСС (б), дослужившиеся до самых высоких постов в этом государстве и в этой партии, вдруг легко открестились от прежней жизни, круто поменяв собственные ориентиры.

♠ ♠ ♠

А теперь автор вновь удивит читателя, и не только молодого, но и того, кто жил в этой стране и верил её вождям. Поверьте автору, что всё, о чём я только что рассказал в первой части этого Хронотопа, строилось на деньгах – на тех самых цветных бумажках с изображением *вечно живого* Ленина. Не верите? Так получи́те только одно из многих доказательств – короткий рассках о *цене на должности.*

Не банкиры, не кассиры,
СССР что воспитал,
поменяв ориентиры,
собираем капитал!

«Постойте!», воскликнет наивный читатель. «Что значит цена на должности? Разве они продавались с публичного торга? Разве они не давались самым преданным, самым умным, самым стойким ленинцам?!»

Нет, ответит автор, с публичного торга они, конечно, не продавались. За указанную сумму секретари райкомов просто оформляли на *покупателя* номенклатурное дело, после чего утверждали на приобретённую должность решением бюро райкома. А полученные секретарями деньги становились приятным дополнением к их и так немаленькой зарплате и номерклатурным пайка́м. Но за то, чтобы когда-то стать секретарями райкома, им тоже надо было в своё время раскошелиться – и гораздо щедрее, чем, например, райпрокурору. Должность первого секретаря райкома, например, в 1969 году стоила 200.000 рублей, должность второго секретаря – 100.000! Эти деньги, понятное дело, уплачивались секретарям местных ЦК, так как все должности были в *номенклатуре* ЦК КП, ну, скажем, Узбекистана.

Что протесты-манифесты
воронью-гнилью-ворью,
заплатил коль я за место,
где сегодня, как в раю!

Реалистически обусловленный прейскурант был установлен не только для должностей районных руководителей, а также для деятелей науки и культуры (да-да, учёное член-коррство в национальных академиях тоже покупалось!), но и для самих членов правительства. Пост министра социального обеспечения оценивался в 120.000 рублей, а вот кресло министра торговли стоило уже четверть миллиона! В услових хронической нехватки товаров это место сразу же обещало фантастические прибыли!

Какая там перестройка? Креатура, стоящая мёртвой стеной, где все – на своих местах, при своих портфелях, плечи тесно сомкнуты, ни щелки, ни продыха…

Глава 164. ПРОДОЛЖЕНИЕ ПОЛТАВЦЕВСКОЙ БИТВЫ

После такого серьёзного Хронотопа Кулемзину страстно захотелось чего-то светлого и радостного. А что в нашем романе может быть светлее и радостнее, чем сесть всем коллективом да немного поиграть в прекрасную *русскую кочергу*! Конечно, это было бы лучше делать на свежем воздухе, не разбавленном запахами уже пережёванной курицы и нестиранных носков Афанасьича. Володя выглянул в окно и вновь подивился стабильности осадков – словно бы *дедушка*, открыв небесный вентиль, тут же (по причине крайне преклонного возраста) заснул, совершенно не думая о нуждах людей, мечтающих до конца дня сыграть ещё партий 5-6. Мелкие капли, не переставая, сыпались из низких и серых, как милицейская форма, облаков. Крупные, отчётливые, словно вырезанные из маленьких жестянок дождинки доносили до земли свою индивидуальность, после чего становились просто лужами. «Как мало у вас времени», подумал писатель, «чтобы проявить себя, – от неба до земли. А тут целая жизнь – от земли до неба. Но такая же участь – затеряться в конце концов…». Дождевые потоки были мутными, как китайская речка Хуанхэ.

Который день тот летний дождь
в ладу с природой – не со мною,

тоска его наводит дрожь –
я от себя её не скрою.
И лучше б мне загрипповать,
да не спасёт меня оракул,
берущийся расшифровать
из полусвета-полумрака.
Но хвори нет, спасенья нет,
как нет признанья без надежды,
мне чай согрет, и плед согрет,
и я болею реже, реже.
Печальна старая кровать,
меня мечтающая на пол.

♠ ♠ ♠

А дождь не думал утихать –
над жизнью нашей тихо плакал…

– Ну что, дорогие товарищи, друзья и соратники, – словно угадав мысли Альбионыча, внезапно заговорил Курманбаев, – а не сыграть ли нам партейку прямо здесь – пока дождик не кончился? А то, мать моя партия, исторический процесс может пойти не в том направлении!

Предложение педагога неожиданно нашло отклик в сплочённом коллективе. В зале площадью 18 м^2 был раздвинут старый скрипучий стол, к нему были приставлены пять разномастных стульев, причём, художнику Муравлёву, как человеку, впрямую не влияющему на игровой процесс, достался один из двух маленьких детских стульчиков. Вначале он попробовал поставить один стульчик на другой, чтобы придать новому девайсу некий не заложенный производителями иной параметр высоты, но полученная конструкция получилась весьма шаткой и валкой. Тогда Николаич, убрав один из стульчиков, попытался сесть на оставшийся, как привык, то есть своим интеллигентным седалищем на деревянную поверхность, но её площади для его задницы почему-то не хватило. Здесь в его голову демиурга пришло уже совершенно гениальное решение: он повернул стульчик спинкой ко столу и встал на него коленями.

Коли в *тыкве* просто улей
мыслей, кои не ценю,
на коленях, но на стуле
я сижу, но всё ж стою!

Усевшемуся напротив Кулемзину открылась дивная картина: над плоскостью стола торчала только одна голова, как у покойного профессора Доуэля[240], которая, тем не менее, иногда что-то говорила, а иногда даже и прихлёбывала из бутылочки – посредством некой руки, которая так же внезапно появлялась из ниоткуда – прямо как в фокусе знаменитого на весь СССР (б) иллюзиониста Кио, в миру Эмиля Теодоровича Гиршфельда.

[240] «Голова профессора Доуэля» – научно-фантастический роман русского советского писателя-фантаста Александра Беляева (журнал «Всемирный следопыт», 1925). Писатель, который в периоды обострения заболевания бывал совершенно обездвижен,

называл его историей автобиографической: он хотел рассказать, «что́ может испытать голова без тела» – прим. лит. редактора

Фокус фокусник покажет –
про пустой наш кошелёк,
а следак вот это кражей
в деле всё ж назвать не смог!

Но, как ни прискорбно это саксаульскому таланту, всё же – в сторону его! В сторону, подчёркивает автор, отличающийся крайним гуманизмом, не от всей жизни, а от Его Величества Покера! Ведь нет более глобальной задачи ни у автора, ни у его героев, чем усесться по местам на задницу, держать карты в руках, а думать всё-таки головой. Вот теперь и ты, мой многотерпеливый читатель, точно знаешь, какие человеческие органы в действительности нужны для игры: задница, руки и голова, причём, задница справедливо идёт на первом месте, ибо сто́я играть очень неудобно, а порой так и вовсе невозможно (например, на второй палубе «Титаника» во время атаки на него какого-нибудь еврея по фамилии Айсберг)!

Но – к делу! А дело разворачивалось, как в голливудском фильме, где для того, чтобы привлечь зрителя и не дать ему уйти из кинотеатра, ежеминутно разыгрывались сценки – одна интереснее другой. Вот неожиданно Полтавцев, заказавший три взятки, взял их и заработал на этом подвиге аж 60 очков! Он сидел гордый, как Ленин, которому по счастливой случайности всё же удался Октябрьский переворот. От счастья он, не вставая со стульчика, даже сделал какое-то танцевальное движение – и напрасно! В спину тут же вступило, обозначая приход застарелой серёжиной болезни – радикулита, или, как называл его сам потерпевший, ридикюля.

Радикулит! Радикулит!
И тут болит, и там болит!..

– Дорогой Сергей! – между тем торжественно поглядел на него Курманбаев. – От имени всего коллектива поздравляю тебя с победой – взятием трёх взяток!

Правда, последние три слова сказались уже не от всего коллектива, а от него же, но в усечённом составе – прапорщик, вдохновлённый пламенной речью педагога, не выходил из квартирного туалета целых пять минут, пугая старую сантехнику неземными звуками изрыгаемого. Для чего же сделал это подлый педагог, ведь точно знал, что именно так и случится? Да только оттого, что краем глаза заметил Нуртай в володиной *ракладке*, что военный трубач вышел на второе место в текущей партии. «Так, с одним разобрался», удовлетворённо подумал он, «теперь пора приниматься за главного врага», имея в виду, конечно, Кулемзина, хотя главным врагом Мусаича была всё же его больная совесть. Но справиться с Володей было очень трудно.

– Что же ты так, Нуртай? – попенял он педагогу.

– Да я же не со зла, – попытался оправдаться тот.

– Ну, разговор о добре и зле, старик, настолько уже старый прикол, что можно было и не говорить. А, впрочем… Если хотите, короткий анекдот.

– Хотим-хотим, – по-детсадовски захлопал в ладошки Сережа.

– И я не возражаю, – важно поддержал охранника Мусаич.

– Короче, плывёт по реке Иван-царевич, а навстречу ему… м-м-м… какашко. И говорит оно: «Я тебя съем!». «Нет», говорит Иван-царевич, «это я, какашко, тебя съем!». И съел. Потому что добро всегда побеждает зло!

Попадёшь в такую стаю,
чепуху где всяк поёт:
зло, добро ли – побеждает
тот, кто бает анекдот!

– Ничего не понимаю, – признался Афанасьич. – А где же обещанный анекдот? Это же просто сказка какая-то! Тем более, без всякого смысла!

Все немного посмеялись над страдальцем. Между тем, игра продолжалась. Посмотрев на итоги последних робберов, Кулемзин понял, что Курманбаев намерен баллотироваться в победители партии, и удвоил бдительность. Правда, чтобы сейчас обойти Мусаича, ему нужно было маленькое чудо, и он отнюдь не наивно полагал, что сможет произвести его. «Чем я хуже этого малого из Назарета?», подумал писатель, к которому снова вернулся здравый скептицизм, всегда помогающий выжить среднему жителю этой бедовой страны. После чего Володя жестом опытного степного волка подтвердил свою правоту, швырнув на покерный столик свою главную карту – козырного туза. В условиях русской кочерги это был *гранд*, но как бы незначительный – так называемый *плавающий*, потому что менялся с каждым роббером, вместе с тем, как постоянно менялся козырь. Но Альбионыч видел, что первым же ходом Нуртай выбил своим покером все присутствующие джокеры, и потому смело ждал заказанную одну взятку. Но и этого было мало, потому что только в одном случае – если он возьмёт свои 25 очков, а Нуртай переберёт, взяв вместо ожидаемых 45 очков всего три на переборе, он сможет выйти на первое место!

Я один, пожалуй, знаю,
что игра – глухонемая!

Глава 165. ПРОДОЛЖЕНИЕ ПОЛТАВЦЕВСКОЙ БИТВЫ (окончание)

И чудо произошло. Писателю неожиданно помог сторож, который для чего-то оставил последней картой бубновую двойку, которую и забрал педагог.

– Серёжа, зачем ты её оставил напоследок? – горько вопросил он охранника.

– Да нервы всё, царица лесная, – оправдал себя Полтавцев.

– Тогда запиши рецепт, – предложил Володя. – Две недельки на реланиуме – и будешь как новенький!

«Метастазированный мозг 18-й степени», тепло подумал писатель. Мусаич же ещё долго продолжал возмущаться, напирая на то, что у всех в детстве были свинка, но только один раз, а вот у него аж трижды! Свои детские беды, перешедшие во взрослые, он излагал голосом девицы-ломаки, которой назначили первое в жизни свидание, и от этого всем было скучно, как от чтения вслух статьи критика Писарева. Альбионыч был рад, что правильно сыграл именно на тузе (или на тузу́, как называл эту карту Полтавцев), и этому была своя причина: именно этой своей маленькой победой он полностью опроверг псевдомудрость некоего Козьмы Пруткова, который в своём изречении № 71-а утверждал, что:

Не во всякой игре тузы выигрывают!

Побеждает в картах стойкий,
тот, кто знает, но молчит,
что валеты бьются тройкой –
тройкой с дюжиной копыт!

До конца партии оставалось всего несколько робберов, и поэтому расслабление, как и промедление, было смерти подобно. Писатели в своих книгах любят приводить именно эту цитату, приписывая её то Ленину – в период подготовки к Октябрьскому перевороту, а то и Бруту, раздумывающему, воткнуть три раза кинжал в Цезаря или же все семь. Но нет, историк Кулемзин знал точно, что эти слова даже не говорил, а всего лишь написал именно Пётр № 1 – в 1711 году, перед Прутским походом, в своём письме к недавно учреждённому Сенату: «Понеже пропущение времени смерти невозвратной подобно». А Ленин оказался просто жалким подражателем российского императора[241].

[241] Вот точная цитата вождя мирового пролетариата: «Товарищи! Я пишу эти строки вечером 24-го, положение донельзя критическое. Яснее ясного, что теперь, уже поистине, промедление в восстании смерти подобно... Правительство колеблется. Надо добить его во что бы то ни стало! Промедление в выступлении смерти подобно» (В. И. Ленин, Письмо членам ЦК [24 октября 1917 г.], Полное собрание сочинений, т. 34, с. 435-436) – прим. ист. редактора

«Иду в никуда, но тщательно анализирую каждый шаг», подумал Альбионыч и сделал первый ход – козырной дамой. Это был поистине иезуитский ход, потому что так до него не ходил никто, ведь теперь, чтобы взять столь крупную карту, игрокам поочерёдно надо было выкладывать козыри всё большего достоинства, которые потом благополучно забирались джокерами и им подобными шутами. В результате такого демарша писатель остался с двумя самыми крупными картами – козырным королём и старшим джокером, и, кроме того, у него ещё был припрятан трефовый туз в рукаве. Шутка. Три взятки, которые он заказывал, были блестяще реализованы, и противник в лице его сопокерников откатился далеко назад, как когда-то Зигфрид фон Вестербург, архиепископ Кёльна, сражавшийся против герцога Жана Генриховича I Брабантского[242].

– Вот так вот, мои маленькие друзья, и случается в жизни. Короче говоря, dura lex, sed lex[243], – сурово напомнил Володя.

[242] Автор описывает итоги так называемой битвы при Воррингене, случившейся 5 июня 1288 года – прим. ист. редактора
[243] Закон суров, но он закон – лат.

– Сам ты дурак, ёперная цитата, – обиделся прапорщик.

– Закон дурак, мать честна́я, но без него никак, – справившись с книжечкой «Для му.мы.», расшифровал таинственные слова охранник. Он давно записал это выражение, но понять его не мог до сих пор, а спросить, как всегда, стеснялся. По-

сле этого «мозг» Афанасьича немного переклинило, и он замер с открытым ртом, словно пытался поймать муху *цеце* на живца в виде фиолетового языка. Володя молча рассматривал внезапно замолчавшего и замершего сторожа, пока не привёл его в чувство следующими словами:

– Серёжа, ходишь будешь? Чего ты рот открыл, как Моника Левински?

Опера Рихарда Карловича Вагнера «Закат богов» идёт, как хорошо известно ценителям классического искусства, шесть часов. Но битва покерных титанов, перемежаемая обильными возлияниями, длилась уже седьмой час!

Словно в пошлой мелодраме,
где не жесть дают, а медь,
мы способны не часами,
а годами здесь сидеть!

К концу шестого часа покеристы начали усиленно вспоминать, что учили в школе на уроках анатомии про воспаление седалищного нерва. Они активно ёрзали на своих стульчиках, пытаясь, кроме игры, делать ещё и внушительные глотки́ пивка, и это, конечно, отвлекало их от главного. Альбионыч по старой писательской привычке замечать детали словно бы делал короткие записи о происходящем, откладывая эти детали в голове *на потом* – для книги.

Вот, увидев карты, Талгат вздохнул, как перед прыжком в воду, но, рассмотрев их внимательнее, потрясённо замолчал, уставившись на колоду, как коза на афишу.

Вот глаза Курманбаева забе́гали, как цифры на кассовом аппарате, и Володя посмотрел на него с любопытством активного участника расстрельной группы. Заметив этот взгляд, педагог потупился, и своим невинным видом сейчас напоминал корову перед подойником.

Вот от волнения перед значительным роббером в восемь карт Афанасьич зачесался, как гамадрил от российской морковки сорта «Витаминная 6». «Майя[244]», подумал Кулемзин.

[244] Иллюзия – санскрит

В следующем роббере повторилось всё, но с незначительными изменениями. Вот Нуртай, хорошенько разглядев, что из семи карт ему пришли младший джокер и сразу три козыря, хотя и мелких, вначале замер с открытым ртом, как идеальный натурщик для лепки статуи Немого Удивления, а потом широко разулыбался, словно кот на солнцепёке. За его спиной тут же замаячила тень Гекаты Персовны, древнегреческой богини тайных заговоров.

– Пусть оживит грядущие века
свершений наших мощная река! –

удовлетворённо произнёс он, не обращая внимания на вновь метнувшегося к туалету военного музыканта, который, впрочем, через минуту вернулся в родной коллектив, вытирая плохо пахнущие губы какой-то тряпочкой.

– Ах, как нехорошо! – укорил Альбионыч педагога голосом старшего пионервожатого, заставшего третьеклассницу в девичьем туалете с сигаретой, но и на это Мусаич тоже не обратил никакого внимания.

Вот встрепенулся Полтавцев, забéгав глазами и зашевелив не только губами, но и пальцами, словно пересчитывая только что полученные для игры карты. При этом взгляд его был таким отрешённым, что и ему марсианин вынужден был сказать несколько необходимых в этой ситуации слов:

– Серёжа, очнись, ты уже маму на ходу теряешь!

При этом строгий гуру был холоден, как гоголевская *панночка*.

Вот за спиной Салихдзяныча, которому страшно надоели гнусные попытки Курманбаева дискредитировать его как защитника родины, робко затрепетало зелёное знамя газавата. Сейчас в пришедшем роббере он увидел покер, причём, с радостью идиота, поджигающего свой дом в качестве подарка на день рожденья. Заметив это, серое лицо педагога перекосилось от страха, точно у селёдки, когда она скользит по пищеводу акулы в сторону желудка. Володе же эти жалкие потуги были просто смешны.

– Пацан ты ещё, Талгат, и не знаешь, яйчики-бабайчики, что дырочку для ордена нужно вертеть не заранее, а только после вручения, – произнёс он *значительным* голосом, потому что из семи карт Сука-судьба прислала ему сразу шесть козырей, два из которых были весьма близки *плавающему гранду* – тузу.

Надо ли говорить, что и эта партия завершилась полной победой писателя. А на втором месте неожиданно оказался Афанасьич, и то только потому, что трубач и Мусаич слишком увлеклись борьбой друг с другом, а *русская кочерга* этого не прощает.

Нет прощения тому,
кто играет как в дыму!

Глава 166. ЗОМБОЯЩИК ИМЕНИ ЗВОРЫКИНА (О преемнице КПСС)

Напряжение от игры было так велико, что между игроками уже стали проскакивать какие-то электрические разряды неизвестной науке (прости, русский язык!) акциденции[245]. Поэтому коллегиальным решением сопокерников и примкнувшего к ним художника было решено на полчаса отвлечься от *русской кочерги*, после чего младший хозяин квартиры включил телевизор, который начитанный Кулемзин называл зомбоящиком имени Зворыкина.

[245] Философский термин, введённый в науку Аристотелем и обозначающий случайное, почти всегда несущественное свойство вещи – прим. философ. редактора

Канал ТВЦ, курируемый лично товарищем Лужковым, вновь порадовал какой-то манифестацией с участием КПРФ: во весь экран развевались красные флаги, сквозь сполохи которых мелькала монументальная фигура лидера партии КПРФ Зюганова с мордой немецкого фельдфебеля, или дядюшки Зю, как называл его Кулемзин. «Какое всё-таки постпартийное дерьмо!», неприязненно подумал антисоветчик. Кстати, название партии, которая в сегодняшней России позиционировала себя как правопреемницу КПСС (б), писатель расшифровывал не так, как её вождь, а немного по-своему:

Куда
Пойдём,
Размахивая

Флагами?

Как и положено партийному боссу, Зюганов был весь в будущем, зычно проговаривая своим бу́хающим деревенским голосом:

– Сейчас у нас, дорогие товарищи, 2003 год, а через каких-то четырнадцать лет наступит год 2017-й[246], когда всё прогрессивное человечество, которого остаётся всё меньше, будет отмечать столетие Великой Октябрьской социалистической революции! Этот праздник будет для нас…

[246] ***А для нашего издания он уже наступил! – прим. гл. редактора***

Володя убавил звук, так и не узнав, чем же именно для коммунистов России будет очередная, юбилейная годовщина Октябрьского переворота. Зато в его голову пришла забавная мысль изготовить праздничный лозунг к этому событию – примерно вот такой:

1917 – 2017
Век воли не видать!

Но мысли о несвершённом для великой страны коммунизме всё не проходили. Писатель уже переключился на другой канал, а в голове его продолжала вариться каша на животрепещущую тему. «Странная деформация произошла с понятием *левый*», думал он. «Ну, какие же они левые, эти бывшие райкомовцы и обкомовцы, кагэбэшники скрытые и явные, мужланы в дорогих костюмах, пошитых в *закрытых* ателье их любимой эпохи? Что общего у них с европейскими левыми – троцкистами двадцатых годов, Маяковским, супругами Бриками, Луи Филипповичем Арагоном? Можно ли назвать левыми людей, жаждущих восстановить самую кондовую версию сталинизма?»

От слова *сталинизм* где-то в глубине сознания у Альбионыча неожиданно родился исторический неологизм, до этого никак не дававшийся исследователям недавнего прошлого: неандер*сталинская* эпоха. А вместе с неологизмом, прихлёбывая уже начинавшее теплеть пивко, Володя потихоньку впал в полудрёму, лёгкий сон, эдакий незначительный der Schlaf[247], и, подобно знаменитому герою «Бойни № 5» Курта Куртовича Воннегута, отправлявшемуся во временны́е путешествия, на мгновение выпал из реальности в периферию былого. В этом неожиданном Хронотопе фигура Сталина сплелась с фигурой Ленина и превратилась в двухголового дракона, с ненавистью пожирающего наивный народ, который на своих штыках и привёл это чудовище к власти.

[247] ***Сон – нем.***

Большевики не угадали,
и после стольких эпопей
одни лишь мы не потеряли
своих предсказанных цепей…
♠♠♠

«Подожди-ка, дорогой автор!», воскликнет здесь мой читатель. «А почему это у тебя в плывущей по волнам памяти главе такое неясное название? Ну, зомбоящик

понятен всем, у кого дома есть телевизор. Но почему же нужно было называть этот необходимый в жизни аппарат имени какого-то неизвестного Зворыкина?!». А вот и не неизвестного! Ведь именно Зворыкин по имени-отчеству Владимир Козьмич и придумал этот зомбоящик, вначале в 1888 году родившись в Муроме Владимирской губернии (была такая в Российской империи), а затем потихоньку слинявший после большевистского переворота не куда-нибудь, а в самóу Америку, где и изобрёл телевизор. Кстати, именно этот русский сын Козьмы ещё в сороковые годы, как было написано в американском патенте, «разбил световой луч на синий, красный и зелёный цвета», и, таким образом, изобрёл не просто телевидение, а цветное!

Владея оба иностранным,
прошлись по нашим головам:
один Володя стал тираном,
другой придумал *ящик* нам!

В это время сюжет с Зюгановым сменился видом председателя Центробанка России, который стал излагать конструкцию очередного *парашюта* для мягкой посадки снижающегося рубля на очередной уровень стабилизации, уверяя, что это твёрдый грунт. Но в голове нашего главного героя уже вовсю проносился очередной Хронотоп.

Глава 167. О ЛЕНИНЕ И СТАЛИНЕ (хронотоп № 11)

Ленин. Жалкий, обезумевший старец, он медленно угасал в своей загородной резиденции под неусыпным оком будущего *отца народов*. Мозг вождя не выдержал той чудовищной ноши, что он добровольно взвалил на себя. Полная деградация – таков был итог этого человека, которого любили также же сильно, как и ненавидели, на которого молились и которого считали дьяволом. Он умирал в тяжёлых физических муках, но о чём он думал в те редкие минуты прозрения, когда рассудок возвращался к нему? Раскаялся ли он перед смертью или так и остался верен своим убеждениям? Но если так, то миллионам оставшихся легче от этого не стало.

Сталин. Самый жестокий, кровавый монстр XX века. В отличие от фанатичного предшественника этот не верил ни во что. Он подыхал в полном одиночестве, парализованный, с пеной у рта и перекошенным от ужаса лицом. Что он видел на пороге своей смерти? Трупы голодных и замученных людей? Концлагеря и застенки НКВД? Раскаялся ли он в последнюю минуту, или дьявол власти и тщеславия настолько овладел его душой, что даже перед судом Вечности он продолжал верить в свою непогрешимость?

Этого мы не узнаем никогда, да и не надо узнавать, достаточно лишь осознание того, что нет их среди нас сегодня. Но где гарантия, что именно среди нас не подрастает сейчас новый тиран?

После пятого стакана
без придуманных проблем
распознай в душе тирана –
и убей! На радость всем…

Уже через пять лет после так называемой великой революции, к 1922 году умные пролетарские головы начали понимать, что теория о всесилии воспитания и перевоспитания человека, мягко говоря, не срабатывает. Стали необходимы иные, бо-

лее надёжные способы в создании нового человека, служащего идеальным винтиком в машине тоталитарного государства. И гениальное изобретение не замедлило появиться – концентрационные лагеря, открытые по инициативе «са́мого человечного человека» (да, мой любопытный читатель, это вовсе не придумка Адольфа Алоизевича Шикльгрубера, как думают многие!). Правда, сначала работа по созданию нового человека шла как-то медленно и не приносила ощутимых результатов, видимо, сказывались ограничения законодательного плана, да и почти не было подопытного материала. И только к 1930 году вследствие мудрой государственной политики положение начало меняться. Наконец-то перестали стесняться законов, после чего широким потоком хлынул на *беломорканалы* и *волгодонски* дешёвый материал для исследований в лице врагов народа!

Отцы-основатели пролетарской отчизны второпях отменили старый царский герб и придумали новый: хилые пучки колосков, доисторический серп и каменный молоток. Будто знали, куда идём, как жить будем, будто знали, что жизнь будет невесёлой…

Это молот, это серп –
вот такой советский герб!
Но сколь не сей, и сколь не куй,
всё равно получишь… мало!

Но старый герб не сгинул. Он наливался кровяной силой, багровым нимбом светился над головой Всесоюзного Пахана – страшная двуглавая птица, знавшая только один корм: живое человечье мясо. Одну клювастую голову орла звали Берия, другую – Маленков. Первый кровосос – шеф коммунистической полиции, второй – шеф коммунистической партии. И лапами общими, совместными они когтили неутомимо державу, и скипетром неподъёмным своим гвоздили без остановки по головам – покорным или несогласным, всё равно, кому ни попадя.

♠ ♠ ♠

Кому творят нынешние культы? Кому, зачем, с какой целью? Вы можете себе представить культ Гоголя, Достоевского, Кафки? В само́м обожествлении человека слабого таится что-то аномальное, угрожающее. Общество, где культы возникают, – больное общество. В здоровом людей любят, ненавидят, уважают, презирают, казнят, преклоняются, но не творят культов. Ибо люди – не боги. Жизнь учит: когда они становятся ими, быть беде. Вот и после этих фамилий, вынужденно поставленных в название данной главы, остались и поныне стоят сотни и тысячи памятников тем, кого автор с полным правом своего исторического образования до сих пор называет советскими фюрерами! Из гранита, мрамора, гипса, песчаника, любого лепящегося дерьма. Везде – от площадей до сортиров. Миллионы тонн памятников – человеческому дерьму…

Будем живы – не помрём,
поскребёмся по сусекам
что с царём, что с главарём!
Лишь бы только не с генсеком…

Глава 168. ЗОМБОЯЩИК ИМЕНИ ЗВОРЫКИНА (О российском футболе)

После переключения канала ТВЦ на другой, а именно на спортивный канал 7ТВ, возникла следующая картинка: искаженные яростной му́кой лица возбуждённых людей, размахивающих руками и кричащих что-то несомненно агрессивное. «Раздать бы этой массе оружие, получились бы отличные повстанческие кадры!», подумал несостоявшийся режиссёр Кулемзин. Камера переместилась, и неожиданно оказалось, что это всего лишь трансляция какого-то футбольного матча. Здесь на Володю, явно собирающегося пощёлкать пультом дальше, неожиданно зашикал Полтавцев, который, как известно, был большим любителем не спорта вообще, а футбола в частности.

– Володя, оставь! – непререкаемым тоном приказал он. – Ты что, царица лесная, не видишь, что здесь футбол?

С этим утверждением спорить было трудно, так как на экране бегали какие-то неловкие люди в спортивных трусах и майках, на которых, кроме но́мера игрока, были написаны ещё и их фамилии. Не для того ли, чтобы освистывание было более *предметным*? Правда, для того, чтобы этих футболистов не освистали раньше времени, фамилии были написаны латинскими буквами.

Афанасьичу не повезло, потому что матч уже начался. К тому же, на него наехали остальные сопокерники, и, в конце концов, он выторговал себе всего «пять коротких минуточек», которые, как полагал сторож, зарядят его до конца дня неукротимой энергией для грядущих побед на покерном фронте.

«Интересно, а с кем всё-таки играют российские футболисты?», подумал Альбионыч и сделал звук погромче. Комнату сразу же заполнил рёв трибун, отдельные крики которых и позволили, наконец, идентифицировать команду не только соперников, но, к удивлению писателя, и сборной Российской Федерации. Судя по подбадривающим крикам, на поле сейчас сражались две команды – «Волки́ позорные» и «Козлы поганые»! Но он, конечно, ошибся – ясность внёс всё тот же неунывающий комментатор.

– Уважаемые телезрители, ещё раз предупреждаю: пожалуйста, уберите от себя подальше все тяжёлые предметы! – вёл репортаж спортивный комментатор. – Мы продолжаем прямую трансляцию международного товарищеского матча с участием сборной России по футболу. Вы уже убедились, что сегодняшний соперник наших ребят ох как непрост – это могучая сборная команда независимой республики Буркина́-Фасо́, ведь счёт 3:0 в пользу черножо…, то есть африканских футболистов!

Получился трансцендентен
матч задумчивых людей:
на далёком континенте
мяч катается быстрей!

Тут же выяснилось, что комментатор находился в своей будке не один, а, как это стало модным с некоторых пор, вдвоём, – со своим товарищем, которому, видимо, просто не сиделось до́ма и не с кем было попить пивка.

– Ну, и как вам нравится игра наших футболистов, коллега? – спрашивал ведущий комментатор.

– Она напоминает мне Чехова, – неожиданно отвечал гость, потихоньку прихлёбывая пивко.

– Вот как! Но Чехов, насколько я помню, никогда не играл в футбол!

– Вот и я о том же…

Кулемзин давно заметил, что, по мнению российских комментаторов, есть два вида матчей с участием сборной России: это «0:0» и «Ещё не всё потеряно!». В это время основной комментатор, захлёбываясь от восторга, описывал опасный момент у ворот противника:

– Наши нападающие прорываются сквозь плотную стену защиты! Их уже трое против одного вратаря! Следует точный пас! Навес! Удар! Ещё удар! Ах, ты гондо… то есть презерватив! Кстати, презервативы «Durex» – спонсор нашего сегодняшнего матча!

Здесь Володя заметил, что в углу экрана какой-то маленький и толстенький дядька в костюме и галстуке махал руками, как мельница, что-то показывая себе между ног. «Может, это сурдоперевод матча для глухонемых?», спросил сам себя писатель. И сам себе же ответил, тоже мысленно: «Да нет, скорее всего, этот сурдодядька объясняет, как играет сборная сопредельной державы!»

Видят люди круглый год,
поглощая ужин:
спорту сурдоперевод
нынешнему нужен!

– Кстати, вы заметили, – продолжал комментатор, – что наш лучший форвард, простой русский парень Мбото Сесе Кванго дважды поразил ворота соперников? Да, ворота были искренне поражены, как по ним можно не попасть с трёх метров!

– Яйчики-бабайчики, я вот футбол не очень люблю, – признался марсианин, – но кое-какой плюс в нём всё-таки вижу.

– Что, всего один плюс? – ревниво поинтересовался Афанасьич.

– Да, – подумав, ответил Володя.

– Святой Малевич, какой же? – заинтересовался Валера.

– Да такой, что нынешний футбол пока остаётся последним легальным способом купить негра!

– Мать честна́я, ты бы болтал поменьше, – попенял ему сторож, – а то совершенно невозможно следить за ходом матча! Хотя что ты можешь понять в этой великой игре?

«А, может, эти футболисты – всё-таки вполне нормальные люди?», подумал Кулемзин. «Просто когда тренер говорит им, что надо *забить,* они не совсем верно понимают смысл этого сло́ва. По-моему, таким футболистам, как в этой сборной, вообще нельзя играть на зелёном газоне, потому что этот цвет, как утверждают наиболее продвинутые психиатры, действует на них успокаивающе…».

Альбионыч на днях слышал новость о том, что в парке тренировочной базы сборной России по футболу были высажены 11 саженцев деревьев, привезённых из Германии, Франции, Италии, Испании и Бразилии. Предполагалось, что через несколько лет, когда саженцы окрепнут, ими планировали заменить всех действующих игроков сборной. Тогда он не очень-то поверил этому странному сообщению, но сейчас, глядя на хаотические движения футболистов, вера эта стала укрепляться.

– Интересно, а кто-то объяснял этим спортсменам, – спросил он знатока футбола Полтавцева, – что долго стоять на поле без движения вредно, а то можно замёрзнуть?

Из-под ног стреляют искры,
аж курлычет голова:

«Мяч катается – он быстрый!
Я за ним не успева…»

Серёжа тут же вновь зашикал на него, и следующую мысль – из уважения к товарищу, Володе пришлось не озвучивать, а проговорить в своей голове: «Давно известно, что самая читающая сборная по футболу – это сборная России. Это вам не какая-то бразильская шантрапа, которой лишь бы мяч погонять!».

– Соперник перехватывает мяч, – в очередной раз неизвестно чему радовался комментатор, – обводит одного, другого, следует сильнейший удар в *девятку*! Но что это? На поле выбегает разгневанный водитель *девятки*!

Матч уже завершался, и гость комментаторской будки решил порадовать болельщиков своей памятью.

– Кстати, вот ещё одна новость, связанная с российским футболом. Как стало известно спортивной редакции нашего канала, работник московского мясокомбината № 43 Иван Петрович Сидоров за те же 90 минут успевает забить на 35 голов больше, чем сборная России по футболу!

В это время выяснилось, что «пять коротких минуточек», истребованных охранником для пополнения запасов энергии, закончились, и писатель переключил телевизор на следующий канал, бормоча как бы про себя только что сочинённый экспромт:

– А в московском метро вскоре появятся свежие таблички над некоторыми сиденьями:

Места для инвалидов, лиц пожилого возраста, беременных женщин и футболистов сборной России

Глава 169. ЗОМБОЯЩИК ИМЕНИ ЗВОРЫКИНА (Понемногу обо всём)

Видя, что гости и не собираются расходиться, хозяин хмуро осведомился:

– Йодистая жрачка, может, ещё чего хотите?

– Мне чаю, мать моя партия! – тут же заявил Курманбаев.

– А, может, чего покрепче?

– Ну, положи тогда два пакетика.

– А мне, царица лесная, три! – пожелал сторож, не желая отставать от человека с высшим образованием.

Володя понял, что ситуация выходит из-под контроля. Он подошёл к окну и поглядел, не окончился ли дождь. Но нет, дождь был похож на конец света, и Кулемзин подумал, что все явления природы связаны тем, что происходит в мире людей – с их чувствами, мыслями, переживаниями, то есть наши мысли сотрясают атмосферу, или, наоборот, мысли, чувства, переживания зависят от природных явлений. Вместе с этими странными мыслями он сосредоточился на зрении и проник метров на 15 через пыльное стекло. Сквозь пелену дождя покерный столик напоминал небольшую копию Ноева ковчега среди разбушевавшийся по прихоти *дедушки*[248] стихии. Он тут же включил свой настроечный марсианский метеоканал *трчллъъхш* и тотчас вычислил, что природный катаклизм, загнавший сопокерников в глубокое подполье, закончится через 17 минут 44 секунды.

[248] Ошибается тот, кто думает о причудливой игре природы. Вот что по этому поводу сказано в библии – в стихе 4 главы 6 книги Бытия: «Ибо через семь дней Я[249] буду изливать дождь на землю сорок дней и сорок ночей, и истреблю всё существующее, что Я создал, с лица земли» – прим. автора
[249] Типичная мания величия! – прим. автора

Дождь шёл уже больше часа, и Альбионыч был убеждён, что по случаю так называемой «плохой» погоды перед подъездом не будет никого, но всё-таки ошибся: хотя аншлага не наблюдалось, одна из вечно околачивающихся здесь старушек (это была тётя Шура из 16-го дома) оказалась на боевом посту. Накрывшись огромным мужским зонтом, старая перечница сидела под дождём, нюхала озон, а заодно бдительно наблюдала за окрестностями. Глядя на неё, марсианин попытался избавиться от навязчивой идеи, что старухи заключили между собой таинственный пакт, по которому хотя бы одна из них была обязана дежурить на скамейке в любую погоду, чтобы не дать пересохнуть вечно живому роднику сплетен.

Молча слушал тёщу зять,
мозжечком надтреснут:
«Я обязана всё знать,
ибо интересно!»

– Яйчики-бабайчики, предлагаю не напрягать хозяина, – проговорил он, – а ещё немного посмотреть телевизор. Дождь скоро кончится…

– Это тебе что, ангелы нашептали? – «пошутил» Курманбаев. Писатель с сожалением посмотрел на Нуртая и ничего не ответил. Первым в списке просмотренных оказался канал «Культура», который до этого Полтавцев не видел никогда. Сегодня по нему показывали какую-то художественную олимпиаду для школьников, где ученикам средней школы предлагалось рассказать о некой картине, изображающей грустную юницу с фруктами. Афанасьич локтем толкнул Муравлёв в бок:

– Вот ты, Валера, художник, знаешь, кто эту картинку нарисовал?

– Конечно, – меланхолично ответил живописец. – Это «Девочка с персиками» Валентина Серова.

Сторож внимательно пригляделся и неожиданно заявил:

– Мать честна́я, что-то мне такой художник не нравится!

– Святой Малевич, почему?! – изумился Валера.

– Да мне больше Питер Янович Рубенс по душе. Ты же не будешь спорить, что у него и девочки постарше, и персики побольше!

После столь сурового приговора сторож щёлкнул тумблером, и на экране возникли два персонажа – один, судя по галстуку, ведущий, а второй, судя по лохматым волосам, какой-то учёный.

– А сейчас – обзор мировой экономики. С ним выступит экономист Иван Иванович Баксов, ведущий специалист Московской товарно-сырьевой биржи.

На телеэкране заросший специалист с блудливыми глазами приступил к обзору, по мере объяснений тыча корявым пальцем в карту мира, выглядевшую как сшитое из разноцветных лоскутков одеяло кочевника:

– Экономика США падает. Доллар стабилен. Экономика Европы падает. Евро стабилен. Экономика России стабильна. Рубль падает. Экономика Украины стабильна. Гривна… А это что за зверь такой?!

Как же будут в Хохляндии живы
люди, чей так прогнулся ресурс?
Развевается гривна как грива,
на ветру изменяя свой курс!

Экономическая тема была неинтересна буквально всем, и с общего согласия путешествие по каналам продолжилось. На очереди был канал НТВ, где шла популярная программа для автомобилистов «Первая передача».

– Купив «Ладу Калину», – размахивал руками приглашённый эксперт из народа, – я тут же почувствовал себя Юрием Гагариным!

– Неужели так скорость понравилась? – засомневался ведущий.

– Да нет, конечно! – засмеялся эксперт. – Сначала я долго говорил ей «Поехали!», а потом махнул рукой…

Будь сейчас с сопокерниками старый шоферюга Саша Дубровский, возможно, из уважения к нему такую программу ещё можно было посмотреть секунд 30, но сейчас она также канула в неведомые телевизорные глубины.

Молодёжный канал СТС уже который год радовал своих дебиловатых телезрителей своими дебиловатыми развлекательными передачами. Вот и сейчас здесь шёл очередной дебиловатый сериал под модным названием *ситком*, где на каждую реплику героев звучал не менее дебиловатый закадровый смех.

На музыкальном канале, название которого в левом верхнем углу было зашифровано невнятной картинкой, вовсю звучал шлягер из популярного в этом сезоне мюзикла «Нотр-Дам де Пари». Звук в стареньком еврейском телевизоре был не ахти, и поэтому писателю экспромтом буквально пришлось переводить страдания французских героев в исполнении российских певцов. А для того, чтобы коллективу было ещё понятнее, о чём там идёт речь, он заменил начальное *свет* на более понятное *спирт*, а дальше так и вообще речь пошла о страшном:

Спирт! Озарил мою больную душу...
Нет! Я закуской градус не нарушу...
Змей! Зелёный змей терзает сердце мне опять!
О, пиво с водкой, как же вас мне размешать?
Мой тяжкий крест – похмелья вечная печать,
я каждый день с утра готов 100 грамм принять...
Нет! Алкаш отверженный с оттенком на челе,
я никогда не буду трезвым на земле,
и после пьянки мне не обрести покой –
я вновь стакан возьму дрожащею рукой!
Рай! Обещает рай косяк с травою…
Дай! Затянуться, а не-то завою.
Заценим, как плывет над городом утюг,
или, быть может, мы увидим новый глюк:
над коробком с травой трясусь, едва дыша –
в раба мужчину превращает анаша!
Нет!.Другой наркотик мне вообще не по плечу,
а на «Момент» садиться даже не хочу,
от «Беломора» мне не обрести покой –
я вновь косяк забью дрожащею рукой…

Альбионыч, глядя на трёх придурков, которые на одной сцене, но *по очереди* признавались в любви цыганке Эсмеральде, вспомнил, как год назад по тому же каналу попытался было посмотреть этот мюзикл от начала до конца, но его (Володю, а не мюзикл) хватило только минут на пятнадцать, а потом писателя начала глодать скука. Именно тогда он сочинил убийственный катрен на эту тему:

Полюбили девку трое,
а она кричит: «Не дам!».
Дело, в общем, молодое,
но при чём здесь Нотр-Дам?

Глава 170. ЗОМБОЯЩИК ИМЕНИ ЗВОРЫКИНА (Понемногу обо всём, продолжение)

Первый канал показывал повтор старинной российской игры, которая, как подозревал Кулемзин, впервые была показана сразу же после Сталинградской битвы, а именно «Поле чудес». Ведущий с вислыми усами пытал очередного страдальца:

– Итак, назовите фамилию экс-президента США!

– Не знаю, – не смотря на пытки, признавался игрок.

– Да это же легко! Всего три буквы!

– Вот это меня и смущает!

– Хорошо, в этот праздничный день, а если вы не забыли, сегодня Всемирный день узбекского хлопковода, я решил помочь вам и подсказать одну букву. Итак, средняя буква *у*!

– Леонид Аркадьевич, вы это серьёзно?!

Смотреть на это было просто омерзительно, и поэтому ска́чки по каналам продолжились. По РТР шли новости, и в них вновь, как и вчера, что-то рассказывали о КПРФ и её вожде товарище Зюганове. Володя удивился и даже подумал, что сегодня, может быть, был какой-то забытый всеми коммунистический праздник, потому что этого персонажа показывали уже на втором канале кряду. Современный вождик с бородавками на лбу нёс несусветную ахинею о свободе, равенстве и социалистическом православии, при этом общим выражением он походил на мешковатого бригадира трактористов, без ума вспахивающего весеннюю зябь.

Сквозь тепла и свежести палитру,
в серебре весеннего дождя
медленно взбирается к зениту
новый образ старого вождя.
Все слова его литы, весомы,
но пока в лучах его зари
будущие замы и наркомы
неприметны как секретари.
– Я вам наш, я новый мир построю, –
он твердит. Но молчаливо в ряд
за его широкою спиною
будущие маршалы стоят.
И ни *дедушки* такому нет, ни беса –
цель ясна, и курс привычный взят,
и плевать, что вдруг при рубке леса
щепки, словно пули полетят…

Неугомонная шишка зюгановской головы вещала с трибуны:

– Господа, вступайте в ряды товарищей!

Здесь писатель немного отвлёкся на недоумённое лицо охранника. Ещё вчера, смотря володин телевизор, который был подключен к кабельной сети, а сегодня такой же у Талгата, Афанасьич недоумевал, как это в такой маленький аппарат влазит столько фильмов и программ. Своё сомнение он сейчас высказал вслух, чем почему-то не рассмешил, а расстроил собравшихся, так как они только теперь поняли, что с их товарищем – беда.

– Это ещё что, – поделился знанием писатель. – Вот в Китае, например, бедные, но умные китайцы спутниковую антенну прикручивают прямо к растущему бамбуку!

– Мать моя партия, и что это даёт? – меланхолически спросил Мусаич.

– А то, что с каждым днём на их китайских телевизорах становится на два-три канала больше!

Но и здесь, на кабельном телевизоре, каналов тоже хватало с лихвой. Например, сразу на трёх подряд Серёжа обнаружил каких-то стреляющих людей. На первом из них самозабвенно палили друг в друга из автоматов с десяток гангстеров в очередном голливудском дерьме – порождении неконтролируемого режиссёрского воображения, на втором – этим же отличился Сильвестр Фрэнкович Сталлоне, правда, уже с базукой, после чего вертолёт с красной звездой на борту сгорел ярким пламенем вместе с пилотом[250], а на третьем блистала ещё одна звезда Голливуда – чрезмерно перекачанный Арнольд Густавович Шварценеггер в роли Терминатора. Впервые этот фильм Джеймса Уильямовича Кэмерона писатель посмотрел ещё лет 20 назад, но только сейчас ему пришла в голову забавная мысль: а зачем роботу солнцезащитные очки?!

[250] ***Фильм Питера Эндрювича Макдоналда «Рэмбо III» (1988) – прим. кинoредактора***

Бластер, вилка и секатор!
На сеансе грех дремать:
нас научит Терминатор,
как с врагами поступать!

– А я вот тоже один фильм интересный смотрел, – принёс благую весть Серёжа.

– Название не помнишь? – отозвался Валера.

– Нет. Помню, только, что там Стивен Сигал был в главной роли.

– Святой Малевич, а о чём фильм?

– Да не помню! Царица лесная, помню только, что он в конце всех победил!

Все немного посмеялись над вспоминальцем.

Альбионыч заметил, что канал ТВЦ в последнее время особенно стал отличаться каким-то верноподданичеством, ежедневно сообщая никому не нужные новости о так называемых официальных лицах. Всё это было сделано с подачи московского мэра Москвы Лужкова, под которым шаталось кресло. Вот и сейчас в эфире ТВЦ звучали последние известия из российского мира политических тяжеловесов.

– Премьер-министр Российской Федерации Михаил Касьянов, – бодро начал ведущий, – посетил трипер… трипер… трипер.., – после чего смущённо умолк. За его спиной тут же появился толстяк, судя по виду, режиссёр программы, который в ужасе махал руками и кричал:

– Ты что мелешь, дурак?!

– Да здесь так написано!

– Читай по слогам!

– Хорошо! Премьер-министр Российской Федерации Михаил Касьянов посетил три пер-спек-тив-ных региона!

Наконец ведущий с трудом осилил сложный текст, после чего на экране появился какой-то крупный чин в генеральских погонах:

– В результате операции «Оборотни в погонах» вчера были задержаны несколько сотрудников правоохранительных органов, в том числе высокопоставленные работники уголовного розыска, ФСБ, один генерал МЧС и два старших офицера отдела криминальной милиции, – с наивно-стыдливым мурлом вещал о негодяйстве собственных подчинённых неожиданно прозревший министр МВД, надувая щёки от важности сообщения. – Например, полтора миллиона долларов было обнаружено на даче генерала МЧС, – в это время на экране возникла толстая морда самогó хозяина дачных капиталов, из-за самодовольства жизнью напоминавшая харю диктатора Муссолини из кадров фашистской кинохроники.

Министр во время чтения тяжёлого текста пожимал плечами, словно ему действительно было невдомёк, что оборотни в лампасах *hot couture* владели миллионными особняками, коллекциями швейцарских часов в миллионы долларов, эксклюзивными автомобилями и многочисленной челядью, оклады которых в разы превышали доходы среднего россиянина. Вот только он, бедный министр, так зашился в борьбе с преступностью, что ничего такого не усекал! Володя с отвращением переключил канал.

Знают даже в деревеньках,
как закон к воришкам строг:
кто ворует помаленьку,
тот сидит приличный срок!

Глава 171. ЗОМБОЯЩИК ИМЕНИ ЗВОРЫКИНА (Понемногу обо всём, окончание)

Охранник так быстро и радостно щёлкал пультом, словно мальчик-алалик развлекался с пожарной машинкой, что каналы пошли по второму кругу. Первым удовольствие лицезреть новые печальные страсти удостоились наши вынужденные зрители на канале НТВ – здесь началась передача «Чрезвычайное происшествие», где ведущий радостным голосом сообщал россиянам обо всём, что плохого случилось в стране за прошедшие сутки.

– Вчера «Жигули» шестой модели, выскочив на встречную полосу, – захлёбываясь от счастья, рассказывал ведущий, – стали виновницей крупной аварии на Ленинградском проспекте российской столицы. В результате аварии вдребезги разбиты «Ламборгини», «Феррари» и «Бентли»! Но больше всего не повезло водителю «шестёрки» – он остался жив!

100 машин расколошматишь
и с людьми, и с багажом:
за аварию заплатишь –
вмиг окажешься бомжом!

По одному из саксаульских каналов демонстрировалось скучное и никому не нужное заседание (прости, русский язык!) мажилиса республики. Глядя на нынешних демократов-мажилисменов, Володя представлял при этом немного поправившихся потомков худосочных радикалов Чернышевского и Писарева, внуков тех большевистских отродий, которые так и не смогли правильно прочесть ни Ницше, ни Фрейда в силу своей политической и человеческой безграмотности.

По верноподданному власти каналу ТВЦ передавали очередное обращение какого-то маленького чеченского лидера с очередными угрозами России. Вокруг него сидели боевики, причём, сплошь бородатые, как будто пришли не поддержать своего командира, а на кастинг некоего фильма нижегородской телекомпании «Три ангела» о жизни православных священников.

Неожиданно тему православия продолжил главный канал соседней страны под названием Первый. Он не мог пройти такого выдающегося факта, как появление российских лидеров в церкви. На телекартинке российский президент и его окружение стояли в так называемом храме со свечками, причём, лица их были очень серьёзными, словно даже здесь они обдумывали, как же сделать жизнь народа ещё счастливее. Всё это было очень похоже на выездное заседание бюро парткома! Володя вспомнил, как несколько лет назад, увидев в интернете одну фотографию, тут же озаглавил её «Смотрите, ангелы летят!». И, чтобы ты, читатель, не особо заморачивался, почему, автор, позаимствовав это изображение у нашего героя, сейчас показывает тебе его:

А если ты, читатель, не узнал этих персонажей, то и я, автор, не буду называть их фамилий, а лишь коротко наведу на след: здесь (слева направо) кандидат юридических наук, выпускница Ленинградского финансово-экономического института и кандидат экономических наук, то есть люди грамотные и даже учёные! А вот стишок свой того времени (с последними двумя строками хорошего поэта и барда Николая Карпова) всё-таки приведу:

Есть недовольные короной –
в стране живущие кроты,
где президент перед иконой,

ухмылку пряча, бьёт кресты.
Но если веры нет в народе,
где власть – бездушный сухоцвет,
народ в религию уходит,
когда на власть надежды нет…

Пока политики молились, остальной народ занимался кто чем: на мелькающих в телевизоре картинках шахтёры неистово стучали касками, но – придурки! – снова не по головам своих начальников, а всего лишь по московской мостовой, на другом канале тоже шли кадры другой демонстрации: кого-то лупили резиновой дубиной по голове, солдаты стояли наизготовку, а некто в бороде с дебильным выражением вещал о близящемся конце света. Надо сказать, что политики на телевидении почему-то было очень много – практически ежедневно телезрители имели счастье видеть жадные, лживые морды *слуг народа*, беззвучно открывающиеся рты, льющие то патоку, то грязь. Вот и сейчас очередная тошнотворная политическая передача шла на канале «Мир» – таком же кефирном канале, как и породившее его мёртворожденное образование под названием СНГ, которое пересмешник Альбионыч переводил как Сборище Нового Говна.

Я знаю: город рухнет,
усохнет дивный сад,
когда такие люди
в парламенте сидят!

«Телевидение – это великая и страшная сила», говорил Володя. «Дайте мне 15 минут телевизионного эфира в день и умытого Серёжу Полтавцева, и я за неделю влюблю всю Саксаулию в его рожу с кустистыми брежневскими бровями. И за ту же неделю народ поверит, что лучшего кандидата на пост следующего президента ему не найти!».

И, действительно, это было сделать просто: надо было только заплатить телеканалам большие деньги, чтобы они в своих новостных блоках изо дня в день рассказывали о жизни до этого никому не известного Афанасьича, а особенно о том, как он радеет о заботах простого народа. Новости жители Саксаулии и её соседа России смотрели охотно, потому что в них не осталось ничего от тухлых новостей времён застоя.

После службы выпив граммов 200,
смотрю я в телеящик – вот те на!
Ну, персонажи там в программе «Вести»,
в программах «Время» или «Времена»!

Глава 172. ЗОМБОЯЩИК ИМЕНИ ЗВОРЫКИНА (Реклама, песни и кино)

То, что автор привёл строкой выше в заголовочных скобках, составляло ныне культурную (прости, русский язык!) парадигму общества, словно *дедушка*, насмотревшись в своё время скучного советского (б) телевидения, дал команду культурно образовывать народ именно таким способом. Хотя именно от культуры на всём современном телевидении был только один канал с одноимённым названием. Но в данную минуту на «Культуре» шёл спектакль из жизни Древнего Рима про закон-

ченного отморозка Калигулу, который был интересен только театральным критикам. Володя хотел объяснить прапорщику и художнику, что под погонялом Калигула с древних времён скрывался некий Гай Юлий Цезарь Август Германик, но передумал, правда, не потому, что его друзья не поняли бы сказанного, а потому, что его мысли перебил взволнованный голос ведущего канала ТНТ:

– ЧП в прямом эфире! Только что пришло сообщение, что на последней «Битве экстрасенсов» чёрно-белая колдунья из посёлка городского типа Семижопино Эльвира Сиятельная прошла все этапы, после чего её сожгли как ведьму!

Затем в правом углу экрана появился логотип одного из музыкальных каналов, которых в последнее время развелось как блох нерезаных. Какие-то два по виду голубых «певца» задушевно исполняли песню про одноимённую луну. «Одного *пола* ягоды», образно подумал писатель. Он называл такие песни *хромыми*, объясняя, что это когда и музыка, и слова ни к *иблису* не годятся, но признавал, что самое удивительное в поп-певцах было то, что ртом они поют точно так же!

В телевизоре, побачь,
как вихляется Трубач!
А ведь рос в стране советской,
где повсюду был кумач!

После пронзительной голубой песни начался конкурс современного танца, где сегодня устроители его представляли публике рок-н-ролл. Альбионыч как-то туманно представлял, как можно связать рок-н-ролл с классическим танцем, хотя, как старый антисоветчик, совершенно не мог взять в толк, чем же так не угодил бывшим властям СССР (б) этот танец, – пусть и чересчур разудалый, пусть и сомнительного буржуазного происхождения, но ни прямо, ни косвенно не способствующий подрыву общественно-политического строя страны. Выходило, что под медленную музыку щупать девиц было вполне прилично, а вот приседать и раскачиваться, интенсивно вращая коленками, и, кстати, вовсе без всяких девиц, – это уже неизгладимый позор, низкопоклонство перед Западом и забвение идеалов коммунизма! Тогда Володя ещё не понимал, что поиск логики в Стране Советов (б) – занятие столь же неблагодарное, как труд минёра с похмелья.

Слопав два десятка роллов,
всё тут на́ хрен разнесу:
я танцую рок-н-роллы,
твисты, шейки и сальсу́!

Вслед за конкурсом вновь пошла песня, и на этот раз на экране появилась всё никак не стареющая Алла Пугачёва, с придыханием сообщающая телезрителям о том, как у неё завис Windows:

Кликну, а в ответ тишина,
снова я осталась одна!
Сильная женщина плачет у *окна*[251]…

[251] ***Окно по-английски window – прим. переводчика***

– Он уехал прочь на ночной электричке, –

сообщила миру ещё одна нестареющая певица – Алёна Апина, а всё потому, что её старые «хиты» крутили вот уже несколько десятилетий, а новых как-то не сочинилось.

– Ехать не хотел, но зажало яички! –

отозвался на песню поэт-экспроматор Кулемзин. Его буквально затошнило от наглой попсы, проникающей в каждый дом из радио, ТВ, интернета и утюгов.

Поглощая колбасу,
слушал песенку Алсу,
и всё думал: «Как противно
слышать всю эту попсу!»

К тому же, из всех щелей лезла в наивные души доверчивых саксаульцев реклама, без которой раньше каким-то чудом 70 лет жила огромная страна, а теперь не могла прожить и дня. Вот на экране показалась старушка, которая вместо неспешного похода в крематорий скакала в разухабистом чарльстоне.

– Нашей бабушке за семьдесят, – объяснил голос за кадром, – а она резвится как котёнок. И всё потому, что наша бабушка сожрала целый пакет «Кити-Кэт»!

Вот на кухне одна незнакомая соседка за что-то благодарила соседку, уже знакомую всей стране, которая ходила по дому почему-то в медицинском халате:

– Спасибо, Мария! У моего мужа боль как рукой сняло, когда он запил твою таблетку панадола литровой банкой рассола!

Вот всем заинтересованным в рекламе показали сразу два поколения российских дебилов в одном лице:

– Когда я был маленький, я кушал «Растишку». А теперь я вырос и стал курить «Куришку» и пить «Бухашку»! Но всё началось именно с «Растишки»!

И единственное, что действительно хотел бы посмотреть Альбионыч от начала до конца, был замечательный фильм Станислава Говорухина «Место встречи изменить нельзя», снятый по не менее замечательной книге братьев Вайнеров «Эра милосердия». Прочитав эту книгу много-много лет назад, Володя тогда сознался себе, что эти два брата-еврея и есть лучшие *русские* писатели XX века, если, конечно, не принимать во внимание ещё одних лучших русских писателей (по странному совпадению тоже братьев-евреев) по фамилии Стругацкие! Но посмотреть на приключения Глеба Жеглова и его помощника Володи Шарапова, сражающихся против банды «Чёрная кошка», Кулемзину, разумеется, не дали – Афанасьич щёлкал пультом как маньяк, у которого в голове завелась нехорошая идея – убивать только тех писателей, кто мешает ему переключать телеканалы.

Глеб Егорыч Жеглов –
он плечист и суров,
Глеб Егорыч Жеглов – коммунист,
он уверен вполне:
вор в советской стране
обязательно будет в тюрьме.
А горбатый пахан
с детства был уркаган,
не хотел добрым пахарем стать:
по *малинам* кутил,
честно жить не любил,

он привык убивать, воровать.
Их дороги сошлись,
злые су́дьбы сплелись
не на день, не на два, не на год,
но бандитов-воров
победил Глеб Жеглов,
потому что за ним весь народ!

И, конечно же, из сорока каналов, которые принимало саксаульское кабельное телевидение, как минимум, треть демонстрировало голливудские боевики с лихо сражающимися ковбоями, терминаторами, *рэмбами* и крутыми уокерами. И решил здесь автор (для общего культурного развития тебя, читатель!) дать обзор о том, что можно узнать практически из любого такого триллера. Итак,

Глава 173. ЛИКБЕЗ ПО-ГОЛЛИВУДСКИ

Напрягись, мой любопытный читатель, и порадуйся вместе со мной от процесса вот такого узнавания:

Столкнувшиеся автомобили всегда взрываются.

Полицейские, проводя любого рода расследования, хотя бы один раз обязательно зайдут в стрип-клуб.

Спасаясь от погони, нужно спрятаться в толпе проходящего мимо парада. Какой-нибудь парад непременно будет!

На каждой кровати лежит L-образное одеяло, закрывающее мужчину до пояса, а женщину – до подбородка.

Лучшего детектива постоянно отстраняют от работы или дают 48 часов, чтобы закончить расследование.

Система вентиляции любого здания – лучшее место, чтобы спрятаться. Никому в голову не придёт искать вас именно там, зато по ней можно беспрепятственно попасть в любую часть здания.

Любая бомба с часовым механизмом снабжена индикатором с очень большими красными цифрами, чтобы все видели, сколько времени осталось до взрыва.

В кухне не бывает освещения. Если герою ночью нужен свет на кухне, он открывает дверцу холодильника.

Эйфелева башня в Париже видна из любого окна.

Оставшись одна ночевать в тёмном и мрачном здании и услышав подозрительный звук, героиня ничего не боится, а идёт узнавать, в чём дело, причём, надевает на себя самое роскошное и соблазнительное бельё.

У средневековых и даже первобытных людей всегда накрашенные ресницы, блестящие, ухоженные волосы и великолепные зубы.

Если вы подверглись нападению более одного противника, не бойтесь – нападать будут всегда по одному, а остальные в это время совершают угрожающие телодвижения.

Если машина едет даже по прямой и ровной дороге, руль всё равно нужно яростно крутить из стороны в сторону.

Губная помада не стирается, даже если героиня моется в ду́ше или ныряет с аквалангом.

Любой замо́к открывается скрепкой, шпилькой или кредитной карточкой.

(Кстати, эту практику уже вовсю переняло кино отечественное – как российское, так и саксаульское: буквально в каждом детективе милиционерам никогда не нужно было открывать двери квартир, куда они приходили или с обыском, или с допросом – от лёгкого толчка эти двери гостеприимно распахивались, так как буквально все убийцы, страдая потерей памяти, после своего кровавого преступления обязательно забывали эти двери закрыть!)

Нас, талантов, – батальоны,
наши фильмы – как иконы,
что дебил нарисовал:
мы снимаем по шаблону,
не чураясь лексикона,
и кино, и сериал!

Глава 174. О ТЕСТЕ С МЯСОМ

– Слушай, Серёжа, надоело уже твоё телевидение, – попенял сторожу Володя, намекая на то, что пора бы на волю – в пампасы Бермудского Учпучмака.

– Напрасно ты так! – ответно попенял ему Афанасьич. – Да про это телевидение ещё Ленин писал!

Нуртай тут же подавился глотком, после чего уставился на охранника, как деревенское домашнее животное на новые ворота.

– Жалко, что и ты, Нуртай, этого не знаешь, – объяснил Полтавцев. – Ленину, наверное, тоже не нравилось телевизор смотреть, вот он и написал статью «Детская болезнь телевизны». Я не виноват, это мне Володя рассказывал!

Педагогу стало очень плохо. Он понял, что никогда не сможет простить этих глупцов, не знающих классическую статью Владимира Ильича Ленина «Детская болезнь «левизны» в коммунизме», написанную им в далёком 1920 году. А ведь каждому, буквально каждому в Саксаулии необходимо было знать этот труд вождя мирового пролетариата, содержащий резкую критику противников большевизма из революционно-социалистического лагеря. Нуртай помнил, что мудрый Ильич взгляды большинства таких противников определил как левый коммунизм, и если бы люди руководствовались этим трудом по сей день, то жизнь их была бы сейчас и легче, и веселей! Он смотрел на беспечных сопокерников и горько сожалел о том, что они даже не знают подзаголовка этой незаменимой в быту книги: «Опыт популярной беседы о марксистской стратегии и тактике».

Сам он помнил этот ленинский труд почти наизусть и руководствовался им не только в работе, но и в семейной жизни, частенько напоминая супруге после *ночной забавы* ироническое посвящение Ленина тогдашнему британскому премьеру: «Посвящаю эту брошюру высокопочтенному мистеру Ллойду Джорджу в изъявление признательности за его почти марксистскую и во всяком случае чрезвычайно полезную для коммунистов и большевиков всего мира речь».

– Представляешь, дорогая! – восклицал он, стирая пот с чела старой простынкой. – Какая тонкая ирония!

«Представляю», отрешённо думала жена, хотя вместо этих слов она предпочла бы *ещё разочек.*

Долг *супружный* еле-еле
он исполнил – но умом! –

коммунист порой в постели
размышляет о другом…

Здесь тягостные мысли Курманбаева прервал голос охранника, который задавал нехитрый вопрос писателю.

– Скока время?

– 18:12, – ответил Володя. И добавил:

– Опытный покерист, соединив эти числа, получит *примерную* дату Бородинской битвы.

– А точную? – поинтересовался неугомонный Афанасьич. – Ты же, Володя, понимаешь, что точность – мать закономерности!

Педагог в очередной раз поперхнулся пивом.

– А точную – это 26:08 (07:09)[252].

[252] Между тем, эти, странные на первый взгляд, числа содержат абсолютно точную информацию об упомянутом историческом событии: Бородинская битва произошла 26 августа (7 сентября) 1812 года – прим. автора

– Талгат, слушай, а где же твои тесто с мясом? – неожиданно вспомнил Валера вслух, а про себя подумал другое: «Ведь ты же ещё в главе 135 обещал, что накормишь от пуза…».

Да, забыл о своём обещании старший прапорщик, но разве он, герой романа, виноват в этом? Разве не виноват в этом автор, так опрометчиво придумавший это обещание? И как же загладить вину? Да просто: раз уже не довелось ни нашим героям попробовать обещанных блюд, ни читателю захлебнуться слюной при описании оных, автор устами нашего поэта Кулемзина просто расскажет о целой куче блюд, составленных из этих основных ингредиентов. Итак, «Тесто с мясом»:

Кроме орденов-медалей
да ещё повоевать,
командармам без баталий
есть о чём погоревать!
Мыслят эти командармы:
где же столько взять еды? –
накормить 140 армий
ну́жны ведь еды пуды!
Голод – гость весьма вульгарный,
так и косит он ряды.
Тесто с мясом – популярней
в мире не найти еды!
И готовят им без лени
поварята от души
равиоли и пельмени,
бешбармак и беляши.
Силы нет в воде и чае,
но энергией полны
пирожки и расстегаи,
чебуреки и блины!
Здесь десятки вариантов,
мясо с тестом – вот состав:

и вареники, и манты,
и хинкали, и рукав.
Не убавить аппетиты
тех, кто двинулся в поход,
а когда боец наш сытый,
за еду он в бой идёт!

Глава. 175. ДАВНО ОБЕЩАННЫЙ ИСХОД В ПРИВЫЧНЫЙ ПОКЕРУ ПОХОД

– Святой Малевич, а не ударить ли нам в очередной раз по пивку? – облизнувшись, предложил Муравлёв.

Предложение художника неожиданно нашло спрос, так как Талгат достал из широких военных штанин какой-то потрёпанный жизнью кошелёк, из которого гордо извлёк аж две купюры по 50 назарбаксов.

– Молодец! – отозвался на поступок Володя. – Яйчики-бабайчики, нужели ты вскрыл подушку тестя? Или втихаря продал никому не нужный секрет родной Саксаульской армии?

– Причём, всякой западной нечисти, – вставил свои три копейки педагог. – Мать моя партия, а ведь устав вооружённых сил Саксаулии по этому поводу говорит, что…

Но что именно говорил устав, у которого по определению не было никакого рта, народ так и не узнал, потому что Кулемзин решительным жестом отверг финансовое предложение трубача, достав из кармана своей марсианской рубашки тоже две купюры, но уже по тысяче назарбаксов!

«Империализм всё шире разбрасывает свои щупальца», глядя на огромные володины деньги, неодобрительно-завистливо подумал Нуртай.

И родной понюхав лапоть,
не испытывая шок,
на гнилой глядим мы Запад,
где живётся хорошо!

«По-моему, настал психологический момент для того, чтобы посмотреть в окно», неожиданно решил Альбионыч и тут же материализовал свою мысль. Первое, что он увидел, это то, что дождь наконец-то кончился, а, значит, можно было с чистой совестью покинуть гостеприимную квартиру Батыршина. Увиденное обрадовало его как литератора.

Мокрый город был несколько тёмен, будто все его граждане влезли на столбы и вывинтили по одной лампочке, хотя в природе по-прежнему царили август и полный штиль. Омытое дождём солнце блаженствовало на перине из белых пушистых облачков. У родного подъезда, как и до начала катаклизма, сидела всё та же стайка старушек-соседок. «Там, вне их *ещё живого уголка*, происходят путчи и революции, разоряются банки и стреляются отчаявшиеся люди», подумал писатель, «а бабушки эти как сидели, так и сидят, видимо, олицетворяя собой вселенский покой и планетарную стабильность!»

Ливневая туча постепенно уползала за горизонт, теряя по дороге свою упитанность. Притихшие за время дождя птицы вновь заверещали на неведомом радостном языке. Асфальтный зной, поднимавшийся возле Бермудского Учпучмака при-

чудливыми прозрачными клубами, по мере удаления к магазину загустевал и превращался в сказочное марево, создавая ощущение нереальности происходящего.

Нам денёк даёт подсказку,
как вернуть простой покой:
возвращаемся мы в сказку
из реальности былой…

Вторым примечательным зрелищем были уже знакомые читателю бомжи Танкист и Одиссей, которые тревожно вглядывались в окна батыршинской квартиры, пытаясь угадать, за каким же из них прячется благодетель Кулемзин. По их виду было ясно, что они полностью готовы к исполнению репертуара. Третьим, что заметил писатель, были дворовые дети, вернее, их следы, потому что даже во время дождя они носились по территории Бермудского Учпучмака так быстро, что их практически не было видно. Это казалось невероятным, потому что так споро могут бегать только кенгуру или, в крайнем случае, частицы в ядерном ускорителе.

– А не ударить ли нам по пивку, – повторил Альбионыч заманчивое предложение живописца, – но так, чтобы употребить его не здесь, а уже на родных просторах Бермудского Учпучмака?

Все задвигались, как бы подтверждая справедливость сказанного.

– Серёжа, а ты как думаешь? – обратился гуру к охраннику, который в этот момент сосредоточенно ковырялся в носу. – Есть ли в твоей знаменитой книжечке «Для му.мы.» какой-нибудь афоризм на эту тему?

– Конечно, есть, – степенно ответил саксаульский даль, открыл котомку, достал блокнотик и, немного покопавшись в нём, с выражением прочитал:

– «Жизнь надо прожить так, чтобы не было мучительно больно, а было мучительно не больно!»

– Ёкарный Кулемзин? – поинтересовался военный музыкант.

– Нет, мать честна́я, Володя как-то до такого не додумался, – с сожалением ответил Полтавцев. – Это один слепой писатель написал, видимо, используя для этого азбуку Луи Симоне-Реневича Брайля.

«Пора!», пришло второе решение. Быстренько озвучив нехитрый план и получив на него ненужное согласие присутствующих, Володя вывел из подъезда свою ПОЛК[253] и направил свои и их стопы к покерному столику. За ними на приличном расстоянии, позволяющем не различать естественные запахи, следовали бомжи.

[253] Напомню, что это Партия Откровенных Любителей Карт – прим. автора

Дальше мысли писателя пошли в сторону собственного географического положения. «Это не квартирка, а просто-таки какой-то отель «Ползвезды», выходя из талгатовского подъезда, подумал он. Бермудский Учпучмак, нисколько не снизив своей температуры за время обеда, дохну́л ему в лицо душным жаром, заставив ещё больше обвиснуть грязно-зелёными вялыми лоскутками листья посаженных здесь карагачей.

Неожиданно общий шаг к покерному столику сбился – все шагающие услышали нечто невероятное в саксаульских широтах: по небу шёл журавлиный клин, что-то курлыкая друг другу во время полёта на своём птичьем языке. «Откуда они здесь?», подумал писатель. «Наверное, всё-таки из моих фантастических снов! Но

почему же тогда не только я, но и все остальные пялятся в небо, как в глазóк парижского порноавтомата?»

Надо мной пролетали птицы,
крылья их на ветру крепчали –
ведь для птиц самый главный принцип,
чтобы их поутру встречали.
Нет для птиц ничего важнее,
чтобы в небе легко и умело
перелётные упражненья
выполняло их птичье тело.
Я кричал им: «Привет, бродяги!»,
и махал я рукою птицам.
С ними я из одной шараги –
для меня это тоже принцип!

Неожиданно послышалось громкое чертыхание – это Афанасьич, заглядевшийся на птичек, наступил в образовавшуюся во время природного катаклизма огромную лужу.

– Вот что меня всегда поражало больше всего, – глубокомысленно заметил он, разглядывая промокший башмак, – так это звёздное небо под ногами и Иммануил Иоганнович Кант внутри нас!

Старший прапорщик, идущий за ним следом, остро позавидовал такому эффективному общению умного сторожа с Альбионычем и ещё раз подумал о том, что неплохо было бы пообщаться с писателем *неформаль*но, чтобы наконец-то набраться ума, которого не дала ему армия! Он решительно наступил в лужу, и даже немного потоптался в ней, но мысли о Канте и звёздах так и не пришли.

Глава 176. БЕЗ ОРКЕСТРОВКИ И АРАНЖИРОВКИ

Наконец сопокерники и примкнувший к ним художник достигли заветных покерных скамеечек, после чего Афанасьич достал из своей бездонной котомки какую-то тряпочку, похожую на портянку б/у, и тщательно протёр влажное дерево от дождевых капелек.

– Итак, повторяю вслух: не пора ли прикупить что-нибудь из жидких кормов? – произнёс писатель. – Но, прежде чем выскажутся мои неугомонные оппоненты, прошу всех встать и почтить минутой молчания вечную молодость!

Все поспешно встали и целую минуту осознавали, какую ахинею сейчас высказал их вождь и учитель.

– Ну, а теперь, Серёжа, будь другом, сгоняй за пивком!

– Ist etwas schiefgegangen[254]? – неожиданно спросил Полтавцев, повергнув в шок группу товарищей.

– Nein, – спокойно ответил Володя, – aber anders, als erwarten[255].

[253] ***Что, дела идут неважно? – нем.***
[254] ***Нет, но не совсем так, как ожидалось – нем.***

Педагог обалдело посмотрел на разговаривавших, видимо, намереваясь что-то спросить, но всё же промолчал, чувствуя торжественность момента.

– Серёжа, – видя, что охранник как-то не торопится исполнять поручение, произнёс Кулемзин, – вот посмотри на Томаса Самуэлевича Эдисона.

– Где? – завертел головой охранник.

– Да он уже давно покойник, – подсказал Салихдзяныч.

– Именно, – подтвердил лидер. – А, спрашивается, почему? Все вы помните…

При этих словах Николаич закивал головой, словно действительно не только помнил покойногоЭдисона, но и неоднократно попивал с ним пивка.

– …что его преследовали неудачи, пока он создавал свою лампочку. Но однажды он сказал себе, что все неудачи должны кончиться. И тогда он не стал выбирать ни одного из девяносто девяти ложных путей, а избрал самый наилучший путь – сотый!

– И что? – попросил уточнить Афанасьич.

– Да ничего! Иди-ка и ты, как покойный Томас, по лучшему из путей!

«Путь бесплодный безобразен»,
просвещал нас муэдзин.
«Все пути ведут в мага́зин,
а, быть может, в магазин!»

После чего спонсор небрежно кинул на покерный столик купюру. Увидев это, Курманбаев даже задохнулся от возмущения.

– Да разве же можно так? – прикрикнул он на писателя, схватил купюру и бережно стал разглаживать её.

– А я вообще деньги не люблю, – решительно заявил Альбионыч. И, увидев недоумённые взгляды сопокерников и художника, пояснил:

– Потому что они на углах загибаются!

После чего отобрал денежку у педагога и вручил её сторожу. Приняв купюру и даже на всякий случай тщательно обнюхав её, Полтавцев вытащил знаменитую книжечку «Для му.мы.» и записал на чистой страничке: «Один иностранец всё искал пути, как пойти за пивом, а потом нашёл, но было поздно – сдох совсем!»

– Серёжа, хватит маяться бездельем!

– Да я им не маюсь, – возразил охранник. – Я им отдыхаю! Иду-иду, надо же принести коллективу какую-нибудь пользу…

– Вылитый дурак, – глядя на охранника, тихо пробурчал педагог, но неожиданно был услышан.

– Я не вылитый, – резонно заметил сторож. – Чтобы вылить, в меня сначала нужно что-нибудь влить. Правда, Володя?

Володя вздохнул и вынул из кармана ещё одну купюру, наказав скороходу купить на две бутылочки больше. А зачем, ты, мой читатель, узнаешь скоро – буквально через пару абзацев.

Мысль достану из архива,
что оставил папа Ной:
«Если больше купишь пива,
будет радость с шар земной!»

Афанасьич действительно вернулся скоро, примчавшись к покерному столику, не обращая внимания на встречающиеся лужи, в результате чего оба его дырявых башмака стали заметно повонивать. Но радость сопокерников от предполагаемого

общения с любимым напитком была намного сильнее (прости, русский язык) одорологических инсинуаций.

Кстати, последние две бутылочки Альбионыч приготовил для бомжей, которые уже давно были готовы порадовать слушателей своим тюремным вокалом, правда, без оркестровки и аранжировки. Писатель приветливо поднял пиво, показал его певцам и дал отмашку: «Начинай!». Бомжи выстроились по ранжиру, открыли щербатые пасти и начали песню ладком:

– Девчонка как картинка,
зовут девчонку Зинка,
и я её любил, что мочи нету!
Не думал я, что случай
нас с Зиночкой разлу́чит,
но счастье выпадает по билету.
Моя подруга Клава
подкинула маляву –
видать, нехорошо я с ней простился,
и опер дюже резвый
нарушил интересы,
и снова я на зоне очутился.
Ещё увидишь, Клава,
позорная малява
тебе однажды боком обернётся –
с любимой разлучила,
и что ты получила?
К тебе твой бывший парень
не вернётся!

Удивительным было то, что пели они, как будто репетировали песню не один год – то на один ведущий голос, то на два, с какими-то фиоритурами и мелодизмами. А, может, всё было проще: фигуристое пение было всего лишь способом добычи подножного корма в виде жидкого хлеба. Во время исполнения Володя оглядел певцов. Несмотря на страшную последождевую духоту, одеты они были как вахтенные рабочие таёжного прииска (зимний вариант), то есть в чёрные шапки-ушанки, страшно вонючие телогрейки, штаны на ватине и утеплённые прорезиненные сапоги. Писатель уже помнил такой наряд страдальцев, и даже однажды слышал, как на вопрос сердобольных старушек у его подъезда, не жарко ли им, сердешным, Танкист тогда ответил, что «шифоньер с собой не носит».

Кулемзин тут же отдал клошарам честно заработанный гонорар, после чего с неудовольствием заметил, что пивко, только что принесённое Полтавцевым, как-то стремительно кончилось. Но тут же заставлять сторожа радостно бежать за добавкой было как-то неприлично, и писатель решил вначале сыграть два-три роббера, тем более что покерный столик уже окончательно подсох после дождя, а уж потом применять насилие. И робберы эти (числом четыре) были сыграны удивительно споро, хотя во всех них проиграл именно Афанасьич, уйдя при это*м в глубокий минус.*

Глава 177. И ВНОВЬ ПОХОД ЗА СЧАСТЬЕМ

Полтавцев после проигрыша сидел как-то странно: подняв голову вверх, но явно ничего не видя.

– Яйчики-бабайчики, да это просто психогенный шок какой-то! – привычно диагностировал Альбионыч. – Гипокинетическая (прости, русский язык!) реакция на неприятную ситуацию. У меня самогó такое бывает, только нечасто.

– Святой Малевич, как бы он того… не чокнулся, – предположил Муравлёв, видимо, тоже вообразив себя диагностом.

– Это было бы лучшим выходом, – обрадовался Володя. – В такой ситуации нет никакой возможности быстро ликвидировать травмирующий фактор, а вот это уже чревато (ещё раз прости, русский язык!) суицидальными попытками. Впрочем, кажется, есть один подходящий выход.

Писатель перегнулся через покерный столик и пощёлкал пальцами перед лицом страдальца.

– Серёжа, может, за пивом ещё раз сходишь? – спросил он. Сторож заметно оживился, и взгляд его стал более осмысленным – где-то процентов на 13.

Отсутствие напитков жизни, какими представлялись «Тянь-Шань», «Маршал» и «Жигулёвское» изголодавшемуся покерному электорату, могут себе полностью представить только те, кто пережил *по случаю* какой-нибудь допрос в стране, где пытки не запрещены законом.

– Может, скинемся? – задал Кулемзин свой ежедневный провокационный вопрос, при этом сопровождая слова характерными движениями сложенными в щепотку пальцами, как будто у него невыносимо стали чесаться кончики этих самых пальцев..

Хоть и мучает нас жажда,
хоть становимся бледней,
может скинуться не каждый,
а лишь тот, кто богатей!

– Серёжа, может, ты добавишь? – обратился к Афанасьичу писатель, чтобы уже окончательно пробудить сознание охранника. Полтавцев застеснялся.

– Царица лесная, соответствовать не могу, – неожиданно твёрдо ответил он, и для наглядности утверждения ловко, как покойный Эмиль Эмильевич Гиршфельд-Ренард, всю жизнь притворявшийся неким Кио, вывернул сразу оба кармана штанов. После чего он выразительно поглядел на оттопыренный карман володиной рубашки, и гуру не нашёл в себе моральных сил противостоять такому психологическому давлению, и вскоре дал, как когда-то обещали насчёт коммунизма, *каждому по потребностям.*

Нуртай неприязненно поглядывал на Володю, уже не первый раз доставшего из кармана купюры для угощения покерной хевры и примкнувшего к ним живописца. «Мать моя партия, что он хочет этим показать?», напряжённо думал педагог. «Что он лучше всех?». Несчастному Курманбаеву было невдомёк, что только бедные ищут во всём выгоду, и если относительно богатый человек начинает искать выгоду, то это просто означает, что он всё ещё недостаточно богат. А вот богатый (в том числе и духовно богатый) человек может позволить себе бескорыстные поступки. Такому просто приятно делать людям приятное!

Я пою в похмельном гимне,
как мечту осуществить:
«Коль богатый, то купи мне
и бухнуть, и закусить!»

– Ну, Серёжа, с ветерком!

Сторож схватил купюру, но помчался почему-то не в сторону магазинчика Калимы, а к собственному дому № 16.

– Стой! – заорал гуру – Куда?

Охранник вернулся и пояснил:

– Ну, я же парень исполнительный. Ты сам сказал: со свитерком! А я, сам видишь, без свитерка сегодня вышел.

Все посмеялись над происшествием, на этот раз послав ходока куда надо, то есть на 22 метра южнее Бермудского Учпучмака. Но и этот поход окончился неудачей – оказалось, что пиво только что закончилось, и Калима, позвонив на завод-производитель, выяснила, что целебный напиток жизни привезут только через минут 40-50.

– А пóмните, куда я вчера ходил? – вскричал педагог. – В 22-м доме недавно же открылся новый магазинчик – может, там ещё не кончилось?

– Точно, точно, – загалдели остальные, окрылённые неожиданно пришедшей надеждой. Через мгновение зад Афанасьича в последний раз мелькнул за территорией Бермудского Учпучмака и растворился во вселенной второго микрорайона. Причём, поскакал он в новый магазинчик так поспешно, словно накануне прочёл в газете «Вечерний Отцеябловск» сообщение, что сегодня там будут бесплатно раздавать просроченную тушёнку «Великая Китайская стена».

– Ушёл в странствие, – констатировал Володя. – В юдоль печали и скорби!

Но вот прошли 10 минут, а за ним и 15, но ходока всё не было, и игроки терялись в догадках, потому что просто не видели, что в новом магазине, где пиво действительно не закончилось, образовалась живая, а, вернее, чуть живая очередь из таких же страждущих жителей микрорайона. На удивление саксаульским статистикам, очередь состояла почему-то только из лиц мужского пола, к тому же поголовно мокрых.

Ног от тремора не чуя,
краснонос и красноглаз,
тихо в очереди жду я,
что же выбросят сейчас!

Глава 178. НЕОЖИДАННЫЙ ХРОНОТОП (хронотоп № 12)

Сторож всё же появился, после чего раздал присутствующим по две бутылочки, – как старшина патронные *цинки* первогодкам на полковых стрельбах. Глядя на жадно хлюпающих пивом сопокерников, Володя, чтобы они совсем не закисли мозгами на жаре, решил устроить им небольшой экскурс в *эзотерическую* историю родного государства. Нуртай, узнав об этом, поскучнел, но тут же решил отомстить знатоку и коварно предложил:

– И что, ты как-то можешь связать эзотерику и, например, Владимира Ильича Ленина?

– Легко, – ответил философ с историческим уклоном. – Я ведь тоже считаю Ильича I гениальным, ну, если не человеком, то, во всяком случае, монстром.

– Мать моя партия, почему?!

– Думаю, что гений Ленина, – ответил Кулемзин, – в том и состоит, что, как всякое гениальное существо, он сумел подняться над догмами и увидеть свет там, где все окружающие видели лишь частокол проблем.

Здесь писатель своим марсианским зрением заметил вылезший из-за тушки Курманбаева хвост и понял, что коллектив вновь посетил *иблис*. «Ничего, пусть тоже послушает», решил гуру, «авось немного с ума съедет!».

Коль уму закон не писан,
череп мне мозги не жмёт:
не боюсь того *иблиса*,
что во мне сейчас живёт!
Он давно во мне прописан,
чёрный, шустрый и живой:
приручил давно *иблиса* –
стал *иблис* совсем ручной!

Охранник на всякий случай достал книжечку «Для му.мы.», но так как ничего не понял из сказанного, решил слушать дальше.

– Яйчики-бабайчики, если вы пóмните…

Здесь педагог приосанился и закивал головой, как игрушечная собачка на *торпеде* автомобиля.

– …классический марксизм предполагал социалистическую революцию как перехват управления в высокоразвитом, или как мы сейчас говорим, индустриальном обществе. Ильичу I досталась изнурённая войной страна с двумя, я подчеркиваю, с двумя процентами пролетариата, а также полностью разложившейся системой управления страной и тотальной анархией, идущей от всеобщей жажды перемен. «Что делать?», спрашивал он.

Полтавцев наконец-то понял, о чём идёт речь, и быстро записал поразившую его мысль: «Всего 2 процента пролетариата сильно разложились, а как стало тяжёло после этого жить в индустриальном обществе! Хорошо, хоть пиво не отменили…».

Говорила мне жена, посуду мóя,
опасаясь боя хрупкого стекла:
«Если б пиво было дорогое,
революция давно б уже была!»

Володя между тем продолжал учёную лекцию:

– И тогда Ленин сделал гениальный по простоте и грациозности ход. Я бы назвал его *манифестацией непроявленного в проявленном*, что по сути своей и есть революция!

Чувствовалось, что сегодня у Афанасьича просто праздник какой-то: столько умных мыслей зараз ему не удавалось записать ещё никогда! Вот и сейчас заветная книжечка пополнилась новой исписанной страничкой: «Проявляй не проявляй, говорил Ленин, а без закрепителя никак!».

– И тогда ВМП развернул структуру партии…

– Кто-кто? – сорвался голос у педагога.

«Великий Мудак Партии», хотел пошутить Альбионыч, но ответил честно:

– Вождь Мирового Пролетариата. Так вот, и тогда ВМП развернул структуру партии, то есть закрытой, или эзотерической организации, превратив её в *откры-*

тый аппарат государственного управления. До него мир знал лишь классический путь либеральной демократии с её тайным всевластием закрытых клубов и обществ. Образно говоря, Ленин выстроил такую пирамиду, о существовании которой общество практически было не осведомлено.

«О чём это он?!», в ужасе думал Мусаич, покрываясь горячим пóтом, но всё-таки решился перебить докладчика..

– Откуда это тебе известно? – с подозрением спросил он.

– Да из хорошо декольтированных источников, – легко и свободно ответил историк Кулемзин.

Под щитом и на щите,
и когда бухаю,
я гляжу на декольте –
юность вспоминаю!

Зато не перебивал писателя Валера, так как после торпедированного принятия свежего пивка несколько отключился мозгами, уйдя сознанием в воспоминания о семейной жизни. К тому времени очухался от посторонних мыслей и Афанасьич, который заявил Курманбаеву прямо в лоб, хотя, признаться, не совсем по делу:

– Деревянный ты какой-то, Нуртай! Как медный всадник…

– Почему это? – заносчиво произнёс Мусаич, который очень не любил непартийных ярлыков.

– Да потому что мудак, – просто объяснил охранник. – На букву *ч*!

Педагог на такое незаслуженное обвинения так и не нашёлся что сказать, хотя попытался сгладить ситуацию некой улыбкой, которая со стороны казалась обычным звериным оскалом социализма.

– Наверное, именно поэтому, – продолжил лекцию знатный историк с литературным уклоном, – никто не обратил внимания на столь бросающиеся в глаза признаки *тайной* организации. Вспомните: октябрята с семи до десяти лет, потом пионеры до четырнадцати лет, а начало полового созревания и связанные с ним энергетические (прости, русский язык!) протуберанцы совпадают со вступлением в ленинский комсомол!

Я не всех сейчас оха́ю –
только маленьких ребят:
комсомольцы созревают
раньше юных октябрят!

– Точно, точно, ёперный устав! – воскликнул Батыршин. – Я когда первый раз *захотел,* как раз готовился в комсомол вступать. Помню, читаю про принцип демократического централизма в комсомоле, а перед глазами сиськи нашей химички Доры Сергеевны так и трясутся. И так разволновался, что еле вступил!

Писатель-историограф дождался конца волнительной истории и продолжил:

– Так вот… стало быть, энергия всегда направляется в нужное русло. А в комсомоле…

Он строго посмотрел на военного трубача:

– …самый бездарный человек обречён пробыть два раза по семь лет, то есть до двадцати восьми, сумма чего дает нам *десятку* – нумерологический знак *человека познания.*

«Может, он того… мозгами двинулся?», обрадовано подумал педагог и даже немного подёргал за хвост *иблиса*, который внимательно слушал лекцию писателя.

– Ведь определённое число комсомольцев созревало раньше времени и переходило в разряд кандидатов в члены партии, что есть полный аналог масонской степени *подмастерья*!

– Святой Малевич, ну это ты уже загнул, – усомнился художник, неожиданно вышедший из комы семейных воспоминаний.

– Ничуть, – парировал Альбионыч. – Вспомним изречение Сталина: «Наша партия должна представлять из себя боевой отряд – сродни *меченосцам*»[255]. Думаю, он имел в виду именно то, о чём говорил. Ведь *усатый* создал *новую* партию, репрессировав всех старых пламенных профессиональных революционеров, то есть партию *управленцев.* И чем больше их иерархия была пронизана духом рыцарского ордена с культом магистра (генеральный секретарь) и веры в Абсолют (коммунистическое завтра), тем оптимальнее она была в управлении, и мало подвержена внутренним и внешним воздействиям.

[255] «О политической стратегии и тактике русских коммунистов», «Правда», 11 июля 1921 г. – прим. полит. редактора

– И что? – туповато спросил педагог.

– Ты хотел спросить, каков же результат?

– Да-да, ёкарные масоны, я тоже хотел спросить – каков? – поднял руку, как в классе, трубач.

– Так вот, произошло то, что должно было произойти: система из тайной постепенно стала явной – из неё ушел *дух.* Более того, в таком виде она была абсолютно не приспособлена ни к каким новациям, её конструкция стала неизменной, как сама природа любой власти. А все реформаторы с упорством, достойным иного применения, пытались перестроить именно её, принимая внутреннее за внешнее. Чем кончались эти эпопеи по переделке *фасада*, вы знаете.

– А теперь посмотрите на Китай, – печально закончил философ. – Видите? Конструкции идентичны, а результат прямо противоположный!

Партпроцесс изрядно пенен,
хоть партийных и табун:
русских раздраконил Ленин,
а китайцев – М. Цзедун!

«Он очень похож на молодого Алексея Толстого», заслушавшись, подумал *иблис*. «Та же барственная спокойность, только бес, вечно точащий русскую душу, изредка пробивается сквозь вальяжную ленцу глаз. Вот и лезет в дебри, где слабый умом давно бы тронулся…»

Занимался размышлениями в этот момент и художник Муравлёв. «Рабы азарта», тепло думал он, глядя на спорящих. «А ведь могли бы спокойно сидеть попивать пивко – без всяких дурацких разговоров и дурацкого покера!». Но вслух такую крамолу, он, конечно, не произносил, так как последствия этих необдуманных слов могли быть катастрофическими.

Глава 179. О СТАРОСТИ

Наконец после дождичка за деревянным СС, или Старушечьим Столиком появились почётные пенсионерки второго микрорайона в том же составе, выглядевшие очень усталыми от усилия выжить. Не видя друг друга целых полтора часа, они тут же начали обсуждать мировые новости, случившиеся за это время. Но так как каждая из них имела своё мнение, то мирная беседа вскоре перешла в перепалку, а далее и в перебранку, поэтому вскоре встреча стала приближаться к тональности крутобёдрых базарных торговок. Всё это напоминало очередь к утренней бочке с молоком в советские (б) времена, только несколько хаотичную.

Володя молча смотрел на эту сцену. Всё это могло выглядеть невинной перебранкой людей, которые не очень любят друг друга, но вынуждены жить под одной крышей. Так бывает в квартирах, в конторах, да что там – в трамваях схватываются люди, которые видят друг друга минуту-другую и успевают за это время проникнуться такой ненавистью, что готовы на всё, убить готовы, а выйдя на остановке, шарят по карманам в поисках валидола, потому что без него могут тут же помереть. Впрочем, у наших старушек ссора прошла также быстро, как началась.

– Слышали? – вопрошала тетя Надя. – Опять в США индекс доу джонс упал!

Прикупить не смог я индий[256]
для потравы грызуна:
не стабилен нынче индекс –
значит, будет жизнь трудна!

[256] 49-й элемент Периодической таблицы химических элементов Д. И. Менделеева – прим. хим. редактора

– Да-да, – поддержала её соседка тетя Шура из дома № 16, – как бы творог не подорожал!

– А что, – поддержала разговор баба Лида, – теперь каждый день – постный!

Все согласно закивали головами, хотя Кулемзин худых среди них не заметил.

– А при царе ситец стоил восемь копеек аршин, – вдруг вспомнила баба Лида, и с этим все остальные вроде бы тоже согласились, так как поджав губы, мелко закивали головами.

«Люби́те соседей – источник знаний!», подумал писатель. В это время тетя Надя, заметив, что у соседей-покеристов прибавилось пустых бутылочек под столиком, резво подскочила к игрокам, достала из кармана полиэтиленовую сумочку и быстро складировала товар

– Вы и потом бутылочки не выбрасывайте, – напутствовала игроков старушка, после чего, не поблагодарив и не попрощавшись, тут же понесла добычу в ПППП магазинчика Калимы.

– Яйчики-бабайчики, лично я старости не боюсь, – посмотрев ей вслед, вдруг смело заявил Володя.

– Мать честна́я, а я вот побздёхиваю, – признался охранник. – А вдруг не найдётся, кто стакан воды подаст?

– Если подумать, то быть старым не так уж и плохо, – гнул свою линию непримиримый писатель.

– Докажи, мать моя партия, – потребовал педагог.

– Да запросто! Во-первых, не надо ходить на работу. А если зашёл, то абсолютно необязательно там что-то делать – походил, посмотрел и ушёл. Во-вторых,

необязательно говорить то, что хотят от тебя услышать. И здóрово, что, в-третьих, абсолютно необязательно слушать то, что хотят сказать тебе. А обидятся – есть отмазка: полный, дескать, маразм!

Сочиняя мемуары,
признаю́сь в таком дерьме:
я в маразме, ибо старый,
но вполне в своём уме!

Курманбаев недовольно зажевал губами – возразить пока было нечего.

– Потом деньги абсолютно не нужны, потому что за жизнь столько всего накуплено, что можно автономно продержаться бесконечно долго или хотя бы, как выражается наш друг Полтавцев, «до самой смертушки». За модой опять же не на-до следить, а только за временем года. В общем, еда не волнует, женщины не волнуют, и телевизор, если работает, тоже не волнует. А уж весна, как раньше, равно как и лето, осень и зима, тоже не волнуют абсолютно. Правда, волнуют гололёд и родственники, которые всё время спрашивают: «Как здоровье?». А как оно может быть, если его уже давно нет? То есть оно тоже абсолютно не волнует по причине отсутствия.

Все потрясённо ждали окончания монолога. И он не замедлил случиться:

– В общем, вот так задумаешься, а в старости есть свои прелести. Практически не хочется ничего. Жить только хочется всё сильней и сильней…

Но не таков был Мусаич, чтобы оставить последнее слово за врагом.

– Ты не прав, старик, – собрав в кучку всю отмеренную ему по жизни твёрдость, дрожащим голосом произнёс он.

– Что есть правота? – не стал спорить философ. – Полностью прав не бывает никто, потому что в мире нет абсолютной правды. А если ты о морали – то понятие это и вовсе уж относительное. Подумай сам, аморален ли патологоанатом, жующий принесённый из дома бутерброд в обществе только что разделанных им трупов? Аморален ли пожарный, травящий анекдоты на пепелище, где только что нашли парочку *жмуриков*? И насколько циничен врач «скорой», несущий под мышкой ногу попавшего под трамвай, причём, с таким видом, будто тащит поленце для печки любимой бабушки?

– Буржуйки, – подтвердил охранник.

– Бабушки? – уточнил прапорщик.

– Печки, – пояснил Полтавцев.

– Все эти люди, – продолжал Володя, – солдаты гражданской жизни. Как, впрочем, и мы, поэты. И если бы они относились к чужой смерти, как остальные нормальные люди, то у них просто-напросто никогда бы не было детей! А старыми будут и они тоже, вот тогда и посмотрим, кто прав: ты или я.

Обожгла, как скипидаром,
мысль, политая винцом:
каждый будет очень старым,
но не каждый – мертвецом!

Глава 180. О ДЖИНСАХ

Здесь внимание игроков было опять отвлечено – на этот раз остановившимся, как в американских фильмах о зомби, взглядом музыканта. «Неужели увидел оче-

редные ноги?», хорошо зная Батыршина, подумал Кулемзин. «Или, не дай *дедушка*, чью-то сиську?». И он не ошибся. Повернув голову вслед за остальными игроками, писатель увидел выходящую из подъезда проводницу Иру, которая, вернувшись из рейса, теперь должна была отдыхать целых два дня – прежде чем пуститься в своё очередное весёлое путешествие по магистралям родной Саксаулии.

Володя вспомнил, как по просьбе Ирины помогал ей составлять резюме, но так как был несколько занят размышлениями о судьбах человечества, то попросил её сначала составить так называемую *рыбу*, или первоначальный текст, от которого и можно будет потом отталкиваться. Ира, видимо, вспомнив, что училась в начальной школе целых восемь лет, *рыбу* изготовила, и вот что принесла Альбионычу на анализ: «Меня зовут Ирина. Я увлекаюсь саксаульской литературой, японской культурой, суши, оригами, салями, а также степями, полями, кораблями и суммами с тремями и четырьмями нулями».

Писатель тогда *иблиснулся*, велел зайти ей завтра и долго просидел над составлением приемлемого резюме. А когда не увидел объёмную соседку назавтра, то узнал от её бабушки, что уже вчера она удачно познакомилась с каким-то предпринимателем, который, проведя собеседование с ней в подсобке киоска на местном базарчике, тут же устроил Ирину торговать мороженым на развес, по ходу объяснив ей, как, не напрягаясь, сделать из 200 кг сласти не меньше, чем 250!

Если мозгом не калека,
если ты не наркоман,
объегорь-ка человека –
сделай тяжелей карман!

Сегодня соседка была одета не в *форменку*, как вчера, а вполне по-штатски: на необъятной груди еле сходилась блузка кроваво-красного цвета (видимо, для раздражения органов зрения таких бычков, как Талгат), на ногах были туфли на шпильках, которые из-за страшного давления центнера зрелой квашни излишнего мяса прокалывали хорошо видимые дырочки на разогретом солнцем асфальте. А вот между блузкой и шпильками на ногах-колоннах Иры плотно, как сосисочная кожура, сидели джинсы ароматно-небесного цвета. Все присутствующие стали пялиться на анатомические подробности проводницы, а Володя обратил внимание именно на джинсы.

Писатель полюбил эти практичные штаны ещё в молодости, когда достать их было невозможно, и приходилось покупать у спекулянтов за огромные деньги. Например, свой первый «Levi’s» он приобрёл на вторую зарплату (на первую – диск «Led Zeppelin») аж за 80 рублей. А диск был вот такой:

Никогда я не был принцем,
ведь желанья не сложны:
полюбил давно я джинсы –
расчудесные штаны!

Чтобы молодому читателю, лишённому социалистических (б) подробностей бытия, была понятна катастрофа такого расхода, скажу, что на эти деньги можно было (правда, добавив 4 рубля), слетать из Отцеябловска в Киев и обратно, или выпить 363 кружки пива «Жигулёвское» (другого тогда не было), а на сдачу взять целых 14 сушек по одной копейке, или купить водки на праздник – 22 бутылок по 3 рубля 62 копейки, или 8.000 коробочек спичек!

Не могли автомобили
приобресть аж лет до ста –
мы в Союзе только пили,
а на закусь не хвата…

Все носившие джинсы в те годы (а их было очень мало) автоматически записывались в стиляги и пижоны, им тут же начинали приписывать низкопоклонство перед Западом и особенно перед Америкой. Тогда же появилось и знаменитое ныне слово *чувак* (о нём чуть позже, буквально через пару страниц). Кстати, не все, наверное, помнят и о стилягах, а вот автор, человек поживший и памятливый, попытается сейчас разбудить в тебе, читатель, кое-какие воспоминания. Итак, стишок под заголовком:

Стиляга

Народ на кинофильм «Бродяга»[256]
ломился, будто в лавку слон,
а по проспекту шел стиляга –
отъявленный такой пижон
в коротеньких и узких брючках.
Набриолиненный взбив кок,
хилял по Броду белоручка,
типичный папенькин сынок.
На нём американский в клетку
с плечами ватными пиджак,

проспект Героев Пятилетки
Бродвеем называл чувак.
Шёл по привычке к ресторану,
где вечера́ он проводил,
заморский галстук с обезьяной
болтался на его груди.
А рядом строились заводы,
и в домнах закипала сталь,
и *нет!* моральному уроду
наш трудовой народ сказал,
подняв единодушно руки:
– Здесь вам не город Ливерпуль!
И резал узенькие брюки
ему на улице патруль…

[256] Индийский фильм-драма, снятый в 1951 году актёром и режиссёром Раджем Притх-вираджевичем Капуром – прим. киноредактора

♠ ♠ ♠

И понял здесь автор, что рассказ о столь любимых им штанах может занять сразу несколько глав, и решил – по уже сложившейся привычке – перемежать эти гла́вы несколькими покерными нотациями. ونيو دا![257]

[257] Да будет так! – пушту

Глава 181. ДЕВЯТАЯ ПОКЕРНАЯ НОТАЦИЯ

«– Всё обломилось в доме Смешалских, – непонятно произнёс Альбионыч, – но, думаю, Тигр Николаевич за неточность цитаты меня простит…»

«– Эх-ма, царица лесная, – увидев пришедшие карты, тяжко вздохнул Серёжа, причём тонкий слух трубача тут же уловил, что вздох этот произошёл в тональности си-бемоль второй октавы»

«– Слышите колокола́? – спросил Володя.

Игроки дружно помотали головами.

– А ведь это начались похороны твоей заявки, Талгат…»

«– Мизе́р, мать моя партия, – неожиданно объявил Курманбаев.

Такой сценарий развития события почему-то никому не понравился»

«За чёрной полосой у Батыршина тут же последовала такая же чёрная, а потом ещё несколько таких»

«– Что же я неправильно сделал? – изумился охранник.

– Что же ты неправильно сделаешь? – поправил его Володя.

– Мать честна́я, дак я ещё не успел, – заоправдывался Полтавцев.

– А меня всегда больше интересует футурум, нежели (прости, русский язык!) плюсквамперфект, – непонятно завершил дискуссию образованный»

«Иногда Володя жалел, что у него нет ампулы с ядом, зашитой в воротничке, как у шпионов в кино, которая мгновенно и безболезненно прекратила бы эти странные галлюцинации»

«Выиграв третью партию подряд, и видя расстроенные лица сопокерников, писатель решил хотя бы морально поддержать их, для чего тут же исполнил незатейливую песенку собственного сочинения, но с глубоким покерным смыслом:

Бабушка денежками – звяк, звяк, звяк, звяк,
а за ней Раскольников – прыг, прыг, прыг, прыг!
Он её топориком – шмяк, шмяк, шмяк, шмяк,
денежку за пазуху и – шмыг, шмыг, шмыг, шмыг!»

«Борясь с Нуртаем, Кулемзин исполнял роль не хирурга, а всего лишь остро заточенного скальпеля для удаления злокачественной опухоли на прекрасном теле *русской кочерги*»

«Покер вылетел из руки военного музыканта, как стомиллиметровый пушечный снаряд»

«У Володи к этому моменту за всю игру было набрано всего 60 очков, тогда как Нуртай умудрился набрать чуть больше 600, то есть совершил подлость в особо циничных размерах! «Чтоб тебе провалиться до самого земного ядра», ласково подумал писатель»

«– Да я на вашем покере уже собаку съел! – торжественно объявил Афанасьич.

– И, по-моему, эта корейская диета явно отразилась на твоих мозгах, – проворчал гуру»

«– Йодистый туз, вот сейчас бы пять взяток взять, – мечтал вслух Салихдзяныч.

– «Хоть бы одним глазком взглянуть на Париж», мечтал Кутузов, – насмешливо промолвил Альбионыч»

«Володя, казалось, искрил, как пантограф электровоза, и был сейчас был опасным, как брандер[258]»

[258] Судно, гружёное взрывчатыми веществами – нем.

«– *Иблис* возьми, мать моя партия! – вскричал Курманбаев, захлёбываясь от искусственного волнения, после чего стал в задумчивости мять свой женский подбородок, как бы с неясной медицинской целью *пальпируя* подчелюстные (прости, русский язык!) лимфоузлы»

«Дворовые дети наконец-то стали вести себя тише. Оказалось, что сейчас они играли в старинную детскую забаву под названием «Замри!», и игроки тут же пожалели, что у них под рукой нет баллона-другого жидкого азота – для того, чтобы игра сорванцов приобрела совсем уж законченный вид»

«Увидев пришедший роббер, сторож немедленно стал скучным, как конституция Полинезийских островов, хотя Кулемзин и знал, что на языке профессиональных контрразведчиков это называлось *активное выжидание*»

Эта мысль того коснётся,
кто от мыслей вдалеке:
тот, кто ждёт, всегда дождётся,
что шарахнет по башке!

«Полтавцев на все упрёки молчал, словно язык во щи обронил, а потом, видимо, от потрясения, заговорил на каком-то неведомом художнику Муравлёву языке:

– Kaw tan-awa, mga kauban ug Nurtai, gusto ko ang tanan nga mahimong matinud-anon, apan lamang Zarathustra gihatag daotang[259]!

[259] ***Видите ли, товарищи и Нуртай, я хотел всё по-честному, да только Заратустра не дал, подлец! – себуанск.***

Кулемзин напрягся, но всё-таки с трудом узнал себуанский язык, который являлся частью австронезийской языковой семьи. Распространён он был на Филиппинах и, в частности, на острове Себу, откуда, собственно, и получил своё название. Вот только каким ветром занесло прозвучавшее выражение в тыкву Серёжи, писатель догадаться так и не смог. К сожалению, не знает об этом и автор нашего замечательного романа, а то бы он обязательно поделился своим знанием с тобой, читатель!»

«– Чувствуете нисходящие потоки Суки-судьбы? – внезапно спросил Володя. Все насторожились, а Серёнька Полтавцев ещё и начал лихорадочно оглядываться. В этот момент марсианин был похож на лидера Всемирного движения срывателей паранджи»

Глава 182. О ДЖИНСАХ (продолжение)

Ставлю архаичную, но всё-таки классическую форму плюсквамперфекта в португальском языке против конструкций с автономным инфинитивом в нём же, но ни один нынешний молодой читатель не знает, что означает слово *чувак*, и, скорее всего, даже не догадывается, что теперешнее существительное – это всего лишь аббревиатура. Итак, ЧУВАК это

Человек,
Уважающий
Великую
Американскую
Культуру!

Сегодняшнему молодому читателю трудно понять, как сложно была устроена тогдашняя жизнь человека, который любил и джинсы, и американскую музыку, и даже старался носить патлы на манер тех же *битлов*. А понимание этой культуры (отнюдь не великой, как нам тогда казалось) началось именно с джинсов. Автор в одной из своих книг[260] как-то назвал Америку раковой опухолью на теле человечества, и сейчас не отказывается от этих горьких слов. Но что не отнимешь от этой страны, так это три поистине великие вещи, одной из которых были джинсы, а второй – замечательная классическая литература. А в пристёжку к ним присоседилась великая рок-музыка, хотя она не всегда была американской, а кое-где и вовсе британской.

[260] ***«Вопль. История одного журнала». «Картуш», Орёл, 2014. Полную версию книги можно прочесть на сайте vopl.kz – прим. автора***

Джинсы, музыка и книжки –
my America, old friend!
Остальное всё – пустышки
из сословия легенд…

И всё-таки американской музыки было значительно больше. Для примера скажу только, что в списке из пятидесяти величайших исполнителей, которые составил му-

зыкальный журнал «Rolling Stone», 38 исполнителей были именно американцами. И не откажу себе в удовольствии назвать их великие имена: это группы

«The Beach Boys»
«The Velvet Underground»
«Ramones»
«Nirvana»
«The Everly Brothers»
«The Doors»
«Sly & The Family Stone»
«Public Enemy»
«The Byrds»
«The Band»
и «Run-D.M.C.»

, а также солисты, исполняющие великий рок (да и рок-н-ролл) тоже:

Боб Абрахамович Дилан
Элвис Вернонович Пресли
Чак Эдвардович Берри
Джими Элович Хендрикс
Джеймс Джозефович Браун
Чарлз Лоуренсович Холли, более известный как Бадди Холли
Ричард Уэйнович Пенниман, более известный как Литл Ричард
Арета Джерриевна Франклин
Рэй Бейлиевич Чарлз
Стивленд Хардуэевич Моррис, более известный как Стиви Уандер
Сэм Доналдович Кук
Маккинли Отисович Моргенфилд, более известный как Мадди Уотерс
Эллас Отаевич Бэйтс, более известный как Бо Диддли
Отис Отисович Реддинг
Брюс Дугласович Спрингстин
Джерри Элмович Льюис
Антуан Доменикович Домино, более известный как Фэтс Домино
Принс Роджерс Нелсон, более известный как Принс
Джонни Рэевич Кэш
Уильям Берриевич Робинсон, более известный как Смоки Робинсон
Майкл Джозефович Джексон
Луиза Сильвиоевна Чикконе, более известная как Мадонна
Рой Лиевич Орбисон
Пол Фредерикович Саймон и Артур Айрович Гарфанкел, более известные как дуэт Саймон и Гарфанкел
Дженис Сетовна Джоплин
и Патти Грантовна Смит.

Хотя ради исторической справедливости отмечу, что на первом месте в этом почётном списке всё-таки стоит английская «The Beatles», а на 14-м – величайшая, на взгляд автора, рок-группа мира английская «Led Zeppelin»!

Пусть завидуют татары:
список – вся моя семья!
Джинсы, виски и гитара –
вот рок-музыка моя!

Глава 183. ДЕСЯТАЯ ПОКЕРНАЯ НОТАЦИЯ

«– Пять! – звонко, как на партсобрании, выкрикнул Мусаич. При этом слове прапорщик, которому пришли не только хорошие карты, но и пара джокеров, позволяющих перевести роббер в плоскость мизе́ра, расхохотался так, словно Нуртай рассказал ему похабную сказку про дружинника Кокуя и дерево с дуплом»

«Обвинительный палец Володи, казалось, расстреливал переносицу Нуртая.

– Vade retro, satanas[261]! – ткнул пальцем в педагога Кулемзин»

[261] ***Изыди, иблисе– лат.***

«Только мельком глянув на пришедшие карты, Салихдзяныч тотчас стал возбуждённым, как молодой сеттер, почуявший свежий след перепёлки»

«Неожиданно для всех заказав на последней *тёмной* семь взяток, писатель взял их и, естественно, выиграл всю партию. Вне себя от горя, Курманбаев был вынужден принять капитуляцию, причём, на условиях более позорных, чем те, что были предъявлены фашистской Германии весной 45-го»

«По пространству Бермудского Учпучмака, между редкими деревьями и сушильными столбами с застиранным бельём, как бабки-торговки, внезапно застигнутые нарядом милиции, носились узаконенные дармоеды младшего возраста, то есть пресловутые дворовые дети»

«Володя сдвинул пальцы и посмотрел последнюю карту. «Значит, круго́м не полный беспросвет», подумал он, приоткрывая покера, «значит, есть в жизни и что-то хорошее…»

«– Мы сталинская гвардия,
мы конники Кремля!

– неожиданно пропел педагог. Прапорщика подкинуло, как катапультой, и через секунду ближайшие кусты за покерным столиком получили очередной заряд переработанной военной энергии.

– Здесь все мы как исчадия
ценою в полрубля!

– тут же завершил песенный катрен гениальный экспроматор, что очень не понравилось педагогу»

«Реакция Нуртая на недовольство партнёров по игре была классическим восточным вариантом: собаки лают от голода, а злой караванщик продолжает набивать брюхо шашлыком. И всё же иногда, как буриданов осёл[262], педагог метался от собственных сомнений к собственной же алчности»

В ситуацию кривую
ослик влез, исторгнув вздох:

«Две морковки! Взять какую?»,
но не выбрал – и издох…

[262] Философский парадокс, названный по имени французского философа Жана Базильевича Буридана, где был поставлен вопрос: как осёл, которому предоставлены два одинаково соблазнительных угощения, может всё-таки рационально сделать выбор? – прим. философ. редактора

«Володя посмотрел на охранника как на заговорившую варёную курицу – с удивлением и сожалением, ведь называть Серёжу игроком было также нелепо, как причислять пингвина к отряду перелётных птиц»

«Засмотревшись на прибывшую по важному делу в Бермудский Учпучмак кошечку Несси, военный трубач забыл объявить мизер. А ведь это что? А ведь это то, что, пользуясь спортивной терминологией, свою попытку Батыршин загубил самым бездарным способом: он даже не прыгнул, а просто не добежал до *снаряда*»

«А что же наш друг Полтавцев? Как писал хороший русский писатель Андрей Платонов в «Ювенильном море», «неизвестный бред совершался в его уме»

«– Ё-о-о-о! – простонал Талгат, и в груди его не осталось воздуха для более внятного междометия. От напряжения он тотчас вспотел, как на турнике в спортзале музыкального прапорщицкого училища имени Курмангазы»

«– Да я не нарочно! – вырвалось у Нуртая почти в духе Катюши Масловой из «Воскресения» Льва Толстого, которая, как известно, воскликнула на несправедливом царском суде: «Не виноватая я! Он сам пришёл!»

«Вначале Альбионыч отдувался жизнерадостно, как паровоз Джорджа Робертовича Стефенсона, но в процессе игры лицо его начало медленно тускнеть, как след пучка электронов на экране (прости, русский язык!) осциллографа»

«– Знаешь, Нуртай, – укоризненно посмотрел охранник на Мусаича, – не надо обострять тенденцию парадоксальных иллюзий!

Педагог открыл рот и молча сбросил старшего джокера *за простую*. В результате этого демарша пострадали сразу двое – писатель и военный. За спиной Афанасьича сейчас можно было явственно разглядеть молча стоящие Пришедшие Кранты, а Кулемзин тут же предложил не подпускать охранника на километр к лесоразработкам, где определённый интеллектуальный уровень всё-таки необходим»

На растопку нужен хворост,
для огня – дровишек клеть:
чтоб валить деревья споро,
нужно ум большой иметь!

Глава 184. О ДЖИНСАХ (продолжение продолжения)

Полтавцев тут же заметил интерес Альбионыча именно к джинсам пришелицы, и удивился, но, зная, что у Володи не бывает ничего случайного, спросил:

– Царица лесная, штанами интересуешься? Могу предложить по дешёвке!

– Нет, Серёжа, мне по дешёвке как раз не нужно, мне бы подороже.

«Вот он, звериный оскал капитализма!», подумал Нуртай. «Вот оно, чванливое отношение к советской лёгкой промышленности, выпускающей лучшие в мире брюки столичного треста «Москвошвея», созданного в далёком 1929 году решением XVI Всесоюзной конференции ВКП (б)!». Правда, вслух эти сомнительные мысли

он не высказал, так как хорошо знал, что ответный удар в володином кармане не залежится.

– Интересно, а кто вообще такие штаны придумал? – неожиданно поинтересовался Муравлёв, который почувствовал, что если сейчас не привлечёт к себе внимания, то о нём забудут, а, может, даже произойдёт и совсем страшное – не нальют.

Выпил водки литров 20 –
голова сейчас как ртуть…
Не забудьте меня, братцы,
тихим словом помянуть!

– Американцы, кто же ещё! – пояснил Кулемзин. – И, кстати, сделали они это ровно 130 лет назад – 20 мая 1873 года.

– А ты откуда знаешь? – неожиданно поинтересовался военный трубач.

«А откуда я знаю *всё*?», хотел ответить ему Володя, но не стал расстраивать пропитона, а вслух дал краткий исторический обзор происхождения этой незаменимой в быту вещицы:

– Итак, 130 лет назад американская фирма «Леви Страусс энд компани» получила лицензию на единоличное право производства брюк с заклёпками на карманах. В один из последних майских дней 1873 года некий сын еврея-лоточника Лейба Ааронович Штраус (наш таки человек, правда, впоследствии переделавший себя в Леви Страусса), получил патент № 139121 Бюро патентов и торговых марок США на производство «рабочих комбинезонов без бретелей с карманами для ножа, денег и часов». (Кстати, обратите внимание, что нож, как самый необходимый для рабочего класса предмет, в патенте был назван первым!)

Твой образ был, как небо голубое,
в простых мечтах советского ковбоя!

Сторож тут же залез в свою котомку, вытащил оттуда поломанный в нескольких местах перочинный ножик и покрутил им перед собравшимся, включая лектора, как бы иллюстрируя слова последнего. «Неправильно всё это!», мысленно воспроти-

вился педагог. «Первый предмет для рабочего класса – это булыжник, оружие пролетариата!». Но и эта мысль не стала словом – по той же причине, что и первая.

– К тому времени Страусс, – продолжил лекцию Альбионыч, – успешно торговал в Нью-Йорке тканями, а в Калифорнию подался на пи́ке так называемой *золотой лихорадки*, художественно отображённой в одноимённом фильме великим комиком Чарлзом Чарлзовичем Чаплиным, ведь наш Лейба именно здесь рассчитывал шить из английской парусины штаны, после чего сбывать их старателям. И штаны оказались востребованными! Во-первых, они были толстыми, во-вторых, из хло́пка, а не из кожи, чтобы можно было их стирать, и, в-третьих, с тремя большими карманами и ещё одним маленьким. Недолго думал он и о красителе – был избран самый стойкий на тот момент тёмно-синий цвет, называемый индиго.

– Индийцы или индейцы придумали? – поинтересовался охранник.

– Ни те, ни другие, – ответил лектор. – Слово *индиго* вообще испанское, причём, такое старое, что никто не помнит его перевода. А вот его простую формулу помнят, конечно, все.

Чтобы двинуть *фаз по сдвигу,*
чтоб не видели слоны,
нужной формулой индиго
мы покрасили штаны!

– Вот, например, наш друг художник. Кому же, как не ему, открыть нашей хевре эту таинственную формулу. Валера, спой, светик, не стыдись!

– Святой Малевич, да запросто, – ответил Муравлёв. Полтавцев тут же приготовил знаменитый блокнотик «Для му.мы.» и химический карандаш красным цветом наизготовку.

– Записывай, Серёжа: 2-(1,3-дигидро-3-оксо-2Н-индол-2-илиден)-1,2-дигидро 3Н-индол-3-он, ($\delta^{2,2'}$-бииндолин)-3,3'-дион!

Сторож решительно захлопнул заветную книжечку.

– Почему не записал? – строго поинтересовался живописец.

– Я запишу, – зловеще, как в фильме, ответил Афанасьич, – но только в том случае, если ты объяснишь мне, что это за значок ты мне назвал перед какой-то бандолиной?

Николаич понурил голову: до таких высот познаний он ещё не поднялся. Да и Володя, чтобы не отвлекаться от рассказа про джинсы, не стал говорить, что δ – это банальная четвёртая буква греческого алфавита с погонялом *дельта*.

– Кстати, вот вам интересный факт, – продолжил Альбионыч. – Первые джинсы стоили всего 1 доллар 46 центов, а вот два года назад, то есть в 2001 году компания «Леви Страусс» потратила 45 тысяч долларов на аукционе, чтобы выкупить ей же произведённую (примерно в 1880 году) пару джинсов, которая была найдена в шахтёрской деревне в штате Невада.

– Жалко, не я нашёл, – расстроился Полтавцев.

– Мать моя партия, почему? – изумился Курманбаев.

– Да я бы продал подороже – за 46 тысяч! Вот бы мы пивка попили!

В зале старого музея,
за портьерочку засев,
угощу своих друзей я
на коммерческий гешефт!

Глава 185. ОДИННАДЦАТАЯ ПОКЕРНАЯ НОТАЦИЯ

«Нуртай маялся, как приговорённый к смерти, которому сообщили, что, возможно, придёт ответ на ходатайство о помиловании, а вот какой – хрен его знает! Внимательно следившая за ним ворона хрипела на дереве, будто её душили – как бы предрекая неизбежное поражение в роббере. И оно не замедлило случиться!

– Ну, допрыгался? – насмешливо произнёс Володя. – Как говорят хоккеисты, слишком долго играл без шлема!»

«Стройную логику заказов нарушил, как всегда, туповатый сторож: вначале он прошёлся единственным младшим джокером по козырям, оставив не только себя, но и прапорщика без *грандов*, затем пошёл козырным тузом, который тут же забрал себе педагог.

– Серёжа, ты случайно не в год свиньи родился? – простонал военный трубач.

– Да у него (прости, русский язык!) метаболизм мозгов такой! – заступился за неумного Кулемзин»

Мат стоит пятиэтажный,
хоть от слов таких беги:
тыкве семечки так ва́жны,
голове важны́ мозги!

«Безоблачная атмосфера игры к концу партии истаяла, как случайный июльский град. Схема очередного нуртаевского злодеяния на последней *тёмной* была проста, как первородный грех. «Отправить бы тебя туда, где и летом в фуфайках ходят!», добро помечтал Альбионыч. И действительно, было что-то унизительное в этом (прости, русский язык!) детерминизме, обрекавшем писателя, как человека самостоятельного и со своей свободой воли, на совершенно определённые, не зависящие от его решений, поступки.

– Хорошо жить в сослагательном наклонении, – произнёс он. – Только толку вот никакого от этих *если бы*!»

«– Четыре! – произнёс педагог.

– Четыре! – произнёс военный.

– Четыре! – произнёс охранник.

«А мне тогда что останется?», весело и зло подумал Володя. «Эх, заломаю! Как медведь Алёнушку…»

«Вид проигравшего прапорщика был страшен. Так, наверное, выглядит тигровая акула, решившая атаковать резиновый плотик, на котором сгрудились спасшиеся после кораблекрушения люди»

«– Ну, по́лно, по́лно, – произнёс Кулемзин с той вальяжной застенчивостью, коя бывает у генералов при вручении им орденов. Нуртай при этом всей своей филейной частью вжимался в покерную скамеечку, на глазах уменьшаясь в габаритах, как снеговик под первым весенним солнышком. К тому же все ясно слышали, как он издаёт отчётливый, как при запоре, зубовный скрежет»

«Комбинация была простая, как устройство карандаша, но так как устройство карандаша было загадкой для Афанасьича с са́мого детства и до сегодняшнего дня, то комбинация его рассы́палась, как мешок с горохом, упавший с грузовика, перевозившего старые вещи новосёлов в новую квартиру. После такого афронта охранник замер, как *морская фигура* из детской игры»

«– «Ну что ж, аппендикс так аппендикс, сказал самурай, делая харакири», – еле слышно прошептал писатель и приступил к очередной сдаче»

«Дворовые дети, осваивая, очевидно, какую-то новую игру, по просторам Бермудского Учпучмака бегали не просто так, а зигзагами, словно тёща из знаменитого советского анекдота про сердитого зятя с ружьём. При этом они визжали так, как будто одновременно ожил десяток новых китайских будильников»

Эх, проблема возрастная! –
с горя крикнешь слово *мать*!
Наши дети точно знают,
как родителей достать!

Глава 186. О ДЖИНСАХ (окончание)

– А как правильно их говорить – через *жи* или через *жы*? – поинтересовался тянущийся к знаниям Полтавцев.

– Святой Малевич, кого? – перестросил его художник Муравлёв.

– Деревня ты, Валера, – попенял ему сторож. – Не кого, а чего – джинсов этих!

– Яйчики-бабайчики, лучше тебе этого не знать, сынок, – погрустнел писатель, – дабы твой мозг не совершил Большого Космического Взрыва от перегрева субстанции.

– А почему они именно так называются? – не унимался Афанасьич.

И тут Кулемзин понял, что короткой лекции по предмету не миновать.

– Серёжа, я сейчас всё объясню, но только не на сухую гло́тку! Ферштейн?

– Ещё как фирштай, начальник! – ответил сторож.

Затем приятели провели молниеносный блиц-разговор, из которого Курманбаев с завистью узнал, что не понял ни одного слова.

– Подогреешь лавандосом? – спросил охранник.

– Заштопано! – ответил писатель, знающий множество языков и, видимо, ещё и этот – загадочный, после чего выдал Афанасьичу очередную субсидию. Сторож тут же резко вскочил с покерной скамеечки, правда, со скрипом, словно одна половина деревянных ворот потёрлась о другую, и поскакал в магазинчик Калимы, как лошадь, напуганная мотоциклом.

– Серёжа, не сбейся с курса! – вдогон прокричал ему Володя, ещё раз напомнив всем присутствующим, что до магазина по прямой ни много ни мало 22 метра.

– Так что там с джинсами? – ещё раз попытался обратить на себя внимание живописец.

– Нет, нет, Валера, я дал слово нашему другу, и даже ради святого Казимира Севериновича не намерен его нарушать.

Правда, ждать пришлось недолго, потому что обратный путь скорохода занял те же 22 метра. Отдышавшись, Серёжа закачал головой, как поросёнок над корытом с *ботвиньей*. Вместе с весёлой грудой бутылочек под мышками он был воспринят как астронавт, случайно возвратившийся из пожизненного космического путешествия.

И когда вернулся я со звёзд,
пива налила моя подруга,
я же ей Чего-то преподнёс,
что отскрёб от чёрной центрифуги!

– Итак, почему они так называются, поинтересовался наш юный друг, – начал лекцию Альбионыч.

– Кто? – уточнил охранник.

– Да ты же, – толкнул его в бок локтем Нуртай.

«А мне это для чего?», резонно подумал скороход. «Пиво есть – и порядок!». Но лектора уже было не остановить.

– Несмотря на то, что сегодня джинсы шьют из так называемого *денима*, своё название они получили в честь совершенно другого материала.

– А этот Денис в честь какого Дениса назван? – в свою очередь спросил прапорщик.

– Деним, – строго поправил его писатель, – это такой специальным образом обработанный и окрашенный хло́пок.

– А-а-а, – глубокомысленно заметил военный трубач, после чего сделал огромный глото́к, словно пытаясь запить только что полученную информацию.

– Так вот: уже в XVI веке ткачи из итальянского города Генуя продавали практичную и крепкую ткань, сработанную из хлопка, льна и шерсти. А торговцы, чтобы не забыть, где они её купили, называли ткань *gean* или *jean* (джин), то есть генуэзская. Чуть позже она стала чрезвычайно популярной в Европе, потому что роба, изготовленная из ткани *джин*, была практически неснашиваемой, комфортной и неприхотливой в уходе. А через пару столетий началось производство традиционных рабочих штанов, которые и назвали jeans pants (джинсовые панталоны), так вот их стали шить уже из новой, чисто хлопковой мануфактуры.

– А американские джинсы? – уточнил Николаич..

– А американцы, как практически и всё остальное, украли нововведение, – объяснил Володя. – Кстати, в СССР (б) первые джинсы советские (б) люди увидели в 1958 году, когда в Москве проходил международный фестиваль молодёжи и студентов. И именно тогда в стране появились первые фарцовщики, покупающие за бесценок джинсы у подпивших иностранцев, а затем продающие их за баснословные деньги нуждающимся трудящимся. И такие трудящиеся юноши тут же начинали пользоваться бешеным успехом у трудящихся девушек! В нашей родной Саксаулии даже появилось вот такое пожелание этим девушкам:

Да пошлёт тебе *аллах*
парня в джинсовых штанах!

– Ну надо же, царица лесная, – удивился сторож.

– Но в настоящий идеологический флаг джинсы превратились благодаря движению хиппи, которые, кстати, значительно обогатили джинсовую моду, потому что стали украшать заморские штаны бисером, нашивками и даже стразами.

«Как же они страусов к штанам цепляли?», удивился причудливой американской моде Серёжа, но вслух этого не сказал.

– Удивительно, но и по сей день, начиная с 60-х годов прошлого века, бусинки и стразы очень популярны на джинсах, особенно у женской части населения. К тому же, очень большу́ю популярность джинсы приобрели вместе с популярностью Оззи Майкловича Осборна[263], который был кумиром для всех битников планеты.

[263] Кто не знает, это лидер популярнейшей в те годы супер-рок-группы «Black Sabbath[264]» – прим. муз. редактора

[264] «Чёрный ша́баш» – англ.

Именно он начал носить их на сцене и демонстрировать, что они ему нравятся больше других штанов, ломая при этом гитары и крича что-то вроде «Ёперные панталоны!», но на британском языке. А в нашей стране эти замечательные штаны носятся и по сей день, правда, изменчивая мода почему-то заставляет людей эксплуатировать их или слишком поношенными, или даже с дырками. Лично я, когда одно время бедствовал, даже давал вот такое объявление в газету:

«Заношу ваши джинсы до художественного уровня!»

– И так понравились эти штаны во всём мире, включая социалистический лагерь (б), что люди даже придумали новый праздник Jeans Day, или международный день джинсов. Так что, Серёжа, если в следующем году ты будешь отмечать 23 февраля не один день, как некоторые непьющие, а три, то знай, что как раз на третий день, 26 февраля, можешь выпить лишнюю стопочку именно за эти прекрасные штанишки!

– А сам ты их носил? – поинтересовался Батыршин, сделав ещё один огромный глоток, который и венчал целую бутылочку.

– Конечно, – ответил Кулемзин прочёл короткий стишок на эту тему:

Всё помню: был я рад гостинцу,
не по годам ведь созревал,
когда надел впервые джинсы –
и вроде человеком стал.
Давно по мне скорбит аптека,
и затуманился мой взор –
давно живу тем человеком,
но их люблю я до сих пор!

Глава 187. ДВЕНАДЦАТАЯ ПОКЕРНАЯ НОТАЦИЯ

«Да, Володя был мастер переводить стрелки. Его бы на железную дорогу, цены бы мужику не было! Ни один бы поезд графика не нарушил, но зато и куда нужно ни за что бы не пришёл!»

«– Несогласованность действий во время боевых операций, – неожиданно известил Полтавцев, – всегда приводила к краху любых тактических построений.

– Йодистая тактика, ты это чего? – с подозрением спросил его прапорщик.

– А ничего, царица лесная, – доступно объяснил ему Афанасьич»

«Пока художник, у которого преждевременно кончилось пивко, изливал душу по части своей женитьбы, Нуртай придал физиономии выражение безразличного высокомерия. Такое выражение обычно бывает у пятнистого дога, когда ему жутко хочется в туалет, а в самолёте нет ни одного приличного столба»

««Ситуация сложилась весьма забавная: хотя Курманбаев и объявил мизе́р, но каким-то чудом все игроки взяли именно столько взяток, сколько заказывали. Надо было видеть в этот момент рожу педагога, готового от досады сожрать невкусную пиковую тройку»

«– Яйчики-бабайчики, странный у нас коллектив какой-то, – задумчиво произнёс Кулемзин. – 25% несомненных гениев, столько же несомненных дураков, 25% псевдозащитников отечества, а ещё 25… – он поглядел на Мусаича.

Педагог в это время изо всех данных ему партией сил продолжал индифферентно томиться в неведении.

– Но интересно другое, – продолжил писатель свою мысль, – из этих 100 процентов 50 – явные алкоголики, ещё 50 – алкоголики тайные, и ещё 50% – курящие. Откуда же взялись лишние?

Полтавцев тут же стал что-то нашёптывать, а потом железным пальцем идиота начал пересчитывать присутствующих, тыкая им куда попало. Наконец он окончил подсчёты и побледнел.

– Володя, – трагическим шёпотом произнёс он, – 174 процента получилось!»

Коли видим мы стаканы,
то становится весь сед
коллектив какой-то странный –
здесь бухáют ровно все!
Вот в таком диапазоне
мысли этой будет след:
дураков процент законен,
так как умных просто нет!

«Пока коммунист оправдывался, Альбионыч разглядывал его с холодным интересом энтомолога, после чего неожиданно устроил ему небольшой персональный Карфаген»

«Поднявшись в *раскладке* сразу на 90 очков, Володя мысленно похвалил себя, так как видел, что ждать подобных проявлений чувств от этих бесчувственных в своём эгоизме людей не приходилось»

«До конца партии ещё было далеко, но буквально все игроки заметно нервничали. «Пора брать их за ноздри», тепло подумал писатель. Он знал, что основной признак психопатии – это смена настроения на прямо противоположное в течение одной минуты, что и наблюдалось в последние 15 минут. Сказывалось, наверное, и то, что у всех закончилось покерное топливо, то есть пивко. Но Володя, будучи пожизненным записывающим, продолжал свой насильственный диктант, ведь это было действие, продиктованное суровой необходимостью. Догадки делали в его сознании едва различимый мазок и успевали исчезнуть ещё до того момента, как была разыграна первая взятка в очередном роббере».

«– На каждую дедукцию найдётся своя индукция, – произнёс страшные слова старший прапорщик, после чего сделал первый ход»

«Увидев сразу две составляющие – отсутствие хороших карт у себя и блеск в глазах Курманбаева, Кулемзин поступил так, как научил его когда-то некий Иисус Х., говоривший следующее: «Когда ударят по левой щеке, надо подставить правую, а самому уклониться – и хуком в челюсть!». Он сосредоточился и нанёс Мусаичу виртуальный мае-гери-кэаге[265], от чего тот дёрнулся и вместо того, чтобы покером выбить все имеющиеся у игроков джокеры, пролепетал «За простую!»

[265] Фронтальный удар ногой вперёд, который является одним из основных поражающих ударов техники ног в каратэ-до – яп.

Прокурор строчил мне ордер:
«Как же так ты учудил?
Виртуально дал по морде –
сдачу явно получил!»

Глава 188. ИСТОРИЯ ГРАНЁНОГО СТАКАНА

Как участник профсоюза,
перестройки великан,
из Советского Союза
заберу с собой стакан!

К чему бы автор неожиданно для читателя вдруг вспомнил об этом хрупком девайсе? А вот и не неожиданно: ещё в главе 106 первого тома «Русской кочерги» автор клятвенно пообещал, что уже во втором томе расскажет историю этого удивительного *декантра*[266]. А так как он (автор, а не декантр) привык сдерживать свои обещания, то вот тебе, читатель, эта замечательная история. И расскажется она вовсе не для того, чтобы ещё одной байкой наполнить этот толстый том, а только потому, что немало ещё страниц нашего замечательного повествования будет посвящено применению этого сосуда его героями. Итак, гранёный стакан…

[266] ***Хрустальный сосуд для напитков – фр.***

Как же началась его история на Руси? А вот этого не знает никто из историков, и, наверное, не потому, что не осталось никаких документов об этом замечательном событии, а просто потому, что советские (б) историки были по рукам и ногам связаны идеологической установкой не педалировать факты, связанные с пьянством, а вот нынешние российские историки просто как-то упустили этот факт вооб-ще! Так что истинное происхождение гранёного стакана доподлинно неизвестно, хотя и распространена точка зрения, что в России гранёные стаканы начали делать ещё в эпоху Петра I – в городе Гусь-Хрустальный. И произошло это якобы потому, что именно гранёный стакан, по мнению русского царя, увлекающегося морскими путешествиями, лучше держался в руке во время качки на кораблях. Так это или нет, мы не узнаем никогда, потому что Пётр Великий водку любил, а вот писать что-либо по этому поводу – нет.

Правда, с уверенностью можно сказать, что до октябрьского переворота 1917 года стаканы и стопки с гранями в России уже изготавливались. Что же касается самóго дизайна гранёного стакана советского (б) образца, то его одно время даже приписывали Вере Мухиной, автору монументальной композиции «Рабочий и Колхозница». Впрочем, документального подтверждения этому тоже нет, к тому же, считает автор, что если бы дело обстояло именно так, то в руке у скульптурного Рабочего этот сосуд обязательно бы появился! Кстати, этот предмет в искусстве русские люди увидели гораздо раньше: на своём «Утреннем натюрморте» 1918 года хороший русский художник Кузьма Петров-Водкин, в честь которого взял себе фамилию Валера Муравлёв, изобразил 12-гранный гранёный стакан, хотя и с большим отклонением от исторической правды, так как этот специфический сосуд стоял на натюрморте… с чаем!

И после пятнадцатой *сотки*,

уйдя в бессознанья портал,
художник с фамилией Водкин
зачем-то нам сильно наврал!

Но суть сего предмета оказалась столь *многогранна* (кстати, в русском гранёном стакане 17 граней!), что и в последующей советской (б) истории его не оставили без внимания. Итак, первый советский гранёный стакан был выпущен ровно 60 лет назад, а именно 11 сентября 1943 года старейшим в России стекольным заводом в городе Гусь-Хрустальный (помните байку эпохи Петра?). Приведу здесь и размеры классического гранёного стакана – это 65 мм в диаметре и 90 мм в высоту. Увидите другие размеры – смело выбрасывайте этот контрафакт, и пейте из пластиковых стаканчиков!

В советской (б) аннотации к выпуску этого полезного изделия говорилось о том, что «гранёный стакан имеет ряд преимуществ по сравнению с обычным стаканом цилиндрической формы. Благодаря своим нужным граням такой стакан гораздо прочнее, потому что может уцелеть при падении на бетонный пол с метровой высоты». Как же это было актуально и тогда, и поныне! Кстати, до сих пор удивляет то, что авторы аннотации смело посчитали, что пить из гранёных стаканов можно было только в помещениях с бетонным полом. Вот такие происходили тогда идеологические выверты сознания!

Самовар, матрёшка, балалайка,
первый спутник и собака Лайка –
символы ушедшей той эпохи.
Было ещё счастье выпивохи –
наш советский водочный стакан,
нашей индустрии великан.
И семейный тягостный капкан…

Глава 189. ИСТОРИЯ ГРАНЁНОГО СТАКАНА (окончание)

Чтобы рассказ об этом замечательном предмете быта был более полным, приведу здесь несколько интересных, с моей точки зрения, фактов, так как считаю, что без них читатель будет не полностью проинформирован об описываемой нами эпохе. А для удобства восприятия попробую разбить эту информацию на отдельные части. Итак…

Стакан как орудие преступления

Иногда гранёный стакан используется не для питья, а для… нанесения побоев. Удивительно, что среди знаменитостей, бивших оппонентов таким предметом, были не только российский писатель Дмитрий Кузьмин, но и аргентинский футболист Диего Диегович Марадона и американская актриса Линзи Майкловна Лоуэн. Где они взяли такой сугубо русский предмет для своих дебошей, и поныне остаётся загадкой для международного следствия. Среди жертв такого избиения можно также назвать американского актёра Леонардо Джорджевича Ди Каприо и американского же баскетболиста Роналда Нортоновича Артеста-младшего.

Кстати, один из первых описанных таких случаев был опубликован в рассказе «Как Копли Бэнкс прикончил капитана Шарки» знаменитого английского писате-

ля Артура Чарлзовича Конан Дойла, автора цикла произведений о Шерлоке Холмсе. И удивительнее всего то, что сэр Артур, по уверениям его биографов, никогда не бывал в России, а, следовательно, никак не мог знать о таком специфическом предмете нанесения побоев!

Но автор «Русской кочерги», не привыкший оставлять подобные сомнения без тщательного изучения, всё-таки выдвинул свою гипотезу этого странного факта. Дело в том, что Конан Дойл был хорошо знако́м с английским фантастом Гербертом Джозефовичем Уэллсом, который аж дважды бывал в России и даже встречался там с Ильичом I. Может, именно он, узнав от Ленина подробности русского декантра, и рассказал Артуру Чарлзовичу о гранёном стакане, а всё остальное было делом неуёмной фантазии знаменитого детективщика!

И, бывая на рыбалке,
разливая влюблено,
Ленин пил не из пиалки
водку, чачу и вино!
Жизнь у нас всегда чудна:
Ленин пил из стакана́!

Ленин о стакане

И раз уж автор уже упомянул Владимира Ильича Ленина, то должен сообщить читателю и вот такой исторический факт: в своей работе «Ещё раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках тт. Троцкого и Бухарина» вождь дал следующее подробное определение предмета нашего исследования, хотя в названии статьи и не предупредил об этом соратников по партии:

«Стакан есть, бесспорно, и стеклянный цилиндр, и инструмент для питья. Но стакан имеет не только эти два свойства или качества или стороны, а бесконечное количество других свойств, качеств, сторон, взаимоотношений и «опосредствований» со всем остальным миром…»

Остаётся только догадываться, чем именно занимался Ильич I во время написания этой полезной для пролетариата статьи, но дальше следовало вот такое странное продолжение: «Стакан есть тяжёлый предмет, который может быть инструментом для бросания[267]. Стакан может служить как пресс-папье, как помещение для пойманной бабочки, стакан может иметь ценность, как предмет с художественной резьбой или рисунком, совершенно независимо от того, годен он для питья, сделан ли он из стекла, является ли форма его цилиндрической или не совсем, и т. д.».

До сих пор непонятно, как пресловутый стакан в голове вождя мирового пролетариата соотносился с мировой же революцией, но, видимо, без него она бы просто не случилась!

[267] Ну, точно, это он, он Уэллсу рассказал! – прим. автора

Поняв, что увлёкся, Ленин заканчивает эту главу так: «Я, разумеется, не исчерпал понятия диалектической логики. Но пока довольно и этого. Можно перейти от стакана к профсоюзам и к платформе Троцкого». Не верите? Вот и Курманбаев тоже не верил, пока Кулемзин не заставил его посмотреть эту статью в ленинском томе 42! Проверьте сами: вся эта бредятина опубликована в Полном собрании сочинений Ильича I[268]!

[268] Удивительно, но это факт! Все эти строки – из сочинения Владимира Ильича Ленина «Ещё раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках тт. Троцкого и Бухарина», ПСС, т. 42, М, «Издательство политической литературы», 1967 г., с. 289-290 – прим. полит. редактора

Ночью, сев за мемуары
(как у Маркса «Капитал»),
и приняв стаканов пару,
Ленин все труды писал!

Популярные выражения со словом *стакан*

Они известны, конечно, каждому, но одно дело мучительно вспоминать, а другое – взять да и прочитать их здесь и сейчас. Вот эти выражения:

1. Буря в стакане воды.
2. Найти истину на дне стакана.
3. Для пессимиста наполовину наполненный стакан – полупустой, а для оптимиста – полуполный!

Занимательно о стакане

1. Гранёный стакан, наполовину заполненный водой, можно поставить *на ребро*, то есть уравновесить в положении, когда он касается поверхности одним ребром.

2. Стахановское движение, да и само слово *стахановец* возникло по фамилии советского (б) шахтёра Алексея Стаханова. Но многие историки предполагают, что реальная фамилия героя труда была Стаканов, правда, с такой фамилией всесоюзным передовиком было стать просто невозможно. Таким образом, это трудовое движение можно назвать и стакановским!

3. Гранёный стакан во времена СССР (б) также являлся непременным атрибутом процесса распития водки. Так как бутылка любимого народного напитка вмещала 500 мл, то гранёный стакан при распитии *на троих* заполнялся ровно на пять шестых, или по 166,6666 грамма на одного *питока*. Помните, знаменитую песню поэта и барда Владимира Высоцкого[269]?

[269] «Баллада о Правде и Лжи» (1977) – прим. лит. редактора

Часто разлив *по сто семьдесят граммов* на брата,
даже не знаешь, куда на ночлег попадёшь.
Могут раздеть – это чистая правда, ребята!
Глядь, а штаны твои носит коварная Ложь…

4. Иногда распитие спиртного без ярко выраженного повода в шутку называется отмечанием «Дня гранёного стакана». Дата отмечания этого «праздника» назначалась по собственному желанию празднующих – с целью приурочить к нему попойку, чтобы не пить просто так, без повода.

Происхождение названия

И, наконец, последний факт – о само́м названии стакана. Автор утверждает, что оно имеет тюркские корни! Почему? Да потому, что своё начало русский стакан ведёт от тюркской деревянной посуды *тостаган* – была такая низкая круглая посуда

типа пиалы. Теперь вы понимаете, почему стакан так хорошо прижился не только в России, но и в родной автору Саксаулии, так же, как в своё время тюркское слово *кара* (чёрный) дало название русскому *карандашу*?

Знает всяк знаток глаголов,
посещая ресторан:
тостаган был у монголов,
а у русских был стакан!

Глава 190. О РУССКИХ ТЮРКИЗМАХ

Кстати, автор посчитал, что именно в этом месте будет уместен (простите за тавтологию!) короткий рассказ о тюрских словах, которые за время прошедших с монголо-татарского ига веков так искусно замаскировались под русские слова, что многие до сих пор считают их родными, так как слышат от своих родителей с детства. А чтобы рассказ этот был неутомительным, автор и приводит его в вольном поэтическом виде:

Писать мне впору в арбитраж –
слезает кожура:
я в русском слове карандаш
тюркизм узрел – кара!
Смотрю я в арбитраже вширь,
и иск не провалю,
ведь в русском слове богатырь
батыра[270] узнаю.
Прошли монгольские стада
средь русских ивняков –
оставила свой след Орда
на множество веков:
алмаз, парча, казна, батрак,
сазан и баклажан,
сундук, ярлык, чугун, башмак,
шашлык и таракан,
шатёр, ковчег, кулак, колчан,
палач, изюм, аркан,
туман, бугор и барабан,
сурок, ханжа, буран, –
блестят тюркизмов кружева,
наполню ими стих.
Мы произносим те слова,
не зная всё о них…

[270] ***Воин – тюркс.***

Кстати, посмотрите на эту картинку: усы, орёл, платок, клюв, коготь – это всё тоже тюркизмы!

Глава 191. ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ ХОЛОСТЯКОВ

– Откуда берутся холостяки, спро́сите вы, – начал своё исследование писатель.

– И спросим! – задорно откликнулся Полтавцев.

– Тогда отвечаю: одни получаются после разводов, вторым мамы не велят жениться, третьи ещё в начале жизненного пути ставят высокую планку, то есть начинают перебирать кандидатуры, да так, знаете ли, увлекаются, что позиция выбирающего становится жизненной необходимостью, четвёртые боятся ответственности и напряга, то есть элементарной бытовой кабалы, пятые любят больше все-го на свете себя, и поэтому не рискуют посвятить свою персону кому-то ещё, а у шестых просто нет денег содержать семью. Холостяки, как правило, трудоголики, если, конечно, не бухарики, – с удовольствием остаются на работе, когда все другие бегут домой. Они выгодны руководству: их всегда можно послать в любую ко-мандировку – хоть на три дня, хоть на три месяца, они могут выйти поработать в выходные дни. Поэтому среди населения страны бытует мнение, что холостяки – это надежда и опора трудовых коллективов. А вот какими же бывают холостяки, ещё раз спросит Серёжа.

Сторож важно кивнул головой: мол, и это спрошу, за мной не заржавеет.

Отвечаю волчьей пастью
тем, что точно знаю сам:
холостяк – основа счастья
незамужних дев и дам!

– Например, лично мной принято делить эту сомнительную категорию граждан на два лагеря: холостяки убеждённые и холостяки вынужденные.

– А вот ты, Володя, к какому лагерю относишься? – тонко улыбнулся педагог. – Надеюсь, к социалистическому?

– Даже не надейся, Нуртай! Я – пожизненный вспоминалец про лагерь пионерский. Итак, к делу. И прошу не перебивать меня (из автомата имени товарища Калашникова) по пустякам.

Все дружно зашикали на Мусаича.

– Убеждённые холостяки, – продолжил лектор Кулемзин, – это те, кто уже однажды *обжёгся* в любви или даже (не дай *дедушка*!) в браке, а вот вынужденные – это, собственно, те, которым некогда, не с кем, не на что, да и ни к чему!

Ни к чему мне браки эти –
проживу один на свете!

При этих словах Альбионыч заглянул внутрь своей так называемой души и ещё раз порадовался собственному безбрачию

– Бывают и другие, более редкие виды холостяков – например, холостяки по болезни, по бездомью, по безденежью, по пьянству, не говоря уже о такой отвратительной категории граждан, как *голубые*.

Здесь все дружно, хотя и несправедливо, посмотрели на Курманбаева.

– История знает немало великих людей, кто в силу разных жизненных обстоятельств избежал так называемых брачных уз. Кстати, среди них много моих друзей: Леонардо Пьерович да Винчи, Галилео Винченцович Галилей, Людвиг ван Иоганнович Бетховен (а ведь был и его антипод Иоганн Иоганнович Бах, у которого как раз таки была не только жена, но и 20 (!) детей), Франц Францевич Шуберт, Иоганнес Якобович Брамс, Микеланджело Лодовикович Буонаротти, Жан-Поль Жан-Батистович Сартр. А философы? Те так вообще отличались просто-таки каким-то оголтелым безбрачием: это Платон Аристонович и Гераклит с погонялом Эфесский, Артур Генрихович Шопенгауэр и Рене Жанович Декарт, Томас Бенович Гоббс и Джон Уильямович Локк, Готфрид Фридрихович Лейбниц и Дэвид Чарлзович Юм, Барух Михаэлевич Спиноза и Иммануил Иоганнович Кант, не говоря уже о Жане-Жаке Исааковиче Руссо. И это ещё раз доказывает, что философы, особенно мужского пола, – это умнейшие из людей!

Да Винчи мне сегодня снился –
и был он счастлив, не уныл:
ведь Леонардо не женился,
всё потому, что гений был!

«Как хорошо, что я не философ», подумал охранник, «вот подожду ещё маненько и женюсь на Зуле…»

– Видимо, женщины не играли в их жизни какой-то главной роли, – услышав последнюю мысль Афанасьича, продолжил исследование Володя, – потому что своей пустой бесконечной болтовнёй мешали всем этим великим людям постигать бескрайние (прости, русский язык!) онтологические[271] горизонты жизни!

[271] Онтология – учение о сущем, о бытии как таковом – прим. философ. редактора

Серёжа тут же выхватил из своей котомки самый знаменитый во всей Вселенной блокнотик «Для му.мы» и торопливо зафиксировал последнюю мысль писателя, поразившую его воображение: «Не женись, а то к тебе придёт онкологический горизонт жизни!»

– Царица лесная, а что такое онкологический? – перебил он писателя.

– То же, что и раковый, – любезно пояснил лектор.

«Значит, всё правильно!», обрадовался узнавалец жизни.

– Святой Малевич, Серёжа, не перебивай! – зачарованно попросил Муравлёв, которому показалось, что в лекции его друга Володи заключена та самая истина,

которая когда-нибудь сделает его жизнь неузнаваемой, и каковую Полтавцев называл *истиной на последней станции.*

Выбор, видно, безысходен
в матримониальной тьме:
наша истина в свободе?
Или всё-таки в ярме?!

Глава 192. ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ ХОЛОСТЯКОВ (продолжение)

– И если вы думаете, что общий обзор холостяковства заключает в себе некую истину, а конкретные примеры ту же истину, но дроблёную на (прости, русский язык!) трансцендентальные части, то вы думаете и правильно, яйчики-бабайчики, и неправильно одновременно, – продолжил Кулемзин.

«Как же так?», про себя воскликнул педагог, ибо в присутствии Альбионыча старался воздерживаться от оппортунистических реплик вслух. «А как же диалектический материализм? А как же исторический материализм? А как же, мать моя партия, научный коммунизм, наконец?!»

– Возьмём, к примеру, отдельных представителей славного племени холостяков: например, музыканта, философа, учёного и, конечно же, поэта. Итак, музыкант (и он же по совместительству гениальный композитор) Иоганн Якобович Брамс. Он, как известно из умных книжек, отдал своё сердце музыке. В этих же книжках современники Брамса признаются, что лишённый ласки и любви композитор был мрачным и угрюмым. Закручинишься тут! И кто бы из вас был иным на его месте?

– Точно, точно! – подтвердил Полтавцев. – У меня Зуля как приходит мрачная и угрюмая, так я даже поллитра водки осилить не могу – всего 470 грамм влазит!

Я с сознанием воюю,
и война мне по плечу:
хорошо с весёлой пью я!
А с угрюмой не хочу…

– Фишка здесь была в том, – продолжил рассказчик, – что Брамс был влюблён в Клару Фридриховну Шуман, жену его кореша по композиторскому цеху – Роберта Августовича Шумана. Поговаривали даже, что младший пострел Шуманов с кошачьим именем Феликс был как две капли похож на Брамса. И особенно эти сплетни достигли апогея после смерти Шумана, когда Брамс со всей присущей ему композиторской пылкостью попытался утешить несчастную вдову! Но вдова, надо отдать ей должное, полностью ушла в отказ, как вор в законе Миша Тагильский, когда следаки кололи его на кражу пачки сигарет в киоске магаданской консерватории. Эта Клара, так же, как и Миша, всему тогдашнему бомонду так и объяснила: мол, мы с Иоганнесом просто кенты – и всё тут!

– Святой Малевич, смотри-ка, какая зараза! – посетовал художник, видимо, вспомнивший что-то своё, наболевшее.

– Ёперный Брамс, и чем дело кончилось? – поинтересовался военный трубач, искренне переживавший по поводу кончины неизвестного ему композитора.

– Да известно чем: жениться он, не будь дурак, на этой мадаме так и не стал, хотя немногим ранее писал о ней так: «Она выглядела, как мажорные тона в финале «Фиделио»[272], я не могу описать её иначе!».

[272] ***Есть такое произведение у Людвига Иоганновича ван Бетховена. Кстати, это единственная его опера! – прим. муз. редактора***

– Да, дела! – подвёл конец рассказу педагог. – А вот у меня с женой совершенно другие отношения, строящиеся исключительно на чувстве любви.

Прапорщик тут же отлучился в кусты, где целую минуту выражал своё отношение к брачным отношениям четы Курманбаевых.

Никогда мы не скулили –
пили то, что поднесли,
и друг друга так любили,
но расстаться всё ж смогли!

– Не отличались в этом вопросе и философы. Я обещал рассказать об одном из них – так вот, мой рассказ будет о моём друге философе Иммануиле Иоганновиче Канте, тоже, заметьте, знатном холостяке! До сегодняшнего дня психоаналитики пытаются объяснить безбрачие этого персонажа культом матери.

– Не повезло пацану! – авторитетно подтвердил Салихдзяныч.

– Кстати, сам философ так писал о своём безбрачии: «Яйчики-бабайчики, когда мне нужна была женщина, я не был в состоянии её прокормить, а когда был в состоянии её прокормить, она мне уже была не нужна».

– Настоящий философ! – воскликнул сторож, выхватил свою знаменитую книжечку «Для му.мы.» и быстро написал на чистой странице: «Корми женщину не корми, всё равно я не в состоянии! Это сказал саксаульский философ Сахар[273]…»

[273] ***Кант в переводе с саксаульского действительно сахар! – прим. автора***

Автор, услышав слова своего персонажа, улыбнулся и тут же поставил ссылку (см. чуть выше), а потом даже проиллюстрировал выражение Полтавцева:

– Дело ещё и в том, – продолжил суровый рассказ писатель, – что в молодости наш философ шибко бедствовал: случалось даже, штаны брал взаймы у своих приятелей, чтобы пойти заработать на хлеб частными уроками. Правда, такие уроки приходилось давать редко, да и то, – кому нужна была в то время философия. Вот и думайте, какая уж тут женитьба! Однако, несмотря на материальные неурядицы, прожил Кант аж 79 лет, хотя и угас в некотором лёгком помешательстве. И это было хорошо! Представляете, в каком помешательстве он был скочумал, если бы был женат, и на него каждый день орала какая-нибудь страшная немецкая тётка! И развестись тоже было нельзя – как-то местная община не поощряла в те годы разводы в философских семьях! Вот такая вторая моя история.

– Да-а-а, – протянул Нуртай, и хотел было выразить своё мнение, но понял, что не может вспомнить к месту ни одной цитаты из классиков марксизма-ленинизма.

Как бы каждый там не хрюкал,
грош цена таким словам:
философия – наука,
кою учишь сам на сам!

Особой марсианской технологией Володя без труда прочёл последнюю мысль педагога и тут же вспомнил, что ни кто иной, как Ильич I в своей работе «О праве наций на самоопределение» специально для такого случая написал следующее:

«Свобода развода означает не «распад» семейных связей, а. напротив, укрепление их на единственно возможных и устойчивых в цивилизованном обществе демократических основаниях». Правда, как всё это можно было соотнести с матримониальными проблемами Канта, он думать не стал.

Глава 193. ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ ХОЛОСТЯКОВ (окончание)

– А вот и третья история знаменитого холостяка – речь пойдёт о пролетарском поэте Владимире Маяковском. Хороший был поэт, стихи оригинальные писал, но в личной жизни (а, вернее, в безличной) был у него такой бзик: нравились ему исключительно замужние женщины.

– Мать честна́я, да, наверное, для него был притягательным образ недостижимой мечты, – авторитетно заявил охранник.

Педагог поперхнулся пивом, прапорщик – сигаретным дымом, а художник чуть не тронулся умом от зависти к таким познаниям.

Маяковский рассердился,
что подружка занята́,
а потом уж застрелился,
ведь закончилась мечта!

– Так вот, познакомился он однажды как раз с такой штучкой – Лилей Брик, и она просто свела его с ума в первый же вечер знакомства. И стала эта Лиля иметь на него громадное влияние. Например, когда этот писака однажды решил жениться на некой Наташе Брюханенко (но не брать её фамилию!), Лиля написала ему вот такую записку: «Володя, до меня доходят слухи, что ты собираешься жениться. Яйчики-бабайчики, не делай этого!».

– А он чего? – поинтересовался художник, вспомнив свою историю любви.

– Представляешь, Валера, этот высокий красавец, этот сердцеед, этот мятежный поэт-слововержец покорно, словно мул, тут же отложил свадьбу. Потом, правда, он сделал предложение горячо любимой им Веронике Полонской, а потом не менее горячо любимой и Татьяне Яковлевой, а потом и вовсе, когда приехал в Америку, стал жить-поживать (разумеется, без всякого американского загса!) с некоей Элли Петровной Джонс, которая даже родила ему девочку Элен Патрисию Владимировну.

«Святой Малевич, силён мужик», подумал бездетный Валера.

– Я думаю, что Маяковский, поменяв столько баб, уже готов был остепениться, стать примерным семьянином, нарожать кучу детей, посадить кучу деревьев и даже построить несколько домов, а он вдруг возьми да застрелись. Вот что любовь проклятая с хорошим человеком сделала!

Но дают совет газеты:
сам, товарищ, ты решай, –
хоть писатель, хоть поэт ты,
бабу лучше выбирай!

– И последняя история, – произнёс Кулемзин. – Как и обещал, она будет про великого учёного Исаака Исааковича Ньютона. Кстати, это именно он всю жизнь притворялся англичанином, но сто́ит нам, людям знающим, посмотреть таки на его имя-отчество…

При этих словах Полтавцев залился счастливым смехом, как бы подчёркивая, что намёк понял.

– Этот Ньютон почему относился к убеждённым холостякам? Да потому что всю жизнь без остатка посвятил себя науке. Бывают такие личности в истории, но встречаются всё реже и реже. Не будем лукавить, было у него, конечно, одно увлечение, но что его оправдывает, это то, что увлечение юношеское – по малости лет и ума. Было это дело в деревне Вулсторп, что в графстве Линкольншир. Влюбился он как-то безусым юнцом в воспитанницу местного аптекаря мисс Сторей. Как это часто бывает, трогательная юношеская дружба незаметно перешла в любовь, а лёгкие рукопожатия – в робкие поцелуи в щёчку. В общем, дело шло к свадьбе.

«Йодистая свадьба, а робкие поцелуи в щёчку – это как?», подумал военный и даже попросил у охранника чистый листочек из записной книжечки «Для му.мы» – для того, чтобы записать, а потом и уточнить этот животрепещущий вопрос.

– Но как только на горизонте мелькнула заманчивым хвостиком комета университетской карьеры, так Исаак тут же одумался и сказал товарищу Гименею, уже готовому сковать его одной цепью с аптекарской дочкой, решительное *по*!

– А разве одно другому мешало? – поинтересовался педагог. – Я вот, помню, со своей женой именно в университете познакомился – сначала учились вместе, а потом и жить стали.

– Так дело-то было не когда-то, а в 1661 году! Представляете, какие тогда были нравы в чопорном Кембридже, который радостно распахнул перед юношей свои дубовые двери. По средневековой традиции все студенты должны были оставаться холостяками!

– Царица лесная, вона как! – почесал затылок Афанасьич.

Чтоб не вышло инцидентов,
нужно смыслом жизнь поить:

холостяк я был в студентах,
холостяк сейчас в НИИ!

– Кстати, мудрая традиция, – поддержал решение будущего учёного писатель. – Представляете, женился бы Ньютон и не поступил в университет, и тогда мы с вами до сих пор бы жили и без закона всемирного тяготения, и даже без метода флюксий[274]! Кстати, Серёжа, ты когда-нибудь слышал про Ньютона?

[274] Сущность этого метода Ньютон изложил в трактате «О квадратуре кривых» ещё в 1704 году вот такими словами: «Я рассматриваю здесь математические количества не как состоящие из очень малых постоянных частей, а как производимые непрерывным движением». Ну, не бредятина ли?! – прим. автора

– Про хлюсии ничего не знаю, а вот без тяготения и правда тяжело, – признался сторож. – Как, бывало, выпьешь лишнего, так это тяготение тебя в постель и тянет. А без Ньютона этого, значит, на потолке бы спать пришлось?! А вообще я про такого никогда не слышал, – степенно признался Афанасьич.

– Да он вообще ни про одного учёного не знает, – тут же стал ябедничать педагог. – Вот скажи, кто такой, например, Архимед?

– Да что же я, Архимедова вашего не знаю, что ли? – возмутился Полтавцев. – Это же он закон придумал, что тело, запиханное в воду, мокнет!

Все немного посмеялись.

– А с другой стороны жалко, конечно, было мужика, – завершил свой трагический рассказ Альбионыч. – Представляете, уже на смертном одре он признался, что умирает девственником – как кот, кастрированный в полугодовалом возрасте. Вот и верь после этого в медицинские сказки о том, что воздержание вредно!

Как всегда, мой брак запутан,
словно случай страховой:
воздержался я, как Ньютон,
с восемнадцатой женой!

Глава 194. МОРАЛЬ СЕЙ БАСНИ ТАКОВА

– Страшные истории, – подвёл итог разговору Полтавцева. – Володя, а какая мораль из всего этого?

– Морализаторско-моралистическая мораль общего плана? Яйчики-бабайчики, можно и её.

Писатель набрал полную грудь праны и произнёс короткий спич на тему:

– Эх, хорошо, конечно, мужики, проснуться утром от солнечного лучика, упавшего на лицо, свободным от супружеских уз, как это обычно делаю я каждое утро. Но, заметьте, всё-таки не одному, а в объятьях прекрасной незнакомки!

«Почему же только прекрасной? Можно и страшненькой», подумал Салихдзяныч. «Лишь бы жена не узнала!»

Ох, и нравятся мне девы
(от жены совсем пожух!):
с удовольствием *налево*
(если можно) я хожу!

– А после пробуждения, оставив прекрасную незнакомку на кухне готовить утренний омлет из пяти с половиной яиц, пробежаться по весеннему лесу. А после Ра-боты, попивая пивко с друзьями, лениво перебирать в уме: кого бы из наиболее *удобных* дам пригласить в следующий раз. Но…

Здесь Володя, призывая к вниманию, поднял палец.

– …но ведь можно также проснуться и среди промозглой ненастной ночи в холодной постели, с больной тыквой, и под траурный марш дождя заплакать от пустоты, досады и внутреннего одиночества.

Услышав такие страшные слова, Муравлёв чуть не заплакал от пустоты, досады и внутреннего одиночества.

– «Пуризм циника и умерщвление плоти отшельником ничего не дают общественному благу, это искажённые формы добродетели, для неё непривлекательные – отвергнутые грациями, они не могут притязать на гуманность».

Сторож тут же выхватил из котомки легендарную книжечку «Для му.мы» и торопливо накаракулировал: «Грации тогда притязают на добродетели, когда становятся непривлекательными для плоти!». Он перечёл написанное, ничего не понял, затем перечёл ещё раз, после чего ему показалось, что понимание пришло где-то процентов на 17, и спросил лектора:

– Володя, как это понимать? Мать честна́я, ты случайно умом не тронулся?

– Нет, старичок, ни случайно, ни даже намеренно, – сам в печали от своей же лекции ответил Кулемзин. – Тем более, что это не мои слова, а всё того же великого философа Иммануила Иоганновича Канта, или Са́хара, как ты его называешь. И сказал он их тогда, когда остался на закате жизни одиноким, печальным и беспомощным старикашкой.

«Нет!», отчаянно подумал живописец. «Святой Малевич, как мне ни тяжело, а я всё-таки попробую побороться за своё семейное счастье!»

В одиночестве пустом,
кайфа плоть лишая,
помер Кант холостяком!
Я о том мечтаю…

Было видно, что Альбионыч немного приустал от тяжёлого рассказа. Он опустил подбородок на кулак и именно в эту минуту стал похож на самого себя, то есть крупного писателя, который выложился до конца, до капли, и теперь пребывает в состоянии возвышенного и умиротворённого удовлетворения. Полтавцев же, взглянув на Володю, начал размышлять ассоциативно, видимо, вспомнив, что именно от кошелька философа зависит сегодняшнее счастье всего коллектива. Затем мысль его взошла до той высоты, что он предложил немедленно выпить ещё немного пивка.

– Иначе весь день пойдёт насмарку, – дооформил мысль Афанасьич, для иллюстрации шумно просморкавшись.

Я кричу с похмелья *выпью* –
каждый день и поутру:
«Если пива я не выпью,
то немедленно помру!»

Кулемзин, не чинясь, тут же выложил требуемую сумму, после чего охранник отправился в свой привычный поход, а автор, чтобы завершить эту поистину неисчерпаемую тему во втором томе, решил дать тебе, мой внимательный читатель, некую истину – для фиксирования её вначале в голове, а после обдумывания и в записной книжке:

Счастье –
это когда прошлое не печалит,
настоящее не бесит,
а будущее не напрягает…

Глава 195. ЯВЛЕНИЕ МАРИНЫ

И только было Курманбаев взял в руки карточную колоду, чтобы сдать очередной роббер, как голос из-за спины вновь отвлёк наших игроков от главного, чем была наполнена их жизнь.

– Здравствуйте, Владимир! Здравствуйте, господа!

«Какие ещё господа?», хотел было возмутиться педагог. «Неужели не видно *визуально*, что я товарищ?!»

Володя обернулся и, увидев Марину, тут же вспомнил, что сегодня вторник, а, значит, пришло время еженедельной уборки его квартиры. Пришедшая женщина помогала ему по хозяйству уже несколько лет, и только благодаря её усилиям жилфонд оставался сияющим, как номер нью-йоркского отеля.

– Можно ключи? – спросила пришелица, так как за время работы у писателя уже хорошо узнала, где, кроме Бермудского Учпучмака, можно был найти покерную компанию. Альбионыч тут же вытащил весело зазвеневшую связку и торжественно вручил её своему нештатному сотруднику, после чего женщина отправилась на совершение еженедельного трудового подвига.

Увидев Марину с гладкими, как бильярдные шары, щёчками, прапорщик тут же стал есть её глазами. Своими параметрами она чем-то напоминала володину соседку Иру, правда, только характер у неё был гораздо лучше, чем у железнодорожницы. «Богато иллюстрированная дамочка!», про себя отметил писатель, даже в *бытовухе* не устававший мыслить яркими литературными образами. По старой писательской привычке *детализировать* всё увиденное, он однажды даже придумал для Марины вот такое сравнение: «Она была бы похожа на вдову бывшего следователя по особо важным делам, занимавшегося исчезнувшими деньгами партии, если бы не была так добра».

«От одного такого взгляда можно забеременеть», подумал Кулемзин, проследив взгляд трубача, и тут же вспомнил свой давний стих на эту тему:

Несчастный, вспомни о посеве,
забудь сомнения и страх.
Смотри, Адам: на смену Еве
девица прячется в кустах!
Желанный бюст, тугой и бодрый,
прикрыт распущенной косой.
Она стесняется, но бёдра
лоснятся утренней росой.
Гонись за ней подобно зверю –
она покорна и добра,

и восполняй с лихвой потерю
отцом изъятого ребра!

Появление Марины в володином доме было не случайно. Переехав в новое жилище, он стал с отчаянием замечать, что грязная посуда размножается самопроизвольным делением, как амёбы из учебника биологии за 6 класс: не успеешь оставить в мойке стакан или тарелку, как спустя час-другой там уже громоздится целая гора немытых кастрюлек, мисок и пивных бокалов. Нередко, отчаявшись бороться с таким феноменом, писатель оставлял всё как есть, пока посудная полка не превращалась в пустыню, а немытые тарелки, вилки, ножи и прочая, и прочая образовывали маленький кухóнный Эверест. «Убрать в квартире, что ли?», подумал Володя после первой недели проживания во вверенном ему жилфонде, чихнув от стоявшей в воздухе пыли. «Ведь от уборки ещё никто не умирал», подумал он снова. «Впрочем, стóит ли рисковать…»

Так к нему пришла идея завести себе помощницу по хозяйству (слово *уборщица* он не любил), которая, кроме того, что следила за порядком на кухне, ещё убирала бы и на остальном пространстве квартиры. «Дать объявление – вот в чём тригонометрия!», решил он.

Поэтому однажды с утра, для прочистки мозгов выпив зелёный чай – горький и напоминающий о раннем деревенском сене, Альбионыч взял листок бумаги и стал напряжённо думать: «А как же писать такие объявления?», после чего полез в интернет – за подсказкой. И вот что он там вычитал: «Для того, чтобы правильно нанять человека на работу, в объявлении необходимо отобразить следующие сведения о себе:

особенности организации (наименование, местоположение, деятельность);
характеристику должности (круг задач, место в структуре, перспективы роста);
требования к соискателю (знания, опыт, квалификация);
систему оплаты и стимулов;
особенности процесса отбора (необходимые документы и сроки их подачи).

Я сегодня страшно мрачен
в поиске альтернатив:
ох, и трудная задача –
друга верного найти!

После этого он набросал на клавиатуре несколько *значительных* строк, распечатал их на принтере, оделся и вышел из дома. Вскоре на кривом столбике, который поддерживал один из углов лавки Калимы, каждый покупатель мог прочесть следующее объявление под крупным заголовком

Требуется ОПП!

«Ищу молчаливую женщину с приятным голосом без замашек ландшафтного дизайнера, с устойчивой психикой, на тяжёлую, грязную работу вахтовым методом – по наведению порядка в идеальном для творчества помещении (ролевые игры с веником и совком). Отсутствие тараканов и запись в трудовой книжке «Менеджер по уборке половых поверхностей» гарантирую! Щадящий график работы!

**Активная жизненная позиция, нацеленность на результат,
возможность карьерного роста, развитие навыков общения
и уверенности в себе, умение решать сложные вопросы!
Льготное питание бутербродами, принесёнными из дома!
Оплата деньгами, имеющими хождение в стране, по договорённости
с рассудком! Знание таблицы умножения (лёгкой тени
интеллекта) обязательно!
Требования: коммуникабельность, голубая униформа
с бейджиком «Манагер», собственная швабра и городская прописка.
Знание ПК – обзательно!
Большое количество эритроцитов в крови приветствуется!
Работа в данном помещении может круто изменить вашу жизнь!
Количество мест ограничено!»**

У уборщицы Шарлотты
очень важная работа:
подмести, пропылесосить,
всё поднять, что на пол бросят,
вымыть окна, стены, пол,
протереть от пыли стол,
мусор вынести в мешочках,
напоить цветы в горшочках,
проследить, чтоб тут и там
всё стояло по местам!

Удивительно, но в первые дни соискателей, которых, видимо, отпугивала таинственная аббревиатура ОПП, почему-то не было, хотя Володя наивно и полагал, что придуманные им буквы, которые расшифровывались как *оператор половых поверхностей* должны быть доступны любому индивиду женского пола, ищущему работу в этой области применения. Поэтому он очень обрадовался, когда на третий день, подняв трубку, услышал приятный женский голос:

– Простите, это вам нужен оператор половых поверхностей?

– Нам! – быстро ответил Альбионыч. – Точнее, мне!

Из бесчисленных из множеств,
что должны существовать,
я нашёл того, кто сможет
в доме веник отыскать!

Глава 196. ЯВЛЕНИЕ МАРИНЫ (продолжение)

После короткого визуального знакомства с документами пришелицы состоялся важный разговор.

– А знание ПК – это зачем? – спросила Марина. – Мне же на персональном компьютере работать, наверное, будет не надо? Или у вас принято составлять подробные отчёты о проделанной работе?

– ПК – это приёмы квартироуборки, – объяснил хозяин.

– Ой, как хорошо, – обрадовалась Марина. – Я в молодости приёмами карате занималась – так до сих пор кое-что помню!

«Может, не брать?», мелькнула в голове Володи страшная мысль, после чего он добавил:

– Главное в вашей работе, Марина…

– Это чистота! – выпалила нанимавшаяся.

– Разве? – удивился Володя. – Нет-нет, я не о том. Главное, чтобы во вре́мя уборки из дома не пропала ни одна бумажка! Даже если вам встретится трамвайный билет, на котором моим неразборчивым почерком написан какой-нибудь катрен, не спешите выбрасывать его в мусорное ведро, ведь этот катрен может когда-нибудь развиться в законченный сонет. И постарайтесь запомнить на долгое время, что любая бумажка в моём доме – это реквизит души и сердца, мой (прости, русский язык!) ментальный фетиш!

После этих слов Марине стало страшно, она захотела немедленно уйти домой, но нужда оказалась сильней, и она осталась.

– И ещё одно: если вы найдёте возле компьютерного столика неиспользованные метафоры, синекдохи, метонимии, гиперболы и другие *тро́пы*, перед выбросом в мусорное ведро обязательно покажите их мне – возможно, когда-то одно из них может пригодиться в моей гениальной творческой деятельности.

Сказки, были, даже тосты
в голове, под диктофон:
я пишу настолько просто,
что меня поймёт и слон!

– А какая у вас профессия? – стеснительно поинтересовалась женщина. – Гениальный творческий деятель?

– Что-то вроде этого, – объяснил Альбионыч.

– А тропы – это что? – вновь поинтересовалась неугомонная соискательница.

– Это слова, употреблённые в переносном значении.

– А что, есть такие тяжёлые, которые переносить нужно? А-а-а-а, поняла, это мат, наверное!

«Мата в жизни нам не надо!»,
знают все в тенетах ада…

– А я ещё и готовить умею, – сообщила Марина, после чего уточнила:

– Разные блюда.

«Ну, готовить, положим, я и сам умею», подумал Кулемзин. «Но, может, когда и пригодится!»

– А контролем дебиторской задолженности заниматься не надо? – со страхом поинтересовалась нанимательницаа. – А то мне в одной фирме это предложили…

– Нет, – прозвучал короткий ответ.

– А участие в инвентаризациях? – уточнила она.

– А вот это обязательно! – сурово объяснил хозяин.

– А чего нельзя? – не унималась соискательница.

– Нельзя распивать спиртные напитки, – ещё суровее ответил Володя, правда, тут же уточнил:

– Без повода. Нельзя также приносить с собой свой мусор, дабы имитировать напряжённый трудовой процесс. Но главное – нельзя шуметь пылесосом более четырёх минут!

– Почему? – удивилась Марина. – Он за это время даже нагреться не успеет!

– Потому что в инструкции написано: «Не более 40 минут», но ведь инструкцию писали южнокорейцы, очень далёкие от реалий Саксаулии. Так что – на всякий случай! Да, кстати, раз в год – генеральная уборка!

– Генерала с собой привести – в подмогу? Так у меня нет ни одного знакомого.

– Генерала я вам подгоню, – пообещал Кулемзин. – Главное в генеральной уборке – это *деликатное* мытьё люстр, а то иногда так заработаюсь – света белого не вижу! И второе главное – чтобы в доме был порядок!

– Порядочность гарантирую! – заверила соискательница. – А также смену тряпок один раз в неделю!

Если я не дебоширю,
ты, читатель мой, заметь:
хорошо блестит в квартире
всё, что и должно блестеть!

– Марина, только умоляю – не приближайтесь к моему компьютеру! Я найду в себе внутренние резервы протереть с него пыль сам.

– Да зачем же сам? – огорчилась оператор. – Я же могу…

– Нет-нет, я на днях прочитал в газете «Вечерний Отцеябловск» про страшный случай: одна ОПП в «Саксаулнефтегазе», протирая ноутбук своего шефа, случайно заключила несколько контрактов на 160 миллионов назарбаксов – на приобретение ывап691вар, пролджэ789сми и фывапяч{Xasdf!

– А я ведь вчера хотела пойти по примерно такому же объявлению, но вовремя поняла, что не подойду, – поделилась Марина.

– Как это? – удивился писатель.

– А там было написано, что им для уборки нужна женщина средних лет площадью 90 кв. м., а у меня площадь немножко меньше. Но думаю, что я вам тоже не подойду.

– Почему это? – повторно удивился Альбионыч.

– Швабра и прописка у меня есть, а вот того первого слова сроду не было – вчера весь дом перерыла, не нашла!

– Какого слова? – не понял Альбионыч.

Соискательница достала сорванное объявление и по слогам прочитала: комму-ни-ка-бель-ность.

– Ничего страшного, – улыбнулся писатель. – Именно коммуникабельности у меня самого хоть отбавляй. Думаю, что на двоих хватит!

Услышав слово *двоих*, соискательница стеснительно заулыбалась, и хозяин, когда-то в далёкой молодости посещавший курсы семейной психологической помощи имени К. Е. Ворошилова, понял, что в данное время она не замужем.

– И в заключение было бы интересно почитать вашу медицинскую книжку! – требовательно протянул руку Володя.

– А я её ещё не написала, – испуганно отшатнулась женщина.

Писатель ответом удовлетворился, после чего принял Марину на работу.

С тех пор в кулемзинской квартире были идеальный порядок, чистота и красота, а в его персональном рабочем кабинете стало светло, словно в кабинете главврача Отцеябловского КВД[275] Давида Аароновича Розенмахера.

[275] ***Кожвендиспансер***

Я богатый и ленивый –
веник сроду не возьму,
грязи не протру массивы –
только мусорю в дому́!

Глава 197. ЯВЛЕНИЕ МАРИНЫ (окончание)

Со временем хозяин привык к новому работнику и даже перестал пугаться, услышав незапланированный звонок в домофон по вторникам. «Peut-être qu'il est venu bonne[276]», думал он, спеша к дверям.

[276] ***Наверное, это пришла горничная – фр.***

Привыкли к новому человеку в окружении гуру и наши сопокерники. Правда, сторож с первого дня знакомства мучился одним вопросом, но подойти и спросить у Марины стеснялся. Дело было в том, что у Афанасьича никогда не было тефлоновой сковородки, и даже не потому, что не нашлось *лишних* денег на её приобретение, а потому, что если он её купит, то всю оставшуюся жизнь будет мучиться проблемой: если к тефлону ничего не прилипает, то как сам тефлон приклеивают к сковородке? Именно поэтому его, да и остальных игроков тоже, захватывало главное – Его Величество Покер. И только Марина, чья должность со временем разрослась до «Оператора стирального порошка «Лотос» и добавки к нему с поэтическим названием «Ленор», которая еженедельно отстирывала груду потных марсианских рубашек Кулемзина, воочию могла представить себе всю степень напряжения столь нелёгкой игры, которую демонстрировал Альбионыч. Так со временем знаменитая творческая квартира получила полное право называться безмикробной!

Если каждый день мишенью
представляет тебя кольт,
потно так от напряженья
в 1.000.016[277] вольт!

[277] ***Для людей без воображения: миллион шестнадцать – прим. автора***

Но всё это было в недалёком прошлом. А что же сегодня? А сегодня, вскоре после прихода venu bonne, из открытого настежь по случаю лета окна володиной квартиры донеслась лёгкая битловская мелодия. Хозяин сразу разрешил Марине пользоваться его вертушкой[278], и даже настоял на этом, потому что по опыту собственной работы знал, как хорошая музыка помогает настроиться на творческую волну. «А разве моя работа творческая?», спросила тогда женщина, пунцовея лицом от волнения. «Безусловно!», ответил писатель, после чего новая работница увеличила свою производительность ещё на 9, 2 процента.

[278] ***Проигрыватель – слэнг 70-х годов прошлого века – прим. муз. редактора***

Сам Кулемзин полюбил «Битлз» ещё тогда, когда не знал английского языка, в середине шестидесятых, в весёлые школьные годы. Шестидесятые годы стали временем разрушения стереотипов, появления новых взглядов на жизнь в политике, культуре и других сферах жизни. Именно тогда в народе стали вестись странные

разговоры о братстве и о том, что все люди равны. А ведь «Битлз» пели именно об этом. Тогда Володя был уверен, что эти незнакомые ему певцы очень интеллигентные и светлые люди, потому что их песни вызывали у него чистые эмоции, аналогичные любовному экстазу, хотя в те годы он ещё ничего не знал о любви. Но тем не менее это была любовь, первая незабываемая любовь! Правда, он очень удивился, когда впервые увидел фото этой группы молодых людей с растрёпанными длинными волосами, и понял, что хочет быть похожими на них. С тех пор прошло много лет, и сами битлы с течением времени не стали менять своих причёсок, но теперь уже с другой целью – чтобы походить на саксаульского писателя Кулемзина!

Существуя в неком круге,
где печали нет, тоски,
мы походим друг на друга –
потому что велики!

Со временем Альбионыч понял, что «Битлз» не были конформистами и сами разрушили свой образ, который создавали целое десятилетие, потому что решили, что он их душит, не даёт более широко развиваться и выражать себя. Они не обращали внимания на конъюнктуру, а делали то, что хотели. Поэтому их песни были и грустными, и весёлыми, и откровенно рок-н-ролльными. Ведь если ты кого-то любишь, то тебе нравится в нём всё!

У Джона Леннона, Джона послебитловского, есть такая песня «Imagine[279]», и она одна сто́ит сотню позорных сердючек и моисеевых, а, может, даже и больше. Леннон пел в ней о том, что все люди должны жить без войн, предлагал представить такой мир, в котором нет ни бедных, ни богатых, и ничто никого не разделяет. Он предлагал это *представить*, и до сих пор нам остаётся только представлять это. Потому что нет такого на Земле и не будет никогда…

[279] Представление, воображение – англ.

♠ ♠ ♠

Время, эта неуловимая вселенская субстанция, которую ни увидеть, ни потрогать нельзя, но понять всё-таки можно[280], именно в этот миг подсказало нашему главному герою, что пора бы уже заканчивать вторую часть этого тома. Ведь если мой читатель не впал в склеротический маразм, то он должен помнить, что Альбионыч был не только покерным гуру, но и писателем, всё время помогающим автору создавать это великое произведение, причём, в отличие от Леннона, который старался коверкать английский язык, писал исключительно на языке русском, или так называемой кириллице.

И подумал здесь автор (на этот раз без помощи своего героя), что краткость, по утверждению его тёзки[281] Чехова, это несомненная сестра таланта, и потому именно каким-нибудь кратким предложением и нужно закончить вторую часть нашего увлекательного повествования. Итак, сказано – сделано!

[280] Например, мой желудок всегда точно – до минуты – подсказывает мне время обеда! – прим. автора

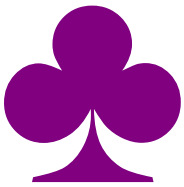
[281] Как и было замечено в первом томе «Русской кочерги», всех великих писателей и философов Кулемзин считал своими тёзками – прим. гл. редактора

Глава 198. ОДНО КОРОТКОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Когда мне будет восемьдесят лет,
то есть когда я не смогу подняться
без посторонней помощи с того
сооруженья наподобье стула,
а, говоря иначе, туалет
когда в моём сознанье превратится
в мучительное место для прогулок
вдвоём с сиделкой, внуком или с тем,
кто забредёт случайно, спутав номер
квартиры, ибо восемьдесят лет –
приличный срок, чтоб медленно, как мухи,
твои друзья былые передохли,
тем более что смерть – не только факт
простой биологической кончины,
так вот, когда, угрюмый и больной,
с отвисшей нижнею губой
(да, непременно, нижней и отвисшей),
в легчайших завитках из-под рубанка
на хлипком кривошипе головы
(хоть обработка этого устройства
приёма информации в моём
опять же в этом тягостном устройстве
всегда ассоциировалась с
махательным движеньем дровосека),
я так смогу на циферблат часов,
густеющих под наведённым взглядом,
смотреть, что каждый зреющий щелчок
в старательном и твёрдом механизме
корпускулярных, чистых шестерёнок
способен будет в углубленьях меж
старательно покусывающих
травинку бледной временной оси́
зубцов и зубчиков предполагать наличье,
о, сколь угодно длинного пути
в пространстве между двух отвесных пиков
по наугад провисшему шпагату
для акробата или для канато-
проходимца с длинной палкой,
в легчайших завитках из-под рубанка
на хлипком кривошипе головы,
тогда уж вот смогу я, дребезжа
безвольной чайной ложечкой в стакане,
как будто иллюстрируя процесс
рождения галактик или же
развития по некоей спирали,
хотя она не будет восходить,
но медленно завинчиваться в
темнеющее донышко сосуда
с насильно выдавленным солнышком на нём,
если, конечно, к этим временам
не осенят стеклянного сеченья

блаженным знаком качества, тогда
займусь я самым пошлым и почётным
занятием, и медленная дробь
в сознании моём зашевелится
(так в школе мы старательно сливали
нагревшуюся жидкость из сосуда
и вычисляли коэффициент,
и действие вершилось на глазах,
полезность и тепло отождествлялись) –
и, проведя неровную черту,
я ужаснусь той пыли на предметах
в числителе, когда душевный пыл
так широко и ровно растечётся,
заполнив основанье отношенья
последнего к тому, что быть должно
и по другим соображеньям первым!

Конец второй части



Часть III.
Вечер

♠ ♠ ♠

Стоп-стоп, дорогой мой читатель, неужели автор, как и в первом томе, совершил ужасную ошибку – не написал в начале книги, кому же он посвящает этот том? Да, горько признаётся автор, это именно так. Но – не он ли демиург собственного сочинения, не он ли автор любой здесь воспроизведённой строки? Поэтому не надо сетовать лишнего, а просто именно в этом месте и дать искомое посвящение:

Алану Юджину Джексону,

замечательному американскому певцу, в честь которого я когда-нибудь назову своего пуделька!

Глава 199. О ЦЕРКВИ, ЗАКРЫВАЮЩЕЙ ПУТИ

Странная вещь, но одна и та же ложь может быть и святой, и греховной. И начинаешь понимать это только ближе к закату жизни, когда из твоей дурной тыквы напрочь исчез юношеский максимализм. На пороге жизни начинаешь осознавать вообще всю относительность мира, и даже иногда додумываешься до того, что теорию относительности можно было бы развивать бесконечно. Кулемзин к его *политинику* был абсолютно уверен, что относительно буквально всё. Относительна даже этика, и даже представление о добре и зле. Скажем, сейчас модно, почти не задумываясь, твердить о нравственности и религии как таковой. А вот у русских классиков, как людей большого ума, насчёт православия подобной уверенности никогда не было, не говоря уже о прочих глупых верованиях.

Хотите пример? Пожалуйста. Глубоко верующий человек, но *каннибал*, дабы угодить своему *дедушке*, приносит в жертву кого-нибудь из нынешних журналистов, постоянно рассуждающих об извечном нравственном начале, обретающемся в каждом верующем человеке, а после с аппетитом и чувством выполненного долга поедает останки злополучного бумагомараки. И с точки зрения людоеда и его *дедушки* поступок сей – глубоко нравственный, богоугодный и весьма похвальный. А если мы спросим того же журналиста, я не думаю, что на том свете он будет также отстаивать свои прежние воззрения на этот счет.

Я, наверно, перееду,
хоть в соседях нет врагов:
относительно обеда
людоед всегда готов!

Вот потому наш герой всегда утверждал, что религиозный гуманизм слишком абстрактен. Впрочем, он вполне устраивает власть имущих, да и саму церковь, ибо никак не затрагивает основ социального неравенства и порабощения, частной собственности, эксплуатации, отчуждения и т.п. Вот только подобная абстрактно-гуманистическая позиция обрекает индивида на пассивное существование, на принятие существующего таким, каково оно есть, на уход от реальной жизни и борьбы за лучшее. Ведь церковь с её христианским миропониманием и мировоззрением, с её *антисоциальным* учением не только не может способствовать решению ни одного из вопросов, которые ставит жизнь, но даже, напротив, закрывает те пути, которые помогли бы человеку их осмыслить. Не поэтому ли так много бродит по свету неприкаянных людей с несбыточными мечтами, с неудовлетворёнными желаниями, с неосуществившимися надеждами, с нереализованными планами и с недостигнутыми целями? Жестокая реальность бросает такую неокрепшую и глуповатую душу в так называемое лоно хитрой церкви, а она (церковь, а не душа)

вновь выталкивает её из своих глубин в водоворот жестокой и развратившейся до предела современности.

«Да что же это такое?!», воскликнет мой внимательный читатель. «Я-то ждал от автора начала третьей, а, значит, заключительной части романа, совсем другого! Я-то думал, что он (автор, а не роман) снова, как и раньше, порадует меня своими размышлениями на философские темы – о бытии каком-нибудь, или (прости, русский язык!) трансцендентальности, а он вновь проезжается по *дедушке* и его ненужной придумке – церкви!»

Но что мне ответить тебе, читатель? Прав ты, прав! Ну, не люблю я эту бездельную братию, которая, кроме многовекового засерания глуповатых мозгов, так ничего и не делает ни для всего человечества, ни для одного маленького человечка в частности! Не люблю!

Выпил, закусил, потом вздохнул,
так и не наливши себе чаю:
«Не люблю раввинов я и мулл!
Кстати, и попов не привечаю!»

Вместе с тем Володя понимал, что человеческую природу не переделаешь ни молитвами, ни запретами, ни даже стихами, ни чем-либо иным. Люди всегда останутся алчной, подлой и своекорыстной скотиной. Вспомните хотя бы, как наши сограждане так охотно променяли привычный социалистический псевдопорядок на возможность спекулировать, обворовывать друг друга и наживаться за чужой счёт. Конечно, при этом по-настоящему обогатиться удалось только единицам, но ведь каждый *жлоб* в душе лелеет надежду, что именно ему когда-то волшебно повезёт. И думаете, среди них, внезапно перекрасившихся, не было так называемых верующих? Конечно, были, но куда девается та вера, когда есть возможность хапнуть жирный кусок, на который можно купить машину, построить дом, привести туда в качестве жены вчерашнюю «Мисс Семижопинск», а потом снова начать верить – на этот раз уж по-настоящему, истинно и истово!

Мир недавно усложнился,
ставши враз бугристей:
я на «Мисс Бодун» женился,
и теперь я мистер!

Не потому ли истинная поэзия, истинная литература, истинная музыка – вообще любое истинное искусство, способное хотя бы немного возвысить сознание масс, стало помехой для новых хозяев жизни? И оболваненное население, уже почти переставшее быть народом, воет от восторга, слушая слюнявые мотивчики бездарной эстрадной попсы, или роняет слёзы, наблюдая день за днем, как «плачут богатые», а вот в церковь ходить продолжает, ибо только там, за грошовую, сто раз переплавленную коричневую свечку полупьяный поп невнимательно выслушает и обязательно отпустит тебе твои грехи, ведь если не отпустит, на хрена я через неделю снова туда пойду?!

Псевдокультура, и особенно религиозная, не имеющая ничего общего с духовностью, пробуждает в людях самые примитивные, животные инстинкты. Вот только забываем мы, что однажды разбуженные, эти инстинкты овладевают человеком уже навсегда.

Я на текст «святой» не нападаю,
старый и бездарный аксакал,
лучше я стишата почитаю,
что когда-то сам и написал!

Глава 200. НЕЗАПЛАНИРОВАННЫЙ СТИХ

Перечитал сейчас автор последние две строки последней главы и понял, что чуть-чуть не обмишулился, ведь хотел он рассказать о том времени, когда вечер ещё не настал, а световой день уже явно клонился к своему завершению, догорал, но горячее марево всё ещё качалось над городом раскалённым яростным солнцем, словно гигантская *тефа́лина*. Но вместо всего этого по-глупому пообещал читателю «стишата почитать». А, впрочем, ладно. И кому же поручить такое важное дело, как не своему любимому герою Альбионычу? Да будет так.

Володя оглядел покерный коллектив и горько произнёс:

– Зарифмую я свои печали,
разложу беду на много строк,
чтобы ни в конце и не в начале
догадаться бы никто не смог,
как меня обида гложет, точит,
отравляя радость бытия,
как ни ясным днём, ни тёмной ночью
всё не утихает боль моя.
Но пройдёт и эта боль, наверно,
как писал Есенин про весну,
потому что все мы, все мы смертны,
подходя к открытому окну…

– Вона как, – расстроился опечаленный сторож, услыхав про отравление радости бытия. – Может, я схожу?

Глава 201. ЗА ПИВОМ

Из мокрой мешковины низкого неба вытряхивались последние капли *дедушкиного* энуреза. Маленький, словно пластмассовый, кузнечик, примостившись на стебельке, деловито тёр ножками крылья. После дождя двор вдруг стал пуст, как холодильник холостого инженера после трёхмесячной задержки зарплаты. В лужах шумно и радостно купались воробьи. Несмотря на прошедшие осадки, которые вроде бы и должны были немного охладить густой и горячий от игры воздух, по-прежнему стояло лето – тёплое, как байковое одеяло. Лёгкие облака плыли по яркому синему небу, иногда покусывая уже практически осеннее солнце своими мягкими, как у коровы, губами. Под палящим солнцем всё пространство Бермудского Учпучмака сейчас выглядело, как атриум[282]. Город бился в духоте, словно горячечный больной. И если бы покерный столик не стоял в тени, рак кожи можно, наверное, было бы получить минут за двадцать!

[282] В древнем Риме – главное помещение с верхним светом – прим. ист. редактора

Прежде всего, надо было основательно подготовиться к продолжению дня – как игрового, так и отдыхальческого. За пивком был послан Полтавцев – доброволец из

числа сторожей-охранников, тем более, что он сам вызвался совершить этот очередной трудовой подвиг. Правда, перед этим между спонсором и скороходом произошёл короткий диалог.

– Серёжа, хочешь, я предскажу твоё незавидное будущее на ближайшие пять минут? – предложил Кулемзин. И добавил:

– Как почетный ясновидящий второго микрорайона…

– Давай, – разрешил Афанасьич, и только после этого спохватился:

– А почему незавидное?

– Судя по положению звёзд на небосклоне, – впрямую не ответил ему знатный астролог, так как уже начал предсказание, – тебя, старичок, ожидает недальняя дорога в бывший казённый, а ныне частный дом!

Охранник посмотрел на небо, удивился тому, как писатель днём мог разглядеть там какие-то звёзды, затем перевёл взгляд на магазин и, прозрев, радостно закивал головой.

Мысль одна нас будоражит
с 9 и до 6:
звёзды нам пути покажут,
как пивка приобрести!

Как всякий неудачник, Афанасьич в глубине души был фаталистом. Когда обстоятельства сильнее тебя, остаётся только покориться и плыть по течению, не делая лишних движений и экономя силы. Даже если впереди тебя ревёт Ниагарский водопад, что толку барахаться, пытаясь предотвратить неизбежное? В конце концов, умирать всё равно когда-нибудь придётся, а если тебя это не устраивает, нечего соваться в реку – сидел бы себе на берегу и горя не знал! Все эти явно чужие мысли пронеслись в тыкве сторожа как мимолётное виденье, пока он не увидел протянутую к нему руку Кулемзина. Финансирующий мероприятие писатель вытащил очередную заначку, но, прежде чем отдать её Полтавцеву, предложил ему записать мелькнувшую мысль:

**Сколько сил и воли затрачивает
человек, чтобы иметь возможность
потакать своим слабостям!**

Скороход не спеша открыл свою знаменитую котомку, достал заветный блокнотик «Для му.мы.», послюнявил химический карандаш… и вдруг понял, что полностью забыл произнесённую мысль писателя, но не растерялся и торопливо накаракулировал: «Вот Кулемзин, он вроде бы как умный человек, но только что произнёс какую-то глупость. Была бы это умная вещь, я бы наверняка её запомнил!», после чего также не спеша убрал книжечку обратно.

– Чухай, сынок!

– Эх ты, а ещё поэт! – попенял писателю сторож. – Надо же в рифму!

– Это как? – заинтересовался Муравлёв.

– А вот так:

Чухай
мухой!

– И это, кстати, покороче будет твоего вчерашнего стиха, когда ты у меня в гостях был[283]! Помнишь?

[283] Об этом случае читайте в первом томе «Русской кочерги», в главе 199 – прим. гл. редактора

– Ещё бы, – ответил Кулемзин, но не стал спорить дальше, ведь откуда было знать необученному арифметике сторожу, что володин стих про курицу «Сел – и съел!» был на две буквы короче серёжиного «Чухай мухой!», не считая знаков препинания, о которых тот вообще никогда не слышал ни в школе, ни после неё.

Между тем нетерпеливая рука Володи жестом князя Пожарского, звавшего народ на борьбу с врагом, указала в сторону магазинчика, после чего охранник, схватив предложенную купюру, взвился с покерной скамеечки, как ракета с космодрома Плесецк, и вырвался за простор Бермудского Учпучмака – проворно, словно тренированный ниндзя. Мчался он напрямик, не обращая внимания на дворовых детей. Нежные саксаульцы, правда, вовремя сориентировались и разлетелись перед посланцем, как галки перед самолётом.

– И хлеба немного возьми, – вслед уходящему пожелал Альбионыч, видимо, решивший угостить неподалёку стоящих бомжей-клошаров. – Чёрного.

– Это не политкорректно, – тут же встрял педагог. – Серёжа, лучше принеси половинку афробуханки!

Рассуждают визави
о причинах вкусного:
«Как ты хлеб ни назови,
лучший вкус – у русского!»

Охранник ничего не понял, но решил довериться своему пролетарскому вкусу, двинув по ветерку на средней крейсерской скорости. Вернулся он действительно минут через пять, и потому пропустил некое важное событие. Во время его похода Володя решил развлечь собеседников тем, что предложил ответить на импровизированную анкету с одним-единственным вопросом: «Каково ваше отношение к гениальному писателю Кулемзину?». К анкете, как в игре «Кто хочет стать миллионером», прилагались три варианта ответов:

1. Он самый лучший писатель эпохи!
2. Я не могу жить без его книг!
3. Никто и никогда не писал лучше него!

Все ответили на вопросы правильно, кроме, разумеется, Курманбаева, который изобрёл свой собственный, четвёртый ответ:

4. Я не читал Кулемзина.

Ему дружно попеняли, а к тому времени и Полтавцев подоспел. Раздав принесённые бутылочки, он царским жестом попытался отдать сдачу спонсору, но Кулемзин благородно отказался, при этом по́ходя решив проблему ужина для вечно голодного сторожа. Охранник принял деньги с достоинством, и с тем же достоинством промолвил:

– Я и далее не исключаю расширения формата твоего финансирования!

Педагог тут же подавился не вовремя сделанным глотком, так что целую минуту ему пришлось терпеть целительные удары суровой прапорщицкой дланью по худосочной спине.

Мы живём в глубокой бездне,
но идём своим путём:
абсолютно все болезни
лечим мы одним пивком!

Выбив пыль из спины Мусаича, Батыршин сделал основательный глото́к из горлышка принесённой бутылочки, на мгновение став похожим на гипсового горниста, какими в советские (б) времена украшали пионерские лагеря, парки и цветники под окнами школ.

– Талгат, ты меня так совсем калекой сделаешь! – наконец завопил Курманбаев. – Какие же вы, военные, всё-таки садисты!

– Это ты ещё садистов не видел, – поправил его Салихдзяныч. – Хотите одну реальную историю расскажу – как раз про таких людей?

Пива было много, и поэтому возражений со стороны покерного коллектива и примкнувшего к ним живописца не было.

Глава 202. ПРО КАПИТАНА И МАЙОРА

– Ёперная армия, давно это было,– начал рассказ прапорщик. – Как-то раз у нас в части один офицер с ума сошёл.

– Ну, в принципе, ничего особенного, – отозвался Володя, – в армии так часто бывает, да и на *гражданке* случается.

При этом он почему-то посмотрел на Полтавцева, но тот его взгляда не заметил, блаженствуя со своим «жигулёвским».

– Согласен. Но здесь самый смак был в том, что сумасшедшим оказался начальник санчасти, майор.

– Мать моя партия, а что, майор с ума сойти не может? – надменно поинтересовался Нуртай.

– Не мешай, – одёрнул соседа сторож. – Мать честна́я, так что там с *дуриком*?

– Что-что, отправили его в госпиталь, как положено, то есть с капитаном-сопровождающим. По пути майор вёл себя смирно: слюнки пускал да бормотал что-то про нормы отпуска брома в одни солдатские штаны.

«Смешно, яйчики-бабайчики», оценил писатель. «Неужели Батыршин окончательно пришёл в себя?»

– Так вот, приехали они на место, зашли в приёмное отделение, и вот тут-то всё и началось!

Сопокерники навострили уши, надеясь услышать если не весёлую, то хотя бы интересную историю. И они её услышали.

О наивных персонажах,
понимающих лишь мат,
интересно жизнь расскажет –
грустно будет понимать!

– Неожиданно майор, перестав пускать слюнки, выхватил из рук сопровождающего капитана документы и как заорал: «Я вам психа привёз! Принимайте!». Увидел, что санитары сомневаются, и добавил: «Он что-то про Кремль говорил и ядерную кнопку!». Здесь все сомнения отпали. Кинулись санитары на капитана, а тот вопит, отбивается. Ну, естественно, по морде ему, да ещё и укольчик сквозь одежду – чтобы быстро и наверняка.

– Святой Малевич, не пойму, а почему они капитана скрутили? – вопросительно поднял бровь художник.

– Да потому что у майора, – торжествующе объяснил рассказчик, – эмблемы-то в петлицах медицинские, а у капитана – пушки перекрещённые! Санитары, конечно же, военному врачу поверили – свой ведь! Скрутили капитана, в палату его поместили, а майору *сопроводиловку* подписали и до части обратно довезли.

– Но там же всё знали, – не поверил Альбионыч.

– Так дело-то было поздним вечером, уже и *поверка* прошла, солдаты спать улеглись. А майор быстренько, маскируясь на местности в кустах, добежал до своего медпункта и там заперся.

– А если б заболел кто? – озаботился судьбой несчастных солдат Полтавцев.

– Так в части-то думали, что майор лечится, и поэтому санчасть целую неделю не проверяли. Всем больным сказали, что майор с катушек съехал, и поэтому, мол, выздоравливайте сами как хотите.

– А-а-а, – догадался Кулемзин, – так это дело в Красной армии было?

– Ну, да! Короче, майор по ночам совершал тайные вылазки на кухню, брал там еду и спокойно кормился, а потом принимал стакан разведённого спирта, благо дело в санчасти его было навалом, и спал до утра.

– Молодец какой, царица лесная! – похвалил догадливого майора охранник. – Псих психом, а сообразил!

Хоть напиток парфюмерный,
хоть другую ерунду, –
пусть я головой ущербный,
выпивку всегда найду!

– А что капитан? – поинтересовался Альбионыч.

– А его, как водится в таких случаях, в розыск объявили – с подозрением на дезертирство. Правда, вначале пытались выяснить что-то, в госпиталь звонили, где и узнали, что пациент из войсковой части 12040 доставлен, а вот фамилии доставленного не спросили – по причине возможного подслушивания разговора врагом. Кстати, всю нашу часть заставили трое суток прочёсывать обочину дороги между гарнизоном и госпиталем, а это добрых двадцать километров!

– А это зачем? – удивился Кулемзин.

– Так, кроме дезертирства, и вторая версия была: что выкрали капитана с сопроводительными документами на майора всё те же враги, кто разговоры не успел подслушать!

– А что сам капитан? – пожалел незадачливого военного Валера.

– Ну, пока мы по кустам шарили, ему каждый день по двойной пайке галоперидола[284] сандалили, чтобы не буянил и не выдавал себя за капитана, ведь в документах ясно было сказано, что он сумасшедший майор! Да так ему всю военную задницу искололи, что в конце лечения, когда он немного присмирел, сам ходить уже не мог.

[284] ***Антипсихотик, производное бутирофенона. В советское время активно применялся в целях карательной медицины против диссидентов – прим. мед. редактора***

– А чем дело кончилось? – нетерпеливо спросил Мусаич.

– Да тем, что майор в очередную ночь напоролся на начштаба с дежурным по КПП[285], которые, пользуясь отсутствием командира части, который лично возглавил поиски пропавшего, решили организовать пьянку на вверенном им военном объекте, и посетили солдатскую столовую как раз ночью, чтобы разжиться закуской. Заходят в столовую, включают свет, а там сидит себе сумасшедший майор да жареную картошку наворачивает!

[285] ***Контрольно-пропускной пункт – прим. воен. редактора***

– Мать честна́я, вот это ситуация! – восхитился Полтавцев.

– Кстати, дело этим не закончилось. Начштаба к нему, а тот в окно ласточкой – только его и звали! И пошла погоня! Целый час по темнякам носились, о кусты все исцарапались. А потом побежали к оружейному складу, и вот там часовой по ним стрелять начал, потому что не совсем трезвые начштаба и дежурный по КПП пароль на эту ночь забыли! Надо было *скалезию черешчатую* говорить, а они всё *фиалка* да *одуванчик* кричали, пока их чуть не убили. Тут уже вся часть проснулась, тревогу объявили, думали, что война с вероятным противником началась! В общем, смех и грех. В конце концов медика отловили, а потом ещё долго не могли капитана из госпиталя вызволить: санитары им доказывали, что тот – настоящий псих, и в доказательство его исколотую задницу показывали. А кончилось всё, как ни странно, хорошо: капитан подлечился, подал рапорт, и его быстренько комиссовали[286].

[286] ***Комиссование – процедура увольнения в запас по состоянию здоровья – прим. воен. редактора***

– Это что, комиссаром назначили, что ли? – сурово поинтересовался Курманбаев, который в армии не служил и по этой причине военных терминов не знал.

– Да-а-а, – подвёл итог рассказу Серёжа. – После галоперидола в армии лучше не служить…

Я для службы бесполезен:
зренье слабое и слух!
Комиссуют по болезни,
а меня же – по бухлу!

Глава 203. ЖЕНСКОЕ ЛЕТО

Стояла та дивная пора закатного лета, когда трава уже начинает подсыхать, на деревьях появляются первые жёлтые листочки, но воздух всё ещё пронзительно тёпел и насыщен ароматами цветов, жужжанием пчёл и пением птиц. Поздний август священнодействовал, дожигая самого́ себя. Желтизна ещё не стала душераздирающей, но в ней уже чувствовалась будущая мощь осени. Дни стояли, как на поверке, а ночи были как на выданье. Было то замечательное время, которое не очень сентиментальные русские назвали бабьим летом. Но не таков был наш герой Кулемзин, чтобы опускаться до просторечного слова *бабье*.

«Бабье лето – не по-джентльменски»,
говорил под рюмку старый кент.
«Эту по́ру называю женской,
потому что я – интеллигент!»

И вот это *женское лето* погружало всех наших героев в мякину катарсиса. В такое время страстно хочется окунуться в прохладу какого-нибудь шишкинского соснового бора либо (что ещё лучше!) в обжигающую бодростью сельскую речку. Но очнёшься от этих приятных мыслей, вздрогнешь и вспомнишь, что сидишь ты прямо в центре промышленного города с его тяжёлыми запахами разных производств и сотен тысяч автомобилей, которые, вместе со своей полезной функцией перевозки тел отцеябловчан на различные расстояния, так и норовят загадить и без того зага-женный воздух мегаполиса своими бензиновыми миазмами. И тут вспомнишь о том, что лето-то уже заканчивается, и через пять дней начинается осень, и станет совсем грустно. А как избыть эту грусть, не знает никто! А вот наши герои знали, – потому что была у них Великая Игра, потому что занимались они Великой Русской Кочергой, лучше которой нет ничего в обозримой саксаульской Ойкумене.

Альбионыч посмотрел вверх и вдруг понял нехитрую истину: всё в этом мире после обеда было тем же, что и до него, вот только в безразмерном небе проявился реактивный росчерк от пролетевшего неведомо куда самолёта, в котором напряжённо сидели какие-то неизвестные люди, которым не было никакого дела ни до наших героев, ни до романа «Русская кочерга», ни до его автора.

Встречным самолётам он сигналил,
чтобы прикрутили фитили:
ведь летел в неведомые дали.
За штурвалом в нём сидел Дали!
Здесь ему пришла на ум придумка,
и сорвался в штопор самолёт,
бросил он штурвал, схвативши рюмку –
так и прекратился тот полёт….

Но тебе-то, мой терпеливый читатель, до всего это дело есть, иначе давно бы ты уже выбросил надоевшую книжку со своего третьего этажа и включил родной телевизор, при просмотре коего так приятно не думать ни о чём. Именно этим, а конкретно *ничегонедуманием* занимались и наши герои, потихоньку попивая пивко из прохладных бутылочек, дарящих радость и вдохновение для грядущих побед. Но просто так сидеть, конечно, было скучно, и Кулемзин вспомнил, что он сам является родиной своего подсознания. «Не надо бояться безвыходных положений», подумал при этом марсианский философ, «ведь они самый сильный раздражитель, и одновременно, самый лучший повод к жизни!», после чего предложил прапорщику придумать какую-нибудь тему, а вот сочинить рассказ на неё взялся сам. Салихдзяныч, который сейчас вспоминал родное еврейское семейство, не долго думая, сделал заявку именно об этом. На что Володя откликнулся в ту же секунду, ибо знал подобных историй великое множество. Итак, вот вам

Глава 204. ИСТОРИЯ ОБ ИЗЕ ИВАНОВЕ

Изя Иванов (по прозвищу «Иванов по матери») был студентом третьего курса Плешки[287], где и готовился стать снабженцем. В советское время (б) это была престижная профессия, требующая в том числе и шустрости, которой у Изи был полный примус. Вдобавок он очень любил крутить романы с замужними дамами, в чём весьма преуспел, и что помогало ему и в быту оттачивать всё ту же шустрость.

[287] Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова – один из крупнейших экономических вузов России – прим. экон. редактора

В доме, где жила одна из его пассий, на первом этаже существовала одна весьма вредная бабка, и как-то, когда Изя был вынужден производить эвакуацию себя любимого со второго этажа (дабы не расстраивать мужа своей дамы видом постороннего полуобнажённого юноши на супружеском ложе), эта бабка подняла шум, мол, *держи вора!*, и Изя еле ушел. Причём, добровольная альгвасила[288] его запомнила, и когда Изя решил повторить визит, то, заметив его у подъезда, вновь подняла тревогу.

[288] В период испанской инквизиции существовала почётная и уважаемая должность «великий альгвасил» – судебный пристав в верховном совете инквизиции – прим. ист. редактора

Нет, наш вовсе Изя не был мстительным, он просто никогда и ничего никому не прощал, но полностью был согласен с Лучшим Другом Советских Студентов[289] по поводу того, что месть должна быть холодным блюдом. Студент решил изначально навести справки о своей противнице, но оказалось, что противная старушка была не так уж и проста. Она являлась местной бутлегершей[290], снабжая избранную хевру алкашей дешёвой, но забористой водкой. Нанятые Изей за пачку сигарет «Лайка» в день, троица местных павликов морозовых вскрыла всю бабкину систему про-изводства и продажи.

[289] И. В. Сталин – прим. ист. редактора
[290] Подпольный торговец спиртным во время действия Сухого закона в США в 1920-1930 годы.– прим. ист. редактора

Чтобы лишняя тысчонка
к портмоне была близка,
гонят люди самогонку,
правда, глядя на УК[291]!

[291] Уголовный Кодекс – прим. юр. редактора

Великий Гэтсби[292] в юбке, она создала чёткую организацию – без лишних составляющих. Специально обученный рабочий из винного отдела поставлял ей водку и пустые бутылки из пункта приёма посуды, грузчик из аптеки доставал какие-то таблетки, при добавлении которых в разбавленную водку оная била в голову покруче настоящей и, что характерно, без каких-либо побочных эффектов.

[292] Название романа американского писателя Фрэнсиса Эдвардовича Фицджеральда о неограниченном материализме и кризисе морали Америки начала XX века – прим. лит. редактора

В результате у предприимчивой старушки из двух бутылок *казёнки*, настаиваемых на лимонной цедре, получалось пять своей фирменной *лимонной.* Алкашам было объяснено, что, помимо дюжины лично знакомых бабке лиц, товар больше никому продаваться не будет, а в случае утечки она просто закроет лавочку, и купить ночью вкусной и дешёвой водки им будет больше негде. Кстати, покупатели называли старушку Баба Вася – в честь безвременно павшего в борьбе с *зелёным змием* её мужа.

Изя был, как и любой преферансист, человеком творческим, и среди его друзей по *пуле*[293] творческих личностей также хватало, поэтому вскоре им были мобилизованы вот такие силы:

[293] Пуля – положение в преферансе, когда записываются очки за сыгранные игры на взятки, а также премия за 0 взяток на распасах (если это установлено в конвенциях) – прим. гл. редактора

1. Трое ранее завербованных павликов морозовых – для отслеживания маршрута бабки и докладов по команде.
2. Друг-преферансист из «Щуки»[294] – в гриме и костюме деда Шукаря.
3. Приятели друга-преферансиста с актёрского факультета – для массовки.

[294] Московский театральный институт им. Б. В. Щукина – прим. театр. редактора

Итак, Баба Вася пошла в аптеку за таблетками, но возле неё самогонщицу перехватил какой-то дедок, попросив купить ему на десять рублей аспирину, а то жадная аптекарша больше не хочет продавать, а он *рублишку* за услугу накинет. После пятиминутного торга сошлись на полутора рублях. Вскоре дед получил свой аспирин и куда-то радостно ушкандыбал, причём, на вопросы, зачем ему столько аспирина, косноязычно оправдывался и, судя по всему, всё время врал.

Но, пока не склеил ласты,
не узнал чтоб духовник[295],
врёт старик старушке часто,
видно, с детства так привык!

[295] Так называемый духовный отец, в православной церкви обычно священник как совершитель таинства покаяния – прим. религ. редактора

Бутлегерша задумалась, и так же задумчиво медленно прошла мимо группы молодых людей, которые что-то весело обсуждали, но среди непонятных терминов типа плантация и (прости, русский язык!) сарсапарилла, она вдруг услышала знакомые слова – аспирин и цена, и обратилась за разъяснениями, после чего ей было уважительно отвечено, что аспирин изготовляется из травы сарсапарилла, но плантации её заразились короедом, и теперь новый урожай будет не раньше, чем через год. Поэтому аспирин теперь наверняка поднимется в цене раз в десять, а то и в двадцать. Кстати, незнакомое слово *сарсапарилла* прозвучало только потому, что ребята накануне запоем читали новеллы О'Генри[296].

[296] Фраза «Победа разума над сарсапариллой» звучит в рассказе О'Генри «Джефф Питерс как персональный магнат» 1908 года, когда герой прикинулся лекарем Воф-Ху для лечения мэра небольшого американского городка. Чтобы читатель хорошо понимал, о чём идёт речь, позволю себе цитату из этого рассказа:

«– Мистер мэр, – говорю я, – вам осталась лишь одна надежда. Медикаменты вам не помогут. Но существует другая сила, которая одна сто́ит всех ваших снадобий, хотя и они сто́ят недёшево.
– Какая же это сила? – спрашивает он.
– Пролегомены науки, – говорю я. – Победа разума над сарсапариллой!» – прим. лит. редактора

На недоверчивый вопрос, мол, почему аспирин белый, хотя его делают из зелёной травы, студенты ответили, что потому же, почему и молоко белое, хотя коровы питаются травой. Эта логика убила старушку напрочь. После чего Баба Вася бросилась домой, достала из тайника триста восемьдесят рублей *новыми* и рыбкой метнулась назад в аптеку, где и озадачила своего агента-грузчика закупкой аспирина на все деньги, обещав за услугу и доставку два литра её *родимой*.

Через три дня посетители местного колхозного рынка были напуганы, услышав средь бела дня волчий вой: это Баба Вася, спросившая в аптечном киоске, не подорожал ли аспирин, услышала, что нет и даже не собирается. А на продолжение опроса получила объяснение по составным ингредиентам аспирина, с которыми никакая *сарсапарилла* и рядом не лежала. Вот этим воем старушка и выразила своё горе. Впрочем, оправилась она достаточно быстро, и аспирин стала давать в нагрузку к водке, объяснив клиентуре, что он помогает от похмелья. Правда, ей пришлось повысить производство, на чём она и погорела. Участковый её наконец заметил и принял меры.

Протокольчик пустяковый
за минуту сочинён:
принял меры участковый –
сам прикончил самогон!

А Изя Иванов должен быть ей благодарен на всю оставшуюся жизнь, ибо его бывшая пассия завела себе нового любовника, с которым её застал супруг, вернувшийся из командировки на два дня раньше, и от души долбанул его по голове бутылкой шампанского! Правда, при этом случился неожиданный эффект – после удара незадачливый любовник стал хорошо складывать и умножать всякие числа, и вскоре устроился профессором математики в Институт прикладной герменевтики и пропорциональных инклюзивов.

Вот такие страшные истории подкидывает нам жизнь! А всё почему? Да потому, что у нашего народа всегда есть желания, и иногда для их реализации он такое выдумывает, что хоть так называемых святых выноси! А что такое желания вообще? А вот об этом следующая короткая глава – для таких философов жизни, как наш друг Серёнька Полтавцев.

Глава 205. О НЕИСПОЛНЕННЫХ ЖЕЛАНИЯХ

Желания насыщают нашу жизнь – даже у самого удовлетворённого человека, если он хорошо подумает, найдётся что пожелать себе ещё. Что же делать с неизжитыми желаниями? Ответ очевиден: изживать. Однако обычной человеческой жизни не хватает на то, чтобы изжить желания и даже сколь бы то ни было значительную их часть.

Что может быть печальнее, чем вид неудовлетворённого, беспокойного, запутавшегося в своих несбывшихся желаниях старика? И сколько их было, есть и будет – живущих и умирающих несчастными, не знающих покоя людей? Сколько понадобится им ещё тел и жизней, чтобы загасить этот пожирающий их изнутри огонь? Выход может быть только один – это накопление мудрости. Нелёгкая задача! Однако другого пути нет ни для кого. Путь – один для всех. Кто-то ползёт по нему медленно, как улитка. Но есть и такие, кто мчится вперёд, словно ракета!

Тешусь мыслью я алмазною:
путь один, да ноги разные!

Мудрый идёт быстро: он знает, что нельзя терять время этой драгоценной жизни и использует каждую секунду и каждую ситуацию для продвижения вперёд. Но это только для тех, кто хочет этого. Ведь и они, умудрённые лишними знаниями, хорошо понимают, что эти знания умрут вместе с ним.

Что же делать? Попробуйте найти ответ вот в этих словах итальянского поэта и писателя Ипполито Джузепповича Ньево:

Кто ничего не желает,
тот обладет всем...

Глава 206. ЛЯЗГ МЕЧЕЙ И ТРЕСК ДОСПЕХОВ

Но – сказки сказками, повести повестями, истории историями, а играть в русскую кочергу надо было дальше. Привычно мелькали карты, ложась на покерный столик в определённом порядке, тихо стонала *раскладка* под пером писателя, принимая на свою страницу все радости побед и горечи поражений. Дым покерных пожарищ стелился над территорией Бермудского Учпучмака. Там и сям слышались лязг мечей, треск доспехов и свист пуль над головами сопокерников, хотя это, конечно, большое преувеличение неуёмной фантазии автора. Всё происходило значительно тише, и если раздавался какой-то звук во время игры, то это были лишь реплики наших героев – примерно вот такие.

– Серёжа, ходи! – поторопил товарища писатель. – Яйчики-бабайчики, ты что, картину Репина «Шишкин в сосновом лесу» вспоминаешь?

– Мать моя партия, да он просто немного устал, – глядя на сторожа, неожиданно пожалел Полтавцева педагог.

– Да уж, – тяжело вздохнул Афанасьич. – Весь день не спишь, всю ночь не ешь, – конечно, устаёшь!

Словно в опереттe мыльной
поглощаю коноплю –
устаю от жизни сильно:
то поем я, то посплю!

В этот момент Володя был похож на фокусника в цирке, торжествующе достающего из шляпы заранее подложенных туда голубей, и вдруг обнаружившего там ещё и птеродактиля, – он хорошо видел, что пустое фантазирование Сергея создавало лишь видимость поиска выхода, и не стал повторно торопить его – он

знал эту нервную манеру осмысливать неожиданные сведения, а неожиданными для сто-рожа они были при каждом роббере (охранник как-то признался, что в начале учёбы долго удивлялся, почему это к нему всё время приходят *разные* карты). От всех прочих бывший текстильщик отличался именно тем, что всегда в подобных случаях произносил нечто неожиданное, находящееся как бы в стороне от здравого смысла, – на обочине той дороги, по которой устремляется большинство, полагая по самоуверенности, что это и есть кратчайший путь к истине.

Проверяя какую-то свою, только что мелькнувшую догадку, Полтавцев неожиданно пошёл старшим джокером, сказав при этом страшную для остальных короткую фразу:

– По козырям, царица лесная!

Страшной частью для противников в этой фразе была, конечно, не неведомая никому предводительница леса, а именно предложение отдать за бесплатно свои лучшие козыри.

– Ого, – восхитился Альбионыч, – прямо-таки Седьмая Коалиционная война!

Нуртай завистливо посмотрел на знатока истории, а простоватый Серёжа и вовсе сразил его метким замечанием:

– Это когда при Ватерлоо такая байда случилась?

«Святой Малевич!», подумал в эту секунду Муравлёв. «А я-то всегда думал, что он просто дурак!»

– Можно подумать, ты знаешь, что такое Ватерлоо, – скривил нижнюю губу Курманбаев.

Афанасьич от нанесённого оскорбления впал в незапланированный ступор, и марсианин решил помочь страдальцу. На это у него была только одна причина: в таких ситуациях сторож частенько бросал игру к *иблисовой* матери и уходил домой, хотя и возвращался через какое-то время, вскоре позабыв про обиду.

Я запью обиду водкой,
и заем её яйцом,
потому что очень кротким
вырос с детства – не бойцом…

– По-видимому, Нуртай, ты принадлежишь к тем индивидуумам, которые всегда правы, – попенял педагогу Володя. – Впрочем, говорят, что это (прости, русский язык!) прерогатива весьма ограниченных людей, но ты, скорее всего, являешься крайне неприятным исключением.

Цель была достигнута: сторож, во-первых, тут же забыл обиду, и, во-вторых, внимательно прослушав спич умного, ничего не понял, но на всякий случай записал понравившееся ему слово *рыгатива* в знаменитую книжечку «Для му.мы.», чтобы блеснуть им, когда подвернётся случай, правда, что оно означает, он так и не узнал никогда.

Мусаич, который почувствовал в словах Кулемзина обиду, решил несколько развеяться: он встал с покерной скамеечки, обошёл её несколько раз кругом, по дороге заглянув в карты охранника и музыканта, а затем сделал несколько бодрых приседаний, приборматывая при этом что-то вроде того, что после обеда для здоровья полезны физические упражнения, и только потом сел обратно.

Без окон, без дверей
полон столик игроков…

Игра продолжилась. Увидев, что серёжин ход принёс значительные разрушения в стане противников, писатель тут же нанёс ещё один сильный удар младшим джокером, предложив вновь скинуться по старшим козырям. Он колебался недолго, иначе бес любопытства, которого Володя постоянно заковывал в цепи надуманного безразличия и сдержанности, в конце концов мог просто вырваться на непредсказуемую свободу. Успех превзошёл его ожидания – после такого хода ни у кого из игроков не осталось козырей вообще, а у него было ещё целых два, и пусть это были всего лишь четвёрка и девятка, но они точно били любые крупные карты сопокерников.

– У Вовы ум,
как Pentium!

– тут же в рифму похвалил себя писатель.

– А, может, переиграем этот роббер? – неожиданно предложил глупую идею прапорщик – после того, как увидел свои карты. В ожидании ответа он принялся грызть фильтр сигареты, как это иногда делают нервничающие дамочки, совершенно не умеющие правильно курить.

– Извини, Талгат, слово не птеродактиль, вылетит – не подстрелишь! – тут же придумал новую пословицу саксаульский афоризматик, а про себя подумал: «Ходят легенды, что и против лома есть один тактический приём!»

– Кто нас теперь остановит, как выразился покойный писатель Пикуль о линейном корабле «Тирпиц»! – подумал вслух Володя. От этих ужасных слов и особенно неизвестного никому *тирпица* всем стало немного страшновато, потому и концовка партии оказалась стремительной и беспощадной, сродни штурму Зимнего в чёрно-белой интерпретации Эйзенштейна.

– Да-а-а, – протянул Полтавцев. – Я так до конца жизни рискую никогда не испытать радость победоносного конца.

– Где именно? – строго спросил его писатель, но, не дождавшись ответа, утешил страдальца:

– Ничего, Серёжа, когда-нибудь и на нашей улице Жубанова перевернётся грузовик с пряниками…

Путь становится капризней,
как весенняя вода:
повезёт когда-то в жизни –
скорый поезд в никуда!

– Правда? – просиял сторож. – А когда точно? Страсть как пряников хочется!

– Одно из двух: или скоро или не скоро – вот такие варианты.

– Хреновые у тебя варианты какие-то, – озаботился Афанасьич.

– А жизнь вообще вариантна, – просто сообщил Володя. – И самый простой пример такой вариантности – это её (прости, русский язык!) дуальность.

– Как это? – забеспокоился охранник. – Под дулом, что ли, ходить?

– Нет, дуальность – это нечто другое, что предполагает всего два развития события: например, орёл или решка, день или ночь, белое или чёрное, с правой ноги встану или с левой.

«Вона как», обрадовался Полтавцев и тут же записал в заветный блокнотик «Для му.мы.»: «Сегодня Кулемзин открыл мне страшную тайну: когда я встаю с

какой-нибудь ноги, то наступают два варианта – или встану, или не встану!». После этого его могучую тыкву посетила ещё одна мысль: «Какой я всё-таки умный! А не замахнуться ли мне, как моему другу Кулемзину, на какую-нибудь философскую книжку? Например, «Дуальность вариантности как предмет континуума»…

Глава 207. ЛЯЗГ МЕЧЕЙ И ТРЕСК ДОСПЕХОВ (продолжение)

Но здесь, как это уже нередко случалось и в игре наших героев, и в романе вообще, случилась небольшая заминка, нанадолго прервавшая ход событий. На пространстве Бермудского Учпучмака неожиданно показалась парочка – уже знакомая нашему читателю кошечка Несси и её, видимо, новый друг – какой-то облезлый пришлый кот, от которого шёл запах, как от носков командированного. Скорее всего, сеанс любви между ними уже случился, потому что Несси счастливо улыбалась, а вот коту этого было мало, и он истошно вопил, призывая новую подружку к продолжению игрищ. Пришлый кот был чёрным, как покерные замыслы Нуртая, и Володя быстро проговорил про себя короткое марсианское заклинание *кръъчшъаахъ*, после чего котяра мгновенно оказался не во втором микрорайоне, а в третьем.

Он в общем обычный блудливый кот,
она – безрассудно-свободная кошка.
Ему бы понять, что она его ждёт,
а ей – что он любит, и не понарошку.
Он не аморален, хотя и не свят,
она не невинна, но не безнадёжна.
Её приручить он, пожалуй бы, рад,
но в ней много *нет*, и совсем мало *можно*.
В её безрассудной кошачьей судьбе
нет ни постоянства, ни веры, ни верности:
так все восемь жизней – сама по себе,
но в этой, последней, ей хочется нежности.
Он кот, каких мало, она это знает,
и он для неё идеально подходит.
И тут бы не спорить… Но так не бывает:
кошачья любовь вместе с мартом проходит!

– Эх ты, глупая! – пожалел брошенную кошечку Полтавцев и даже сделать неудачную попытку погладить её.

«Если ты такой умный, то почему не мяукаешь?», в ответ подумала Несси, после чего обошла покерный столик, нашла место под ногами Володи, легла, зажмурилась и тут же задремала под проникающим солнцем. Кулемзин с завистью поглядел на неё и подумал: «Дóбро ей! Да и всем нашим животным тоже… Нет у них в жизни ни кризисов, ни безработицы, никто не нуждается в повышении зарплаты, а потом и в пенсии. Они не думают, что царь-батюшка, или Ленин, или Горбачёв, или Назарбаксов изменят их жизнь к лучшему. Они не заботятся ни о своей старости, ни о взрослых детях, им не нужно устраиваться на работу или идти на субботник. Их жизнь проста и естественна. Вот он – Эдем, из которого был изгнан Адам, когда обрёл так называемый разум, который свёл его с неба на землю, сделав дурнее любого зверя…»

Хорошие, конечно, мысли, но игру надо было продолжать. Альбиоыч единственный из всей хевры знал, что уже наступила третья, а, значит, заключительная часть этого тома, и потому торопился: как это бывало не раз, ближе к вечеру темп

игры терялся в пучине безудержного алкоголизма компании, и значит надо успеть сыграть ещё максимальное количество партий, чтобы было что вспомнить поздним вечером и даже ночью, чтобы было что записать на странички великого романа «Русская кочерга», чтобы было что почитать потом тебе, мой читатель.

– Ну, как говорили герои гражданской войны, по коням! – весело пригласил к игре писатель.

«Откуда он знает?!», страшно поразился Серёжа умению Кулемзина исторически проникать в далёкое прошлое.

Интересным в этой партии было то, что почти вся она прошла под знаком непримиримой борьбы между писателем и педагогом. Пёрло Курманбаеву фантастически, хотя *иблиса* марсианский взор Володи рядом с ним не замечал. «Да чтоб у тебя пламенный мотор сдох!», с беззвучной яростью посылая Нуртая в туманные перспективы его неправедной жизни, в сердцах пожелал Альбионыч, но не вслух, как следует из этого предложения в кавычках, а исключительно мысленно. А вслух прозвучала совсем другая фраза:

– Да ты, Нуртай, просто витязь в овечьей шкуре какой-то!

Я косяк такой не скрою:
взволновался весь колхоз –
притворился волк овцою,
только выдал его хвост!

И вот наконец перелом в игре наступил. Даже не поднимая глаз, гуру уже знал, что карты на сей раз к Нуртаю пришли неважные, потому что после сданного роббера на 11 картах услышал он тяжёлый, словно из перегревшегося самовара, вздох. Поэтому три хода Володи были молниеносными, как удары самурайского меча о живот сёгуна[297] в эпоху Мейдзи[298].

[297] Сёгунами в японской истории назывались люди, которые управляли Японией (в отличие от императорского двора в Киото) бóльшую часть времени с 1192 года до эпохи Мэйдзи – прим. ист. редактора

[298] События 1867-1868 годов по свержению сёгуната и реставрации монархии – прим. ист. редактора

– Что, Нуртай, не сходится жизнь с мечтой? – с ласковой улыбкой пинтересовался он у Мусаича.

– Да я просто хотел проверить одну игровую теорию, – пожаловался тот. – Из любопытства…

– Из светлого мальчишеского любопытства? – уточнил Кулемзин, после чего все немного посмеялись над страдальцем, а Валера, который участия в игре не принимал, в который раз подумал, что его нервы к пенсии будут намного крепче, чем у этих странных людей, которых Сука-судьба послал ему в друзья.

Но вот что хорошо (или, наоборот, плохо) в русском покере, так это то, что ситуация, как на любом поле боя, меняется здесь ежеминутно – в зависимости от многих причин: от пришедших карт, от умения игроков ими правильно распорядиться, от количества выпитого с утра пива, от личных предпочтений и дружеских расположений, от… от… от… Но, может, именно поэтому и была она так интересна вначале нашим игрокам, потом писателю, пишущему эту книгу, а потом и тебе, мой многотерпеливый читатель?

Вот и сейчас картина поменялась на прямо противоположную – теперь все хорошие и сильные карты пришли именно к Курманбаеву, причём, распорядился он ими не для того, чтобы самому исправить своё пошатнувшееся игровое положение, а лишь для того, чтобы максимально напакостить всем, и, в первую очередь, своему заклятому другу Кулемзину. В результате такой игры поднялся он ненамного, потому что вместо заявленных трёх взяток пригрёб себе аж девять, а, значит, и перебрал те самые 9 очков, но вот остальные пострадали серьёзнее: сторож и военный музыкант пролетели на три взятки каждый, а писатель – на две, с трудом удерживая баланс на приемлемом уровне.

Ждали мы врага в засаде,
гладя наш боезапас,
но всегда найдётся в стаде
тот, кто стадо всё предаст!

«Да пошлёт тебя *иблис* в застенки НКВД!», вновь мысленно пожелал Володя Мусаичу.

– Нуртай, завтра же пойду покупать шляпу, – объявил решение писатель.

– Зачем? – изумился педагог.

– Чтобы снимать её время от времени – перед твоей подлостью!

– Да я просто испугался, что не успею взять свои, – нелепо оправдывался педагог, но все знали, что он врёт.

– Яйчики-бабайчики, неужели испугался? – переспросил Кулемзин. – Так у тебя что, болезнь генерала Власова? Или от страха просто сфинктер заклинило?

Потом он точно сосчитал пульс, и не без удовольствия констатировал, что всё ещё находится в хорошей физической и химической спортивной форме – 76 ударов в минуту после скоротечной схватки с тремя противниками удовлетворили бы самого придирчивого тренера.

И здесь неискреннего педагога понесло:

– Да-да, мать моя партия, вы правы, мои друзья…

После сло́ва *друзья* трубача подкинуло, словно катапультой, придуманной сиракузским тираном Дионисием I[299], и кусты, имевшие несчастье произрастать вблизи покерного столика, были вновь испоганены изливающимися проклятиями в честь Курманбаева.

[299] Так утверждал древнегреческий историк Диодор Сицилийский в своей «Исторической библиотеке», но наш герой Кулемзин точно знал, что катапульту на самом деле изобрели вообще не на Земле, а на его родном Марсе – во время войны с тпрутпрунаками из Большой туманности Ориона – прим. автора

– …я повёл себя нехорошо. Впредь обещаю, что своим поведением больше не огорчу вас никогда!

Надо ли говорить, что такой конформизм был ещё противнее, чем явная пропадлючесть Нуртая.

Глава 208. О КОНФОРМИЗМЕ И КОНФОРМИСТАХ (Хронотоп № 13)

Вместе с пришедшем на память слове *конформизм* Володя вспомнил, как ещё в начале 70-х годов случайно залетел в кинотеатр «Целинный» с парой бутылок пи-

ва и какой-то очередной подружкой, где и посмотрел слабенький итальянский фильм «Конформист» Бернардо Аттилиоевича Бертолуччи, и ещё тогда подумал о том, что режиссёр, который на Западе считается чуть ли не великим, ничего не понимает если не в жизни, то в конформизме уж точно – живи он в СССР (б), то увидел бы конформизм[300] настоящий, тот, о котором и трактует философский словарь. В фильме Жан-Луи Шарлевич Трентиньян, играющий главного героя, совершенно напрасно назван конформистом: ну, спит то с одной, то с другой, ну, сначала мутит с фашистами, а потом с антифашистами, но только после того, как видит одного фашиста, которого, как он думал, убил ещё в молодости, в гомосексуальной сценке, то он решителен (по глупой молодости), то испуган и пассивен (видимо, поумнев к зрелому возрасту). И в чём здесь конформизм?! Да так живут 99 процентов человекомуравьёв, копошащихся на нашем кривоватом шарике.

[300] От позднелат. conformis – подобный, сообразный. Вот как трактует это слово Философский энциклопедический словарь: «Конформизм – морально-политическое и морально-психологическое понятие, обозначающее приспособленчество, пассивное принятие существующего социального порядка» (М., Политиздат, 1967)

Вот Курманбаев, например, был конформистом настоящим (впрочем, как и любой советский (б) коммунист, колеблющийся не от настроения тёщи, а исключительно вместе с генеральной линией партии). Пóмните: «Слава Сталину!» до 1953 года, а уже через три года «нашло своё выражение игнорирование со стороны Сталина норм партийной жизни, попрание им ленинского принципа коллективности партийного руководства»[301]?

[301] Из доклада Никиты Сергеича Кукурузвельта «О культе личности и его последствиях» XX съезду КПСС 25 февраля 1956 года – прим. автора

И уже тогда, впечатлённый не фильмом Бертолуччи, а ужасающей разрухой в сортире кинотеатра, Володя по прибытии домой тут же наваял детский стишок о *настоящем* конформизме:

Перед партией прогнулся,
перед богом ли, говном,

там фальшиво улыбнулся,
здесь подумал не о том,
приспособился отважно,
смимикрировал не раз:
конформизм – удел бумажных
никому не нужных фраз.
Всё, что есть в приспособленце –
страх и подлость за кустом.
Он не станет ополченцем
не сейчас, и ни потом.
Не проси его стараться
прыгнуть вверх – всегда он вниз!
«Всею жизнью прогибаться»
конфирмиста есть девиз…

Поэтому ещё тогда Альбионыч придумал, а сегодня, глядя на педагога, вспомнил свой гениальный неологизм того времени: *приспособленинец*. И, конечно, такое слово даже во сне не могло присниться не только какому-то Бертолуччи, но даже самому́ великому и ужасному Альфреду Джозефовичу Хичкоку[302], который просто пугал кинозрителей, а вот Сталин, например, *валил* их сотнями тысяч!

[302] О его общении с советскими коммунистами читай в первом томе романа «Русская кочерга», главы 109-110 – прим. автора

Глава 209. ЛЯЗГ МЕЧЕЙ И ТРЕСК ДОСПЕХОВ (окончание)

– Вот игра, мать честна́я, – начал философский разговор Серёжа.

– Не могу не согласиться, – двойным отрицанием согласился писатель. – И что из этого следует?

– Да я вот думаю: почему нет такого научного правила, который, если выучил наизусть, то будешь всё время выигрывать?

– Да как же так? – изумился Курманбаев. – Ведь игра в том-то и заключается, что кому как повезёт, тот так и сыграет! При чём здесь какая-то наука?

– Не скажи, Нуртай, – поправил его Володя. – Я вот, например, с детства знаю, что именно в картах наука умеет много гитик[303]!

[303] «Наука умеет много гитик» – крылатая фраза, изначально предназначенная для демонстрации фокуса с двадцатью игральными картами. Первое документально подтверждённое употребление этой фразы относится к 1891 году. В составе данного псевдовысказывания каждая буква не случайно повторяется дважды: оказывается, выражение составляет основу для карточного фокуса – прим. автора

– Кстати, о науке. Йодистые гитики, а я ведь однажды от науки даже пострадал! – признался военный музыкант.

– Как это? – заинтересовался художник, а Полтавцев даже немедленно вытащил знаменитую на весь Бермудский Учпучмак книжечку «Для му.мы.».

– Да стоял я как-то перед майскими праздниками в кассу одного супермаркета, и тут вспомнил, как накануне прочитал в научном журнале, что, по данным группы саксаульских учёных, 38,3 процента мужчин получают травмы при расстёгивании женских лифчиков.

«38,3 процента – это ведь чуть больше трети организма», подумал тянущийся к знаниям сторож. «Ну, положим, две руки – это как раз процентов 20. А остальные 18,3?! А-а-а, понял – это же голова!». Он быстро открыл заветную книжечку и накаракулировал: «Только что мой друг Талгат открыл мне истину про мужскую голову и женские сиськи! Думаю, что со временем он станет таким же умным, как мой друг Володя. А сейчас пень пнём!».

Он из сильных, а не слабых,
славянин, а не таджик, –
тот, кто думает о бабах,
тот, конечно же, мужик!

Между тем трубач продолжал свой скорбный рассказ:

– Так вот, думаю я сам себе: а какую же травму можно получить при этом? Так и эдак прикинул, а потом понял: во-первых, можно растянуть связки на руке, во-вторых, просто поцарапаться о застёжку, если она не пластмассовая, и, в-третьих, можно увлечься этим процессом и на какое-то время забыть о пиве – а ведь это уже серьёзная психологическая травма головы!

– Эт’ точно, – подтвердил сторож. – У меня как Зуля в гости приходит, так сразу же голова психическая становится – думает, наверное, что теперь придётся пивом с ней делиться!

– Святой Малевич, не отвлекай, Серёжа! – попенял Афанасьичу Валера. – Талгат, так что там дальше про лифчик?

– А дальше я решил эту научную теорию учёных проверить.

– Надеюсь, эмпирическим путём? – заинтересованно спросил Курманбаев.

– Конечно, спиритическим, – подтвердил Салихдзяныч. – Каким же ещё?! Взял да и расстегнул лифчик у стоящей впереди девушки, прямо через кофточку.

– И? – поинтересовался писатель.

– И оказалось, что учёные были правы!

– Что, связки потянул? – наивно предположил педагог.

– Ага, как же! Получил прямо по морде банкой тушёнки!

Охранник вновь открыл заветный блокнотик и приписал строчку к только что записанному: «Сегодня великий день – я узнал, что самый опасный праздник в нашей родине – это 1 Мая!»

Я и в церкви, и в мечети
выпил 40 раз подряд:
Первомай решил отметить –
до 7 ноября!

Но на этом Афанасьич, с недавних пор обретший пытливый ум первооткрывателя, не успокоился. Взгляд его упал на одну карту – самую главную в той игре, которой и посвящён наш великий роман.

– Володя, мать честна́я, а почему покер – именно семёрка? – поинтересовался он.

– Да, мать моя партия, и почему именно пиковая? – дополнил вопрос Мусаич.

– Ну, это-то как раз понятно, – тут же перебил его сторож. И так уверенно Серёжа это произнёс, что Нуртай скукожился и заснеснялся своего невежества, а автор, чтобы не компрометировать своего главного героя, тоже вынужден отказаться от объяснения. Так что, мой дорогой читатель, оставайся и ты в неведении насчёт пиковой масти, пока не встретишь на жизненном пути Полтавцева и не спросишь его, а он, может быть, тебе этот вопрос и прояснит. А вот насчёт семёрки, конечно, расскажу…

Глава 210. О СЕМЁРКЕ И СТРАСТЯХ ВОКРУГ НЕЁ

– Как известно, яйчики-бабайчики, покер в картах, или *кочерга*, – это семёрка пикей, – начал свой короткий рассказ Кулемзин.

Охранник тут же взял в руки карту и, разглядев её со всех сторон, радостно подтвердил:

– Точно!

– Но знаете ли вы, мои маленькие друзья, почему некоторые люди пишут эту семёрку с горизонтальной чёрточкой посередине, хотя и на пишущих машинках

прошлого века, и на компьютерной клавиатуре века нынешнего используется семёрка обычная – без чёрточки?

Все присутствующие дружно помотали головой, а художник Муравлёв, вовремя вспомнивший о своём высшем образовании, даже нарисовал веточкой в пыли вот такую толстую цифру:

– Спасибо, старичок, – поблагодарил его Володя за иллюстрацию, после чего продолжил рассказ:

– А история, между тем, очень проста. Когда некий Моисей, о котором так охотно пишут в библии, сошёл на землю с горы Синай, то стал зачитывать своему народу, то есть древним евреям, десять заповедей *дедушкиных*. Но так как древние евреи ничем не отличались от евреев нынешних, то есть были вечно чем-то недовольны, то, когда пророк дошёл до седьмой заповеди, а именно «Не прелюбодействуй», народ стал хором стал его просить:

– Мойша, зачеркни, пожалуйста, семёрку, зачеркни!

Все немного посмеялись рассказанному, и только Афанасьич, почесав голову, всё-таки спросил:

– Так он что, её в конце концов зачеркнул или нет? А то у тебя рассказ какой-то незавершённый.

– Да в том-то и дело, что зачеркнул, – ещё раз объяснил писатель и вновь показал сторожу валерин рисунок в пыли. – А чтобы об этой истории не забывали, было решено именно эту семёрку и сделать главной в нашей игре…

Почитай в любом уставе,
сердце мыслью обогрей:
всяк народ семёрку славит –
русский, чукча и еврей!

Глава 211. О КОГНИТИВНОМ ДИССОНАНСЕ

– Серёжа, помоги, – зашипел педагог.

– Никак не могу, Нуртай, – твёрдо ответил Афанасьич. – Auxilio hostibus opem diaboli.

«Помогая врагу, ты помогаешь *иблису*», изумлённо перевел Володя с латыни. «Интересно, откуда это он нахватался такой псевдомудрости?»

– Мать моя партия, а, может, всё-таки? – заканючил Мусаич.

– Нет, – ещё твёрже ответил сторож. – Если я это сделаю, когнитивный диссонанс моей души вступит в явное противоречие с моим астральным физическим телом, а это, знаешь ли, чревато нехорошими заболеваниями.

– Что это ещё за каритигный асанист? – пробормотал прапорщик, остро завидовавший Полтавцеву, который с каждым днём набирался от писателя всё большей мудрости.

– Надеюсь, вы, старший прапорщик, понимаете, – ответил Володя, – что такую мудрёную штуку, как когнитивный диссонанс, не мог придумать так называемый простой человек.

На умных порой смотрю косо,
всегда вспоминая про *мать*.
Простой человек – не философ:
откуда ему Канта знать?

– Конечно, понимаю, – закивал головой трубач.

– Поэтому, поднатужившись, его однажды придумал некий американский психолог Леон Алексович Фестингер, кстати, большой специалист в области психологии регуляции мышления. Яйчики-бабайчики, надеюсь, ты понимаешь смысл произносимых мной слов?

Военный снова важно закивал головой.

– Так вот он утверждал, что каждый психолог – это потенциальный псих, поэтому теории, им созданные, во-первых, не понимает никто, а, во-вторых, они никому не нужны. Но, чтобы тебе всё-таки было понятно это непростое явление, то этот КД наступает тогда, когда люди стремятся к внутреннему равновесию между получаемой информацией и личными мотивами их поведения.

– Как это? – подпрыгнул на покерной скамеечке художник, очень любивший не игру в карты, а вот такие *посторонние* разговоры.

– Хорошо, – не стал чиниться писатель. – Поясню на примере. А так как я являюсь крупнейшим поэтом двух веков, то проще всего мне объясниться поэтически. Итак, стих под этим же названием «Когнитивный диссонанс»:

Жил всегда я безуставно,
как какой-то папуас,
но, по жизни кривоглаз,
ощутил в себе недавно
когнитивный диссонанс!

Я, не Каин и не Авель,
диссонансом вдруг пророс,
словно мёдом стал навоз.
«Это что?», задаст читатель
немудрёный свой вопрос.

«Мне газеты как обои,
а духи́ как хлорофос –
вот такой, друзья, гипноз:
конфликтую сам с собою
в плане вер, идей и грёз!

Словно мозг свой размагнитя
и нарушив резонанс,
иногда впадаю в транс…» –

так пытался объяснить я
когнитивный диссонанс.

Он внутри меня немало
потоптался, как бугай,
мозг рубя, как самурай,
но жена, «Смелей», сказала,
«тараканов изгоняй!»

Очень умная попалась
мне жена – как вся страна,
дивной мудростью полна!
«Я уже обхохоталась»,
так сказала мне жена.

Приготовив к мантам тесто,
говорила мне: «Балда!
Я ж была тобой горда!
Тараканам в тыкве места
не должно быть навсегда!»

Те слова, как бриллианты,
завершают мой рассказ:
ощутил в себе баланс!
И уселись есть мы манты…
Когнитивный диссонанс!

– Ёперная философия, вот теперь всё понятно! – чуть не заплясал от радости музыкант. – Мог бы сразу с мант и начать – давно бы всё прояснилось!

Глава 212. О МОБИЛЬНИКЕ

Наверное, ты, читатель, заметил, как часто прерывается игра наших героев – то пришествием каких-то новых и старых персонажей на территорию Бермудского Учпучмака, то походами за пивом – для лучшего понимания нюансов *русской кочерги*, а то и просто какими-то посторонними отвлечениями типа обязательности ответа на прозвучавший звонок мобильного телефона писателя. Вот и сейчас громко затренькавший звонок прервал игру на очень важном этапе – средней *тёмной*, которая во многом определяла дальнейшее развития сражения.

– Володя, сотовый, царица лесная! – заорал Полтавцев, видимо, к этому времени решив, что писатель родился уже полностью глухим. И, кстати, был не прав, но не в плане своего нелепого предположения, а в плане того, что зазвонил именно сотовый. Кулемзин уже как-то обьяснял Афанасьичу, что телефон не может быть сотовым – сотовой бывает только связь. И вот почему.

Вся территория зоны, где и преобладает сотовая связь, делится на соты (как у пчёл), то есть другими словами – на шестиугольники. В центре такого шестиугольника находится базовая станция, которая и передаёт сигнал на другую станцию, в которой находится наш абонент. И всё же, почему именно шестиугольник, а не другая геометрическая фигура? А ответ на этот вопрос тоже прост: если бы это был квадрат, то были бы разные расстояния, причём, очень заметные, и тогда была бы

лишняя нагрузка на базу. А если бы это был круг, то было бы много так называемых *мёртвых зон*, а это тоже плохо для связи, ведь абонент был бы часто недоступен.

Выбор интеллектуален,
словно золотая нить:
пчёлы соты нам отдали,
чтобы правильно звонить!

Все эти ненужные подробности промелькнули в голове нашего героя мгновенно, после чего он нажал на зелёную кнопочку и произнёс в маленькую мембрану душевным голосом:

– Здравствуйте, это акционерное общество «Поросячьи бега»! На кого будете ставить – на Фунтика или на Шпинделя?

Талгат с охранником прижались к мобильнику с двух сторон и перестали дышать. Со стороны можно было подумать, что это парочка влюблённых меломанов слушает любимый хит, пользуясь одним наушником.

– Чего?! – раздался слишком громкий голос из мембраны. – А это разве не чебуречная «Много мяса»?

Прапорщик и Полтавцев отпрянули от аппарата, как от слишком горячей печки.

– Для того чтобы попасть в чебуречную, – ещё более душевно ответил марсианин, – вам надо вначале позвонить по номеру 123-456-789, где вам будет предложено пройти несложный тест по знанию Гражданского кодекса Республики Саксаулия! – после чего отключил аппаратик.

Изучай пакет бумажный,
кодекс – это не пустяк:
знать законы должен каждый,
чтобы не попасть впросак!

– А мобильный – это что? – выдавил из себя военный и запил вопрос хорошим глотком любимого «Маршала».

– А мобильный – это, как и научили нас древние римляне, просто передвижной или, если хотите, переносной телефон.

– Эх, мать, кочерга, ёкарные семечки! – решил развить тему сторож, причём, попытался сделать это несколько поэтически, но, как уже заметил читатель, не совсем удачно. – Ты бы, Володя, рассказал, чтó это вообще за штука такая, а то все говорят: телефон-телефон, а дырок-то в нём нет, чтобы эту штуку крутить! Я вот у себя дома, пока эту штуку не покручу, никуда дозвониться не могу!

Альбионыч на всякий случай оглядел свой телефончик, но *эту штуку* тоже не обнаружил, правда, поняв, наконец, что сторож имел в виду номеронаборник.

– Действительно, недоработка, – тихо пробормотал он, а затем начал нехитрую лекцию:

– Итак, яйчики-бабайчики, перед вами, мои маленькие друзья, мобильный телефон! Валера, не спи! Талгат, толкни пришельца! Да не Нуртая! И не Серёжу! И, вообще, просыпайтесь все, иначе заря технического прогресса так и не коснётся вас своим нежным радиолучом!

Сопокерники тут же заменили карты на пивные бутылочки и приготовились внимать.

– Что такое мобильный телефон? – возвысил голос Кулемзин. – Ответ на этот вопрос чрезвычайно прост: любой мобильный телефон является сложнейшим электротехническим устройством, состоящим из несколько миллионов транзисторов, резисторов, проводочков, мулечек, примочек и хохмочек, бóльшая часть которых не работает.

В голове одно расстройство,
особливо при луне:
очень сложное устройство
не даёт покоя мне!

– Да это-то как раз понятно! – степенно произнёс охранник. – А для чего он вообще? Мать честна́я, звонить, что ли? – после чего зашёлся глуповатым смехом.

– Конечно, нет, – открестился от такой возможности писатель. – Основным предназначением этого не слишком миниатюрного[304] аппарата является придание его владельцу так называемых *понтов*. Некоторые модели способны понтоваться как совместно с владельцем, так и в автономном режиме, выдавая в среднем до 20 миллипонтов в минуту – в сухом проветриваемом помещении. При этом не рекомендуется понтоваться в одиночных камерах, туалетных кабинках, в горах или в лесу, а также во время пожаров и других стихийных бедствий, поскольку понтоваться будет не перед кем, кроме того, напрасно понтующемуся могут набить морду.

[304] Напоминаю читателю, что описываемые в романе «Русская кочерга» события происходили в 2003 году, когда мобильные телефоны из-за своей слишком дорогой цены были ещё весьма крупной редкостью – прим. автора

«Хорошо, что у меня пока нет так такого телефона», подумал живописец, «а то бы давно уже в морду получил».

– Понтование – это сложный и ответственный процесс, – продолжил обучение Володя, – требующий от участника соблюдения определённых правил. Любой мобильный аппарат предназначен для использования в наиболее шумных и максимально подходящих для этого местах: в дискотеках возле колонок, в ресторанах ближе к оркестру, на митингах возле трибуны с микрофоном, в переполненной сауне, на концерте популярной певицы и так далее. Кстати, для повышения уровня понта можно потребовать от участников вышеописанных мероприятий на время телефонных переговоров вести себя потише. И главное: содержание разговора понтующегося с абонентом должно быть слышно каждому присутствующему при

этом выдающемся событии в радиусе 20 метров, а в разговоре не следует упоминать суммы менее миллиона долларов!

«Мать моя партия, миллион долларов – это хорошо!», пронеслась в голове педагога непедагогическая мысль.

В деньги я такой влюблённый,
как наркоша в героин:
лучше много миллионов,
чем какой-нибудь один!

Здесь Володя решил перевести дух, а лучше всего это у него получалось, если вместе с духом в организм попадали несколько глотков «Тянь-Шаня». Но долго насладиться этим процессом ему не дал вопрос охранника, вовсю тянущегося к знаниям:

– А вообще он откуда взялся?

– «Тянь-Шань»? – удивился гуру. – Думаю, что его придумал какой-нибудь особо умный пивовар – для моего счастья! Жаль, кстати, что история не сохранила его великого имени.

– Да нет, я про телефончик твой маленький.

– Ах, про мобильный? Насколько я помню, первый мобильник появился ещё в 1983 году…

– Как? – вскричал Курманбаев. – Это что, ещё при Советской власти? Почему же у товарища Брежнева его не было?

– Его у Ильича II и быть не могло, ведь первый такой аппаратик назывался «Motorola Dyna TAC 8000X», а это, судя по всему, явно иностранное название.

– Ты хочешь сказать, что его не советские учёные придумали? – не на шутку расстроился Мусаич.

– Конечно, нет. В те годы Советский Союз (б) был впереди только в некоторых пунктах известной песни барда Юрия Визбора:

Сижу я, братцы, как-то с африканцем,
а он, представьте, мне и говорит:
«У вас в России холодно купаться,
и потому здесь неприглядный вид».
Зато, скажу, мы делаем ракеты
и даже перекрыли Енисей,
а также в области советского балета
мы впереди планеты всей!

Глава 213. О МОБИЛЬНИКЕ (окончание)

– Ёкарная связь, так это что получается? – встрял в разговор прапорщик Батыршин. – Если у всех появятся такие телефоны, то и домашний будет не нужен?

– Это вряд ли, – отозвался эксперт по мобильникам. – Домашний телефон нужен будет ещё очень долго – хотя бы для того, чтобы найти мобильный!

– Хорошо, что у Аиды его нет, а то бы совсем задолбала звонками! – обрадовался Салихдзяныч.

– Кстати, Талгат, кое в чём ты прав. Я на днях прочёл одну любопытную иностранную статистику – как раз про телефонные отношения супругов. Так вот там

учёные подсчитали, что когда жена звонит на мобильный телефон, а муж не берёт трубку, то

48 % жён думает, что муж в это время изменяет ей с лучшей подругой;
48 % жён думает, что муж в этот момент пьянствует в сауне с девками;
2 % жён думает, что просто села батарейка!

– А если наоборот? – поинтересовался художник.
– А наоборот – то тогда батарейка зарядилась сама собой, – объяснил писатель.
– Да нет, если муж звонит, а жена не берёт трубку, – уточнил Николаич.
– Есть и такая печальная статистика, – весело доложил Володя:

48 % мужей думает, что жена у подруги на даче, а там сигнал плохой;
48 % мужей думает, что жена навещает в кардиологии больного дедушку, а там мобильные телефоны включать не разрешается;
2 % мужей начинают припоминать, что последнее время у жены слишком часто по ночам *болит голова*!

Здоровеют наши бабы –
мужиком утюжатся:
голова болит от слабых,
а от сильных – кружится!

– А твой телефон хорошо работает? – поинтересовался Афанасьич.
– В принципе, неплохо, – ответил Кулемзин. – А особенно хороший уровень сигнала у меня наступает тогда, когда я выставляю телефон в форточку. Правда, так разговаривать не очень удобно, потому что голова сквозь решётку на окне не пролезает! А ещё, когда мне становится как-то особенно скучно, я отправляю SMS-ку на какой-нибудь случайный номер: «Спрятал тело. Что делать дальше?». Иногда такие интересные ответы получаю – с подробными инструкциями!

Любить тебя я не устану,
забыть тебя я не смогу,
слать sms не перестану,
пока ответ не получу!

– А я вот что-то слышал о гибридной мобильной связи, – решил вставить свои три копейки и педагог. – Ты, Володя, ничего об этом не слышал?
– Как же, конечно, слышал, – ответил Альбионыч. – А одну такую историю даже сейчас расскажу вам. Есть в России такая Республика Дагестан. Но, так как она значительной своей частью находится в горах, то, разумеется, не вся *покрыта* мобильной связью. Кроме мешающих гор, правда, есть ещё и другая причина: там время от времени взрывают мобильные вышки – это у дагестанцев появился такой новый национальный спорт. Поэтому в отдельных кишлаках есть телефоны (ведь обладать мобильником здесь престижно), но нет связи.
– А как же они общаются? – удивился трубач.
– Дагестан – он ведь очень давно в составе России, а, значит, живут там *наши люди*, которые, как известно во всём мире, делают то, что остальному человечеству просто не приходит в голову. Так вот, когда кому-то надо пообщаться с род-

ственниками в других сёлах, то к определённому часу они пишут SMS, а потом все телефоны в один мешок собирает специальный доверенный человек, объезжающий кишлаки на ишаке.

В Дагестане кто богаче?
У кого есть особняк?
Есть ишак, богатый, значит,
нет осла – совсем бедняк!

– А-а-а, понял! – засиял охранник. – Он потом продаёт их *оптом* и крупно *наваривается*!

– Серёжа, на Кавказе за это делают секир-башка! Так что ты не угадал. Потом этот человек едет вниз по горам, едет вниз по ущельям, едет вниз по взгорьям, едет вниз по долинам – и, наконец, доезжает до того места, где связь уже есть! И тогда он просто садится на бугорок и начинает есть курзé, чудý с творогом, мандирмак и другие блюда дагестанской кухни, которые ему в дальнюю дорогу собрала жена.

– Царица лесная, а телефоны-то как?

– А телефоны, *увидев* сеть, начинают работать сами по себе – звенеть, пищать и хрюкать, отправляя SMS-ки куда надо!

– Святой Малевич, так это они, получается, только в одностороннем порядке общаются? – поинтересовался живописец.

– Конечно, нет, Валера! Ведь пока человек на ишаке кушает женины блюда, а потом ещё и покурит немножко, в мешке у него снова звенит, пищит, хрюкает, шуршит и переливается – там идёт обратный процесс!

– Здóрово! – обрадовался за неизвестных, но умных дагестанцев Полтавцев.

– И тогда человек снова садится на ишака и возвращается к себе в кишлак, ведь он – лицо ответственное, которому нельзя не только потерять мобильники по дороге, но даже заглянуть на пару дней попить вина к родственникам в какую-нибудь Махачкалу. И только под вечер он возвращается в родное село и раздаёт мобильники владельцам, и все читают ответы на русском языке, и все счастливы, и все смеются, и все говорят ему *баркалла*, то есть спасибо!

Не болвану, не зануде,
не тому, кто в землю врос, –
говорят спасибо люди,
лишь тому, кто весть принёс!

– По-дагестански?

– Нет, по-даргински, так как дагестанского языка нет в природе.

– Смотри, какие бедные люди! – пожалел народ Серёжа. – Национальность есть, а языка у них нет…

– Вот так работает таинственная гибридная связь, – закончил свой интересный рассказ писатель.

Глава 214. О ТАИНСТВЕННОМ ЧИСЛЕ

– Смотрите-ка! – вдруг воскликнул записывающий в *раскладку* добытые в процессе игры очки Кулемзин.

– Что там? – встревожился Афанасьич.

– Да сразу у двоих – у меня и Нуртая – по 666 очков!

Такое положение частенько встречалось на полях битвы, и игроки называли это совпадение несколько по-детски: *присесть на одном гектаре*.

– Ох, число-то какое нехорошее, – посетовал сторож, изредка, в минуты нечаянных просветлений почитывающий так называемую *книгу книг*. И, действительно, в библии, а, точнее, в Откровении Иоанна Богослова об этом числе было сказано следующее: «Здесь мудрость. Кто имеет ум, тот сочти число зверя, ибо это число человеческое; число его шестьсот шестьдесят шесть» (13:18).

Вижу здесь я три подвоха,
ведь шестёрки – это плохо!

Володя, тоже почитывающий эту забавную книжку без картинок для поддержания своего атеизма на трансцендентальном уровне, всегда думал о том, что тот, кто имеет ум, прежде всего видит в этих строках вопиющую диспропорцию в сознании: число зверя, но в то же время число человеческое! К тому же, не было бы этих слов у Иоанна, никто каких-то циферок, пусть даже и трижды повторённых, и не боялся бы. Давно известно, что все наши страхи – от невежества. Не боятся же миллионы людей во всём мире сесть за игру в рулетку, а, тем не менее, сумма всех чисел на рулеточном колесе именно 666! Так что же, если это не колесо от телеги, а колесо так называемой фортуны, то это поистине *иблисовское* изобретение? Но люди не боятся и этого. А почему? Да потому, что не знают этого «страшного» факта, а просто наслаждаются азартом и видом подпрыгивающего, как акробат из «Cirque du Soleil»[305], звонкого шарика, приносящего в 999 случаях проигрыш, и только в одном – удачу.

[305] ***Канадский «Сирк дю солей», или «Цирк солнца» – фр.***

Голова тупых прокисла,
как пюре из трёх медуз:
я считаю эти числа,
но нисколько не боюсь!

– Та́к что, Серёжа, не надо бояться незнакомых чисел.

– А ты что, его не боишься? – с суеверным ужасом поёжился Полтавцев.

– Конечно, нет. Наоборот, немного поизучав это псевдотаинственное число, я, человек, как известно, ума инженерного, вывел несколько его вариаций – как раз для облегчения восприятия глупыми людьми, а также снижения их глупых страхов. Вот, например, некоторые из моих изысков:

666 – число зверя
665 – число старшего брата зверя
667 – число младшей сестры зверя
999 – число антизверя, то есть человека
333 – число полузверя
0,666 – число миллизверя,
и даже
1010011010 – число зверя в двоичной системе!

Охранник, поспешно достав заветную книжечку «Для му.мы. Том 2», лихорадочно каракулировал на чистой страничке: «У зверей есть братья и сёстры, но они тоже числа!». Прочитав собственноручно написанное, ему стало ещё страшней, чем до разговора с писателем.

– Страсти-то какие! – воскликнул он. – А где же успокоение души?!

– А успокоение, старичок, – ответил Володя, – в ещё одном забавном наблюдении. Срочно достаньте (у кого есть) из чулка или банки одну серо-зелёную банкноту с портретом любого покойного президента США, после чего возьмите детскую линейку для занятий арифметикой – и пусть ваши волосы не шевелятся от ужаса: ширина любой долларовой купюры составляет 66,6 миллиметра. Проверьте!

«Хорошо, что у меня нет такой ни одной!», обрадовался сторож.

– И последнее. Есть такая древняя каббалистическая забава – *гематрия*, или система перевода еврейских букв в числа. Так вот, согласно ей английская буква W соответствует еврейской букве «вав», похожей на клюшку для гольфа, число которой – 6. Вот такую:

Стало быть, аббревиатура www, обозначающая всемирную сеть интернет, также имеет число зверя – 666. Имейте в виду!

Знают только наши ночи,
как же эта мысль проста:
три шестёрки – страшно очень,
три семёрки – вкуснота![306]

[306] «777» – пожалуй, самая известная марка ординарного, то есть очень недорого советского портвейна. Лучший из всех производимых в СССР (б) портвейнов под таким названием был изготовления Евпаторийского винного завода стоимостью 2 рубля 20 копеек. Немало в своё время мне приходилось пробовать этот натурпродукт! – прим. автора

– Хороший стишок, мать честна́я! – похвалил поэта Афанасьич. – И вызвал он в мене приятные и страшные воспоминания.

– Мать моя партия, как же это может быть? – завопил Курманбаев. – Как это приятные, а заодно и страшные? Так не бывает!

– Бывает, – солидно разъяснил сторож. – Я эти «Три семёрки», помнится, пить начал ещё в школе…

– И это, святой Малевич, приятные воспоминания? – перебил его Валера.

– Конечно. А вот после армии этого хорошего вина уже не было в помине (это воспоминания страшные), а в магазинах стоял какой-то шмурдяк типа *чернил*, *червивки*, *гнилушки*, *анчвайса* или *биомицина*[307].

[307] От украинского креплёного вина «Біле міцне» («Белое крепкое») по 1 рублю 22 копейки – прим. автора

Здесь у Нуртая даже голова закружилась от обилия незнакомых слов и он решил немного помолчать.

– Кстати, об армии, – сказал Володя. – Не рассказать ли мне вторую байку о ней?

Глава 215. ЗАСЕКРЕЧЕННАЯ АППАРАТУРА СВЯЗИ, или ВТОРАЯ АРМЕЙСКАЯ БАЙКА АЛЬБИОНЫЧА

Служил я как-то в Красной Армии – как раз в то время, когда большой Советский Союз активно помогал маленькому Вьетнаму бороться с крайне недружественной Америкой. И пришлось мне вначале окончить связистскую учебку в Ростове-на-Дону, потом полгода позаниматься с вьетнамцами в Центре подготовки ино-странных специалистов в Баку, затем отстреляться с ними (75-ми ракетными комплексами) на полигоне Ашулук близ Астрахани, а уж потом повоевать собственно во Вьетнаме – во взводе ЗАС, или засекреченной аппаратуры связи.

И был у меня друг – тоже из Республики Саксаулия, по имени Василий Недобега. Тут надо сказать, что в те годы очень модным было делать небольшие татуировки на память о нелёгкой службе: моряки кололи якоря, стройбатовцы – перекрещенные лопаты, а водители писали проще – что-то вроде «ДМБ-73». Увлёкся этим поветрием и мой друг Василий. И сделал он такую татуировку: на левом предплечье размещалась эмблема связистов (мы называли её *мандавошка*):

а под ней… надпись:

ЗАС

,что, повторяю, означает засекреченная аппаратура связи. И увидел как-то на утренней физзарядке Василия наш замполит – подполковник Ершов. И сначала чуть в обморок не упал, а потом потащил пацана в штаб.

– Это что? – ткнул он жёстким военным пальцем в плечо солдата, попав при этом в первую букву татуировки.

– Это? – переспросил Недобега, скосив глаз на плечо. – Это тройка!

– Ах, ёкарная тройка! – вскипел замполит. – А вторая буква?

– А это туз[308], товарищ подполковник.

[308] *Здесь Вася прав: кроме России, где карточного туза помечают буквой Т, во всём мире он обозначается как А, то есть (с английского) Ace – прим. автора*

– А цэ, это, видимо. углерод? – издевательски поинтересовался замполит.

– Так точно, яйчики-бабайчики!

Не видели мы Василия два дня, и многое передумали. Среди самых смелых дум была та, что его втихаря расстреляли – за невольную выдачу врагу нашего главного секрета. А потом наш Недобега появился. Думаете, вытравили соляной кислотой в штабе его преступную татуировку? Как бы не так – лишнего добавили! Из буквы З замполит Ершов собственноручно набил букву В, а в конце просто добавил Я (вот так):

ВАСЯ

И поняли мы тогда, что командиры – отцы наши. Мудрые и справедливые. Ведь Васе с татуировкой всего три дня «губы» вкатили, а по причине отсутствия такой «губы» во Вьетнаме он и минуты не отсидел!

Коль украл ты три лосося,
был когда смертельно пьян,
на губу попал – не бойся:
это всё же не кукан!

Глава 216. ВЕЧЕРНЕЕ КУМИТЭ[309]

Но пора было начинать очередную партию. Перед началом гуру дал игрокам напутствие, которым начинающие охотники подбадривают друг друга перед хаотичной стрельбой по уткам:

– Ну, ни пуха, ни пера!

[309] *Так в восточных единоборствах называют боевую схватку – яп.*

Причём, произнёс эту волшебную фразу почему-то на эсперанто:

– Neniu lanugo, neniu plumo!

От полиглотных изысков Кулемзина игроки тихо охренели, поэтому откликнулся на пожелание только один педагог:

– К *иблису*, мать моя партия!

– Ну что, гопники, зачнём партейку? – мысленно перенесшись в 20-е годы прошлого века, предложил писатель.

– Почему же сразу гопники? – вскипел Курманбаев. – Я, например, тебе не маргинал какой-то!

Сидевший рядом с ним Муравлёв обрадовался. «Святой Малевич, хорошо, что я не играю в карты», подумал он, «а то бы Володя и меня назвал этим страшным словом». Откуда было знать локально образованному художнику, что гопниками в те далёкие годы назывались вовсе не маргиналы. Это выражение произошло от аббревиатуры ГОП – городское общежитие пролетариата.

Миг истории отлистан,
но на то ведь он и миг:
гопник был страшней фашиста –
грабил только он своих!

– Но, прежде чем начать наше вечернее кумитэ, хочу заострить ваше внимание вот на чём. Серёжа, не зевай!

Полтавцев немедленно достал свою знаменитую книжечку «Для му.мы.» и приготовился внимать мудрость.

– Самая одинокая фигура – это круг, фигура, состоящая из множества бесконечно малых прямых, замкнутых в бесконечности. Надеюсь, никто не будет со мной спорить?

«О чём это он?», тоскливо подумал Мусаич.

– Круг, или как его обозвали математики, окружность, – символ создания и мироздания, символ Вечности, ибо бесконечно малые прямые – это точки, стремящиеся к исчезновению. Вот такая странность: он есть и его нет. Круг – это ни что иное, как мираж, ставший колесом, колесом истории, фортуны, мироздания и нашего с вами бытия.

Серёжа послюнявил красный карандаш и записал в книжечку: «Сегодня я выяснил, что мой друг Кулемзин знает очень много слов про геометрию! А вот как их применить на практике в контексте *русской кочерги*, видимо, придётся догадаться самому́…»

А колода карт немало,
оказалось, весила:
я играю как попало,
лишь бы было весело!

При произнесении своих страшных слов Володя сидел суровый, как штукатурка в казарме стройбата, и был невозмутим, словно индейский вождь Базальтовый Томагавк. Серёжа смотрел на него преданно – такими глазами, какими смотрят собаки на маленьких детей, стоящих на четвереньках. Нуртай, чтобы окончательно не почувствовать себя идиотом, сидел напротив гуру и улыбался тихой улыбкой президента Зимбабве, случайно по пьянке попавшего на саммит Совета Европы. Прапорщик Батыршин во время спича разевал рот, точно рыбка из детского стишка Сергеича, пока его голос не прорезался такими словами:

– Ёперные круги, и что всё это означает?

– Знаешь, Талгат, как сказал ещё Томас Питерович Джефферсон[310] на заре чего-то там американского? «Яйчики-бабайчики, каждый гражданин имеет право на погоню за счастьем!».

[310] Третий президент США, один из отцов-основателей США – прим. полит. редактора

Афанасьич обрадовался, что не успел спрятать блокнотик «Для му.мы.», и поспешно накаракулировал: «Один американский Петрович на заре гнался за счастьем. Дурак! Лучше бы он гнался за пивной бочкой! Ведь нет лучшего занятия на заре, чем гнаться за пивной бочкой!»

– Да я про твой круг спросил, – уточнил военный.

– Ага, чуть рожки прорезались, так сразу и бодаться! Так и я о том же пресловутом круге, – объснил Альбионыч. – Сто́ит ли нырять в глубину, только чтобы потом пускать со дна пузыри?

От тихого и усталого голоса Володи веяло чем-то настолько мрачным и непреложным, что Нуртаю поневоле стало не по себе, словно он лежал на рельсах перед яростно грохочущим поездом, и знал, что отползти не успеет.

Трубач, надо признаться, так и не понял, при чём здесь какие-то круги, и как они соотносятся с покерной игрой. «С ума сошёл?», подумал он. «И это неплохо! Возможно, именно сейчас мне удастся выиграть хотя бы один раз за день!». И ведь не догадывался он, похмельный, что володины круги на воде ещё не означали, что по воде *гуляет* крупная рыба, а писателю очень не хотелось наловить случайных лягушек.

В школе покерной не учат,
как зайти в глухой тупик:
карты очень любят Случай,
что случайно вдруг возник!

– Я вижу, ты человек с должной долей разочарования! – правильно расшифровав взгляд Салихдзяныча, попытался объяснить свою позицию марсианин.

– Царица лесная, давайте лучше играть! – внёс здравую нотку в мысленную перепалку сторож. И то – сидят здоровые лбы за столиком, и всё бестолку!

Надо сказать, что именно здесь, за покерным столиком, к которому наши игроки привыкли за несколько лет подобных занятий, они чувствовали себя уютно, как на погосте. Именно здесь они и были самими собой, ведь *русская кочерга* не позволяет вранья, так как оно на раз расшифровывается остальными. Если кто-то из них занимался, например, механизмом усиленного выжимания козырей в одной партии, то уже в следующей получал по полной от своих соперников, и это была не месть, а просто восстановление справедливости. Поэтому обид здесь практически не было, ну разве что иногда Курманбаеву хотелось открутить слишком умную голову!

Глава 217. ВЕЧЕРНЕЕ КУМИТЭ (продолжение)

Анализируя игру, сопокерники не раз замечали, что, например, Серёжа чаще всего заказывал три взятки. «Почему именно три?», недоумевали игроки, после чего Альбионыч, когда сторож в очередной раз отбывал за пивом, объяснял им, что здесь, скорее всего, срабатывает комплекс папуасов Новой Гвинеи, для которых всё, что больше двух, – уже много. А раз берёшь взяток много, то и выиграть всю партию можно будет легче!

Наловив букашек в мае
и внося их в свой гроссбух,
папуасы точно знают:
три гораздо больше двух!

Умение писателя делать выводы от общего к частному (так называемая связь дедукции с индукцией) позволяло ему из множества возможных вариантов выбирать только один – верный. Вот и сейчас, оставшись с тремя картами – младшим джокером, козырной десяткой и трефовой дамой, он намеревался взять ту единственную взятку, которую и заказывал, хотя это было сделать трудно, так как Нуртай

перед роббером заказал таких взяток аж четыре, что означало его весьма хорошие перспективы. И Володя решительно пошёл своим маленьким джокерком:

– По козырям!

Он знал, что эта взятка будет побита. Так и случилось: когда все остальные скинулись по старшим козырям, педагог тут же забрал кучу-малу покером, после чего сделал ошибку – на всякий случай прошёлся по джокерам ещё раз, хотя к тому времени ни у кого их уже не осталось. Это было то положение, когда игрок был вправе скинуть абсолютно любую карту – даже самую маленькую.

Видя, что его крупная карта пропала в тайфуне ошибки, Мусаич засуетился и сделал ещё одну ошибку, ведь к тому времени он уже набрал свои четыре взятки. Он выкинул последнего – старшего – джокера, но вместо того, чтобы сказать *за простую!*, ещё раз решительно произнёс:

– По козырям!

После чего с торжествующим видом придвинул ближе к себе лишнюю взятку, победно поглядывая на Кулемзина. И не прочухал он, неумный, в своём стремлении обязательно посадить писателя, что, да, тот пролетел на одну взятку, но это был всего лишь незначительный минус в его персональную раскладку – в 25 очков, тогда как *правильный* выигрыш сулил педагогу таких очков аж 75, и позволял продвинуться значительно вперёд от соперников. Сообразил он, конечно, быстро, когда пыл этого роббера чуть-чуть остыл, да было поздно!

На зло ответим молотками
или хотя бы кулаком.
Добро должно быть с кулаками!
Жаль, зло с кастетом и стволом…

Видя, что Володя не расстроился, Курманбаев разозился ещё больше.

– Чему же ты радуешься? – горько произнёс он. – Мать моя партия, ведь ты только что проиграл!

– Отнюдь! – возразил ему писатель.

– Как это? – навострил ушки Полтавцев. – Ты же действительно не добрал одну взятку.

– А вот как, – объяснил гуру. – Какие, Серёжа, здесь существовали два варианта для Нуртая?

– Или выиграть, или проиграть! – резонно ответил охранник.

– Правильно, яйчики-бабайчики. Разберём первый вариант: Нуртай взял свои четыре взятки, а, значит выиграл 75 очков. При этом я тоже брал свою одну взятку – в 25 очков. И теперь в нашей индвидуальной борьбе преимущество Мусаича *было бы* в 50 очков. Правильно?

Все, и даже художник Муравлёв, знакомый только с основами арифметики, закивали головами в знак согласия.

– Теперь разберём второй вариант, который, собственно, и случился. Нуртай перебрал, и вместо 75 запланированных очков набрал всего 5, тогда как я минус 25. Таким образом общее сальдо составило 30 очков в его пользу. А прежний вариант, как, я надеюсь, вы не забыли, 50!

«Силён, йодистые варианты!», подумал прапорщик. «Стратег! Прямо как наш командир части подполковник Ермеков…»

– Так что запомните, мои маленькие друзья, ещё одну истину от Кулемзина:

Торопляемость рождает ошибаемость!

Полтавцев было схватился за котомку, чтобы достать заветную книжечку «Для му.мы.», но тут же понял, что такую фразу ему не воспроизвести никогда и, вздохнув, молча отхлебнул тёплое «Жигулёвское»

Тем временем Курманбаев понял, какую трагическую ошибку он только что совершил, и пригорюнился.

– Не расстраивайся, Нуртай, – пожалел его писатель, – какие твои годы…

– Святой Малевич, причём, крайне преклонные, – добавил живописец, и тут же, по злобному взгляду педагога понял, что нажил себе ещё одного врага.

Под созвездьем Козерога
(а хотелось бы в Овне)
у меня врагов так много,
что друзей не нужно мне!

– Так что, старичок, единственный способ выиграть у Кулемзина… – произнёс писатель и выжидательно посмотрел на сторожа.

Афанасьич понятливо крякнул, быстро выхватил из котомки блокнотик «Для му.мы.» и приготовился внимать.

– …это не играть с ним!

Полтавцев крепко задумался, соображая, как бы половчее оформить сказанное во внятную мысль, и наконец кривовато записал: «Не играй с Вовкой, и это будет твоя победа в грядущих веках!»

– Кто с мечом к нам пришёл, тот конкретно отстал в гонке вооружений! – пожелал Альбионыч сопокерникам, после чего игра продолжилась.

Тут же выяснилось, что Володя напрасно расслабился – после перенесённого Курманбаев страшно активизировался и стал молча клевать прометеевы печени игроков. К тому же, как это часто бывало, на стороне Мусаича сейчас была пруха, или *пёрка*, как называл её Серёжа. От рукодвижений Нуртая, с щедростью разбрасывающего покеры и джокеры, которые ему подсовывал *иблис*, Володя иногда впадал в транс беспомощного патриота, на глазах которого иноземцы-захватчики устраивают конюшни в церквах Кремля. Хотя, объективности ради надо заметить, что мозг его в этот момент всё же работал, словно руки библиотекаря, расставляющего книги по своим местам: классику к классике, детективы к детективам, а женские романы – ближе к помойке.

И, надеюсь, не обижу,
я того, кто внял сей стих:
ведь, прочтя немало книжек,
понял: лучше нет своих!

Раздражало и то, что Афанасьич и трубач, как это бывало к вечеру, стали уделять пивку больше внимания, чем картам, и начали подсказывать сначала друг другу, а потом и всем остальным. Дошло даже до того, что сторож неожиданно повернулся к художнику и, выразительно глядя ему прямо в глаза, нравоучительно произнёс:

– Вот ты, Валера, я заметил, совсем мало времени уделяешь правильному цветоделению в своих картинках, а ведь оно, мать честна́я, – основа всего восприятия этого фуфла!

Муравлёв вначале впал в шок, но быстро оправился и разозлился, точно водитель трамвая, которому нетрезвый пассажир советует, как правильно ехать по утверждённому Верховным Трамвайным Начальником маршруту, причём, туда, где рельсов нет вообще.

«Что это? Старческое слабоумие?», диагностировал известный саксаульский геронтолог Кулемзин, и, видя, что живописец уже открыл рот для уничтожающего ответа, быстро сказал:

– Валера, не надо! Пожалей свою (прости, русский язык!) коагулянтность!

– Ну, разве только что ради неё, – проворчал Николаич, остывая.

– Вообще-то, мать моя партия, философски говоря… – решил вставить свои три копейки педагог Курманбаев. – Хотя, кому это я говорю? Серёжа и сло́ва-то такого не слышал!

– Да что же я, философов ваших не знаю, что ли? – возмутился Серёжа. – Да я ещё со школы Баруха Михаэлевича Свинозу помню!

Все немного посмеялись над когда-то учившимся, а Володя так даже вспомнил по случаю свой старый катрен о голландце Спинозе:

В разжигании конфликта
наш философ – как лопух:
притворялся Бенедиктом,
а на рожу-то – Барух!

Глава 218. ВЕЧЕРНЕЕ КУМИТЭ (окончание)

Надо заметить, что после того, как великий гуру научил своих новых приятелей *русской кочерге*, прежний ход их жизней оборвался, как нижняя гитарная струна под мощным ударом медиатора. Призывая своих неофитов *перековать жевало на забрало*, не обращая внимания на оскал Суки-судьбы, он всё время добивался от них того, что они постепенно, но неуклонно увеличивали свою степень свободы, правда, что это означает, не объяснял, а говорил, что и так всё понятно.

Голос марсианина во время учёбы был окутан мягкими, обволакивающими *обертонами*, но внутри ощущался стальной стержень, как у Марио Артуровича Дель Монако в партии афроитальянца Отелло. Помнится, Кулемзина горячо поддержал Полтавцев, тогда же записавшего в свою знаменитую книжечку «Для му. мы.» эту истину, но вот в такой интерпретации: «Увеличивай свою степень свободы, и судьба страшно оскалится на тебя за это!».

И, что удивительно, день ото дня обучаясь вместе с *играющим тренером* Альбионычем, сопокерники постепенно проникались игрой: ими учились правила и даже иногда правильно применялись! Способствовали этому и главные анксиалитики[311], которыми Володя потчевал своих соперников, и это были вовсе не клоназепам, мепробамат, фабомотизол, и даже не хлордиазепоксид, как смело подумалось моему образованному читателю, а… пивко под разными названиями.

[311] ***Средства, снижающие чувство страха – лат.***

– Думать о победе, яйчики-бабайчики, надо с первой сдачи, – учил он новичков. – Да-да, ещё с первой *тёмной* всего лишь в одну карту! Только тогда получится не только эффективная, но и эффектная, интересная игра, а это, согласитесь, и есть самое важное в жизни!

Мне кажется, что в нашей эпопее
есть чувство небывалой простоты –
не жить минутой и не стать скупее,
придя к простому делу из мечты!

– А я вот думаю, – засомневался охранник, – да только ничего не получается. Всё надеюсь, что потом, где-нибудь к средней *тёмной* отыграюсь…

– Об этой ошибке, старичок, – возразил ему Альбионыч, – ещё несколько веков назад говорил один умный человек – некто Конфуций Шулянхэевич. Запиши, Серёжа, и к завтрашнему утру выучи наизусть, а я приму зачёт:

Того, кто не задумывается
о далёких трудностях,
всегда поджидают
большие неприятности!

Впрочем, говорить о чём-то умном с Серёжей было бесполезно, так как глуп он был беспросветно. Общаясь с ним, Володя развил целую теорию *общечеловеческой* глупости, и понял при этом, что глупость отнюдь не означает отсутствие ума, глупость означает, что человек не стремится развить его – как мускулатуру. Никакие школы, колледжи, университеты и прочие вузы не могут сделать человека умным – в крайнем случае они сделают из него лучшего слесаря, лучшего почтмейстера, лучшего сборщика налогов, то есть дадут ему профессиональные знания. Но все эти учебные заведения не дают человеку разума – того, что могут дать только писатели – для ума, и поэты – для сердца! А с человеком Полтавцевым всё было ещё проще: нельзя назвать улитку глупой – улитка и есть улитка, и вопрос о её глупости или уме даже не стои́т.

Поэтому сейчас, когда все эти мудрёные мысли скорострельно промелькнули в его голове, уже завершалась седьмая или восьмая партия за сегодняшний день, и писатель удовлетворённо поглядывал на созданную им ПОЛК, думая о том, что вот уже настал вечер, а, значит, скоро будет совсем темно, но не оттого, что солнышко закатится, а только лишь потому, что его верные неофиты, как и вчера, впадут в пучину алкоголизма. И Володя уже замечал приметы этого: и снижение активности в наборе очков, и небрежность в бросании карт на покерный столик, и откровенное зевание в случае проигрыша роббера, тогда как с утра эти *афронты* вызывали раздражение и даже бешенство, и постоянное рефлекторное облизывание губ, которым уже не хватало пивной влаги для нормального функционирования в составе всего организма.

Замечая всё это, Кулемзин сейчас сидел с видом скучающего посетителя Лувра, которому до смерти надоело любоваться на какую-то «Джоконду», и мечтающему по выходе из этого культурного заведения опрокинуть пару-тройку кружечек парижского *крафтового* пивка «La Parisienne Blanche»[312]

[312] ***«Белое парижское» – фр.***

Учиню сейчас разборки,
потому что не верблюд:
ведь в Париже и Нью-Йорке
«Жигули» мне не дают!

Оставалось всего несколько робберов, и Нуртай решил рискнуть, заказав четыре взятки на картах, с которыми лучше было заказать всего три.

– Ну ты, старик, даёшь, – опечалился Володя. – Всё-таки так и норовишь мне не дать умереть от незаслуженной пенсии!

У самого́ Альбионыча положение было лучше – редко когда ему везло с картами, но вот сейчас именно повезло. Поэтому он перед первым ходом весело объявил сопокорникам:

– Неувязочка, граждане потерпевшие! Придётся мне воспользоваться своим правом на мизе́р!

Неудивительно, что после окончившегося поражением роббера Курманбаев несколько минут упражнялся в знании тончайших нюансов неродного ему русского языка, чем окончательно опозорил высокое звание советского коммуниста (б), после чего сдался окончательно – с аннексиями и контрибуциями! Не помогло ему даже то, что перед роббером он воодушевлённо спел одну из своих лучших песен:

– Будет людям счастье,
счастье на века!
У советской власти
сила велика!

Правда, от прапорщика Батыршина, которому эта песенка помогла в очередной раз сбегать в ближайшие заросли крапивы, в этом роббере не зависело ничего, а на Кулемзина такие вокальные упражнения не действовали вообще. Но военный музыкант, мечтами уже бывший в состоянии лёгкого алкогольного опьянения, ко всему отнёсся индифферентно, и сейчас в его квадратной голове легко звучала песенка неизвестного, но, безусловно, талантливого автора, которую ему однажды напел великий учитель:

«Когда-то дрались на Судетах,
врага громили в пух и прах,
но саксаульская студентка
ко мне пришла в ночных мечтах!»

Глава 219. ХОЛОДНИК

А чем же сейчас занимался выигравший партию Володя? Он сидел на покерной скамеечке, допивал последние глотки́ «Тянь-Шаня» и думал о том, как бы *безалкогольно* продлить сегодняшний вечер, тем более что после посещения татарско-еврейской квартиры был голоден так, что был готов съесть живого ёжика. Затем, решившись на действие, поднял палец, призывая к тишине, и возвестил:

– Ни один, даже очень уверенный в себе человек, не может держаться с достоинством при игре в *русскую кочергу*, если у него громко урчит в животе! Кто же это сказал? Ах да, кажется, я…

Внимателя сказанного, услышав волшебное слово *живот,* тут же ощутили некоторое томление именно в этом своём органе.

– А не пора ли нам немного потрескать высококалорийной пищи с повышенным содержанием протеинов и аминокислот? – наконец предложил писатель.

– Как это? – насторожился сторож, у которого немедленно засвербело и зашкворчало в животе.

– Сначала ногами – в сторону моей квартиры, – объяснил приглашалец, – а потом ртом – сколько влезет!

– Святой Малевич, а ртом – что? – уточнил художник.

– Холодник, – объяснил Кулемзин. А ведь ещё в главе 10 тома, который ты, читатель, сейчас с трудом удерживаешь в руках, автор сообщил тебе о том, что наш герой утром приготовил холодник. Неужели именно им он будет сейчас угощать своих гостей?

– Ещё немножко холодного пива? – не расслышав, вскричал Салихдзяныч. – Ёкарный «Маршал», это хорошо!

– Нет, сынок, холодник – это нечто другое.

– А как? – задал нелепый вопрос трубач.

– Хотя и неудивительно, что тебе слышится именно это, – укоризненно посмотрел на любопытного шнапс-капитана писатель. – Впрочем, чего гадать, – пошли.

Сопокерники быстро собрали так называемые манатки[313] и неспешным цугом потянулись в сторону дома № 17, где и проживал писатель. И был бы это просто рядовой путь наших героев, если бы на их пути не возникла группка цыган, среди которых особо выделялась крупная беременная цыганка, в животе которой *поспевали* будущие цыганята.

[313] Как ни удивительно, но слово манатки происходит от латинского мантия, правда, путь такого заимствования был довольно сложен. Но в итоге латинская мантия всё-таки превратилась в русские воровские манатки, то есть краденые вещи – прим. автора

Если нет в мошне гранаты,
если есть в мошне стакан,
опасайся цыганят ты,
что залезут в твой карман!

– В глаза не смотреть! – строго прикрикнул на своих гостей хозяин, ловко обогнул группку, не дав цыганятам даже потрогать его за рубашку, и провёл сопокерников в свой подъезд, а затем и в квартиру.

Первое, что сделал Альбионыч, заведя гостей к себе домой, это переодел рубашку – на этот раз цвéта последних суток короткой полярной марсианской ночи. При этом он довольно огляделся и оценил старания своей venu bonne Марины. Серёжа внимательно разглядел володину рубашку и тут же почувствовал себя, как текстильный комбинат по производству солдатских портянок рядом с витриной брюссельских кружев. «Как это похоже на декорацию к второсортному фильму!», подумал он.

– По случаю брал? – поинтересовался Полтавцев, с видом знатока потерев рукав пальцами.

Володя не стал расстраивать пришельца и соврал:

– Нет, украл.

Услышав признание, сторож стал поглядывать на него с явным уважением. Но пора было уже кормить гостей, иначе зачем же автор заставил своего героя приглашать их к себе на *кормильческие* посиделки? Для этого Кулемзин распахнул чрево полярного агрегата и достал оттуда большую кастрюлю. Нуртай в это время вытянул шею, чтобы получше разглядеть содержимое холодильника, а после того, как всё-таки увидел, начал напрасно пробуждать в себе инстинкты раскулачивания.

Заметив интерес педагога, писатель сделал озабоченное лицо:

– Не нравится мне твое брюшко, Нуртай.

– Мать моя партия, и что же мне делать? – надменно поинтересовался Мусаич.

– Убирать, конечно. Причём, сделать это очень просто. Лично я худел так уже раз сто восемь, – признался хозяин. – Во-первых, ты должен немедленно отказаться от сладкого и хлебобулочных изделий. Во-вторых, никакого алкоголя, сигарет и кофе. И, в-третьих, до минимума сократить сексуальные контакты. Да, и самое главное, – больше радуйся жизни!

Курманбаев мысленно повторил то, от чего надо было отказаться, чтобы быть счастливым, и так и не понял, как же можно радоваться жизни в условиях этой жесточайшей социальной диеты.

Говорили мне в посольстве:
«Не носи ты брюки клёш,
откажись от удовольствий –
счастье сразу обретёшь!»

В это время Афанасьич ткнул пальцем в кастрюлю, и сразу же отдёрнул его.

– Царица лесная, какая холодная! – произнёс он с восторгом. – Это что, ахобланко[314]?

[314] ***Испанский холодный суп – прим. переводчика***

– Нет, – просто ответил знатный кулинар. – То, что ты сейчас произнёс, (прости, русский язык!) прерогатива гнилой Европы, а мы будем потчеваться и наслаждаться истинно русским блюдом с таким же русским названием – холодни́к.

– От слова *холод*? – сделал слабую попытку изучения неродного языка татарский прапорщик.

– Вы поразительно догадливы, интендант-лейтенант! – ответил Кулемзин, повысив прапорщика в звании, и стал разливать по большим пиалам принесённое, произнеся при этом загадочную для Курманбаева фразу:

– Ну что, похомячим по-рыхлому?

«Радость есть у нас большая!»,
друг голодный прокричал.
«Блюда русские вкушаем
из восточных из пиал!»

Отдавшись процессу еды, Нуртай и Талгат от удовольствия прикрыли и без того данные им природой узкие глазки, а Валера испытал приступ какого-то неясного

дежавю, словно ему когда-то уже доводилось пробовать это дивное блюдо. От стула возле окна, где сидел сторож, раздавался размеренный и жадный чавк: это Афанасьич, в минуту сметав порцию холодника, потребовал ещё, напирая при требовании не на свою прожорливость, а на то, какой великий повар Володя, как он хорошо готовит и вообще.

Дай, друг, на лапу мне…

Последний аргумент, а именно *вообще*, перевесил остальные, и хозяин налил охраннику ещё одну порцию. Пузатое эго народного повара при этом раздувалось как пузырь. Так же быстро сметав и вторую порцию, Серёжа степенно достал из своей котомки знаменитую уже на весь мир книжечку «Для му.мы.».

– Просю поделиться рецептом твоего таланта! – попросил он писателя.

– Ну, талантом с тобой делись не делись, писáть ты будешь так же с ошибками, – возразил Альбионыч, – а вот рецептик продиктую. Записывай!

Сторож послюнявил химический карандаш с красного конца и замер над чистой страничкой.

Глава 220. ХОЛОДНИК (окончание)

– Когда я приступал к созданию этого кулинарного шедевра, – скромно начал рассказ писатель-повар, – я тогда уже догадывался, что будут есть его пятеро, то есть четыре человека и Нуртай.

Курманбаев тут же сделал индифферентное лицо, но перед явлением очередной халявы решил пропустить оскорбление, хотя ничего оскорбительного в имени Нуртай явно не было.

– Так вот, именно поэтому, придя на кухню, я взял 5 яиц, две с половиной небольших свёколок и 5 огурцов. Затем лимон…

– Тоже 5? – со счастливым выражением лица догадался Полтавцев.

– Нет, Серёжа. Если бы лимонов было 5, то твоё лицо сейчас бы не сияло неподдельной радостью шизофреника, а было бы похоже на *жопку* дикого гуся, сдуру проглотившего презерватив, в момент его изъятия из организма. Поэтому и лимон один, и пучок зелёного лука тоже один, но граммов на 50. Затем 300 граммов сметаны…

– Дай-ка посчитаю, – встрепенулся художник и стал загибать пальцы, каким-то неведомым анатомическим способом деля творческими фалангами 300 граммов на 5 человек. Посчитав, он просиял:

– Отлично! Это как раз каждому на одну порцию!

– Далее, – строгим преподавательским голосом продолжил писатель. – Остаётся только добавить немного соли и купить полтора литра хорошей минеральной воды без газа.

Нагадала мне гадалка,
и нирваны я достиг:
«Есть на кухне минералка –
значит, будет холодник!»

– А готовить-то как? Или бултых в кастрюлю – и ага? – предложил свой рецепт готовки Афанасьич.

– Нет, Серёжа, до *ага* надо ещё произвести несколько несложных манипуляций. Вначале отварить свёколку, остудить её и натереть на крупной тёрке…

Все посмотрели на остатки холодника в кастрюле – там действительно плавала крупно натёртая свёколка.

– …затем варёные яйца натереть на той же тёрке, мелко порубить лучок, измельчить огурчики, а потом сметану развести с минеральной водой, после чего и влить всё это богатство в приготовленную смесь. И только после того, как в холодник выдавить *весь* лимон, его можно ставить в холодильник – на чем большее время, тем лучше – для настоя!

В это время бывший текстильщик, под рассказ кулинара метнувший ещё одну незапланированную порцию блюда, неожиданно сорвался и помчался из зала, где и проходила трапеза, куда-то в сторону входной двери.

– Серёжа, ты куда? – только и успел прикнуть Муравлёв, на что эхо донесло ответ охранника:

– Припёрло!

Отсутствовал Полтавцев минут десять, и когда, наконец, появился вновь, Володя поприветствовал его словами:

– А вот и наш малыш!

Затем он вспомнил, куда так быстро убегал Афанасьич, и вежливо пожелал страдальцу:

– Дристос воскрес!

– Воистину дристос! – механически ответил охранник.

Самолёт летит в полёте,
а за ним на небе след –
видно, в этом самолёте
заработал туалет!

– Ух ты, – в это время прогудел Володя, найдя под столом кусок какой-то газеты. Так как после уборки Марины такого просто не могло быть, у него родилось страшное подозрение, что этот обрывок ему подкинули враги – числом 4.

– Никогда бы не подумал…

– Чего бы ты не подумал? – поинтересовался один из потенциальных врагов – Талгат.

– Да про слонов, яйчики-бабайчики.

– А что там? Прочитай, пожалуйста, – попросил второй враг – Нуртай.

– Бытует мнение, – начал коллективное просвещение писатель, – что слоны – это крупные и неповоротливые животные.

– И это правда, царица лесная, – тут же подтвердил третий враг – Полтавцев. – Именно такое мнение давно уже бытует внутри меня.

– Слон в одиночку может *раздавить* десятилитровую бутыль водки и даже не заметить этого.

– Святой Малевич, вот счастливчик! – заметил четвёртый враг – Муравлёв.

– Слоны, как и все мы, не любят работать, а любят поесть, поспать и поразмножаться. Это доказывает, что слоны – разумные и продвинутые существа. Видимо, поэтому они легко (не то, что Полтавцев) поддаются дрессировке.

Сторож стремительно выхватил из котомки книжечку «Для му.мы.» и быстро написал на чистой страничке: «До сегодняшнего дня не было известно, что я – это

литературный герой статьи, которую публично читал Володя. Надо обязательно ознакомить с этим выдающимся фактом Зулю!».

– Слоны бегают за брошенными дрессировщиком брёвнами, – продолжал чтец, – переступают через барьеры и подают хозяину хобот, хотя он этого и не просил. Слоны – это прирождённые внедорожники с четырьмя ведущими ногами…

Вот бы мне попасть туда,
где слоновии стада:
я потребность в слоноводстве
ощущаю иногда!

– Володя, кончай эту бодягу, – попросил лектора военный музыкант. – Ёперный слон, а давайте лучше ещё по порции съедим! А то вдруг не скоро придётся, а до ночи ещё как до Китая.

– Хорошо, – не стал чиниться Альбионыч, – но только в конце замечу своё собственное наблюдение: чтобы любой из нас, например, Курманбаев, мог полнее оценить пользу, приносимую слонами человеку, сообщаю, что один слон способен заменить 11 крепких и расторопных *лениных* на коммунистическом субботнике в честь индуистского праздника Ганеша-чатуртхи, посвящённого индийскому богу Ганеша как раз с головой слона!

После чего угостил остатками холодника своих навязчивых гостей покерной национальности – для укрепления *кислотно-сволочного* баланса их разбалансированных суровостями жизни организмов, и, улыбаясь, предложил:

– Что-то ещё? Чай, кумыс, потанцуем?

♠ ♠ ♠

По странному совпадению подобие ужина протекало сейчас и в квартире № 2, куда явился совершенно раздражённый омуртай, который сегодня заработал в три раза меньше, чем планировал. Оставив свою *волгу* за углом, но так, чтобы капот был виден из окна кухни, он с раздражением вымыл руки и прошёл в спальню – в ожидании еды, слыша, как Анна Петровна производила из кухни невнятный шум. Оказалось, что она вскрывала какую-то консервную банку. омуртай, чтобы не слышать скрежетания консервного ножа, включил телевизор, где как раз начинался сериал «Таксистские будни». Через пару минут просмотра он стал нещадно критиковать авторов за неправдивость: в этом фильме таксисты все как один были вежливыми, копейка в копейку давали сдачу, да ещё и благородно отказывались от чаевых, проявляя лучшие черты современного человека труда.

– Омуртай! – обратилась к нему жена, стараясь перекричать телевизор. – Тебе бы понравилось такое блюдо: отборные куски оленины и косули под лёгким ананасовым соусом в изумительно прозрачном бульоне из цесарки?

– Никогда не пробовал! – повёл носом муж. – А ты что, сейчас его готовишь?

– Что ты! Это я просто прочитала надпись на банке – взяла у Калимы новый кошачий корм для Несси, – после чего пригласила мужа на жареную картошку. Она смотрела, как он жадно поглощал нехитрую снедь, и любовалась на своего *кормильца*: омуртай был тощий и нескладный, как какая-то невероятно сложная удочка, сконструированная шизофреником Аркашей Бензобакером в приступе весенней творческой активности.

Казалось, что за прошедший день водитель самобеглой коляски ещё больше осунулся и похудел, став похожим на пастора Шлага, который до сих пор не мог

снять лыж, надетых на него заботливым Штирлицем ещё в 1945 году. От жадности руки его дрожали, как у престарелого политика, отягощённого многочисленными грехами, а щёки полыхали, словно пионерский костёр далёкого детства.

Взвейтесь кострами, синие ночи!
Где пионеры – дети рабочих,
те, что всё ждали светлых годов,
не покладая рук от трудов?
Взвейтесь кострами, синие ночи!
Пенсю вам спеть не имею я мочи –
близится, близится тёмная ночь.
Где ж пионеры, чтоб всем нам помочь?

Глава 221. КОНЕЦ ПОЛТАВЦЕВСКОЙ БИТВЫ

Покончив с кормлением себе подобных, писатель решительно выпроводил гостей из квартиры в подъезд, а из подъезда – на улицу. Вышедший из подъезда Альбионыч сейчас напоминал епископа, только что отошедшего от скромного церковного обеда с жареным поросёнком и литром кагора. Улица, а если быть точнее, территория Бермудского Учпумака встретила своих постоянных обитателей привычной жарой, хотя часы показывали уже половину седьмого вечера, или, как выражался умный сторож Полтавцев, «19 хотело, 30 не пустило!».

Сопокерники вышли из подъезда и глубоко вдохнули сырой после дождя воздух, до отказа наполненный таким непривычным ингредиентом, как обыкновенный кислород, не загаженный выхлопными газами. Кислорода было так много, что его хотелось где-то припрятать про запас. Нашим героям на минутку даже показалось, что после дождя небеса вдруг стали прозрачными и холодными, как глаза американской феминистки, но это было, конечно, обманчивым эффектом: никуда не делся ни август – самый жаркий месяц в Отцеябловске, ни совершенно прозрачные облака, которые в силу своей прозрачности не могли сдерживать мощные потоки солнечной энергии, падающие на Саксаулию.

Просто по-антисоветски,
отдавая свой запас,
жарит солнце не по-детски –
прямо в темечко и глаз!

Причём, эти потоки оказались такой силы, что пока игроки дошли до покерной скамеечки, она оказалась совершенно сухой, хотя по дороге Афанасьич и достал из заветной котомки какую-то грязную тряпку, называемую им полотенцем, но по виду напоминающую старую армейскую портянку, побывавшую в нескольких сражениях, правда, ни разу не стиранную. К тому же сомнительное «полотенце» начало издавать такие миазмы, что, по совету писателя, охранник тут же запихал тряпку обратно и задвинул котомку себе под ноги, в результате чего вонь сократилась только на треть.

– Яйчики-бабайчики, Серёжа, а не вот этот ли самолёт снился тебе 11 февраля 1999 года? – неожиданно поинтересовался Володя и посмотрел в небо. Бывший текстильщик также задрал голову и стал напряжённо вглядываться в ту сторону, где якобы проплывало воздушное судно, но кроме острого солнечного луча, не уви-

дел ничего, и стал яростно тереть заслезившиеся глаза. Этого мгновения было достаточно, чтобы Кулемзин выхватил из-под столика котомку и забросил её подальше в кусты.

– Ты меня, царица лесная, не путай, не снился мне никакой самолёт! – наконец отозвался котомковладелец.

– Ну, не снился, и хорошо! – ответил обманщик. – А то бы ты сейчас попросил меня расшифровать этот сон, а это опять бы заняло много времени, которого, чувствую, сегодня становится всё меньше и меньше.

Беды, бреды, деды, кеды… –
я от снов окаменел:
расшифрую сны по Фрейду,
по Врублевской[315] и Луне!

[315] Галина Врублевская – член Петербургской ассоциации психотерапии и тренинга, написавшая ряд книг по психологии бессознательного – прим. псих. редактора

– А не сыграть ли нам ещё одну партейку?

– Святой Малевич, а не начать ли бухáть? – вдруг озвучил страшное предложение Муравлёв, после чего вжал голову в плечи, как бы предполагая, что незримый *дедушка* вполне может наказать его за это. Остальные, затаив дыхание, ждали ответа спонсора. И он не замедлил случиться.

– Есть предложение посмешнее, – ответил Валере Альбионыч. – Всё-таки сыграть последнюю партию, а потом – хоть трава не расти!

«Как это?», впал в ступор охранник. «За косой, что ли, домой сходить? А куда потом эту траву девать?». Но развить своё бредовое предложение Полтавцеву так и не удалось, потому что остальные, кряхтя на разные голоса, вынужденно согласились с тираном.

– Сдавай, йодистая трава, – голосом, полным печали, предложил прапорщик.

– Ну, мудáчи! – перед игрой пожелал гуру.

– Это что ещё такое?! – возмутился педагог. – Мать моя партия, зачем же нашему слаженному трудовому коллективу такие некрасивые слова?

Услышав словосочетание *слаженный трудовой коллектив*, Батыршин вскинулся, как подброшенный Таней мячик, и помчался в кусты.

– Просто ты, Нуртай, пока не все словá знаешь, – проследив за траекторией полёта военного трубача, объяснил Володя. – Мудáчи – это такая скрытая полуаббревиатура, а означает она всего лишь нехитрое пожелание: **м**аксимальной **удачи**!

Без валторн и балалаек
мои мысли прозвенят:
я удачи пожелаю
лишь тому, кто за меня!

«Странно как-то всё это», между тем горько думал Курманбаев. «Неужели словá о трудовом коллективе могут вызывать такую реакцию в широких массах? Ведь ещё на XXV съезде КПСС говорилось о том, что наш долг – полнее претворить в жизнь ленинские заветы, добиться того, чтобы все рабочие, колхозники, интеллигенция стали сознательными борцами за осуществление политики партии, дей-

ствовали как государственные люди, в полной мере проявляя свои способности и инициативу. А средствами решения этих масштабных задач как раз и является деятельность трудовых коллективов – основных ячеек социализма, как называл их Владимир Ильич в Полном собрании сочинений, т. 43, на странице 330, где опубликовано его замечательное выступление на X Всероссийской конференции РКП(б)!».

С самого начала стало ясно, что эта партия[316] будет действительно последней: движения игроков, чьи мысли сейчас покоились на дне помятых пластиковых стаканчиков и одного серёжиного гранёного, который он называл *двухсотовым*, были замедленными, как при *антирапиде*, ходы небрежными, непродуманными и даже каким-то глуповатыми, а реакция на них вялая и аморфная. В глазах Володи от всего этого безобразия светились ум и затаённая боль. Вообще-то он не любил играть со слишком глупыми людьми, ведь глупые слепы, а внезапно ослепший человек, пытаясь нащупать дорогу, начинает лихорадочно махать руками перед собой. И если в миру в руке у него может оказаться всего лишь безобидные нож или граната, то в покере это может быть джокер или, куда хуже, старший джокер. Хотя и назвать глупыми сидящих рядом с ним на покерной скамеечке людей он тоже не мог, ведь такое утверждение сразу же начало бы подрывать его чугунное реноме великого вождя и учителя.

[316] Разумеется, в данном контексте речь идёт о партии в покер, а не РКП(б) – прим. ист. редактора

В голове – ботва и крупы,
но итог – не суп, а мрак:
тот, кто учит слишком глупых,
сам неумный – это так!

Глава 222. ДВА С ПОЛОВИНОЙ АНЕКДОТА О КАРТАХ

«Яйчики-бабайчики, что же делать?», подумал писатель. «Как же взбодрить всю эту аморфно-амёбную массу?». Он внимательно поглядел на игроков и принял решение: «Расскажу-ка я им пару анекдотов – вот в чём тригонометрия!». Он быстро вспомнил анекдоты именно про игру в карты и приступил к рассказу, забыв приписать в *раскладку* заработанные Курманбаевым 45 очков.

– Итак, слушайте и не говорите, что не мыли с утра уши. Однажды один человек в банке снял все деньги с книжки, причём, весьма значительную сумму. А кассир его спрашивает:

– Покупаете что-нибудь?

– Уже купил, мать честна́я, – горько отвечает человек, – да ещё как купил!

– Дачу?

– Нет.

– Машину?

– Нет, не машину.

– А что же?

– Два туза на мизе́ре, ёперные карты!

– Подожди, подожди, Володя, – засуетился художник, услышав страшный рассказ Кулемзина. – Святой Малевич, ведь два туза на мизе́ре – термин явно из преферанса, а в него, как я знаю, вы вообще не играете!

Смысл игры для нас бескраен
и для пониманья глух:
карты молча разбросаем
по ломберному[317] столу.
Ставка страшно дорогая,
и сурова, как сугроб,
ведь игрок, что проиграет,
просто пустит пулю в лоб!

[317] Складной стол для карточной игры, с наклеенным на нём зелёным сукном. Именно так объясняет это понятие «Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка» А. Н. Чудинова, изданного в 1910 году в Санкт-Петербурге. А вот что писал по этому поводу некий Сергеич в 1825 году: «Столы зелёные раскрыты: // Зовут задорных игроков // Бостон и ло́мбер стариков, // И вист, доныне знаменитый, // Однообразная семья, // Все жадной скуки сыновья», – «Евгений Онегин», глава V – прим. автора

«Откуда же это ему навеяло?», подумал писатель. «Надо как-то выкручиваться!». И выкрутился:

– А вот ещё одна история – смешнее первой. Называется «Страшный рассказ про чомбу»! Слышали?

– Нет, мать честна́я, – за всех ответил Афанасьич и навострил уши.

– Дело происходило в купе поезда, – начал печальный рассказ Володя, – где очень долго ехали два зэка (с отсидки) и чукча (с севера на юг). Скучно стало в дороге, вот зэки посовещались и говорят попутчику:

– Чукча, а чукча, давай в карты на деньги играть?

– Не-е-ет, знаю я вас, вы меня в свои игры обжулите!

– А давай играть в какую-нибудь вашу чукотскую игру.

«Что же мы, не поймём правила какой-то там чукотской игры?», подумали про себя зэки. Тогда чукча и говорит:

– Ладно. Играем в чомбу!

Поставили деньги на кон, чукча сдал карты, и только зэки взяли карты, чукча как заорёт:

– Чомба! – и сгребает себе все деньги.

Зэки спрашивают:

– А в чём смысл-то?

– А кто первый скажет, тот и выиграл!

Сдали по второму разу. Зэки похватали карты и орут:

– Чомба!

Чукча спокойно берёт свои карты, смотрит, сгребает деньги и говорит:

– Козырная чомба!

Слушатели сидели притихшие, словно оглушённые страшным рассказом про неведомых им северных людей.

– Живой-то хоть остался, мать моя партия? – наконец поинтересовался Нуртай.

– Откуда ты всё это знаешь? – поразился охранник.

– Такая у меня жизнь, – горько ответил Володя, – примерно как у Ильи Ильича Обломова, который, как известно из одной скучной книжки[318], знал много ненужных вещей…

[318] Роман И. А. Гончарова «Обломов», опубликованный в 1859 году в санкт-петербургском журнале «Отечественные записки» – прим. лит. редактора

Жизнь подкинула сюжеты,
чтобы был я на коне:
много знаю я, но это
не приносит счастья мне!

– А я вот тоже один анекдот знаю, – неожиданно напрягся Серёжа. – Сейчас расскажу.

Все замерли в ожидании. Наконец после долгой и мучительной борьбы с памятью сторож, тужась мозгами, произнёс:

– Царица лесная, точно помню, что анекдот про карты и склероз. Короче, вспомню, – расскажу!

Вот поэтому автор только что промелькнувшую здесь главу так и назвал…

Глава 223. КОНЕЦ ПОЛТАВЦЕВСКОЙ БИТВЫ (продолжение)

Мы говорим о том, что опыты над людьми запрещены, что они преступны. Но разве весь опыт Советского Союза (б) не говорит об обратном? Ведь заметить можно лишь единичные и лежащие на поверхности случаи, а как быть с менее заметными, в которых были задействованы сотни тысяч и миллионы людей? Не потому ли их не замечали, что они были *массовыми*?

Система приручала людей, втолковывала им нехитрую истину: плевать против ветра – себе дороже. Да и что мог противопоставить бесправный советский (б) человек холодному и беспощадному слову *надо* – любовь к ближнему, гуманизм и милосердие? Тут впору самому бы выжить, тем более что об этих высоких понятиях забывали каждый раз, когда речь заходила о государственных интересах. Кому интересна судьба одной песчинки, когда подтачивается ветром весь бархан?!

Учителя испытывали свою методику обучения на миллионах детей, калеча их ду́ши и будущее. Врачи испытывали и проверяли новые препараты на больных, лишь приблизительно догадываясь о последствиях. Учёные подкидывали идейки, от которых потом вымирали целые города и районы. А политики? Самый страшный и беспощадный вид нелюдей, ввергающий огромные страны и народы в ужасные испытания ради собственных амбиций!

Чтобы к власти возвратиться,
лично я за 5 минут
ради собственных амбиций
расстреляю всю страну!

Мать моя «Русская кочерга», к чему бы такое отступление? – подумает сейчас мой читатель. А вот к чему: все эти *безличные* перечисленные в предыдущем абзаце персонажи, то есть учителя, врачи, учёные и политики, и были сконцентрированы в данное время в нашем герое Кулемзине. И если ты не поверишь этим явно странным словам, то читай дальше, – и прозрение обязательно придёт!

С трудом, нет, с большим трудом, но игра всё же продолжилась. Альбиоыч в честь последнего сегодняшнего события позволил себе то, что не позволял с утра, чтобы преждевременно не пугать соперников – он расстегнул все пуговицы на рубашке и засучил рукава, ведь когда корабль готовится к бою, с палубы убирают всё лишнее. Роббер следовал за роббером, приближая сопокерников к завершению дня. И это было печально прежде всего для автора книги, ведь такое завершение ав-

томатически означало и завершение второго тома романа. Под игру велись и нехитрые разговоры – преимущественно, конечно, на покерную тему, но иногда наших игроков заносило и куда подальше.

– Володя, вот ты умный, – завёл старую песню Полтавцев, – скажи, как правильно распорядиться двумя джокерами, тремя козырями и двумя тузами некозырной национальности?

– Хороший вопрос, Серёжа, но вот помочь я тебе не смогу.

– Мать честна́я, почему?

– Да потому, что одно из главных *отрицательных* правил нашей игры заключается в том, что за подсказку я получу минус 100 очков в раскладку, а ты – ничего.

– И как быть? Или не быть?

– Яйчики-бабайчики, ну ты Гамлет Афанасьич! Думай сам!

– А я что? – вскинулся сторож. – Чуть что – так сразу и Гамлет?

– Да ты не обижайся, – протянул ему руку дружбы писатель. – Просто, назвав тебя этим странным именем, я по случаю вспомнил один стишок – из далёкой молодости, под названием

Монолог современного Гамлета

Сочтём за лучшее уснуть. Уснуть!
И видеть сны, быть может? Вот в чём трудность!
Какие сны приснятся в смертном сне,
когда ты сбросишь этот бренный шум:
все птички, мол, на веточке,
и только я один пожизненно в тюрьме.
Кыш, малый! Мне б твою тюрьму –
прозрачную и призрачную сеть!
Вот что сбивает нас, вот где причина
того, что бедствия так долговечны!
Мы маемся вопросом «Быть? Не быть?» –
и упускаем суть того, что было:
безвестный край, откуда нет возврата
пленённым феодалам, не смущал,
вменяя капитану быть попроще
и не спешить к своим.
К своим ли? Вот вопрос!
Так трусами нас делает раздумье[319].
Какое, блин, раздумье! Спать и спать!
И начинанья, взнёсшиеся мощно,
сворачивая в сторону свой ход,
теряют имя действия. Не быть?!

[319] ***Уильям Шекспир «Гамлет», акт III, сцена I – прим. лит. редактора.***

После этого невинного стишка Володя увиделся сторожу крайне загадочным, как будто народный саксаульский поэт только что прочёл что-то из раннего Гийома Францевковича Аполлинера. Тогда неугомонный охранник решил действовать по-другому. Он подсмотрел этот *неигровой* приём у педагога и, проанализировав его, понял, что тот действует гораздо эффективнее слов Альбионыча. А приём заключался всего лишь в том, чтобы незаметно подсмотреть карты противников, по-

этому Серёжа завертелся так и эдак, скашивая глаза на недосягаемую большинству живущих на Земле организмов кривизну.

– Серёжа, не вертись! Ты всё запомнил? Валера, тебе всё равно делать нечего – придерживай этого шалуна!

– Святой Малевич, да я завсегда! – не стал отнекиваться от престижной работы народный саксаульский художник, и тут же попытался схватить охранника за нечистые штаны.

Сторож в ответ сделал энергичный кивок головой, больше похожий на спонтанное движение только что разнузданного коня маршала Будённого. Краем глаза он заметил в картах старшего прапорщика промелькнувшую червовую тройку, а в картах Курманбаева – трефового валета, к тому же Володя, улыбаясь, незаметно показал ему своего пикового короля – при бубновых козырях. Полтавцев чувствовал, что полученная информация чрезвычайно важна для его победы, но вот как распорядиться ей, так и не придумал. И тогда он понял, что, кроме знания правил и подсматривания в чужие карты, в *русской кочерге* есть что-то ещё – таинственное и недосягаемое, чему не научишься, как ни старайся!

Говорю в суде присяжным:
«Я, ребята, вам не вру:
в картах правила не ва́жны –
ва́жна чуйка под игру!»
«Не удастся, парень, смыться!»,
дал отпор мне прокурор.
«Ни при чём игра, убийца!
Признавайся, где топор?»

В карточной игре, даже самой интеллектуальной, требующей скрупулёзного расчёта, всегда присутствует элемент непрогнозируемого риска, тем более, в игре, в которой ты видишь только свои карты и даже не можешь догадываться, какие карты есть у соперников, а можешь судить о примерном их достоинстве только по количеству заказанных взяток, да и то не всегда, ведь любой из заказывающих может просто сблефовать. И игра тут же подтвердила правильность этого постулата: после заявленных сторожем четырёх взяток, и трёх – трубачом и Нуртаем, Володя забрал все десять взяток и как-то по-псевдоеврейски печально прокомментировал невероятное происшедшее:

– Влупенштейн, яйчики-бабайчики!

Мусаич улыбался настолько кисло, что даже одной его губы сейчас хватило бы на стакан чая – вместо лимонной дольки. Он недовольно поглядел, как Володя записывает итог роббера в *раскладку*, и фальшиво улыбаясь, произнёс:

– Удача улыбается смелым.

– А потом долго смеётся над ними, – добавил марсианин, подумав при этом, что кажется, настал психологический момент для начала широкомасштабных действий по освобождению занятых врагов территорий *раскладки*.

– Володя, мать моя партия, ты же знаешь цену моему слову! – возмутился педагог. Для убедительности он по-детски развёл руками, словно ребёнок, разбивший чашку, и не понимающий, как это она могла упасть, если только что стояла на середине стола.

– К сожалению, знаю, – опечалился писатель. – И даже могу назвать её: та же цена, что и вода из-под варёных яиц.

Объяснил я санитарке,
что в меня пихала шприц:
«Продавал бульон от варки
я цесаркиных яиц!»

«Неужели в Нуртае проснулся нездоровый карьеризм», подумал Альбионыч, «основанный на нежелании быть аутсайдером?»

– Умел пшено клевать, царица лесная, – умей и ответ держать, – рассудительно поддержал нехитрый разговор и Серёжа..

«Какое пшено, йодистые яйца?», пронеслось в голове у музыканта.

В это время мимо игроков, на минутку оторвав их от благородного занятия *русской кочергой*, прошла сладкая парочка незнакомых бомжей, чей возраст не поддавался оценке. Пол одного из них Володя смог определить только по почти стеклянной от грязи юбке, которая свисала на засаленное трико. Но вообще-то они казались близнецами: две раздутые от перепоя физиономии землистого цвета, вывернутые сизые губы и китайские щёлочки вместо глаз. Выглядели бомжи сейчас едиными и неделимыми, как большая Россия и маленький Шикотан. Дополняли картину две характерные сумки-*побирушки*, взгляды в землю и осторожная походка, как будто персонажи пробирались по минному полю.

Внезапно они остановились, и сейчас их и сопокерников разделяла только невысокая оградка Бермудского Учпучмака. Взоры бомжей были направлены на кучку пустых бутылочек из-под пива, лежащих под покерным столиком. Володя повелительным жестом велел им отойти на три шага назад, а про себя подумал: «Неправильно в народе говорят, что деньги не пахнут. Пахнут те, у кого их нет…»

Говорила мне старуха,
наставляя пистолет:
«Деньги пахнут, если нюхать,
денег нет – и вони нет!»

– Сергей, друг мой, не соблаговолите ли отдать пустое стекло этим шекспировским персонажам? – обратился он к сторожу.

Полтавцев наклонился к лежащей на траве котомке, развязал её, но вместо ожидаемой книжечки «Для му.мы.» вытащил когда-то голубую, а ныне серо-грязную медицинскую маску, напялил её на рожу и, собрав бутылки, молча протянул их пришельцам, после чего те, пробурчав какую-то благодарность на неизвестном языке, отбыли в сторону микрорайоновской мусорки.

Глава 224. КОНЕЦ ПОЛТАВЦЕВСКОЙ БИТВЫ (окончание)

Между тем, как ни жаль, но последняя покерная партия во втором томе романа «Русская кочерга» уже заканчивалась, и каждому из игроков, конечно же, хотелось, чтобы этот том завершился именно его победой. Оставалось сыграть всего лишь пару-тройку коротких робберов да последнюю *тёмную* на 12 картах, которая могла решить всё. Борьба разгорелась между двумя сопокерниками – писателем и педагогом, так как военный трубач и охранник на доверии отстали на непоправимую величину, – как парочка биатлонистов, которые, замёрзнув на дистанции, решили, что ну его на хрен, этот спорт, и сейчас опрокидывали в кустах на трассе вторую чекушку *беленькой*.

Помню даже в недосыпе,
что нас может искусить:
спорт всегда мешает выпить,
ну, а тренер, – закусить!

Внимательно изучив последний роббер, Альбионыч мысленно так и сяк разложил карты по условным полочкам, после чего понял, что вполне может выиграть всю партию. Правда, для этого надо было провести одну оперативную комбинацию и, если её не разгадает Нуртай, то всё будет в порядке. Свою секретную формулу Володя не раскрывал никому, оберегая её от чужих взглядов, как старуха графиня, придуманная неугомонным Сергеичем, оберегала от сотрудников налоговой инспекции тайну трёх выигрышных карт.

– Я парень не промах, – неожиданно признался Володя. – Это другие по мне промахиваются! – И он выразительно посмотрел на педагога долгим взглядом, как бы проводя его атрибуцию[320]. Курманбаев насторожился и даже мотнул головой, как конь, которому натянули поводья. Но было поздно: имея на руках *такие* карты, гуру уверенно повёл игру, словно лётчик, выводящий бомбардировщик на цель, тем более, что по велению Суки-судьбы, именно в завершающем роббере его ход был первым. Он кинул на покерный столик трефового валета и как бы в забытьи промолвил:

– По козырям!

[320] Описание экспоната по ряду признаков, к числу которых принадлежат: название, назначение, форма, конструкция, материал, размеры и техника изготовления – лат.

– Володя, – осторожно поправил его Батыршин. – *Вальты* заказывать не могут!

– Эх, яйчики-бабайчики, ошибся, – театрально поморщился писатель, после чего драка за безхозного валета разгорелась ни на шутку, и, в конце концов, его забрал аж козырным королём совершенно счастливый этим охранник.

– По-моему, цугцванг, – задумчиво произнёс Володя и, увидев недоумённые взгляды сопокерников, пояснил:

– Каждый ход ведёт к ухудшению ситуации.

– Твоей? – с надеждой спросил Мусаич.

– Нет, вашей, мои маленькие друзья!

Говоря эти страшные слова, он смотрел на противников, как большой тёртый жизнью пёс на маленьких неразумных щенят, комментируя про себя суровые реалии жизни. Учитель сидел как раз напротив него, и Кулемзин вдруг показался ему таким большим, что педагогу не хватило разреза глаз, чтобы обозреть всё величие этой могучей фигуры.

– Тригональная сингония, – словно бы про себя снова пробормотал Альбионыч, но был услышан, и от этих также страшных слов всем стало как-то неуютно. Серёжа, захапав взятку, решил закрепить успех, после чего решительно двинул вперёд младшего джокера, повторив Володину формулу:

– По козырям, мать честна́я!

Это и был решающий миг! Дождавшись, пока игроки скинут старшие козыри, Курманбаев забрал взятку своим покером, который, честно говоря, в начале роббера предназначался им для другой цели, а именно для выбивания джокеров. Но что было, то стало, а что стало, то пропало, как недоумённо выражался серёжин дедушка Михей из деревни Семижопино, когда утром с похмелья не мог отыскать

припрятанную расторопной бабушкой Федорой *четверть* самогона, отложенную ею на Новый год.

Бабка деда не любила,
совершая гадости:
самогона не хватило –
значит, нет и радости!

– По джокерам! – неожиданно произнёс Альбионыч. Это был один из его излюбленных контратакующих ударов, который в карате именовался как *хвост ласточки*. Только в японской народной забаве это были два синхронных удара по атакующим противникам в область сердца, потому и в *русской кочерге* слова́ писателя произвели не меньший эффект: Нуртай был вынужден скинуть старшего джокера, а Сергей и Талгат – по младшему. После этого на руках Альбионыча остались самые крупные на этот момент карты. Поэтому не удивительно, что следующие три его хода были победными для писателя:

– По козырям! (вылетел оставшийся у Нуртая король)

– По козырям! (вылетели последние козыри у всех игроков)

– По червям! (вылетели все черви младше володиного туза)

Игра была выиграна. Только теперь педагог понял, какого он свалял дурака: ловил карася, а сам попался на зуб щуке! Но самое обидное было даже не то, что выиграл его вековечный враг, а то, что второе место неожиданно занял счастливый этим событием Полтавцев, который, также взяв свои три взятки, поднялся в *раскладке* сразу на 120 очков (ведь мой читатель, несомненно, помнит, что на *тёмной* все выигрыши удваивались!).

Бьёт мой кольт: свинец и порох
поражают насмерть всех –
расстреляв патроны споро,
я удвоил свой успех!

– Вот и пришло прозрение к тебе, Нуртай, – иронично проговорил великий писатель земли саксаульской, – сегодня ты узнал слово из шести буква, обозначающее полный крах.

– Мать моя партия, как ты можешь?! – громко воскликнул Курманбаев и густо покраснел.

– Не знаю, что именно тебе привиделось в твоих извращённых сексуально-партийных фантазиях, но это слово – фиаско…

Только сейчас, когда участников трагических событий напряжение от последнего роббера немного отпустило, игроки (б) вдруг почувствовали запах гари. Явственно потянуло дымом. Товарищи по только что окончившейся партии очнулись и дружно посмотрели на северо-восток, так как поняли, что несёт от мусорки, которая стояла совсем недалеко от Бермудского Учпучмака – всего в каких-то пятидесяти метрах. Они дружно поднялись из-за покерного столика и, оставив за старшего пса Борю, который, свесив обмылок языка, дышал часто и тревожно, подались к месту происшествия.

Через минуту картина предстала перед ними во всей красе: мусорка пылала, как новогодняя ёлка в квартире алкоголика под старый Новый год. Клубы дыма, повинуясь сезонным движениям воздушных масс, уходили куда-то влево, напоми-

ная в этом нерадивых мужей. Горел только один, самый крайний контейнер, по остальным мусорным барханам лениво расхаживали всё те же незнакомые бомжи с мутными от сладкого помойного духа глазами. Многие из них, как малые дети, искали здесь не пропитания, а развлечения и общения с соплеменниками. Изредка они коротко, какими-то птичьими фразами, переговаривались между собой, вытягивая шеи, как бы желая посмотреть, далеко ли тянется эта благословенная целина.

Ох, и весело бомжам
пробегать по рубежам,
потому что те бомжи
нарушают весь режим!

Альбионыч, используя марсианскую технологию *кссръъпчшщъъ*, заглянул в пылающий контейнер и увидел, что там горела целая связка старых газет, видимо, подожжённая случайно брошенным окурком. «Мы, журналисты», горько подумал он, «пашем, крутимся, пишем чёрт-те что, и всё это из-за каких-то нескольких минут чтения газеты. Ведь параллельно с нами работают полчища лесорубов, стонут целлюлозно-бумажные комбинаты, молотят печатные машины – и всё из-за двадцати минут, в течение которых читатель *просматривает* газету и потом выбрасывает её на помойку для повышения образовательного уровня бомжей!»

Несколько клошаров из плохо пахнущего коллектива были заняты тем, что разбирали на части чей-то старый диван, выброшенный за ненадобностью хозяевами, купившими диван новый, и относили эти части к люку теплоцентрали, откуда их споро принимали чьи-то грязные руки. «Откуда же у них такие специфические знания и умения?», подумал Володя, после чего ответил сам себе: «Видимо, жизнь научила!»

Я и так-то небогатый,
и к тому же криворук:
научила жизнь всё прятать,
чтоб не спёр мой лучший друг!

Вернувшись к покерному столику и поблагодарив Борю за верную службу, писатель наконец-то окончательно понял, что с игрой на сегодня покончено, и решил раздать патро… тьфу, необходимые инструкции на день завтрашний.

– Для того, чтобы научиться играть по-настоящему, – строго сказал он, оглядев коллектив сумрачным взглядом гуру, – на завтрашнее *занятие* попрошу принести с собой следующие (прости, русский язык!) *астральные* предметы.

После этих слов взор Полтавцева затуманился: он хорошо помнил, что никаких астрологических предметов у него дома отродясь не было. «Ладно», решил он, «ежели что, к Талгату с утра сбегаю – у него парочку в субаренду попрошу!».

– Так вот, – продолжил оповещающий, – запишите названия предметов, а у тех, у кого нет ручки, просто запомните, как, например, Серёжа, который от усердия уже успел открыть рот с неполным комплектом костных образований, служащих ему для первичной механической обработки пищи. Итак, надо взять:

1. Шапочку против встающих дыбом волос;
2. Скотч для отвисшей челюсти;
3. Какой-нибудь парфюм, скрадывающий запах проигрыша, и

4. Массажёр для расслабления задницы, которую то и дело будет сводить судорожная судорога!

Чувством ласковым согретый,
говорил, борясь с теплом:
«Для игры нужны предметы,
но не карты, а бухло!»

Глава 225. КАМПАЙ!

Если говорить честно, то название предыдущих глав, а именно «Конец полтавцевской битвы» надо было ставить не раньше, а именно здесь, ведь конец битвы означает не только прекращение активных боевых действий, но и прекращение деятельности любого мужского организма по предохранению себя от проникновения черноплодных напитков, кои так любили к вечеру измученные солнцем и *русской кочергой* игроки. Володя поначалу старался как-то препятствовать этому безоб-разному явлению, развенчанному ещё хрущёвским «Моральным кодексом строителя коммунизма», но потом понял, что даже жумать в этом направлении бесполезно – если мужик желает отравиться алкоголем, то ничто не помешает ему в этом благородном стремлении.

Вот и сейчас, глядя на своих товарищей по покерному промыслу и примкнувшего к ним художника Муравлёва, у него мелькнула некая ужасная мысль: «Похоже, что любовь к алкоголю вступила в новую и уже необратимую стадию…». Он знал, что у русского народа, да и у его ближайшего соседа – народа саксаульского с давних советских (б) времён был такой эффект – эффект предвкушения, или, как называл его Кулемзин, психологический хмель: это когда ещё никто не выпил ни глотка́, но все уже говорят громче обычного, суетятся, шумят и начинают смеяться больше, чем надо.

Употребим мы по чуть-чуть
за новый мир, за светлый путь!

Ещё к сорока годам наш герой понял, что с профессией журналиста пора завязывать, ведь именно с ней, когда приходится пить почти каждый день, от устойчивости к алкоголю до само́го алкоголизма был только один шаг, и делался он легко и целеустремлённо, хотя и бесперспективно. Вот и сейчас, когда всех его окружающих персонажей буквально потряхивало от перспективы скорой выпивки, он оставался спокоен за свою печень, которую любил последней любовью, стараясь не расстраивать даже сливочным маслом, в котором, по слухам, было много холестерина.

– Да, сезон снятия густых пенок оказался не столь продолжительным, как бы этого хотелось, – пробормотал марсианин.

«Есть вещи, говорить о которых просто противопоказано», мысленно рассуждал он. «Думая о таких вещах, невозможно удержаться в рамках приличий: поневоле сбиваешься если не на патетику, то на обыкновенный цинизм. Вот, например, придуманный неким Горбачёвым лозунг «Трезвость – норма жизни!». Неужели никому не заметно, что в нём, таком хорошем, явно пропущено одно слово – *собачьей*?». После чего Альбионыч решил поделиться своими мыслями с коллективом, хотя и

не был настолько наивным, чтобы не понимать, что никакими мыслями, да и словами тоже, положения уже не исправить.

– Алкоголь, несомненно, имеет ещё и дистанционное воздействие, – уверенно произнёс он.

– Царица лесная, как это? – насторожился охранник.

– А так, яйчики-бабайчики: купил бутылку водки, ещё не выпил, а настроение уже лучше!

– Точно! – не сдержал восхищения сторож, срочно вынимая из котомки знаменитый блокнотик «Для му.мы.», после чего, чтобы не забыть поразившую его фразу, поспешно накаракулировал: «Кулемзин только что сознался, что как-то не вписывается в наш сплочённый коллектив: ведь мы не пили, а настроение у нас хорошее, а он тоже не пил, но настроения как не было, так и нет!».

Глоточек водки, портвешка –
начало тяжкого грешка…

– И вообще я думаю, – объяснил писатель, косясь на записывающего, – что человек – это только промежуточное звено, необходимое природе для создания венца творения – бокала пива «Тянь-Шань» с кусочком малосольной сёмги.

– А вот тут с тобой можно поспорить! – одновременно воскликнули Талгат, Серёжа и Валера, хотя по их рожам было видно, что спорить они не хотят, а хотят для начала хотя бы *поллитру* на троих. А педагог? Неужели он решил оторваться от столь любимого им коллектива? Конечно, нет: в душе он был согласен с коллегиально принятым решением его товарищей по партии (по партии в *русскую кочергу*), но очень испугался индивидуально пришедшей в его голову мыслишки – вот такой: «Сейчас бы граммов 50 тёплого спирта из мыльницы!»

С бутылкой легче управлять,
коль мужику заняться нечем:
умом Россию не понять!
И остаётся только печень…

Между тем, Альбионыч решил сделать последнюю попытку удержать коллектив от пагубного влияния алкоголя на неокрепшие саксаульские души.

– Знаете, в юности я очень любил Эриха Марию Ремарка, – поделился он воспоминаниями.

– Это кто такие, брат с сестрой? – поинтересовался бывший текстильщик.

– Нет, это один человек с отчеством Петерович. Так вот, мне всегда не нравилось, что герои его романов много пьют, по любому поводу и без повода, в любой обстановке…

«Прямо как в моём романе «Русская кочерга», подумал автор романа «Русская кочерга».

– Казалось, засунь любое его произведение в самогонный аппарат – и получишь чистейший спирт! Тогда я этого не одобрял, а теперь горько понимаю: Ремарк был величайшим бытописцем!

– Святой Малевич, эт’ точно! – подтвердил художник. При слове *спирт* он передёрнулся всем телом, как будто в него сверху загнали трубку (прости, русский язык!) гастроэндоскопа, а снизу – клизму.

– А великий пролетарский писатель Максим Горький, и, кстати, однофамилец автора романа «Русская кочерга»? – закончил исследование Альбионыч. – Разве не он говорил, что лучший подарок – это книга…

– …а как надоест читать, так водка! – радостно закончил сторож.

Тут Володя окончательно понял, что пора сдаваться.

Чем читать мне насухую,
я под водку попсихую!
Кончил я десятилетку –
прочитаю этикетку!

Полтавцев в это время с сожалением дососал последнюю каплю пива из своей последней бутылочки, после чего неожиданно трезво произнёс:

– Что-то давно в нашей родной Саксаулии не наблюдалось улучшения инвестиционного климата!

Здесь Кулемзин наконец-то понял, что коллектив покеристов, до этого казавшийся ему родным, просто использует его как вечного спонсора.

– Деньги есть, мать честна́я? – в это время прямо поинтересовался Серёжа. При этом он выразительно потёр большой палец об указательный, как будто склеивал жест *о'кей*.

– Обовьязково, пане добродию[321]! – почему-то на одном из славянских языков ответил писатель. Но так как жадность никогда не входила в число его пороков и достоинств, он тут же вытащил из кармашка купюру покрупнее и вручил её счастливому охраннику, который уже принимал горячие пожелания трудящихся – кому что принести.

[321] Может, по-польски? – прим. главы гильдии переводчиков

После этого писатель с удивлением понял, что пристрастия игроков и их друга художника за время, прошедшее со вчерашней пьянки, никак не изменились – никто из них не пожелал, чтобы Полтавцев купил благородного «Абрау Дюрсо» или, например, дюжину коллекционных бутылочек по 0,1 литра заморского коньяка, причём в упаковке непременно должны были находиться по три миниатюрных ёмкости французских коньячных домов Martell, Rémy Martin, Hennessy[322] и Courvoisier! А, может, просто не было таких напитков в печальной лавке Калимы?

[322] Кстати, многие предполагают, что Hennessy – коньяк не французский, но мало кто знает, что у истоков этого коньячного дома стоял не француз, а ирландский военный Ричард Джеймсович Энси (Hennessy), пребывавший на службе у французского короля Людовика Людовиковича XV из династии Бурбонов. Между прочим, это именно он придумал обозначать количество лет выдержки коньяка при помощи звёздочек – прим. автора

Хватит нам самим в избытке,
не досталось чтоб другим:
саксаульские напитки
мы французам не дадим!

– Только не бери водку «Привет печени!», – попросил Володя. – И сделай милость – возьми что-нибудь на закуску, а то будет как вчера!

– А что вчера? – удивился прапорщик. – Ёкарная пьянка, так хорошо посидели!

– Ну-ну, – коротко прокомментировал Кулемзин и дал последнее наставление скороходу:

– Лети, сынок, как голубь мира! Лети далеко и красиво, яйчики-бабайчики!

Сынок слетал на удивление быстро, после чего пьянка началась. Поруганный покерный столик печально принял на свою плоскость коньяк и водку, пивко и фанту, а также пару бутылочек неизвестного туркменского портвейна с труднопереводимым названием. Альбионыч хорошо помнил портвейны «Чашма», «Чемен» и «Сахра», производимые в этой союзной республике (б), поэтому пригляделся к бутылочке особенно внимательно. На её жёлтой этикетке зеленело название «Эррик-кала». Он вздохнул и понял, что трудную битву за *русскую кочергу* он сегодня всё-таки проиграл вчистую.

Засохнуть я себе не дам –
пью «777»[323] и «Агдам»!

[323] Читается «Три семёрки». Вместе с «Агдамом» – знаменитые шмурдячные портвейны советской (б) эпохи – прим. автора

Глава 226. СТРАШНАЯ ЛЕКЦИЯ

– Мать моя партия, что же мы всё без тостов пьём? – минут через десять вдруг строго спросил Мусаич. – Это же просто какая-то неидеологическая пьянка получается! Итак, тост…

После чего замолчал, видимо, подбирая самые нужные, самые лучшие слова для своих друзей.

– Говори скорее, – поторопил педагога Серёжа. – Выпить же хочется.

Нуртай недовольно взглянул на перебивальца и назидательно произнёс:

– Выпивка без тоста, как известно, абсолютно теряет свое воспитательное значение…

Сторож крякнул и опрокинул стаканчик в разинутую пасть.

– А я проще скажу: печень от выпивки, царица лесная, сильно огорчается, – занюхав выпитое рукавом с запахом чеснока, глубокомысленно изрёк охранник, у которого этот необходимый в быту о́рган уже давно разрушался, как дерево, подтачиваемое термитами.

«А ведь он прав насчёт печени», подумал Альбионыч, поглядев на счастливых алкоголиков, и решил сделать их ещё счастливее, ведь разве не счастье, когда прибавляется немного знаний и ума в истощённых черноплодными напитками мозгах.

Принимая, ты не дрогнешь,
ведь всегда на всех плюя,
счастье – знать, когда подохнешь
от портвейного гнилья!

– Итак, печень, други мои – о́рган, как известно, не последний в наших организмах! Что же делает алкоголь с печенью в качестве частого гостя? – привлёк он внимание простым вопросом.

– Радует, царица лесная! – тут же ответил Афанасьич.

– Если бы, – горько усмехнулся писатель. – Знайте, что алкоголь постепенно надевает на здоровую печень как бы *овчинку* из жира, и этот жир проникает во все внутренние её клеточки. От жира печень увеличивается в объёме…

Здесь прапорщик почувствовал, что печень его внезапно увеличилась в размерах до той степени, что начала давить на правую ногу.

– … делается болезненной и принимает желтоватый цвет…

Здесь военный музыкант посмотрел на художника, чьё лицо приняло отчётливый желтоватый оттенок и понял, что глядится в него, как в зеркало.

– …а её ткани, – между тем продолжал страшную научную лекцию эрудит, – умирают и перерождаются другой, уже более грубой тканью.

В голове немного *принявшего* сторожа тут же вспыхнул образ потерянного по пьянке плаща *болоньи* и надетого в следующий раз дождевика из грубой советской (б) прорезиненной ткани.

И мрачный праздник похорон
нас обступил со всех сторон...

– В иных же случаях, и в особенности у лиц, употребляющих водку исключительно на халяву…

Здесь все дружно посмотрели на педагога.

– …печень сморщивается, уплотняется и делается твёрдой.

На Курманбаева было жалко смотреть: всем стало понятно, что с такой сморщенной, уплотнённой и твёрдой печенью долго он не протянет.

– Посмотрите на себя, – предложил лектор.

– Святой Малевич, так зеркала же нету, – тут же возразил ему Муравлёв.

– Вам достаточно посмотреть друг на друга, чтобы увидеть в каждом из вас самого же себя, ведь каждый из вас – уже хронический алкоголик.

«Мать моя партия, а как же меня на работе держат?», хотел спросить Курманбаев, но побоялся быть осмеянным.

– Итак, алкоголизм хронический. Это заболевание, характеризующееся развитием патологического влечения к алкоголю, психической и физической зависимостью от него.

Здесь Афанасьич понял, что подобную мудрость упускать никак нельзя, и тут же вытащил из котомки знаменитый блокнотик «Для му.мы.», куда немедленно перенёс только что прозвучавшую мысль писателя: «Алкоголизм хронический – это заболевание, характеризующееся развитием патологического влечения к алкоголю, психической и физической зависимостью от него»

Обо мне не пишут хроник,
тень кидая на плетень:
я не временщи́к, а хроник,
ведь буха́ю каждый день!

Прапорщик заглянул к сторожу через плечо, прочёл и понял, что пить надо завязывать. Впрочем, мысль эта как пришла, так тут же улетела в бескрайние дали неземных наслаждений.

– Алкоголизм формируется в течении длительного многолетнего злоупотребления алкоголем, – между тем продолжал Кулемзин. – Он является трагедией для самого́ человека, для его окружения, друзей, семьи, а в итоге – и для всего обще-

ства. Но это уже, как говорится, яйчики-бабайчики, что в переводе с марсианского означает конец истории.

– А что же в начале? – навострил внимание сторож.

– А в начале бывает то, что русские люди называют похмельным синдромом.

Все засмущались, ведь это явление было хорошо знакомо каждому, кто прослушивал сейчас эту нескучную лекцию

Глава 227. СТРАШНАЯ ЛЕКЦИЯ (окончание)

– Для похмельного синдрома характерны покраснение склер, или, чтобы было понятно Серёже, его выпученных зенок, сердцебиение, повышение артериального давления, потливость, боль в области сердца, слабость, разбитость, дрожь в теле и дрожание конечностей.

Коллектив пригорюнился: каждый из присутствующих начал недоумевать, откуда Володе так хорошо известно, что происходит с ними по утрам буквально каждый день.

– У таких больных, которые, конечно, считают себя не больными, а вполне счастливыми людьми, постепенно возникают боли в области живота, потеря аппетита, тошнота, рвота, понос. Страдающий похмельным синдромом не может качественно выполнить какую-либо работу, так как он думает только о том, где и как бы опохмелиться, чтобы улучшить свое состояние.

«Йодистый понос, попробую завтра не похмеляться», мелькнула у музыканта лживая мысль. «А то как бы семью без кормильца не оставить!»

Пил я, пил, но мне всё мало
было в стане выпивох:
без меня семья осталась –
я от пьянки быстро сдох!

Володя тем временем добивал коллектив страшными знаниями:

– Постепенно ухудшается память, происходит социальная и интеллектуальная деградация.

«Ну, мне это, слава *дедушке*, не грозит!», обрадовался охранник.

– Больные становятся лживыми, эгоистичными…

Здесь все повторно посмотрели на педагога.

– …не заботятся о семье…

Здесь все дружно повернули голову в сторону трубача.

– …часто меняют место работы, употребляют суррогаты.

После этих слов переглядка стала перекрёстной, как огонь во время войны на сопредельной территории.

– В состоянии опьянения проявляется эмоциональная неустойчивость, беззаботная весёлость, сменяющаяся злобой, раздражительностью и особенно асоциальными поступками.

Здесь все в третий раз посмотрели на Курманбаева.

Счастлив я от той покупки,
что сидит у нас в корнях:
социальные поступки –
это всё не для меня!

– Сон становится поверхностным, он нередко сопровождается кошмарными сновидениями и частыми пробуждениями. Раннее появление в состоянии похмелья пси-

психических расстройств и их преобладание над (прости, русским язык!) соматическим свидетельствует о возможности развития психозов.

«Не знаю, что такое соматический, но если Володя говорит такие слова, значит, он полный псих!», тут же набросал заветные строки сторож в своей заветной книжечке «Для му.мы.»

Между тем страшная лекция продолжалась.

– Наблюдаются апатии, депрессии, подавленное настроение, тревога с бредовыми идеями самообвинения и самоуничижения. Появляются физическая слабость, головокружение, головная боль, боли в ногах, нарушается сердечная деятельность, развиваются токсические гастриты, язвы, цирроз печени, алкогольные полиневриты, гипертония, дрожание рук, а также раннее старение.

Здесь все дружно посмотрели на художника, который старел прямо на глазах.

Гениальным был пострел,
только рано постарел…

– Короче говоря, у таких индивидов, которых я, к счастью, каждый день вижу перед собой, формируется так называемый алкогольный характер.

– Святой Малевич, а почему к счастью? – горько вопросил Муравлёв.

– Я имел в виду, к счастью моему, потому что с такими алкашами играть в *русскую кочергу* одно удовольствие, и к твоему, потому что в эту великую игру ты играть не умеешь.

Художник тут же обрадовался некой перспективе продления своей бесполезной творческой жизни.

– Так неужели в пьянке нет ничего хорошего? – в отчаянии пролепетал Салихдзяныч. – Ёперная стопка, неужели нет в ней какой-то другой стороны?

Мило всё, что в рот пролезло,
что в желудок протекло –
в пьянке всё для нас полезно:
и закуска, и бухло!

– Конечно, есть, – не стал спорить лектор. – Таких сторон даже две. Например, с одной стороны, как бы заостряются все эмоциональные реакции (горе, радость, недовольство, восхищение) за счёт повышения общей возбудимости, когда у алкоголиков характерны слабодушие, плаксивость, когда эти глубоко больные и несчастные люди плачут от горя и от радости, особенно в состоянии опьянения. А вот с другой стороны, происходит эмоциональное огрубение, когда в чертах личности начинает преобладать эгоизм и полное безразличие по отношению к близким и родственникам, и особенно к партнёрам по *русской кочерге*!

Здесь все вновь посмотрели на педагога.

– Именно у таких алкоголиков исчезает чувство долга, ответственности, а также утрачивается значение этических норм поведения.

Володя поднял палец, как бы призывая к вниманию, и добавил, показывая этим же пальцем на Афанасьича:

– А у некоторых так и вообще развивается специфический алкогольный юмор – плоские, примитивные, а порой и циничные шутки.

– Может, ещё за одной *беленькой* сходить? – плоско, примитивно и цинично пошутил сторож.

– Такие больные могут употреблять любые спиртосодержащие вещества (денатурат, одеколон, лекарственные настойки, препараты бытовой химии), после чего нередко гибнут от этого.

– Предлагаю погибнуть сегодня же, – ещё циничнее пошутил Полтавцев, после чего протянул руку в сторону Володи.

Писатель, чувствуя, что уже не в состоянии руководить процессом, вложил в его грязную руку чистую купюру, прощально хрустнувшую в кулаке.

Вот решение простое,
что внесу я в свой устав:
расстаюсь с *деньгой* легко я,
в магазине *радость* взяв!

Получив маршрутный лист в виде пожеланий трудящихся и тычка со стороны прапорщика, сторож понёсся к магазину, обращая внимание на едва успевающих увернуться дворовых детей не более чем бык на брошенное ему на рога полотенце, которое забыла перед корридой *простирнуть* жена матадора.

Глава 228. КАМПАЙ! (продолжение)

В ожидании волшебного напитка с этикеткой «Халява» на боку Нуртай нетерпеливо хрустел пальцами, а чтобы время прошло быстрее, заинтересованно смотрел в зеркальца своих отполированных ногтей. При этом от волнения, что именно ему сосед принесёт не то, что он заказал, педагог что-то тихо гундосил, словно из-за застарелых полипов в носу не смог вовремя просморкаться. Остальные тихо переговаривались, словно заговорщики-декабристы, размышляющие, что бы такого сделать с несговорчивым Александром I – заставить его съесть кулёк семечек, отравленных солями таллия, или просто оторвать яйца – на го́ре его любовнице Марии Нарышкиной, урождённой княжне Святополк-Четвертинской.

В голове холодный иней,
мозг страшилкой занемел:
без яиц какая жизнь мне?
Как без пива, например!

И вот наконец скороход показался на горизонте! Несмотря на то, что день уже катился к завершению, Афанасьич старался идти из магазина весёлым пружинистым шагом полководца. И было отчего! Правда, под тяжестью котомки с бутылочками его мотало из стороны в сторону и, подскочив к покерному столику на скорости, он лихо затормозил возле него, как американский кот возле миски со сметаной из мультфильма «Том и Джерри». Муравлёву, например, даже показалось, что из-под разбитых башмаков охранника потянуло дымком, и он даже наклонился посмотреть, не пора ли менять тормозные колодки.

– Серёжа, ты при этой *ходке* не заметил, пива в магазине ещё много? – поинтересовался писатель, который, так же, как и его товарищи по покерному промыслу, своих пристрастий в отношении «Тянь-Шаня» тоже не менял.

– Наличие присутствия целиком, мать честна́я! – бодро отрапортовал охранник, после чего выставил на покерный столик небольшую *батарейку* разномастных бутылок. Была здесь и банальная русская *поллитра*, и сомнительного производства коньяк, и даже какой-то заморский ликёр: Сначала игроки по очереди созерцали закрытые бутылки, пытаясь постичь их внутреннюю сущность.

– Ты зачем это принёс? – наконец спросил Володя, выразив общее чаяние.

– Дык других не было, – просто объяснил охранник.

На закуску бывший текстильшик взял кулёчек поздних летних вишенок. Альбионыч попробовал одну, после чего выплюнул скользкую онкологическую косточку. Вместе с экзотической закуской сторож доставил из магазина закуску классическую – солёные огурцы в банке. И, наконец, из котомки появился стаканчик с буржуазным лакомством для детей, а какой, ты, читатель, узнаешь тотчас – из двух следующих стихотворных строчек:

Ешь «Растишку» от «Данон» –
попадёшь служить в ОМОН!

Затем Кулемзин продегустировал принесённый коньяк, но, конечно, пробовать его не стал, а только понюхал. В нос шибануло так, что только через пару минут одорологического анализа эксперт сумел выявить корни напитка: писателю показалось, что это был банальный самогон из мочи туземного обезжиренного поросёнка. После этого события вдруг стали развиваться так, словно кто-то, нетерпеливый и решительный, взнуздал их и пустил вскачь. *Приём радости* было решено начать именно с коньяка. На ум ничего не приходило, и тогда прапорщик решил ограничиться пошлым советским заклинанием:

– Ну, ёперное бухло, будем!

Вместе с ним в свои жадные пасти опрокинули грязные пластиковые стаканчики и остальные страждущие.

– Пять звёздочек, – после выпитого похвалил напиток Талгат.

– Как у Леонида Ильича, мать моя партия, – умильно поддакнул Нуртай.

План проступка мной воссоздан –
правда эта нелегка:
Леонид Ильич все звёзды
просто стырил с коньяка!

– Хорошо, – порадовался неизвестно чему Муравлёв, но горько подумал: «Святой Малевич, вот и плакало моё воздержание». А ведь именно о нём живописец мечтал ещё в главе 24 нашей первой части!

– Да что там говорить, – не поддержал общие восторги только Володя. – Вот мы сидим, играем, и вообще неплохо живём: сыты, обуты, одеты. А по телевизору с утра сказали, что треть населения земного шара недоедает…

Вставил в разговор свои три копейки и Полтавцев:

– А водки, царица лесная, вообще половина не пробовала!

Как бы невзначай вспомнив о другом напитке, он лихо выпил полстаканчика *беленькой* одним махом, потом засунул толстые пальцы в банку, нащупал там в

солёном растворе огурец, вынул его и тут же сунул в рот, не обращая внимания на брезгливую гримасу Володи. Глотнул адскую смесь и прапорщик, но лучше бы он этого не делал. Наверное, Батыршин просто не заметил, как какой-то болван незаметно для окружающих сначала сунул ему факел в глотку, затем присыпал обожжённое место красным перцем, а потом ещё для пущей надежности забил в ненасытную пасть большущую пробку. Военный беспомощно шевелил ртом, пытаясь, как Ихтиандр в донпедровой бочке, втянуть в себя хоть капельку воздуха. Вдобавок к беде туманилось ещё и зрение. Белесая муть проливалась в череп, как молоко в подойник.

«Неужели бабка-ключница делала?», заподозрил писатель.

Страстью грешною ведомы,
пьём, как будто смотрим сон:
самопальный алкоголь мы
называем самогон!

Напиток ожёг горло и Муравлёву, после чего незамедлительно расцвёл внутри горячим цветком. Валера закашлялся, страшно скривился, но всё же проглотил зелье. Кровь в неразборчивых организмах замедляла свой бег, густела и прямо на ходу превращалась в нечто желеобразное. Хекая и каторжно дыша, сопокерники (б), а ныне собутыльники из-за перехваченного дыхания даже не смогли обсудить качество напитка. Вместо этого художник и военный трубач покурили одну сигарету на двоих, как солдаты перед атакой, после чего их организмы начали усиленно работать, обречённо принимаясь за расщепление некачественного алкоголя, иногда выдавая арию бурчащего желудка из оперы «Прободная язва».

Первым пришёл в себя закалённый Афанасьич.

– Интересно, как это армяне могут выдерживать коньяк пять лет! – удивился он. – Вот у меня, например, дома водка только 15 минут выдержки! Да и то редко…

Я водку бы выпил только за то…
А, впрочем, могу и за это!

– А знаешь почему, Серёжа? Потому, что настоящая жизнь начинается с нуля, особенно если он седьмой после единицы!

– Вот те нате – хрен в томате! – неожиданно поэтически прокомментировал слова́ Альбионыча Полтавцев, хотя ничего не понял в этой сложной для него арифметике бытия. Именно поэтому он просто поднял глаза к небу и посмотрел прямо на солнце. Вокруг солнца обозначился явный круг, правда, непонятно какого цвета, И тут охранник вспомнил науку народных примет, которую в далёком детстве преподавала ему родная бабушка Федора в деревне Семижопино.

– Володя, вот ты умный, а не всё знаешь, – начал он привычную песню. – Вот, например, я сейчас увидел круг вокруг солнца. Что это означает?

– Да жрать черноплодные напитки надо меньше! – тут же расшифровал примету писатель.

– А вот и нет, – загадочно улыбаясь, произнёс сторож. – Дать тебе листочек, чтобы ты записал *мою мудрость* на память?

И, после того, как марсианин гордо отказался, ссылаясь на свою энциклопедическую память, сообщил:

– Круг вокруг солнца, не разделяющийся при исчезновении, к доброй и сухой погоде..

– А разделяющийся? – поинтересовался живописец.

– Об этом наука помолкивает, – осадил его Серёжа. – Ты лучше не перебивай.

– А ты не останавливайся, ёкарный приметист, – посетовал Салихдзяныч, – а то как заведёшься, время на выпивку не останется!

– Если же круг разорвётся…

– Святой Малевич, так я же об этом и спрашивал! – вновь встрял Валера.

– Нет, Валера, ты спрашивал о разделяющемся круге, а я говорю о разорванном. Так вот, если круг всё же разорвётся, то со стороны разрыва кольцá будет ветер. Если этот круг темноватый, то зимою он предвещает стужу, а вот сейчас, летом – дождь и ветер. А если круг будет зеленоватый или красноватый, и особенно перед восходом, значит, дождь будет на несколько дней.

«Обязательно завтра встану пораньше», решил Курманбаев, «и проверю эту важную информацию!»

Есть такой закон секретный –
я его намерен дать:
круг у солнца разноцветный –
к непогоде это, знать!

Глава 229. НАРОДНЫЕ ПРИМЕТЫ

– Яйчики-бабайчики, какие-то неинтересные у тебя, Серёжа, приметы, – в конце полтавцевской ахинеи зевнул писатель.

– А ты что, другие знаешь? – по-ленински прищурился Мусаич. – Ведь ты же, Володя, страшно далёк от народа. Мать моя партия, именно о таких, как ты, в своё время писал Ленин. Вот, например, Владимир Ильич в своей выдающейся работе…

– Стоп-стоп! – оборвал его Кулемзин. – Кто из нас ближе к так называемому народу, мы поговорим как-нибудь в другой раз. А вот об известных мне приметах я могу рассказать прямо сейчас.

Альбионыч сделал крупный глоток воего любимого «Тянь-Шаня», после чего начал рассказ:

– Если, например, дым стелется по земле…

– Значит, скоро будет дождь! – тут же победно перебил его охранник.

– Серёжа, не мешай плодам просвещения падать на тыквы моих сограждан, – скривился марсианин.

– Молчу-молчу, царица лесная! – захлопал себя по губам ладошкой Афанасьич.

– Так вот, если дым стелется по земле – вернитесь и выключите утюг! А если он поднимается столбом, то можете уже не возвращаться…

– Йодистый утюг, какая интересная примета! – с восторгом откликнулся прапорщик. – Серёжа, запиши в свою книжечку.

Сторож с готовностью раскрыл котомку и начал шарить в ней, словно наощупь искал бочонок лото под названием *гуси-лебеди* – с набитым на нём номером 22.

– Сейчас не надо записывать, – остановил его Альбионыч. – Лучше напомни мне об этой короткой лекции, когда из печати выйдет второй том моего великого романа «Русская кочерга». Так вот в нём в главе 229 я как раз запланировал рассказать о таких весёлых приметах.

– Замётано! – воскликнул довольный сторож и, на всякий случай, незаметно записал себе на ладошке красным химическим карандашом число 229.

– А мне дашь один экземпляр? – поинтересовался Муравлёв.

– Всему своё время, – ответил писатель. – Если оно к выходу второго тома всё ещё будет существовать…

Прояснить хотелось чётче,
как растянут этот век –
время тянется как хочет,
а страдает человек!

Валера согласно кивнул головой и стал ждать продолжения рассказа. И он не замедлил случиться.

– Все вы знаете, что если чешется левая рука – то это к деньгам, а если нос – то к выпивке…

Все согласно закивали головами, но тут Володя посмотрел на Нуртая, который индифферентно смотрел в сторону, как будто это его не касалось::

– …а если и то, и другое – то это к выпивке на халяву!

Курманбаев заморгал и растерянно почесал правой рукой сначала левую руку , а затем и нос.

– А насчёт мужиков и баб есть какие-то приметы? – поинтересовался Батыршин, который всё не мог разобраться в матримониальных отношениях с любимой супругой Аидой Яковлевной.

– Конечно, Талгат, есть. Например, если муж дарит цветы без причины – значит, причина всё-таки есть!

– Ёкарные цветы, точно! – восхитился военный.

Я, бутылку покупая,
стал жене ещё верней:
подарил цветы, ведь знаю,
что виновен перед ней!

– Или ещё: если у женщины на руке кольцо, значит, она скорее всего замужем, а если бусы, то это ничего не значит.

– А если кольцо и бусы? – глуповато спросил сторож.

– Тогда она замужем, но это ничего не значит.

Полтавцев ещё раз посмотрел в небо, словно вспоминая, носит ли кольцо или бусы его подруга Зуля.

– А эта примета, Талгат, специально для тебя, – строго посмотрел лектор на Салихдзяныча.

– Так мне можно не записывать? – обрадовался сторож.

– Итак, дорогой товарищ прапорщик, запомните, что когда мало времени, тут уж не до дружбы, – только любовь! И желательно, яйчики-бабайчики, в гараже ночью, чтобы супруга не пронюхала!

«Какая хорошая примета!», восхитился военный. «Надо бы запомнить!»

– Или вот ещё одна примета для женатиков. Если женщина говорит, что ей нечего надеть, это значит, что закончилось всё новое.

– Мать честна́я, а если мужчина такое, не дай *дедушка*, скажет? – поинтересовался Афанасьич.

– А если мужчина вслед за женщиной скажет, что ему нечего надеть, значит, закончилось всё чистое.

– Точно! – ещё раз подтвердил Талгат.

Для печали есть причина,
словно счастье у бабья́:
одеваюсь я в рванину,
потому что нет новья!

– И ещё парочка приме́т на эту же тему. Первая заинтересует тоже конкретно тебя, Талгат.

Прапорщик навострил давно не мытые ушки.

– Иногда, глядя утром на женщину, ты с ужасом понимаешь, что в том, что ты её вчера соблазнил, была не твоя, а её заслуга.

– Да, – снова подтвердил военный музыкант, – в нашем деле без черноплодных напитков никак!

– Ну, а если у человека всё хорошо? – с сомнением в голосе произнёс Валера.

– Есть примета и на этот печальный случай. Если у тебя прекрасная жена…

«Как это?», подумал художник.

«Как это?», подумал педагог.

«Как это?», подумал трубач.

– … а также офигительная любовница, крутая тачка, нет проблем с властями и налоговыми службами, а когда ты выходишь на улицу, всегда светит солнце и прохожие тебе улыбаются, – брось принимать наркотики!

Слушатели ускоренных приметоведческих курсов сидели потрясённые.

– И, вообще, запомните главное: если вы нашли женщину своей мечты, с остальными мечтами можете распрощаться! И не забывайте, что если ваша женщина за свою жизнь спилила дерево, разрушила дом и вырастила дочь, значит, она настоящая женщина!

«А если две ёкарные дочери?», с ужасом подумал Батыршин. «Значит, дважды настоящая?!». От этой перспективы его начало немного потряхивать. Он было открыл рот, чтобы предложить кому-нибудь сходить ещё за пивком, но образ любимой заслонил даже истекающую холодным потом бутылочку «Маршала».

Я сижу сейчас испуган,
вместо мыслей – острый пик:
«Неужели мне супруга
больше нравится, чем пи…?»

А Кулемзин продолжал вещать свои страшные вещи:

– Ну, яйчики-бабайчики, и последняя примета, в которой я отыскал слово *женщина*: если вы думаете, что никотин никак не влияет на голос женщины, попробуйте стряхнуть пепел на ковёр!

«Да уж!», поёжился художник. «И откуда этот Володя всё так подробно про мою Наташку знает?»

– Приме́т наш умный народ придумал много, – продолжал Альбионыч, – и мне, крупнейшему писателю, поэту и драматургу двух веков, просто необходимо их все помнить, чтобы в своих великих произведениях раскрывать так называемую душу этого народа.

– Например?

– Ну, например, такая примета: шуруп, забитый молотком, держится крепче, чем гвоздь, закрученный отвёрткой.

– Точно! – просиял Афанасьич. – Я так всегда и делаю!

Объяснил астролог: «Звёзды –
это вовсе вам не литр:
что шурупы вам, что гвозди –
лишь бы было, что налить!»

Глава 230. НАРОДНЫЕ ПРИМЕТЫ (продолжение)

– Или вот ещё: если вы спокойны, а вокруг вас в панике бегают кричащие люди, значит, вы ни хрена не поняли.

«Мать моя партия, ни хрена не понял!», подумал Курманбаев.

– Если вы постоянно смотрите телевизор, то вы непременно должны заметить, что хорошие парни побеждают плохих всегда, кроме девятичасовых новостей.

Эта примета показалась слишкой сложной для наших сопокерников и примкнувшего к ним живописца, и потому осталась без внимания, так что автор оставляет её на суд тебе, мой многотерпеливый и умный читатель.

– Если вам долго не звоня́т родственники или друзья, значит, у них всё хорошо, – продолжил просвещать коллектив Альбионыч.

– А если не зво́нят? – попросил уточнить Афанасьич.

Все немного посмеялись над грамматическим страдальцем.

«Как бы Аида не позвонила», мелькнула страшная мысль у военного трубача.

«А я звонить не люблю», подумал педагог. «Мне лучше *стучать*…»

«Что-то мне уже го́да два не звонили родственники и друзья», горько подумал Николаич. «Святой Малевич, а я им – и того больше!»

Здесь причина попрограммней
для болезней головных:
из деревни не звонят мне –
телефона нет у них!

Немного запыхавшись от долгого рассказа, Альбионыч решил припасть к любимой бутылочке «Тянь-Шаня», а автор поспешил его выручить – пока главный герой наслаждается необходимым при такой жаре напитком, он сам сообщит тебе, читатель, оставшиеся приметы:

Русские называют доро́гой то место, где собираются проехать.
Если волки сыты, и овцы целы, значит, пастуху вечная память.
Хорошо не просто там, где нас нет, а где нас никогда и не было!
Смех без причины – признак того, что вы или идиот, или блондинка.
Если жизнь не удалась, значит, в остальном всё в порядке!

И напоследок ещё одна примета тебе, читатель. Да-да, именно тебе, – тому, кто сейчас держит в руках эту двухкилограммовую книгу:

Если ты сейчас улыбнулся,
значит, ты до сих пор живой!

– Слушай, Володя, – вдруг озаботился Муравлёв. – А ведь есть немало примет, где прямо предупреждают об опасностях. Помнишь? Про пустое ведро, рассыпанную соль, чёрного кота и других страшных вещах…

Сегодня узнал я, какой же разиня,
хотя не законченный я наркоман –
плохая примета: когда в магазине
есть пиво, но денег в кармане нема!

– Помню, – коротко ответил писатель. Он всегда старался отвечать коротко, когда речь шла не о его творчестве, а о так называемом народном.

– Надеюсь, в твоём арсенале есть такие? – не успокаивался художник, почувствовавший, что если сейчас не узнает чего-то нового, то будет считать, что сегодняшний день прошёл зря.

– Есть, – так же коротко ответил Кулемзин.

– Поделишься?

– Если кошельком, то нет, а если бесполезными знаниями, то с удовольствием. Итак, товарищи сачкующие от *русской кочерги*, внимайте! Вначале вспомним персонажей и бытовые предметы, перечисленные Валерой. Если все их объединить в одну плохую примету, то получится вот такая: день будет неважным, если вы утром выйдете на работу из дома, а вам дорогу перебежит чёрная кошка – с пустым ведром!

– Мать честна́я, да разве ж такое бывает? – изумился Полтавцев.

– Именно поэтому, Серёжа, все дни, когда ты утром встречаешь не такие страсти, как эта, а конкретно меня, и являются для тебя счастливыми.

– Эт’ точно! – который раз за последние минуты подтвердил охранник.

– А эта примета, специально для тебя, Талгат.

Батыршин оторвался от бутылочки «Маршала» и начал внимать на сущностном уровне.

– Плохой приметой является то, что если ты в постели назовёшь свою жену Аиду другим ласковым именем – например, Айгуль. А очень плохой эта примета станет, если это имя будет, например, Андрюшенька!

– Да что ты, йодистая постель! – замахал руками от ужаса военный.

Жизнь-жестянка жестяная –
раз женился – не лукавь:
я жене не изменяю
даже в мыслях. Только въявь!

– Хорошо, Серёжа, что ты в своё время не женился на какой-нибудь *справной* крестьянской девушке из деревни Семижопино.

– Почему это? – насторожился охранник.

– Да потому, яйчики-бабайчики, что в таком случае при совпадении ряда несовпадаемых переменных у тебя могла случиться вот такая плохая примета: если к вам на недельку приехала бы погостить тёща, а на пятый день из Семижопино пришла телеграмма: «В районе обнаружена сибирская язва, поэтому вся Семижопинская область будет закрыта на полугодовой карантин».

– Царица лесная, ужас какой! – вздохнул Афанасьич.

В это время перечень страшных примет пришлось прервать, так как к игрокам, мирно распивающим пивко, нетвёрдой походкой приблизился водитель (б) Саша

Дубровский, с которым ты, читатель, уже познакомился в этом томе – в главе 57. Володя хорошо помнил, что именно в этой главе он подарил Саше одну бутылочку «Тянь-Шаня», а денег у того не было никогда, так почему же сейчас он выглядел так, как будто опрокинул этих бутылочек как минимум с десяток, а потом ещё и *отполировал* принятое *соточкой* беленькой? Кулемзин всегда удивлялся феномену русского доставания, хотя так никогда и не познал этого секрета.

В это время педагог с заметным отвращением подвинулся на покерной скамеечке, освобождая место для пришельца. Дубровский тяжело плюхнулся на скамеечку, взмахнул руками и – недопитая бутылочка пивка Курманбаева с печальным криком упала в траву возле покерного столика.

– Мать моя партия! – возмущённо крикнул Нуртай и, плюхнувшись на колени, поспешно вернул бутылочку в вертикальное положение.

– Извините, товарищ, – явно не узнавая соседа по лестничной клетке, удручённо пробормотал бывший шофёр, но сразу же успокоился, так как Полтавцев по знаку писателя раскрыл котомку и вручил страдальцу свежую бутылочку.

«Не нужны мне нож и вилка»,
говорю своим друзьям,
«на столе стоит бутылка, –
значит, снова счастлив я!»

– А ещё есть про жену? – волнуясь, спросил художник.

– Конечно, Валера, про жён в «Сборнике русских народных примет» написано почему-то больше плохого, чем хорошего. Убей, Васюханька, не понимаю, почему, как иногда любит выражаться наш друг Сергей Афанасьич.

– Вот, например: очень плохой приметой является то, что жена нашла в вашем портмоне презерватив. И особенно плохо, если он обнаружился в отделении для банковских карточек вместе с фотографией лучшей подруги, на которой написано «Ты самый лучший в мире любовник!».

Муравлёв даже поёжился от такой перспективы, но потом вспомнил, что по причине затяжного алкогольного кризиса никакой любовницы у него нет, да и банковских карточек тоже, и повеселел.

– Очень плохая примета, – строго поглядев на Салихдзяныча, сказал марсианин, – если вы находитесь у своей любовницы, а в дверь звонит её муж – например, спортсмен-рукопашник, и вы с перепугу прыгаете в окно, забыв, что любовница живёт на третьем этаже.

– Ёперный этаж, какая плохая примета! – передёрнуло трубача.

– И как же хорошо, что никто из вас, мои маленькие друзья, никогда не служил на флоте.

– Святой Малевич, почему? – вскричал Николаич.

– Да потому, что для этих славных парней в бескозырках, совершенно бесполезных, например, в подводных лодках, есть очень плохая примета, – это когда вы вернулись из девятимесячного похода, а ваша жена на шестом месяце беременности!

Глава 231. НАРОДНЫЕ ПРИМЕТЫ (окончание)

В это время Саша Дубровский, дососав последние капли из халявной бутылочки, словно очнулся ото сна, но сказанное им подтвердило то, что он, оказывается, всё слышал.

– Володя, вот я шóфер, – озвучил он необходимую для коллектива информацию.

Сел за руль, приняв полштофа,
и здесь мыслию допёр:
кто неграмотен – тот шóфер,
а кто грамотен – шофёр!

– И что из этого? – осведомился писатель.

– А то, что про нас, шоферов, тоже, наверное, есть какие-то приметы – хорошие и плохие.

– Нет, Саша, хороших примет про рыцарей баранки и коленвала я не слышал никогда, а вот плохих полно!

– Жаль, – индифферентно пожал плечами Дубровский. – А какие?

– Смотри, яйчики-бабайчики, ты сам напросился, – предупредил Кулемзин и начал перечисление:

– Плохая примета, если гаишник палочкой показал тебе остановиться, а ты выбил эту палочку своей машиной на скорости 200 км/час – вместе с рукой!

– Да уж, такого врагу не пожелаешь, – пробормотал водитель (б).

Не желаю никому:
сбил гаишника – в тюрьму!

– А очень плохая примета, когда ты ведёшь машину, а сплошная двойная справа от тебя! И дело, заметь, происходит отнюдь не в Лондоне…

«Мать честна́я, при чём здесь какой-то Лондон?», подумал Афанасьич. «Или Володя имел в виду Джона Гриффита Чейни, которого впоследствии весь мир узнал как писателя Джека Уильямовича Лондона?»

А гуру продолжал просвещать покерный коллектив:

– Ещё она плохая примета для тебя, Саша, если ты въедешь в чужой и дорогой автомобиль, например, начальника дорожной инспекции Отцеябловска. Ведь эта примета – к потере не только денег, но и прав! А если сильно не повезёт, то и к покупке этой дорогóй, но сильно разбитой сзади машины.

– Ёперная инспекция! – пожалел потенциального страдальца военный музыкант Батыршин.

– Но самая плохая примета – это если ехать ночью в сторону кладбища…

– Ох, страсти-то какие! – вздохнул охранник и перекрестился.

– Это ещё не страсти. А страсти – если всё это происходит на чужой машине, в багажнике и в разных пакетах!

В состоянии больном
и тряся костями,
еду я не целиком,
а, как лох, частями!

– Или ещё про кладбище. Очень плохая примета, если вы ночью идёте по кладбищу, никого не трогаете и ку́рите дорогую сигарету, а к вам подходит группа из пяти молодых парней спортивного телосложения в кепочках-семиклинках и просит дать им закурить, а вам не хочется губить их молодое здоровье, и вы начинаете объяснять им, что курение – это большой вред.

Услышав страшную примету, все тут же закурили. Прапорщик, например, нервно потянулся к карману рубашки, достал сигарету из пачки и дрожащими руками стал чиркать спичку о коробóк, любезно предложенный охранником. «Молодец», подумал Володя. «Сам погибает, а лошадь спасает…». Трескучая, как охваченные пожаром торфяники, скверно набитая сигарета внезапно стала источать какую-то уж совсем миазматическую вонь. Серёжа тем временем достал из кармана пачку папирос, по виду чекистский «White Sea Channel[324]», которая выглядела так, словно её только что вытащили из стиральной машины, после чего угостил всех остальных. Папиросы оказались настолько вонючими, что рядом с ними знаменитая моршанская махорка показалась бы знатоку фимиамом.

[324] Канал Белого моря – прим. переводчика, родившегося позже 1970-го года

– Святой Малевич, а, мне вот что странным показалось… – внезапно проснулся живописец.

– И что же?

– Вот ты , Володя, поэт, а никаких примет зарифмованных не рассказываешь.

– Да я их просто не знаю, Валера. Но специально для тебя экспромтом – очередь из них:

Над полями ворон вьётся –
сухари сушить придется!

Друг за другом гуси ходят –
к безработице приводят!

Красен в небе вид заката –
вновь уменьшится зарплата!

В небе быстро мчатся тучи –

отопление отключат!

Тополя свой пух уронят –
как-нибудь, но похоронят!

Ветер воду в речке студит –
нет зарплаты и не будет!

– Отлично, мать моя партия! – просиял педагог. – Вот, Володя, ты сегодня ещё раз подтвердил высокое звание истинно интеллигентного человека, который, не считаясь со своим временем…

Но узнать подробностей так и не удалось, ведь в этот момент на слова педагога Салихдзяныч ответил знакомым, но дурнопахнущим действом в близлежащих кустах.

– Надо заметить, мои маленькие друзья, что плохих примет вообще больше, чем хороших. И они буквально пронзают всё наше пространство! Вот назовите мне навскидку какие-нибудь слова.

– Какие-нибудь слова! – тут же откликнулся бывший текстильщик.

– Серёжа, мне твоя эхолалия ни к чему.

– Ёкарное кино! – оторвался от бутылочки «Маршала» Талгат.

– Кино? Отлично. Плохая примета, если вы опоздали на киносеанс, зашли в тёмный зал, сели на своё место, а впереди вас оказалась чья-то голова – на треть экрана, и вы вежливо пр́осите человека сесть пониже, а он, сволочь, на это даже не реагирует, и вы начинаете шлёпать его по лысине, чтобы привлечь внимание, а он в ответ поднимается во весь рост, поворачивается к вам, и вы даже в темноте узнаёте в нём Николая Валуева!

– Володя, ты что-то очень страшное рассказываешь. А нельзя чего-то попроще? – попросил живописец. – Например, хирургия…

– Это хирургия-то попроще? – удивился приметознаток. – Ну, слушай. Очень плохая примета, если вы лежите на операционном столе, и хирург роняет скальпель, а наркоз ещё не начал действовать, и вы нервно спрашиваете: «Надеюсь, операция пройдёт успешно?», а хирург вылазит и-под стола, долго пытается найти вашу голову мутным (прости, русский язык!) расфокусированным взглядом, а потом наклоняется к вам и, тяжело дыша перегаром, говорит: «Естесссно! Токо напомните мне, чего вам вырезать надо…».

Муравлёв втянул голову в плечи и пожалел, что ляпнул такое нехорошее слово.

– И в заключение, мои ненасытные слушатели, приведу вам одну общую для всех примету, а заодно пожелаю, чтобы она никогда не сбылась: самая плохая примета, если вы идёте рано утром по улице, а вам на голову падает кирпич, значит, сегодняшний день явно не задастся!

В голове – сплошные взрывы,
но ведь я не самурай:
сам упал кирпич на тыкву
или нет? – поди узнай!

Здесь Полтавцев раскрыл рот, чтобы спросить что-то ещё, и Альбионыч понял, что если сейчас не прекратить изучение народных примет, то так читатель вообще до конца этого второго тома не доберётся!

– Подожди, Серёжа, закрой рот и выслушай мой простой последний пример, – произнёс он. – Есть у нашего русского народа такая примета: если ты на полном скаку коня остановил и в горящую избу вошёл – значит, ты не мужик!

Афанасьич немедленно вытащил заветную книжечку «Для му.мы.» и записал поразившее его откровение: «Если увидишь, что конь скачет или изба горит, даже не вмешивайся – на это бабы есть!». Хотя он, как никто из присутствующих, точно знал, что при игре в *русскую кочергу* у него иногда создаётся впечатление, что ему дорогу перебежали 13 чёрных кошек с пустыми вёдрами, а из задницы у них сыпалась крупная йодированная соль!

Глава 232. БАЙКИ О САШЕ (Как Саша в армии санитаром служил)

И здесь, чтобы немного перебить впечатление от страшных примет, автор решил рассказать тебе, мой читатель, ещё одну байку о Дубровском, первая из которых опубликована в этом томе в главе 59. Зря, что ли, этот персонаж уже полчаса сидит на покерной скамеечке вместе с основными героями?

Итак, в конце 80-х годов только что отгремевшего века Саша, будучи в армии, попал в какую-то арабскую страну – как раз в разгар конфликта между Палестиной и Израилем. А служил он, за неимением высшего образования, простым санитаром в полевом госпитале, который обслуживал именно палестинцев, ибо в те годы Советский Союз (б) как-то ещё не дружил с еврейским государством. И случилась с ним вот какая история.

Как раз в его дежурство привезли раненого палестинского партизана, подстреленного, как тогда говорили по радио «Маяку», «подлым израильским агрессором» – в момент закладки этим партизаном мины под школьный автобус.

Привезли пацана этого нерусского всего заскорузлого от высохшей крови на бинтах, и вообще в глубокой коме. Бились советские военно-медицинские светила с ним часов двенадцать, вынимая из загорелого тела осколки и пули, молясь (условно, конечно, так как в СССР (б) в то время был государственный атеизм) о том, чтобы сей представитель народно-освободительного движения не отбросил ласты прямо на операционном столе, ибо тогда жизнь ближневосточного партизана ценилась весьма высоко, а летальный исход был крайне нежелателен, и сильно помешал бы карьерному росту хирургов и анестезиологов, каждый из которых был чином не ниже майора.

Отравился нынче кашей,
и в загробном мире был,
но хирург заштопал так, что
я ещё 100 лет прожил!

Короче, битва за ценную жизнь была не на шутку, а за *картавого*[325] как минимум. Наконец, сверхсложная операция завершилась удачно: партизана заштопали и отправили в спецпалату, где подсоединили к аппарату искусственного дыхания, поставив ему сразу три капельницы – для верности. Но кто же мог предполагать, что именно в этой палате именно в это время будет мыть пол рядовой Александр Дубровский?!

[325] ***Так циничные военные врачи называли орден Ленина – прим. автора***

В общем, мыл он пол, мыл, как вдруг агрегат, где и пульс, и кардиограмма, и даже температура высвечиваются на специальном приборчике, как-то странно запищал, забулькал и захрюкал, а после всех этих непонятных звуков зашевелился и сам раненый боец, – видимо, начал оживать потихоньку. А Саше стало интересно, как это из практически мёртвых восстают. Подошёл он со шваброй в руках поближе, типа линолеум протирает, а сам посматривает – что там мигает и чего это *арафат* в коечке дёргается.

И тут боец вдруг открыл глаза и уставился на Дубровского вполне осмысленным взглядом, хотя и немного затуманенным от анестезии, после чего наш бравый санитар, не долго думая, брякнул первое, что пришло в его голову:

– Шалом!

Думается, что уже никто никогда не узнает, что именно привиделось бойцу, когда он узрел перед собой носатую ухмыляющуюся харю, словно сошедшую с плаката о прелестях жизни в кибуце[326]: Шин-бет[327], пытки, публичное повешение и даже прогулка на катере в одну сторону, в финале которой его вполне могли сбросить в пасть к вечно голодной акуле империализма.

[326] Сельхозкоммуна в Израиле – прим. полит. редактора
[327] Контрразведывательная служба и служба внутренней безопасности в Израиле – прим. воен. редактора

В общем, палестинец издал крик падающего со скалы горного козла, после чего испустил дух. И все усилия по возвращению партизана в этот мир успехом, естественно, не увенчались. А вот Саша Дубровский после этого случая серьёзно задумался над бренностью бытия.

Ох, коварная гангрена,
ох ты, элефантиаз[328]!
бытиё моё так бренно,
что боюсь, помру сейчас!

[328] Слоновая болезнь – прим. мед. редактора

Рассказал эту байку Володя не только тебе, читатель, но и всем присутствующим, не стесняясь «героя» этой истории, потому что пьяненький водитель (б) клевал носом, привалившись к плечу Полтавцева, и так называемым лицом был похож сейчас на обезьяну, только вчера отбросившую хвост.

Глава 233. КАМПАЙ! (ещё одно продолжение)

– Семейная жизнь хороша ещё и тем, что даётся не один раз! – неожиданно поднял новый тост писатель. «Женись сколько хочешь, главное, выпить не забывай!», в ответ на тост немедленно появилась новая строка в серёжиной заветной книжечке «Для му.мы.». Ошибается тот, кто думает, что точить лясы – удел женщин. Мужчины и здесь далеко обошли слабый пол, но, чтобы окончательно запутать учёных, пустили утку, что все женщины – сплетницы. И так как мысль Альбионыча не любила стоять на месте, он, забыв о только что сказанном, дождался, пока все присутствующие опрокинут по небольшой па́йке спиртного, и продолжил просвещение коллектива.

– Если б меня избрали президентом нашей родной Саксаулии, – произнёс он, – то моё первое обращение к народу было бы речью о защите частной жизни. Я бы сказал так:

«Дорогие саксаульцы! Яйчики-бабайчики, вас дурят! Государство и политики нагло захватили ваше сознание. Не позволяйте им больше вмешиваться в вашу жизнь! Их драки в парламенте и подковёрная борьба в каких-то (прости, русский язык!) мажилисах не имеют к вам никакого отношения. Живите своей жизнью: отремонтируйте квартиру, вымойте лестницу, посадите яблоню, перестаньте ненавидеть соседей, устройте с ними соревнование, чьи цветы на балконе ярче. Выпейте с друзьями под хорошую закуску, позвоните родителям, сделайте комплимент женщине. И буквально каждое утро, проснувшись, повторяйте вместе со мной, как молитву, строчки, написанные аж тысячу пятнадцать лет назад: «Как захочешь, так жизнь и проведёшь!».

Уподóблюсь я буржую,
и здесь надобно учесть, –
проведу-ка жизнь лихую,
потому что пиво есть!

Полтавцеву очень понравилась только что произнесённая речь, правда, не вся, а то место, где говорится о выпивке с друзьями под хорошую закуску.

– Жалко, Володя, что-то ты так плохо жизнь знаешь! – неожиданно попенял он писателю. Кулемзин аж поперхнулся пивом:

– Как плохо?! Почему плохо?!

– Да пишешь всякую ахинею, – расширил претензии охранник. – Нет бы что-нибудь про святое написать!

– Например?

– Например, мать честна́я, про пиво. Или про водку. Или вообще…

– Насчёт вообще ты, Серёжа, явно ошибаешься – именно про вообще у меня много не только прозы, но даже стихов. А вот про спиртное, каюсь, не очень, не то что, например, у Омара Хайяма.

– А этот Хам-ям, он кто был? Знакомый какой?– поинтересовался тянущийся к знаниям сторож.

– Да такой же поэт, как я, только с одной разницей: я больше по философии прохожусь, а этот Омар всё как-то по бухлу.

– Какой интересный поэт! – похвалил незнакомца Серёжа. – А помнишь какой-нибудь его стишок?

– Конечно, – ответил писатель, хотя, честно говоря, не помнил, поэтому ему пришлось немного поднапрячься и, в отсутствии своего музы Васи Курочкина, тут же сочинить *под Хайяма*:

– Чтоб жизнь прожить, знать надобно немало:
коль денежки жена твоя забра́ла,
иди к друзьям, где есть всегда бутылка,
и пей, не видя в этом криминала!

– Да-а-а, – уважительно протянул Афанасьич, – я вижу, этот Хам-ям жизнь, однако, не с наизнанки знает! Познакомишь как-нибудь?

– Конечно, – легко пообещал писатель. – Он только редко ко мне заходит…

Иногда ко мне в гости заходит
популярный писатель Хайям –
неплохим он жилище находит,
хотя мне самому́ – оно срам!
Я стараюсь, его развлекаю,
прилагаю весь пылкий мой дар,
но Омара всегда привлекает
одно место в квартире – мой бар.
Составляет он всю мою славу,
ну, а персу так нравится он,
потому что Хайяму по нраву
мой горючий огонь-самогон!

Между тем пьянка, так же, как и вчерашним вечером, разгоралась не на шутку. Пробки летели во все стороны, будто мухи от хлопушки. Бывшие сопокерники, а ныне собутыльники оживились, легко разговаривая на самые разные темы, и так же легко переходя на темы совсем противоположные. Например, после третьей стопки коньяка (да и водки тоже) они вначале обсудили сравнительные достоинства виски, денатурата и одеколона, причём, глубоко вдаваясь в химический состав и способы воздействия на нервные окончания, а закончили всё спором почему-то на футбольную тему: мешают ли яйца спортсменам в тот момент, когда соперники пробивают штрафной.

«Да, если печень заявила о себе», подумал Альбионыч, «нанеси ей ответный удар!». Из всех присутствующих ему особенно нравился пьяный прапорщик Батыршин: ничего не поймёшь из его разговоров, зато сразу видно, что умный. Вот и сейчас, отдышавшись после очередного приёма и занюхав принятое рукавом серёжиной майки, он глубокомысленно изрёк:

– Как легко было бы накопить на чёрный день, если бы он был один.

Полтавцев даже взвизгнул от восторга, подумав при этом, что, оказывается, в их компании не только один Володя такой умный, и поспешно достал заветную книжечку «Для му.мы.». Он нашёл чистую страничку и записал: «Надо бы внимательно присмотреться к моему другу Талгату – мне стало казаться, что он значительно поумнел за последнее время! Вот и сейчас он сказал о том, что лучше копить на чёрный день один день! А ведь и я давно задумывался на эту тему!»

А военному музыканту в это время, глядевшего на Валеру, который вёл неспешную беседу с соседом Серёжей, как человеку военному, неожиданно вспомнились занятия в школе прапорщиков по ориентированию, где на географических картах большого масштаба всегда присутствовали отдельно стоящие деревья, обозначаемые очень правдоподобным грустным значком – примерно вот таким:

Он смотрел на собеседников и тихопомешанно улыбался. При этом улыбка его висела как бы в воздухе, словно дирижабль Умберто Джузеппевича Нобиле, – такая же нелепая, такая же бесформенная и такая же обречённая на гибель.

«Происходит это в мае»,
говорил один ацтек:
«Дирижабли погибают,
как весенний поздний снег…»

Правда, иногда он что-то пытался вставить в чужой разговор, но его сбивчивая портвейновая речь была непонятна не только собутыльникам, но даже ему самому́. Постепенно всё происходящее стало напоминать кухóнные посиделки 70-х годов, когда советские люди (б) под радио «Свобода» и портвейн № 12 активно переживали за родину. После третьих *полста*, усугублённых принятыми ранее восемью пивными «Маршалами», Батыршин почему-то решил, что сидящие рядом с ним люди пришли, чтобы отпраздновать 23 февраля, правда, удивился ранней весне, потому что снега вокруг не было, и тут же принялся произносить тосты за все роды войск поочерёдно, включая загадочные лазерные войска Республики Саксаулия, о которых узнал только сегодня утром, а ты, мой читатель, совсем недавно – в главе 19 этого второго тома.

Карман Кулемзина опустошался со скоростью Михаэля Рольфовича Шумахера, и если для немецкого гонщика эта скорость была всего-то 330-340 км/час, то для Альбионыча – ещё больше, а именно 200 назарбаксов в полчаса! После первых бутылочек плохое настроение у сидевших за покерным (б) столиком, незадолго до того проигравшим писателю, сдуло, как сенбернаровым хвостом снег с залежалого альпиниста.

Если выпил граммов двести,
выпить триста – дело чести!

Напрягало только то, что педагог Курманбаев, страдающий перманентным дарвинизмом (или, чтобы было понятнее, *ДарВинизмом*, то есть стремлением выпить на халяву), умудрялся не только выпить свой стаканчик, но и нередко отпить из чужого. Почему-то он не пьянел больше других, и это было великой тайной для всех, кроме самогó Мусаича, ведь у него было то, чего не было у других, а именно единое всепобеждающее ленинское учение, помогающее буквально во всех трудных случаях жизни!

Глава 234. КАМПАЙ! (и ещё одно продолжение)

Тепло и спокойно было нашим героям, и их благостное состояние лишь изредка нарушали дворовые дети, которые носились по периметру Бермудского Учпучмака, как толпа буйно помешанных, причём, каждый из этой группы старался топнуть посильнее, вызывая землетрясение на данном участке планеты силой в 1 балл по шкале Чарлза Фрэнсисовича Рихтера.

– Хорошо сидим, – поведал сидельцам Володя, беспокойно поглядывая на живописца Муравлёва, впавшего в небольшую алкогольную кому. – Вот так бы просидеть, не вставая, несколько веков…

Но, как известно из «Обобщённой русской теории относительности» Кулемзина-Гройсера, долгое веселье почти всегда превращается в скорбь.

– Эх, стар стал, – притворно закручинился Альбионыч, – пьянею с одной бутылочки пива. Вот только не помню, с тринадцатой или четырнадцатой…

– За отсутствие взаимодействия! – тут же поддержал его Афанасьич.

Если хочешь быть красивым,
вместо водки трескай пиво!

Здесь оказалось, что после восьми бутылочек дорогого «Тянь-Шаня», нескольких тайных глотков из серёжиных бутылочек «Жигулёвского», а особенно после ста граммов уж вовсе горячительных напитков Курманбаева переклинило в сторону позорного социалистического прошлого и он горячо забормотал:

– Свободу Анджеле Дэвис! Руки прочь от Вьетнама, мать моя партия! Коммунизм – это молодость мира, и его возводить не перевозводить молодым!

– Эх, Нуртай, – попенял коммунисту Володя. – Ты не учитываешь только одного: прошлое прошло, и если ты обязательно хочешь закончить этот день каким-то лозунгом, то я могу предложить тебе свой:

Миру – beer!

– Реасе'у – пиво! – тут же перевёл образованный по части английского языка Афанасьич.

Трубач завистливо посмотрел на сторожа, думая о том, что завтра, непременно завтра он окончательно бросит пить и тут же займётся изучением как минимум трёх языков: гуджарати[329], курманджи[330] и хауса[331]!

[329] Один из 23 официальных языков Индии – прим. переводчика
[330] Крупнейший диалект курдского языка – прим. переводчика
[331] Крупнейший по числу носителей язык чадской ветви – прим. переводчика

Но заведённого Полтавцева остановить было трудно.

– Да-а-а, – задумчиво проговорил он, – вот и жизнь похожа на кружку чая…

– Яйчики-бабайчики, почему?! – изумлённо поперхнулся Володя.

– Да хрен его знает, – почесал затылок охранник, – я же не философ!

Вёл себя философ кротко,
как последнейший дебил,
но предпочитал он водку,
потому что умным был!

– Бутылочку пустую не дадите? – в это время спросила из-за заборчика неопрятная старушка из дореволюционного временно́го среза.

– Драстуй, баушка, – поклонился ей в пояс Серёжа – так, как учила его своя бабушка Федора из деревни Семижопино, после чего молча передал печально зазвеневшую стеклянную охапку. В это время Валера на мгновение очнулся и прислушался к разговору писателя и трубача.

– То есть ты, Талгат, утверждаешь, – говорил Кулемзин, – что первоначальная причастность к трансценденции, обеспечиваемая скреплённостью сознания и плотского, оказывается свойством фундаментальным?

– Конечно, – убеждённо ответил Салихдзяныч, не забывая при этом отхлебнуть из пластикового стаканчика сомнительный туркменский портвейн, – я бы даже сказал, своего рода краеугольным камнем! И именно эта причастность и обеспечивает коммутацию познающих объектов. Причём, очевидно, что эти свойства не выводятся, а явно постулируются, то есть вносятся в систему извне.

«Святой Малевич, кому это очевидно?», хотел было уточнить художник, но потом решил, что всё это ему почудилось, после чего вновь впал в черноплодную кому, словно от коктейля «Кровавый Мерин». Засыпая вечным сном, он даже не почувствовал, что рот у него смешно закривился какой-то гипотенузой. «Обморочно-штормовое состояние», тут же дал верный диагноз Володя.

Нам бутылки – словно слитки
золотые, как патрон:
крепко спится под напитки,
от которых сладкий сон!

В это время, как это часто бывало, на плечо Володи присел его верный муз Вася Курочкин и дунул в ушко. Писатель (а в данную секунду поэт) вздрогнул и тут же экспромтом придумал стихотворение памяти хорошего русского человека, его тёзки Владимира Маяковского. Правда, стих этот был не простым, а в виде рюмки, но кто осудит за это творческого человека:

[332] Первая строка из стиха В. Маяковского «А вы смогли бы?» 1913 года – прим. лит. редактора

Видимо, представленная читателю рюмка была так живописно хороша, что Муравлёв вновь очнулся от алкогольной комы, и вовремя, так как Альбионычу тотчас потребовалось задать ему некий вопрос.

– А почему ты, старик, не работаешь в жанре антиискусства?

Николаич поперхнулся глотком батыршинского «Маршала» и вопросительно поглядел на предлагальца:

– Да я вообще не знаю, что это такое!

– Всё очень просто, – объяснил пионер жанра. – Берёшь холст и пишешь картины, ну, скажем, под такими названиями: «Белка и Стрелка запускают в космос академика Королёва», или «Князь Олег укусывает змею за заднюю ногу», или «Немецкие танкисты поят Молотова коктейлем его имени», или «Памятник Ленину гадит на голубей».

– А вот Ильича I… тьфу, Владимира Ильича… попрошу не трогать! – завопил Курманбаев.

– Хорошо, – пожал плечами писатель. – Тогда вот ещё одна тема в этом же жанре: «Переход Суворова через Кутузова»

– А вот это легко, – обрадовался живописец.

– А ты сильно не радуйся, – оборвал его веселье Афанасьич, – помнишь, ещё вчера, в главе 156 ты обещал написать мой автопортрет?

– Так масла же нет, – попробовал отбояриться художник.

Серёжа вскочил, быстренько сбегал в магазинчик Калимы и положил перед изумлённым Муравлёвым брикет шоколадного масла «Родные просторы». Валера тут же оторвал из покерной *раскладки* чтистый с одной стороны листочек и приступил к творчеству. Увидев такое безобразие, Кулемзин неожиданно понял, что такое здоровье. А чтобы читатель хорошо запомнил эту русскую мысль, автор решил дать её несколько лозунгово[333]:

Здоровье – это не более
чем короткий эпизод
между двумя пьянками!

[333] ***Не показывать иностранцам – всё равно не поймут! – прим. автора***

Через пару минут портрет был готов. Он был бы всем хорош, но получился, с точки зрения критика Альбионыча, несколько сальным, да и основные черты характера сторожа негритянского вида прописались как-то поверхностно. Но Полтавцев был рад и такому – он осторожно свернул «автопортрет» в некое подобие квадратика, по размеру напоминающее спичечный коробок, и засунул его в боковой кармашек своей котомки, где этому произведению искусства и придётся пролежать аж до седьмого тома «Русской кочерги». И почему автор решил именно так, не знает никто, и, говорят, даже сам *дедушка*, узнавший об этом удивительном факте, целых 12 минут в недоумении чесал свою редкую бороду.

Факт прискорбный очевиден,
как у нищего протез:
мы рисуем мир, как видим,
мир рисует нас, как есть…

Глава 235. КАМПАЙ! (почти окончание)

– Ну, будем! – произнёс охранник самый рапространённый русский тост и, перекрестившись, *пропустил* ещё пару глотков водки.

– А креститься-то зачем, йодистый стакан? – икнув, спросил татарский прапорщик. – Чтоб лучше пошла?

– Эх ты, нехристь, царица лесная! – попенял трубачу Афанасьич. – Это для того, чтобы дедушка знал, что я пью не ради пьянки…

– …а ради закуски? – предположил Муравлёв.

Не знал, конечно, шнапс-капитан – и в силу своего атеизма, привитого ещё в Советском Союзе (б) в военно-музыкальном училище имени Курмангазы, и в силу ещё одного своего атеизма, полученного в еврейской семье, – что в коране, книге, как известно, почитаемой всеми *правильными* мусульманами, о вине, как частном случае выпивки, есть вот такие проникновенные строки: «Они спрашивают тебя о вине и о *майсире*[334]. Скажи: «В них обоих – великий грех и некая польза для людей, но грех их – больше пользы»[335]

[334] В некоторых переводах: об игре в жеребьи – прим. автора
[335] Коран, сура 2, аят 216

– Это что за зверь такой? – вопросительно поднял бровь тянущийся к знаниям Полтавцев.

– Майсир-то? По большому счёту – это то, чем мы занимаемся каждый день, то есть игра.

– Так это что же получается? – возмутился бывший текстильщик. – Что и игра, и выпивка – это большой грех?

– Как видишь, – пожал плечами писатель.

– А какой грех больше, я так и не понял?

– Если вначале играть, а потом пить, то грех невелик, а вот если сначала пить, а потом начать играть, то греха нет вовсе, так как игра всё равно не получится, – объяснил псевдомуфтий[336] Кулемзин, которому очень нравилось, что процитированный им *аят* находился внутри суры Аль-Бакара, который переводился с арабского как *Корова.*

[336] Муфтий – духовное лицо. В данном контексте: толкователь корана – прим. автора

Я признать, разочарован
в изучении потех:
сообщила нам Корова,
что бухну́ть – огромный грех!

Неожиданно богословский разговор прервался, так как Серёжа, впечатлённый прозвучавшим, пошарил под столиком и вытащил оттуда бутылочку, до того никем из присутствующих не увиденную, то есть какое-то марочное вино, запечатанное настоящей пробкой.

– Эх, – почесал тыкву охранник, – а штопора-то нет.

– Как же нет, святой Малевич? – обрадовался тому, что может помочь товарищам, художник, полез в карман, достал оттуда грязный носовой платок и, развернув его, показал друзьям штопор, который стащил из дома ещё в главе 24!

И давно уж доказано практикой
(эта тема спирали касается):
кто-то видит просторы Галактики,
кто-то сразу за штопор хватается!

– Ух ты! – обрадовался Афанасьич и решительно ввинтил обнаруженный прибор в пробку. Володя, чтобы не терять полезное время, решил провести очень короткий ликбез на эту тему.

– Аж 153 года назад, а именно в 1860 году некий Майкл Леонардович Бирн из Северо-Американских Штатов, – просветил он коллектив, – сначала придумал, а потом запатентовал великий прибор, который он, по своему американскому скудоумию, назвал «буравчиком с деревянной ручкой Т-образной формы». Прибор быстро распространился по всему свету, пока не достиг России, где, яйчики-бабайчики, и получил своё настоящее название – штопор, став поистине национальным русским инструментом!

Нам без него не жизнь! Всерьёз, отважно
«пузырь» им *открывают* бомж и мент.
открыл нам Бирн, американец важный,
национальный русский инструмент!
Открыл тем самым душу человека,
по сути совершив *открытье* века!

Короткий просветительный рассказ эрудита так потряс сидящих за покерным столиком, что они мгновенно распили сладкую бутылочку и тут же забросили её в кусты, так и не узнав, какое же название было написано на её этикетке. Да и так ли это важно, когда есть в коллективе что-то более серьёзное, а именно единение на почве главной идеи?

Неожиданно мирное течение жизни собутыльников нарушили страшные крики, постепенно переходящие в вопли. Сопокерники и примкнувший к ним художник вздрогнули и, как один, повернулись в сторону дома № 17, откуда и доносилось звуковое сопровождение. Надо ли говорить, что вопли издавал старый недруг нашего коллектива алкаш Глав-Бух, когда-то более известный под именем Руслана Кацоева.

Нуртай поглядел на орущего дурниной Глав-Буха и раздражённо заметил:

– И чего он орёт как резаный? Неужели нельзя на полтона пониже?

Затем, подумав, добавил:

– Ведь самому было бы приятнее!

– Козлы! Все козлы! – очередная сотня децибелов пронеслась над пространством Бермудского Учпучмака. При этом Глав-Буха здорово мотануло в сторону и он, привалившись к стене, с трудом сумел сохранить (прости, русский язык!) *дифферент.* Но ненадолго, потому что классический Закон Всемирного Тяготения Алкашей к Земле, описывающий гравитационное воздействие в рамках классической механики, и открытый Исааком Исааковичем Ньютоном ещё 347 лет назад, вновь победил – Кацоев (б) в очередной раз брякнулся на траву, но сознания, судя по интенсивному мату, не потерял.

– Что может быть прекраснее неожиданного освобождения речи? – прокомментировал это событие Кулемзин, кривясь, словно от зубной боли.

После падения Руслан (б), как рыба камбала, слился с местностью, вывернув глазёнки на один бок и лупая ими в верхние слои атмосферы. Уже изрядно подвыпившая, на помощь своему сожителю пришла Галлюцинация, когда-то более известная под именем Галины Смирновой, но тоже безуспешно. Выглядела она как ходячий притон блох, вшей и других не менее полезных для неё паразитов. Даже

на расстоянии от парочки шла вонь, которую смог бы оценить только какой-нибудь юный токсикоман.

«Дерьмовочка! Сифилиса Престрашная!», тут же наградил писатель, обладающий слишком богатым воображением, боевую подругу Глав-Буха двумя новыми *придумками*.

Уткнувшись в битое стекло,
лежало тело,
оно подняться не могло
иль не хотело,
являло зримый эталон
немой отваги,
символизируя закон
всемирной тяги.
Быть может, видный бизнесмен
шёл вдоль фасада,
но в наше время перемен
попал в засаду?
Или народный депутат
тут сдуру лазил,
свой повстречал электорат,
и в шоке – наземь.
А может, был отравлен он –
по новой моде?
Но нет, ругается, пардон,
и дышит вроде.
И вдруг журчащий ручеёк,
украсив местность,
из-под него ко мне потёк.
Какая мерзость!
Вот так вот лягут на пути
в пылу успеха,
а честным людям не пройти
и не проехать!

Какое-то мгновение Глав-Бух лежал смирно, как сбитая кегля. Наконец Галлюцинации удалось поднять алкаша и прислонить к ближайшему дереву, где он, блаженно рыча, стал тут же вытворять пакость, которую иногда учиняют некоторые мореплаватели во время морской болезни. После этого Глав-Бух стал выглядеть как свеженький покойник, только что вытащенный из петли. После исполнения этой страшной арии неприятные гости наконец-то отчалили из Бермудского Учпучмака.

Но зато от столика, где сидели основные силы нашего повествования, время от времени слышались разные выкрики, а иногда даже и целые фразы. Серёжа приложил руку к уху и услышал, например, такое раздражённое высказывание художника Муравлёва:

– Я вообще не люблю тех, кто корчит из себя культурных людей, разговаривая о Моцарте, но при этом даже не видел ни одной его картины!

Правда, кому Николаич вещал эту истину, он так и не понял, а вот Володя, услышав произнесённое, сразу же вспомнил (может, даже и не к месту) одно высказывание английского политика Уинстона Рэндолфовича Черчилля: «Я поменял

бы всю европейскую красоту на одну грустную русскую песню!», после чего мысленно взял *ми* третьей октавы и порадовался, что у него это получилось. В это время кто-то серёжиным голосом громко спросл его в ухо:

– Володя, а как ты относишься к прерыванию жизни, данной нам *дедушкой*?

– Когда смотрю на тебя, – ответил Альбионыч, – согласен!

В это время он почувствовал лёгкое касание к своему левому плечу и, скосив глаз, увидел, что его вновь посетил верный муз Вася Курочкин.

– Ты чего? – спросил писатель.

– Да вот думаю, – ответил муз, – что уже несколько глав ты назвал непонятным словом *кампай*, а так и не объяснил его читателям. А ведь если забудешь, потом будет стыдно. А сопрёшь, как всегда, на меня!

– Верно! – виртуально хлопнул себя по лбу Альбионыч и благодарно, но осторожно погладил Васю по ломкому крылышку, после чего поручил объяснение автору этого тома, что он (автор, а не том) с удовольствием делает.

– Серёжа, – неожиданно предложил Кулемзин. – Яйчики-бабайчики, налей-ка всем – у меня есть тост!

Все удивились, а педагог Курманбаев даже насторожился, ведь он-то точно знал, что с точки зрения идеологии Альбионыч ничего хорошего не скажет. Охранник разлил по пластиковым стаканчикам разное содержимое и начал внимать.

– Итак, яйчики-бабайчики, кампай! – торжественно известил Володя.

– А-а-а? – открыл рот Батыршин, но вопроса так и не получилось.

– Или, в переводе с японского, *до дна*! – объяснил писатель, а чтобы до коллектива лучше дошёл его тост, даже нарисовал веточкой в пыли вблизи покерного столика вот такие иероглифы:

Бухлом страдая по-пижонски
до положения бревна,
«Кампай!», сказал я по-японски,
по-русски выпив всё до дна…

Глава 236. КАМПАЙ! (неокончательное окончание)

– А знаете ли вы, мои маленькие друзья, – сделал ещё одну слабую попытку остановить неостановимый вал алкоголизма Володя, – что РСНП, или рекомендуемая средняя норма потребления на одного саксаульца составляет…

– … два ведра! – под общий смех завершил мысль Полтавцев, после чего Альбионыч оставил все попытки и пустил дело *употребления* на самотёк. В это время сторож понял, что окончательно созрел для производства афоризма:

– Одна голова хорошо, а пить втроём лучше!

– Вчетвером! – поправил его Валера. – Наливай, святой Малевич!

После этих слов писатель почувствовал себя страшно одиноким, и если бы не его творческое начало, которое не отпускало его ни на секунду, возможно, он скончался бы на месте от чёрной меланхолии.

«Расскажу-ка я сам себе какой-нибудь стишок!», решил он и осуществил задуманное – мысленно:

«В квартире № 8

Спокойный, словно на допросе,
в необъяснимой тишине
попал в квартиру № 8
(и это вовсе не во сне).
Мне стало жарко, словно в бане,
как будто получил сигнал:
ведь хоть я здесь бывал и ране,
сегодня место не узнал.
Здесь пахло как на звероферме,
и словно кто разлил смолу,
кровать, забрызганная спермой,
бутылки пыльные в углу,
на газетёнке – чебуреки,
приёмник – явно безголос,
стакан, захватанный навеки,
и лужи от пролитых слёз.

♠ ♠ ♠

И только лишь на фестивале
узнал я всё, как прокурор:
да просто здесь кино снимали!
А сперму делал бутафор…»

И только завершив стишок, он понял, что раньше никогда не писал его. «Неужели плагиат?», подумал поэт. «Нет-нет, есть и другая версия, и она кажется мне более правдоподобной – это гениальный экспромт!»

В это время, выпив шестую пайку чего покрепче, музыкальный прапорщик, как в своё время КПСС (б), окончательно сошёл с верного курса. Глаза у него были совершенно ошалевшие, словно у деревенского пастуха, которого неожиданно боднула всегда смирная до этого Зорька.

– Ёперный полюс, а давайте выпьем за то, чтобы когда-нибудь нашу улицу Жубанова переименовали в улицу Витуса Беринга!

– А, это который поёт? – уточнил Афанасьич. – С жабрами?

– Не-е-е, который поёт, тот Винтус, – поправил его Муравлёв.

– Эх вы, неучи, – не расслышав, поправил их педагог. – Не винтус, а вантуз, мать моя партия!

Володя в который раз подивился степени алкогольных фантазий подотчётного коллектива, но решил не вмешиваться, ибо вмешаться сейчас в разговор *принимающих* считал делом тухлым.

Стремясь с натуры описать запой,
поэты часто жертвуют собой…

Особенно усердствовал в этом деле художник, который жил только настоящим мгновением, так как ему ещё предстояли мгновения страшные, – когда поздно вечером всё-таки придётся встретиться с любимой. Было видно, что Валера уже вошёл в режим пьяной откровенности, когда все вокруг кажутся участниками одного большого и общего дела, и необходимо вовлечь в него как можно больше людей.

После нескольких порций водки, принятых после пива, он стал жёлтым, как вьетнамец. «Настоящий художник!», порадовался за него охранник. «Ишь какой колер нажрал!». Вскоре после *принятия* очередной пайки лицо Муравлёва осунулось и приняло обычное одутловатое выражение, как будто вместе с *горькой* он впитал в свой организм еще и лишнюю *x*-хромосому.

– Что-то у тебя, сынок, глаза закрываются, – заметил Володя.

– Так гравитация же, – объяснил умный художник.

– Володя, вот всё хорошо, – тем временем приобняв писателя за талию, признался сторож, – да только чуток мудрости не хватает. Царица лесная, расскажи что-нибудь умное!

– Но только на тему дня! – строго добавил Курманбаев.

«Да, тема эта вечная», подумал потенциальный лектор, «потому что пьянка в Саксаулии, как правоприемнице Руси, не закончится никогда!»

– Хорошо, – как обычно, не стал чиниться литератор. – Итак, слушайте рассказ под названием

Притча о плате

– Ходил Христос с апостолами по земле да и зашёл как-то вечерком к *иблису*. Ну, тот, знамо дело, угостил их араком. Выпили все апостолы по две рюмки – понравилось. И только Павел спросил себе третью рюмку. *Иблис* ему, не чинясь, налил, но стал просить за неё плату…

– Видимо, материнскую плату, – пояснил образованный педагог.

Володя коротко глянул на него и продолжил:

– Так вот, лишних денег, конечно, у Павла не было, вот он и отдал ему свою шапку. Только Христос велел шапку вернуть, пообещав *иблису* другую плату.

– Видимо, более новую версию материнской платы, – отозвался Нуртай, претендуя на соавторство.

– А плата эта теперь стала такой, – завершил рассказ Володя, – мол, отныне душа умершего пьяницы принадлежит тебе, *иблису*!

– Ничего не понял, мать честна́я! – признался сторож. – Ведь речь идёт об умершем пьянице, а мы-то до сих пор живые! – и счастливо засмеялся от сделанного открытия.

«Чуть живые…», хотел поправить его Альбионыч, но не стал портить праздник.

– Эх, Володя, – неожиданно попенял ему живописец. – Ведь я просил не какой-то грубой прозы, а нежной поэзии. Иначе без неё и водка не горькая, и закуска не сладкая!

Кулемзин ещё раз с сомнением оглядел покерный столик, но закуски, как и прежде, на нём не обнаружил. Видимо, холодник, которым он угостил сопокерников в главе 219, стал для коллектива *превентивной* закуской ещё до покупки крепкого спиртного. Но расстраивать Муравлёва не стал, так как считал его самостоятельной алкогольной единицей коллектива.

– А давай про Чапая! – неожиданно подкинул тему военный и, видимо, для иллюстрации просьбы даже махнул воображаемой шашкой, задев Нуртая по плечу. Педагог поморщился и тихо прошипел проклятие на незнакомом языке:

– !א וכ תמ דיל מחול ללוהמ[337]

[337] ***Да чтоб ты сдох, славный воин! – ивр.***

– Про Чапая так про Чапая, – согласился писатель и с выражением прочёл:

– Василий Иваныч Чапаев,
гражданской военный герой,
бандитская пуля слепая
убила тебя под горой.
Плывя через бурную реку,
ты был поражён наповал.
И повесть «Судьба человека»
Гайдар о тебе написал!

– Классно! – обрадовался музыкант. – Я эту «Судьбу насмерть убитого человека» про Чапая ещё в школе читал. Вот, Серёжа, ёкарный Гайдар, учись, как надо стихи писать! – неожиданно попенял он Полтавцеву и погладил правый бок, как бы обнадёживая свою печень, что уж завтра непременно порадует её кефиром.

– Да что же я, стихов писать не умею, что ли? – обиделся охранник, после чего с выражением прокричал в пространство Бермудского Учпучмака, спугнув стайку дворовых детей, игравших за деревьями в прятки:

– Флаги на ветру трепетают,
так же и моя любовь к тебе, Зуля,
сильно зажигает!

Все дружно поаплодировали, правда, Альбионыч подумал о том, что такому поэтическому персонажу, как охранник, больше бы подошли такие строки:

«Зуля, я тебя любил,
потому что я дебил!»

– Кстати, эти проникновенные слова о любимой, Серёжа, – посоветовал Володя, – ты просто-таки обязан переложить на музыку Иоганна Иоганновича Штрауса, после чего петь как гимн Всемирной Гармонии.

– Я бы переложил, – огорчился Афанасьич, – да только на всемирной гармони играть не умею! Кстати, Володя, а не прикупить ли нам ещё настроения литров 15?

Очень сильно я хочу
200 граммов первачу!

Гуру оценил вид Полтавцева, крепкий дух, исходящий из его организма, пощупал лоб и облегчённо произнёс:

– Серёжа, ты прямо сегодня можешь идти в банк – брать большой кредит!

– Так я же отдать не смогу! – испугался сторож.

– Яйчики-бабайчики. а тебе и не придётся…

– Банк лопнет? – с надеждой поинтересовался бывший текстильщик.

Все немного посмеялись над дурковатым. Но было видно, что терпение у всех, кроме спонсирующего писателя, подходило к концу – об этом можно было догадаться по своеобразным позам, выражающих скрытое страдание и напряжение. Чтобы это напряжение стало меньше, военный трубач решительно допил последнюю

пайку незнакомого вина, перед приёмом ещё раз извинившись перед печенью, которая так и не дождалась обещанного кефира.

При моей антисоветчине
обещал кефир я печени.
Всё же печень не сберёг,
сел ведь сам… Такой вот рок!

Глава 237. КАМПАЙ! (окончательное окончание)

Кулемзин смотрел на бывших сопокерников и не узнавал их. Расслабляющий дух Бахуса Зевсовича бежал босыми ножками по покерному столику, спрыгивал.на травку и запрыгивал вновь. Осоловевший сторож Полтавцев сидел как привет от третьего мира. Педагог Курманбаев, от природы имеющий не слишком широкие глаза, в этот момент выглядел как японец в собственном *сакэ*. После очередной стопочки какого-то крепкого напитка прапорщик Батыршин сделался совершенно плюшевым, лицо его вытянулось, словно отражение в кривом зеркале советской (б) комнаты смеха, а речь стала неразборчивой, как у паралитика.

– Зспх прсхдщго, ёпрн пкр! – произнёс он совершенно бессмысленный тост без гласных букв, и Володя с трудом перевёл его как «За успех происходящего, ёперный покер!», после чего трубач единым, кощунственным по отношению к псевдоблагородному напитку, махом опрокинул содержимое в гло́тку.

От выпитого покачивался, как на подводе, и художник Муравлёв. Глядя на него, писатель тотчас захотел бросить всё и немедленно усесться на написание докторской диссертации «Выпивание диметилфтолата вместо спирта с последующим негарантированным выживанием».

«Что-то это мне напоминает», подумал Альбионыч. «По-моему, какой-то недавно виденный фильм. Может быть, «Страна бухих»?». В голове у него словно замкнулась некая электрическая цепь, после чего загорелась сигнальная лампочка, как у *мента* из мультфильма про капитана Врунгеля. «Попробую-ка я расшевелить эти соломенные скирды своим гениальным творчеством», наивно подумал он, поднял палец, призывая к вниманию, и начал читать монолог главного героя Изжогина, советского (б) журналиста и алкоголика, из очень давно написанной пьесы «Ночь».

Монолог Изжогина

Бокал! Стакан! Бутылку! Бочку!
Не первый раз, а много лет
мне трудно оставаться ночью
с безумным хмелем тет-а-тет.
О, ночь скорее б! День скорее б,
чтоб эту тьму развеять вдрызг!
Вот, наконец, оно синеет –
окно в туманных каплях брызг.
Глоток вина – сползёт туманом
в мозгах моих хмельная слизь,
а после третьего стакана
цветисто заиграет жизнь,
и улица асфальт расстелет,
как хорасанские ковры,

и лёгкость ощутится в теле,
и будут встречные добры,
и я, как бы великодушен, –
я к людям сердцем потянусь,
и детям надарю игрушек,
чтоб не почуять жизни гнусь.
И примерещится мне мама,
и с неба вдруг не снег, а манна,
посыплется на гололёд,
и в сердце остро так кольнёт.
И горло сдавит отвращенье
к себе, к приятелям, к вину, –
я тихо попрошу прощенья
за молодую седину.
И та, другая, в синем платье,
похожая до мелочей,
признанья просит – не проклятья.
Я больше не боюсь ночей,
ни одиночества, ни страха!
Я улыбаюсь всем назло:
на мне хрустальная рубаха,
а рядом – женское тепло.
Но…
снова ветер в окна бьётся,
облапил тело липкий страх,
из-под стола ко мне крадётся
весь в сером тощенький монах –
рукой костлявой знаки чертит,
и, корчась, прыгают с руки
худые серенькие черти,
показывая языки.
Нет ни одной поющей птицы,
нет трезвых, нет покоя, сна –
одни скупые продавщицы,
одни разливщицы вина…

После стиха его содержанием и смыслом больше всех проникся Валера, даже всплакнув над судьбой героя, но обратил свой спич по этому поводу почему-то к Полтавцеву.

– Вот, Серёжа, возьмём тебя, – неожиданно обратился он к сторожу.

– А чего меня брать? – всполошился Афанасьич.

– Я, святой Малевич, в переносном смысле, – объяснил художник.

– А чего меня переносить? Мне, царица лесная, и здесь неплохо, – ещё больше испугался охранник.

– Ты слушай, – попенял ему Муравлёв. – Я к тому, что здесь, в нашей замечательной компании собрались исключительно творческие люди. Но не все!

– Ты что же это, на меня намекаешь? – насупил брови бывший текстильщик.

– И не только. Вот смотри: Талгат у нас большой музыкант, Володя – талантливый поэт и писатель, я – гениальный художник! А вот ты да ещё Нуртай – личности какие-то нетворческие, серые, что ли.

– Мать моя партия, чего это я серый? – возмутился педагог, наконец поняв, куда клонит кулемзинский друг. – Да я, если ты хочешь знать, два высших образования имею, а вот Серёжа ни одного!

– А я, если *ты* хочешь знать, – спедалировал местоимение Полтавцев, – до сих пор помню все тактико-технические данные советского ткацкого станка, а также его детали – ремизку, челнок и бёрдо!

Мне работать нынче неохота,
нынче мне лишь отдых по плечу:
я когда-то на станке работал,
а теперь работать не хочу!

Надо ли говорить, как поразило всех собравшихся какое-то техническое бёрдо! Хотя Володя, как знаток всего на свете, знал, что бёрдо – это всего лишь подобие гребня, распределяющего нити основы по ширине изготавливаемой ткани. Но бывшего текстильщика уже несло.

– А знаешь ли ты, презренный сосед, – как-то уж совсем по-восточному обратился он к Курманбаеву, – чем осуществляется прокладывание утóчной нити, сходящей с бобины, на пневматических и гидравлических ткацких станках? Это тебе не *могендовид* какой-нибудь!

Мусаич виновато понурился, как бы признавая: да, брат, обмишулился я, чего не знаю, того не знаю.

– Так знай, мать честна́я, – торжествующе закончил страшное разоблачение неталантливого соседа Афанасьич, – на пневматическом ткацком станке это действие осуществляется струёй сжатого воздуха, а на гидравлическом…

– Стой, Серёжа, – остановил лектора Альбионыч, – дай-ка мне попробовать угадать: а на гидравлическом, яйчики-бабайчики, – капельной струёй воды.

– В точку! – радостно закричал сторож и пожал руку знатоку, после чего предложил взять в магазинчике Калимы ещё немножко водочки, а заодно и лимонаду, причём, при произнесении последнего слова посмотрел почему-то на прапорщика. Талгат Салихдзяныч тут же молча принял позу оскорблённого в лучших чувствах профессионала: обещая большие деньги, зазвали на альте играть, а ноты подсунули для балалайки! Да после такого такого оскорбления и денег никаких не надо. Но простить всё-таки можно – если нальют…

♠ ♠ ♠

Солнце клонится к закату –
не пора ль извлечь гранату?

И вот здесь автор, так увлёкшийся судьбами героев, заметил, что потемнело уже совсем не по-детски, а, значит, надо отправлять родных персонажей *баиньки*, надо дать им некоторое время для восстановления жизненных сил и кислотно-щелочного баланса – для следующего дня, а, значит, и для следующего третьего тома. На ум главного героя, который всегда соседствовал (не герой, а ум) с его так называемой душой, тут же пришёл нехитрый экспромт на тему этой мысли:

Не грустить я не могу,
ведь погода непогожа, –
липнет к серому окну

туч бессолнечная рожа.
Бледно съело луч-стрелу
брюхо облачной медузы,
сонно бродят по стеклу
то ли мухи, то ли музы…

И ещё раз подумал автор: вот уже близок конец второго тома, а подробно о герое, в честь которого он задуман и назван, то есть «Полтавцевская битва», сказано как-то отрывочно и хаотично. И вроде бы уже читатель был несколько знако́м с ним по первому тому[338], но всё равно как-то нехорошо! Решено, подумал автор, пришло время дать краткое описание того существа, сыгравшего, как и остальные главные герои, не последнюю роль в той драме, которую благосклонный читатель, как мы теперь видим, готов наблюдать до финала. И пусть читатель мой не обижается, что этому персонажу автор посвятил 14 полных страниц (или 15 неполных).

[338] ***См. главы 264-265 в первом томе «Русской кочерги» – прим. гл. редактора***

Глава 238. ВЕТЕРАН СУМЕРЕЧНОГО СОЗНАНИЯ (короткая повесть о главном герое)

Итак, Сергей Афанасьевич Полтавцев родился в предыдущем XX веке, а умрёт наверняка в веке этом, XXI-м! На этом, собственно, всё. Шутка.

Начав соображать где-то в возрасте 10 лет, он стал наивно полагать, что в его честь назвали не только поэта Есенина, но даже актёра Безрукова! Он часто болел в детстве, потому что с юных лет нередко заменял обеды и ужины самокруткой с табачком-самосадом, сворованной у деда Михея и выкуренной за соседским овином. Особенно ему не повезло со *свинкой*, которой он умудрился переболеть аж 14 раз! После этого в истории болезни Полтавцева появилась следующая запись: «Больной от вскрытия отказался. Выписан под наблюдение районного патологоанатома».

Снова крутится пластинка
над жизнюхой испито́й:
заболел я в детстве свинкой,
а подрос – и стал свиньёй!

Голова у Серёжи с детства и по сей день была маленькая и какая-то плюшевая, складчатая на затылке. Уши на ней *аллометрически*[339] устремлялись прочь от тыквы и не входили с лицом ни в какие пропорции. Дополняли общую картину какая-то кухарочная кожа, а также пожизненный ушиб головного мозга, который ясно читался каждому, кто имел сомнительное удовольствие общения с нашим героем. Не добавляли приятности в общую картину и бессмысленные, как у Пьеро, приподнятые вверх брови – густые и тяжёлые, как у Ильича II эпохи увядания. Создавалось впечатление, что кто-то когда-то скомкал бумажный клочок, потом не слишком тщательно расправил его – и получилось лицо Полтавцева, напоминающее грубую лепку по мылу. С годами листок желтел, в его складках скапливались тяжёлые тени, бумага от времени местами коробилась, обретая свойство картона, и превращалась в несгибаемое *папье-маше*, в котором застыло нажитое за долгую жизнь печально-смиренное выражение. Из-за этого лицо его казалось как бы высеченное стамеской, а потом для верности обработанное крупным наждаком.

[339] ***От гр. слов allos – иной, и metros – мера***

Итогом этого было общее наблюдение: лицо будущего сторожа стало мятым, словно лепили его, лепили, да не вылепили. Из-за этого оно было настолько невыразительным, словно кто-то по-школьному старательно вывел правильные черты, а потом стёр резинкой, но не до конца, оставив размазанные линии. Многорекламируемые шампуни пасовали при виде его серых волосёнок, и мешковатый костюмчик вечно был засыпан перхотью. Ходил он неуклюже, носками внутрь, а руки держал на весу́, выставив их немного вперёд, как будто собирался с кем-то бороться. Сипловатый голос Полтавцева казался невыразительным, лишь иногда в нём просвистывали шипящие нотки, словно под языком ворочалась змея или сабля покидала свои кривые ножны, готовая сверкнуть и распластать каждого, не вовремя подвернувшегося.

Рассуждают журналисты:
«Хоть и головою слаб,
стать он мог бы и артистом –
в фильме ужасов хотя б!»

«Родословная от дубового пня? Неизлечимая травма психики? Плод генетических экспериментов советских врачей-садистов? Жертва неточных представлений о жизни? Тени жестокого детства?», размышлял Кулемзин, впервые встретивший Афанасьича на жизненном пути, и без того трудном и ненадуманном, и резюмировал свои наблюдения в точный и беспощадный диагноз: «Шубообразная мозаичная шизофрения, отягощённая комплексом отцов и детей». И если даже Володя ошибся, то очень не намного. Сильный психиатр сразу бы определил, что у охранника ярко выражен *аш-игрековый компонент*[340]. Юмора он не понимал вообще, что в глазах писателя было первым признаком застарелого психического расстройства. Глядя на охранника, сразу же возникало желание сдать этого персонажа в зоопарк – на вечное хранение. Короче, для огромной страны Саксаулии маленький Серёнька Полтавцев никакого прикладного значения не имел.

[340] ***Первые буквы латинского слова истерия, то есть HYsteria – прим. мед. редактора***

Кстати, о детстве. Оно у Серёжи было тяжёлым: о своём отце он знал, что того звали Афанасий, мать бросила его ещё до рождения, и он с малых лет проживал в деревянной избушке бабушки Федоры и деда Михея в деревне Семижопино Семижопинского района, которая в результате реформ советской власти (б) из захудалой деревни превратилась в захудалый ПГТ, или посёлок городского типа. А вот в какой области находится и поныне этот ПГТ, автор не хотел бы говорить – до той поры, пока там местные власти, вдохновлённые этим великом романом, не создадут дом-музей нашего героя, или хотя бы скромного обелиска в его честь, дабы было перед чем преклонить колени миллионам вначале читателей-почитателей, а потом и туристов. Лично я, автор этого произведения, нисколько не сомневаюсь, что когда-нибудь – лет через 100 или 200 в Семижопино обязательно будут проходить Полтавцевские чтения!

Читаем вслух свои творения
в честь искромётнейшего гения!

С детства обладая, как выражался дед Михей, одним шурупом в голове, Серёжа был настолько тупым, что Володя даже подозревал его родственников в том, что в детстве они покупали ему только 8-битные игрушки. Родившись русским, он совершенно не понимал, когда ему объясняли что-то на родном языке. В начальной школе он слыл таким некрасивым ребенком, что некоторые учителя, чтобы не сильно пугаться, даже выпивали перед уроком. Кстати, учёба давалась ему трудно: например, читая по бумаге, маленький Афанасьич путался в падежах и предлогах, как иностранец, взявшийся изучать русский язык в пожилом возрасте, а самые простые русские слов лепил со старательностью чернокожего студента университета Дружбы народов имени такого же чернокожего Патриса Эмериевича Лумумбы. Правда, ради исторической справедливости автор вынужден заметить, что наш герой всё-таки знал одно рифмованное правило русского языка:

Как слышыцца,
так и пишыцца!

В школе маленький Серёнька учился вообще никак, и однажды даже три раза подряд продлевал контракт с шестым классом, что являлось рекордом, официально зафиксированным Семижопинским районо. Дневник его был постоянно исписан замечаниями учителей типа «Пугал девочек в туалете, притворяясь *бабайкой*».

Знал рабочий наш посёлок,
с пива дуя пенку:
в нашем классе я весёлым
был на переменках!

А когда впервые ему пришлось заполнять анкету, то в графе ПОЛ он уверенно приписал ТАВЦЕВ, страшно удивившись, что его фамилию оказывается можно разбивать вот так – на две части!

В шестом классе на каком-то уроке он получил страшное потрясение, кое не прошло у него до нынешнего времени: учительница по какому-то предмету сообщила ему, что каменный век завершился потому, что кончились камни. Из всей школьной программы в голове Серёжи почему-то прочно застрял противный Базаров, который издевался над живыми лягушками якобы в научных целях, а ещё то, что молекулы NaCl хорошо сочетаются с молекулами огурца. Но нельзя сказать, что из начальной школы Полтавцев вышел круглым дураком – например, глядя на свой аттестат о восьмилетнем образовании, он твёрдо знал, что бактерии размножаются делением, а числа – умножением. В целом же этот человек с недорасширенным сознанием, живущий сегодня в XXI веке, казался каким-то анахронизмом, словно каменный топор в свете лазерных лучей. Например, читать он ещё читал, и даже разбирал написанный от руки текст, но дальше начиналась му́ка мученическая, потому что каждый текст над было ещё понять. Люди, общающие с ним, видели, что мозги его были пожизненно сданы в никому не известную камеру хранения.

Мне без надобности мозг –
всё равно ведь он как воск !

Глава 239. ВЕТЕРАН СУМЕРЕЧНОГО СОЗНАНИЯ (короткая повесть о главном герое, продолжение)

Автор в первом томе «Русской кочерги» уже упоминал о том, что Полтавцев, несмотря на перемежающееся плоскостопие, всё-таки попал в армию, но забыл отметить, что именно в армии эта русская народная галлюцинация в очередной раз убедилась, что его опять обманули – обещали, что на принятии присяги он будет целовать знамя *части*, а дали, наоборот, прикоснуться губами только к *части* знамени. Из уставов вооружённых сил вначале СССР (б), а потом и Республики Саксаулии было известно, что солдатам с персональными тараканами в голове оружие не выдают, поэтому Серёжа попал в стройбат, где его и оружием, и шанцевым инструментом на долгие два года стала штыковая лопата. Кстати, стройбат по нынешнее время считается самым страшным родом войск – именно на том основании, что солдатам таких подразделений даже не выдают оружия!

Орудуя вверенной ему лопатой, Афанасьич казался очень вдохновенным, думая, что на самом деле защищает родину, но при этом был похож на внука колхозного председателя, скончавшегося от критики в начале шестидесятых прямо на заседании бюро райкома партии. И хотя все солдаты одевались одинаково, но внешний вид у рядового Полтавцева разительно отличался от других: он был как у военнопленного, тем более, что сапоги свои он чистил почему-то только сзади, за что вначале неоднократно не вылазил из нарядов на кухню, но потом армейское начальство, заметив странное совпадение его нарядов с пропажей еды для целого отделения, старалось не замечать его вызывающего для советского (б) бойца вида!

И в начале октября
я в стройбат попал не зря,
где лопатой штыковою
занимаюся войною!

Стройбат, где он служил, обслуживал в плане строительства сразу несколько рядом стоящих частей, и это тоже наложило некий отпечаток на его голову, и без того набитую картофельной ботвой: однажды её задела не то вертушка радарной антенны, не то он сам высунул свою тыкву в активную зону излучателя высокочастотных импульсов. Короче, в госпитале выяснилось, что, кроме головы, ничего больше не пострадало, а эта часть тела, как известно из «Альтернативной медицинской энциклопедии» под редакцией генерал-полковника медицинской службы А. Б. Растудыкина, для солдата не самая главная, тем более если глóтка продолжает активно функционировать – в момент радостного приветствия старшего офицера[341].

[341] Саксаульскому народу ещё памятен случай, когда абсолютно неграмотный человек, до 18 лет пасший баранов в саксаульских степях, впоследствии дослужился до полковника, причём, железнодорожных войск. Из уст в уста передавалась легенда о том, что диплом о высшем военном образовании и все нужные справки о здоровье чадолюбивый папа, работающий секретарём первичной партийной организации (б), купил ему на базаре в Джамбуле перед самым призывом. Кстати, хорошо известен и другой случай, когда простой татарский парнишка-подпасок стал аж старшим прапорщиком музыкальных войск Саксаулии, заслужив столь высокое воинское звание умением громче всех дудеть в полковую дудку – прим. автора

После службы Полтавцев имел все высшие нервные функции на уровне трёхлетнего ребёнка, но, тем не менее, с диагнозом «острая мозговая недостаточность в крайне серьёзной форме» приступил к работе на ОХБК[342], причём, начальница отдела кадров этого предприятия, увидев его голову, напоминавшую очищенную картофелину с причёской, вначале подумала, что к ним на работу пришёл устраиваться какой-то пиявковый Дуремар из сказки, причём, страшно похожий на поседевшего октябрёнка, а, приглядевшись, поняла, что *всё это* больше напоминает выпускника детского кружка «Шаловливые руки» городского Дома пионеров имени героев Зимбабвийского Сопротивления. При взгляде на Серёжу ей невольно вспоминались слова́ псевдо-Доцента из кинофильма «Джентльмены удачи»: «Верхняя одежда пришла в негодность…»

[342] Отцеябловский хлопчатобумажный комбинат – прим. автора

Кто я: Вася или Шпильман?
Главное – в себе найтись:
вспоминаем кинофильмы,
изучая нашу жизнь…

Лицо соискателя было в мелких красных прожилках – верный признак того, что потреблять горячительное он взялся с са́мого малолетства, и пагубного занятия не оставлял ни в годы перестройки, ни в прочие судьбоносные. «Декоративный малый», усмехнулась про себя начальница. На её первый взгляд, да и потом, при ближайшем рассмотрении, Серёжа выглядел приземистым и кривоногим, как проведший всю жизнь на лошади монгол. Как и все начальники отделов кадров того времени, начальница ОК ОХБК постукивала в КГБ, давая письменные характеристики новым работникам, и так набила в этом руку, что, только мельком глянув на Афанасьича, отметила в докладе, что с такими отличительными чертами не рождаются – их приобретают, состязаясь в выносливости с зелёным змием.

Первый раз в психушку Полтавцев попал после того, как, пропив за один вечер свою немаленькую зарплату, написал письмо в далёкую Москву, которое начиналось словами: «Лично дорогой Леонид Ильич, пишу Вам, мать честна́я, по большой нужде!». Правда, работал он неплохо, к тому же не чурался выступлений на различных собраниях, кои любили устраивать на производстве: комсомольских, профсоюзных и так называемых общих, где обязаны были присутствовать все работники. На собраниях Серёжа вначале что-то ляпал, а потом начинал думать, что же он такое запендюхал своим разводным ключом идиотизма. Но начальство, не вникающее в слова выступавших, радовалось его активной жизненной позиции и даже несколько раз премировало талончиками на усиленное питание в столовой, а через какое-то время даже предложило ему вступить в партию.

Не считаясь с гуманизмом,
обещаю Ильичу:
«Если стану коммунистом,
буду ляпать что хочу!»

Афанасьич тогда внимательно изучил Устав КПСС (б), а также «Моральный кодекс строителя коммунизма», и понял, что жить по этим документам не сможет, иначе никак было ни выпить с друзьями, ни поспать с какой-нибудь сговорчивой ткачихой. Правда, начальство ничего не рассказало ему о льготах, которые даёт партби-

лет, поэтому единственным в жизни шансом он не воспользовался – как дурачок, который по счастливой случайности выпустил джинна из бутылки (именно из бутылки!), а на громовой призыв: «Спрашивай чего хочешь!» ответил: «Скока время?»

Я не из оппортунистов,
у меня другая блажь:
не пойду я в коммунисты,
потому что я алкаш!

Здесь же он познакомился со своей подругой Зулей, которой оставался верен и по сей день. В брак с ней он вступать не торопился, мудро рассудив, что любовь – это такая вещь, что если она не имеет законченной формы, то лучше смотреть на облако, пока не подойдёт нужный автобус. По субботам он собирался с товарищами по работе попить пивка и усугубить его чем-нибудь покрепче, и к концу третьей бутылки разговор обязательно сбивался на женский вопрос.

– От баб всё горе, – авторитетно заявлял знатный текстильщик. – Да хоть ту же Трою возьми…

– Эт’ точно! – горько качая головой, подтверждали друзья, а на вопрос его друга мастера цеха Василия Сергеича Бронепупенко, про какую Трою он толкует, с возмущением говорил:

– Да что же я, вашу Трою не знаю, что ли? Это же в её честь «Тройной» одеколон изобрели!

Правда, ночевать подруге он разрешал, потому что наутро, отрабатывая ночные ласки, Зуля тщательно убирала его холостяцкую берлогу. «Эмансипация в финальной стадии развития», с одобрением думал Серёжа, глядя на её внушительный зад.

Любовь приходит и уходит,
а кто-то должен убирать…

К сорока годам, то есть к началу перестройки, когда многое изменилось в стране, Афанасьич понял, что ничего нового в *камасутру* внести не удалось, и что молодость прошла даром. Слова *секс* он не понимал вообще, так как ещё со школы узнал, что оно означает *шесть* по-немецки, и искренне недоумевал, почему это по телевизору стали так часто упоминать именно эту цифру, да ещё и не по-русски. Хотя надо отметить, что за три года перестройки он перепробовал буквально все виды секса: дешёвый рабоче-крестьянский, дорогой по телефону, а также секс по барабану. Спасало и то, что минуты «любви», как правило, протекали под бутылочку-другую, когда не особенно и вглядываешься в очертания родного лица. Трезвый же Серёжа был скучен, как городской телефонный справочник, зачитываемый вслух.

Остаётся только добавить, что к тому времени Полтавцев женился, но связь с Зулей не прекращал, и радовался, что не вступил в партию, иначе каким бы он сейчас был коммунистом с его внебрачными развлечениями в цеховой подсобке!

Летом, осенью, зимою
и весной, как стает снег,
коммунист – он чист душою,
ну, а мне милее секс!

Глава 240. ВЕТЕРАН СУМЕРЕЧНОГО СОЗНАНИЯ (короткая повесть о главном герое, продолжение продолжения)

Но шло время: окончилась навязанная Горбачёвым стране перестройка, а с ней и работа на ОХБК, ибо сам комбинат тоже приказал долго жить – таким труженикам, как Полтавцев и его товарищи по бригаде. Правда, этот приказ выполнить было трудно, и бывший текстильщик, быстро проев нехитрые сбережения, впал в нищету. Оставалось только спиться, но и пить было не на что. Он давно уже не заглядывал в тумбочку, которая много лет служила ему филиалом сберкассы, а, просто приоткрыв дверцу, нашаривал рукой несколько бумажек и спускался в магазин, чтобы купить себе чего-нибудь пожрать. Чаще всего это были пельмени: их было нужно просто вы́сыпать в кипящую воду и не упустить того момента, когда они развариваются до лохматого бульона, в каковом, если верить «Краткому курсу мировой схоластики», некогда и зародилась жизнь.

У меня своя трактовка,
не гляжу я узко:
всем пельмени, как готовка,
мне же – как закуска!

Деньги, как известно буквально каждому и в России, и в Саксаулии, рано или поздно заканчиваются. Даже очень большие, они уплывают неизвестно куда, если постоянно не пополнять их запас. У Полтавцева больших денег не водилось никогда, хотя сумма, которой он располагал на заре своего предпенсионного существования, казалась ему громадной. И вот пожалуйста – не прошло и нескольких лет, как весь капитал растворился, словно суповой пар, оставив лишь лёгкий привкус приятных воспоминаний. В сберкассе, где Серёжа хранил *последнее*, он вместо денег получил лишь соболезнование о валютных трудностях родины. Затем наш герой несколько лет пробыл в загадочной должности временно не работающего, но, как и многие русские люди, не отчаялся, став замечательной иллюстрацией к одной старой русской мысли. А чтобы лучше она усвоилась читателем, автор решил выделить её особо – вот так:

Русский человек – это не тот, у кого чего-то нет,
а тот, у кого чего-то нет, и хрен с ним!

Затем грянул дефолт. Серёжа и раньше слышал это слово, но думал, что дефолт – это какой-то американский праздник, праздновать который не нужно, но потом на своей шкуре почувствовал, что это такое на самом деле. После дефолта выяснилось, что люди, испытавшие его на себе, уже никогда не смогут заработать ни себе на портки, ни жене на прокладки, ни детям на леденцы. Особенно поразило то, что Афанасьич в результате этого проклятого дефолта стал одеваться хуже некуда. Однажды он даже увидел, как в его «шкафонер» залетела моль, огляделась и – её вырвало! Нынешний вид его мог бы устыдить сборщика налогов, хотя назвать нашего героя нищим означало кровно обидеть нищего, или развеселить его, если нищий попался необидчивый.

Я теперь на жизни днище,
и зовусь красиво: нищий!

Полтавцев и раньше, ко всем своим грехам был страшным неряхой: что бы он ни надевал на себя, всё молниеносно принимало вид страшно потрепанного барахла. Новые ботинки через день обдирались о камни, зашнуровывать их до конца у него не хватало терпения, и шнурки вечно волочились по земле, новые штаны мгновенно пачкались мелом и другими неизвестными науке минералами, на рубашках, пиджаках и пальто никогда не было полного комплекта пуговиц, а из-под иногда чистой верхней рубахи всегда вылезал во́рот грязной нижней. Поэтому его нынеш-ней подвседневной одеждой стали синие портки, которые шили в подпольном цехе откуда-то взявшие в стране нелегалы-вьетнамцы, причём, свою продукцию в приступе мании величия они называли джинсами, и байковая клетчатая рубаха с залохматившимися краями. Его сегодняшние башмаки удивляли взгляд бело-серыми разводами, похожими на те, что остаются на чёрной школьной доске, если стереть написанное мелом с помощью грязной тряпки. Увидев такой прикид первый раз, Володя остолбенел и подумал: «Да, это явно не Славик Зайцев!»

Что за гнусные манеры,
не могу никак понять:
одевают модельеры
шлюх каких-то – не меня!

Как всякий неудачник, Серёжа в глубине души был фаталистом. Когда обстоятельства были сильнее тебя, остаётся только покориться и плыть по течению, не делая лишних движений и экономя силы. Даже если впереди ревёт Ниагарский водопад, что толку барахтаться, пытаясь предотвратить неизбежное? В конце концов, умирать всё равно придётся, а если тебя это не устраивает, нечего соваться в реку. Сидел бы себе на берегу и горя не знал!

Далее несколько долгих лет Серёжа, словно выпускник спецшколы для лишённых чувства юмора, жил, непрерывно расплачиваясь за проказы генетики. Когда на него, круто траченного жизнью, обращали внимание люди, то невольно начинали отгадывать, кто это: ветеран сумеречного сознания, олигофрен, или, выражаясь по-русски, down, или просто скорбный на голову, коих в последнее время развелось как-то особенно много. Но сторож, замечая эти взгляды, игнорировал их, а иногда даже и приговаривал при этом: «А я на них ло́жу и пусть как хо́чут!». Удивительным было и то, что, несмотря на вынужденную голодную диету, рожа его по-прежнему оставалась шириной с сундук его бабушки Федоры из деревни Семижопино, где она держала своё *приданое*.

Я с утра так растревожен:
в зеркала́ не лезет рожа!

Умиляла и его языковая беспомощность: слушая Полтавцева, собеседникам казалось, что с ними говорит пациент травматологической палаты с похмелья – после вчерашнего визита крановщика, накануне уронившего ему на голову бетонную плиту, потому что бывший текстильщик говорил как настоящий политик – путая падежи и окончания, без смысла, но зато от чистого сердца, не замутнённого лишними мыслями. Поэтому Серёжа очень обрадовался замечательному володиному подарку – толстому «Словарю синонимов». И радость его была не напрасной, ведь раньше он думал, что просто бедный, а теперь узнал, что ещё нищий, неимущий и несостоятельный!

Но самым большим «научным» достижением Афанасьича с тех пор, как он под влиянием Кулемзина стал заниматься самообразованием, стал некий постулат, выведенный им как-то с похмелья, после чего он поспешил поделиться своим открытием всё с тем же Володей:

– Нечестных людей выводят на чистую воду. Правильно, Володя?

– Яйчики-бабайчики, не могу не согласиться, – честно ответил писатель.

– Ага, значит, честных выводят на воду мутную?! Как же так, мать честна́я?!

Ну, и нельзя не вспомнить, что охранник решил заняться ещё и английским языком – после того, как однажды услышал от Кулемзина, что любой язык становится родным, если его хорошенько отварить. Правда, в силу врождённой глуховатости он не понял, что речь шла об отварном говяжьем языке, но было поздно. Итогом двухлетнего изучения иностранного языка был короткий диалог между двумя основными *фигурантами* романа «Русская кочерга»:

– Hello, my friend Sergey! Do you speak English?

– Oh, yesли бы, Voldemar!

Утомил совсем я близких,
выходя на жизни ринг,
говоря им по-английски:
«How to have a quickly drink?»[340]

[343] ***Как бы выпить поскорей? – агл.***

Говоря словами писателя Пелевина, случившийся возраст за пятьдесят уже благополучно эвакуировал его из зоны действия этических характеристик. При всём при этом Серёжа выглядел моложаво. Кстати, Володя, к тому времени уже познакомившийся с ним, давно заметил, что дураки старятся гораздо медленнее окружающих, и Полтавцев служил наилучшим подтверждением этой доморощенной теории. Надо признать, что под влиянием писателя будущий сторож стал больше думать. Так, однажды он долго думал о вреде алкоголя, и в результате этих мыслей решил бросить думать.

Глядя на Афанасьича, писатель Кулемзин вспоминал известные слова о том, что все мы, как известно ещё из школьной программы, вышли из гоголевской шинели, и только о Серёже, этой живой загадке русского национального характера, Володя говорил, что тот вышел из шаламовской телогрейки. «Человек – это звучит гордо, а Полтавцев – объективно!», решил он после нескольких дней общения с новым для него индивидом. Каждое утро Альбионыч ставил новому знакомому диагноз – не будучи психиатром, но знакомым со множеством сложных медицинских слов, но тот только радовался этому, так как именно от умного писателя узнал столько нового, что не снилось ему за всю прошлую многострадальную жизнь, к тому же получив от него щедрый подарок – красивую записную книжечку, кою он впоследствии назвал «Для му.мы.», или, проще говоря, «Для мудрых мыслей».

В психбольнице объяснили,
как на свете дальше жить:
«Будешь мудрым ты, как филин,
коль не будешь много пить!»

Володя долго приглядывался к Полтавцеву в моменты его вдохновенной писанины в заветной *мудрой* книжечке и даже однажды поинтересовался, зачем ему всё это нужно.

– Да хочу раздвинуть стены сознания, царица лесная! – просто ответил сторож.

«А вот это вряд ли», тогда подумал писатель. «По-моему, все стены твоего сознания оказались несущими!». Затем он заметил, что Полтавцев страдал лёгкой формой умственной отсталости, и это выражалось в том, что он мог усваивать лишь небольшие объёмы информации, да и то с перерывами в несколько дней. А его попытка под влиянием Кулемзина заняться английским языком (не выучить, а именно заняться) закончилась истерическим срывом: лишь только он пытался выучить новое слово, голову Афанасьича тут же наполняла тёмная муть непонимания, поэтому все усилия по овладению языком Джона Артуровича Голсуорси окончательно нарушили хрупкие связи в его слишком сером веществе.

Через месяц знакомства писатель поинтересовался у Серёжи, когда у него день рождения.

– Подарок, чё ли, хочешь сделать? – обрадовался охранник.

– Да нет, – отмахнулся Володя. – Хочу узнать, в какой день у природы был выходной!

– Умный ты, Володя, а всё же туповатый, – попенял тогда Кулемзину охранник. – Выходной всегда на седьмой день бывает!

– Слушай, Серёжа, а ты в детстве случайно ни обо что головой не бился? – уточнил марсианин.

– Случайно нет, царица лесная, – радостно признался Афанасьич. – А вот нарочно было, чтобы в школу не ходить!

Эх, сейчас бы мне рассолу,
сколько надо воробью:
не пойду сегодня в школу –
лучше я пивка попью!

Глава 241. ВЕТЕРАН СУМЕРЕЧНОГО СОЗНАНИЯ (короткая повесть о главном герое, почти окончание)

Интеллигентности у Полтавцева было как у прокатного стана, и он, вероятно, понимая это, иногда надевал очки – «для форсу», как объяснял свой поступок своей подруге Зуле. Впервые увидев его в таком виде, Кулемзин не мог не отметить, что в этот момент он стал поразительно похож на знаменитого французского архитектора Шарля Эдуардовича Ле Корбюзье. Родившись русским, он (Полтавцев, а не Ле Корбюзье) совершенно не понимал, когда ему что-то объясняли на родном языке. Когда же Афанасьича просили объяснить, что же означает словосочетание *родной язык*, он молча вываливал свой толстый язык изо рта и не прятал до тех пор, пока врачам не надоедало на него любоваться.

Володе как-то раз приходилось видеть серёжин паспорт. Особенно поразила его фотография, на которой вид у охранника был как у человека, у которого что-то спросили, а он не знает ответа и напряжённо думает, как бы ему выкрутиться. И это было неудивительно: по теории известного нейропсихиатра Макса Луисовича Лурье 9/10 от объёма человеческого мозга не функционирует. У Сергея мозг не функционировал на все 10/10. Поэтому, когда с помощью друзей Афанасьич всё-таки нашёл работу[344], то на службе по совету Володи занимался тем, что разгады-

вал кроссворды, но вот ума от этого занятия почему-то не прибавлялось. Здесь сторож посоветовался с гуру ещё раз, и тот, узнав все нюансы нелёгкой охранной службы, попенял ему, что в кроссвордах надо угадывать слова, а не закрашивать разноцветными фломастерами белые клеточки.

[344] Об этом рассказано в главах 240-242 первого тома «Русской кочерги» – прим. гл. редактора

Чтоб попасть в толковых стаю,
стану грызть, как сухари,
я, кроссворды изучая,
буду умным, как Кюри[345]!

[345] Пьер Эженович Кюри – французский учёный-физик, лауреат Нобелевской премии – прим. науч. редактора

Вплотную столкнувшись с так называемой перестройкой, Афанасьич стал поглядывать на многочисленных столичных нищих с полупрофессиональным интересом, а познакомившись через писателя с местными клошарами Танкистом и Одиссеем, начал изучать основы жизнеобеспечения без денег с удвоенным интересом, кое-что занося в уже ставшую знаменитой книжечку «Для му.мы.». Например, там появились такие записи, как «Говорить жалистнее!» и «Дай копеечку, буржуй недорезанный!»

Кстати, к трудоустройству друга весь покерный коллектив отнёсся очень серьёзно, так как искатели понимали, что работу сейчас найти сложно, и даже малый за-работок – не трагедия, трагедией было полное отсутствие заработка. Но сразу найти приличное место, о чём мечтал бывший текстильщик, не удавалось, и для вре́мен-ной поддержки штанов Володя помог ему составить вот такое объявление, чтобы как-то морально поддержать товарища:

Сдам комнату двум молодым девушкам.
Трём не сдам – годы уже не те…

Правда, пришедшие по объявлению девушки оставались очень недовольны тем, что попадали в *однокомнатную* квартиру, после чего интересовались, где будет жить хозяин, на что получали объяснение, что сам он парень неприхотливый, и будет спать на полу в кухне. Вначале Серёжа попытался было найти работу сам, без помощи товарищей, и его, изучавшего объявления о вакансиях, сразу же заинтересовал один раздел, который повествовал о девушках, также надрывающихся в поисках достойной работы. Они ничего не писали о своём образовании и отсутствии вредных привычек, но все как одна давали несколько странный номер телефона: 90-60-90. После того, как писатель объяснил ему, о чём говорят эти таинственные цифры, горечь жизни стала нестерпимой и достигла чисто физического ощущения. Именно поэтому Володя и решил принять личное участие в его незамысловатой судьбе.

– Серёжа, по-моему, тебе уже пора внимательнее провести свой внутренний аудит, – попенял он будущему труженику, и навскидку предложил несколько вакансий, которые он отыскал на просторах Сакснета:

оператор евроремонта примусов
мастер тюнинга орбитальных станций
закройщик дверей в ресторане
капитан речной баржи по перевозке всего
водитель большегрузных старушек через дорогу
гранильщик стаканов
кармоправ
причитальщик (охарь) на похоронах
чмокаль при вручении наград
пупорез в роддоме
выпекатель пирогов с мороженым.

Все эти предложения соискателем были отвергнуты, а на вопрос Кулемзина, почему, безработный объяснил с грустной улыбкой:

– На таких должностях как бы не заставили *портфелий* делать!

– Неграмотный ты какой-то, Серёжа, – попенял он Афанасьичу ещё раз.

– Чего это я неграмотный, – обиделся Полтавцев. – Мать честна́я, да ты знаешь, что я Брежнева в подлиннике читал?!

Чтобы стать приличным гидом,
текст туристам бормоча,
изучаю Леонида,
изучаю Ильича!

После этих слов Володя решил, что к умственной деятельности Серёжа имеет такое же отношение, как абориген Сейшельских островов к запуску советской (б) ракеты на Солнце – по поручению Политбюро ЦК КПСС (б).

К тому же, выяснилось, что Афанасьичу, чтобы сейчас устроиться на работу, причём, автор хочет подчеркнуть, *любую* работу, надо было иметь при себе пакет следующих документов:

1. Справку о деидеологизации.
2. Свидетельство № 5 о перенесённых в детстве репрессиях.
3. Свидетельство № 6 о перенесённых в детстве заразных болезнях.
4. Свидетельство № 7 о перенесённых в детстве тяжестях, включая сбор металлолома.
5. Папку со скоросшивателем.
6. 4 фото (включая один групповой портрет с бабушкой Федорой и дедушкой Михеем из деревни Семижопино).

Володя уверил его, что только с этими документами Серёже можно было получить хорошую работу, а заодно и политубежище в надёжной фирме с последующей натурализацией и репатриацией! Последних слов Афанасьич никогда не слышал, а вот насчёт убежища засомневался – не ядерная война, чай!

Пожив несколько лет при саксаульском капитализме, Полтавцев как-то перестал ходить в крупные супермаркеты. И на то была веская причина. Ему много-много раз врали на кассе, куда он подходил с покупками, что здесь можно расплатиться любой картой, а потом, когда он перепробовал буквально все карты из колоды, которую ему специально подарил Кулемзин, понял, что платить в магазине придётся всё-таки назарбаксами. Альбионыч, узнав о страшном существовании то-

варища, как-то обмолвился, что если бы деньги можно было бы мерить кучками, то у Серёжи вместо хотя бы одной кучки была бы *ямка*.

Сколько нужно получать,
чтоб зубами не стучать?

Напрягало и то, что почти на любую работу можно было устроиться, предварительно сдав кучу всяких анализов и принеся в отдел кадров кучу медицинских справок. Так что нашему соискателю вначале пришлось идти в городскую поликлинику № 13 (бывшую поликлинику ОХБК), где буквально в первый же день обследований он умудрился поругаться с несколькими врачами.

– Доктор, как мои анализы, царица лесная? – с тревогой спросил он в таинственном кабинете с пробирками.

– Простите, голубчик, ничем не могу вас обрадовать, – ответил молодой доктор, не поняв, при чём здесь какая-то царица. «Может, псих?», подумал он, а вслух озвучил медицинский приговор:

– Анализы плохие: моча ни к *иблису* не годится, а кал так вообще говно!

После произнесённых слов Афанасьич устроил дикий дебош, правда, лечить Полтавцева не стали, и тогда он пожаловался главврачу на бездушие молодого специалиста от медицины. Собирая материал для романа «Русская кочерга», автор позже встречался с *фигурантами* этого инцидента, и узнал, какой именно диалог произошёл между нашим героем и доктором в поликлинике:

– Что-то вы мне не нравитесь, батенька.

– Да и вы, доктор, прямо скажем, не красавец!

Подтвердили мне бумажкой
в медсанчасти заводской:
что я страшен, то неважно,
важно, что не голубой!

И вот, наконец, работа, а, вернее, служба для Полтавцева была найдена. Ощущение вовлечённости в современную жизнь переполняло его радостью и питало энергией. Быстро пролетело лето, а за ним и осень, стала приближаться зима, к которой надо готовиться особенно тщательно. Правда, объективности ради надо сказать, что к зимней службе наш герой подготовился основательно: вначале надел бельё – обычное и тёплое, затем повседневное обмундирование, ватные брюки и бушлат, толстые суконные портянки, огромные *постовые* валенки, вязаную маску с прорезями для глаз, шапку-ушанку, тулуп, похожий на шалаш, шерстяные перчатки и меховые беспалые рукавицы. Когда его в таком виде увидел директор магазина «Пингвин и гагара», то страшно возмутился и приказал, чтобы назавтра сторож-охранник пришёл как приличный человек. Но так как в сегодняшнее дежурство Полтавцева было заменить некем, а именно это дежурство заносилось в его персональный табель не как сторож, а именно как охранник (пóмните двойную должность Серёжи?), то директор разрешил ему присутствовать в таком странном наряде до конца смены.

И тут к вечеру выяснилось, что процент продаж, о котором так любят поднимать тосты торгаши, неожиданно вырос чуть ли не в половину. Проведя опрос продавцов, начальник «Пингвина и гагары» выяснил, что в магазин валом повалили люди, желающие поглазеть на необычного охранника, а так как простодушные сак-

саульцы не могли уйти из магазина просто так, то совершали в нём совершенно бессмысленные и неактуальные покупки. После этого директор разрешил Афанасьичу приходить на службу именно так, причём, не только зимой, но и летом, подарив ему в качестве *бонуса* какой-то педерастический галстук с обезьянами, которые, как по пальмам, лазали по иностранным буквам MIAMI[346], которые грамотный текстильщик читал как мэ-один-а-мэ-один.

[346] Майами – американский город на юго-востоке Флориды – прим. геогр. редактора

Я скажу вам без обиды,
словно ро́дному отцу:
«Буржуазные *прикиды*
саксаульцам не к лицу!»

Глава 242. ВЕТЕРАН СУМЕРЕЧНОГО СОЗНАНИЯ (короткая повесть о главном герое, окончание)

Что ещё можно сказать о нашем герое? Многое, ибо любой рассказ о Полтавцеве будет неисчерпаем, как мировой океан. Например, такие факты: газет Серёжа не покупал и, тем более, не выписывал, экономя на *пельмень насущный,* отечественную картошку он предпочитал заокеанской тушёнке, по слухам, изготовляемой из обезьяньего мяса, а из всех музыкальных инструментов больше всего любил магнитофон – за простоту игры на нём: нажал кнопочку – и заиграло! Весь он был какой-то некондиционный, хотя и упёртый, как противотанковый *ёж*. Если бы Кулемзин когда-нибудь озаботился написанием книги о своём друге-стороже в серии «ЖЗЛ» («Жизнь замечательных лоботрясов»), то поместил бы там вот такой катрен:

Не постигну, чёрт возьми, я,
глядя на иных:
у меня шизофрения
или же у них?!

Познакомившись с Афанасьичем и поизучав его, как недостижимый феномен заблудившейся в своём развитии природы, Володя понял, что в сперматозоидном проекте он должен был получиться умным и красивым, но, по всей видимости, его просто подменили ещё в роддоме. Какой-нибудь бедовый психоаналитик типа Зигмунда Якобовича Фрейда наверняка бы объяснил это отсутствием у Полтавцева реального детства и необходимостью восполнить его, а, может, и желанием расслабиться в потоке напряжённой, полной повседневных опасностей жизни. Именно поэтому из его беспорядочно роившихся к тыкве «мыслей» нельзя было составить хоть какое-то внятное резюме. Он был одним из тех типичных советских шутов, для которых слово *жизнь* всегда начиналась с буквы *г*. Глубина его «познаний» была как раз где-то посередине между таблицей умножения и сигналами светофора. «Яйчики-бабайчики, трудное детство не кончается никогда», глядя на сторожа, думал в эти моменты Альбионыч.

С детства проживая с бабушкой Федорой и дедом Михеем в старом деревенском домике, Серёжа мечтал о большой просторной квартире, где в ванной была бы вода сразу четырёх видов: холодная, тёплая, горячая и само то! Но случилось по-другому: проработав на ОХБК 16 лет, он наконец-то получил от комбината однокомнатную квартирёшку в крупнопанельном доме на четвертом этаже (или *этажу*, как

он выражался), и потому считал себя хозяином положения, а именно в дни аванса и зарплаты мигрировал по квартире в компании таких же безумных наладчиков текстильных машин в рабоче-крестьянских кепочках-семиклинках – с таким шумом и грохотом, что людям, живущим на первом этаже, казалось, будто наверху идут испытания каких-то седельных тягачей типа «КамАЗ-5410».

«Нужно водки пойти докупить»,
остроумно Сергей подытожил,
«коль вторую бутылку не пить,
то нет смысла и первую тоже!»

После недавно прошедшего чемпионата мира по футболу друзья ещё долго называли Серёжу ласково – мундиаль, иногда, правда, нечаянно пропуская третью букву. И хотя он был вспыльчивым, как бенгальский огонь, но на это прозвище не обижался, потому что не знал испанского[347]. Поэтому его официальный диагноз – врождённая пэтэушность – Кулемзин переводил гораздо проще: дурак – непроходимый, как заворот кишок. Хотя, по мнению Володи, бывший текстильщик, а ныне сторож был куда лучше его соседа Нуртая, потому что в нашей сумасшедшей стране во все времена исполнительные дураки ценились выше инициативных умников.

[347] Мундиаль – чемпионат мира по футболу, проводящийся раз в 4 года. От исп. Copa Mundial de Fútbol – прим. спорт. редактора

Если говорить ещё короче, то был наш главный герой простым, словно гранёный стакан или угол дома, и жил, не обременяя себя лишними размышлениями, – как инопланетянин, случайно попавший в нелепый мир людей, оставаясь потенциальным клиентом заведения, где под койками крякают керамические утки.

Ещё в первом томе нашего замечательного романа Афанасьич назвал себя не стариком, а пожилым дряхлым человеком. Но автор этой книги утверждает, что старость – это когда слово *конец* приобретает только одно значение. Правда, объективности ради надо заметить, что *с этим делом* у Серёжи пока было почти всё в порядке, хотя в борьбе между алкоголизмом и импотенцией он зачастую проигрывал и тому, и другой. Окончательно не дать развиться этим страшным вещам ему помогала подруга Зуля, работавшая когда-то в его бригаде, а теперь ставшая сожительницей охранника. Полтавцев относился к ней настолько хорошо, что даже однажды на день лёгкой промышленности, который шумно отмечали всем коллективом в подсобке цеха, написал ей вот такой стишок:

В тебя, как в родину, влюблён!
Люблю тебя, как самогон!

Правда, Серёжа не знал, когда у Зули день рождения, зато хвалился тем, что точно знал, когда у неё день 8 марта. Глядя на подругу, он вспоминал, что в детстве почему-то завидовал космонавту Терешковой, а начав играть в *русскую кочергу* с Альбионычем, понял, что из всех карт ему особенно понравилась дама треф, так похожая на его возлюбленную. Правда, к своим пятидесяти годам он даже научился делать комплименты. Например, на днях – после двухдневной пьянки с подругой Зулей – он сказал ей следующее:

– Милая, твои глаза – как выходные!

– Как это? – обрадовалась Зуля.

– Ну, тоже два, мать честна́я! – объяснил ухажёр.

После такого признания полтавцевская подруга взглянула на милого дружка другими глазами и увидела, что лицо у него было всё в каких-то дряблых и жёлтых мешках, а что касается нервов, то у Серёжи они находились в том безнадёжно задёрганном состоянии, в каком пребывают у уголовников, оттянувших *ходок* по пять, да у пожилых незамужних учительниц литературы, всю жизнь отработавших на радость директору школы по специальности.

Я возьму белый лист,
опишу все свои недостатки –
просто так, для себя,
чтоб понять, почему я один,
без цензуры и лжи,
только истину, жёстко и кратко,
и пойму, наконец,
что божественно неотразим!

И завершить рассказ о нашем главном герое хочется всё-таки в связи с картами. Спервоначалу Полтавцев рассматривал игральные карты как картины итальянского абстракциониста Паоло Алессандровича Барикко, чья психотерапевтическая живопись, как выяснили учёные, сильно влияет на подсознание. А писатель, по своей старой писательской привычке подмечать детали и нюансы, именно при игре в карты внимательно слушал Афанасьича и записывал за ним его искромётные изречения. Особенно нравились ему обиженные высказывания сторожа, когда кто-то из присутствующих сомневался в его титанических способностях. Поэтому вот для моего читателя небольшой подарок – 7 таких выражений (в стиле покерных нотаций).

«– Да что же я, вашего Достоевского не знаю, что ли? – возмутился Серёжа. – Я же у него ещё в школе книжку читал, как один студент бабок нарубил…»

«– Да что же я, вашей виагры не знаю, что ли? – возмутился Серёжа. – Это же лекарство такое – для поддержания вашего *хреноме*…»

«– Да что же я, культуры не знаю, что ли? – обиделся Серёжа. – Да я завсегда ножик в левой руке держу, а котлету – в правой…»

«– Да что же я, вашего Александра Невского не знаю, что ли? – возмутился Серёжа. – Это же он на льду фашистам сказал, что, мол, кто к нам зачем, тот от того – и того…»

«– Да что же я, ваших хокку не знаю, что ли? – обиделся Серёжа. – Мне Володя их много читал, это такие несмешные японские частушки…»

«– Да что же я, Сусанина вашего не знаю, что ли? – возмутился Серёжа. – Заводной был такой пацан…»

«– Да что же я, вашего Шарля с пером не знаю, что ли? – возмутился Сережа. – Это же он в моём детстве написал интересную сказку «Скот в сапогах». Про дембелей, наверное…»

Глава 243. ОБ УТОНУВШИХ РЫБАКАХ

Для того, чтобы правильно определить степень опьянения своих героев, Кулемзин решил задать им нехитрую задачку.

– Если решите, возьмём ещё по бутылочке пивка! – торжественно пообещал он. Все согласились, ибо для отказа ни у кого не было физических сил, не говоря про моральные.

– Итак, яйчики-бабайчики, задачка, – провозгласил писатель. – 6 человек сели в лодку, чтобы порыбачить в озере…

– А название озера можно? – перебил зануда-педагог.

– Для чего тебе это? – спросил его Афанасьич.

– Мать моя партия, а вдруг именно этот фактор позволит нам найти правильное решение!

– Хорошо, – не стал чиниться Володя. – Озеро Кара-Мура!

– А где такое? – настырничал Мусаич.

– В Республики Хурды-Мурдынии!

Курманбаев напрягся и задумался.

– Далее, – видя, что коллектив несколько успокоился, продолжил живой тестер. – Лодка перевернулась, все утонули…

– Святой Малевич, прямо как на одной картине Ивана Айвазовского, – ввернул свои три копейки и Муравлёв.

– Йодистый Иван, а какой именно? – поинтересовался прапорщик.

«Эко их всех разобрало», горько подумал Альбионыч. «Наверное, действительно пьяные!»

– «Среди волн», – ответил художник, забыв, правда, отметить, что это картина 1898 года псевдорусского художника псевдо-Ивана[348] псевдо-Айвазовского.

[348] Действительно, это так: настоящее имя художника – Ованнес Геворкович Айвазян – прим. худ. редактора

Ох, попался хитрый гражданин
(где вы, где вы, кинодраматурги?):
притворился русским армянин,
чтоб товар сбывать в Санкт-Петербурге!

Признаться, марсианин был поражён меткостью предположения. Он хорошо помнил картину «Среди волн», считая её самой нетипичной для Айвазовского. На картине не было ни людей, ни кораблей – там царило только море во всём своём величии. Волны неведомого океана вздымались так высоко, что грозили проглотить даже небо, вся палитра синевы переливалась и бурлила в лучах луны, на мгновение озарившей буйство стихии. И в этом обманчивом свете Кулемзину, много-много лет назад увидевшему «Среди волн» в Феодосийской картинной галерее, вдруг на мгновение показалось, что лазурная вода совсем не опасна, что под ней не скрывается чёрная морская глубина.

– Итак, вопрос, – повысил голос загадчик. – Сколько всего человек утонуло?

Жаждущие халявного алкоголя погрузились в мучительные раздумья. Серёжа что-то пришепётывал, по очереди загибая кривые пальцы на обеих руках, Талгат пытался найти отгадку в синем, как пишут плохие романисты, небе, Валера искренне переживал за неизображённых Айвазовским людей, а Нуртай строго глядел внутрь себя и вспоминал нужную для случая цитату из Ленина.

Мне поможет в жизни Ленин –
до сих пор он современен!

И он вспомнил! Точно-точно, в Полном собрании сочинений вождя мировой революции, в томе 53, на странице 246 было опубликовано его письмо «Рыбакам Аральского моря» от 7 октября 1921 года! Курманбаев с волнением вспомнил, что это нужное пролетариату письмо начиналось замечательными словами: «Дорогие товарищи!», но, к сожалению, больше ничего вспомнить не мог. И всё же этот факт подтолкнул его к правильной, как ему казалось, отгадке.

– По-моему, – волнуясь, произнёс он, – все погибли.

– Так Володя же сразу сказал, что они утонули, – поправил его Полтавцев. – Вопрос-то в другом: сколько было этих бедолаг?

– А кто помнит, сколько их было до происшествия? – уточнил военный трубач.

– По-моему, 6, – ответил художник. Афанасьич ещё раз загнул все пальцы на правой руке, а потом один – на левой, видимо, таким образом наглядно представив себе цифру 6, не догадываясь о том, что до него так изображали цифры только жители африканского племени *самбуру*, которые, по наблюдениям исследователей, умели считать до десяти.

– Ну, значит, 6 и погибли! – уверенно проговорил Мусаич и даже зажмурился от удовольствия. – Давай деньги!

Глава 244. ОБ УТОНУВШИХ РЫБАКАХ (окончание)

Остальные почувствовали какой-то подвох, а Афанасьич так даже озвучил его:

– Нуртай, как ты думаешь, может Володя загадать такую лёгкую загадку?

Остальные дружно закивали головой – нет, мол, не может. И даже соседский пёс Боря, смирно лежавший недалеко от покерной скамеечки, отрицательно качнул хвостом. А, может, это была случайность, коих и так немало на этих славных страницах…

– Тогда придётся пойти эмпирическим путём, – начал напускать туману сторож, а трубач ещё раз остро позавидовал такому знанию сложных философских слов.

– А как это? – уточнил Николаич.

– А вот как, – объяснил умный Полтавцев и разжал один палец. После чего посмотрел на Кулемина и спросил:

– Один, мать честна́я?

– Нет, – покачал головой писатель.

– Два?

– Тоже нет, – снова качнул головой гуру. – И, вообще, Сережа, пока у меня не отвалилась голова, скажу сразу: не три, не четыре, не пять и даже не шесть!

Тут выяснилось, что следствие зашло в тупик. Несчастные отгадчики поняли, что пива им сегодня больше не видать.

– А без загадки никак? – наивно спросил Курманбаев и даже для иллюстрации просьбы потёр большой палец об указательный.

Тает ком воздушной ваты
и снежинка на руке.
Но еще быстрей, ребята,
тают деньги в кошельке!

– Нет, ребята, я ведь Альбионыч, а не Хоттабыч! Так что – какать и баиньки!

– А отгадка?! – хором вскричали обманутые вклад… то есть отгадчики.

– А отгадка очень простая, яйчики-бабайчики, – улыбнулся писатель. – Всего утонуло 12 человек.

– Почему?!

– Потому что к шести утонувшим сначала прибавились ещё шесть, которые утонули пото́м – во время следственного эксперимента!

– Мать моя партия, а при чём тут какая-то Кара-Мура? – не выдержал издевательства педагог.

– Ну ты же сам спросил, – мягко укорил его Альбионыч, после чего отечески напутствовал коллектив вот такими словами:

– Ну, а теперь – повторное предложение: на горшок и в постель!

И здесь он заметил полный тоски взор Афанасьича, который, глядя на пса Борю и кошечку Несси, глубокомысленно позавидовал:

– Хорошо зверюшкам – ни бухла им не нужно, ни иных наслаждений…

«Ёкарные зверюшки, а какие иные наслаждения, кроме бухла, есть?», пронеслось в голове Салихдзяныча.

– Лежат себе на травке, и ни пивка, ни винца…

– …ни водочки! – закончил сложную мысль художник.

– Эт’ точно!

И что-то в груди шевели́тся
при виде собак городских:
звериные милые лица,
насколько вы лучше людских!

– Мои нетрезвые братья! – воззвал Володя, видя, что уже начинает темнеть. – К вам обращаюсь я, друзья мои!

Но после двенадцатой бутылочки «Тянь-Шаня», что называется, потёк и он, до этого державшийся лучше остальных, и стал отключаться от контекста: слишком силён, видимо, был подъём игровых эмоций. И тогда писатель (а в данную минуту поэт) решил, что от Вселенной не убудет и не прибавится, если он разбавит свой второй том «Русской кочерги» вот таким исследованием на последнюю тему, прозвучавшую в этой главе – о зверюшках и бухле:

Каждой киске – по виски!
Каждому слону – по вину!
Каждой лягушке – по кружке!
Каждому медведю в берлогу – по грогу!
Каждому таракану – по стакану!
Каждой цапле – по капле!
Каждой горилле – по текиле!
Каждому бизону – по самогону!
Каждому бобру – по ведру!
Каждому коту сиамскому – по шампанскому!
Каждому шакалу – по бокалу!
Каждому барсуку – по коньяку!
Каждой мухе – по бормотухе!
Каждой селёдке – по водке!
Каждому сому – по рому!
Каждой кобылке – по горилке!
Каждой букашке – по рюмашке!
Каждой кукушке – по кружке!

Каждому дельфину – по джину!
Каждой божьей коровке – по зубровке!
Каждой из ворон – бутылок вагон!
Каждой креветке – водку из табуретки!
Каждому телёнку – первач-самогонку!
Каждому коту – рюмашку ко рту!
Каждой кошечке – 20 капель в ложечке!
Каждый крот нальёт себе в рот!
Каждый носорог нальёт себе в рог!

Потом собутыльники и сопокерники (б) несколько раз пили за женщин, причём, отдельно за *задки* и отдельно за *передки*. Попойка происходила в таком головокружительном темпе, что вскоре стало теряться ощущение реальности. Сказывались и бессонные ночи наших героев, и треволнения последних партий, и почти полное отсутствие закуски. Всем хотелось солнца, шумной компании, духового оркестар, мелькания женских платочков и чепчиков, а также щедрой пены шампанского, которое уже просто не поместилась бы в долитых до краёв организмах.

Глава 245. «ПО ДОМАМ!», ЗАПЕЛИ ТРУБЫ…

Темнело. Время поджимало, как новые туфли. День постепенно переходил в вечер, и небо начало потихоньку линять в сторону оттенков фруктового салата. На покерный столик легко спланировал уже подёрнутый светом осени листок – жёлтый, как эполет. Закат изящно и как-то декадентно отсвечивал в немытых окнах микрорайоновских домов. Деревья багровели и залимонивались. Всё четче выделялась лиственная резьба свекольного колорита. Кулемзин не очень любил закат и считал его последними конвульсиями умирающего дня. Он знал, что склонные к сентиментальности индивиды во время заката зачастую впадают в психифизиологический ступор – у них повышается давление, появляется состояние безотчётной тревоги, а в голове всплывают тяжкие сомнения в целесообразности своего существования в этом мире. Человек вообще отвратно себя чувствует, присутствуя при чьей-то безвременной кончине – ежели, конечно, он не извращенец. Котёнок отдаёт концы – и то грустно. А тут, представьте, умирает День на половине земного шара. Чем не повод для меланхолии?

Умирает старый день.
Эти дни считать мне лень…

После пяти часов вечера рабочая активность и прочие альфа-ритмы мозгов игроков начали постепенно затухать. Сумерки наступали неуловимо и мягко, как в валенках. День начал скучнеть, устало приваливаясь к горизонту.

– Володя, скока время? – по-пролетарски поинтересовался охранник.

Писатель достал мобильник и, глянув на него, произнёс:

– Без шести минут файф’о’клок!

– Ясно, царица лесная, – с сомнением в голосе признался Серёжа.

Я думал: на часах – двенадцать,
а оказалось – целых пять!
И это потрясает, братцы, –
так в будущее залетать!

К концу вечера на покерной скамеечке образовался как бы клуб по интересам, причём, интересам иногда пересекающимся. Затронутые Кулемзины вопросы оживляли сначала правую сторону, где сидели музыкант и Курманбаев, а потом вмиг подхватывались левой в лице живописца и Афанасьича, затем на противоположной стороне скамеечки, не обращая внимания на развитие темы, начинали гнуть каждый или попарно в свою сторону, выдавая убеждения, наклонности, устремления или полное их отсутствие. Неспешный трёп катился, как колобок под горку. Так, например, немного «подумав», Серёжа начал вдохновенно врать, как на последнем дежурстве в магазине утихомирил сразу десятерых пьяных дебоширов, причём, не уточнил, откуда они вообще там взялись. При этом он размахивал руками, больно задевая разные части тела Курманбаева.

– Наверное, у меня предки боксёрами были, – надменно завершил он свою тронную речь.

«Именно боксёрами, Серёжа», подумал Володя, «только четырёхлапыми и с хвостом. Именно от них ты и рожу унаследовал, и интеллект… »

– Ну и что потом? – спросил Талгат.

– А потом… суп с котом! – оригинально пошутил Полтавцев и засмеялся над «шуткой» задорно, как кубанские казаки во время пляски в одноимённом фильме, после чего, как это часто бывает с подвыпившими людьми, неожиданно загрустил и сказал короткую фразу, которую автор может воспроизвести лишь в таком виде:

– … …, … …, …!

Не ругайтесь, дети, матом –
нужен нам лишь мирный атом!

Альбиоыч поморщился, хотя вполне терпимо относился к этим ненужным словам, когда их употребляли по прямому назначению. Но, в данном случае, пытаясь вникнуть в их смысл, философ был поражён неестественностью пропагандируемых Полтавцевым отношений и странностью сочетаний органов и лиц, в них участвующих.

– Смотри, Серёжа, – попенял ему интеллигентный писатель, – знавал я когда-то одного такого – тот тоже всё разными выражениями страдал, а потом – бац! – утром просыпается, а стенки у комнаты матрацами обиты, кроватка к полу привинчена, на окнах пуленепробиваемые стёкла и доктор рядышком стоит – мило так улыбается и напевает, видимо, чтобы *гостю* скучно не было:

«Прощай, лосось вчерашний
и соус занзибар!»

Но всё хорошее рано или поздно кончается, и, как правило, плохо. К вечеру уставшие и потные игроки стали похожими на подтаявшие конфеты. Но отправить разбушевавшийся от покерных страстей и халявной выпивки коллектив было не просто, поэтому вечер получался неимоверно растянутым и длинным, как «Санта-Барбара». Например, Полтавцев и Батыршин сидели, обнявшись, как братья из сериала «Брат за брата», и выглядели, как братья, которые потерялись много лет назад, но вот, наконец, обрели друг друга, и тут выяснилось, что они, на радость друг другу, явные алкоголики, и поэтому сейчас совещались, сколько им взять водки на отмечание – поллитру или сразу четыре. Художник Муравлёв, тщетно пытаясь прислушаться к этому заговору, сидел с таким выражением лица, как будто, ис-

пользуя тайные тибетские знания, отождествился с буддой сострадания Авалокитешварой[349], и от его имени попросил бога смерти Яму дать человеческие воплощения всем несчастным покеристам. «Мозговая бездеятельность, не совместимая с покером», продиагностировал Николаича Володя, который сам был налит пивом от кадыка до, что называется, нижнего краника.

[349] *С санскр.* अवलोकितेश्वर - *Владыка взирающий – прим. автора*

Что такое коммунизм?
Пива полный организм!

– Зуля, мать честна́я, привет! – неожиданно пробормотал Сергей, бросив обнимать приобретённого «брата», после чего махнул рукой, вероятно, вообразив, что он находится на передаче «Поле чудес».

Лучше всех держался, пожалуй, только педагог Курманбаев, не оставлявший надежд на бесплатное продолжение банкета.

– Как жаль, друзья, что мы расстаёмся, – притворно вздохнул педагог. Хорошо, что по причине глубокого алкогольного кризиса его не слышал прапорщик, так что близлежащие кусты на этот раз не подверглись его психологической обработке.

– А учитывая моё состояние здоровья, – завершил речь неискренний, – то и не знаю, встретимся ли снова…

Все с сомнением посмотрели на лжепророка.

– Не волнуйся, – успокоил его Володя. – Земля круглая – сползёмся!

– Может, ещё одну партейку? Мать моя партия, я буду честно играть, – подбросил сахарную косточку педагог.

При таком, как наш, народе
честен я и благороден!

Кстати, живи Курманбаев, скажем, где-нибудь в знойной Абхазии, его бы обязательно называли местным словом *чангалист*[350], которое переводится как любитель выпить за чужой счет.

[350] *Производное от грузинского слова* ჩანგალი *(чангали), то есть вилка – прим. автора*

Да и впрямь, о какой игре тут могла идти речь! К концу вечера Талгату, Нуртаю, Серёже и Валере стало казаться, что они раньше где-то виделись, и Бермудский Учпучмак стал утопать в трясине повторных приветствий. Узнавшие друг друга попытались было обменяться попарно-поперечным наложением рук, но в замешательстве немного перепутались, и объятия были произведены по методу *возвратного скрещивания*. В результате этого действия повезло только Муравлёву, так как он смог обнять хотя бы сам себя. Батыршин, к тому времени стоявший на ногах только чудом, даже немного усложнил ритуал, навязав троекратное лобызание, тоже, кстати, совершенно бесполезное, отчего вся интермедия получилась более трогательной и заняла всего каких-то десять минут. Пора было приступать к решительным действиям.

– Граждане, театрализованное представление на сегодня закончено, – Альбиоыч в который раз попробовал уговорить своих персонажей разойтись. – Попрошу не создавать толчею и отправляться по домам. Продолжение сериала наших при-

ключений, думаю, мы будем смотреть по весне, – когда потеплеет! Я не говорю вам *goodbye, boys*[351], что в переводе с африкаанс означает яйчики-бабайчики, я говорю вам *спокойной ночи, малыши*!

[351] ***Пока, пацаны – англ.***

Я трупы прятал в камыши:
– Спокойной ночи, малыши!

Педагог тут же поднялся со скамеечки, чтобы опротестовать такое слишком суровое решение, но пока вставал, забыл, что хотел сказать, и вместо несогласия стал горячо доказывать художнику, что на дворе уже давно развитой социализм, и что его полная победа зафиксирована в отчётных документах Политбюро последнему съезду партии, и поэтому лично ему, Курманбаеву, полагается как минимум одна бутылочка «Тянь-Шаня» или её достойный эквивалент, а если ему эту бутылочку не дадут, то он будет считать такой поступок дискриминацией личности, потому что всё это выходит за рамки партийной этики. Николаич плохо соображал, о каком эквиваленте говорит Нуртай, и поэтому на всякий случай кивал головой, хотя и не соглашался.

«Вот и подошёл к концу ещё один день нашей жизни!», подумал гуру. «И, как писали раньше в школьных сочинениях, «усталые, но довольные, они возвращались из похода»… Но не тут-то было!

Водка кончилась, голубы!»,
говорю от всей души.
«По домам!», запели трубы.
Подпевали алкаши…

– Всё, – поднимаясь с покерной скамеечки, произнёс марсианин, хотя происходящее было просто находкой для романиста Вл. Горького. – На сегодня, кажется, всё… Автобус сошёл с линии по техническим причинам!

«Какой автобус?! Совсем с ума съехал», тепло подумал Полтавцев. «А ведь не пил с нами *тяжёлого*…»

– Завтра собираемся в 8.30, – строго сказал Володя. – Единственная причина неявки – это преждевременная, до 8.30 кончина!

Глава 246. «ПО ДОМАМ!», ЗАПЕЛИ ТРУБЫ… (продолжение)

Между тем на пространстве Бермудского Учпучмака вновь разыгралась вчерашняя сценка с участием Батыршина и Курманбаева. Вначале Талгат зевнул, как солнышко на закате, затем он, которому дали ясно понять, что выпивки на сегодня больше не будет, как-то обмяк. Ему захотелось лечь на лицо и уснуть. Неожиданно, как в вещем сне, он увидел себя в доме инвалидов Красной Армии, принимающим через трубочку жидкую манную кашу, при этом сидя на *утке*.

В голове как будто блиц
блицкнул на минутку,
и из всех прекрасных птиц
я вдруг вспомнил… *утку*!

Затем он встал, покачнулся, но не упал, а, определив направление, двинулся в сторону своего подъезда. Старший прапорщик искал дорогу домой практически вслепую, как Моисей в пустыне, и мечтал о том, чтобы после того, как его немного подтолкнул известный бильярдист Кулемзин, он, как шарик в лузу, вкатится в свой подъезд. Внезапно военный музыкант повернул голову и вполне осмысленно поглядел на писателя.

– Может, ещё партейку, ёперная дама? – заплетающимся голосом предложил он.

– Нет-нет, – заотнекивался писатель, – меня влекут служебные дела, – после чего попрощался с трубачом почему-то по-фински:

– Хюввя маткаа!

– Сам такой, – достойно ответил Салихдзяныч и вновь уронил голову.

– Хочешь совет? – предложил Володя. – Выпей на ночь три литра пива – и к утру у тебя на лице не будет ни одной морщины!

– П-п-п-пива нет, – признался прапорщик. Ему стало очень горько, что наутро он опять проснётся с глубокими морщинами на военном челе.

– Может, тогда гормоны попьёшь? – посоветовал ему вослед Кулемзин.

Талгат шёл домой, неэстетично покачиваясь, пока не споткнулся о пивную пробочку от бутылочки «Маршала», после чего на отлично выполнил упражнение, называемое «стойка на коленях» или на так называемых *карачках*: японцы, как изве-стно из передачи «Клуб путешественников», таким образом выражают своё почтение к чаю, а русские – презрение к закону всемирного тяготения.

В это время все почему-то укоризненно посмотрели на педагога. «Конечно», горько подумал он, «как где что случается самое страшное, так обязательно коммунисты должны быть в первых рядах!», после чего подскочил к упавшему музыканту и попытался потащить его в направлении дома, нарочито заботливо пытаясь поставить Батыршина на ноги, как упавший забор. Поддерживая нетрезвого, Курманбаев непрестанно озирался по сторонам, видимо, втайне мечтая, чтобы как можно больше людей оценили его невероятно благородный подвиг, но, приобнимая трубача за талию левой рукой, при этом правой на всякий случай шарил в кармане его курточки.

Если ты напился пьяный
и ведут тебя в подъезд,
глубже баксы прячь в карманы –
к ним особый интерес!

Не нашарив ничего, он заметно расстроился, но всё же старался лучиться доброжелательностью, что-то мягко говоря, будто убеждал капризного сына любовницы, который не желал уйти погулять в момент, когда это внезапно потребовалось взрослым. При этом Мусаич транспортировал Талгата преувеличенно осторожно, как в своё время гагаринскую ракету «Восток» на место старта.

Но не только наши герои-сопокерники и примкнувший к ним Муравлёв наблюдали за нуль-транспортировкой военного тела. Вытянув тощие шеи, за процессом со стороны володиного подъезда присматривали также старушки-соседки, коротко комментируя каждый шаг передвигающихся.

У всех подъездов, чёрные до пят,
по две, по три, управившись с делами,
старухи одинаковые спят

и длинными беседуют словами.
Пока они во сне произнесут
неспешное торжественное слово,
последний свет от листьев унесут
лучи косые солнца золотого.
И загорелые, тотчас из лагерей,
как из кулька просыпанного, дети
сто раз успеют мимо их дверей
мелькнуть, забыв про всё…
Про всё на свете!

Увидев, как Нуртай уводит *тяжёлого* военного, Афанасьич напоследок сплёл что-то двусмысленное о неизмеримых перегрузках, эффективно отправляющих на тот свет мужчин цветущего возраста, но хорошо, что не услышали его ни педагог, ни прапорщик, которые тащились к подъезду, словно перегруженные товарняки к железнодорожной станции Отцеябловск-2. Они были уже метрах в двадцати от покерного столика, и потому никто из оставшихся наблюдателей не слышал, как Курманбаев приговаривал при движении разные разности вроде: «Ну, ещё одну ножку – за папу… А вот ещё одну – за маму…». Прапорщик послушно вспоминал родственников, неспешно продвигаясь к означенной цели. Наконец, провисшая дверная пружина взвыла и затрещала, где-то звякнуло лопнувшее стекло, и в нос ходокам ударила кошачья вонь. Вслед за вонью появились и её производящие – два явно пришлых кота, не знакомых с правилами приличия второго микрорайона.

«Что бы там ни говорили», вдруг странно подумал писатель, «но, когда игра заканчивается, король и пешка падают в одну коробку…». Время для оставшихся на пространстве Бермудского Учпучмака вдруг приобрело какую-то незыблемую твёрдость, с ним уже нельзя было поступать как прежде – легко, беззаботно, с безоглядной щедростью. И в глуповатом определении *время – деньги* появился смысл, значение и даже тяжесть.

– Святой Малевич, может, ещё бутылочку купим? – заплетающимся, но полном надежд голосом произнёс живописец.

– Купишки кончились, товарищ Рубенс,– как можно серьёзнее возразил Володя, ибо знал, что в таком состоянии с его товарищами шутки лучше не шутить. – А новые только к утру подвезут, прямо из Саксаулкоммерцбанка.

Вот с пивком промчалось лето –
полный херес для бюджета!

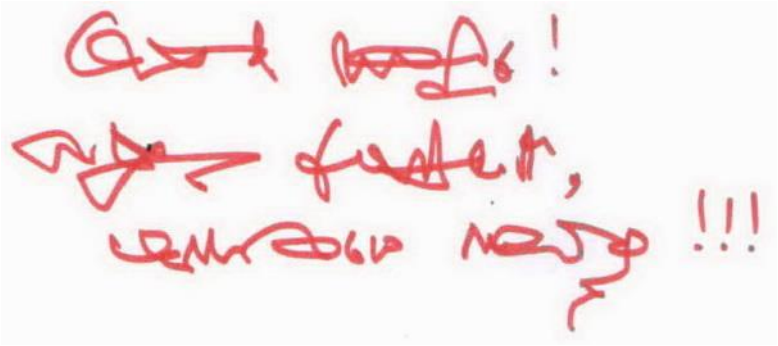
И в это время со стороны подъезда, где только что скрылись военный музыкант и его сопровождающий – педагог, раздался страшный вой. Володя, Серёжа и Валера подняли глаза на уровень третьего этажа и увидели, что вой издавал паскудный талгатовский сосед Руслан Кацоев (б) по кличке Глав-Бух. Он вещал высоко в небо, в голубую темень летнего вечера, задрав небритый подбородок и выдавая какие-то волчьи рулады, словно решил познакомить марсиан со своим выдающимся вокалом.

– Мать честна́я, воет прямо как коёт, – отождествил алкаша охранник. И, на недоуменный взгляд игроков, пояснил:

– Есть такая скотина в Америке – я по телеку видал…Как у него ещё голос не болит!

– Как же легко человек падает в бездну дикости, – заметил писатель. – Яйчики-бабайчики, и как же тяжело ему подниматься к вершинам духа! – При этом Кулемзин посмотрел на Глав-Буха с профессиональным интересом патологоанатома – интересно, клиент, какого цвета у вас кишки?

Услышав про бездну дикости, Полтавцев сделал то, что автор просто-таки обязан отметить в этом томе, как ответственный за всю книгу в целом – он в последний раз за сегодняшний день вытащил из котомки заветный блокнотик «Для му.мы.» и торопливо записал красным концом двуцветного карандаша, когда хотел отметить на века́ что-то очень и очень важное:



Причём, прочтя наутро собственное послание, Афанасьич долго думал, как именно в его квартиру проникли неизвестные враги-диверсанты, чтобы в целях компрометации подбросить ему это. В это время пропитон увеличил громкость своего звучания ещё на пару десятков децибел.

– Да-а-а, – поражённо протянул Володя, – как говорил один мой знакомый штепсель, «я бы с таким в розетку не пошёл!»

Глава 247. «ПО ДОМАМ!», ЗАПЕЛИ ТРУБЫ… (окончание)

Неожиданно закончив выть, пропитон не дал развиться наступающей тишине, принявшись дико хохотать, как русалка, нашедшая на дне морском бутылку джина, изредка перемежая хохот разными неприличными выражениями из русского национального арсенала. При этом он сильно перевесился с балкона, рискуя повторить подвиг капитана Гастелло. Старушки-соседки, тут же бросив игру в *дурачка*, стали с интересом пялиться на Руслана Кацоева (б). Правда, некоторые из них отошли чуть дальше, видимо, подозревая, что, если он всё-таки совершит последний полёт, то радиус разлёта ошмётков тела будет слишком большим, и они, ни в чём не повинные зрители этого театра абсурда, будут обрызганы и обляпаны всякой ливерной непотребностью.

В книгах пишут нам фантасты
не всегда по существу:
алкаши летают часто –
и во сне, и наяву!

В это время, благополучно транспортировав Салихдзяныча в квартиру и даже уложив его рядом с холодильником, в коллектив вернулся Курманбаев, бодро напевая по дороге песенку его счастливого детства, которую он выучил ещё в садике:

Весь мир насилья мы разрушим
до основанья, а затем…

Подойдя к остаткам коллектива, он тут же включился в процесс обсуждения поведения Глав-Буха, возмущённо покачав головой и произнёся особо противным голосом:

– По-моему, это просто какой-то человек, не знакомый с приличиями и элементарными правилами поведения в обществе.

Курманбаев откровенно раздражал Кулемзина – Володя страшно не любил петушиной спеси, чуть-чуть прикрытой флёром самоиронии. К тому же, он знал, что такое неисправимо: кто ещё в детстве начал грызть ногти – тот, хоть тресни, будет грызть их в гробу! Правда, не отставал в своих претензиях к писателю и Нуртай. Обвинял его педагог сразу по трём серьёзным *политическим* статьям, любая из которых шанса на амнистию и реабилитацию не оставляла: во-первых, в политической близорукости, во-вторых, в моральной неустойчивости, а третья статья и вовсе названия не имела, поскольку отвечающее этому названию позорное явление в социалистическом обществе (б) было давно изжито, а именно, полное и окончательное забытьё Кулемзиным основ марксистско-ленинской идеологии.

Я марксизм давно забыл –
на него давно забил!

– Ты ещё скажи, – добавил марсианин, – что, вероятно, ему в детстве не удалось даже краткое время играть в одной песочнице с такими детьми, как ты, Нуртай.

– А я? – закручинился Афанасьич.

– Ну, и ты, конечно, – не стал расстраивать товарища Кулемзин. – Только подучиться маленько надо.

– Да я чувствую, что подучиться надо, – посетовал Сережа. – Володя, а ты не знаешь, есть такой институт, в который без экзаменов принимают?

– Конечно, есть, – ответил просветитель. – Только для этого надо ехать в Москву. Там без экзаменов только в институт Склифосовского принимают!

Знает старый *комитетчик*
(реалист он – не фантаст):
Склифосовский нас подлечит,
только новый мозг не даст!

Затем видя, что темы исчерпываются, педагог взял на себя смелость вспомнить славные имена прошлого.

– Хорошее было имя Владлен, – безаппеляционно заявил он. – А означало оно: Владимир Ленин. Или вот Даздраперма…

– Красиво! – восхитился Полтавцев. – Жалко, у меня дочки нет, а то бы так и назвал. А что это значит?

– Да здравствует Первое Мая! – торжественно перевёл Нуртай и даже немного привстал – видимо, из почтения к пролетарскому празднику.

– А у тебя, Серёжа, когда день рождения? – невинно поинтересовался Володя.

– 31 октября, – так и не вспомнив точно, зачем-то соврал охранник.

– Тогда тебе подошло бы красивое русское имя Триперок – ТРИдцать ПЕРвое ОКтября!

Знает каждая бабёнка,

в чём семейной жизни плюс:
выбрать имя для ребёнка –
дать названье кораблю!

– Володя, а ты за границу ездил? – поинтересовался неугомонный интересовалец.

– Это смотря за какую границу, – уточнил философ. – Если за границу сознания, то неоднократно!

Услышав этот нехитрый диалог, Муравлёв загрустил – он понял, что вот теперь-то день уже окончательно завершён, и пора добираться до дома. Например, Серёже это было сделать легче, чем художнику, ведь Николаичу ещё предстояло поймать такси, на которое у него не было денег. Альбиоыч посмотрел на старого товарища и ему стало его жалко, после чего он, применив заковыристую марсианскую технологию *мрръъчшъъхцып*, предложил:

– Валера, посмотри у себя в заднем кармане.

Художник недоумённо пошарился в предложенном месте, откуда радостно достал из кармана монетку в 100 назарбаксов. Мой внимательный читатель, конечно же помнит, что именно столько брали таксисты за проезд до места проживания саксаульского тициана. Но радость была короткой, так как живописец представлял, ка́к именно сегодня встретит его любимая супруга Наташа.

– Не кручинься, Валера, – сделал попытку успокоить его писатель. – Ты же знаешь, старик, в нашей стране издавна повелось, что жена после собаки – второй друг человека.

– У меня – первый, – грустно ответил Муравлёв. – Собаки-то нет.

Затем он пожал дружеские руки и отбыл восвояси. Такси Николаич поймал быстро, и также быстро стал передвигаться к дому, правда, по мере передвижения радость его таяла на глазах.

Не борщом, торто́м и чаем,
что прилично пахану, –
сковородкой в лоб встречают
тех, кто чувствует вину!

Угомонился, наконец, и Глав-Бух, просто свалившись… нет-нет, не с балкона, а на балкон, или, вернее, на его бетонное основание, после чего уснул тяжёлым алкогольным сном. Попрощался с остатками коллектива и Полтавцев. Он пошёл домой, покачиваясь, словно в позе человека, попытавшегося взять под мышку два арбуза. Его, как и вчера, как и позавчера, как и всегда, ждало вечернее склерозшоу «Не забудьте выключить свои телевизоры!»

На осиротевшей территории Бермудского Учпучмака остались только два антагониста – Альбиоыч и Мусаич. На прощание Нуртай попытался было что-то сказать коллективу, но понял, что из всего коллектива остался только Кулемзин, а с ним не забалуешь, и потому коротко пожелал:

– Все свободны, товарищи! До завтра…

– Как это здорово звучит, – ответил Володя. – «Все свободны», а? Разве не за это мы когда-то боролись на кухнях и в курилках?!

На что Нуртай ещё раз пожелал писателю не расслабляться ночью, а всерьёз задуматься над случившимся за день, а также покончить с псевдопринципиальностью и ложно понимаемыми ценностями, что гуру торжественно и пообещал. Перед тем, как скрыться в своём подъезде, Курманбаев ещё минут на десять задержался возле

дворничихи Надежды и лично провёл с ней воспитательную беседу о её туповатом и пьющем сыне Вадиме – на примерах высказываний товарища Маркса, товарища Ленина и товарища Брежнева, попутно объясняя, как важно поддерживать чистоту во дворе, где он живёт.

– Спасибо, батюшка, – ответила работница метлы, горько вздохнула и продолжила своё пыльное дело.

Окончен день. Каким он был?
И чем запомнится надолго? –
до вожделенья и восторга,
до нерастраченности крыл…

Глава 248. ТВОРЧЕСКИЙ УЖИН

Первое, что сделал Альбионыч, попав в своё Личное Место-Имение, как называл писатель официальную жилплощадь, так это прошёл к холодильнику, откуда тотчас вытащил холодную бутылочку «Тянь-Шаня». А всё почему? Да потому, что наскоро проведённый сам с собой референдум о вхождении этой славной бутылочки в состав сегодняшнего ужина был с энтузиазмом поддержан всеми голосовавшими. Посмотрев на истекающий холодным потом *тянь-шанчик*, он неожиданно понял, что мир, в котором он живёт, несмотря на отдельные недочёты, всё-таки хорош и где-то даже великолепен, после чего открыл бутылочку и начал неспешное вкушание божественного напитка. И только после этой вечерней церемонии писатель наконец-то приступил к ужину, правда, перед этим для чего-то надел на себя пошитую под старину *чуйку*, отороченную чёрным соболем, затем поглядел на себя в зеркало и понял, для чего он это сделал. Из зеркала на него смотрел важный московский барин времён драматурга Александра Островского – ни дать ни взять Кирила Петрович Троекуров[352] после напряжённого летнего денька и вечерней баньки.

[352] Герой повести А. С. Пушкина «Дубровский» – прим. лит. редактора

Сегодняшний ужин Володи был, как всегда, скромным. Он приготовил его ещё вчера в честь предполагаемого визита своего друга Насиба Кураева – саксаульского азербайджанца (б), а ныне турка по паспорту. По внешнему виду этот ужин ничем не отличался от обычного кебаба, фаршированного баклажанами. А вот по сути… был им же. Много лет назад это угощение называлось *хункияв бейанды*, что сразу же выдавало его армянские корни. Но вот уже многие столетия турки считали его своим блюдом, разумеется, предварительно переименовав. Так что па́йка, которая должна была достаться неутомимому столярному гению (и, кстати, автору знаменитого покерного столика, за которым происходили самые жаркие схватки в нашем романе[353]), называлась уже по-турецки – *имам баялды*[354]. Кстати, это название нравилось Володе больше, так как отражало тот непередаваемый вкус, который содержало в себе ровно два дня – на третий его уже можно было выбрасывать!

[353] О покерном столике рассказано в главах 129-130 первого тома «Русской кочерги – прим. гл. редактора
[354] Имам[355], теряющий сознание – тур.
[355] Главный мулла в мечети – араб.

Весь день суетой загубя,
плетусь я к усталому ужину,
и вечером в куче себя
уже не ищу я жемчужину…

Но так как Насиб не только не пришёл к обещанным шести часам, но даже не позвонил об отмене визита, Кулемзин счёл себя вправе сожрать всё блюдо один, потому что сегодня шёл как раз второй, контрольный, день для этого кушанья. Кстати, под ужин Володя с удовольствием послушал нежную мелодию Эдварда Александровича Грига – сонату для виолончели и фортепиано. У мелодии был запах расплавленной солнышком сосновой смолы и свежих шишек.

Ужин будет съеден зря,
если пива нет, друзья!

Сходу сочинив этот немудрёный стишок, он распил ещё одну бутылочку «Тянь-Шаня» – как необходимое дополнение к отличной музыке. Пиво, попав внутрь его могучего организма, тут же обрело покой и полностью слилось с парой музыкальных фраз из Грига.

После ужина хозяину квартиры стало несколько жарковато, и он открыл настежь все окна, но прохлады не добавилось, после чего писатель просто вышел из дома последний раз в этом втором томе. Он стал жадно глотать вечерний воздух и никак не мог насытиться. Пожалуй, он впервые понял, что простенький газовый коктейль, которым дышит человечество, имеет неповторимый божественный вкус. Воздух, успевший остыть после дневной жары, был холодным, сладковатым и слегка вяжущим, как ранняя хурма. А, может, такое вяжущее чувство появилось не от этого, а от привкуса скромного ужина, который только что провалился в глобус его внушительного брюха.

И тут Кулемзин вспомнил, что ещё утром, а именно в главе 14 первой части этого тома придумал себе испытание на вечер: перевести на английский пару строф из филатовского «Федота-стрельца»[356]. Он ещё раз вдохнул порцию вечернего воздуха и вернулся в место ПМЖ, чтобы его ужин плавно перешёл в творческий вечер.

[356] См. сноску на стр. 34 – прим. автора

Так вот, о работе: Альбионыч сейчас решил осуществить задуманный транслит в отношении двух строф, правда, не связанных друг с другом, но дающих представление об используемой в сказке исконно русской речи:

Ты, Федот, меня не трожь,
пользы в этом ни на грош:
и кастрюлю не наполнишь,
и подушку не набьёшь!

и

Ты у нас такой дурак
по субботам али как?
Нешто я должон министру
объяснять любой пустяк?

Первый катрен дался довольно легко, ибо буквально через пару минут писатель лихо отстучал в word’е следующее:

Please, don't hurt me, dear Fedot,
it's quite worthless, is it not?
Just one bird is not enough
for a dish or pillow stuff!

Не вызвал затруднений и второй кусочек текста, превратившись из-под гениального пера мастера вот в это:

Are you such a fool all days
or is it just on Saturdays?
Must I tell my minister
everything in every case?

Альбионыч полюбовался на плоды своей работы, а затем для забавы засунул оба получившихся перевода в механический гугловский переводчик, получив на выходе искромётные, полные трагизма, строки:

Пожалуйста, не делай мне больно, дорогая Федот,
это совершенно ничего не стоит, разве нет?
Только одна птица не хватает
для посуды или подушку вещи!

и

Вы такой дурак все дни
или это только по субботам?
Должен ли я сказать моему министру
всё, что в каждом конкретном случае?

Особенно его тронуло, что заморский переводчик, не знакомый с русскими реалиями, решил, что Федот – женщина, иначе почему бы он перевёл главного персонажа сказки как дорогая Федот?! После проделанного Кулемзин подошёл к вечернему окну и с тоской поглядел на брошенный игроками покерный столик. Тяжёлый, как паровоз, день никак не заканчивался, хотя солнце давно потерялось в бетонных лабиринтах микрорайона. Остывал пахнущий вечерней свежестью двор. Стало тихо, как в детском садике после обеда, во время страшного для сознания взрослого человека *мёртвого* часа. Солнце, свалившись с зенита, стало неумолимо скатываться к западу. Вечер таял стремительно, как случайный снег в апреле. Меж тем в природе произошли кое-какие изменения: например, мягко размывалось и, наконец, размылось чернёное серебро небосвода.

Звёзд печальных хороводы
почему раздражены? –
во Вселенной небосводы
внутрь неё растворены…

В окне Ангелины Ивановны, поставщицы свежих радионовостей, светился таинственный красный свет – свет алхимиков, гаишников и фотографов. Что она делала, к сожалению, осталось тайной не только для тебя, читатель, но даже для автора нашего правдивого повествования. До календарной осени оставалось всего несколько дней, и деревья, словно зная об этом наверняка, сбрасывали остатки листьев, которые тихо кружились в горячем воздухе, как немецкие аэропланы «Этрих-Таубе» времён Первой мировой войны.

Володя решил ненадолго выйти во двор, чтобы ещё раз вживую взглянуть на опустевший Бермудский Учпучмак. Он быстро осуществил задуманное, но только наполовину: выйти вышел, но вот обозреть покинутый покерный край не смог, так как взор его задержался на своём стареньком домике, и быстро подсчитал, что в этом году ему исполнилось уже 45 лет. Краем уха до него долетали соседские разговоры, что скоро, уже совсем скоро этот районч ик будут сносить, и на месте славного трёхэтажного уродца будет стоять многоэтажный красавец.

«Не забыть бы заранее приготовить мемориальную доску», подумал писатель, «а то ведь…». Он немного подумал, вновь зашёл в квартиру, пустил в работу компьютер и тут же напечатал на отозвавшемся мониторе:

В этом доме знатного
саксаульского писателя
Вл. Горького
больше не будет
НИКОГДА!

После этого Альбионыч настроил личную почту, где и увидел свежее письмо. Оно оказалось от поклонницы одной из его статей, которые он время от времени публиковал в интернете. В письме речь шла о статье, где Володя, перманентный толстяк, советовал разным барышням, как быстро похудеть.

Каши, овощи и фрукты
жуй – всегда ты будешь свеж:
ешь полезные продукты,
неполезные – не ешь!

«А не привести ли здесь эту необычную диету?», неожиданно подумал автор романа. «Во-первых, вдруг она поможет кому-нибудь (хотя и вряд ли!), а, во-вторых, уж больно необычно эта диета была названа…». Итак,

Глава 249. ДИЕТА «ДОЛОЙ КПСС!»

«Путешествуя по необозримым просторам интернета и разглядывая фото людей, с кем мне пришлось общаться, я обратил внимание на то, как много среди них персонажей, страдающих лишним весом. Именно страдающих, потому что как бы сейчас они привлекательно не выглядели, эти милые толстячки и пышки, но после 40 лет у них обязательно начнутся проблемы со здоровьем. Поэтому я рекомендую всем им самую простую диету, которую я назвал «Долой КПСС!», где в числе *запрещённых* продуктов следующие:

К – картофель

П – пшеничное (хлеб, макароны, торты и т.п.)
С – соль
С – сахар

Казалось бы, ничего сложного, но попробуйте, не обманывая себя, ровно неделю не есть хлеба с картошкой, не подсаливайте и не подслащивайте ничего, даже чай, и вы поразитесь результатам. Гарантирую трёхкилограммовое снижение вашего веса! Понимаю, что это трудно, поэтому вот семь рекомендций, испытанных лично на себе:

1. Не заменяйте картофеля рисом, потому что эффект останется тем же – рис склонен к разбуханию в желудке и долго не выводится организмом. Ещё один минус – рисовый крахмал, который связывает ваши жиры.

2. Хлеб замените на другие злаки – например, по утрам делайте себе овсяную, гречневую или пшённую каши.

3. Сахар замените сахарозаменителем – он безвреден в малых количествах и содержит 0 калорий. Сколько привыкли класть ложечек в стакан чая, столько таблеток и добавляйте (хотя желательно минус одну) – при условии не более 15 таблеток в день.

4. Без соли обойтись легче всего: готовую пищу (мясо, рыбу, грибы) полейте лимонным соком. Помните, что мы *не не можем* обойтись без соли, а просто *не любим* пресного.

5. Не только летом и осенью, но и круглый год больше внимания уделяйте не привычной тяжёлой пище, а овощам и фруктам. Лучше всего – салат из свежей капусты, так как капуста – единственный овощ, который реально сжигает жиры в организме.

6. Не ешьте чеснок – он возбуждает аппетит.

7. И последний совет: обязательно взвесьтесь перед экспериментом, а в следующий раз ровно через неделю – не сто́ит травмировать свою психику ежедневно.

Итак, Долой КПСС!»

Без животного запала
создавайте свой уют:
вы не ешьте что попало –
ешьте только, что дают!

У этой диеты сразу же появилось множество поклонников, хотя, честно говоря, были и критиканы – из числа людей, вес которых превышал полтора центнера.

Именно поэтому марсианин с любопытством открыл письмо, и вот что он там прочёл:

«Дорогой Владимир! Пишет Вам Викторина Арнольдовна Убий-Радостная[357]. Огромное Вам merci за Ваш совет о похудении. Воспользовавшись им, я за один месяц сбросила 14,7 килограмма. Моя жизнь поменялась в корне: во-первых, ко мне вернулся муж, который бросил меня два года назад из-за того, что я не оставляла ему никакой еды, во-вторых, ко мне вернулось здоровье, которого я не видела почти пятнадцать лет, в-третьих, ко мне вернулась работа (раньше я работала в палатке по продаже шаурмы) – мой бывший начальник Казбек, увидевший меня на днях, снова взял меня к себе на престижную должность кассира-сторожа-дворника,

и даже не заставил поклясться, что я не буду воровать его шаурму! Если бы не Вы, дело могло бы кончиться суицидом в особо извращённой форме! Ещё раз merci!»

[357] Это подлинная фамилия, которая как-то раз встретилась автору на его творческом пути. Надо заметить, что я много лет записывал в свой блокнотик не только вот такие редкие фамилии, но и сочетания их и занимаемых носителями фамилий должностей. Вот некоторые из моей коллекции: продавец-кассир Скоробогатова, врач Больных, директор районного дома моды Мешкова, геолог Земляная, директор магазина Гниломясова, косметолог Дряхлова и даже директор кладбища Закопайский! – прим. автора

Порадовавшись за избежавшую столь суровой участи Викторину, хотя и недоумевая по поводу такого необычного суицида, писатель вновь испытал муки творчества (или всё-таки голода?)

Почему-то на сердце какая-то смута,
может, стих мне поможет *иблиса* изгнать?
Не понять мне, тоскую ли я по кому-то,
или просто мне вовремя надо пожрать…

Нет-нет, конечно же, это были творческие муки! Но какие сладкие! Не удовлетворившись переводами из Филатова, Володя решил немного поработать над очередным томом «Русской кочерги». Способствовало этому и то, что на своём левом плече он почувствовал тонкое дыхание своего муза Васи Курочкина, который к тому времени уже закончил непыльную работу у двух не таких талантливых саксаульских поэтов, что вполне довольствовались незатейливыми рифмами типа розы-морозы-берёзы или брать-набрать-прибрать. Для Кулемзина же, как крупнейшего поэта двух веков, Вася бережно хранил такие находки, как атрибуты-на три буквы, лёд щеки-лётчики и вереск-ксерокс. А в одном из разговоров с Альбионычем даже признался, что велик и могуч русский язык, но вот рифма на слово *звезда* всегда в голову одна и та же лезет!

Моему музу Васе Курочкину

Ну что же делать, коль не Фет,
не Гумилёв, не Блок, не Бродский.
Я знаю, что плохой поэт,
да и характер просто скотский!
Пишу! Моей ведёт рукой
друг Курочкин весьма умело –
тот, кто ночами надо мной
строкою растворён не смелой,
кто тайный код своей души
поведать не успел земле,
и кто с небесной вышины
мне сны рисует на стекле,
мне шанса не даёт солгать,
вписать в стих что-то от себя.

♠ ♠ ♠

Я не могу его предать,

хотя не видел никогда…

– Надо же, сразу трое счастливых! – ознакомившись с письмом Убий-Радостной, сказал муз.

– А разве не одна Викторина Арнольдовна? – наивно поинтересовался Володя.

– А муж её? А неведомый доселе Казбек? Вот уж кто рад, как мне кажется!

– Да ты жизнь знаешь! – завистливо произнёс писатель, после чего отправил Васю в неведомые дали, где тот и проживал. А для чего? А всё для того, чтобы в спокойной обстановке написать некое предисловие к очередному тому «Русской кочерги». Он сел за клавиатуру компьютера, как 30 лет до этого сидел за клавиатурой пишущей машинки, и слова́ бойко полились из-под его условного строптивого пера.

Разгоню романа скутер,
чтоб разбавить жизни яд:
что машинка, что компьютер –
всё равно талантлив я!

Глава 250. ИСТИНА С МАЛЕНЬКОЙ БУКВЫ, ИЛИ ПОПЫТКА ПРЕДИСЛОВИЯ К «РУССКОЙ КОЧЕРГЕ»

«Предлагаемый публике роман «Русская кочерга» написан таким образом, чтобы встряхнуть читателя, не дать ему остаться равнодушным ко всему, о чём здесь написано. Целью этой книги было не создание какого-то физического шока (в современной жизни его хватает с лихвой!), но шока морального, подобно тому, как мастер дзен создаёт шок своим ученикам, индуцируя (прости, русский язык!) у них тем самым вспышку озарения, или шока, который устраивал этнический эзотерик индеец дон Хуан Карлосу Сесаровичу Кастанеде – для изменения его восприятия.

И даже за невинными сценами покерной игры, а тем более за историческими (прости, русский язык!) реминисценциями, названными автором Хронотопами, в этой книге скрыта истина с маленькой буквы, которую автор и предлагает разглядеть своему внимательному и любопытному читателю. Проблемы человека невозможно решить социальными, экономическими или политическими реформами – эти проблемы порождены нами же, нашим неправильным восприятием мира, и решить их можно, лишь изменив восприятие, переведя его из закостенелого и однобокого состояния в пластичное и текучее состояние ребёнка.

«Русская кочерга» как раз и ставит это своей целью, поскольку она ломает старые (прости, русский язык!) *паттерны*[358] сознания. Она может показаться невозможной и ужасной, особенно людям, воспитанным советской властью (б), восприятие которых уже давно стало неподвижным, и изменения этого восприятия обычно связывают с больши́м дискомфортом. В книге полно́ того, что на сегодняшний день активно отторгается так называемым «обществом». Но именно через это к нам доносится истина, и она, прежде всего, в том, чтобы осознать, почему же всё *это считается* плохим, подчас даже не задумываясь, так ли это на самом деле.

[358] От англ. pattern – образец, шаблон, форма, модель, схема – прим. переводчика

Слышать это просто шок

нервного припадка:
всё плохое – хорошо,
было бы нам сладко!

Новая свобода, которую несёт в себе этот роман, заключается в том, чтобы стать разумным, чтобы восприятие читателя больше не опиралось на иррациональные догмы типа *хорошо-плохо, правильно-неправильно, морально-безнравственно*, а смотрела бы в суть самóй проблемы, пыталось получить знание из всего, что нас окружает, и не шарахалась в сторону, как лошадь от Пржевальского, от того, что-то когда наша мама называла *бякой*.

Снять устаревшие и подавляющие существо человека догмы, обрести счастье в понимании мира – вот чего хотелось бы автору от своих читателей, и если эта цель будет достигнута, тогда он (автор) будет спокоен за своих маленьких друзей – землян, и может спокойно отправляться на историческую родину, где его с нетерпением ждут Аэлита и все-все-все.

С рождения и до смерти человек (если он вообще имеет право называться человеком) познаёт мир. Не секрет, что раньше большинство землян думали, что их родная планета есть блин, и только много позже узнали, что если она не блин, то шар, а если не шар, то всё-таки блин. И это правильно, ведь только одно из этих понятий верное. Но многие хотят познать истину, не меняя своих представлений, своего мировоззрения, а лишь что-то добавляя к нему, как будто Истина[359] является только начинкой к пирогу познания. Но это не так. Настоящая истина переворачивает всё вверх дном, и совместить её с твоим *прошлым* знанием нет возможности. Если хочешь обрести новое восприятие мира, надо попытаться отбросить привычные мысли и оценки, заданные тебе с детства. Именно этому и учит великий роман «Русская кочерга», справедливо названный автором энциклопедией современной жизни…»

[359] Редкий случай, когда автор пишет ничего не значащее слово с прописной буквы – прим. гл. редактора

По стопкам разложив былые акварели,
я вспомню имена и подведу итог
растянутых страниц, неблагозвучных трелей,
поднадоевших рифм, высокопарных строк, –
пытаясь миновать пороги и овраги,
вновь совершу один из бытовых грехов,
оставив на столе лист глянцевой бумаги
и проведя всю жизнь в предчувствии стихов…

Не напрягайся, мой читатель, от таких сложностей: вовсе не для тебя пишется всё это, а, скорее, для самоуспокоения. А чтобы ты окончательно успокоился и вернулся на *лёгкие* страницы романа, вот тебе последнее предложение этой трудной главы:

«Володе очень хотелось двух вещей: первое – хотя он и понимал, насколько это глупо, чтобы Вл. Горький стал первым *буддой*, написавший свой собственный семитомник, и второе – чтобы роман «Русская кочерга» был напечатан на качественной туалетной бумаге, ведь именно его читателям должно быть комфортно во всём! «Вот допишу этот роман», подумал он, «а там можно и о вечном подумать…»

Глава 251. КРАЙНЕ КРАТКОЕ ОПИСАНИЕ XX ВЕКА (хронотоп № 14, последний в этом томе)

Создавая своё великое произведение, Кулемзин, вспоминая не только свою, но и множество чужих жизней, невольно оказался в положении не только писателя-бытописателя, но и историка, ведь всё, что происходило с ним и его героями, не плавало туалетным утёнком где-то в неопознанном пространстве, а потихоньку телепалось на фоне стремительно проносящейся эпохи. Вот и сейчас одна мысль не давала ему покоя, а чтобы читатель мог оценить трагичность этой мысли, приведу я её здесь, выделив как-то по-особенному:

Медленно, но неотвратимо пустеет странная копилка, из которой мы вынимаем тусклые медяки оставшихся дней...

В детстве Альбионыч любил учебники – за то, что они рассказывали ему то, что до этого он не знал никогда. А сейчас, когда он знал куда больше всех учебников, вместе взятых, они стали ему скучны, и особенно учебники истории, переписываемые каждый раз под очередного правителя, начиная со Сталина и заканчивая Путиным. Причём, каждый из правителей от учебника к учебнику делал сначала СССР (б), а потом и Россию всё лучше и лучше, богаче и крепче. Именно поэтому сел наш герой как-то на завалинку, вытащил гусиное перо, подаренное ему лично Сергеичем, оторвал большой лист лопуха, и за пару минут написал свою историю XX века. Вот она – для тебя, мой терпеливый читатель:

1900–1929 – несовершенство мира и попытка его улучшения путём ухудшения.
1930–1939 – дальнейшее ухудшение улучшаемого мира.
1940–1953 – война за право улучшить мир, ухудшая его по-своему.
1954–1984 – холодная война за право улучшать мир, ухудшая его по-своему.
1985–1991 – несовершенная перестройка несовершенного мира.
1992–2000 – демократия – несовершенная, но лучшая организация несовершенного мира…

Я на жизнь взираю из-под столика.
Век двадцатый – век необычайный:
всё, что интересно для историка,
то для современника – печально…

Глава 252. Я ПИШУ ПО ВЕЧЕРАМ, ТРАМ-ПАМ-ПАМ-ТАРАМ-ПАРАМ!

Почитатели таланта на творческих встречах нередко спрашивали у Кулемзина, почему он вдруг вообще начал писать, на что он особо настырным называл три основные причины. Первая причина была банальной, но такой интересной, что автор романа так же решил выделить её по-особенному:

Как много бы нам ни платили

и как много бы мы ни работали,
мы всё равно работаем больше,
чем нам платят!

Второй причиной он называл возраст, ведь не секрет, что для 15-летних даже 40-летние – глубокие старики, а для 30-летних 50-летние – годовщина старости. К тому же, если жизнь состоит из нелюбимой, монотонной, но обязательной работы, квартиры-клетушки, опостылевшей семьи, водки как единственного доступного способа сбежать от серости будней в цветной алкогольный бред, то к пятидесяти человек действительно становится развалиной. И мечтает о «заслуженном» отдыхе, состоящем из подсчитывания копеек и выгадывания на ту же водку.

Была и третья причина. «Я, 50-летний», уточнял Альбионыч, «уже могу взглянуть на прожитую жизнь без розовой дымки: плохо ли, хорошо ли это, времени на исправление любой из ошибок уже почти не осталось. Может, именно это и делает мой взгляд таким беспомощным, а суждения – столь беспощадными?»

Было в этих размышлениях что-то не наше, не русское, а. скорее, дзенское, но кулемзинский дзен опять-таки был не восточным, как ему и приписывала философия, а именно русским. Чтобы понять сие, досточно ознакомить тебя, мой читатель, только с одним стихом великого поэта современности:

О дзен

Напускает жизнь тумана,
как журнал с картинкой ню,
но приходит дзен внезапно,
всё меняя на корню.
Полосуют сердце грани,
смысл которых изречен:
дзен, рассыпанный в сознанье,
рассыпается Ничем.
Вносят мысли коррективы,
жизнь меняя на антракт:
я без дзена жил счастливо,
с ним же мне – совсем Никак.
Словно мыслями в капкане
оборвал я свой парсек,
и растаял дзен в молчанье –
я забыл о нём навек.
Потому молва в народе,
но не криком – в шепоток:
дзен приходит и уходит –
проверяя нас на срок…

Было и ещё одно, что определяло всё постсоветское так называемое творчество Володи – это свобода от всего и всех. Причём, свобода эта была не такой, как, например, у Бродского, который утверждал, что она безадресна и безлюба, хотя, наш герой знал, что в понимании её феномена Бродский сильно опередил всех живущих ныне. Вот, к примеру, что писал Иосиф в одном из своих зарубежных стихотворений – венецианской «Лагуне»:

Тело в плаще обживает сферы,
где у Софии, Надежды, Веры
и Любви нет грядущего, но всегда
есть настоящее…

Свобода, согласно Бродскому, это не студенческая тусовка, а серьёзное испытание. В том числе – и свобода поэта. Альбионычу всегда нравилось то, что́ его тёзка сказал по этому поводу в своей Нобелевской лекции. Слушайте: «Насущным хлебом литературы является именно человеческое разнообразие и безобразие. Стихотворение есть продукт взаимного одиночества писателя и читателя…»

На что меняем наши чувства,
во что бросаем жизни дни?
Мы пьём и курим от искусства
измять пространства простыни.
Но в жизненном круговороте
одна мне хворь, одна мне боль:
стихи – единственный наркотик,
и мой табак, и алкоголь…

Наверное, у каждого пишущего есть своё, если не выстраданное, то, во всяком случае, придуманное лично им определение своих книг. Если, например, отмотать от сегодняшего дня всего каких-то 150 лет, то вот как однажды выразился Гюстав Ашильевич Флобер о своём романе «Мадам Бовари»: «Что же вам сказать об этой книге? Прежде всего, мне хотелось выразить в ней тот особый *желтоватый оттенок закоулков*, где иногда гнездится душа…». Желтоватый оттенок закоулков! Каково?! Кулемзин был больше согласен с определением литературоведа Бориса Кузьмина, который говорил, что «в само́м творчестве Флобер как бы стыдится проявлять своё сочувствие к людям, не сто́ящим этого сочувствия, и в то же время считает ниже своего достоинства показать свою ненависть к ним»!

Может быть, именно поэтому единственной заслугой нынешнего *свободного* времени Володя считал выход в свет книг, о которых не могли мечтать те, кто не знает никаких языков, а ведь это основной удел людей, выросших за железным занавесом или за пыльными кумачовыми портьерами. Все помнят, что советская литература (б) развивалась в железной идеологической клетке, задуманной так, чтобы и без того уродливого младенца превратить в монстра, каковым она в конце концов и стала. Альбионыч поражался лишь тому, что советская литература хоть что-то сохранила в себе из родовых черт отечественной классики. Ещё суровее в СССР (б) относились к стихам – наверное, потому, что они воздействовали на читателя не напрямую, как, например, роман Гладкова «Цемент», который звал к ударному труду, а к глубинным и потаённым уголкам сознания, где нередко сохранялись не вытравленные идеологией хилые цветочки человечности.

Поэзия на рельсах жизни вроде паровоза:
летит, блестит, свистит и следом тянет прозу!

И эта мысль блестяще подтверждалась создаваемым Володей романом, где только в одном томе по мере написания накапливались, как подлещики в *садке*, более тысячи коротких стишат, не говоря уже о стихах больших и серьёзных.

Фразы, мысли и словечки
я ищу в любой плотве,
ведь ловлю стихи не в речке,
а в своей же голове!

Но к теме творчества автор ещё вернётся в этом томе, который уже, кстати, заканчивается, как и весь день, но не по своей прихоти, а только потому, что наш герой Альбионыч если уж взялся что-то ваять, то остановиться не мог никак. Поэтому, мой нетерпеливый читатель, подожди с десяток глав – и ты увидишь ещё, например, одну сказку о Ленине во всём её великолепии!

Глава 253. ВЕРНЫЙ ДРУГ ДОЛГИХ ВЕЧЕРОВ

Итак, заканчивался «a hard day's night»[360], как когда-то утверждали неугомонные в своём творчестве битлы. Решив немного отдохнуть от литературных упражнений, Альбионыч включил телевизор, который называл верным другом долгих вечеров. Именно вечеров, как понятия крайне неопределённого и неодушевлённого, а не людей, посвящающих ему кучу свободного времени. Он всегда начинал просмотр с так называемой первой кнопки, которую много лет назад – ещё в ельцинские времена – оккупировал российский Первый канал. Он тут же увидел о чём-то невнятно причитающую популярную дикторшу, похожую на взволнованную хохлатку в курятнике, до которой так и не добрался петух. У неё был виды дамы, долго выбирающей между двумя призваниями – телевидением и панелью. «Я вообще не понимаю, как в биатлоне можно придти вторым, если у тебя с собой ружьё?», странно подумал писатель, но мало ли странностей ты, мой читатель, уже видел в этой книге!

[360] «Вечер трудного дня» – альбом «The Beatles» 1964 года – прим. муз. редактора

Сейчас новостная программа повторяла утренний демарш коммунистов России. По экрану, как и вчера, а также, как и сегодня утром, развевались красные флаги, между ними привычно мелькал нынешний коммунистический вождь страны некто Зюганов, которого Кулемзин называл не иначе как дядюшка Зю. Правда, сегодня было некоторое отличие от вчерашнего сюжета: вождь не толкал бессмысленную речугу ни о чём, а говорил конкретно и по делу, обращаясь к юным россиянам, которые ковырялись в носу – они пришли сюда по настоянию своих дедушек, обещавших им по окончанию митинга выдать аж по тысяче рублей на развлечения:

– Сегодня вы, как и ваши отцы и деды, уйдёте отсюда не так, как пришли, то есть не просто в рубашках и блузках, – я лично повяжу на вашей шее красный галстук, который является символом того, о чём мечтал великий Ленин!

Если б я был пионером,
я б носил пеньковый галстук,
чтоб удобно диверсанту
было бы меня душить!

Молодые россияне тупо пялились в раскрытую пасть вождя, а один из них больно щипал стоящую впереди девочку за тугую попку. Девочка терпела, потому что её дедушка, старый ленинец и большевик, с детства учил её не поддаваться на провокации внешних и внутренних врагов социализма. К тому же, она наизусть (по просьбе того же дедушки-маразматика) выучила стишок, который и должна была рассказать после того, как ей повяжут красный галстук:

В Казани он – татарин,
в Алма-Ате – казах,
в Полтаве – украинец,
и осетин – в горах.
Он с компасом в кармане
и с глобусом в руках,
с линейкою подмышкой,
со змеем в облаках.
Он лётчик-испытатель
стремительных стрекоз,
он физик и ботаник,
механик и матрос.
Он красный галстук носит
ребятам всем в пример:
он – девочка, он – мальчик,
он юный пионер!

Кулемзин знал этот стишок и много лет умилялся такому идеологическому шедевру, а особенно нравилась ему предпоследняя строка с красивой гендерной ошибкой: он – девочка!

Володя, ежедневно проглядывая новостные программы – не только местные саксаульские, но и российские, удивлялся тому, что вот уже столько лет, как наши народы якобы обрели долгожданную свободу, а люди тем не менее исправно выходили на многочисленные шествия и демонстрации, причём, что именно демонстрировали общественности, скорее всего, не знали сами. Он знал, что срабатывает примитивный эффект толпы – все идут, и я иду. В столь любимом Альбионычем ла-тинском языке, когда им ещё *активно* пользовались, существовала приставка «de», кою филологи до сих пор очень красиво величают *отрицательно-отложительной.* Чтобы объяснить её суть, достаточно одного примера: номинация – *де*номинация. Поэтому он, ежедневно видя на экране телевизора эти демонстрации, стал понимать смысл этого слова как освобождение от монстров!

Опоясан портупеей
и вступивши в профсоюз,
демонстрирую толпе я:
больше монстров не боюсь!

Глава 254. ВЕРНЫЙ ДРУГ ДОЛГИХ ВЕЧЕРОВ (окончание)

Здесь новости, наконец, закончились, и на экране возник слащавый ведущий позорной передачи «Большая стирка» Андрей Малахов. Мало кто из телезрителей знал, что эта программа, которой так гордился Первый канал, была всего лишь калькой с американского шоу Джерри Спрингера, на котором он перемывал косточки не только одному приглашённому «герою», но и всей его многочисленной родне. Единственным дебиловатым отличием от американского аналога было только название, которое работники канала несуразно поясняли так: мол, ваша стиральная машина работает час, и этот свободный час вы якобы как раз смóтрите нашу передачу.

Иногда, с целью выпендриться больше обычного, Малахов предлагал своим верным зрительницам (мужики, которые были поумнее своих подруг, его просто не смотрели) якобы взрывные темы. Вот и сегодня, сделав плачущее лицо, он пожаловался с экрана:

– Представляете, вчера я застукал свою собственную жену с любовником!

– А-а-а-ах! – вздохнула вся студия.

– И, конечно же, сегодня не мог не пригласить их ко мне на передачу.

– О-о-о-ох! – охнула вся студия.

– Итак, встречайте, любовник моей жены!

– У-у-у-ух ты! – ухнула вся студия в ажитации.

– Скажите, мистер Икс, а где вы познакомились с ней?

Вас спрошу, как у большого,
то, что мне всего странней:
«Как же мерзкие ток-шоу
полюбились всей стране?!»

Здесь Володя не выдержал и с отвращением переключил телевизор на другой канал – нулевой. Дело было в том, что на кнопке «0» его телевизора кабельная компания, с недавних пор обслуживающая его персональный аппарат, видимо, в целях ознакомления на несколько дней включала всякие иностранные каналы. Вот и сегодня писатель удостоился чести ознакомиться с продукцией украинского канала «1000», по которому шёл очередной мексиканский сериал.

– Викиньте з голови цю дурь, дядько Родриго, і сховайтеся он у тому будинку! – заботилась знойная мексиканка.

– Хуанита! Робити аборт дуже погано для здоров’я, – в свою очередь проявлял заботу дядько Родриго.

– Кажется, это ещё похуже Малахова, – пробормотал Альбионыч, вновь переключая строптивый аппарат.

– Позови меня с собой!

– неожиданно громко послышался чей-то призыв. Приглядевшись, Кулемзин узнал престарелую «примадонну» советского розлива Аллу Пугачёву, которая, видимо, просилась на фуршет по поводу своей очередной свадьбы с человеком значительно моложе её. Но это была не единственная попытка воздействовать на голову Альбионыча песней. На других каналах поочерёдно ему попытались спеть итальянец Адриано Джулиович Челентано – хриплым, как бы разболтанным голосом, который так и хотелось подправить плоскогубцами, затем неизвестные певицы типа каких-то белок и стрелок, безуспешно пытающиеся добиться вокальной виртуозности, и зарабатывающие себе на жизнь тем, что потакали низменным вкусам тех, кто приходит на их концерты, давясь слюнявым вожделением, и, наконец, американка Тина Флойдовна Тёрнер, которая в свои 64 года выглядела всего на 45!

Негритянка в 45 –
баба-чернослив опять!

На одном из саксаульских каналов продолжался идущий второй год американский сериал «Любовь и ненависть». Но именно в этот момент автор романа с удивлением обнаружил, что если Володя всего лишь случайно наткнулся на этот сериал, то жена саксаульского гогена Наташа Муравлёва смотрела его с нескрываемым вожделением уже который месяц. Но ведь про неё в этой главе он рассказывать совсем не собирался! Так что придётся тебе, мой нетерпеливый читатель, немного подождать, и ты обязательно узнаешь о приключениях героев этой мыльной лабуды.

Позабавил нашего героя и канал «Культура». На экране показался человек в средневековом костюме, по виду экскурсовод, и обратился к толпе разно одетых людей, по виду экскурсии:

– Итак, товарищи, в двух словах! Перед вами замок Э. Именно здесь принц датский Г. из королевства Д. любил девушку О. и мучился вопросом: Б. или не Б.?

И только один верный «Евроспорт» неожиданно порадовал Альбионыча повторным показом апрельского чемпионата мира по снукеру, где ирландец Кен Доэрти, ставший чемпионом мира в позапрошлом году, пытался вновь получить этот главный титул в борьбе с великолепным валлийцем Марком Уильямсом. Но именно Уильямс выиграл этот нелёгкий поединок, став чемпионом мира во второй раз. К сожалению, «Евроспорт» показывал заключительный, 34-й фрейм игры – из 35-ти возможных. Ещё раз полюбовавшись на счёт встречи 18:16, Кулемзин со вздохом отправился в дальнейшее путешествие.

Зато, как он и предполагал, ни один канал не обходился без вездесущей рекламы. Даже весьма неплохой патриотический канал «Звезда» и тот запустил свой рекламный блок. На экране возник человек в камуфляже, вооружённый так, словно в одиночку собрался штурмовать американский Форт-Нокс[361]. Но камера взяла крупно только один вид вооружения, с детства знакомый всем советским (б) людям.

[361] Военная база в штате Кентукки, хранилище золотых запасов США – прим. воен. и фин. редакторов

– Автомат Калашникова! – сурово проговорил воин. – Он и микробов убивает!

Если б Пушкин жил сегодня с нами,
я уверен, что в один из дней
Пушкин тоже снялся бы в рекламе

гуталина или бигудей!

– Анафема, – покачал головой писатель и выключил телевизор. И, как выяснилось через мгновение, очень вовремя, так как вместе с телевизором отключился ночник в виде махаона, а также маленькие лампочки, встроенные в выключатели, разбросанные по всей квартире. Это было знакомое, наверное, всем на постсоветском пространстве так называемое *веерное отключение*, которое случалось, начиная с маленьких посёлков, и заканчивая крупными городами типа Саратова.

Куплю-ка я огромный веер
с названьем опахало:
отключат – я устрою ветер,
каких в районе мало.
Махалом поорудую
(да и чего кричать?),
но, кроме мух, не буду я
кого-то отключать!

Последствий таких отключений писатель не боялся: на книжной полке у него наготове всегда стояла большая свеча в старом подсвечнике, рядом с которым вот уже несколько лет лежал спичечный коробок. Кулемзин чиркнул спичкой и неровное пламя тут же оживило участок мёртвой стены, проявив на ней невидимую в дневном свете фигурку с непомерно большой головой, увенчанной рогами, и покачивающимся в отблеске свечи хвостом. Да-да, это был тот самый *иблис*, который так активно помогал в игре Курманбаеву, заглянувший к писателю на огонёк свечи, и быстро понявший, что свеча эта – не церковная. Ему страстно захотелось узнать, в чём сила этого толстого человека, и почему он не справился с ним вчера. Но откуда было знать *рогатому*, что Володя – потомственный марсианин, и потому все земные черти вкупе со святыми – ничто для его могучей межзвёздной души!

Ночь идёт. Часы над полкой
миг за мигом гонят в вечность.
За окном бормочет ветер –
безответственный дурак.
Хоть *иблис* бы из камина
в этот час пустынный вылез,
чем гонять по небу тучи,
головой ныряя в мрак…

Кстати, именно здесь автор романа почувствовал, что настал тот самый психологический момент, чтобы объяснить, почему этот *иблис* был не страшен Володе. А причина была крайне проста, ведь в писателе, как и в каждом православном атеисте, всегда жил маленький бесёнок.

Глава 255. В СВОИХ БЕРЛОГАХ

А как же добрались до своих домов другие герои нашего сурового повествования? Раньше всех, помнится, из компании отчалил володин друг художник Муравлёв. Когда он наконец вернулся домой, то долго стоял перед дверью собственной квартиры и тупо смотрел на свои дурно пахнущие тапочки, которые преду-

смотрительная супруга выставила для провяливания на ночь. Затем Валера толкнул дверь и, убедившись, что она заперта, пробормотал:

– Так вот, значицца, как ты поделила наше имущество…

После чего решительно нажал на кнопку звонка. После открывания двери выяснилось следующее неприятное обстоятельство: Наташа, оказывается ничуть не изменилась с утра, встретив мужа как всегда:

– Опять пьяный! Валера, не понимаю, как можно пить каждый день?

– Сколько раз тебя, дуру, просил, – ответил художник. – Не рассуждай о том, чего не понимаешь!

Услышав волшебное слово *дура*, Муравлёва, как настоящая хранительница домашнего очага, тут же вооружилась скалкой, после чего повторила свой нелепый вопрос:

– Опять напился?

– Да ты что? – возмутился художник. – Да я стёкл как трезвышко!

На что получил остроумный ответ:

– Ну тогда и я удавистая как спокой…

Но на этом она, конечно, не успокоилась.

– Ты где шлялся, урод? – заорала она, видимо, с таким расчётом, чтобы её обязательно услышал не только поддатый муж, но и возможные соседи, которые были большими любителями вот таких вечерних склок.

Услышав определение его внешности, Валера на всякий случай вгляделся в зеркало в прихожей, но увидел там вполне симпатичного алкашика, и понял, что супруга его обманула.

– Я все больницы, все морги обзвонила!

– А морги-то зачем? – удивился саксаульский поленов.

– Да хотела услышать, что ты сдох!

«Сделаю ей приятное», решил Николаич, «может, тогда орать перестанет..». Он улыбнулся самой искренней улыбкой, какую нашёл в загашнике так называемой души и с чувством произнёс:

– Наташа, я сегодня сдох! Ты рада?

После чего тут же отключился.

Очень поздно мысль мелькает,
остальные зачерня:
жёны нас не понимают –
до разводного до дня!

♠ ♠ ♠

Удивительно, но в то же мгновение, только в совсем другом месте, ещё одна красная рожа тоже гляделась в зеркало. Дело происходило в квартире Полтавцева, и перед зеркалом сейчас красовался сам ответственный квартиросъёмщик. Отражение в зеркале было не совсем похоже на Афанасьича, скажем, 12-часового, а. скорее, на собственный фоторобот, как если бы с похмелья его делал не художник Муравлёв, а старший прапорщик Батыршин. По степени помятости рожи наш бравый охранник сейчас был похож на матроса торпедированного сухогруза «Генерал Балалайкин».

Вздохнув от мысли, что сегодня уже ничего исправить нельзя, он отправился на кухню, так как был постоянно голоден, сколько бы ни ел за день. На столе нашёлся только вчерашний чай, заваренный из индийских опилок. Посмотрев на

него, экс-текстильщику неожиданно пришла мысль, видимо, просто заблудившаяся в мировом пространстве и попавшая не по назначению: «Говорят, что бокал красного вина на ночь очень полезен для здоровья. Про размер бокала ничего не сказано. Вообще ничего».

Удивительно, но Афанасьич не только понял эту сложную мысль, но даже возжелел сам её предмет, то есть смертельно захотел красного вина, и тут же стал глубоко сожалеть, что когда была такая возможность, не взял себе бутылочку и не при-прятал где-нибудь в кустах. Затем, прикинув личные финансовые возможности, задумчиво провёл ногтем по суточной щетине, издавшей звук пожираемого огнём полена. Денег от этого движения почему-то не прибавилось, и Полтавцев строго поглядел вверх, как бы обращаясь к невидимому *дедушке*. Но небеса, как водится, безмолвствовали. Жизнь стремительно теряла краски, которых и так было не слишком много в его серой действительности.

Начиная с СССРа,
я живу совсем больной:
в серых буднях стал я серым,
а хотелось – чтоб цветной!

Тогда Серёжа набрал теплой и жёлтой воды из-под крана в литровую кружку, давясь, выпил её и включил телевизор – в надежде, что он уснёт, а аппарат выключится сам собой, как он делал это уже не раз. На экране возникла российская телеведущая Светлана Сорокина, которая как-то виновато улыбнулась и неожиданно попрощалась с ним:

– Вот таким непростым был день 26 августа. Всего вам доброго, Сергей Афанасьич, и – до завтра…

– Пока, красотка! – ответил вежливый охранник.

Глава 256. В СВОИХ БЕРЛОГАХ (продолжение)

А что же наш друг Салихдзяныч? Как затащил его в квартиру педагог, так он немедленно провалился в пучину тяжёлого алкогольного сна, правда, не такого чёрного, как это бывает у негра-практиканта, нахлебавшегося самогона с председателем колхоза «Красные зори», а всё-таки с картинками, сиречь снами. А, может, это были не сны, а миражные видения, которые формировались в его тыкве под влиянием чудовищной смеси крепкого пива «Маршал», самопальной водки «Чапаев» и туркменского коньяка с труднопроизносимым названием. Сон (или виде́ние) был страшным – снилась (или виделась) ему любимая супруга Аида Яковлевна.

– Хоть бы разделся, свинья, – мягко укорила его виртуальная жена. Но нет, не знала, не знала она, что Талгат сейчас поступил в точном соответствии с параграфом 28 ритуальной книги всех военных, а именно Устава караульной службы Вооружённых сил Республики Саксаулия. И было записано в том замечательном параграфе вот что:

§ 28. Спать-отдыхать лёжа (не раздеваясь).

– Давай-ка, милый муженёк, – угрожая сковородкой, заявила виртуальная Аида, – займёмся ежедневным *тестом*!

«Неужели заставит пельмени лепить?», мелькнула страшная в своей очевидности мысль.

– Итак, тест, – уточнила эфемерная супруга. – Назови мне главную работу Ленина по философии, написанную им во второй половине 1908 года. Причём, по-сингапурски!

Она, даже будучи виртуальным созданием, хорошо знала, что в названии этого произведения есть одно слово – эмпириокритицизм, – по которому не хуже трубочки имени доктора Раппопорта можно было определить степень опьянения.

– И, кстати, почему это я на сингапурском должен говорить? – возмутился прапорщик. – Меня так даже в фашистском плену не пытали!

– Ладно, говори на каком хочешь, – не удивляясь, разрешила дубль-жена и зловеще добавила:

– Я пойму…

– А почему я? – тонким голосом заверещал трубач в тональности ми-бемоль минор, словно в его голове неожиданно зазвучал струнный квартет № 3 Чайковского. – Сходи про Ленина у Курманбаева спроси!

Пусть подавятся фашисты,
но я всё им рассказал:
знают наши коммунисты,
что Володя написал!

– С него тоже есть кому ответ держать! – строго, но как-то по сказочному объявила фантомная Яковлевна.

– А можно звонок другу? – спросил прапорщик, хотя тут же осознал, что но́мера телефона Нуртая не вспомнит даже тогда, если его приговорят за это к расстрелу из мортиры 1727 года калибра 0,68 футов.

– Нельзя! Итак…

«Придётся колоться», подумал военный и бойко отрапортовал:

– «Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии»!

– Не пил, что ли? – глядя в красные, но честные глаза мужа, спросила псевдо-Аида. Казалось, что от ответа Батрышина с этой секунды будет зависеть будущее всей Красной Армии Саксаулии. – А ну, повтори!

– Эм-пи-ри-о-кри-ти-цизм, – по слогам выговорил Талгат и упал на коврик в прихожей.

Виртуальная подруга разочарованно вздохнула и растаяла в вечерней дымке прихожей, после чего реальный супруг теперь уже реально рухнул на придверный коврик, как сбитый под Москвой в своё время *хейнкель*. «Бросить пить, что ли», мелькнула в затухающем мозге страшная в своей неочевидности мысль. Жаль, что здесь сейчас не было талгатовского друга Кулемзина, а то бы тот живо ему объяснил, что лишь годы упорных, изнуряющих организм тренировок позволяют нашему мужику понять разницу между *бросить пить* и *бросить бухать*!

Станем мы страшней страшилищ,
каждый первый уж косой,
но тогда бросаем пить лишь,
коли смерть придёт с косой!

Глава 257. В СВОИХ БЕРЛОГАХ (окончание)

Перед сном Нуртай подошел к книжному шкафу и, как и ежедневно, на всякий случай проверил правильность очерёдности расстановки на книжной полочке томов Ленина. Не то что бы он подозревал своих родственников и одноквартирников в теракте против его идеологии, но всё же – на всякий случай! Увидев, что все томики стояли строго по циферкам, оттиснутым золотом на бордовых переплётах, он вдруг с раздражением вспомнил свои практически ежедневные перепалки с антагонистом Кулемзиным.

Здесь надо отметить, что Альбионыч и педагог были не просто противниками по *русской кочерге*, но и антагонистами по жизни, и чаще всего споры их были политическими. Вот только один пример тебе, мой читатель.

– Володя, – говорил педагог, – ты внимательно перечитай полное собрание сочинений Ленина, и тогда легко поймёшь, что он гений!

– Если он гений, – возражал писатель, – почему же так бездарен построенный им лагерный социализм?

– Ленин собирался построить не то, что есть, – возражал Курманбаев, – а кое-что получше!

– Но гений, – оппонировал оппонент, – строит именно то, что хотел, а не то, что получится.

– Владимир Ильич, – терпеливо объяснял ему Нуртай, – не мог предвидеть инертности крестьянской массы, которая не поймёт преимуществ социализма, не мог предвидеть, что к руководству страной проберётся мелкобуржуазный элемент, что руководство свернёт с избранной им дороги, откажется от *нэпа*, поспешит с коллективизацией, и вообще…

– Но гением, – возражал Кулемзин, – считается только тот, кто предвидит. А для того, чтобы не предвидеть, гением быть не надо. Не предвидеть мы все умеем!

– Ты просто не понимаешь, – говорил Нуртай с придыханием, – что Ленин родился на сто лет раньше своего времени!

– А вот с этим я согласен, – охотно кивал головой марсианин, – но тебе в твоём весьма преклонном возрасте давно пора бы знать, что раньше времени рождаются только недоноски!

Знают даже дети кошек,
что промокли под дождём:
мамой вождь был недоношен –
потому и стал вождём!

Чтобы искоренить в себе вредные воспоминания, педагог решительно включил телевизор и по каналу ТВЦ начал смотреть какой-то детектив. Кинофильм оказался интересным: про уголовника, который бежал из мест заключения, но потом в результате встреч с хорошими людьми встал на правильный путь. Всё в нём было как полагается: и погоня, и драка, и стрельба, и кутежи в ресторане, и честное лицо матёрого преступника, скромно расположившегося на скамье подсудимых в конце фильма, и суровые лица не только судей и прокурора, но даже адвоката.

После просмотра фильма он вышел на балкон – глотнуть порцию уже начинавшего прохладнеть летнего воздуха. И тут оказалось, что фильм смотрел не только он, но и его соседи по дому – причём, с обеих сторон от его балкона, так что ему, присевшему от неожиданности на бетонное основание, был хорошо слышен диалог

телезрителей. Вскоре выяснилось, что большинство из них как-то не верило в исправление уголовника.

– Как же… Такой перевоспитается… Жди…

– Сегодня поплакал, а завтра опять грабить пойдет…

– Таких надо держать пожизненно…

– Один такой в нашем доме живёт… Каждый день пьянка… На какие, спрашивается, шиши?

Курманбаев хотел было уточнить, кто именно, чтобы записать важную информацию в свою «Папку жизни», о которой мой любопытный читатель уже узнал из главы 356 первого тома «Русской кочерги», но мудро решил не показываться до поры до времени.

Строг закон и непреложен,
осуждающий теракт:
стукачок сейчас доложит,
кто в стране сегодня враг!

На разговорчивых балконах дома № 16, где и происходило столь живое обсуждение, возникали еле тлеющие огоньки сигарет, периодически разгорающиеся и тут же затухающие, словно проживающие в квартирах шпионы отправляли на американский разведывательный спутник какую-то собранную за день информацию о нелёгкой саксаульской жизни. Кончики сигарет вспыхивали в ночной темноте, как бортовые огни самолёта.

Глава 258. О ВЕРУЮЩИХ И АТЕИСТАХ

Но вернёмся к нашему главному герою – Альбионычу. Помнится, оставил его автор в тот момент, когда он заметил в своей квартире *иблиса*. Но и *иблис* заметил, что его заметили, и тут же поспешил скрыться в своих неведомых пропадлючьих далях – чтобы не искушать свою и без того нелёгкую Суку-судьбу. Веерное отключение всё ещё продолжалось, и это было плохо, а вот хорошим было то, что один из телефонов писателя был старой советской (б) закалки, то есть работал не от общей электросети, а от своей индивидуальной – телефонной. Именно из того аппарата и раздался первый вечерний звонок. Да-да, мой нетерпеливый читатель, именно первый, и автор это знает совершенно точно, так как до конца этого тома запланировал такой звонок ещё один.

Кулемзин снял трубку, после чего тут же выяснилось, что звонил Серёжа Полтавцев. Такое случалось нередко: Афанасьичу, казалось бы, бухому в хлам, иногда хватало какого-то часа тяжёлого сна, чтобы придти в себя.

– Странно всё как-то, Володя, – начал разговор сторож.

– А жизнь вообще странная штука, – ответил писатель. – Ты разве не замечал?

– Проснулся я только что, подумал о чём-то, правда, не помню, о чём, а потом взял да перекрестился.

– И что?

– А лучше не стало.

– А должно было? – уточнил марсианин.

– Так я же думал…

– Спи спокойно, дорогой товарищ, – пожелал ему Альбионыч и положил трубку, после чего невольно задумался о взаимоотношениях разных людей, по-разно-

му относящихся к так называемому *дедушке*. В прежние времена лекторы Всесоюзного общества «Знание» (б) называли таких антиподов верующими и атеистами, причём, во время их лекций определяли и тех и других, словно сотрудники КГБ (б) – по ответам на их простые вопросы. Например, хорошо известен случай, который произошёл на такой лекции в клубе колхоза «Грёзы Ильича» Семижопинского района, когда лектор спросил простого колхозника Спиридона Примкнувшего, верит ли он в *дедушку*. И когда тот ответил утвердительно, лектор вновь спросил:

– А как ты можешь в него верить, если ни разу его не видел?

– Да, не видел, – подтвердил колхозник (кстати, кавалер ордена Трудового Красного Знамени), – но ведь я никогда не видел и японцев.

– А японцы здесь при чём? – вспылил лектор.

– Да при том, что наша армия сражалась против них в прошлую войну. Вот так же и *дедушка*…

– Ничего не понимаю, – занервничал лектор. – Какая тут связь?

– Дык я и думаю себе: *дедушка* тоже существует, а иначе зачем наши родные партия и правительство борются против него всю жизнь!

А закончилась эта история тем, что наш лектор несколько повредился умом после этой встречи, и по дороге домой всё думал: «Если *дедушки* нет, то слава богу, а если он есть, то не дай бог!»

«В мире много материй»,
говорила мне пьянь.
«Люди в разное верят!
Я вот – только в «Тянь-Шань»…

Мысли атеиста-философа неспешно потекли именно в этом направлении. «Знаете, какая простая разница между верующими и неверующими (атеистами)?», как бы спросил он сам себя, невольно становясь вышеозначенным лектором. «Первые верят в существование сверхъестественных существ, а вторые – не верят в них!».

«Неужели всё так просто?», хотел было поинтересоваться у него автор романа.

«Конечно, нет», ответил ему Володя. «Но если бы только это отличало нас друг от друга, то мы бы и не замечали этой разницы. Между нами была бы та же разница, которая, например, существует между верующими в существование инопланетян и неверующими в нахождении на Земле подобной чепухи. Но даже не это самое главное. Главное в том, что на самом деле никогда не было и никогда не будет антагонизма между верующими и неверующими в этих зелёных инопланетян!»

И вот тут автор полностью согласен со своим героем. Ведь другое дело так называемая вера в *дедушку*. Например, неверие в него ни к чему не обязывает атеиста, в то время как вера обязывает верующего буквально ко многому – и хорошему, и плохому. Вспомним так называемую *книгу книг* – библию, кою, не понимая её античеловеческой сути, почитают все бездумные верующие.

Так, верующий, например, должен постоянно «ходить перед Богом» (Бытие,12:7; 48:15), должен служить ему «всем сердцем своим, и всею душою своею, и всеми помышлениями своими» (Матфея, 22:37; Луки, 12:45), обязан «сокрушать», искоренять инородцев, иноверцев и неверующих[362] (Исход, 23:24; 34:13; 2-ая Царств, 12:27-31; 2 Паралипоменон, 34:7; Иова, 49:7; Псалом 2:9; Римлянам, 16:20; Апокалипсис, 2:27), «возненавидеть отца своего и мать свою, всех ближних своих во имя любви к Господу Богу (Лука, 14:16; Матфея, 10:37) «во имя царствия божьего вырвать и выбросить вон свой глаз, руку и другой «соблазняющий» член тела[363] (Матфея, 5:29-30; Матфея, 18:8-9; Марка, 9:43-47)!

[362] Интересно, как? Расстреливать из автомата Калашникова? Или, как выражается один из моих героев, «каким-либо иным путём»? – прим. автора
[363] Неужели речь о…?! – прим. автора

Книгу чтя, я так растерян –
как в пространстве мировом:
страшно жить в наивной вере,
тихо трогаясь умом…

А теперь ответьте, слышали ли вы когда-нибудь, чтобы атеизм или какой-нибудь атеист за всю историю существования человечества призывал к чему-либо подобному своих последователей – атеистов? Думаю, не слышали и никогда не услышите, ибо подобные призывы никак не следуют из постулатов атеистического мировоззрения, не провозглашались и не могут провозглашаться логикой атеистического мышления и атеистического поведения. Может, атеисты просто не такие кровожадные, как верующие? Или не такие злопамятные? Атеизм не требует от своих последователей ни постоянно «ходить перед атеизмом», ни жить только тем, что *дедушки* нет, он не призывает возненавидеть во имя атеизма инородцев, инакомыслящих или верующих, атеизм, наконец, не предлагает своим последователям заниматься членовредительством над собой во имя своего атеизма!

В мыслях мудрых утопаю,
как в нокаутах боксёр:
я себя не повреждаю –
пригодится в жизни всё!

Правда, атеизм может и требовать от атеиста! Например, любить человечество, быть гуманистом, во имя любви к этому человечеству служить ему до самозабвения, до самопожертвования. Но кто может усмотреть что-то плохое, что-то обессмысливающее жизнь человека в таких призывах, которые логически, социально и практически вытекают из атеистического смотрения на мир, из отрицания существования *дедушки*? Если из атеистического взгляда на мир кто-то и сможет логически сделать дурные выводы, то это только те верующие, те проповедники религии и те богословы, которые судят о других по себе – примерно так: «Вот если бы лично мы перестали верить в существование *дедушки*, который следит за нами в обязате-льном порядке, на том и на этом свете, который будет наказывать нас за наши злые поступки, и будет награждать нас за хорошее поведение, то мы в соответствии со своими личными скотскими желаниями поступали бы только по-скотски, только плохо!»

И потому помните: если когда-то при вас проповедники и защитники религии ни с того ни с сего начнут плохо говорить об атеизме и об атеистах, никогда не забывайте, что они в образе *рисуемого ими* ужасно отвратительного атеизма и атеистов олицетворяют *свои* слегка прикрытые *дедушкой* низменные страсти!

Как мирок свой вы не красьте,
будет он всегда пятнист,
и покажут только страсти,
кто дурак, кто атеист!

Глава 259. УБЕЙ МЕНЯ ЗДЕСЬ И СЕЙЧАС!

Но все эти размышления, все эти выкладки, приведённые в прошлой главе, были не более чем умствованиями, взятыми из так называемой головы. И Володя, будучи писателем, знал, что наступит такой момент, когда читатель его скажет о том, что пора бы, мол, подкрепить эти эфемерные плоды раздумий чем-то более реальным. И наш герой с ним спорить не станет, а просто посвятит пару страничек как раз такой реальной истории, случившейся, например, в Индии – совсем недавно.

Итак, эта история началась, когда бывший премьер-министр одного из индийских штатов (между прочим, женщина!) обвинила своих политических оппонентов в колдовстве, в результате которого она потеряла любимого дядюшку, приложилась головой о дверь машины, а её ноги покрылись ранами и волдырями. Как это часто бывает после таких заявлений, интерес к теме колдовства обострился, и вот однажды в прямом эфире сошлись два оппонента: известный индийский тантрик (проще говоря колдун) Пандит Суриндер Шарма и некий индийский рационалист и скептик Санал Эдамаруку. Тантрик этот был, кстати, непростой: раскрутили его на всю страну, дали вести телешоу, потому что он, как выяснилось, оказывал политикам некие магические услуги.

Колдовства эффект невидим:
пошептал колдун на хинди
и подул на свой кристалл –
тут же депутатом стал!

Короче, классический случай: идёт эфир, колдун, как положено, всячески пиарит своё ремесло, и надо бы ему вовремя остановиться, но чувство меры отказало. Достав слепленного из теста человечка, он затягивает вокруг него пе́тлю и заявляет, что может убить любого за три минуты при помощи чёрной магии. «Докажи это – убей меня здесь и сейчас!», говорит ему Санал. И вот это, скорее всего, было полной неожиданностью для тантрика, ведь когда шарлатаны бросаются такими заявлениями, мало кто решается ответить им «убей меня». Поверьте, что это весьма непросто, даже если точно знаешь, что магия не работает. Мало ли, что за фокусы эти черти могут провернуть! К тому же, редко кто заявляет, что может убить прямо на месте. Обычно эти проходимцы подстраховываются и говорят о «наложе-жении проклятия». Но – вызов был принят! Тантрик начал бормотать свои мантры. Прошло три минуты – ничего не случилось. Ещё три – Санал жив-здоров. Эфир продлевали снова и снова, перекроив сетку вещания; новости о необычном состязании привлекли внимание сотен тысяч зрителей.

Тогда колдун сменил тактику: на Санала полетели брызги воды, а перед носом возник нож. Лично я, автор этой книги, именно в этот момент напрягся бы, но, к счастью, ножом маг лишь размахивал, никак не применяя его глобально. И вот опять неудача! Собрав остатки мантры, тантрик сделал третью попытку: на этот раз он стал тереть и лохматить голову оппонента, давить на лоб, накрывать ладонью глаза Санала и сдавливать ему виски. Он давил всё сильнее и сильнее, пока его оппонент не вынужден был заметить, что убивать, конечно, договаривались, но всё-таки магией, а не раздавливанием черепа!

Губим мы, не сильно мучась,
прерывая жизни нить:
знаем способов мы кучу

атеиста погубить!

И только через два часа было официально объявлено поражение колдуна, хотя тот в ответ заявил, что оппонента «защищало какое-то сильное божество, которому тот, очевидно, поклонялся». Но Санал, улыбаясь, заявил, что он атеист, и напомнил, что атеизм – это отсутствие веры в каких-либо богов. Тогда маг заявил, что для таких сложных случаев у него есть особая, никогда не подводящая магия, но применить её можно только ночью. В общем, как говорит известная бенгальская пословица, আটকে নখর - পাখি রসাতল হয়, что переводится как аналог русской пословицы «коготок увяз – всей птичке пропáсть!».

И вот несчастному магу предложили ночной эфир, где его смотрели уже сотни миллионов индийцев. Испытание проходило под открытым небом. Пока тантрик с двумя помощниками разжигал огонь, Санал лишь улыбался на его слова, которыми тот описывал его страшную участь: якобы в течение первых двух минут должно было наступить помешательство, а ещё через минуту последовать дикая боль, последний крик и, как выход из ситуации, смерть. Но Санал не воспользовался последним шансом, а только рассмеялся, после чего тантрик начал свой обряд: он бормотал мантры, издавал разные звуки, произносил какие-то странные слова всё быстрее и быстрее, в огонь летели волшебные порошки, пламя меняло цвет (кстати, довольно нехитрый трюк для каждого, у кого в детстве был набор «Юный химик»).

Жизни путь так драматичен
в избывании тоски:
любим с детства мы химичить –
и до гробовой доски!

Наконец, что-то затрещало и появился белый дым. Продолжая произносить заклинания, колдун подошел к Саналу и стал его трогать. Тут уже пришлось вмешаться ведущему, ведь договаривались действовать магией, не прикасаясь к оппоненту. Замечу, что опасность была вполне реальная, ведь на свете существуют яды, которые могут поступить в организм даже через кожу, и вызвать довольно быструю смерть от паралича дыхательной мускулатуры. Шло время, бормотались мантры, сыпались порошки, а скептик всё не умирал. Тогда колдун написал имя оппонента на бумаге, разорвал записку на мелкие кусочки, кинул их в сосуд с маслом и отправил всё это в огонь. И опять ничего не случилось! В ход пошли какие-то перья, горчичные зерна и брызги воды – снова ничего. Тут уже известный тантрик, ведущий телешоу и друг политиков, решил прибегнуть к своему сáмому страшному оружию: пшеничному тесту. Он мял его, посыпал своими порошками и снова мял, затем попросил Санала дотронуться, что тот легко и сделал, после чего несчастное тесто было проткнуто гвоздями, разрезано ножом и опять-таки брошено в огонь. И вновь ничего не случилось! Тесто жарилось, время шло, Санал Эдамаруку не умирал. Наконец, время истекло, и в прямом эфире на всю Индию было объявлено о победе президента Индийской ассоциации рационалистов, над самым раскрученным индийским магом. Ом-м-м-м-м-м-м-м-м!

Прочитал я в книжке «Йога»,
как не пить и не курить:
если есть мозгов немного,
дурость можно победить!

Глава 260. КОРОТКИЙ АНЕКДОТ В ТЕМУ

«В животе беременной женщины разговаривают двое младенцев: один из них верующий (ВМ), другой – неверующий (НМ).

НМ: Ты веришь в жизнь после родов?

ВМ: Конечно! Думаю, что всем понятно, что жизнь после родов существует. И мы здесь именно для того, чтобы стать достаточно сильными и готовыми к тому, что нас ждёт потом.

НМ: Какая ерунда! Невозможно же самим ходить и есть своим ртом! Это вообще смешно! У нас есть пуповина, которая нас питает. Знаешь, я хочу сказать тебе: невозможно, чтобы существовала жизнь после родов, потому что наша жизнь – пуповина – и так уже слишком коротка…

ВМ: А я уверен, что это возможно. Просто всё будет немного по-другому, и, думаю, что это можно себе представить.

НМ: Но ведь оттуда ещё никто никогда не возвращался!Жизнь просто должна заканчиваться родами. И, вообще, я думаю, что жизнь – это одно большое страдание в темноте.

ВМ: Нет, нет! Я точно не знаю, как будет выглядеть наша жизнь после родов, но, в любом случае, мы увидим маму, и она позаботится о нас!

НМ: Маму? Ты веришь в маму?! И где же она находится?

ВМ: Она везде вокруг нас, мы в ней пребываем, и благодаря ей движемся и живём, без неё мы просто не можем существовать.

НМ: Полная ерунда! Я не видел никакой мамы, и поэтому очевидно, что её просто нет!

ВМ: Не могу с тобой согласиться! Ведь иногда, когда всё вокруг затихает, можно услышать и почувствовать, как она гладит наш мир. Я твёрдо верю, что наша настоящая жизнь начнётся только после родов!»

А ты веришь в это, мой, надеюсь, поумневший в результате изучения этой книги читатель?

Я родился, жил и умер,
пополняя кучу мумий…

Глава 261. ТИХА САКСАУЛЬСКАЯ НОЧЬ

До начала сентября оставалось всего несколько дней, после чего лето, наконец-то, потеряет свой филологический корень, но город не потеряет летней жары, которая продлится ещё долго. Словно извиняясь за это несоответствие календарю, люди будут называть этот период тоже летом, но почему-то *бабьим*. Через недельку оно осмелеет, и уж тогда держись – заполыхает город жёлтым лиственным цветом, как Москва в 1812 году, деревья будут стоять празднично золотые, как маковки всё тех же московских церквей. Из-за пряной духоты было ощущение, что бабье лето уже пришло, но пока ещё какое-то застенчивое, как бы не развернувшееся во всю ширь, словно красное знамя из радостных снов Курманбаева.

Говорил интеллигентке
слесарь: «Как же мы близки!»,
называя лето женским –

бабьим было не с руки!

Должно быть, магнитная буря, о которой долго говорили метеорлоги, наконец, добралась от Солнца до Земли, и в эту ночь страхи и сомнения овладевали даже не склонными к рефлексиям людьми. Конечно, оправданием им могли служить реальные обстоятельства, заставлявшие этих людей бороться за то, чтобы эта ночь в их жизни не стала последней.

Стоя во тьме у окна и прихлёбывая горький, как последняя любовь, кофе, Володя думал о том, что этот неосознанный страх перед темнотой наверняка достался нам в наследство от далёких волосатых предков, которые жались к своим кострам, прислушиваясь к грозному рыку саблезубых тигров и пещерных медведей. Самодовольные горожане отгораживаются от темноты за окнами шторами, электрическими лампочками и мерцающими экранами телевизоров – они знают, что саблезубые тигры давно вымерли все до единого, но страх остался, и они глушат его бормотанием своих зомбоящиков и собственной болтовнёй. А некоторые и вовсе топят его в стаканах со спиртным, но каждый вечер страх перед темнотой возвращается, принимая всё новые обличья.

Здесь писатель заметил, что свеча уже давно погасла – скорее всего, от случайной воздушной струи, и он вновь зажёг её, любуясь на неровный тающий огонёк, танец которого завораживал его, как и всякого человека, – видимо, сказывался атавизм, когда наши древние пращуры, кутаясь в шкуры, сидели у костров, глядели на пылающие поленья и пытались разгадать главную загадку бытия – *зачем всё это*? Не разгадали. Впрочем, как и мы тоже…

Пламя первой любви на обугленных сучьях,
стон последней любви в журавлиных созвучьях,
русской белой метели сияющий храм.
Не ошибся ли Фёдор Иванович Тютчев,
завещавший сгоревшую родину нам?

Он глядел в ночное чёрное небо и в который раз задумался над тем, что такое бесконечность, мысленно пытаясь абстрагироваться от расхожего мнения, что бесконечность – это неограниченное многообразие материального мира в пространстве и во времени. Альбионыч на какое-то неуловимое мгновение умудрялся схватить постоянно ускользающую суть этой самой бесконечности, но почти сразу же забывал, что это такое и как выглядит. После таких экспериментов наш саксаульский марсианин подолгу мучился от головной боли и давал себе клятвенное обещание больше не задаваться подобными вопросами, всегда любить *конечность* и жить с ней – как добрый гражданин в любви и согласии с собой и видимым реальным миром.

Как на днях доказали саксаульские учёные, по силе гравитационного притяжения, воздействующей на головы людей, третье место занимает асфальт, второе – салат оливье в качестве закуски, а вот первое – толстая книга при засыпании. Нашего героя не надо было уговаривать браться за книжку, у него и без того давно сложилась хорошая традиция читать на ночь сразу несколько книг.

Я, наверно, отморожен,
и мозгами крайне мал:
книга мне заснуть поможет…
(Бедный автор – он не знал!)

Без нового чтения Володя не мог прожить ни дня. «Мозги надо кормить постоянно», говаривал он, «иначе они просто зачахнут. А это, знаете ли, чревато вполне земными последствиями в виде психушки…»

– Ну, вот и настала пора пообщаться с классиками и неклассиками накоротке, – пробормотал писатель и снял с полки очередные томики. Вначале он открыл и немного поизучал «Очерки уголовного мира царской России» под авторством бывшего начальника московской сыскной полиции Аркадия Францевича Кошко, после чего попенял автору за намеренное искажение событий в пользу тогда уже случившейся советской власти (б). Второй заинтересовавшей его книгой стал огромный фолиант под названием «Литографии Франсиско Хосеовича Гойи», в которой его особенно заинтересовала одна из работ великого испанца – «Сатурн, пожирающий своих детей». «Умница Гойя, он всё понял», подумал писатель. «Любая революция пожирает детей, рубит им головы, вешает, расстреливает. Она ненасытна, а когда уже некого есть – жрёт самоё себя…»

На закуску у Кулемзина была и третья книжка: первый том романа «Русская кочерга» некоего Вл. Горького. Он прочитал несколько страниц, отметил довольно бойкий язык писателя, но немного попенял ему за излишнюю афористичность мыслей, описывающих вполне бытовые вещи.

Свой труд прочёл – и в тот момент
постиг реально,
какой же всё-таки поэт
я гениальный…

Надо заметить что наш герой всегда с готовностью отдавался приятному ничегонеделанию, когда, например, можно было смотреть в телевизор потолка и думать о милых пустяках жизни. Он никогда не тяготился одиночеством, умел составить себе компанию и считал, что из всех собеседников ему наиболее интересен он сам.

Затем он вспомнил, что на Руси есть такой красивый древний обычай – работа, и целых полчаса, будучи сознательным писателем-многостаночником, посвятил се-бя своему новому роману – сначала в мозговом, а потом и в компьютерном вариантах. Он давно мечтал поместить в завершение второго тома романа какой-нибудь хороший стих, который смог бы дать представление читателю о его таланте, и вот, наконец, подумав буквально несколько минут, написал его, придумав заголовок

Свет и тьма

Умён ведь вроде, да осечку
дают таланта закрома:
с прищу́ром я гляжу на свечку,
но чудится сквозь щелку – тьма.
И свет останется неспетым,
и тьма назначит много дат.
Граница где меж тьмой и светом,
и как её мне увидать?
Мне мыслью бы остановиться,
напиться лёгким словом, но…
но размывается граница
в седое серое пятно.

И свет, и тьма дают мне токи,
чтоб пел я стих, а не мычал, –
и вот тогда приходят строки –
всё для того, чтоб ты читал.
Ко мне приходят строки эти,
как осенью – пушок-снежок:
«*Чем гуще тьма, тем ярче светит*
вдали последний огонёк…»

«Какие глубокие строки!», подумал кулемзинский муз Вася Курочкин. «И ведь что странно, сам всё это написал – без моей помощи…» Но наш герой хорошо его услышал – ведь во время творчества у человека в голове так тихо, что слышны даже чужие мысли. «Да я и сам иногда задумываюсь об этой глубине», подумал он в ответ. «Иногда даже так страшно становится, что как бы не утонуть в этой непреходящей в веках мудрости…»

Глава 262. СКАЗКИ III МИЛЛЕНИУМА (Второй блок)

Здесь Альбионыч вдруг вспомнил, что ещё в главе 74 первой части этого тома он дал читателю ознакомиться со «Сказками III миллениума», причём в скобках приписал, что это, мол, только первый блок, как бы давая надежду читающему книгу, что будет блок и второй. И вот он – перед тобой, мой терпеливый читатель. Наслаждайся!

1

Закинул старик невод в синее море. Забурлило, помутнело синее море – давно, видно, старик не стирал свой невод!

2

– А это точно поможет? – осторожно спрашивала Емелю царевна Несмеяна, набивая *беломорину* коноплёй с царского огорода.

3

– Папа, у меня запор, – пожаловался Буратино.
– Сейчас будем лечить, – оживился папа Карло, – тащи-ка дрель, сынок!

4

И вот наконец у Избушки на Курьих Ножках родились избушата. И сказала тогда Избушка после перенесённых страданий, что больше никогда не повернётся к лесу задом…

5

Первую национальную программу по решению жилищных вопросов придумал ещё некий Моисей, который собрал паевые взносы со многих тысяч людей, после чего 40 лет водил их за нос.

6

Пьёт чай почтальон Печкин и размышляет вслух:

– Это почему я раньше злой был? Потому что у меня велосипеда не было. А теперь, когда у меня и самокат украли, я вас просто убивать буду!

7

В некотором царстве, в некотором государстве было у отца три сына – двое глупых, а третий вообще дурак. И вот решил их отец женить. Вывел во двор и велел стрелять, кто куда попадёт.

Первый сын выстрелил – попал *в молоко*. Второй сын выстрелил – попал в милицию. Третий сын выстрелил – попал на бабки. Плюнул отец в сердцах, раздал каждому по лягушке и пошёл спать. А какого пола лягушки, не проверил!

В общем, не надо эту сказку детям рассказывать…

8

Сошлись как-то Илья Муромец и Соловей-разбойник. Но церковь была категорически против этого брака!

9

Китайская народная сказка. Посадил дед рис. Впрочем, дальше не имеет смысла продолжать, так как после деда там идет полтора миллиона персонажей…

10

За зелёной горой, посреди зелёного леса, на зелёной опушке, за зелёным столом, на зелёной скамейке сидит красный Серёжа Полтавцев и думает: «Ну и дурацкая же участь – жить в чужом анекдоте!»

И, пузырь допив до грамма,
но в рассудке находясь,
любим сказки бормотать мы,
пьяным в хату приходя…

♠ ♠ ♠

И чтобы у читателя не сложилось превратное впечатление о том, что только один герой нашего великого романа имеет дело с книгами, автор именно здесь объясняет, что иногда и другие персонажи нет-нет да и брались за книжки – кто за художественную литературу, кто за техническую, а кто и за сберкнижку. Вот, например, педагог Курманбаев тоже был не чужд хорошего литературного слова. Итак…

Глава 263. ДВЕ СКАЗКИ ОБ ОДНОМ ИЛЬИЧЕ I (сказка первая)

Перед сном педагог Курманбаев решил почитать одну из своих самых любимых книг – «Эвенкийские сказки» из серии «Сказки народов СССР», изданную «Детгизом» ещё в 1937 году. Особое внимание в этой странной книжке его привлекала сказка под названием «Теперь в тайге светло», или просто «Долбонэ». Он уже не раз читал это неоднозначное произведение советского (б) агитпропа, каждый раз находя в нём то положительные, а то и отрицательные стороны, хотя какие отрицательные стороны могли быть в сказке, выпущенной советским (б) издательством!

Сказка «Долбонэ» была названа в честь одноимённого эвенкийского охотника, который однажды отправился в тайгу для того, чтобы там застрелить Ленина (!). Нуртай специально справлялся в заслуживающих доверия надёжных партийных источниках, что ссылка Владимира Ильича была именно в селе Шушенское, кото-

рое, как оказалось, располагалось недалеко от впадения реки Большой Шуши в Енисей, в 60 километрах к юго-востоку от железнодорожной станции Минусинск (на линии Абакан-Тайшет), а, значит, там действительно жили (да и живут до сих пор) эвенки. Вся сказка строилась на том, что этот эвенк с говорящим именем Долбонэ ищет в тайге Ленина, где тот прятался, видимо, от царского правительства, сидящего в это время в каком-то санкт-петербургском дворце, но убить вождя будущей революции так и не смог – по причине того, что тело Ленина поочерёдно закрывали собой от пули не только таёжные звери, но также говорящие пихта и багульник!

Мне пора в профилакторий
от кошмаров от ночных:
в сказках звери тараторят –
я с похмелья слышу их!

Если бы Курманбаев догадался поинтересоваться этой историей у знатока Кулемзина, тот объяснил бы ему, что вся эта *долбонэ* – явление вторичное, или (прости, русский язык!) плагиат, так как различные варианты этой сказки ещё с са́мого начала 30-х годов бытовали у байкитских, тунгирских и катагских эвенков.

К тому же, если бы Альбионыч когда-нибудь прочёл эту сказку сам, то, наверное, порадовался бы остроумию её неизвестного автора, назвавшего второго главного героя просто Владимир, хотя и знал, что в таёжной тундре почитаемые люди называются только по имени. Но выглядело это действительно смешно, например, как если бы в учебнике истории было написано, что на страну Иосифа в 1941 году напал Адольф.

Сказка начиналась с того, что ссыльный Владимир вместо того, чтобы честно отбывать назначенный ему судом срок, начинает учить тёмных эвенков мудрости, а затем решает обратить их в свою революционную веру, призывая к объединению:

«Вы в лесу живёте, вы по золоту хо́дите, среди богатств существуете, а голодны! Зачем вы друг другу завидуете? Вам вместе жить надо, зверя вместе добывать, торговать вместе».

Купцы были недовольны словами Владимира, и сказали: «Владимир – царю враг! Царь обещал три рубля (!) награды тому, кто убьёт Владимира[365]». Услышал их жадный и завистливый охотник Долбонэ и решил убить Ленина в надежде получить три рубля. Отправился как-то Владимир на охоту, а Долбонэ позади него скачет. Но очень плохо у Долбонэ пошла охота: целится он в зверя, а зверь кричит: «Ты Владимира убить хотел, а Владимир дороже нас всех![366]», и убегает.

[365] Напрасно царь решил разорить свою казну, ведь можно было строптивого Владимира никуда не ссылать, а удавить его по-тихому где-нибудь в каземате Петропавловской крепости – прим. автора

[366] Вот как революционное самосознание проняло даже животных! – прим. автора

До сих пор он современен
(в мавзолее – без яиц!):
всех дороже в мире Ленин –
и зверей, и разных птиц…

Если говорить коротко, охота явно не удалась. Но в сказке неожиданно обнаружилось и продолжение, в котором говорится, что много лет спустя «стали люди го-

ворить: в зимовье на Талякене белку берут, а за неё муку, соль, сахар и сукно дают – в пять раз больше, чем купцы!». Пришёл туда Долбонэ – за мукой, но без белки. А ему люди говорят: «Ты эвенк? У тебя ружьё есть? Собака есть? Глаза, ноги есть? Бери!». И сказали ему там, что купцов теперь нету, и царя нету, и чтобы Долбонэ отвёз своего сына на Илемпейскую тундру (?) грамоте учиться. И спросил Долбонэ: «Это Владимир, что у нас жил, царя сбросил и торгует?». Ему сказали, что Владимир, но живёт он теперь в другом месте. Идёт Долбонэ и видит, что в магазине торгуют честные советские купцы, которые не обманывают и не спаивают эвенков водкой. И так стыдно стало Долбонэ, что он заплакал»

Охотник Долбонэ и его друг Адиуль (тоже большой долбонэ). Подлинная фотография неизвестного исследователя сибирской тундры (1939), расстрелянного за съёмки совершенно секретных объектов Минусинска. Фото из архива НКВД

А заканчивается сказка радостью Долбонэ, который увидел новую жизнь в тайге: не только свободный охотничий промысел, но и школы, кооперативы и даже культбазы!

«И запел он песню счастья:

Тёмный был Долбонэ, злой, –
Владимир в тайгу ум принёс.
Таперь в тайге светло!
Где же Владимир сейчас?»

И тут педагог наконец понял великий смысл этой поучительной истории: ведь это была не просто сказка, а умный рассказ об отсталом человеке из глубинки, который под руководством Владимира Ильича Ленина увидел свет в тайге, это настоящая повесть о малом сибирском народе, который своим путём достиг понимания великой октябрьской революции! «Да-да, именно, это произведение поистине народного творчества, зародившееся в эвенкийской глубинке, полностью отразило всю любовь оленеводов и охотников Севера к коммунистической партии и её вождю!», оргазмически подумал он и счастливо заснул.

Глава 264. ДВЕ СКАЗКИ ОБ ОДНОМ ИЛЬИЧЕ I (сказка вторая)

Но по невероятному совпадению, которое возможно только на страницах «Рус-

ской кочерги», ещё один герой нашего романа, а именно писатель Кулемзин в тот же самый момент, когда Курманбаев размышлял над сказкой о Долбонэ, занимался своим любимым делом, то есть писал. А в чём же совпадение, спросит читатель. Да в том, ответит автор, что писал Володя тоже сказку, и тоже о Ленине! И как раз в то мгновение, когда Нуртай проливал радостную слезу от счастья, что у советских эвенков всё закончилось так хорошо, Альбионыч как раз поставил в своей сказке последнюю точку. А назвал он её

Девушка дедушки Ленина

Когда Володе Ульянову исполнилось 18 лет, его папа, попечитель округа и инспектор, подарил ему аттестат. Раскрыв его и водя пальцем по строчкам, Володя, шевеля губами, читал по слогам. Везде были пятёрки, но по логике новый молодой учитель поставил ему двойку. Будущий Ленин всхлипнул и побежал в гимназию.

Дорога проходила по берегу реки. Володя остановился на пригорке, глядя вдаль. Полы его лапсердака развевались, волосы трепал вольный ветер, глаза горели будущим революционным огнём. Тут оказался поблизости один подвыпивший художник Сергеев, быстро сделавший эскиз. «Ну что ж», подумал он, «из этого может получиться хорошая вещь на рупь с полтиною! Только вместо чекушки нарисую юноше книжку «Капитал», да и харю немного подретуширую!»

Потом будущий Ильич заметил на реке бурлаков. Раньше он их не любил – вот таких грязных, потных, сквернословящих, пьяных, заразных, тупых и злобных. Но сейчас, ощутив какую-то странную связь с будущим, он понял: вот они, новые русские люди, и тут же полюбил этих мощных мужчин, их крутые плечи, блестящие от пота животы, мускулистые бёдра и вздрагивающие ягодицы. А бурлаки, напрягая жилы, бурлачили.

В суете водохранилищ,
где Нептун не обитал,
бурлаки ярмо тащили
за чужой за капитал!

«Вот она, доля народная!», подумал Ильич. Он решил познакомиться с бурлаками, побеседовать с истинными пролетариями, узнать их чаяния и нужлы, но смущался и не знал, как начать. Некоторое время он шёл вровень с ними по берегу, поплёвывая в воду. И наконец решился.

– Эй, товарищи! – крикнул он.

Бурлаки подняли головы.

«Что же им сказать?», лихорадочно думал Вова. «Спросить надо что-нибудь!»

– Парле ву франсе? – крикнул он первое, что пришло в голову.

– Ах, етит твою в дробыхалку через три узды раскудрит в три креста душу мать твою так христа-бога в пень еловый твою за ногу ёклмн мать иху ети сука бля! – ответствовал ему пожилой бурлак.

– Бля? – растерянно повторил Ильич, судорожно вспоминая французские слова, в которых был силён в гимназии. Наконец он просиял:

– Achtung! Verboten![367] Karl-Marx-Stadt!

[367] ***Внимание! Запрещено! – нем.***

Бурлаки пошли дальше. Через пять минут они обвязали верёвки вокруг дерева и сели на песок, развязывая туески с нехитрой едой. Володя быстро подбежал и заговорил с простым трудовым народом. Речь его была блистательна, наполнена цитатами из Платона, Бетховена и Лобачевского, текла широко и привольно, а также изобиловала словами «менталитет», «консенсус» и «харизма». Он был великолепен! Мужики громко чавкали. Наконец старый бурлак рыгнул, поднялся и произнёс:

– Идит-ко ты, сопля кудрявая, в жопу!

Затем он развернул Володю и огромной мозолистой ногой ударил того в анус. От неожиданной мужской ласки старого бурлака всё в Ильиче затрепетало. Он оглянулся со слезами сопричастия.

– Я вас никогда не забуду, дедушка! – сказал он, потирая точку соприкосновения с простым народом

– Сам ты, – проворчал бурлак, – дедушка Ленин!

Молодой и безбородый,
словно выпускник спецшкол,
пообщался я с народом –
в революцию пошёл!

В гимназии Володя нашёл преподавателя и спросил его:

– Почему вы поставили мне в аттестат двойку по логике?

– Потому что вы, юноша, игуанодон.

– Игуано кто?

– Рыбоящер.

– Но мой отец попечитель округа и инспектор!

– А мой отец учитель логики, – ответил учитель логики.

Володя вышел, плача. Он двигался по тропинке и плакал до тех пор, пока его взгляд не упёрся в девичью грудь. Навстречу ему шла Леночка Попкина-Жопкина, которая Ильичу очень нравилась. «Буду смелым», тут же поклялся он, сделав изящный пируэт вокруг девицы, которая томно стреляла глазками.

– Здравствуйте, Леночка, – пропел он. – Хотите грецкий орех?

– Ой, Володинька, сил нет как хочу!

Ульянов пошарил за пазухой и вынул остатки ореха.

– Пардон, я уже всё съел, – покраснел он до корней волос, отчего те стали потихоньку выпадать. – Лишь скорлупа осталась. Да и та…

Владимир не заметил, как перешёл на шекспировский слог.

– Ничего, – кротко улыбнулась девушка, – у меня зубы крепкие, вострые!

И, взяв скорлупу, она принялась её задорно грызть. За разговорами они зашли далеко. Показались предместья. Толстая баба таскала из колодца воду, заголяя коричневые ляжки. Володя и Леночка сели на скамеечку, помолчали.

– Вы такая загадочная, – взял девичью руку Ильич, – прямо как сфинктер!

– Хи-хи-хи, – захихикала Леночка, – а что это такое?

– Это такое животное египетское. Старинное…

Хоть не ждали эту гниду,
но вполне без жалоб
сфинктер лёг у пирамиды –
нос она зажала!

– Какой вы умный, Володинька, – придыхая, простонала Леночка. – Это что-то!

– Ну уж полноте вам, – побагровев от удовольствия, заскромничал Ильич.

Тут они услышали негромкие звуки баяна. Художник Сергеев давно отнёс домой мольберт и вернулся на берег реки с инструментом. Сейчас он подбирал аккорды к «Yesterday». Услышав это, Володя тихонько спел:

– Естердей, хабл-дабл дирижабыль плэй!

Леночка улыбалась. Белые волосы её в чёрных мелких кудряшках отливали старой бронзой, грудь трепетно вздымалась, жумчужные капли пота скатывались по бархатистому животу и застывали в пыли тёмными катышками. Хороша была девушка, чего там говорить! Ильич гулко сглотнул, а потом закашлялся. Леночка задорно взглянула на него и сказала:

– Пойду воды принесу, а то жарковато что-то.

Вова посмотрел, как девушка нагнулась над срубом колодца, показывая его взору какие-то подвязки на чулках. Художник Сергеев тоже стал сбиваться с такта. Вдруг трухлявые доски обломились, над срубом мелькнули кружевные розовые панталончики, и Леночка с пронзительным визгом рухнула вниз. Ударяясь головой об осклизлые зелёные брёвна, она вошла в воду, опустилась на каменистое дно да и померла. Ильич и Сергеев подошли и всмотрелись в мутную жижу.

– Леночка, – плакал Ильич, – где же вы?

– Да, гикнулась девка, – констатировал факт Сергеев. – Ходила, фря, вся такая гордая, а теперь чё?

– Вот к чему приводит безответственность, – подтвердил Ильич.

Домой он пришёл таким расстроенным, что, съев первое и второе, даже отказался от компота. А Сергеев пошёл в кабак, где ещё долго носились в воздухе обрывки его нового хита:

Я спросил у ясеня,
где моя любимая...

А Володя Ульянов, как подрос, часто вспоминал этот страшный случай, и когда решил устроить в России революцию, даже взял в честь покойной псевдоним – сначала Ленин-Попкин-Жопкин, а потом, когда его как следует отругал Сталин, сделал *погоняло* короче – Ленин.

С Джугашвили И. дуэтом
за народную еду
Попкин-Жопкин сделал это
аж в семнадцатом году!

Глава 265. О ЕДИНОЙ КОНСТИТУЦИИ

С Ильича I мысли Альбионыча перескочили на Россию начала прошлого века, затем на СССР (б) его же конца, затем на какое-то абстрактное государство без названия, затем почему-то на конституцию этого государства, и так далее. Такое у человека, владеющего историей Земли, как родным марсианским, случалось часто, и это, кстати, не мешало Володе, а, напротив, иногда становилось вдохновляющим началом для его произведений. Вот и сейчас его пробило на то, о чём он подумал последним:

Конституция – вещь! Конституция – глыба!
Конституция это не копчёная рыба!
Не пиво, селёдка и не водки глоток –
это главная ценность всех без порток!
Закон Основной – не конфеты и сушки,
для бездомных она – дом, кровать и подушка,
тёплый пол, на который приятно ступать,
голодным даёт она шанс крепко спать,
больных тяжело, раз нет средств на леченье,
поддержит она в этом предназначеньи!
В ней каждая буква – и пластырь, и йод,
хранит безработный она весь народ.
О, сколько там счастья в скупом гимне строк,
что впору рыдать в оренбургский платок!
Она всё нам даст, – без печатей и справок,
конечно, с учётом недавних поправок…

«Просто безобразие», подумал наш поэт, «когда у каждой страны мира есть *своя* конституция. Ведь все они отличаются друг от друга, и поэтому в мире случаются различные противоречия между народами».И тогда, чтобы наконец-то достичь мира во всём мире, Кулемзин придумал утвердить одну-единую конституцию – для всех стран, после чего сел за её обдумывание. Он чувствовал, что длинной, как другие конституции, она быть не должна, иначе её просто не будут читать разные народы на разных языках. «Почему у каждого ленивого народа есть свои сказки?», призадумался он, и тут же ответил сам себе: «Да потому что они все – короткие!». Поэтому в его конституции будет всего пять, а лучше, всего три пункта, но зато все – важные. Итак…

1. Все люди равны, но некоторые равнее.

**2. Каждый имеет право на жизнь,
пока не перейдёт кому-нибудь дорогу.**

**3. Каждый имеет право на свободу слова,
за исключением тех случаев,
когда он знает слишком много.**

Мир для всех – одна квартира,
хоть совсем невелика.
Конституцию для мира
напишу, попив пивка!

Глава 266. ТИХА САКСАУЛЬСКАЯ НОЧЬ (продолжение)

В володином подъезде алкоголик по кличке Глав-Бух, не испугавшись страшной листовки писателя, о которой автор рассказал ещё в первом томе «Русской кочерги» – в главе 48, привычно выкрутил лампочку, погрузив площадку перед кулемзинской квартирой во тьму. На лестничных клетках трёхэтажного монстра, словно в ночном лесу, перекликались соседи. И только звёзды, как могли, помогали далёким серебряным блеском нашей грешной планете. Володя глядел в ночь и думал о прахе веков и просторах, освобождённых от времени земного тления, о тщете усилий, вожделений и величий. Мерцающие в ледяной вышине звёзды успокаивали, навевая привычные для писателя мысли о возвышенном. Из-за этого мерцания небо, казалось, причудливо переливалось – так, переливами, Герой Социалистического (б) Труда Святослав Теофилович Рихтер когда-то играл Вольфганга Леопольдовича Моцарта.

Тишина, царившая в Бермудском Учпучмаке в этот час, была практически абсолютной, и лишь какой-то загулявший сверчок вносил в неё свои нехитрые коррективы. Почти неощутимым шелестом обнаруживала себя и другая насекомая живность. Город засыпáл. Он долго ворочался, словно искал удобную позу, а потом также долго вздрагивал во сне – то сиреной *скорой помощи*, то запоздалым скрипом тормозов на перекрёстке.

Все чёрные мысли прошедшего дня растворялись в волшебной эйфории летней ночи – короткой, как забег на стометровку. За окном покачивались тени веток. Бермудский Учпучмак, такой деятельный днём, ночью представлял собой полнейшую пустоту или, как писал в своих забубённых романах Вл. Горький, *среду максимального отчуждения*. Марсианин из окна кухни любовался на кристаллики звёзд, которые, сверкая на бесконечной ткани тёмного мистического неба, намекали, что дела дрянь, что ждут нас всех великие потрясения а, может быть, даже и разрушение внутренних идеалов. «Ничего», улыбнувшись, ответил он звёздам, «пережил же я как-то сегодняшний день, проведя его весь день с этим иблисоидом Курманбаевым, не умру и завтра!»

И не выразить словами
то, что скрыто чернотой:
я провёл весь день с врагами,
что казались мне роднёй…

Редкий поздний вечер писателя обходился без чьих-либо звонков. Вот и сегодня, когда сутки стремились к своему завершению, таких звонков случилось ещё аж три. Первый из них заверещал так противно, что Альбионыч тут же решил, что его друзья-сопокерники так звонить, конечно, не могут, и осторожно снял трубку. Это мог бы быть самый короткий и даже в чём-то судьбоносный звонок в его жизни, после которого Володя бы понял, что его жизнь резко изменится, и те пять слов могли бы сделать его счастливым человеком, если бы… звонивший попал туда, куда следует, а не к Кулемзину:

– Поздравляю, старик! Ты стал *папой*!

«Вообще-то с этим нужно поздравлять не меня, а католиков всего мира», хотел было ответить он, но не стал, а просто тихо положил трубку на место. Второй звонок был от Муравлёва, который к тому времени уже успел немного выспаться, и теперь его одолевал демон говорливости. Он решил, что именно сейчас должен

услышать от писателя-философа ответ на животрепещущий вопрос, который, видимо, привиделся ему в алкогольном сне. Алёкнув в трубку, Валера без всякого перехода забормотал в чёрные дырочки мембраны:

– Как ты думаешь, Володя, почему человек никогда не имеет того, чего хочет?

Заказав в квартиру пиццу
(ну, и с *градусом* продукт),
человек хотел напиться,
а попал на шахту вдруг!
Залетел наш работяга,
так что впору крикнуть *мать!*
А не надо было мага
на три буквы посылать…

Кулемзин, конечно, мог бы ответить ему, что если бы человек хотел то, что имеет, он бы имел то, что хочет, а так как он никогда не хочет того, что имеет, поэтому он никогда и не имеет того, чего хочет. Правда, он вовремя сообразил, что даже для этой крайне простой мысли Николаич всё ещё недостататочно трезв, и повторно, без угрызений совести положил трубку.

Художник ещё немного поалёкал в запищавший аппарат и прислушался к звукам, доносившимся из соседней комнаты. А звуки эти были американским сериалом «Любовь и ненависть», о которой автор уже упомянул в главе 254 – страниц 30 назад. Этот сериал супруга живописца смотрела с особым настроением. Например, сейчас она с тихой паникой цокала языком, когда миссис Клэр Вентворт обнаружила, что у её дочери роман с доктором Брюсом Бартоном, хотя он не может уйти от своей жены Дженифер, потому что та неизлечимо больна лейкемией, а его дочь Лоретта на самом деле любит Вэнса Мастермана, который (о чём она не подозревает) приходится ей настоящим отцом, и считает, что он в сговоре с профессором Сингбаром Рэмквотом, врачом пакистанского посольства, а тот выкрал формулу лекарства против заболеваний лимфатических узлов, созданию которой Барт Хендерсон посвятил всю свою жизнь, ещё не зная Лоретты, в которую потом влюбился.

Каждый вечер – геморрои,
что мозги фуфлом бомбят:
в сериалах все герои
пьют, едят и говорят!

Кулемзин, которому эта жвачка попадалась раз в полгода, припомнил, что за последние несколько лет в истории миссис Вентворт и Вэнса Мастермана так ничего и не изменилось. К тому же,он с удивлением узнал, что этот сериал, оказывается, показывают сразу на двух каналах, – видимо, руководство российского телевидения сильно прихватили страсти маленького американского городка. И подумал здесь автор, что, может, напрасно Володя не смотрел эту увлекательную историю, а то ведь он тоже мог узнать, что когда Вэнс Мастерман был просто обязан сказать Лоретте, что он не может жениться на ней, потому что она его дочь, то это могло бы развязать ей руки, и она выдала бы профессора Сингбара Рэмквота, который выкрал формулу лекарства против заболеваний лимфатических узлов, после чего она смогла бы выйти замуж за Барта Хендерсона, а он продолжил бы свои научные изыскания, ведь даже Клэр Вентворт, мать Лоретты, была бы рада такому повороту событий, поскольку это расчистило бы ей дорогу к доктору Брюсу Бар-

тону. И главное, что мог узнать из истории Альбионыч: откроется ли Вэнс Мастерман Лоретте?!

Итальянцы, африканцы,
пакистанцы и шотландцы,
мексиканцы и ирландцы,
марокканцы и британцы –
как артековский отряд!
Все герои – иностранцы!
По каковски говорят?!

Вскоре случился и третий, последний в этом томе, звонок.

– Ну чё ты там? – прямо спросил писателя Серёжа, и Володя понял, что вопрос этот говорит, скорее всего, о том, что, мол, как твоя жизнь, и чем ты сейчас конкретно занят.

– Да вот работаю над проектом памятной доски для своего дома, – решил пошутить марсианин. – Хочу, понимаешь ли, увековечить здесь своё проживание. Должны же тараканы моей соседки Галлюцинации точно знать, с кем им довелось когда-то жить через стенку!

– А чё напишешь? – последовал не менее прямой вопрос сторожа.

– Пока думаю.

– А чё тут думать? – рубанул мыслью Полтавцев. Так прямо и пиши:

Вова был здесь!

И только двое его сопокерников не позвонили Кулемзину сегодня: прапорщик Батыршин, который крепко спал, позеленев лицом, как побег бамбука, и педагог Курманбаев, который, как и вчера, достал из-под кровати бюстик Дзержинского, взвесил его на руке и вдруг вспомнил, что скоро, уже очень скоро, в начале сентября он будет отмечать день рождения этого достойного человека и личного друга Владимира Ильича. При этом воспоминании глаз его подёрнулся слезой, после чего Нуртай немного подышал на родимчик бюста и тщательно протёр получившийся горячий выдох рукавом. Он полюбовался на свою работу и нежно поцеловал олово в место протирки. Во рту стало кисло и противно, а на сердце – радостно, но тревожно, как в стандартной советской (б) песне.

Глава 267. О «PINK FLOYD» И «ГАВРИЛИИАДЕ»

Ветер разгуливал по городу, словно припозднившийся пьянчужка, в обнимку со своей единственной подружкой – ночью. Домá, как задремавшие часовые, безразлично пропускали его сквозь не успевшие остыть от дневного жара подъезды, а также окна, открытые всё по той же причине даже ночью, и ветерок бесшабашно насвистывал в эти железобетонные отверстия мелодии лета на флейтах водосточных труб. Изнывающие в романтическом томлении фонари мечтательно выгнули по-жирафьи длинные шеи и думали о чём-то своём. По умытой случайной поливальной машиной дороге нет-нет да и проезжали редкие автомобили, но не вальяжно, по-барски, как это было днём, а торопливо, припадая к асфальту своими стальными телами. Было темно и тихо, как на обратной стороне Луны.

The dark side of the moon[368]

Две стороны, как две медали,
у нашей спутницы Луны,
но лишь недавно увидали
Луну с обратной стороны.
Из века в век на небосклоне
блестит всё тот же круглый лик!

♠ ♠ ♠

Как плохо, как односторонне
мы знаем спутников своих…

[368] Обратная сторона Луны – англ. Так назывался гениальный концерт группы «Pink Floyd» 1973 года – прим. муз. редактора

«Каждый день исчерпываются солнца Вселенной», подумал наш герой, «они кончаются, старятся, умирают, а физики говорят, что они входят в чёрные дыры. Но зато каждое мгновенье, когда гаснет старое солнце, рождается новое. Учёные ещё не открыли белых дыр, и всё же я думаю, что если есть чёрные дыры, то обязательно должны быть и белые, иначе откуда же, из какого чрева появляются новые солнца на радость нам, зелёненьким марсианам?».

И, наверное, не удивится мой терпеливый и ко всему привыкший читатель, что от чёрных дыр мысль Кулемзина плавно перешла к са́мому великому поэту на свете, которого Володя называл ласково и по-домашнему коротко: Сергеич. Наш герой знал наизусть многое из того, что в своё время написал Пушкин, но были у него, разумеется, и любимые вещи, которые он перечитывал по многу раз. И одно из таких произведений называлось «Гавриилиада»[369], которое до сих пор *не проходят* ни в российских, ни тем более в саксаульских школах. А всё почему? Да потому, что Сергеич, человек, как известно, ума великого, так же, как и наш марсианин, не стеснялся браться за любые темы, лишь бы ему самому́ было интересно их раскрывать! Никогда мы уже не узнаем, как он вообще додумался пародийно-романтически обыграть евангельский сюжет о так называемом благовещении, где главными персонажами выступили не только архангел Гавриил и «богородица» Мария, но и сам *иблис*, названный Сергеичем сатаной!

[369] Поэма А. С. Пушкина (1821), в некоторых ранних изданиях ошибочно названная «Гаврилиадой» – прим. лит. редактора

Кстати, это было далеко не первое *дедушко*хульное произведение великого поэта – так, например, его перу принадлежит стишок под названием «Ты богоматерь, нет сомненья», в котором есть такие вполне невинные строки:

Ты богоматерь, нет сомненья,
Не та, которая красой
Пленила только дух святой,

Мила ты всем без исключенья;
Не та, которая Христа
Родила, не спросясь супруга.
Есть бог другой земного круга –
Ему послушна красота,
Он бог Парни, Тибулла, Мура,
Им мучусь, им утешен я.
Он весь в тебя – ты мать Амура,
Ты богородица моя!

А его «Сказка о попе и о работнике его Балде», в которой он описывает жадного попа, который нанял себе работника всего за три щелчка по лбу! Но именно из-за таких стихов у Сергеича постепенно сложилась репутация афея[370], то есть атеиста, которая неоднократно доставляла поэту неприятности. Но Альбионычу, как признанному мастеру литературного перформанса, было неинтересно просто прочесть пушкинскую поэму или пересказать её читателю – он задумал большее: наваял пять четверостиший на классический сюжет, но в каждый из них вставил по одной строке Сергеича из «Гаврилииады». И вот что у него получилось:

[370] ***От лат. ateos - безбожник***

Я расскажу историю вам, други,
как вовсе не хотевши загулять,
ИОСИФА ПЕЧАЛЬНАЯ СУПРУГА
супруга проворонила опять
Однажды примерещился ей бравый
чертяка,с кем она была не прочь, –
ОТЕЦ ГРЕХА, МАРИИ ВРАГ ЛУКАВЫЙ
явился в виде голубя под ночь.
В груди Марии тут же забурлило,
и чувствами наполнилось нутро,
ОТ УЖАСА ПРИ ВИДЕ ГАВРИИЛА
мурашками покрылося бедро.
Но тут же чёрт явлен был в виде птахи,
и этот голубь на Марию влез.
А дальше просто: вздохи, охи, ахи…
ВОЗМОЖНО ЛИ? О, ЧУДО ИЗ ЧУДЕС!
Вот так случилось то, о чём поныне
читает книжку книжек визави,
и представляет нашу героиню!
О, ЖЕНЩИНЫ, НАПЕРСНИЦЫ ЛЮБВИ…

И только потом он сообразил, что рассказал эту историю ровно в 15 раз короче, чем Сергеич, но на то Сергеич и гений, чтобы писать сколько вздумается! Но, чтобы закончить рассказ о поэме Сергеича, автору, видимо, было недостаточно просто володиных стихов, если он, ничтоже сумняшеся, решил впихнуть в этот завершающийся том ещё и картинку. Знаете, кто её автор? Да всё тот же Сергеич, своей шаловливой рукой наваявший вот это аж 192 года назад:

Глава 268. ТИХА САКСАУЛЬСКАЯ НОЧЬ (ещё одно продолжение)

Наконец всё погрузилось в свой обычный короткий летний сон. Обняв ножки покерной скамеечки, прямо на траве лежали друзья-клошары Танкист и Одиссей, и, словно тренируясь перед завтрашним заработком-выступлением, что-то приборматывали во сне:

– Где найти бы ксиву,
чтоб не распознали,
чтобы жить красиво
с милой без печали?
Я скажу плаксиво:
«Гражданин начальник,
возвратите ксиву,
и верните праздник!»

По ночному городу мчались чужие автомобили с чужими людьми и такими же чужими судьбами. Это были люди, живущие нормальной жизнью среднестатистических саксаульских жителей, чего нельзя было сказать о наших героях, чья жизнь имела мало чего общего с нормальностью и обыденностью. В небе, равнодушно прощаясь, прятались за тучи мерцающие звёзды. Кулемзин невольно задрал голову и посмотрел на звёздный холст. Но небеса, как, впрочем, и всегда, были молчаливы и праздны.

Долго не мог заснуть Курманбаев: вначале от паскудных мыслей своих, а потом от какой-то мелодии, раздававшейся из открытого окна этажом ниже. Мелодия была навязчивой, как пионервожатый перед сбором дружины, и бодра, как пионерский костёр. Но вот она завершилась – в радиоприёмнике, а в голове педагога, напротив, закрутилась снова и снова, как заезженная пластинка:

«Никого не пощадила эта осень,
даже солнце не в ту сторону упало.
Вот и листья разлетаются, как гости
после бала, после бала, после бала…»

«А что если перебить эту пошлую песенку, не носящую никакой идеологической нагрузки?», подумал Мусаич и стал тихонько, чтобы не напугать спящую жену, напевать:

– Возьмём винтовки новые,
на штык флажки,
и с песнею в стрелковые
пойдём кружки!

Спали саксаульцы, устав от жаркой дневной суеты, забывшись после душной возни привычных соитий, и видели сны, и никто не знал, что за них сейчас уже всё решили. Да и зачем им это было знать? Луна, висевшая над головой, как осветительная ракета, видела всё, но делала вид, что умеет хранить тайны. Но спали, конечно, не все, ибо дневная жара ещё не успела трансформироваться в вечернюю прохладу, и капли пота продолжали скатываться со лбов, напряжённо краснеющих от мыслей: а же что принесёт им день завтрашний?

Наиболее неугомонившиеся не спали вовсе, а, наоборот, продолжали выяснять отношения: жёны с мужьями, бабки с дедками, братишки с сестрёнками. Все чем-то были недовольны: и сегодняшним днём, и такой паскудной жизнью в целом.

Соседи выясняли отношенья,
наверное, в застолье перебрав:
весь дом не спал и слушал выраженья
о нарушенье сексуальных прав.
Мужчина плакал пьяными слезами,
словечко *мать* толкуя как рефрен.
Не спал наш дом, в оцепененье замер,
всё больше свой усиливая крен.
Кричали кошки – дико, истерично,
кричал ребёнок кошкам в унисон,
и занавес то падал, то вторично,
как бы на *бис*, распахивался в сон.
Наш дом молчал, и всё косил на окна,
где свет, как в пропасть канул, наконец.
Не боги мы, и было невдомёк нам,
кто между них ответчик, кто истец.
Дрожали звёзды в яростном усилье
закрыть для смертных небо на засов.

♠ ♠ ♠

А было это вовсе не в России –
но разве важно где, в конце концов…

И пусть простит автора читатель, что столько вдруг поэтических строк развелось на последних страницах этого тома – как боровичков после дождя, но автору просто стало жалко неуснувших и неуспокоившихся. А что может успокоить разгорячённое дневной духотой сердце, как не хорошая колыбельная? Поэтому, подчиняясь авторской воле, наш писатель открыл в своём могучем организме специальный марсианский канал *тръчшишъъ*, из которого в душную атмосферу второго микрорайона полилась успокаивающая колыбельная:

Спать пора! Уснули пятки,
и глаза играют в прятки,
и кишечник на желудке
спит уже вторые сутки,
рёбра спят, мозги и почки,
половинка пятой точки,
пальцев двадцать штук различных
с букв цепочкой неприличных.
Спят нечёсаные космы,
нос с ожогом папиросным,
уши, грязные с рожденья,
рот с остатками варенья.
Только печени не спится –
закручинилась бедой:
что-то с ней не то творится
после *литры* выпитой!

Глава. 269. МИФИЧЕСКАЯ НОТАЦИЯ

За окном слепла мокрая ночь, бесшумная, на той своей грани, когда старый день уже угомонился, а новый ещё не пришёл. Мы все умные во сне, потому что когда мы спим, все глупости спят вместе с нами, а мозг, нагруженный информацией и чистыми, не замутнёнными никакими эмоциями теоретическими постулатами, работает чётко и спокойно, в том темпе и режиме, который ему наиболее удобен. Но, как уже и было сказано выше, спали не все. Например, из окна второго этажа дома № 25 звучала старая советская песня, которую непримиримый Володя называл «Песенкой вуайеристов»:

И дыханье затая,
в ночное небо
вглядываюсь я…

Но наш герой вглядывался не в ночное небо, где, признаться, ни хрена ничего не было видно, а вглубь родного Бермудского Учпучмака, в центре которого, как в центре локального мироздания, стоял покерный столик. Ночью он напоминал корабль, покинутый экипажем и оставленный дрейфовать, как пишут ленивые мыслями писатели, по воле волн. Потом, включив одну из самых мощных марсианских технологий *кръътъъщлллъъъ*, Альбионыч усилил своё зрение на 113 процентов, и благодаря этим лишним процентам вдруг увидел тени-фантомы игроков, которые, не смотря на то, что находились сейчас в разных местах, размахивали картами, как саблями, но молча и страшно.

Игра шла также напряжённо, как и днём, и это прямо сейчас станет ясно и моему читателю из последней в этом томе – мифической покерной нотации:

«Нуртай раскрыл в руках свои карты, после чего с радостно забившемся сердцем торжествующе окинул взглядом амфитеатр битвы, как бы ожидая, что все присутствующие при его виде тотчас встанут и запоют национальный саксаульский гимн. Но, увидев, что никто на него обратил внимания, сделал *средний* заказ, чтобы усыпить бдительность, и стал брать взятку за взяткой, потея, как будто сдавал экстерном нормативы на значок «Ударник коммунистического хапанья».

– Эх, мать твою в гвинейскую тундру, – мягко пожурил его Серёжа»

«Талгат, – позвал Володя, которому надоело смотреть на кошмарную маску напряжения на лице прапорщика, – ты что сидишь, как Кутузов в Филях? Пробки повышибало?»

Я, друзья, узнал на днях,
пережив инфаркты:
у Кутузова в Филях
тоже были карты!

«Альбионыч сидел невозмутимый и таинственный, как мистер Икс в исполнении Георга Карловича Отса. Он, будучи полиглотом, знал, что англичане, например, называют такое состояние suspense, то есть тревога ожидания, но не верил им, ибо что англичане могут знать о тревоге…»

«В момент его справедливого народного гнева быть рядом с Володей означало то же, что находиться на *передовой* при постоянном обстреле осколочно-фугасными снарядами «земля-земля»

«Да, ребята, пора вас разделать, как баранов на курбан-байраме!», подумал гуру, осознавший, что настал психологический момент собирания камней, доселе разбросанных»

Смотри, сейчас замучаю –
как Пол Пот Кампучию!

«Володя удручённо сознавал, что нытьё Нуртая ему предстоит выслушивать постоянно, как пенсионерке Ангелине Ивановне свою кухóнную радиоточку. Нывший педагог напоминал сейчас юного Моисея, репетирующего зачитывание перед избранным народом доверенных ему лично *дедушкой* скрижалей. Вся картина в целом была похожа на понос после солёных огурцов с килькой: не успел приступить, а уже поздно.

– Дал же дедушка беззубому сухарь! – беззлобно проворчал марсианин»

«В начале партии писатель всегда мысленно, но патологоанатомически разглядывал противников – как портной во время примерки скептически разглядывает фигуру клиента, отмечая все её недостатки»

«– Убил бы, – пробурчал военный музыкант, окидывая Курманбаева нехорошим взглядом.

– Знаешь, Талгат, – не поддержал его писатель, – если убивать за мелкие пакости, мир давно был бы пуст…»

Исхудал я, одичал –
от людей, как от скотин.
Всех врагов поубивал!
И с тех пор живу один…

«Детский сад», ласково подумал Володя, глядя на игроков. «Младшая группа…»

«Если бы *концерт*, который устраивали сейчас дворовые дети, был услышан перед кабинетом ближайшего стоматолога, вся очередь рассосалась бы мгновенно»

«– И если бы не покер, мои маленькие друзья, что же вы будете вспоминать в старости, сидя у огня камина в окружении повзрослевших детей и дерзких внуков,

ни во что не ставящих величие отошедшей в прошлое эпохи? – поинтересовался Кулемзин у всех, но посмотрел при этом почему-то только на охранника.

Полтавцев тут же раскрыл книжечку «Для му.мы» и лихорадочно накаракулировал: «Не будут внуки меня потом вспоминать, так я сейчас им конфет не дам!»

«– Я думаю… я думал… – заблеял Салихдзяныч.

– Думаю, думал, – напрягся Володя. – Ты что, стоя одной ногой в могиле, решил наконец-то изучить времена глаголов?

И, хотя он немного рассердился, лицо его оставалось бесстрастным, как статуэтка короля Эдуарда Эдуардовича V с погонялом Некоронованный»

Вот одно из многих правил,
что касается корон:
королям несладко править,
если зашатался трон!

«Мусаич трудился над партией в поте лица, выковывая будущий триумф справедливости в горниле тягот и лишений»

«– Да у меня нет комплекса величия, – втолковывал игрокам Володя. – Поймите, что гениальные люди им просто не страдают!»

Глава 270. ТИХА САКСАУЛЬСКАЯ НОЧЬ (окончание)

Ближе к заключительной главе
автор нам даёт всё реже фору –
нет, не бьет ключом по голове,
просто глушит гормональным фоном.
То, что шевелюрой поредел
и живот таскает где-то «между» –
по сюжету есть всему предел –
талии, терпению, надежде.
Кроме силиконовых телес
в глянцевых изданиях маститых,
ко всему проходит интерес
с возрастом, привычкой, простатитом.
Фабула местами так слаба,
что любой глоток небесной манны
грузом атмосферного столба
прибивает намертво к дивану,
словно притяжение земли –
авторский аналог *неотложки*,
но её анамнез только злит,
а на расфуфыренной обложке
персонажей плотные зобы
так осточертели, что в итоге
хочется захлопнуть и забыть,
чтобы не маячить в эпилоге!

Земля ещё хранила тепло дня, но воздух уже источал лёгкую прохладу. Над городом висела Венера – звезда любви и плодородия. «Чтоб организм был свеж и боеспособен», подумал Володя, «как выражается наш друг Серёжа, завсегда надо, не скупясь давать ему полноценный отдых. Хотя бы ночью…»

В одиноком дому я давно обитаю –
не живут здесь жена или дочь,
но со мной две собаки: одна – золотая,
а другая – как чёрная ночь.
Дрожью чутких ноздрей ожидая угрозы,
приоткрыты для битвы клыки,
и горят между ними, как красные розы,
предвещая жару, языки.
Вечерами на мой огонёк залетает
сладкий запах нездешней сосны,
а у чёрной собаки – душа золотая,
а у жёлтой – два глаза черны.
Полный месяц восходит в нарядной рубахе,
мы до звёзд в этом мире одни.
День и ночь. День и ночь –
две последних собаки
сберегут мои ночи и дни…

Да, это была старая истина, известная каждому землянину: ничто так не радует глаз, как крепкий и здоровый сон. Володя обычно засыпáл трудно, а просыпался, как правило, в позе государственного деятеля, почившего на рабочем месте. Вот и сейчас он пытался уснуть, но у него ничего не получалось, хотя марсианин уже испробовал все известные ему способы: от банального подсчёта по одному миллиону китайцев до релаксации по системе тибетских монахов. Но всё когда-то кончается, и кончилось наконец его бодрствование, и сон Кулемзина неслышно влетел в форточку, после чего, обессиленный, улёгся на полу возле володиных тапочек.

Альбионыч прикрыл умные и усталые марсианские глаза, и провалился в привычную тьму. Спал он тихо, как скульптура Фидия, и сны его были душными и тёмными, как субтропическая ночь. Уже под утро писателю привиделось, что он идёт по какой-то торжественной лестнице, и ведёт его за руку ещё один Кулемзин, а внизу сидят Толстой, Чехов, Бунин, Гоголь, Тургенев, Достоевский и другие бородатые и бритые мужи, фамилий которых он не помнил. Когда один Кулемзин довёл другого до конца лестницы, Толстой поднялся и под звуки аплодисментов других писателей торжественно вручил марсианину медаль «За особые заслуги в области лингвистики и национального саксаульского фольклора»

Ночные гости

Меня фонтаном били шумным,
подобно солнечным лучам,
что посещают по ночам,
стихи. А может, я, безумный,
пытался двери отворить
давно закрытого балкона,
босой, немытый, озарённый,
роняя снов цветную нить.
И часто за прикрытой дверью
мне ясно слышались шаги
моих стихов, что шли к другим.

♠ ♠ ♠

А утром санитар не верил…

Августовская ночь тихо доживала свои последние минуты. Небо на востоке уже заметно полиняло, как чёрные турецкие джинсы, случайно выстиранные в горячей воде. И как же было хорошо, что ни одному из наших героев не надо было наутро идти на работу! Володя, как уже было сказано, перманентно бездельничал у себя дома, Нуртай всё ещё был на школьных каникулах, и до начала занятий ему оставалось целых четыре дня отдыха, а Серёжа и Талгат были в своих плановых отпусках. Вот так, только к концу второго тома читатель наконец-то узнал секрет активного безделья за покерным столиком главных героев «Русской кочерги»! И пусть скажет он за это глобальное читательское merci нашему автору, иначе давно бы уже закончилось наше правдивое повествование, так и не начавшись!

Какая боль, какая боль –
завтра на работу в 9.00!

И вот, наконец, наступило самое тяжёлое, предрассветное время, последние минуты, когда древний охотник замирал, в ожидании и тревоге прислушиваясь к лесным звукам враждебного мира, а надежда и страх охватывали его всё сильнее, пока первые проблески багровых лучей, победно ступающих по листве, не исторгали из гортанного горла ликующего крика. Луна уносила за собой шлейф ночи, покорно уступая место иному шествию и другой жизни, иным чувствам и другим поискам. Но четыре вопроса оставались перед человеком неизменно, в любое время суток:

что в жизни святого?
для чего мы живём?
зачем нам дан разум?
почему мы должны умереть?

Иногда не верилось, что можно найти хотя бы один ответ, – настолько различны были обстоятельства, уготованные нам Сукой-судьбой, а порою задача с четырьмя неизвестными решалась необычайно легко и просто, словно кто-то подсказывал или нашёптывал на ухо, льстиво уверяя в правоте. Но чаще всего, лишь погрузившись в негаданное несчастье или переборов искушение, можно было начать постигать истинный смысл своего существования на земле.

История перекинула свою невесомую страницу ещё одного дня человеческих жизней. Альбионычу оставалось только одно мгновение до пробуждения, чтобы начать читать (или писать?) свою новую страницу. Доживая свой сон, он бродил по периферии этой периферийной фальшивой реальности, пока вдруг не возвращался в её эпицентр – к покерному столику, *в завтра*. И всё ещё оставаясь во сне, он подумал о том, что великая наука жить имеет смысл только в настоящем…

Ежедневно я живу,
жизнь – моя стихия:
не во сне, а наяву
пробегаю жизнь я…

Но ночной город не обращал на эти поэтические рефлексии никакого внимания. Редкие светящиеся окна освещали перегоревшие фонари на улицах. Уборочные ма-

шины жались к обочине, пропуская спешащие по вызову *скорые помощи*. Одинокие прохожие торопливо переходили на другие стороны улиц и спешили укрыться в безопасных арках.

«Мы слишком страшны в расстройстве», пришла откуда-то из Вечности простая мысль. «Пусть завтра наступит хороший день…»

Неспокойно сердце бьётся,
в доме всё живое спит,
равномерно, безучастно
медный маятник стучит.
За окном темно и страшно,
ветер в бешенстве слепом
налетит с разбега в стёкла –
звякнут стёкла, вздрогнет дом.
И опять мертво и тихо,
но в холодной тишине
кто-то крадучись, незримый,
приближается к мне.
Я лежу похолоделый,
руки судорожно сжав,
липкий страх сжимает сердце.
давит душу, как удав.
Кто неслышными шагами
в эту комнату вошёл?
Чьи белеющие тени
вдруг легли на тёмный пол?
Тише, тише… Это тени
мёртвых, нищих, злых недель
сели скорбными рядами
на горячую постель.
Я лежу похолоделый,
сердце бешено стучит,
в доме страшно, в доме тихо,
в доме всё живое спит…
И под вой ночного ветра,
и под бой стенных часов
из слепого мрака слышу
тихий шёпот вещих слов:
«Быть беде непоправимой,
оборвёшься, упадёшь,
и к вершине заповедной
ты вовеки не дойдёшь…»
Ночь и ветер сговорились:
«Быть несчастью, быть беде!»,
этот шёпот нестерпимый
слышен в воздухе везде:
он из щелей выползает,
он выходит из часов –
я под это предсказанье
просто умереть готов!
Но блестят глаза сухие
и упорно в тьму глядят,

за окном неугомонно
ставни жалобно скрипят,
и причудливые тени
пробегают по окну.
Я сегодня до рассвета
глаз усталых не сомкну…

А сверху на Кулемзина удивлённо смотрел Тот, Которого Все Называют По-Разному, или *дедушка*, как называл его марсианин…

Конец третьей части
Конец второго тома

2003-2017